РИХАРД ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

RICHARD HENNIG

TERRAE INCOGNITAE

BAND II

LEIDEN
1950

РИХАРД ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Е.К.КРАСНОКУТСКОЙ И А.Д.РАЙХШТЕЙНА

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ
А.Б.ДИТМАРА

ТОМ
II

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1961

АННОТАЦИЯ

Второй том «Неведомых земель» посвящен путешествиям, походам и морским экспедициям, осуществленным с 340 по 1200 г.

Этот том интересен тем, что освещает период раннего средневековья, который еще слабо исследован в историко-географической литературе. Приведенные в нем первоисточники в большинстве случаев впервые переводятся на русский язык.

Здесь рассказывается о плаваниях европейцев к восточным берегам Северной Америки, об открытии Исландии и Гренландии, о путешествии арабов в Волжскую Болгарию, о странствиях китайского ученого Сюань Цзана по Средней Азии и Индии, а также о других выдающихся открытиях и исследованиях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редакции 5
Предисловие автора к первому изданию 17
Предисловие автора ко второму изданию 19
Введение 21
Глава 66. Фрументий и Эдезий в царстве Аксум 25
Глава 67. Мнимое путешествие римских землемеров к «Серийскому океану» 36
Глава 68. Индиец Буддхабхадра в Китае 41
Глава 69. Китаец Фа Сянь в Индии, на Цейлоне и на Яве 44
Глава 70. Буддийский монах Хуай Шень в «Фусане» 51
Глава 71. Посольство эстов в Италии у Теодориха 60
Глава 72. Козьма Индикоплов в Эфиопии, Индии и на Цейлоне . . 63
Глава 73. Буддийский миссионер Бодхидхарма в Японии 72
Глава 74. Два христианских монаха в Стране шелка — «Серинде» 74
Глава 75. Путешествие византийского посла Зимарха к тюркам на Алтай 83
Глава 76. Вторичное открытие Тайваня китайцами 93
Глава 77. Путешествие Сюань Цзана по Центральной Азии и Индии 96
Глава 78. Путешествие христианского миссионера Олопёна в Китай 105
Глава 79. Ирландские мореплаватели и открытие Фарерских островов 113
Глава 80. Св. Виллиброрд и св. Людгер в «Стране Фосите» 123
Глава 81. Поход Китайской армии в бассейн Инда через Памир и Гиндукуш 131
Глава 82. Ирландский монах Фиделий в «Суэцком канале» и в Суэцком заливе 140
Глава 83. Открытие Исландии ирландскими отшельниками и проблема страны Хвитраманналанд 143
Глава 84. Обмен посольствами между Карлом Великим и Харун-ар-Рашидом 157
Глава 85. Индийский купец в Японии 162
Глава 86. Св. Ансгар в Швеции 165
Глава 87. Первое плавание норманнов в Африку 174
Глава 88. Посольство мавров в Скандинавии 177
Глава 89. Саллам Переводчик у «стены Гога и Магога» 180

Глава 90. Открытие Исландии норманнами 197
Глава 91. Плавание Гунбьёрна к «Гунбьёрновым шхерам» 200
Глава 92. Ибн-Вахаб в Нанкине 204
Глава 93. Отер в Белом море 211
Глава 94. Плавание Вульфстана в Вислинский залив 225
Глава 95. Английский епископ Сигельм в Южной Индии 234
Глава 96. Норманны на Каспийском море и в Багдаде 240
Глава 97. Арабское посольство в Волжской Болгарии 247
Глава 98. Арабские купцы на севере России и на побережье Северного Ледовитого океана 254
Глава 99. Ибрагим-ибн-Якуб на Мекленбургском побережье Балтийского моря и в Центральной Германии 278
Глава 100. Открытие Гренландии Эйриком Рыжим 289
Глава 101. Японец Тёнен в Китае и проблема страны Ваквак 299
Глава 102. Первые европейцы, посетившие Америку 304
Глава 103. Пражский епископ Адальберт в Стране пруссов 311
Глава 104. Открытие Америки норманнами 320
Глава 105. Путешествие фризских дворян в район Восточно-Гренландского холодного течения 359
Глава 106. Предполагаемая исследовательская экспедиция в Ботнический залив 367
Глава 107. Плавание короля Гаральда Строгого в район Восточно-Гренландского течения 372
Глава 108. Колонизация Мадагаскара малайцами с Явы 380
Глава 109. Путешествие в Винланд гренландского епископа Эйрика Гнупсона 389
Глава 110. Индийский патриарх в Риме у папы Каликста II 401
Глава 111. Два миссионерских путешествия епископа Оттона Бамбергского в Померанию (Западное Поморье) 404
Глава 112. Карта мира Идриси; географические представления арабов и китайцев XII в. 416
Глава 113. Арабские «смельчаки» в Атлантическом океане 427
Глава 114. Путешествия рабби Вениамина по Передней Азии и Северной Африке 435
Глава 115. Послание папы Александра III к «священнику Иоанну» 441
Глава 116. Открытие Шпицбергена 462
Глава 117. Генрих фон Морунген в Индии 467
Приложение 475
Указатель имен 484
Указатель географических названий 498

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Второй том своего труда «Неведомые земли» д-р Рихард Хенниг посвятил рассмотрению важнейших путешествий, совершенных с середины IV в. до начала XIII в., и связанных с ними историко-географических проблем.

Нельзя не согласиться с автором, что II в., когда в период наибольшей территориальной экспансии Римской империи максимально раздвинулись пределы известного древним мира, был определенным рубежом в истории географии. Картину мира того времени нам нарисовал Птолемей.

Таким же рубежом, несомненно, следует признать и начало XIII в., когда под влиянием крестовых походов и монгольских нашествий пробудился повышенный интерес европейцев к географической науке.

Согласно принятой советскими учеными периодизации всемирной истории, три первые главы этого тома (66, 67, 68) относятся еще к древним векам, девять последних (109—117) — к эпохе развитого феодализма, а все остальные — к раннему средневековью.

Автор правильно отмечает, что хотя по общему числу сколько-нибудь выдающихся путешествий раннее средневековье превосходит доптолемеев период, тем не менее по своим результатам эти путешествия значительно уступают достижениям древних. Для средневековой географии характерно, что во многих случаях экспедиции и путешествия приводили лишь к повторному открытию тех стран, которые уже были известны древним народам. Географический кругозор человечества заново расширился только в отдельных районах земного шара. К путешествиям, способствовавшим открытию действительно «неведомых земель», следует отнести плавание европейцев к восточным берегам Северной Америки, открытие Исландии и Гренландии, плавания по Ботническому заливу и Белому морю, путешествие Зимарха на Алтай, поход китайской армии под водительством Гао Сянь-чжи через Памир и Гиндукуш, плавание малайцев к острову Мадагаскар. Отметим, кстати, что в этот период подавляющее число путешествий было совершено миссионерами — как христианскими, так и буддийскими.

Итак, если в I томе Хенниг преимущественно рассказывал об открытии многих дотоле совершенно неизвестных стран, «неведомых земель» в буквальном смысле слова, то во II томе «неведомость», «неизвестность» следует в основном понимать весьма относительно.

Как и в I томе, автор не ограничивает круг путешественников раннего средневековья одними европейцами. Из 52 глав, вошедших во II том, 18 посвящены путешествиям и экспедициям арабов, китайцев, индийцев и других представителей восточных народов.

Автор дает высокую оценку путешествиям китайского монаха Фа Сяня в Индию, на Цейлон и Яву (399—414 гг.) и китайского ученого Сюань Цзана по Средней Азии и Индии (629—645 гг.), подчеркивая, что они оставили глубокий след в исторической и географической литературе своего времени и внесли ценный вклад в укрепление связей между Китаем и Индией. Хенниг убедительно критикует «американскую версию» путешествия буддийского монаха Хуай Шеня в «страну Фусан», доказывая, что этот миссионер посетил вовсе не Америку, а Японские острова (499 г.). Весьма интересно комментирует Хенниг и сообщение «Древней истории династии Тан» о походе китайской армии через Памир и Гиндукуш в бассейн Инда (747 г.). Все эти материалы совершенно недостаточно освещены в нашей историко-географической литературе и, несомненно, вызовут большой интерес читателей.

В своих комментариях к источникам, которые представляют самостоятельную научную ценность, Хенниг высказывает весьма любопытные догадки по поводу различных, еще окончательно не разрешенных историко-географических проблем.

Путем анализа и сопоставления фактов и сведений, накопленных различными научными дисциплинами — археологией, историей культуры, геологией, естествознанием, автор очень умело полемизирует со своими противниками, доказывая правоту своих взглядов и обоснованность выдвигаемых им гипотез. Это относится, например, к гл. 74, где в связи с вопросом о начале распространения шелководства в Европе Хенниг разбирает различные гипотезы о местоположении «Серинды» и остроумно доказывает, что загадочной страной могла быть только Бухара.

В гл. 83, рассматривая проблему другой загадочной страны — «Хвитраманналанд», Хенниг выдвигает гипотезу, согласно которой европейцы открыли Америку около 795 г., то есть задолго до того, как к ее берегам начали плавать исландцы (середина X в.). Богатый фактический материал содержится в гл. 104, основательно переработанной автором в связи с получением им новых данных. В ней рассматриваются проблемы, связанные с посещением норманнами восточного побережья Америки, и выявляется местоположение Винланда, Маркланда и Хеллуланда. Полемизируя

с господствовавшими ранее теориями. Хенниг доказывает, что виной гибели этих колоний было не пренебрежение норманнов к приобретенным ими географическим знаниям, а политика торговой монополии, проводившаяся в отношении Гренландии норвежско-датскими властями.

Весьма убедительные гипотезы выдвигает автор и по ряду других сложных географических проблем, издавна вызывавших ожесточенные научные дискуссии, таких, например, как проблемы «страны Фосите», «Гупбьёрновых шхер», «стены Гога и Магога», «страны царя-священника Иоанна» и т. д.

Большой интерес для советского читателя представляют главы, посвященные путешествиям арабов по территории современной Европейской части СССР. В гл. 97 рассказывается об арабском посольстве к волжским болгарам. В состав этого посольства в качестве «секретаря» входил летописец Ибн-Фадлан. Он не только описал маршрут путешествия и деятельность посольства, но и собрал важные сведения о русах (русских) и о торговых связях болгарских купцов с населением северных земель, богатых пушниной. При работе над этой главой Хенниг пользовался главным образом трудами знаменитого русского академика-арабиста, основателя Азиатского музея в Петербурге Х. Д. Френа об Ибн-Фадлане и других арабских путешественниках по России, изданных в 1823—1832 гг. на немецком языке в «Записках Петербургской Академии наук». При описании города Болгар — столицы царства волжских болгар — Хенниг использовал замечательный труд участника так называемых «академических экспедиций» 1768—1774 гг. П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства».

В гл. 98 рассматриваются сведения арабов о севере России и о побережье Северного Ледовитого океана. Наряду с трудами арабских географов Хенниг привлекает «Повесть временных лет» Нестора Киевского (сообщение о Югре), а также книги русских ученых XVIII в., такие, как «Описание народов в Российской империи» академика И. Г. Георги, «История Российская с самых древнейших времен» В. Н. Татищева, «Географический лексикон» Ф. А. Полунина (изданный под редакцией Г. Ф. Миллера) и исследования русских арабистов XIX в. П. Савельева, Ф. Вейстберга, А. Куника, В. Розена и др.

Говоря о достоинствах книги Хеннига, хочется еще раз подчеркнуть особенности этого исследователя, уже отмеченные в предисловии к I тому. Скрупулезно обосновывая свои гипотезы и остроумно возражая своим научным противникам, Хенниг неизменно сохраняет высокую требовательность к самому себе.

Учитывая критические замечания, полученные в его адрес после выхода первого издания, автор смело отказывается от своих прежних взглядов и в ряде вопросов становится на позиции своих

оппонентов, если они подкреплены вескими доказательствами. Даже во второе издание II тома он после получения новых данных внес дополнения и изменения, которые поместил в конце III тома.

В ряде случаев, чувствуя недостаток доказательств в пользу выдвигаемых им положений, Хеннig честно признается, что разрыв связей между научными центрами Европы и разрушения, причиненные войной библиотекам Германии, лишили его возможности ознакомиться с новейшей, особенно иностранной, литературой по многим интересующим его проблемам. Но и в тяжелых условиях военного времени автор кропотливо продолжал собирать интересующие его факты, ведя оживленную переписку со специалистами по тому или иному вопросу.

Что же касается подбора материалов, то здесь, как и в предисловии к I тому, хочется отметить, что некоторые главы выпадают по своему содержанию из общей схемы труда Хеннига и никак не могут быть причислены к исследованиям важных географических проблем. Это относится, например, к гл. 84, рассказывающей об обмене посольствами между Карлом Великим и Харуном-ар-Рашидом, к гл. 110, где говорится о посещении индийским патриархом римского папы Каликста II, и к гл. 117, повествующей о недоказанном путешествии Генриха фон Морунгена в Индию. Все эти главы, мало интересные сами по себе, ничего не говорят о расширении географического кругозора людей средневековья.

Не совсем удачна, но по другим причинам, и гл. 96. Очень интересная по приведенным в ней выдержкам из географических сочинений арабских писателей (Ибн-Хордадбеха, Масуди, Ибн-Исфандьяра) и по анализу трудов русских ученых (Х. Д. Френа и Б. А. Дорна), она тем не менее написана под влиянием «норманнистской теории». Сторонники этой «теории» пытаются отождествить русов с норманнами (варягами) и доказать, будто существовали какие-то «русские норманны», а Русское княжество X в. представляло собой германское государство, в котором славянами правила «нордическая» верхушка. Вслед за Риттером Хеннig делает попытку показать, что название «рус», «рос», от которого происходят слова «Русь», «русский», «Россия», якобы первоначально относилось лишь к шведским норманнам и произошло от имени шведского короля Росса (!). Как известно, «норманнистская теория» уже давно подвергнута суровой критике русскими учеными, в частности М. В. Ломоносовым и В. Н. Татищевым, и окончательно похоронена советскими историками, разоблачившими ее космополитический, расовый характер. «Норманнизм» Хеннига легко объясним: в условиях довоенной гитлеровской Германии и второй мировой войны он не имел возможности детально заниматься вопросами происхождения Русского государства и был вынужден пользоваться устаревшими источниками, в частности работами Шлёцера (1735—1809), автора исследова-

ния «Русские летописи Нестора Киевского». Между тем именно Шлёцер был основателем «норманнистской теории» происхождения Русского государства, за что его резко критиковали Ломоносов, Татищев и другие выдающиеся русские историки.

* * *

Если многие источники, цитировавшиеся Хеннигом в I томе «Неведомых земель» (труды Страбона, Геродота, Полибия, Авиена Руфия Феста, Помпония Мелы), известны советскому читателю по русским переводам, то подавляющее число источников, использованных во II томе, на русский язык не переведено.

Мало вышло у нас и работ сводного характера по географии раннего средневековья.

Именно поэтому нам хочется несколько подробнее остановиться на источниках по географии раннего средневековья, приведенных во II томе.

Несмотря на разнообразие этих источников, их можно подразделить на следующие группы:

1. Географические произведения средневековых авторов и описания, составленные путешественниками после посещения различных стран.

2. Летописи, или «анналы», то есть краткие записи о важнейших событиях, происшедших за год, а также хроники, содержащие связное изложение событий, обычно с соблюдением хронологической последовательности.

3. Так называемые «церковные истории» и биографии отдельных духовных лиц, получившие широкое распространение в феодальной Европе в связи с превращением христианства в государственную религию.

4. Косвенные источники: эпические сказания, саги, художественные произведения, переписка государственных деятелей и пр.

В отличие от древнего мира, когда явно преобладали чисто географические труды, в раннем средневековье такие произведения представлены весьма скудно. Ничего подобного таким трудам, как «География» Эратосфена, «География» Страбона, «Географическое руководство» Птолемея, в средневековье создано не было.

Что касается западноевропейских авторов этого периода, то их географические сочинения можно буквально сосчитать по пальцам. Упомянем прежде всего «Христианскую топографию» греческого купца, позднее монаха, середины VI в., совершившего продолжительные путешествия по странам Востока и известного в науке под именем Козьмы (или Косьмы) Индикоплова. Теоретическая часть этого трактата, где Козьма пытается возродить

библейское представление о Земле и видимом движении Солнца и Луны, интересна только как показатель уровня географических знаний того времени, но, несомненно, тенденциозна и антинаучна. Зато другая часть «Христианской топографии», где изложены фактические данные, служит весьма ценным источником.

К тому же VI в. относится географический трактат в пяти книгах неизвестного автора, которого принято называть «Равеннским географом» или «Равеннским анонимом» (трактат был найден в городе Равенне). Это сочинение, в значительной степени компилятивного характера, содержит, однако, ряд важных историко-географических сведений.

К географическим трудам раннего средневековья относится также произведение ирландского монаха Дикуила «Об измерении Земли», написанное в 825 г. Кроме других интересных сведений, этот труд содержит сообщения, позволяющие установить время открытия Исландии и Фарерских островов европейцами.

Наконец, Хенниг использует перевод географических разделов из «Истории» Павла Орозия, автора конца IV в. (см. ниже), сделанный Альфредом Великим (871—901), с добавлением описаний путешествий, которые были предприняты при жизни этого короля к Балтийскому и Белому морям.

Упомянем еще одно сочинение, которым Хенниг по непонятным причинам не пользовался. Этот анонимный труд, составленный в Баварии между 866 и 890 гг. и получивший название «Баварский географ», содержит ценный материал о расселении славян в Центральной Европе и в придунайских областях. Его автор, видимо, преследовал чисто практическую цель — дать баварским купцам нечто вроде путеводителя, которым они могли бы пользоваться при путешествиях по славянским землям. Он перечисляет различные славянские племенные княжества и занимаемые ими земли.

Среди географических трудов китайских ученых раннего средневековья упомянем «Фогоцзи» («Описание буддийских государств»). Это описание сделано знаменитым путешественником по Центральной Азии и Индии буддийским монахом Фа Сянем, который провел в странствованиях 15 лет (399—414 гг.). Другой выдающийся деятель восточного буддизма, ученый Сюань Цзан, оставил нам сочинение «Датансиюйцзи» («Записки о странах Запада»), после того как он посетил Среднюю Азию и Индию в 629—645 гг. Оба автора сообщают ценнейшие географические, исторические и этнографические сведения о посещенных ими странах. Не зная китайского языка, Хенниг пользовался выдержками из труда о Фа Сяне знаменитого французского синолога Абеля Ремюза в издании Клапрота и Ландресса (1836 г.), английским переводом этого труда, сделанного Самуэлем Билом (1869 г.), и книгой английского исследователя Г. Жилеса «Путешествия Фа Сяня» (1923 г.).

При анализе «записок» Сюань Цзана Хенниг опирался на большой труд другого знаменитого французского синолога Станислава Жюльенна «Путешествия буддийских паломников». Первая часть этого труда носит название «История жизни Сюань Цзана и его путешествия по Индии в период 629—645 гг.» (Париж, 1853), а вторая и третья — «Записки Сюань Цзана о Западных странах» (Париж, 1857—1858).

Значительно больше трудов географического содержания создали в средние века арабские ученые и путешественники (арабы по происхождению или родившиеся в странах, находившихся под властью арабских халифов, и потому писавшие на арабском языке).

Из авторов Арабского Востока, писавших в IX в., Хенниг использовал Ибн-Хордадбеха, которому принадлежит самая ранняя из дошедших до нас арабских сводок географических знаний — «Книга путей и государств», Ибн-Дихью, сообщившего сведения о Северной Европе, и ал-Бакри, оставившего описание Северо-Западной Африки. Последователями этих арабских географов, жившими уже в X в., были многие путешественники, произведения которых также цитирует Хенниг. Ибн-Даста (или Ибн-Русте) побывал во многих странах Передней Азии и Восточной Европы и написал популярную географическую работу «Книгу сокровищ». Сведения Ибн-Дасты о Восточной Европе и ее населении дополнил участник арабского посольства к волжским болгарам Ибн-Фадлан. Великий географ и историк Масуди, совершивший путешествия почти по всем известным в то время странам Старого света, оставил нам два труда — «Золотые луга и алмазные россыпи» и «Сообщения и наблюдения». Географические представления Масуди сложились под влиянием Птолемея (появление «Географического руководства» Птолемея в обработке арабских авторов относится к началу IX в.), но он уже начинает критически оценивать некоторые сообщения этого великого географа древности, в частности относительно замкнутости Индийского океана. По странам Ближнего Востока, Средней Азии и Индии странствовал Истахри, обобщивший собранные наблюдения в «Книге климатов», написанной около 952 г. Его младший современник Ибн-Хаукаль, посетивший все мусульманские страны от Индии до Испании и Северо-Западной Африки, дополнил «Книгу климатов» сведениями о западных областях Старого света. Ибн-Исфандьяр оставил описание стран, лежащих к югу от Каспийского моря. Ибн-Якуб побывал на территории Германии и сообщил данные о расселении славян в Средней Европе.

Крупнейшим географом XI в. был хорезмский ученый-энциклопедист Бируни (арабизированное имя ал-Бируни, 972—1048), который оставил ряд научных трудов, и в частности географический трактат об Индии. Об этом произведении русский арабист В. Розен писал: «Мы ничего подобного подвигу Бируни не видели

в средневековой Европе»[1]. Бируни, кроме того, дал критику геоцентрической системе мира, созданной Птолемеем, и высказал идею о вращении Земли вокруг Солнца, не получившую поддержку у современников. Итак, наряду с Аристархом Самосским, греческим астрономом IV в., Бируни по праву считается предшественником Николая Коперника.

Жаль, что из внимания Хеннига выпали такие авторы X в., как Мукаддаси, который странствовал около 20 лет по странам Передней Азии и Северной Африки, много плавал по морям, омывающим Азиатский материк, и составил полное описание мусульманского мира, пользуясь планом изложения Истахри. Обходит Хенниг также Ибн-Шахрияра, написавшего по личным впечатлениям «Книгу о чудесах Индии».

В XII в. на поприще географии прославились Абу Хамид, автор «Книги о диковинных вещах», грек по рождению Якут-ибн-Абдуллах (1179—1229), обобщивший географические знания арабов того времени в многотомном «Географическом словаре», а также выдающийся географ и картограф Идриси, бербер по происхождению (1100—1166). Последний мало путешествовал, но, находясь при дворе сицилийского короля норманнов Рожера II, имел возможность широко пользоваться литературными источниками и получал сведения от гостей короля, прибывавших из различных стран. Идриси написал замечательный труд «Географические развлечения» (точнее, «Развлечения истомленного в странствиях по областям») и составил две географические карты (одну — круглую, другую — четырехугольную).

Из арабских авторов XIII—XIV вв., труды которых уже не относятся к раннему средневековью, Хенниг цитирует Захарию Казвини, написавшего занимательную «Космографию», названную им «Чудесами творения». Это сочинение включает сведения о Земле, небесных светилах, о животном мире и населении земного шара. Отметим, кстати, что «Космографией» Казвини, весьма популярной в средние века, очень интересовался Иван Грозный. Нередко ссылается Хенниг и на Абу-л-Фиду, автора «Перечня стран» — произведения, равного которому, по мнению французского исследователя Карро де Во, средневековая Европа нам не оставила. Наконец, во II томе «Неведомых земель» приводятся выдержки из сочинений «арабского Марко Поло», одного из величайших путешественников всех времен и народов, бербера по рождению, знаменитого Ибн-Баттуты, который провел в странствованиях по суше и морям более 25 лет, пройдя свыше 120 тыс. *км*.

Из важнейших летописных источников, использованных Хеннигом, упомянем «Ляншу» («Летопись Лянской династии»), «Цзю-

[1] «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», 1888, т. III, стр. 147—152.

таншу» («Древнюю историю династии Тан»), «Таншу» («Историю династии Тан») и «Повесть временных лет» монаха Киевско-Печерской лавры Нестора. Выдержки из этих летописей Хенниг приводит по трудам Э. Бретшнейдера («О стране Фусан»), Э. Шаванна («Документы о западных тюрках») и немецкому переводу летописи Нестора, сделанному историком Шлёцером.

Большой географический и историко-географический материал содержится в исторических сочинениях периода раннего средневековья. К историческим источникам, на которых основывался Хенниг, относятся не только обширные сводки или обзоры истории отдельных государств и народов, но и биографии некоторых государственных деятелей. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

В начале V в. священник Павел Орозий из Тарракона (Испания) написал «Семь книг против язычников». Несмотря на полемическую заостренность этого произведения, созданного по настоянию епископа Августина Гиппонского, Орозий не проявил враждебности к вестготам, и его исторический труд служит основным источником по вестготскому государству в Испании.

В VI в. создали свои труды Прокопий Кесарийский, Аврелий Кассиодор, Менандр Протиктор и Иордан. Прокопий, родом из Кесарии, византийский историк (конец V в., около 562 г.), написал «Историю войн с персами, вандалами и готами», состоящую из восьми книг. В этом труде приводятся ценные географические и этнографические сведения о народах, с которыми приходилось воевать Византии. Другой труд Прокопия — «Тайная история» — подробно освещает внутреннее положение Византийской империи в середине VI в. и написан в резко враждебном духе по отношению к императору Юстиниану. Менандр Протиктор продолжил сочинение византийского историка Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана», излагающее события византийской истории с 552 по 582 г. Это сочинение дошло до нас только в отрывках.

Аврелий Кассиодор (около 490—575) — крупнейший деятель остготского королевства — был автором «Хроники», доведенной до 519 г., «Готской истории» и сборника официальных документов, известного под названием «Varia». Его продолжателем по истории готов был алан Иордан (иногда неправильно называемый Иорнандом). Этот историк написал к 551 г. труд «О происхождении и деяниях готов», или сокращенно «Гетика». В «Гетике» собран богатый фактический материал; в нем дается описание Скандинавии как прародины германцев и переселения готов к Черному морю. Иордан освещает также историю скифов и рассматривает их культуру. Этому автору принадлежат еще конспект всеобщей истории («Хроники») и сочинение «О происхождении и деяниях римского народа».

К VIII и IX вв. относятся труды деятелей так называемого Каролингского возрождения, в частности советника Карла Великого Алкуина и биографа этого императора Эйнгарда. Алкуин (примерно 736—804) был автором ряда учебников по грамматике, риторике, философии и т. д. Кроме того, он написал несколько произведений исторического характера, например «Жизнь Святого Виллиброрда», цитируемую Хеннигом в гл. 80. Эйнгард (примерно 768—840) на основании анализа многочисленных источников и личных наблюдений написал «Жизнь Карла Великого» — произведение, которое стало классическим образцом историко-литературного жанра. Этот автор принимал также участие в составлении «Больших королевских анналов», охватывающих период с 741 по 829 г. Среди источников IX в., использованных Хеннигом, упомянем «Мириобиблион» константинопольского патриарха Фотия — видного государственного деятеля середины IX в. и ученого, написавшего ряд трактатов по философии, богословию, церковному праву и пр. «Мириобиблион» ценен тем, что в нем содержатся сведения об утраченных в настоящее время сочинениях многих современников патриарха Фотия, а также его предшественников.

Из историков X в. Хенниг цитирует Видукинда (925—980), саксонского монаха из Корвейского монастыря, автора «Деяний саксов», освещающего древнюю историю этого народа и первых королей саксонской династии — Генриха I и Оттона I. Кроме того, во II томе «Неведомых земель» есть ссылки на византийского императора Константина VII Багрянородного (912—959), автора ряда произведений, и в частности трактата «Об управлении империей».

Среди писателей конца XI и начала XII в., на которых ссылается Хенниг, назовем Оттона, епископа Фрейзингенского (1111—1158), внука Генриха IV. Этот крупнейший германский историк написал всемирную хронику, названную им «Книгой о двух государствах», где изложение событий доводится до 1146 г. Перу Оттона принадлежат и «Деяния императора Фридриха (Барбароссы)». Кроме того, Хенниг цитирует Ари Торгильсона Фроде (1067—1148), прозванного «отцом письменной истории норманнов в Исландии». Этот автор написал «Книгу исландцев» («Исландингабок»), где описываются события 874—1120 гг.: плавание в Исландию и история первых поселений на этом острове, колонизация Гренландии и Северной Америки и введение там христианства.

В XII и начале XIII в. был написан ряд важных исторических произведений. Крупнейший датский историк Саксон Грамматик (1150—1216) создал «Историю Дании», в которой содержатся сведения о Биармии (северо-восточной части Восточной Европы). Вильям Мальмсберийский (ум. в 1142 г.) осветил историю Англии

за 449—1125 гг. в своих «Деяниях английских королей», где, кроме ценного фактического материала, собраны также народные песни и легенды. Перу Тьодорика Мунка принадлежит первая норвежская хроника — «История о древности норвежских королей», составленная в 1183—1188 гг. Снорри Стурлусон (1178—1241), второй после Ари крупный историк Исландии, написал «Прозаическую Эдду» (или «Младшую Эдду»), «Круг Земной» («Хеймскрингла»), «Книгу землевладельцев» («Ланднамабок») и др. Во всех этих трудах содержится интересный материал по истории Северной Европы.

К концу XIII и началу XIV в. относится «Собрание летописей», труд выдающегося историка и политического деятеля государства ильханов Рашид-ад-дина. Это собрание служит ценным источником по истории монгольских племен и монгольских завоеваний, а также содержит интересные географические сведения о Средней Азии и Закавказье.

В IV—V вв. в Европе появился новый тип исторического произведения, оказавший влияние на всю европейскую историографию раннего средневековья, так называемые «всемирные хроники», или «церковные истории». Составлялись они христианскими историками в период распространения христианства и его превращения в государственную религию, когда появилась потребность «дополнить мировую историю мировой религией»[1]. Ядром римской историографии, как известно, была история Рима, «вечного города», завоевавшего все Средиземноморье. Но с распадом Римской империи на Западную и Восточную зародилась новая концепция, в основе которой лежала уже не история Римской державы, а история всего Средиземноморья, включая страны Ближнего Востока. История Рима оказалась лишь последним по времени «звеном» в так называемой священной истории, то есть истории еврейского народа, христианства и христианской церкви.

Свое первое воплощение этот новый взгляд на историю прошлых веков получил в трудах «отца христианской историографии» епископа Евсевия Кесарийского (267—338). Его «Хроника» и «Церковная история», на которые часто ссылается Хенниг, доводят изложение событий до 325 г. Сочинения Евсевия, написанные по-гречески и переведенные на армянский язык для Восточной Римской империи и на латинский для Западной Римской империи, положили начало христианской историографии. Первый латинский перевод «Церковной истории» Евсевия с доведением описания событий до 395 г. был сделан Руфином Аквилейским (Гуранским) около 400 г.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1948, т. II, стр. 378.

В последующие столетия, кроме всеобщих хроник, были распространены церковные истории отдельных государств, например «Церковная история франков» епископа Григория Турского (540—594), «Церковная история английского народа» первого английского историка Беды Достопочтенного (672—735), а также произведения, посвященные описанию жизни и деятельности отдельных духовных лиц. К последним относятся «Жизнь Святого Ансгара», написанная Римбертом (IX в.), «Жизнеописания Святого Адальберта», составленные Иоанном Канабарием и Бруно в начале IX в., «Деяния гамбургских епископов Адама Бременского и др. В этих биографиях содержится большой фактический материал о племенах и народах, населявших север и северо-восток Европы, а также о торговых путях, которые вели от берегов Балтики через Киев и Константинополь. Нам остается еще назвать сочинение Герборда (ум. в 1168 г.) «Диалог об Оттоне Бамбергском», где приводятся сведения по истории славян, и труд крупнейшего нормандского ученого Одерика Виталия (1075—1143) «Церковная история», в котором сообщаются важные сведения по истории завоевания норманнами Англии и Южной Италии и по Первому крестовому походу.

Среди источников косвенного порядка Хенниг использовал «Сагу об Эйрике Рыжем» (в русском переводе она известна как «Сага об Эйрике Красном»), «Старшую Эдду», сборник древнескандинавских эпических сказаний, сказку «Синдбад-мореход» (из сборника «1001 ночь») и «Кодекс Феодосия» (сводку римского права, названную в честь императора Восточной Римской империи Феодосия II). Кроме того, Хенниг цитирует письма короля Теодориха к эстам, императора Констанция к эфиопским царям и другие послания.

* * *

Перевод II тома «Неведомых земель» сделан со второго издания, вышедшего в свет в Лейдене в 1950 г.

В тех случаях, когда Хенниг ссылается на русских авторов или когда цитируемые им источники переведены на русский язык, редакцией даются соответствующие библиографические справки.

Изменения и дополнения ко II тому, сделанные автором после его выхода в свет и помещенные в конце III тома, редакция сочла целесообразным поместить в приложении ко II тому.

В работе над книгой в качестве консультанта по вопросам истории принимал участие доцент Д. Г. Редер.

А. Дитмар

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Вышедший в свет в конце 1935 г. I том «Неведомых земель» (Древний мир до Птолемея) был очень доброжелательно принят научными кругами и особенно (что автор с удовлетворением отмечает) специалистами по древним языкам. При обсуждении книги неоднократно подчеркивалось, что подбор основанных на первоисточниках фактов восполнил пробел, существовавший в научной литературе. Автор позволяет себе выразить надежду, что так же сочувственно будет принят и настоящий II том, тем более что собранные и прокомментированные в нем литературные источники в большинстве своем гораздо менее известны, чем материалы I тома, и доступ к ним еще более затруднен.

Первоначальный план — изложить в *одном* томе географические открытия средневековых экспедиций — оказался невыполнимым из-за огромного объема материала. Обилие источников заставило автора прибегнуть к дальнейшему дроблению своего труда: II том посвящается эпохе от Птолемея до 1200 г., а последний том, который, видимо, появится примерно через один-два года, охватит период с 1200 по 1491 **г. н. э.**

Многочисленные устные и письменные пожелания и замечания, направленные в адрес автора при обсуждении книги, он с благодарностью принял к сведению как свидетельство интереса, проявленного к его работе. Правда, учесть он сможет только некоторую часть этих замечаний. Так, к III тому необходимо будет приложить обзорную карту, которая позволила бы легко навести справку, о какой части земного шара идет речь в той или иной главе каждого из трех томов. Некоторые указания, несомненно, легче высказать, чем практически осуществить. Само собой разумеется, что в книге можно дать только переводы отдельных отрывков из литературных источников, так как иначе ее объем был бы чрезмерно велик. К сожалению, невыполнимо также и предложение давать наряду с переводом и полный текст оригиналов. Если бы дело шло только о латинских и греческих источниках, такое пожелание еще можно было бы осуществить. Но в этом случае пришлось бы воспроизвести также документы, написанные на китайском, японском, санскритском, арабском, древнееврейском, славянском, древнескандинавском языках, иероглифами, рунами и т. д. Наряду с непомерным увеличением объема возросла бы

и цена книги, что сделало бы ее недоступной. Кроме того, в целом свете вряд ли найдется человек, который владел бы всеми перечисленными выше языками и еще некоторыми другими и мог бы к тому же авторитетно судить о том, какой текст, при наличии разночтений, следует признать самым надежным. Автор, во всяком случае, не в состоянии удовлетворить подобных требований. Для тех, кто хочет работать с первоисточниками или детально им следовать, в начале каждой главы приведено указание, где можно найти специальную литературу. Этого достаточно.

Далее автора упрекали, особенно иностранные критики, в том, что по той или иной теме им не приведена та или другая специальная литература. На эти замечания автор возражал, что в его планы никогда не входило дать *исчерпывающий* обзор всей специальной литературы. При толковании текстов он привлекал соответственно только такие более ранние исследования, к которым в ходе изложения можно было добавить что-либо существенное — не больше. Чрезвычайное многообразие материала и распыление литературных источников в сотнях различных трудов, которые зачастую весьма трудно найти, с самого начала не позволило перечислить название *всех* предшествующих исследований. Автор, разумеется, безоговорочно признает, что вне поля его зрения остались некоторые действительно важные труды, которыми следовало бы воспользоваться; особенно это относится к новейшей иностранной литературе, которая во время войны стала трудно доступной. Но, по правде говоря, нельзя требовать от одного человека, чтобы, неизбежно сталкиваясь в настоящем труде со многими научными дисциплинами, он разбирался бы в каждой из них и в относящейся к ним литературе так же хорошо, как это подобает специалисту определенной отрасли знания.

Исходя из этого, автор просит не подходить слишком строго к предлагаемым им *переводам*. Он отнюдь не претендует на то, что в отдельных случаях им приводятся *безупречные* переводы самых надежных текстов. К воспроизведенным текстам не следует подходить с позиций строгого текстолога. Стремления автора были направлены к тому, чтобы помочь читателю уяснить *смысл* излагаемых литературных отрывков, особенно их географическое содержание, но он не претендует на правильную дословную передачу всех тонкостей оригинала. Автор еще раз просит тех читателей, которые дорожат безупречной точностью в мельчайших подробностях текста, чтобы они соблаговолили обратиться к самому оригиналу или к общепризнанным лучшим переводам. Автор не филолог и не может поручиться за то, что в предложенных им переводах нельзя найти никаких ошибок. *Ultra posse nemo obligatur!* [Никто не обязан сделать больше того, что возможно.— *Ред.*]

Д-р Рихард Хенниг

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Осенью 1944 г., сразу же после того, как закончилась работа над последними корректурами I тома настоящего труда, война полностью и надолго прервала связи между Германией и зарубежными странами. Поэтому о выходе из печати I тома автор узнал по прошествии более двух лет после сдачи его в производство. Прошло еще свыше четырех лет, прежде чем весной 1949 г. на книжном рынке Германии появились первые экземпляры книги. Нарушение почтовых связей и запреты оккупационных властей в дальнейшем привели к тому, что печатание II тома задерживалось до самого последнего времени, хотя рукопись в основном была закончена еще в 1943 г. Разрушения, причиненные войной германским научным библиотекам, во многих случаях не позволили автору ознакомиться с новейшей литературой, особенно с иностранной, и он вынужден принести извинения за возможную неполноту библиографических справок. Намерение автора дополнить иллюстрации снимками с отдельных документов также нельзя было осуществить, что тоже приходится отнести на счет злополучной войны.

Последовательность изложения материала как в I, так и во II томе, несмотря на многочисленные дополнения, в основном сохранена. Однако, соблюдая хронологическую последовательность, пришлось изъять из этого тома гл. 112 первого издания, содержание которой в связи с появлением новых данных вошло теперь в гл. 124 III тома. Но на место прежней гл. 112 введена теперь новая, так что нумерация очерков в основном сохранилась такой же, как и в первом издании. В свете новейших научных данных содержание отдельных глав было подвергнуто полной переработке или частично исправлено. Это особенно относится к гл. 80, 104, 108 и 115. Возникла также необходимость совершенно нового, по сравнению с первым изданием, толкования фактов, приведенных в гл. 80.

Автор еще раз выражает благодарность всем своим многочисленным корреспондентам, приславшим дополнения к его комментариям или выразившим свое несогласие с ними. Автор при переработке первого издания постарался учесть все те замечания, которые он счел обоснованными. Он будет и впредь чрез-

вычайно признателен за любую критику его книги по существу и за информацию о неизвестной ему специальной литературе.

Работа над новой редакцией III и IV томов книги давно уже закончена, но они еще остаются в рукописи. Сейчас трудно предугадать, когда представится возможность сдать их в печать, поэтому еще можно учесть все предлагаемые дополнения.

Д-р Рихард Хенниг

Дюссельдорф, 8 мая 1950 г.

ВВЕДЕНИЕ

Несомненно, II в. н. э. (которым закончился I том «Неведомых земель») был кульминационным пунктом в развитии античного мира, во всяком случае с государственно-политической и географической точек зрения. Это неоспоримо, хотя предшествующие столетия и ознаменовались значительно более высокими достижениями в области искусства и литературы. Именно во II в. Римская империя достигла апогея своего могущества и территориальной экспансии. Дальновидная политика ряда выдающихся правителей и блестящее состояние связи обеспечили органическую сплоченность огромной державы, простиравшейся от Ирландского моря до Персидского залива[1]. Драгоценный дар судьбы — *Pax Romana* [римский, или имперский, мир.— *Ред.*], в течение более 100 лет гарантировался всем подданным римских императоров. Он нарушался лишь отдельными пограничными войнами. Географический кругозор людей той эпохи достиг широты, оставшейся непревзойденной вплоть до XV в., если исключить исследования северных земель. В самый подходящий момент, когда максимально раздвинулись пределы известного древним мира, великий гений Птолемея объединил в единое целое всю совокупность географических знаний и подал их в блестящей рамке широких обобщений. Несмотря на допущенные ошибки, мир, по Птолемею, все же просуществовал целых 1250 лет как всеми признанный высший предел познания лика Земли. Вплоть до XVI в. труд Птолемея оставался, можно сказать, библией географических знаний, служившей основой для всех дальнейших исследований.

Благосклонная судьба распорядилась так, что именно в те дни, когда в правление Траяна и Адриана Римская империя достигла предела своей территориальной экспансии и переживала самый мирный период, на Дальнем Востоке древнейшее государ-

---

[1] Хенниг чрезмерно идеализирует римских императоров и рабовладельческую державу, хищническую политику которой блестяще раскрывает Энгельс в гл. VIII своего труда «Происхождение частной собственности, семьи и государства». Кроме того, автор допускает фактическую ошибку. Хотя Траян в своих походах 115—117 гг. достигал Персидского залива, Римская империя никогда так далеко не распространялась.— *Прим. ред.*

ство Китай также поднялось до вершины своей политической мощи и культурного расцвета. Позднее такого же подъема Китайская империя достигала дважды: в VII—VIII и XIII вв. Около 100 г. н. э. территория Китайской империи простиралась почти до самого Каспийского моря. Мудрая внешняя политика китайских императоров и государственных деятелей (см. гл. 30, 56, 57) приводила к тому, что в западные страны по наземным и морским дорогам временами устремлялся мощный поток товаров. Не хватало лишь самой малости, чтобы две гигантские империи — Римская и Китайская — стали непосредственными соседями или чтобы между ними по меньшей мере установился культурный обмен. Трудно вообразить, к каким грандиозным и благотворным последствиям могло бы это привести.

К сожалению, подлинно величавая картина мира, каким он был около 100 г. н. э., в относительно короткий срок сменилась упадком, вызвавшим роковые последствия. Сначала померк блеск Китайской империи, вступившей в полосу продолжавшихся свыше 450 лет непрерывных волнений и борьбы, восстаний и гражданских войн, сопровождавшихся распадом и ослаблением государства. Затем наступила пора, когда Срединная империя вновь надолго отгородилась от внешнего мира, пока неожиданно, с 589 г., не начался стремительный ее подъем к новому расцвету и наивысшему политическому могуществу, длившемуся 175 лет (см. гл. 78). Вскоре и Римская империя пережила аналогичный регресс, только с более короткими сменами исторических фаз. Примерно после смерти императора Марка Аврелия (180 г.) и уж, несомненно, с кончины Септимия Севера (211 г.) началось общеизвестное падение политического могущества и культуры Римской империи, прерывавшееся кратковременными подъемами при императорах Аврелиане и Константине Великом. Однако распад все же неуклонно продолжался, пока, наконец, в V в. Рим, бывший властителем мира, не пал под натиском германцев.

Одновременно с этим политическим развалом великолепного государственного здания наблюдался и культурный упадок, который по своей интенсивности и продолжительности достиг беспримерных в истории масштабов. Положение ухудшалось еще и тем, что оказывавшая в других отношениях благотворное влияние христианская религия проповедовала презрение к земной юдоли и приковывала взоры человечества к потустороннему миру[1]. Великолепная сокровищница знаний, накопленных людьми античного мира, рассматривалась как проявление язычества, не имеющее особой цены, и большей частью была просто предана

[1] Хенниг дает идеалистическую трактовку раннего христианства. Глубокий анализ социальных корней христианской религии и учения о потустороннем мире дал в своих работах Энгельс. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 602—610; т. XVI, ч. 2, стр. 400—431.— *Прим. ред.*

забвению. Особенно тяжело это сказалось на географической науке. Все накопленные знания были утрачены более чем на 1000 лет, и после 12 веков познание мира пришлось начать примерно с того же, на чем человечество остановилось в начале нашей эры. Не будь чрезвычайно ценных трудов арабских географов средневековья, основывавшихся, разумеется, главным образом на сообщениях Птолемея, и открытий отважными норманскими мореходами новых частей света, нам, действительно, пришлось бы говорить о том, что Птолемеева картина мира оставалась почти застывшей со II по XIV в. Даже после великого открытия Колумба человечество еще не осознало, что Птолемей уже превзойден. Только непостижимо отважный подвиг Магеллана заставил признать после 1520 г., что даже труды великого Птолемея были лишь этапом в процессе развития географического познания мира.

За века, истекшие между деятельностью Птолемея и Колумба, в подавляющем большинстве случаев исследовательские экспедиции приводили лишь к повторному завоеванию для географической науки тех стран, которые были уже известны и часто посещались в древности. Теперь их приходилось открывать заново во второй, третий и даже четвертый раз (сухопутные дороги в Китай!), ибо все мосты, ведущие к прошлому, были разрушены.

По своей *страсти к географическим исследованиям* люди средневековья приблизительно до 1430 г., несомненно, значительно уступали древним. Правда, и в средние века выдвинулись отдельные блестящие исследователи, вдохновленные подлинной жаждой знания и преисполненные чисто исследовательского пыла. Вспомним, например, о великих арабских путешественниках во главе с Ибн-Баттутой, одним из самых выдающихся странников по нашей планете, каких знало человечество до 1492 г., или об известных любителях географических исследований среди тогдашних властителей, таких, как Альфред Великий в Англии, Гаральд Строгий в Норвегии, Рожер II Сицилийский. И все же до XV в. слишком слабо проявлялся дух античности, который так удивительно воплотился в образах Эвтимена, Ганнона, Геродота, Пифея, Полибия, Эвдокса, Страбона, Плиния, Марина и, наконец, Птолемея. Общим *числом* сколько-нибудь выдающихся исследовательских путешествий и экспедиций средневековье, возможно, и превосходит доптолемеев период. Но, очевидно, причина этого заключается только в том, что литературные источники средних веков представлены обильнее и многообразнее, ибо огромное количество письменных памятников древнего мира, к прискорбию, утрачено. Тем не менее *результаты* средневековых путешествий, совершенных на протяжении весьма длительного периода, значительно уступают достижениям древности. Даже различные хождения в неведомые страны отважных, более того, преисполненных презрения к смерти христианских проповедников показывают,

что миссионеры, за немногими прославленными исключениями, проявляли гораздо больше рвения к проповеди слова божия, нежели подлинной географической и этнографической наблюдательности. В самом деле, понадобилась своеобразная, впрочем не оцененная по заслугам, деятельность принца Генриха Мореплавателя, чтобы, наконец, вновь пробудить в человеке XV в. стремление к систематическим поискам *terrae incognitae* («неведомых земель»). Только с 1430 по 1530 г. географические знания превзошли высший предел античного мира, достигнутый Птолемеем.

Последующие очерки призваны показать, как медленное накопление знаний о неизвестных частях света в средние века в конце концов должно было неизбежно увенчаться великими подвигами Колумба и Магеллана. В настоящем томе показана эволюция географической науки приблизительно с 200 по 1200 г., то есть до того исторического периода, когда под влиянием крестовых походов и монгольских нашествий начал невольно пробуждаться повышенный интерес европейцев к географической науке, переживавшей у них до этого полный застой.

ГЛАВА 66

ФРУМЕНТИЙ И ЭДЕЗИЙ В ЦАРСТВЕ АКСУМ

(около 340 г.)

Говорят, что некий философ Метродор проник в более отдаленную Индию, чтобы изучить страну и исследовать земной круг. Побуждаемый его примером, некий Меропий, философ из Тира, пожелал по той же причине посетить Индию; с ним были двое отроков, его родственников, которых он обучал свободным наукам. Младшего из них звали Эдезием, а старшего — Фрументием. Когда, осмотрев и изучив все, что ему хотелось, философ пустился в обратный путь, корабль, на котором они плыли, зашел в какую-то гавань за водой и прочими необходимыми припасами.

Жившие там варвары имели обыкновение всякий раз, когда соседние племена сообщали им о расторжении союза с римлянами, убивать всех, кто прибывал к ним из Римской империи. Когда корабль пристал к берегу, философ и все находившиеся на борту были убиты. Между тем юношей, обнаруженных под деревом, где они готовили свои уроки, варвары пощадили и отвели к царю. Одного из них, а именно Эдезия, царь назначил своим виночерпием; Фрументию же, остроту ума и мудрость которого царь сразу отметил, он поручил свою казну и переписку [*rationes et scrinia*]. Поэтому юноши были в большом почете и царь их очень любил.

Умирая, царь оставил наследниками престола жену и малолетнего сына, юношам же предоставил полную свободу действовать по собственному усмотрению. Однако царица, не имея во всем государстве более верных друзей, настойчиво упрашивала их разделить с ней заботы по управлению страной до совершеннолетия сына. Особенно просила она об этом Фрументия, обнаружившего достаточно мудрости для управления царством, тогда как другой брат отличался только глубокой преданностью и рассудительностью. Юноши уступили просьбам. Фрументий, взявший в свои руки управление государством и осененный в разуме и духе божественным внушением, принялся ревностно искать, нет ли среди римских купцов христиан. Им он хотел предоставить наибольшие преимущества и убедить собираться в определенных местах, где они могли бы отправлять богослужения по римскому обряду. Сам Фрументий поступал точно так же, воздействуя своим примером на других, а похвалами и милостями побуждал делать все необходимое, чтобы подготовить места для возведения

божьих храмов и других целей, всячески заботясь о насаждении семян христианства.

Когда царевич вырос, правившие государством юноши, закончив все дела и добросовестно их передав, снова вернулись в наш мир, хотя царица и ее сын неоднократно пытались их удержать, упрашивая остаться. Эдезий поспешил в Тир повидаться с родителями и родственниками, а Фрументий направился в Александрию, ибо считал неправым утаивать слово Господнее. Поэтому он поведал епископу, как произошло все событие, и убеждал избрать достойного мужа, чтобы послать его епископом в страну варваров, где уже имелись многочисленные христианские общины и были воздвигнуты храмы. Тогда Афанасий (недавно вступивший на кафедру), внимательно и тщательно взвесив слова и деяния Фрументия, сказал на соборе священников: «Какого иного мужа нам искать, который смог бы исполнить это, кроме тебя, на котором почиет дух Божий?», и рукоположил Фрументия епископом, приказав возвратиться с Божьей помощью туда, откуда он прибыл...

Об этом событии я узнал не по ходившим в народе слухам, но из уст самого Эдезия Тирского, ставшего впоследствии пресвитером, а ранее бывшего спутником Фрументия[1].

* * *

Индийцы, живущие по эту сторону, приняли христианство, когда Меропий, философ из Тира, возивший с собой своих учеников Эдезия и Фрументия, по окончании путешествия к расположенным там местам, которые еще будут названы, проповедовал им слово Божие. Первым епископом у них Афанасий рукоположил Фрументия[2].

* * *

При том же правлении племя индийцев, живущих по эту ближайшую к нашим странам сторону, и воспринявшее некогда учение апостола Варфоломея, было обращено в христианскую веру неким священником Фрументием и чрез него познало святое евангелие. Никто да не помыслит, будто христианское учение исходит от людей: познать сие легко по христианам, которые были среди индийцев.

[1] Rufinus Turranius, Historia ecclesiastica, lib. X, cap. 9—10. См. Eusebius, ed. Th. Mommsen, Leipzig, 1908, t. II, 2, p. 972, 973. [«История церкви» Руфина Туранского (360—410), которую цитирует Хенниг, представляет собой продолжение труда Евсевия.— *Ред.*]

[2] Theophanes, Chronographia, V, 13, ed. B. G. Niebuhr, Bonn, 1839 (I, 35 к году 324). [«Хронография» Феофана Исповедника, византийского писателя конца VIII — начала IX вв., охватывает историю христианской церкви с 284 по 813 г. Впервые «Хронография» была издана Гоаром в Париже в 1655 г. См. также «Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта», пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, М., 1887.— *Ред.*]

Сначала индийцы назывались сабеями, потом также хомеритами[1]. Они говорят, что народ их происходит от Авраама и Цетуры[2], а страна их та самая, которую греки называли большой и счастливой Аравией, и берега ее омывает самый крайний океан; столицей и главным городом страны является Саба, и оттуда, согласно молве, прибыла к Соломону знаменитая царица Востока. Сам народ практикует обрезание и приносит жертвы Солнцу, Луне и прочим местным божествам. Среди них живет немало иудеев.

Некий философ, Меропий из Тира, захотел изучить и посетить эту страну. Он подражал древним мудрецам — Платону, Эмпедоклу, Демокриту, которые, желая ознакомиться с другими местностями, совершали длительные морские плавания, а также и значительно более позднему Метродору, посетившему Индию. Меропий взял с собой двух отроков, своих ближайших родственников, знавших греческий язык (обучил их он сам), и отплыл в ту страну. Изучив там все, что считал нужным, Меропий сел на египетское судно и пустился в обратный путь. Из-за недостатка воды или других необходимых припасов они зашли в какую-то гавань. Случилось так, что союз и мир, заключенные между римлянами и индийцами, были тогда нарушены. Индийцы откуда-то напали на путешественников и убили большинство из них, в том числе и самого философа. Отроков же, по их малолетству, индийцы взяли в плен и подарили своему царю. Последний назначил младшего, по имени Эдезий, на должность кравчего, а Фрументию поручил управление царской казной и перепиской (ибо царь признал его ум и способности к делам такого рода).

После того как братья много лет прослужили царю верой и правдой, он на смертном одре, оставляя жену и малолетнего сына, вознаградил юношей за долгую преданность, даровав им свободу и разрешив идти, куда они сами пожелают. Юноши намеревались тотчас же вернуться на родину, в Тир, но индийская царица, по причине малолетства сына, попросила их остаться, чтобы воспитать мальчика и управлять царством. Юноши согласились, ибо боялись ослушаться воли повелительницы, и по мере сил правили царством индийцев.

Фрументия больше всего заботили успехи веры; руководимый, по разумению моему, Божественным внушением, он ревностно искал христиан среди индийцев или римлян, приезжавших туда на кораблях. Христиан Фрументий принимал с большим радушием и молился вместе с ними по христианскому обряду в отве-

---

[1] Правильное название этой южноарабской народности — химьяриты. См. о них гл. 74.

[2] Цетура, или Хетура, согласно библейской легенде, была одной из жен мифического праотца Авраама, а их сыновья считались предками различных библейских племен.— *Прим. ред.*

денном для этого месте. Преуспевая на избранном пути, он воздвиг церковь и просвещал тех, кто приходил к нему из индийских святилищ, обучая их молитвам, и наставлял хранить преданность христианской вере.

Но вот и царский сын достиг отрочества. Несмотря на настойчивые уговоры остаться, Эдезий и Фрументий все же, с благосклонного разрешения царя и его матери, вернулись к себе на родину. Эдезий в своем родном городе Тире, где жили его родственники, удостоился позднее сана пресвитера. Между тем Фрументий вновь покинул Финикию, направившись в Александрию. Придя там к Афанасию, незадолго перед тем возведенному в сан архиепископа, Фрументий изложил ему положение дел в Индии и отметил, что индийцы были склонны к принятию христианства и подготовлены к этому. Столь благоприятным случаем пренебрегать не следовало и надлежало как можно скорее послать туда епископа и клириков. Афанасий, тщательно обдумав слова Фрументия, созвал всех присутствовавших тогда в Александрии епископов. Он высказал им свое мнение, что нет никого другого, более способного и более подходящего для распространения в той стране божественного учения, чем тот, кто первый посеял среди индийцев семена христианской веры. Фрументий, склонившись перед уговорами и приняв епископство, вернулся в Страну индийцев и стал там проповедовать Евангелие среди всех жителей.

Говорят, его так прославляли, что снискал он славу и честь, равную апостольской[1].

* * *

В сей день опочил авва Салама, апостол Света, митрополит Эфиопии. История жития его такова.

Из Греции прибыл человек, по имени Меропий, мудрейший из мудрецов, пожелавший увидеть страну Эфиопию, а с ним двое отроков, его родичи: одного звали Фременатом, другого — Эдезием, или иначе Сидраком. Достигнув на корабле берегов страны Геец, Меропий осмотрел все красоты, коих жаждала его душа. Когда же он захотел вернуться в свою страну, враги напали на него и убили вместе со всеми спутниками. В живых же остались только юные отроки. Туземцы взяли их в плен, обучили военному ремеслу и подарили царю Аксума, по имени Эла Алада. Царь назначил Эдезия начальником над рабами, а Фременату поручил охрану законов и ведение переписки. Вскоре царь скончался, оставив маленького сына на попечение матери, и царем стал Эла

[1] Nikephoros Kallistos, Historia ecclesiastica, lib. VIII, cap. 35. См. Migne, Patrologia graeca, Paris, 1865, t. 146, p. 131 (и след.). [«Церковная история», которую цитирует Хенниг, составлена Никифором Каллистом, греческим церковным писателем XIV в.— *Ред.*]

Азгуагуа. Эдезий и Фременат воспитывали ребенка, мало-помалу наставляя его в вероучении Христа. Ему же хвала! Воздвигли для царевича молельню и собрали возле него мальчиков, обучая их псалмам и песнопениям. Когда царевич достиг совершеннолетия, братья испросили у него разрешения отбыть к себе на родину. Эдезий поехал в страну Тир повидаться с родителями, а Фременат направился в Александрию к патриарху авве Афанасию, который только что вступил в свой сан. Фременат рассказал ему обо всем, что с ними случилось, и о веровании в стране Геец, и о том, как без епископа и священников там пришли к вере во Христа. Ему же хвала! После этого авва Афанасий назначил Фремената епископом страны Геец, то есть Эфиопии, и отпустил его с большими почестями. Вернувшись в Геец при правлении Абраха и Асбеха, Фременат во всех областях этой страны проповедовал мир во Христе. Ему же хвала! Потому и прозвали его авва Салама. Обратив народ Эфиопии к вере Христовой, почил он с миром[1].

* * *

Превыше всего болеем мы душой и печемся о том, чтобы был познан Господь, ибо долгом нашим почитаем равно заботиться о всем роде человеческом, дабы был он приведен к познанию Господа, вел жизнь, исполненную упования, и не отступал ни в чем в исканиях истины и веры. Почитая и вас достойными такого попечения, благоволим мы оказать его вам наравне с римлянами и вразумить вас, дабы воцарилось у обоих народов единое церковное учение.

А потому незамедлительно шлите епископа Фрументия в Египет к высокочтимому епископу Георгию и прочим египетским епископам, полномочным рукоположить его в сан и принимать решения по подобного рода делам. Если вы вздумаете отговариваться, будто вы одни пребываете в неведении того, что единодушно признается всеми, то знайте же и памятуйте, что Фрументий поставлен на пост свой Афанасием, отягчившим душу свою бесчисленными грехами. Поскольку же сей Афанасий не возмог действенно опровергнуть ни одного из возведенных на него обвинений, то был, не мешкая, лишен сана и скитается поныне из одной страны в другую без средств пропитания, мысля, что может таким образом избежать осуждения за свое отщепенство.

Если Фрументий ныне по доброй воле подчинится и, полностью осознав положение вещей, сделает надлежащие выводы и вернется, то тогда будет повсеместно признано, что он, как и сам

---

[1] Эфиопское предание в «Синаксафе к 26 хамле». См. S a p e t o, Viaggio e missione, Roma, 1857, p. 395 (и след.).

утверждает, ни в чем не уклонился от законов церковных и веры правой. И когда проверят его те, кто полномочны решать подобные вопросы, и он даст отчет о всем своем житии, то будет возведен ими в свой сан, если действительно желает быть законным епископом. Если же он станет мешкать и уклонится от решения епископов, то явным станет, что сам он соблазнен речами богоотступника Афанасия, грешит против Божественного завета и воистину должен считаться таким же еретиком, каким был признан и тот злодей. И в таком случае надлежит опасаться, что он, с тех пор как прибыл в Аксум, развращает вас кощунственными и безбожными речами и не только смущает клир, препятствует ему и богохульствует, но становится тем самым виновником порчи и погибели всего вашего народа.

Но мы уверены, что сам Фрументий, многое познав через общение с высокочтимым Георгием и другими, воистину призванными на поучение, принесет еще большую пользу для общего блага и пустится в обратный путь, наилучшим образом наставленный во всех церковных делах. Да хранит вас Бог, почтенные братья[1]!

* * *

Пойми, в третий раз дошел до меня слух, что пришли к аксумским повелителям письма, в которых просят их позаботиться об отослании оттуда Фрументия, епископа Аксума. Надлежало им также и меня выследить до самых границ варваров, чтобы препроводить к так называемым судебным протоколам префектов, а также подстрекать мирян и клириков предаваться арианской ереси[2].

* * *

По прошествии многих лет прибыл туда некий купец из Тира с двумя отроками: одного звали Фременатом, другого — Сидра-

---

[1] Письмо императора Констанция к двум царям Эфиопии Айзану и Ша'зану (около 357 г.). См. M i g n e, Patrologia graeca, Paris, 1884, t. 25, p. 635 (и след.). [Имеется в виду император поздней Римской империи Констанций (337—361), сын Константина Великого. Во внутренней политике этого императора большую роль играли религиозные вопросы; при нем получили преобладание арианские епископы, а противник арианства Афанасий, епископ Александрийский, был сослан. См. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1949, стр. 606—607.— *Ред.*]

[2] A t h a n a s i u s, Apologia ad Constantium imperatorem. См. M i g n e, Patrologia graeca, Paris, 1884, t. 25, p. 631 (и след.). [«Арианская ересь», или «арианство»,— одно из течений в раннем христианстве, отрицавшее так называемый «догмат о единой сущности троицы». Название этого течения связано с именем пресвитера Ария, который пытался сочетать христианские догматы с принципами древнегреческой философии. Арианство было осуждено в 325 г. на так называемом Никейском соборе (съезде христианских епископов в Никее), где были приняты основные догматы христианства.— *Ред.*]

ком. Когда же купец заболел и скончался на побережье Страны эфиопов, молодых людей отвели к царю, который очень обрадовался их появлению и приказал, чтобы они остались у него и жили вместе с его сыном. Юношей же поразил образ жизни эфиопского народа, и они расспрашивали, как могло случиться, что эти люди пришли к вере во Христа. Ибо они сами убедились, что те молились и почитали Святую Троицу, а женщины осеняли себя крестным знамением. И тогда возблагодарили они Бога, ниспославшего этому народу такую благодать, что восприял он святую веру без проповедей и без апостола. Пока жив был тот царь, находились братья в его доме. Но, умирая, царь отпустил юношей и разрешил им идти, куда им заблагорассудится. Сидрак вернулся к себе на родину в Тир, Фременат же направился к патриарху Александрийскому и высказал тому пожелание найти средство, чтобы помочь эфиопам познать всю благодать Божию. А посему рассказал Фременат патриарху обо всем, что видел, и о том, как эфиопы с апостольских времен хранят веру истинную. Патриарх очень этому обрадовался и возблагодарил Господа за великое милосердие, кое оказал он этому народу откровением своего святого учения. Потом он сказал Фременату: «Тебе быть их пастырем, ибо Господь тебя избрал и отметил». И рукоположил патриарх его на священство, назначив епископом Эфиопии. Фременат вернулся туда и окрестил жителей, а себе в помощь рукоположил много священников и диаконов. И все глубоко почитали и уважали его и называли авва Салама, ибо принес он им спасение. При правлении царей братьев Абры и Азбы вернулся Фременат к эфиопам, кои восприяли святое учение, как иссохшая земля поглощает влагу небесную[1].

Некогда была широко распространена вера в то, что судьбы отдельных людей и целых народов предопределяются и направляются неисповедимо мудрым провидением. Вряд ли что-нибудь могло сильнее подкрепить подобное мировоззрение, чем обстоятельства, при которых в IV в. н. э. могущественное Аксумское царство[2], предшественник современной Эфиопии, приобщилось к христианству. В те времена в Азии и Африке христианская вера обычно воспринималась ненадолго. В лучшем случае она на несколько десятилетий становилась государственной религией в той или иной стране[3]. Между тем Эфиопия стала христианской страной во времена мирового господства Римской империи и продолжает ею оставаться вот уже в течение

---

[1] «Acta Sanctorum», Octobr., t. XII, p. 269.

[2] Об Аксумском царстве см. Б. А. Тураев, История Древнего Востока, 1935, т. II, гл. VI, стр. 246—250; Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, стр. 260—336; см. также Р. Хеннинг, Неведомые земли, т. I, гл. 8, стр. 84.—*Прим. ред.*

[3] R. Hennig, Das Christentum im mittelalterlichen Asien, «Historische Vierteljahrsschrift», 1935, B. 29, S. 245.

1500 лет, не считая небольшого перерыва в средние века. Победоносно отражала она все натиски ислама, в том числе и последнюю атаку со стороны махдистов в 1889 г. Поэтому-то про Эфиопию долгое время ходила молва (см. гл. 115), что она и есть таинственное царство легендарного христианского «царя-священника» Иоанна.

Обстоятельства, при которых 1600 лет назад царство Аксум приобщилось к христианству, представляются фантастическими и напоминают нравоучительные истории с благочестивой моралью из книг для юношества. Двое христианских отроков случайно попадают в страну, где все их взрослые спутники погибают в схватке. Самих юношей, однако, ожидает счастливая судьба. Через несколько лет один из них становится правителем царства, ревностным поборником и защитником христианства, а спустя еще немного времени его посвящают в сан архиепископа страны. И попыне он прославляется в Эфиопии как «авва Салама» — «отец Мира» и почитается под именем св. Фрументата (Фрументия). Он заложил основу единственного в тропиках христианского государства. Не приходится удивляться, что в таком необычайном событии усматривали перст божий!

Летописцем, передавшим нам историю насаждения христианства в Эфиопии, был Руфин Туранский, обработавший и пополнивший церковную историю Евсевия[1]. Руфин подчеркивает, что сведения свои он получил непосредственно от уже взрослого мужчины, бывшего одним из двух отроков, некогда попавших в Эфиопию. Итак, всю эту историю можно считать абсолютно достоверной.

С чисто географической точки зрения приключения Фрументия и Эдезия представляют интерес не тем, что они привели к открытию и изучению еще не известных тогда стран. С землями, населенными эфиопами, были довольно хорошо знакомы еще в древности, и они издавна играли важную роль в торговле с Востоком. Нам известно, что в том же столетии, когда Эфиопия приняла христианство, был издан указ императора Феодосия I, согласно которому каждый, направляющийся «*ad gentem Axumitarum et Homeritas*» [к племени аксумитов и хомеритам.— *Ред.*], не смеет задерживаться в Александрии более года[2]. Посещение христианскими купцами царства Аксум неоднократно отмечается и в сообщении Руфина Туранского. И все же именно это сообщение обогащает нас чрезвычайно ценными сведениями по истории культуры.

Прежде всего мы узнаем, что в IV в. н. э. христианские естествоиспытатели («философы») ездили из Сирии в далекие страны. К сожалению, собирательное название «*India ulterior*» [более отдаленная Индия. — *Ред.*] не позволяет нам уточнить конечную цель путешествий Метродора и Меропия. Так же трудно определить, в какую именно гавань некогда могуществен-

[1] Имеется в виду близкий к императору Константину Великому епископ из города Кесарии (Палестина) Евсевий (IV в.), автор «Церковной истории» в 10 книгах, где впервые последовательно изложена история христианской церкви, и «Хроники», рассказывающей в хронологическом порядке о событиях всемирной истории и биографию императора Константина.— *Прим. ред.*

[2] «Codex Theodosianus», XII, 2, 12.

ного Аксумского царства зашел на обратном пути корабль Меропия. Оказанный ему там весьма враждебный прием можно объяснить не столько низким культурным уровнем местных жителей, сколько временным обострением отношений с Римской империей.

Согласно эфиопскому преданию, повелителя царства Аксум, так радушно принявшего обоих отроков, звали Абрехой, а его преемников, совместно правивших страной,— Эзаном и Ша'заном. Первый, вероятно, и был воспитанный Фрументием сын Абрехи. На одной стеле, найденной в Аксуме, Эзан именует себя «царем аксумитов, царем химьяритов, Райдана, эфиопов и сабеян, Сила, Тиамо и бугеитов»[1]. Следовательно, власть его распространялась и на Южную Аравию, жители которой, химьяриты (хомериты), были тогда христианами и не раз становились подданными аксумских правителей. Эзан известен также как адресат письма восточноримского императора Констанция от 356 г. В этом письме Констанций уговаривал повелителей Аксума, правда безуспешно, чтобы они заставили своего епископа Фрументия, рукоположенного еретиком епископом Афанасием, вторично утвердить себя в этом сане в Александрии правоверным арианским епископом Георгием. В остальном «Письмо Констанция» — печальный пример того, до какой степени непостижимого ожесточения дошли приверженцы Афанасия и Ария в своем знаменитом споре IV в., который, по правде говоря, вертелся лишь вокруг бессодержательных формулировок и слов.

Хронологии событий Руфин не сообщает, и установить ее можно лишь приблизительно. Спорным представляется сообщение, что Афанасий был епископом Александрии в то время, когда Фрументий докладывал там о своих приключениях. Деятельность Афанасия в сане александрийского епископа протекала в течение длительного периода (с 8 июня 328 г.[2] до 373 г.). Правда, за эти 45 лет руководство Афанасия епархией прерывалось на продолжительные сроки не менее 5 раз. Ведь из-за пресловутых догматических споров той эпохи Афанасия неоднократно то отзывали, то вновь восстанавливали в сане. Один из таких перерывов длился с 335 по 346 г. Поэтому 346 г. можно считать самой ранней из возможных дат прибытия Фрументия в Александрию. Правда, Дильман не склонен датировать это ранее, чем 341 г.[3]. Однако следует принять во внимание, что до 346 г. Афанасия не было в Александрии. Период до 335 г. едва ли можно принимать во внимание. Очевидно, следует предположить, что со времени отъезда Меропия с обоими отроками и до прибытия Фрументия в Александрию прошло не менее 20 лет. Отъезд из Тира Штадлер, без каких-либо обоснований, относит к 316 г.[4], но состоялся он, по всей вероятности, почти на 10 лет позже. В «Хронологии» Феофана это событие относится к 5816 г. от сотворения мира, то есть к 324 г. н. э. Оче-

[1] «Veröffentlichungen der Deutschen Aksum-Expedition», Berlin, 1913, B. I, S. 42 (и след.), B. II, S. 30.

[2] A. Dillmann, Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im 4. bis. 6. Jhd., «Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1880, S. 9.

[3] Ibidem, S. 10.

[4] Stadler, Heiligen-Lexikon, Augsburg, 1861, B. II, S. 325.

видно, здесь имелся в виду год отъезда из Тира. Следовательно, возведение Фрументия в сан епископа ранее 346 г. представляется крайне сомнительным. Сами эфиопы, определяя время обращения в христианство своей страны, колеблются между 333, 340, 425 и 430 гг.[1]

При определении хронологии событий важное значение имеют следующие данные, приведенные Дильманом[2]. Царь аксумитов Эла Эскенди, в правление которого юноши прибыли в Эфиопию, умер в 342 г.; его сын и наследник Эла Сахам, воспитанник Фрументия, правил с 342 по 351 г.; его преемник Эла Сан (351—364), видимо, тождествен Айзану императора Констанция.

Наиболее вероятной датой рукоположения Фрументия представляется примерно 340 г. Правда, согласно эфиопскому преданию, Фрументий по прибытии в Александрию застал патриарха Афанасия «только что вступившим в свой сан». Однако, по мнению автора, это отнюдь еще не доказывает, что Фрументий был посвящен в епископы вскоре после 328 г., 1-го года служения Афанасия, как это полагает Хергенрётер[3]. С таким же основанием можно полагать, что здесь речь идет о *восстановлении* Афанасия в епископском сане в 346 г., после 11-летнего перерыва. Более поздняя дата во многих отношениях кажется гораздо правдоподобнее, ибо из написанной Афанасием в 356 г. «Apologia ad Constantium» явствует, что в то время Фрументий находился в Эфиопии уже в сане епископа, в который он был посвящен совсем недавно[4].

Попытки насадить в Аксуме христианство предпринимались, вероятно, еще в III в. и оказались не совсем бесплодными, хотя легенда, будто в Эфиопии подвизался в качестве проповедника апостол Матфей, принявший там мученическую кончину, неправдоподобна[5]. Только Фрументий помог христианству одержать столь полную победу, что царь Эзан около 356 г. превратил это вероучение в государственную религию[6].

Впрочем, и в Южной Аравии христианство почти одновременно было введено Феофилом Дийским[7], тогда как в Северо-Западной Аравии, входившей в состав Римской империи, еще в 244 г. имелся собственный епископ, живший в Бостре. Здесь в 247—250 гг. состоялось даже два христианских собора. В Аравию христианство в те времена проникало главным образом с Синайского полуострова, где было много монастырей. Там имелся даже целый город, все жители которого были христианами, а именно Фаран, служивший резиденцией синайского епископа[8]. На юге Аравии христианство

---

[1] A. Dillmann, op. cit., S. 18.
[2] Ibidem, S. 19.
[3] J. J. Hergenröther, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Freiburg, 1904, B. II, S. 381.
[4] A. Dillmann, op. cit., S. 8.
[5] «Acta Apostolorum apocrypha», lib. 7.
[6] 11-я Аксумская надпись. См. «Veröffentlichungen der Deutschen Aksum-Expedition», Berlin, 1913, B. IV, S. 38.
[7] I. Döllinger, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Regensburg, 1843, B. I, 2, S. 129.
[8] Johannes Harduinus, Conciliorum collectio regia maxima, Paris, 1715, t. II, p. 665.

одержало большие победы[1], особенно при правлении царя Йемена Абд-Кела-ла (273—297). Так, например, все жители города Неджрана были обращены в эту веру[2]. Итак, Южная Аравия приняла христианство раньше, чем Эфиопия, под властью которой она оказалась в IV в. *Arabia Petraea* [Каменистая Аравия], напротив, восприняла христианство позднее, главным образом при правлении Номана (390—418). Этот царь был чрезвычайно благочестивым христианином и кончил тем, что отрекся от престола, чтобы вести праведную жизнь отшельника в пустыне[3]. Но тогда как в Аравии с распространением ислама христианское вероучение было полностью искоренено, в Эфиопии, несмотря на все превратности судьбы, оно осталось государственной религией, правда несколько чуждой нам коптской разновидности. Исповедуют там христианство главным образом представители высших слоев.

Предпринятое жителем Тира Меропием примечательное путешествие в Индию и Эфиопию само по себе не было выдающимся достижением. В те времена жители Средиземноморья время от времени предпринимали плавания в Индию (см. гл. 72, 95, 117). И если можно определенно считать легендарными миссионерские путешествия в Индию учеников Христа, особенно апостола Фомы (см. гл. 95), то все же доказано, что уже во II в. александрийский пресвитер Пантен, прибывший в эту страну, чтобы проповедовать христианство, застал там уже Евангелие от Матфея на древнееврейском языке[4]. Поэтому путешествие Меропия не заслуживало бы особого упоминания, если бы его трагическое завершение не повлекло за собой таких своеобразных последствий, сохранившихся до наших дней.

Историческая достоверность сообщения Руфина Туранского о насаждении христианства в Эфиопии полностью подтверждается приведенным выше и, несомненно, подлинным высказыванием Афанасия о посвященном им в сан епископе Эфиопии. Этот рассказ был заимствован у Руфина различными историками церкви, например Сократом[5], Созоменом[6], Феодоретом[7]. Утверждение, что рассказ исходит от самого Эдезия, не вызывает сомнений. Вот что говорит Дильман по этому поводу: «Не подлежит сомнению, что Руфин, ставший христианином около 371 г., затем долгое время живший в Египте и в Палестине, мог еще лично знать Эдезия или же слышать о нем[8].

Необычайную историю о введении христианства в Эфиопии, которую сообщают христианские авторы конца древнего мира и начала средневековья, отнюдь нельзя поэтому считать религиозной легендой и отвергать как недостоверную. Она так убедительно подтверждается эфиопским преданием и особенно свидетельством современника Фрументия — епископа Афанасия, что нет никакого основания отказывать ей в доверии.

[1] A. P. Caussin de Perceval, Essai sur l'histoire des Arabes, Paris, 1847, t. I, p. 107 (и след.).
[2] Ibidem, p. 124.
[3] Ibidem, t. II, p. 47, 57 (и след.).
[4] Eusebius, Historia ecclesiae, V, 10, 2, 3.
[5] Socrates, Historia ecclesiae, I, 19.
[6] Sozomenos, Historia ecclesiae, I, 24.
[7] Theodoret, Historia ecclesiae, I, 22.
[8] A. Dillmann, op. cit., S. 7 (и след.).

ГЛАВА 67

МНИМОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РИМСКИХ ЗЕМЛЕМЕРОВ К «СЕРИЙСКОМУ ОКЕАНУ»

(393 г.)

В 15-й год правления императора Феодосия решил оный повелитель чрез назначенных на то лиц измерить страны земного круга в длину и ширину... Великая Армения и Каспийское море, которые включают народы, живущие у Океана, граничат на востоке с Серийским океаном, на западе — с вершинами Кавказа и Каспийским морем, на севере — с Океаном, на юге — с Тавром. Их длина составляет 480 000 шагов, ширина —280 000[1].

* * *

hoc opus egregium quo mundi summa tenetur,
aequora, quo montes, fluvii, portus, freta et urbes
signantur, cunctis ut ait cognoscere promptum,
quicquid ubique latet, clemens genus, inclita proles,
ac per saecla pius, totus quem vix capit orbis,
Theodosius princeps venerando iussit ab ore
confici, ter quinis aperit cum fascibus annum.
Supplices hoc famuli, dum scribit, pingit et alter,
mensibus exiguis veterum monumenta secuti,
in melius reparemus opus culpamque priorem
tollimus ac totum breviter comprendimus orbem:
sed tamen hoc tua nos docuit sapientia, princeps[2].

[Труд сей блистательный, и сущность в нем мира объемлется,
Глади морей отмечаются тут, горы, гавани, реки, проливы и грады,
Всем напоказ уж готовые, чтобы узнать поскорей,
Где скрытое что-то лежит, кроткий отпрыск, славный потомок и
Вечно благочестивый, мир кого вместить едва ли может,
Государь Феодосий, отверзши уста высочайшие, повелел
Совершить, новый год власти своей в пятнадцатый раз открывая.

[1] Dicuil, De mensura orbis terrae, I, 1; I, 19, ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 5, 12.

[2] Из оды неизвестного поэта по случаю измерения Земли, предпринятого императором Феодосием. См. Dicuil, De mensura orbis terrae, V, 5, ed. G. Parthey, p. 19 (и след.). [Дж. О. Томсон («История древней географии», 1953, гл. XII, стр. 521) считает, что ирландский монах Дикуил в своем сочинении «Об измерении Земли» (825 г.) неправильно приписывает Феодосию составление карты на основании предпринятого им топографического обзора империи.— *Ред.*]

Служители внемлют, колена склонив, пишут, рисуют одни,
а другие
Месяцев несколько писаниям древних следят неотступно,
К блеску мы труд приведем, ошибки прежние
Исправивши, и кратко мы мир весь обнимем, земного круга
познание нужное.
Но, государь, наставила этому нас мудрость твоя!]

* * *

С этой Серийской страной граничит океан, по которому ходят суда на огромное расстояние до самых Каспийских ворот[1].

* * *

Азия с трех сторон омывается океаном... горы Эмодские, которыми кончается Кавказ, равно как и у предгорий Самары, где река Октороген, текущая с севера, впадает в море на севере и где поэтому океан называется Серийским морем[2].

Император Феодосий I (379—395) сделал, видимо, первую попытку измерения сего земного шара. Источниками той эпохи это сообщение не подтверждается. Оно передано нам только в одном географическом труде IX в., принадлежащем перу ирландского монаха Дикуила, но представляется надежным в историческом отношении. Ведь трудно себе представить, чтобы ирландский монах, не отличавшийся самостоятельностью и занятый почти исключительно перепиской древних источников, мог записать подобное сообщение, не имея под руками каких-либо более древних версий. Данные Дикуила представляются тем более достоверными, что в свой труд он включил даже 12 латинских гекзаметров не названного им по имени поэта. Согласно маловероятному указанию Дикуила, стихи эти написаны миссионерами (*versus praedicatorum missorum*). В них какой-то современник Феодосия в поэтической форме восхвалял предпринятое императором измерение Земли. Классическим совершенством эти стихи отнюдь не блещут, и текст их воспроизведен здесь по оригиналу.

---

[1] «Geographus Ravennaticus», II, 3. [«Равеннским географом» или «Равеннским анонимом» называют автора трактата по географии в пяти книгах, рукопись которого была найдена в Равенне. Впервые эта рукопись была опубликована Поршероном в Париже в 1688 г. под названием «Anonymi Ravennatis de Geographia», libri V, 1688.

Позднее трактат был напечатан А. Якоби в Париже в 1858 г. и Партеем в Берлине в 1860 г. Хотя сама рукопись представляет собой компиляцию, она имеет определенное значение для истории географии. Предполагают, что она относится к VI в. См. B o u i l l e t, Dictionnaire universel d'histoire et de géographie, Paris, 1871, p. 1586.—*Ред.*]

[2] P a u l u s O r o s i u s, I, 1. [Цитируемая Хеннигом «Historia adversus paganos» («История против язычников») была написана в 417 г. священником из Тарракона (Испания) Павлом Орозием.— *Ред.*]

Поскольку Дикуил, которого, видимо, можно отождествить с аббатом Дихуллом из Палахты[1], повествует только об «императоре Феодосии», Партей[2], его издатель, поставил вопрос о том, нельзя ли считать, что речь шла о Феодосии II (408—450). В этом случае измерение Земли следовало бы отнести к 422 г. Такая гипотеза представляется автору этих строк необоснованной. Когда кто-нибудь пишет просто об «императоре Феодосии», он, разумеется, всегда имеет в виду носившего это имя знаменитого «великого» императора, которого после катастрофического для римлян сражения под Адрианополем (9 августа 378 г.) император Грациан назначил правителем римского Востока (19 января 379 г.). На Феодосия была возложена миссия защищать империю от готской опасности. Позднее он объединил под своей властью всю Римскую империю. Феодосий II, напротив, был крайне бездарным императором, которому были совершенно чужды какие-либо высшие духовные интересы. Идея измерения Земли ни в коем случае не могла исходить от такого человека. Только Феодосий I способен был задумать подобное предприятие, которое поэтому следует датировать, согласно оде неизвестного поэта, 15-м годом правления этого императора (393 г.).

После измерения Земли за Восточным морем, ранее чаще всего именовавшимся Скифским океаном (например, у Плиния), в литературе удерживается название «Серийский океан» (*Oceanus Sericus*), и, как видно из введения, им неоднократно пользуются различные авторы. Рихтгофен высказался по этому поводу так: «Землемеры, посланные в IV в. Феодосием Великим для исследования Восточного мира, доложили что Серийский океан и есть Восточное море... Определенность названия «Серийский океан» позволяет сделать следующие заключения: в то время действительно стало известно о том, что границей Страны серов является море»[3].

По мнению Рихтгофена, землемеры, выполняя приказ императора Феодосия, добрались по суше до Тихого океана и установили, что Страну шелка («Страну серов») омывает океан, о чем-де в ту эпоху еще не было известно. В подтверждение своего взгляда Рихтгофен ссылается не на древние литературные источники, а на появившийся в 1806 г. труд французского автора Аже. В этом труде была сделана попытка доказать известную общность античной Греции с Восточной Азией и даже тесную связь между религиозными культами древних эллинов и китайцев. Исследование Аже крайне устарело. Почти по всем затронутым им вопросам мы ныне осведомлены гораздо основательнее и надежнее. Рихтгофена побудила к его высказываниям, очевидно, следующая фраза Аже: «Землемеры, посланные в IV в. Феодосием Великим, повторили то, что утверждал еще Агриппа во времена Августа: согласно их заявлению, Серийским океаном назывался Восточный океан на широте Каспийского моря»[4].

---

[1] A. J. Letronne, Recherches géographiques et critiques sur le livre De Mensura Orbis Terrae par Dicuil, Paris, 1814, p. 25, 139.

[2] G. Parthey, Dicuili liber de mensura orbis terrae, Berlin, 1870, p. XII.

[3] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 522.

[4] J. Hager, Panthéon chinois, Paris, 1806, p. 28.

В то же время Аже в одном примечании ссылается, причем без всяких уточнений, на какую-то «Нумизматику», где якобы обстоятельно изложены все подробности, и добавляет: «Если бы даже дело шло только о труде автора VIII или IX в., как утверждают некоторые критики, то из него все же можно было бы узнать, какое мнение существовало на этот счет во времена Карла Великого». Полагая, что Аже здесь намекает на какой-то китайский труд VIII или IX в., названия или содержания которого, несмотря на самые тщательные поиски, автору этих строк так и не удалось установить, он обратился, наконец, за содействием к проф. Егеру (Гамбург), прекрасному знатоку древнекитайской литературы. Последний чрезвычайно предупредительно отнесся к этой просьбе, и автор получил от него весьма ценное письмо от 3 февраля 1933 г., полностью разрешившее загадку, за которое он выражает свою глубокую благодарность.

Под «Нумизматикой» Аже подразумевал совсем не древнекитайский труд, как можно было заключить из его крайне неясной ссылки, а свою собственную работу, и в частности следующее место: «Описание Земли, составленное по приказу Феодосия Великого на 15-м году его правления, знакомит нас с тем же самым фактом. Там говорится, что народы, живущие к востоку от Каспия, окружены на севере океаном, на западе — Каспийским морем и Кавказом, на юге — горами Тавра, а на востоке — Серийским океаном»[1].

Вслед за тем Аже дословно приводит все второе предложение из труда Дикуила: «Великая Армения... граничит с Тавром» (см. выдержку в начале главы), ссылаясь на «Кодекс Дикуила» 4806 из парижской Национальной библиотеки рукописей[2]. Стало быть, данные Аже и Рихтгофена восходят только к одному Дикуилу, а отнюдь не к более древним латинским или китайским источникам.

Неясная фраза из «Китайского пантеона» Аже ввела в заблуждение даже такого авторитетного ученого, как Рихтгофен, который поверил, будто землемеры Феодосия впервые установили, что Страна серов омывается океаном. Об этом, разумеется, не может быть и речи. Упомянутые землемеры в лучшем случае побывали, вероятно, возле Каспийского моря, но отнюдь не около Тихого океана. Они просто восприняли поддерживавшийся еще Агриппой, Страбоном и другими античными авторами взгляд, что якобы простирающийся с востока океан соединяется с Каспийским морем (см. т. I, гл. 26). Однако по сравнению с более древним представлением, согласно которому океан простирается до Каспийского моря от *Индии*, землемеры подали несколько более правильную мысль о морском пути, ведущем к Каспию от *Страны серов*. Теоретическим *умозаключениям*, а не личным *наблюдениям* и отважным исследовательским путешествиям землемеры Феодосия были обязаны тем, что сумели дать удачное понятие «Серийский океан»,

[1] J. Hager, Description des Médailles Chinoises du Cabinet Impérial de France, précédée d'un essai de Numismatique chinoise, avec les éclaircissements sur le commerce des Grecs avec la Chine, et sur les rares précieux qu'on y trouve encore, Paris, 1805, p. 131.

[2] «Parisiensis Imperialis 4806», membranens., saec. X.

которое быстро укоренилось в географической науке. Приведенные выше совершенно превратные представления о Каспийском море достаточно убедительно показывают, что сведения о нем были приобретены землемерами не путем личного обследования, а почерпнуты исключительно из древних ошибочных описаний. Чрезвычайно показателен в этом отношении 9-й стих цитированных выше 12 гекзаметров, где говорится о том, что на подбор материалов и изучение трудов древних авторов было затрачено только несколько месяцев. Из этого стиха явствует, что работа производилась скорее за письменным столом, нежели на лоне природы.

В лучшем случае, от грандиозного путешествия до Тихого океана, якобы предпринятого римскими землемерами, не остается ничего другого, кроме исследования несравненно более близкого и издревле известного района Каспийского моря. Кроме того, им же принадлежит заслуга введения нового удачного термина «Серийский океан», который скорее всего был придуман в самом Риме или в Византии[1].

---

[1] В настоящее время мы отождествили бы «Серийский океан» с Тихим. Нам, однако, следует иметь в виду, что высказывавшийся еще Колумбом взгляд, согласно которому именно Атлантический океан в своей западной части омывает Восточную Азию, был распространен также и в древности. Серийский океан был тем *Mare magnum*, о котором один раз упоминает Сенека, задаваясь вопросом: «Быть может, Александр хотел исследовать, что находится по ту сторону от бактрийцев и индийцев за Великим океаном?» См. Seneca, Q. N., V, 18, 9.

ГЛАВА 68

ИНДИЕЦ БУДДХАБХАДРА В КИТАЕ

(398 г.)

Фо-то-по-то-ло [то есть Буддхабхадра]... был индийским срамана, потомком Амритодана, дяди Шакьямуни [одно из имен Будды.— *Ред.*]. С 398 по 421 г. он перевел 13 или 15 сочинений, из которых к 730 г. сохранилось только 8, заключенных в 116 томах... Некоторые переводы он сделал совместно с Фа Сянем. Умер Буддхабхадра в 429 г., в возрасте 71 года[1].

В I тысячелетии нашей эры христианские миссионеры, отважно открывая пути в почти неизвестные края, достигли огромных успехов. Так же действовали в Азии сначала буддийские миссионеры, а спустя несколько столетий проповедники ислама. Первыми на этом поприще подвизались буддисты. Деятельность этих благочестивых мужей началась еще в последние века до нашей эры.

В Китай буддизм проник уже в самом начале нашей эры[2], по данным Клапрота[3], в 65 г. при императоре Мин-ди (58—76). Согласно легенде, императору в 62 г. приснилось, будто огромная золотая статуя вошла к нему во дворец. Сон был истолкован как явление Будды, и на этом основании император приказал ввести в своей стране буддизм. Сухопутные связи через Таримскую впадину, по временам крайне оживленные, были снова прерваны еще в 127 г. (см. т. I, гл. 56). Поэтому для поддержания как дипломатических, так и торговых сношений между Западом и Востоком приходилось изыскивать новые пути по морю. Однако бедные паломники и набожные миссионеры все же могли, если им сопутствовала удача, добраться до места назначения. Пробирались они окольными путями, через закрытые от внешнего мира страны, или иными мало хоженными дорогами и горными перевалами. Как бы то ни было, на протяжении 460 лет, с 127 по 589 г., когда торговые пути в Центральную Азию были закрыты, индийские проповедники нередко благополучно добирались из Индии в Китай. Китайские буддисты, как видно из следующей главы, тоже совершали паломничество по сухопутью в Индию.

---

[1] Bunyiu Nanjio, A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist «Tripitaka», the sacred Canon of the Buddhists in China and Japan, Oxford, 1883, Append. II, 42, p. 399.

[2] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 266, 551

[3] H. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris — London — Stuttgart, 1826, p. 62 (и след.).

Разумеется, такие попытки не всегда кончались удачно. Так, например, мы знаем[1], что в 257 г. один благочестивый паломник, китайский буддист, был вынужден повернуть обратно из Таримской впадины, ибо дальнейшее продвижение оказалось невозможным. Между тем вскоре после 300 г. саманеец Фо-ту-цин неизвестным путем добрался посуху из Индии в Китай, причем ему удалось возродить в северо-западных провинциях уже почти совсем заглохшую там буддийскую религию.

Позднее связь между индийским и восточноазиатским буддизмом была слабой, но следы ее влияния все же ощущались. В Корею буддизм проник в 372 г.[2] Неизвестные миссионеры какими-то неведомыми путями проложили себе туда дорогу и, как мы покажем (гл. 70), добрались даже из этой страны до Японии. Проследить пути проникновения большинства таких религиозных влияний невозможно. Они проявляются внезапно, и никто не может сказать, откуда они пришли или кто был их носителем.

В этом отношении торговля и миссионерство почти всегда идут рука об руку, оказывая друг другу взаимное содействие. Правильную мысль высказал как-то Канья: «Торговля всегда была самым лучшим миссионером. Приводя в соприкосновение различные расы и народы и устанавливая с ними временные, а порой и тесные связи, она неизбежно приносит с собой новые религиозные представления и способствует смешению культур»[3].

Сходное мнение высказал и голландский ученый Фогель: «Мы, пожалуй, вправе заключить, что проникновение индийской культуры на Дальний Восток шло мирными путями торговых и других сношений»[4].

И вот, к концу IV в. в Китае появился весьма ученый и высокоавторитетный проповедник буддизма из Индии, по имени Буддхабхадра. Он прожил в Китае 30 лет, до самой своей кончины. За это время Буддхабхадра перевел с санскритского на китайский важнейшие священные рукописи. Источником, передающим известие о прибытии Буддхабхадры, служит китайский каталог к «Трипитака»[5], составленный в период Кай-юань (713—741). Датой приезда Буддхабхадры морским путем в Китай, вероятно, был 398 г. Анэсаки пишет по этому поводу следующее: «Некий индиец, по имени Буддхабхадра, потомок принца из племени шакьев Амритодана, прибыл в Китай в 398 г., на два года раньше прихода Фа Сяня в Индию. После поездки через Северную Индию в Индокитай Буддхабхадра сел в Кохинхине (Намбо) на корабль и отплыл в Китай»[6].

---

[1] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 515.

[2] H. J. Klaproth, op. cit., p. 77.

[3] R. Cagnat, Le commerce et la propagation des réligions dans le monde romain, «Conférences du Musée Guimet», 1909, t. 31, p. 131.

[4] J. Ph. Vogel, The yupa inscriptions of King Mulavarmah, from Koetei (East Borneo), «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Ned. Indië», 1918, B. 74, S. 192 (и след.).

[5] «Трипитака» («Три корзины знания») — трактат, включающий три канонические работы. В нем содержатся правила поведения, проповеди и притчи, а также рассматриваются проблемы буддийской философии.— *Прим. ред.*

[6] См. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1903, p. 368.

Китаец Фа Сянь, в сотрудничестве с которым Буддхабхадра занимался переводами священных рукописей, совершая свое знаменитое паломничество в священную страну буддизма — Индию (см. гл. 69), проделал путь туда по суше, а на родину вернулся морем.

Путешествия Буддхабхадры и Фа Сяня были началом усилившегося культурного обмена по вопросам религии между Индией и Китаем. В каталоге к «Трипитаке», лишь в последнее время ставшем предметом более внимательного изучения, перечисляются еще следующие индийские буддисты, совершившие путешествия в Срединную империю за один только V в.:

Около 410 г.— сингалец Сангхаварми[1]
424 г.— Гуньяварман, внук прежнего царя Кабула
429 г.— три сингальца, не названные по имени
433 г.— сингальские монахини
434 г.— тоже, во главе с Тиссарой
435 г.— Гуньябхадра из Цейлона
438 г.— восемь бхикшуни (монахинь) с Цейлона
442 г.— Сангхаварман[2]

Однако Буддхабхадра, первый из буддийских миссионеров, несомненно, был и самым выдающимся среди них.

В заключение следует только упомянуть, что на протяжении всех этих столетий между Индией и Китаем довольно часто путешествие в обоих направлениях проделывали также послы[3].

---

[1] Царь Цейлона направил этого монаха со статуей Будды из белого нефрита к китайскому императору Сяо-у-ди (373—396), видимо, весьма благожелательного к буддизму. Однако путешествие это длилось целых 10 лет и монах добрался до Китая между 405 и 414 гг., спустя много лет после смерти императора.

[2] Статья Анэсаки. См. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1903, p. 368.

[3] Список этих посольств см. Ersch, Gruber, Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste, Leipzig, B. 17—18, S. 106 (и след.).

ГЛАВА 69

КИТАЕЦ ФА СЯНЬ В ИНДИИ, НА ЦЕЙЛОНЕ И НА ЯВЕ

(399—414 гг.)

Гл. 1. Фа Сянь, живший ранее в Чанъане, проникся печалью, заметив пробелы в законе буддийского вероучения, каким оно в ту пору было известно в Китае. Поэтому во 2-й год правления Хун Ши, что составляло цикл Ки-хай, Фа Сянь решил совершить совместно с Хуай Цином, Тао Ченом, Хуай Юном и Хуай Веем паломничество в Индию для поисков полных списков этого закона...

В пустыне той водится множество злых демонов. Часто дуют жгучие ветры, и застигнутый ими путник погибает. Нет здесь ни птиц, ни диких зверей. Всматриваешься, насколько хватает глаз, и видишь, что путь отмечен костями людей, поплатившихся жизнью за попытку пересечь пустыню. По этой пустыне в течение 17 дней они прошли путь в 1500 ли [480—500 *км*] и прибыли затем в царство Шеншен.

Гл. 2. ...Пробыв здесь месяц и несколько дней, путешественники отправились затем дальше в северо-западном направлении. После 15-дневного перехода они пришли в царство Ву-и [?]... Вскоре они двинулись дальше в юго-западном направлении. На своем пути они не встретили ни жилищ, ни людей. Страдания, которые пришлось претерпеть путешественникам на избранном ими пути, при переправах через реки и преодолении естественных преград, превосходят воображение. После путешествия, длившегося месяц и 5 дней, они прибыли наконец в Хотан.

Гл. 3. В 7 или 8 ли к западу от города стоит сооружение, называемое Новым царским храмом. В течение последних 80 лет три царя радели о завершении его постройки. Высота храма около 80 *м*, и украшен он многочисленными золотыми и серебряными плитами с выгравированными надписями. Всевозможные драгоценные камни были использованы при отделке храма. За главной башней выстроено роскошное святилище Будды с великолепным убранством. Балки, колонны, двери, оконные проемы покрыты листовым золотом. Священнослужителям отведены особые кельи, столь красиво и богато изукрашенные, что словами их не описать. Правители 6 царств, что лежат на восток от горной цепи Цунлин, приносят в виде благочестивых даров этому храму самые ценные из своих сокровищ и в таком несметном количестве, что только малую их долю можно использовать...

Гл. 7. Спустившись с гор Цунлин, они шли в юго-западном направлении 15 дней. Путь этот труден и изнурителен. Горы, подобно каменным стенам, поднимаются до 10 000 футов. Если смотреть по сторонам, то закружится голова, и тогда лучше не идти дальше, а то ноги потеряют опору, и гибель неизбежна. У подножия гор течет река, называемая Синту [Инд]. В древние времена люди прорубили скалы, чтобы проложить дорогу, и высекли для спуска каменные ступени, числом около 700. Спустившись по этим ступеням вниз, путники перешли реку по переброшенному через нее висячему канатному мосту. Один берег реки отстоит от другого на 80 шагов... [Далее следует описание путешествия по странам Северной Индии и приводятся данные, представляющие интерес главным образом для буддистов.]

Гл. 37. Здесь [в государстве Тамалипти, расположенном в устье реки Хугли] Фа Сянь пробыл два года, переписывая священные книги и зарисовывая изваяния [для богослужения]. Затем он сел на большое торговое судно. Они вышли в море и поплыли в северо-западном направлении. Так как дул первый попутный ветер зимнего времени [северо-восточный муссон], они плыли под парусами 14 дней и ночей и прибыли затем в страну львов [Сингхала—Цейлон]...

Гл. 38. Как ни странно, но в царстве этом нет людей, его неселяют лишь драконы и демоны. Сюда съезжаются торговать купцы из разных стран. Во время торга демоны лично не присутствуют, а раскладывают свои прекрасные товары, прикрепляя к ним цены[1]. Купцы уплачивают за товары указанные цены и забирают их...

Гл. 40. В этой стране Фа Сянь пробыл два года. Он продолжал поиски священных рукописей... Фа Сянь сел на большой торговый корабль, вмещавший 200 человек. За большим кораблем, на случай, если в плавании он будет поврежден или потерпит крушение, из предосторожности следовало меньшее судно. В течение двух дней плыли они под парусами при попутном ветре в восточном направлении, как вдруг налетела буря и корабль дал течь. Купцы хотели перейти на маленькое судно, но команда последнего, опасаясь, что хлынувшая толпа его потопит, перерезала буксирный канат, который упал в море. Купцы сильно перепугались и ждали немедленной смерти. От страха течь показалась им еще больше, и они начали бросать за борт свое имущество и товары. Фа Сянь тоже выбросил за борт свои кувшины, таз для омовения и другие вещи из своего имущества. Он очень волновался, как бы купцы не выбросили в море его священные книги и рисунки

---

[1] Здесь описан бытующий еще и доныне на Цейлоне (у веддов) обычай немой торговли. Встречаясь с этим обычаем и в других местах, купцы также иногда думали, что ведут торговлю с невидимыми демонами (см. гл. 97).

[Фа Сянь ищет поддержки в молитве]... Между тем буря свирепствовала 13 дней и ночей. Потом корабль подошел к берегу небольшого острова, и когда наступил отлив, путешественники нашли место для высадки. Забив пробоину, они снова вышли в море и продолжали свой путь. В этом океане бесчинствуют многочисленные пираты, которые внезапно нападают на корабли и все уничтожают. Самое же море простирается беспредельно. Восток не отличишь от запада. Вести корабль можно, только наблюдая за солнцем, луной и звездами. В пасмурную и дождливую погоду судно плывет по воле ветра, не придерживаясь определенного курса. В темную ночь видны лишь громадные валы, разбивающиеся друг о друга и излучающие при этом свет, подобный пламени, да огромные черепахи и другие морские чудища. Купцы очень тревожились, так как не знали, в какую страну они попадут. Их окружало бездонное море; не было такого места, где они могли бы, спустив камень, стать на якорь. Но как только небо очистилось, они стали отличать восток от запада и, взяв правильный курс, поплыли дальше. Натолкнись судно на подводную скалу, для них не было бы никакого спасения. Так плыли они свыше 90 дней и прибыли в страну Юпоти [Ява]. В этой стране процветают ересь и брахманизм, а о законе Будды знают очень мало. Фа Сянь пробыл здесь почти пять месяцев, а затем сел на другое торговое судно, которое тоже вмещало около 200 человек. Они запаслись продовольствием на 50 дней, и в 15-й день 4-го месяца корабль вышел в открытое море.

Фа Сянь очень удобно расположился на борту этого судна. Курс был взят на северо-восток, к Гуанчжоу.

Прошло немногим более месяца, и вот, когда на судне бил 2-й час ночной вахты, внезапно налетел грозный тайфун, сопровождавшийся ливнем. Страх обуял всех купцов и пассажиров... С наступлением дня все брахманы, посовещавшись друг с другом, сказали: «Счастье покинуло нас, и мы попали в тяжелую беду только потому, что на нашем корабле находится этот монах. Давайте высадим его на первый остров, который встретится нам по пути, дабы не погибнуть нам всем из-за одного человека». Тогда сказал духовный наставник Фа Сяня: «Если вы высадите его, то высаживайте и меня вместе с ним. В противном случае лучше убейте меня, ибо если вы действительно высадите на землю этого монаха, то по прибытии в Китай я тотчас же отправлюсь к наместнику императора и доложу ему, что вы сделали. А повелитель этой страны — ревностный приверженец закона Будды и высоко чтит священнослужителей».

Тогда купцы заколебались и не отважились высадить его... Прошло еще почти 70 дней. Рис и питьевая вода были почти на исходе. Для варки пищи употребляли соленую воду, а пресной выдавали по 2 пинты на человека. Когда же и она вышла, купцы,

посовещавшись, сказали: «Обычно на плавание до Гуанчжоу уходит 50 дней, а мы уже на много превысили этот срок. Не следует ли нам самим повести корабль?» После этого в поисках земли они взяли курс на северо-запад. Через 12 дней непрерывного плавания путешественники достигли южного берега Лаушаня [Шаньдун], граничащего с префектурой Чангуан. Там они запаслись свежей пресной водой и продовольствием. Так, после многочисленных опасностей и страха, пережитого в течение долгих дней, путешественники неожиданно попали на этот берег. Увидев растение лехо [тростник], они убедились, что действительно достигли Китая. Не видя, однако, ни людей, ни каких-либо признаков жизни, путешественники усомнились, так ли это. Одни полагали, что судно еще не дошло до Гуанчжоу, другие утверждали, что оно уже миновало эту гавань. Испытывая неуверенность, путешественники направились на небольшой лодке к земле и зашли в какую-то бухту, чтобы справиться, куда они попали. Как раз в этот момент два человека возвращались с охоты домой. Тогда купцы попросили Фа Сяня быть переводчиком и расспросить этих людей [следует разговор с незнакомцами, оказавшимися буддистами]... «Что это за страна?» — «Цинчжоу». Услышав такой ответ, купцы чрезвычайно обрадовались и велели, чтобы их товары немедленно перенесли на землю, а в Чангуан послали гонцов. Префект Лай Юн, верный последователь буддийского вероучения, получив известие о том, что на борту прибывшего судна находится монах со священными рукописями и изображениями, сел на корабль и поднялся на борт судна Фа Сяня, чтобы повидаться с ним [префект берет на себя заботу о Фа Сяне]... Купцы же вернулись обратно в Янчжоу [Фа Сянь отправляется в Нанкин, распорядившись, чтобы туда были доставлены также и священные рукописи]...

Покинув Чанъань, Фа Сянь провел в пути пять лет, прежде чем дошел до Центральной Индии. Там Фа Сянь пробыл шесть лет и спустя еще три года добрался до Цинчжоу. Он прошел через 30 различных стран... Во время равноденствия, в 12-й год Гъяюн правления Иси династии Цзинь, паломник Фа Сянь вернулся на родину[1].

Насколько нам известно, первым китайским паломником-буддистом, проникшим в Индию в 316 г., был срамана (монах) Тао Нань[2]. К сожалению, кроме имени, нам о нем ничего не известно; его труд о путешествии «Сиюйцзи» («Описание западных стран») давным-давно утерян. Составлен он был в 60 книгах и снабжен многочисленными картами и схемами; поэтому легко понять сетование Жюльена, который называет утрату описания этого путешествия «самой прискорбной потерей»[3].

---

[1] H. A. Giles, The Travels of Fa-hien, Cambridge, 1923.
[2] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 555
[3] S. Julien, Histoire de la vie d'Hiouen-Thsang, Paris, 1851, t. III.

Вторым китайским паломником, добравшимся до Индии и исходившим страну во многих направлениях, был срамана Фа Сянь, пробывший в пути целых 15 лет, с 399 по 414 г. К счастью, Фа Сянь, путь которого проходил через 30 государств, тоже оставил описание своего путешествия. Труд Фа Сяня сохранился; он был найден в литературном наследстве Ремюза в Париже и впервые опубликован более 100 лет назад[1]. Насколько беспристрастно изложение, настолько же велика и его культурно-историческая ценность.

Из него мы узнаем, что путь Фа Сяня[2] сначала шел к озеру Лобнор, потом через неизвестную страну Ву-и в Турфан и к северным склонам Куньлуня. Каракорум был преодолен через перевал Янги-Давань. Далее путь шел через Ладакх в Дарель на Инде[3]. В Индии Фа Сянь посетил почти все буддийские святыни в районе Ганга и в находившихся там монастырях изучал и переписывал священные рукописи буддистов. Под конец Фа Сянь сел на корабль в Тамлуке, в устье Ганга, и отплыл на Цейлон, пробыл там еще два года и в 413 г. отправился на торговом судне на Яву. Для этого плавания, очевидно, был избран путь через Зондский пролив, так как в отчете о путешествии совсем не упоминается важнейший город Малаккского пролива — Палембанг. Между тем в гавань этого города корабль непременно зашел бы, следуя по Малаккскому проливу. Еще в гораздо более древние времена Палембанг должен был занимать видное место в транспортных связях Китая (см. т. I, гл. 58)[4]. Вот что говорит об этом Гёц: «Еще до Фа Сяня этот город был известен китайцам под названием Челифоче, арабам — как Срибуца, если он не назывался ими Ява, Явадвипа, или по-китайски — Чепо, по-арабски — Забадш, по-гречески — Забадион (Птолемей)»[5].

Пробыв на Яве 5 месяцев, Фа Сянь захотел вернуться в Китай на другом торговом судне и в мае 414 г. пустился в обратный путь. После месячного

[1] A. Rémusat, Foě-kouě-ki, ed. Klaproth et Landresse, Paris, 1836. Английские переводы: Samuel Beal, London, 1869; James Legge, Oxford, 1886; H. A. Giles, Cambridge, 1923. [Краткое описание маршрута путешествия Фа Сяня см. В. Т. Зайчиков, Путешественники древнего Китая и географические исследования в Китайской Народной Республике, Географгиз, 1955, стр. 17—19; отрывки из описаний путешественника см. Ш. Менон, Древней тропою, Издательство иностранной литературы, 1958, стр. 85, 88 и др.— *Ред.*]

[2] Подробный маршрут путешествия см. Ersch, Gruber, Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste, B. 17, 18, S. 106 (и след.); F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 517. См. также Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, B. IX, 2, S. 1370.

[3] Описание Ладакха и перевалов, через которые проходили древние торговые пути, см. И. И. Петров, За Гималаями, Географгиз, 1958, стр. 56—60, 155—167.— *Прим. ред.*

[4] Хотя парусники из-за режима ветров предпочитали по возможности плавать Зондским проливом (см. т. I, стр. 408 и след.), суда, намеревавшиеся зайти в Палембанг, разумеется, должны были пользоваться Малаккским проливом. Об этом определенно говорится в отдельных сообщениях, например по поводу путешествия И-Цзина в 671 г. (см. ниже, стр. 49), плавания Вайсабодхи в 717 г. с Цейлона через Никобарские острова и Палембанг в Китай и другие страны.

[5] H. Goetz, Epochen der indischen Kultur, Leipzig, 1929, S. 253.

плавания, однако, путешественников застигло ненастье и, сбившись с курса, они целый месяц бесцельно носились по морю. Суеверие спутников, считавших, что беду навлекло присутствие духовного лица на борту судна, чуть не заставило Фа Сяня разделить участь библейского Ионы[1] или по меньшей мере высадиться в принудительном порядке. В конце концов кормчий, изменив курс, взял направление на северо-запад и спустя еще 12 дней благополучно привел корабль и пассажиров в Китай, правда не в Гуанчжоу, куда он собственно направлялся, а в Лаошань на Шаньдунском полуострове!

По возвращении на родину из своего несомненно грандиозного путешествия Фа Сянь обнаружил, что в Китае буддийская религия временно подверглась гонениям и ни у кого не было желания извлечь пользу из его обширных географических знаний. Итак, достижения Фа Сяня вряд ли привели к непосредственным практическим результатам. Тем не менее его путешествие, вероятно, побудило возобновить дипломатические сношения между Индией и Китаем. В 425 г. царь Кьяпили (Капила) направил к китайскому императору дипломатическую миссию, и после 205-летнего перерыва были восстановлены старые дружественные связи со взаимным подношением даров. Эти связи поддерживались и в дальнейшем, так как в 440 г. китайцы переняли у индийцев более совершенный метод исчисления солнечных и лунных затмений[2], а в 466 г. в Китай снова прибыло индийское посольство.

Благодаря путешествию Фа Сяня участились также и паломничества набожных буддистов из Китая в Индию. Самыми выдающимися паломниками после Фа Сяня были: Фа Юн (420 г.), Дхармакрама (453 г.), Сун Юнь (518 г.), Сюань Цзан (629—645 г.), И Цзин (671—695 г.) и У Кун (751—754 г.).

Из своего путешествия паломник Сун Юнь привез на родину в Китай 172 священные рукописи[3]. Впрочем, здесь перечислены лишь самые выдающиеся путешествия среди многочисленных странствий подобного рода. Маршрут особенно затянувшегося путешествия И Цзина шел из Гуанчжоу через Палембанг, Кедах, Нагапатам и Цейлон в Индию. И Цзин посетил 30 различных стран. Особенно длительные остановки на обратном пути он сделал в Тамалипти и Палембанге. Когда же благочестивый паломник наконец вернулся в Хэнань, его пример так подействовал на других, что не менее 56 из его ближайших учеников тоже предприняли паломничество в Индию и в сопредельные с ней страны[4], совершая при этом переходы то посуху, то морским путем.

---

[1] Согласно библейской легенде, Иона нарушил приказ бога Ягве и вместо Ниневии направился в Тарсис. Ягве наслал на его корабль бурю, и испуганные корабельщики бросили Иону в море, где его живьем проглотила огромная рыба.— *Прим. ред.*

[2] F. Richthofen, op. cit., B. I, S. 517.

[3] C. F. Neumann, Pilgerfahrten buddhistischer Priester aus China und Indien, «Illgens Zeitschrift für historische Theologie», 1833, B. III, S. 114.

[4] S. Beal, The life of Hiuen-Tsiang, by the Shaman Hwui-li, London, 1914, p. XXVI (и след.).

Позднее путешествия буддистов из Китая в Индию[1] стали настолько заурядным явлением, что в XIV в. мусульманин Ибн-Баттута просто сообщает об одном «языческом храме» в районе Ганга, что «туда паломничают китайцы»[2].

По своему культурно-историческому значению странствия Фа Сяня могут быть, пожалуй, поставлены в один ряд только с путешествием Сюань Цзана, подробное описание которого сохранилось до наших дней (гл. 77). Сюань Цзан тоже странствовал свыше 16 лет как по суше, так и по морю.

---

[1] Более поздние исследования этого вопроса Шаванном, Пеллио, Губером и др. см. «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient» (за разные годы).

[2] «Ibn Batutas Reisen», ed. H. Mžik, Hamburg, 1911, S. 247.

ГЛАВА 70

БУДДИЙСКИЙ МОНАХ ХУАЙ ШЕНЬ В «ФУСАНЕ»

(499 г.)

...Вот что сообщил о царстве Фусан, прибывший оттуда в Гинчжоу [северо-западнее озера Дунтинху] в год Юнюэнь династии Ци шаман [монах] Хуай Шень.

Царство Фусан расположено более чем в 20 000 ли к востоку от Таханя [согласно Клапроту — Сахалин]. Оно лежит также на восток от Китая. В той стране растет много деревьев фусан, и по ним она получила название. Своими листьями фусан походит на тунговое дерево. Выходит оно из земли наподобие побегов, которые туземцы употребляют в пищу. Плоды этого дерева красного цвета и похожи на груши. Из его коры изготовляют ткань для одежды и вату. Люди строят свои жилища из досок. Города не обнесены валами. Там пользуются письменами, а бумагу изготовляют из коры дерева фусан. Войска у них никакого нет, и потому им вовсе неведома война...

Когда правитель покидает свой дворец, об этом возвещают барабаны и трубы. Его сопровождает охрана. Сообразно с годами цикла властитель меняет свое одеяние... У тамошних быков необычайно длинные рога, доходящие до 20 ху. В повозки впрягают лошадей, быков и оленей. Туземцы разводят оленей в качестве домашнего скота, подобно тому как в Китае разводят коров. Из молока этих животных изготовляют масло. Там растут тутовые и грушевые деревья, которые сохраняют листву в течение всего года. Кроме того, имеется в изобилии виноград. В этой стране нет железа, но зато есть медь. Золото и серебро там совсем не ценятся. На рынках не знают ни налогов, ни твердых цен...

Когда на престол вступает новый правитель, он в течение трех лет не занимается никакими государственными делами. Раньше учения Будды в этой стране не знали. Во 2-й год эры правления Да-мин династии Суп [458] в Фусан пришли из царства Кипин [Кабулистан] 5 странствующих нищих монахов и принесли туда идолов и священные буддийские рукописи. Монахи распространили их среди жителей, которые впоследствии изменили свои обычаи[1].

[1] «Ляншу» («Летописи Лянской династии»), кн. 54. См. E. Bretschneider, Über das Land Fusang, «Mittelungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens», November 1876, B. 2, H. 11, S. 3 (и след.)

Уже почти 200 лет между учеными идет оживленный спор по вопросу о том, в какой именно «стране Фусан» мог побывать китайский монах Хуай Шень, по данным которого летописи Ляпской династии (502—557) сообщают странные, частично плохо согласующиеся факты. Приведенное выше содержание кн. 54 этих летописей вплоть до последнего времени нередко приводило при попытках его толкования к самой необузданной игре воображения. Но, как это бывает в большинстве подобных случаев, несравненно более правдоподобными представляются самые простые и трезвые толкования, а не сенсационные предположения, усматривающие в бесхитростном рассказе Хуай Шеня не более и не менее как намек на открытие китайцами Америки за 1000 лет до Колумба!

Уже первый ученый, ознакомивший в 1761 г. европейцев с приведенной выше цитатой из китайской летописи и пытавшийся ее истолковать, дал волю своей легко воспламеняющейся галльской фантазии и перенес Фусан в Америку[1]. Еще до него такой же неистовый фантазер, немец Хорн, совсем не знавший рассказа о Фусане, не смущаясь, утверждал, что в древности китайцы, японцы и корейцы совершали многочисленные плавания в Америку[2].

К сожалению, эта гипотеза оказалась столь привлекательной, что впоследствии к ней примкнул ряд других исследователей преимущественно французов, но также англичан, немцев и американцев[3]. Даже сравнительно недавно эта нелепая гипотеза об открытии Америки китайцами, основанная на отчете 499 г., упорно отстаивалась одним испанским ученым[4]. Более того, один псевдоученый борзописец, находивший, к сожалению, много читателей, утверждал совсем явную нелепость, будто отчет Хуай Шеня свидетельствует о том, что в V в. заморские экспедиции из Восточной Азии в Америку и обратно были вообще «привычным делом»[5].

---

[1] J. de Guignes, Recherches sur les navigations des Chinois du côté de l'Amérique, «Recueil de l'Académie des Inscriptions», t. XXVIII, p. 505 (и след.).

[2] G. Horn, De originibus Americanis, Haag, 1652, p. 238 (и след.).

[3] H. de Paravey, L'Amérique sous le nom de pays de Fousang, Paris, 1844; C. F. Neumann, Mexiko im 5-ten Jahrhundert unserer Zeitrechnung, München, 1845; G. d'Eichthal, Etude sur les origines bouddhiques de la civilisation américane, Paris, 1865; статья Сен-Дени, см. «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions», 22 octobre 1875; Ch. G. Leland, Fusang or the discovery of America by Chinese Buddhist priests in the 5th century, London, 1875; P. Barrow Watson, Bibliography of the Precolumbian discoveries of America, New York, 1881; «Literary Journal», New York, August, 1884; E. P. Vining, An inglorious Columbus, New York, 1885; W. H. Tillinghast, The geographical knowledge of the ancients considered in relation to the discovery of America, см. J. Winsor, Natural and critical history of America, Boston, 1889, ch. 1; O. Moosmüller, Europäer in Amerika vor Columbus, Regensburg, 1879.

[4] S. Massip, Un viaje precolombino de los Chinos a la América del Norte, «Actas y Memorias del Congreso de Historia y Geografia Hisp. Amer., Mai 1921», Madrid, 1922.

[5] E. Georg, Verschollene Kulturen, Leipzig, 1930, S. 156.

В противоположность этим утверждениям работавший в Китае французский миссионер патер Гобиль еще в 1752 г. в письме к жившему в Париже монаху предостерегал последнего от таких неумеренных толкований и с отрадным здравомыслием высказал по этому поводу следующую мысль: «Все, что ты мне сообщаешь о сочинении де Гиня относительно стран Вешшинь и Тахань и путешествий в далекие края, на восток от Японии, могло привести тебя к убеждению, что китайцы знали Америку. Однако подлинными текстами их рукописей это никак не подтверждается, и при столь необоснованных выводах можно было бы с таким же правом утверждать, что китайцы побывали во Франции, Италии или Польше»[1]. —

Позднее Клапрот, выдающийся специалист по истории Азии, еще решительнее предостерегал от таких толкований, рассчитанных на дешевую сенсацию. Он подчеркнул, что Фусан не следует искать нигде, кроме самой Восточной Азии, возможно на Японских островах[2]. К мнению Клапрота вначале присоединился только высокоэрудированный французский географ Вивьен де Сен-Мартен[3]. Спустя 40 лет Бретшнейдер, полемизируя по поводу слишком необоснованных гипотез канадского француза Леланда, в свою очередь привел неопровержимые доказательства, подтверждающие, что об отождествлении Фусана с одной из американских стран не может быть и речи[4]. Бретшнейдер считал, что ничто не препятствует рассмотрению отчета Хуай Шеня как простой сказки и что при попытке географического толкования названия «Фусан» серьезного внимания заслуживает только одна гипотеза, выдвинутая Клапротом. Тем не менее эта проблема оставалась настолько неясной, что Парижский конгресс востоковедов, состоявшийся в 1875 г., решительно отказался занять определенную позицию в вопросе о Фусане.

Позднее голландский исследователь Шлегель также признал Фусан одной из стран Восточной Азии, хотя склонялся больше в пользу Сахалина, чем Японии[5]. Наконец, как указывал автор этих строк, американскую теорию нужно отвергнуть хотя бы уже по следующему соображению. Хотя плавание китайского или японского корабля в Северную Америку можно было совершить в любое время при помощи «Черного течения» (Куро-Сиво), этого «Гольфстрима Тихого океана» (Бэльц), возвращение против течения в ту эпоху, несомненно, было делом неосуществимым[6].

---

[1] «Nouveau Journal Asiatique», 1832, p. 335.

[2] H. J. Klaproth, Annales des Empereurs du Japon, Paris, 1834 (примечание IV); Recherches sur le pays de Fousang mentionné dans les livres chinois et pris mal à propos pour une partie de l'Amérique, «Nouvelles Annales des voyages», t. XXI, sér. 2.

[3] L. Vivien de Saint-Martin, Histoire de la géographie, Paris, 1873.

[4] E. Bretschneider, Über das Land Fusang, «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens (Yokohama)», November 1876, S. 1.

[5] G. Schlegel, Fou-sang Kouo, «Problèmes Géographiques», Leiden, 1892, p. 29.

[6] R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, München, 1925, S. 184.

Разумеется, не подлежит сомнению, что на протяжении тысячелетий многие жители Восточной Азии, гонимые течением Куро-Сиво, против своей воли попадали в Северную Америку. Вполне правдоподобно также, что в районе Южных морей течения тоже переносили людей и культурные влияния из Полинезии, Микронезии и Юго-Восточной Азии в Южную Америку[1]. В последнее время благодаря Гентце был даже представлен материал, который со всей полнотой и убедительностью доказывает, что еще в доисторические времена многочисленные элементы восточноазиатской культуры проникали по ту сторону океана, в Новый свет, где они теперь повсюду распознаются опытными специалистами[2]. Впрочем, еще раньше неоднократно доказывался бесспорный факт существования подобных связей между Восточной Азией и Америкой на основании поразительных совпадений в астрономических представлениях народностей, живших по обе стороны океана, а также в их мифологических образах, например в изображениях бога преисподней в виде тысяченогого существа[3]. Выдающийся знаток древней истории Америки Уле считал, что уже примерно к 500 г. до н. э. значительное число людей из Восточной Азии переселилось на Американский материк, следуя, вероятно, морским путем. Здесь они выступали в роли носителей культуры, хотя были ассимилированы коренными жителями. Такой же глубокий знаток древней американской культуры Леман пошел еще дальше, предполагая даже, что Восточная Азия оказала плодотворное культурное влияние на Мексику еще в III тысячелетии до н. э.[4] Итак, сам по себе тот факт, что китайский миссионер очутился в Северной Америке во времена Хуай Шеня, еще можно считать вероятным. Но нельзя себе представить, что известие об этом могло дойти до Китая. Поэтому мы, безусловно, должны отвергнуть гипотезу, согласно которой Фусан следует искать на Американском континенте.

Стремление столь значительного числа исследователей непременно перенести Фусан в Америку объясняется главным образом указанием Хуай Шеня, что страна эта лежит на расстоянии «20 000 ли» к востоку. Строго говоря, и 20 000 ли, отложенные на широте Китая, соответствовали бы, конечно, только 60° долготы и привели бы к Гавайским островам. Поэтому фантазер Леланд, ничтоже сумняшеся, взял да и «исправил» цифру 20 000 на 40 000. Но, во-первых, китайская мера длины ли с течением времени

[1] Статьи Рихарда Тёйбера. См. «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 90, 283.

[2] C. Hentze, Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amérique, Antwerpen, 1936.

[3] E. Seler, Die Korrekturen der Jahreslänge und der Venusperiode in den mexikanischen Bilderschriften, «Zeitschrift für Ethnologie», 1903, B. XXXV, S. 27; E. Stucken, Der Ursprung des Alphabets und der Mondstationen, Leipzig, 1913, Kap. 9; Spuren des Himmelsmannes in Amerika, «Archiv für Anthropologie», 1915, B. XIII, S. 321; F. Röck, Kalender, Sternglaube und Weltbilder der Tolteken als Zeugen verschollener Kulturbeziehungen zur Alten Welt, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien», 1922, B. LII, S. 43.

[4] Из письма Вальтера Лемана к графу Фойкффи, Оберстдорф, от 11 января 1939 г. (оригинал был любезно предоставлен в распоряжение автора).

сильно менялась. Кроме того, учитывая цветистый стиль китайских авторов, что уже отмечалось ранее (см. т. I, гл. 44), приведенной цифре не следует придавать особого смысла, ибо ничего другого, кроме «очень далекий», она не означала. Эту точку зрения с достаточной четкостью отстаивал прежде всего Вивьен де Сен-Мартен: «Ничего, кроме очень дальнего расстояния до Фусана, нельзя понимать под цифрой 20 000 ли, указанной в источнике. Но если бы мы даже захотели принять это указание буквально, придерживаясь при этом также восточного направления, то от низовьев Амура, обогнув Сахалин, минуя Курильские острова и следуя вдоль длинной цепи Алеутских островов, едва ли попадешь далее полуострова Аляска, то есть в область с весьма характерным для севера климатом и крайне отсталым населением»[1].

Далее Вивьен де Сен-Мартен вполне справедливо отмечает, что одно лишь упоминание о наличии в Фусане лошадей и быков, а также об умении изготовлять масло уже исключает возможность какой бы то ни было идентификации этой страны с Америкой, где до Колумба одомашненный крупный рогатый скот еще не был известен. Попытка отождествить «быков» с буйволами Северной Америки необоснованна, так как последние никогда не приручались и не использовались для упряжки. И если некоторые комментаторы были склонны отождествлять «оленей» Хуай Шеня с северными оленями, то по этому поводу следует напомнить, что последних никогда не разводили в странах с высокой плотностью населения, да еще в таких, где имелась своя письменность и где умели изготовлять бумагу. На этом основании Вивьен де Сен-Мартен пришел к несомненно убедительному выводу, что «ничего общего с Америкой Фусан не имеет».

И все же люди, которым восточноазиатская теория казалась недостаточно сенсационной, снова и снова выдвигали нелепую гипотезу, согласно которой путешествие Хуай Шеня будто бы привело к «первому до Колумба открытию Америки» (Уатсон)!

Кроме обоснований, приведенных Вивьен де Сен-Мартеном, имеются и другие надежные доказательства, что ни о каком описании американских условий китайским путешественником не может быть и речи. Весьма существенное значение в данной связи имеет, например, сообщение Хуай Шеня о дереве фусан, которому страна будто бы обязана своим названием.

Приверженцы американской теории склонны считать дерево фусан американским алоэ, называемым также агавой (*Agave americana*), или даже одним из видов кактуса (Леланд). Но так как всем этим растениям не свойственны ни похожие на груши плоды, ни сердцевидные листья, ни кора, пригодная для производства бумаги, Бретшнейдеру нетрудно было доказать несостоятельность такого толкования[2]. Напротив, описание дерева фусан во всех подробностях как нельзя лучше подходит к бумажной шелковице (*Broussonetia papyrifera*), часто встречающейся на островах Восточной Азии. Не может быть больше никаких сомнений, что Хуай Шень имел в виду это дерево. Отсюда напрашиваются выводы, имеющие решающее значение.

[1] L. Vivien de Saint-Martin, op. cit.
[2] E. Bretschneider, op. cit., S. 7.

Поскольку в источнике дано превосходное описание реально существующего растения, нет никакого основания считать отчет Хуай Шеня сказкой. Кроме того, бумажная шелковица нигде в Америке не растет, но в большом количестве встречается в Восточной Азии. Следовательно, нельзя искать Фусан восточнее ареала распространения этого дерева. Гипотеза Шлегеля о тождестве Фусана с Сахалином сама по себе допустима, так как там распространена бумажная шелковица. Но низкий уровень культуры коренного населения этого острова, наблюдавшийся до сравнительно позднего времени, не позволяет предполагать, что 1400 лет назад там могли пользоваться письменностью и изготовлять бумагу. Невероятно также, что на Сахалине обитало весьма многочисленное население и была уже сложившаяся государственная организация. По тем же соображениям исключаются и Курильские острова, которые наряду с Сахалином был склонен отождествлять с Фусаном Кордье[1].

Следовательно, не остается ничего другого, как искать Фусан в *Японии*, то есть согласиться с точкой зрения Клапрота и Бретшнейдера. И хотя *название* «Фусан», возможно, значительно древнее отчета Хуай Шеня, в подтверждение чего Бретшнейдер привел доказательства из литературных источников, все же «страна Фусан» паломника Хуай Шеня, совершившего свое путешествие в 499 г., могла находиться *только* на Японских островах!

Данные о полном отсутствии в Фусане железа прекрасно согласуются с условиями в Японии, где и в настоящее время ощущается большой недостаток собственной железной руды.

Сообщение Хуай Шеня о наличии в Фусане лошадей также можно рассматривать как один из самых веских аргументов против отождествления загадочной страны с Америкой, где этих животных не знали. В Японии же, как известно, лошади тогда уже были. Правда, составленные в III в. китайские летописи династии Вэй подчеркивают на основании донесений китайских послов, что в стране Во (северо-запад Японии) совсем не знают лошадей. Однако со времени японского похода в Корею в 363—369 гг. эти животные, несомненно, уже появились в Японии[2], и спустя 130 лет паломник Хуай Шень уже мог их там увидеть.

На первый взгляд может показаться странным сообщение о том, что в 499 г. буддизм уже укоренился в Фусане. Историками твердо установлено, что исповедование буддизма в Японии было разрешено только в 552 г., а после победы партии буддистов[3] при императоре Йомэ (586/87) он уже в 621 г., в царствование императрицы Суйко, был объявлен государственной религией[4]. Тем не менее никакого противоречия здесь нет. Несомненно, первому признанию буддизма в Японии должен был предшествовать более

---

[1] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 560.

[2] A. Wedemeyer, Japanische Frühgeschichte, Tokio, 1930, S. 112, 113 (примечание 243).

[3] Aston, Nihongi, London, 1896, v. II, p. 106; Gundert, Japanische Religionsgeschichte, Tokio, 1935, S. 28.

[4] F. E. A. Krause, Geschichte Ostasiens, Göttingen, 1925, B. I, S. 225.

длительный период, когда в стране делались попытки насадить это вероучение, что, однако, не получило отражения в официальных государственных хрониках «Нихонги». Подобные попытки в V в. тем более вероятны, что в соседней с Японией Корее буддийскую религию приняли государства Когурё (в 372 г.), Пэкче (в 384 г.), а расположенная на востоке полуострова Силла — вскоре после 400 г.[1]. Однако между Японией и Кореей постоянно поддерживались отношения, носившие попеременно то мирный, то враждебный характер. В 391 г. японцы завоевали Силлу и Пэкче, но позднее, при попытке подчинить своей власти также и государство Когурё, потерпели в 404 г. тяжелое поражение[2], которое нанес им правитель последнего Гоан Каито (392—413). В то же самое время открылся доступ в Японию для китайской культуры. В 405 г. через посредство корейца Вани японцы заимствовали китайские иероглифы[3] и приобрели первые китайские книги. «Едва ли можно еще подвергать сомнению»[4] тот факт, что около 426 г. в Японии было введено шелководство, также заимствованное из Китая. Впрочем, китайский шелк, видимо, был известен в Японии значительно раньше, так как имеется свидетельство о подношении в дар японской императрице в 243 г. красно-зеленых шелковых платьев и шелкового платка[5]. Кроме того, в V в. через Корею поддерживались дипломатические связи между Китаем и Японией: китайские послы посетили Японию в 425, 443, 462, 466 и 478 гг.; в свою очередь японские посольства побывали в Китае в 464, 468 гг. и т. д.[6]

Представляется вполне естественным, что при этих условиях буддизм, проявлявший во все времена большую активность, пользовался в течение этих десятилетий всяким удобным случаем, чтобы укрепиться в Японии. Итак, при отождествлении Фусана с Японией сообщение Хуай Шеня о прибытии в Фусан первых буддистов, выходцев из Кабулистана, в 458 г. хорошо согласуется с рассмотренными выше историческими связями.

В древних японских источниках приводится более ранняя дата появления первых буддистов в Японии: хроники «Кай гэн року», составленные около 730 г., датируют его 411/12 г. н. э., а записанные еще в 667 г. «Най ден року» — 406 г.[7]. Независимо от того, какое из этих указаний представляется более надежным, можно считать установленным, что в V в. в Японии уже были буддисты. Около 500 г. в этой стране, несомненно, уже имелись одна или несколько небольших буддийских общин. Об этом свидетельствует

---

[1] L. de Rosny, La civilisation japonaise, «Bibliothèque Orientale Elzévirienne», Paris, 1883, v. XXXVI, p. 230, 231.

[2] M. Courant, Stèle chinoise du royaume Ko Kou Rye, «Journal Asiatique», 1898, p. 229, 232.

[3] G. Nachod, Geschichte von Japan, Gotha, 1906, S. 14, 72; K. Haushofer, Das japanische Reich, Wien, 1921, S. 12.

[4] «Nihongi», ed. K. Florenz, Tokio, 1892, B. I, S. 72 (и след., примечание 106).

[5] A. Wedemeyer, Japanische Frühgeschichte, Tokio, 1930, S. 184.

[6] Aston, op. cit., v. I, p. 347—363.

[7] Riauyon Fujishima, Le bouddhisme japonais, Paris, 1889, p. 19. См. также M. W. de Visser, Ancient Buddhism in Japan, Leiden, 1928—1935; G. Schlegel, op. cit., p. 23.

и тот факт, что прибывший в 522 г. в Японию китайский буддист установил в главном округе Ямато одну из привезенных им с собой статуй Будды[1], а через несколько лет в Японии объявился первый святой проповедник, прибывший из самой Индии (см. гл. 73). Таким образом, и в этом отношении гипотеза о тождестве Фусана с Японией заслуживает полного доверия.

Но в отчете Хуай Шеня остается неясным *одно сообщение*, а именно об оленях, которых в Фусане использовали в упряжке. Как известно, только северные олени относятся к числу одомашненных человеком. Между тем северный олень, видимо, на островах Восточной Азии не водился нигде, кроме Сахалина, но там японская культура никогда прочно не укоренялась. Проф. Штехов, консультант автора по вопросам зоологии, высказал предположение, что Хуай Шень, возможно, имел в виду редкий вид оленя — милу (*Cervus davidianus*), впервые обнаруженный в 1865 г., а затем в 1900 г., находившийся в приручепном состоянии в парке императорского дворца в Пекине. Очевидно, живущих на свободе экземпляров этого вида больше не существует, поэтому он даже не назван в первом издании «Жизни животных» Брэма[2]. По мнению Штехова, это животное, водившееся, вероятно, в Северной Азии, приручали еще в весьма древние времена. Предположение, что Хуай Шень видел в Японии прирученных оленей милу, недоказуемо, но вполне вероятно.

Впрочем, вопрос этот имеет второстепенное значение. Если бы даже сообщение Хуай Шеня относительно прирученных оленей в Фусане не подтвердилось, то вряд ли это повлияло бы на убедительность доказательств, говорящих в пользу отождествления Японии с Фусаном. Как легко в те далекие времена могли возникать совершенно ошибочные представления, основанные на принятых на веру слухах, а затем письменно зафиксированные, свидетельствует одна запись из летописей младшей Ханьской династии. Она была сделана всего за несколько десятилетий до Хуай Шеня и сообщает о том, что в Японии нет ни быков, ни лошадей, ни мечей и все жители должны подвергаться татуировке[3]. Смешение японцев с айну? Между тем точно установлено, что в Японии, в полную противоположность Америке, еще в древности занимались приручением буйволов. Это обстоятельство как особенно характерную черту своей родины определенно подчеркивал японец Тёнен при посещении Китая в 984 г. (см. гл. 101).

Может показаться странным, что к Японии относят название «Фусан», которое ни разу не встречается в исторических письменных памятниках и сохранилось лишь в преданиях. В древнекитайской литературе Японские острова постоянно именуются Во или Ва (см. т. I, гл. 50)[4]. Впрочем, и это

---

[1] G. Nachod, op. cit., S. 282, 283.

[2] В издании 1916 г. об этом олене упоминается в т. XIII, а рядом дано и его изображение.

[3] Кёрин Мацухита, Исё Нихон дэн, 1693. Стереотипное издание вышло в Токио в 1910 г.

[4] Согласно Ведемейеру, это название сначала относилось только к западным районам Японии, которые первыми стали известны китайцам. См. op. cit., S. 144 (примечание 325).

возражение несущественно. Название «Во» употребляется только в *официальных* документах и носит несколько презрительный оттенок (вону означает карлики-рабы), отражая притязание китайских императоров на суверенитет над Японией. Вряд ли столь пренебрежительное название могло применить в своем отчете частное лицо, относящееся к этой стране с симпатией. Не исключено также, что из-за многочисленности островов и раздробленности Японии на подвластные местным правителям мелкие округа, насчитывавшиеся в прежние времена сотнями[1], имелось огромное количество географических и политических названий, не засвидетельствованных никакими источниками. В летописях старшей Ханьской династии, например, название «Ва» относится только к *западной* части Японии[2].

Упомянем также об одном сообщении Бретшнейдера, которое если и не имеет решающего значения, то все же не лишено интереса[3]. В распоряжении этого исследователя была весьма старая, состоявшая из 15 глав книга по древней истории Японии неизвестного происхождения. Она была написана на японском языке и носила название «Очерк истории Фусана» («Фусан лио ки»). Впрочем, и красивый декоративный кустарник *Hibiscus Rosa sinensis*, по сообщению Бретшнейдера, еще и теперь носит в Китае название «фусан»[4]. Не подлежит, конечно, сомнению, что этот кустарник не имеет никакого отношения к дереву фусан, упомянутому Хуай Шенем. Это просто случайное совпадение названий, но оно все же свидетельствует о том, что слову «Фусан» можно приписать только восточноазиатское происхождение.

Исходя из этих фактов, автор готов со всей решительностью отстаивать предположение, что «страна Фусан», упоминаемая Хуай Шенем, могла находиться *только в Восточной Азии*, вероятнее всего, где-нибудь на Японских островах[5]. Применение названия древней легендарной «страны Фусан» вызывает тем меньше сомнений, что само предание о 10 чудесных морских островах Фусан (восточноазиатский вариант эллинских Гесперид) прослеживается в глубь дохристианских времен. Возможно, оно имеет под собой географическое основание и возникло лишь благодаря весьма древнему, неясному сообщению о Японских островах.

---

[1] E. H. Parker, Early Japanese History, «China Review», 1874, p. 216.

[2] A. Wedemeyer, Frühgeschichte Japans, Tokio, 1930, S. 144, (примечание 325).

[3] E. Bretschneider, op. cit., S. 8.

[4] Ibidem, S. 9.

[5] Советский этнограф А. Н. Максимов в отличие от Хеншига считает, что «царство Фусан прямо вымышленно». См. А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Ученые записки института истории РАНИОН». М., 1928, т. VI, стр. 3—37. —*Прим. ред.*

ГЛАВА 71

ПОСОЛЬСТВО ЭСТОВ В ИТАЛИИ У ТЕОДОРИХА

(около 524 г.)

По прибытии сюда ваших послов мы узнали о проявленном с вашей стороны горячем стремлении познакомиться с нами, дабы вам, живущим у берегов океана, установить связи с нашей благосклонной милостью. Ваше желание, чтобы и от нас также дошла весть до вас, к коим мы не имели возможности снарядить посольство, было нам угодно и приятно. Проявите же расположение к тем, кто отныне вам знаком и кого, преисполненные интереса, вы искали, как незнакомцев. Впервые пуститься в путь, проходящий через такое множество народностей,— это нечто такое, чего нельзя предпринять опрометчиво. Поэтому от всего сердца мы приветствуем вас и уведомляем, что присланные вами через послов куски янтаря приняты с чувством благодарности. Как явствует также из отчета ваших послов, это весьма легкое вещество у вас выбрасывает на землю падающая волна океана. Но, как говорили послы, вам неизвестно, откуда берется янтарь: собственно говоря, вы получаете его преимущественно перед всеми людьми, ибо ваша земля просто дарит его вам. По сообщению Корнелия [Тацита][1], янтарь, видимо, происходит из смолы (*ex suco*) одного дерева, растущего на более отдаленных островах океана, в связи с чем его называют также *sucinum*, а затем он медленно твердеет под влиянием солнечного тепла. Просочившись, смола становится нежным прозрачным материалом, то принимающим красноватый цвет крокуса, то ярко пламенеющим (*pinguescens*), как огонь, так что прибитый к морским берегам и отшлифованный чередующимися приливами и отливами, он преподносится вам волной, выбрасывающей его на ваш берег.

---

[1] Имеется в виду сообщение римского историка Корнелия Тацита о сборе янтаря эстами. В отличие от других ученых древности Тацит правильно понимал органическое происхождение янтаря, но считал его современным образованием, а не ископаемой смолой третичных хвойных деревьев, какой он является на самом деле. Впервые научное обоснование происхождения янтаря дал М. В. Ломоносов. См. К о р н е л и й Т а ц и т, Германия, гл. 45, Соч., т. I, 1886, стр. 64; см. также А. Н. И в а н о в, М. В. Ломоносов об ископаемых организмах и органогенных горных породах, «Ученые записки Ярославского государственного педагогического института», 1952, вып. XIV, стр. 176—180.—*Прим. ред.*

Мы сочли нужным вам это так подробно описать, чтобы вы не подумали, будто от нашего знания укрыто то, чем, по вашему мнению, вы владеете как тайной. Итак, почаще посещайте нас по путям, которые открыло ваше расположение, ибо всегда полезно снискивать дружбу богатых царей, кои, порадованные малым подношением, всегда помышляют отдарить бóльшим. Вашим послам мы поручаем передать вам кое-что устно, и они же доставят вам то, что должно вас порадовать[1].

Нам известно из гл. 20 и 49, что янтарь, этот желанный товар, торговля которым имела в древности такое необычайно важное значение, почти на протяжении двух тысячелетий доставлялся прежде всего с берегов Северного моря с территории современного Шлезвиг-Гольштейна. Однако со времен Римской империи янтарь доставлялся главным образом с Земландского полуострова. Приблизительно с 67 г. н. э. дорога на Земландский полуостров внезапно приобрела исключительно важное значение (см. т. I, гл. 51). Своего высшего расцвета торговля янтарем достигла около 150 г.[2]. Главный путь шел от Аквилеи через Любляну, Целле, Птуй, Петронелль к Моравским Воротам, затем через Верхнюю Силезию к Просне, на Калиш[3], к озеру Гопло и вдоль Вислы на Эльблонг и далее по южному берегу Вислинского залива на Земландский полуостров[4]. Однако в правление императора Гелиогабала (218—222) эти торговые пути пришли в упадок[5], и мало-помалу связи по ним совсем прекратились. Сейчас трудно установить, в чем крылась главная причина этого упадка, был ли он вызван капризами моды или виной тому явились политические события. Во всяком случае, в бурных потрясениях эпохи переселения народов и падения римской мировой державы торговля, вероятно, окончательно свелась на нет. И вот, спустя 300 лет после смерти Гелиогабала эсты, обитавшие у берегов Вислинского залива, предприняли попытку вновь оживить столь прибыльную для них торговлю янтарем с Италией. С этой целью они обратились, что весьма показательно, к знаменитому

---

[1] Письмо Теодориха к эстам. См. Cassiodori, Senatoris variae, V, 2, rec. Th. Mommsen, Berlin, 1894, p. 143—144. [«Германские эпические сказания рассматривают Италию как исконную вотчину Теодориха, из которой он был несправедливо изгнан Одоакром. В позднейшем немецком эпосе король Теодорих воспевается под именем Дитриха Бернского. «Bern» — средневековое немецкое название города Вероны, одного из опорных пунктов владычества остготов в Италии...» См. «История зарубежной литературы (раннее средневековье и Возрождение)», М., 1959, стр. 27.— *Прим. перев.*]

[2] E. Norden, Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania, Leipzig — Berlin, 1920, S. 446.

[3] Иосиф Парч указывал, что Кализию Птолемея следует отождествить с Калишем. См. J. Partsch, Schlesien, Breslau, 1896, B. I, S. 332 (и след.).

[4] C. Fredrichs, Funde antiker Münzen in der Provinz Posen, «Zeitschrift der Historischen Gesellschaft für die Provinz Posen», 1909, B. XXIV, S. 235.

[5] F. A. Ukert, Über das Electrum und die mit demselben verknüpften Sagen, «Zeitschrift für Alterthumswissenschaft», 2. Mai 1838, S. 448.

«Дитриху Бернскому», великому повелителю остготов Теодориху, находившемуся в Равенне.

В собрании официальной переписки Теодориха, сохранившейся до нас благодаря Кассиодору, имеется одно письмо, из подлинного текста которого явствует, что в последние годы жизни этого короля к нему из Страны янтаря на побережье Балтики прибыло посольство, принятое чрезвычайно радушно.

Подчеркнутое внимание, уделяемое в письме Теодориха проблеме янтаря, достаточно ясно свидетельствует о тех экономических интересах, которые привлекали готов из Италии к побережью Балтики. Несмотря на то что Теодорих в своем письме решительно призывал эстов и впредь поддерживать дипломатические и торговые связи, дело до этого, видимо, не дошло. Со смертью короля (30 августа 526 г.), последовавшей сравнительно скоро за отправлением письма, исчез, вероятно, и главный стимул к дальнейшему поддержанию отношений и повторению столь продолжительного и изнурительного путешествия. Следовательно, приезд эстов в Италию был единичным случаем, но именно поэтому он и примечателен. Очевидно, слухи о могущественном повелителе готов донеслись даже до жителей далекой Прибалтики, и только ему лично была оказана такая честь, как прибытие посольства. Маршрут, избранный посольством, видимо, приблизительно совпадал с дорогой, которой пользовались для торговли янтарем во времена Римской империи. Хотя в источнике ничего не сообщается об этапах этого пути, здесь, пожалуй, как и в других случаях, остаются в силе слова Шаля: «Важно подчеркнуть, что проложенными когда-то торговыми путями с упорной последовательностью продолжают пользоваться и в течение всех позднейших периодов»[1].

Датой путешествия посольства, согласно Момзену, следует считать 523—525 гг.

В те смутные времена поездка в оба конца через Центральную Европу, несомненно, была большим и исключительным достижением. И все же оно не было единичным. Рассказ Иордана об изгнанном из своего королевства скандинавском короле Родульфе, отправившемся в поисках пристанища к «Дитриху Бернскому» и нашедшем у него приют, доказывает, что путешествия через небезопасную в те времена Европу предпринимались и в иных случаях[2].

---

[1] H. Schaal, Vom Tauschhandel zum Welthandel, Leipzig — Berlin, 1931, S. 192.

[2] Jordanis, De origine actibusque Getarum, III, 24. [О Иордане см. ниже, гл. 74.— *Ред.*]

ГЛАВА 72

КОЗЬМА ИНДИКОПЛОВ В ЭФИОПИИ, ИНДИИ И НА ЦЕЙЛОНЕ

(около 525 г.)

(Стр. 62 и след.) Если плыть отсюда во внутреннюю Индию [Южная Аравия], несколько миновав страну Барбарию [примерно побережье Сомали], то еще дальше находится Зингион [Синд, Зиндж, Восточная Африка], ибо так они называют устье океана. Прибыв туда, мы увидели с правой стороны множество летающих птиц, называемых альбатросами. Размером они немного вдвое больше коршунов и на том месте сильно затемняли свет, так что все привычные в мореплавании моряки и пассажиры говорили, что мы находимся вблизи океана. Кормчему они говорили: правь на левый борт в залив, дабы не подхватило нас течением и не вынесло потом в океан на погибель. Ибо впадающий в залив океан вызывает огромный, чудовищных размеров прилив, а течение из залива устремляется в океан. Все это зрелище производило на нас достаточно гнетущее впечатление, и глубокое уныние овладело нами. По тем птицам, называемым альбатросами, что высоко в воздухе следовали за нами, мы узнали, что океан близок...

(Стр. 68 и след.) Если бы райский Эдем действительно находился на земле, то уже многие, преисполненные любопытством и любознательностью, пытались бы туда добраться. Если люди ради ничтожного торгового барыша не опасаются ездить за метаксой в крайние пределы земли, то как могли бы они не предпринять путешествий, дабы узреть рай?.. Кто из Тсинисты [Китай] путешествует в Персиду по суше, тот на очень много уменьшает путь. По этой причине в Персиде всегда имеется в таком большом количестве шелк-сырец. За Тсинистой нет ни плавания, ни обитаемой земли...

(Стр. 70 и след.) В отдаленной Эфиопии посредине страны находится ладаносная земля. Обитающие поблизости жители страны Барбарии приходят в удаленную от моря местность для торговых дел и приносят оттуда множество пряностей — ладан, кассию, тростник и много другого и шлют все морем в Адулию, Химьяритию, во внутреннюю Индию [Аравия] и в Персиду...

...От Барбарии Химьярития отстоит недалеко, самое большее в двух днях пути по морю, ибо между ними лежит море, крайняя часть которого является вместе с тем и океаном, называемым Зингион.

Земля, называемая Сасу [юго-восточная часть Сомали], сама лежит близ океана, подобно ладаносной земле; в Сасу много золотых копей.

Из года в год царь Аксума, пользуясь помощью правителя Агау [район озера Тана], шлет туда своих торговых людей за золотом. К ним присоединяется много других торговцев, так что все вместе составляют свыше 500 человек. Они доставляют туда быков, соль и железо. По прибытии в те области они тотчас же располагаются лагерем в определенном месте. Собрав затем терновник, они делают из него вокруг лагеря высокий забор и располагаются под его защитой. Быков они убивают, а куски мяса развешивают на колючках с внешней стороны забора и там же прикрепляют соль и железо. Потом приходят туземцы, принося с собой золото в виде бобов, называемых самородками, кладут около куска мяса, соли или железа, которое они желают приобрести, один, два или более кусочков и отходят в некоторое отдаление. Тогда подходит хозяин мяса и берет золото, если доволен предложенной за товар ценой. После этого приближается туземец, сделавший предложение, и уносит мясо, соль или железо. Но если хозяин товара недоволен количеством золота, предложенным за его товар, то он не трогает золота, а подошедший туземец, видя, что его золото не взято, либо присоединяет еще кусочек, либо берет свое золото и уходит. Таков там обычай торговли, так как они иноязычны, а переводчиков там весьма недостаточно[1]...

(Стр. 119.) На острове Цейлоне, во внутренней Индии, там, где находится Индийское море, есть одна христианская церковь, клирики и верующие — не знаю, есть ли еще другие, подобно тому как и на берегах Мале [Малабарский берег], где также растет перец, и в так называемой Каллиане [Кальян]. Там имеется также епископ, получивший посвящение из Персиды. Такой же епископ есть на острове Диоскорид [Сокотра] в Индийском море[2]. На этом острове обитают жители, говорящие по-гречески, потомки Птолемеев, правивших там после македонца Александра, а также клирики, которые после посвящения в Персиде были присланы к тамошнему населению; есть там и христианская община. Я плыл мимо этого острова и не высаживался на нем. Но я встречался с его жителями, говорящими по-гречески, при посещении ими Эфиопии. Несметное количество монахов и епископов есть также в Бактрии, в Стране гуннов, в Персиде, в остальной Индии, у персидских армян, мидян, эламитов и во всей персид-

---

[1] Ср. перевод отрывка о меновой торговле в книге Ф. И. Успенского, История Византийской Империи, т. I, стр. 554.— *Прим. ред.*

[2] Еще Марко Поло (кн. III, гл. 34) упоминает, что на этом острове был свой христианский епископ. [См. «Книга Марко Поло», кн. III, гл. 190, М., 1955, стр. 201.— *Ред.*]

ской стране, а сверх того и великое множество (πάμπολλοι) христиан, много мучеников и монахов-отшельников...

(Стр. 365.) Так как остров Цейлон действительно лежит в центре, то он часто посещается судами из всех районов Индии, Персиды и Эфиопии и равным образом сам шлет отсюда очень много своих судов. Из самых отдаленных стран, как Тсиниста, и других торговых мест остров получает метаксу (μέταξιν), алоэ, гвоздику, сандаловое дерево и другие продукты. Эти товары снова шлются на расположенные на нашей стороне рынки, например в Мале [Малабар], где растет перец, и в Каллиану [около Бомбея], которая вывозит медь, кунжут и ткань для изготовления одежды, ибо она также является важным торговым пунктом; кроме того, в Синд [Диул-Синд в дельте Ганга], где добываются мускус и бобровая струя и андростахис [лавандовое масло?], в Персиду, Химьяритию [Йемен] и Адулию [Зула на Красном море]. Получая товары из всех названных рынков и переправляя их далее в самые отдаленные гавани, остров одновременно вывозит и свои собственные товары в обоих направлениях[1].

* * *

В другой стороне Страны индийцев, где некогда был погребен апостол Фома, находятся соединенные и любовно украшенные монастырь и храм необычайных размеров. В сей обители явил себя Господь великим чудом [далее следует рассказ о неугасимом и самовозгорающемся огне в храме]... Сие сообщил нам Феодор, который сам ходил к тому месту[2].

Козьма Индикоплов (Индикоплейст) — одна из своеобразнейших личностей среди географов средневековья. Этот египетский купец происходил, вероятно, из Александрии и в первой половине VI в. совершил далекие морские плавания по странам Индийского океана. На склоне лет Козьма постригся в монахи и остаток жизни, видимо, провел в одном из монастырей на Синайском полуострове. Кроме приведенных данных, мы о Козьме ничего не знаем. Не установлено даже точно, было ли имя Козьма первоначальным или принято им при пострижении в монахи.

---

[1] Из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. См. K o s m a s I n d i k o p l e u s t e s, Topographia christiana, ed. Winsted, Cambridge, 1909. [См. «Книга, глаголемая Козьмы Индикоплова», СПБ, 1866; разбор книги см. Е. К. Р е д и н, Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам, М., 1916; Н. П и г у л е в с к а я, Византия на путях в Индию, АН СССР, 1951, ч. II, стр. 129—156, 162—183.— *Ред.*]

[2] Сообщение Григория епископа Турского. См. G r e g o r v o n T o u r s, Liber in gloria martyrum, cap. 31, «Monumenta Germaniae historica», Scriptorum rerum Merovingicarum, Hannover, 1885, t. 1, p. 507. [Григорий Турский — средневековый французский церковный писатель (539—593), автор «Церковной истории франков» (важного труда по истории Франции).— *Ред.*]

Нам нет необходимости заниматься здесь неопределенными сведениями о личности Козьмы. Для нашего суждения о труде всей его жизни не имеет также существенного значения, был ли он христианином римско-католического вероисповедания или несторианского толка. Принадлежность Козьмы к несторианству считали возможным оспаривать на том основании, что в одном месте своего труда он называет деву Марию «Божьей матерью», тогда как подобное представление противоречит несторианскому учению. Но это место в труде Козьмы, видимо, является позднейшей вставкой[1], и поэтому Кеннеди без всяких оговорок называет его «великим несторианским путешественником и монахом»[2].

Из трудов, написанных Козьмой в бытность его монахом, до нас дошла только необычайно сумбурная фантасмагория «Topographia christiana». Этот совсем ненаучный и во многих отношениях нелепый полемический трактат направлен против грандиозной системы мироздания, начертанной Птолемеем. Козьма опровергает систему Птолемея как еретическую и противоречащую Библии и на основании «здравого разума», с нетерпимостью фанатика пытается исправить ее крайне примитивным способом, прибегая к фантастическим вымыслам. Земля, по представлениям Козьмы,— прямоугольная плоскость, небо держится на четырех столбах и т. д. Рихтгофен говорит о Козьме, что «в скинии израильтян и в Ноевом ковчеге обрел он образец для построения мироздания»[3].

«Христианская топография» Козьмы не заслуживала бы никакого внимания, если бы в ней, по справедливому замечанию Монфокона[4], «подробности не были лучше основного содержания». Именно в этих деталях в изобилии разбросаны полученные в результате личных наблюдений и знакомства чрезвычайно важные географические, культурно- и естественно-исторические сведения, которые придают малозначительному в других отношениях сочинению Индикоплова огромный интерес и ценность.

Не совсем ясно, как далеко в своих странствиях заходил сам Козьма. В его трудс, изданном также Минем[5], очень мало указаний, опираясь на которые можно было бы определить, какие страны Индикоплов посетил лично и о каких сообщает понаслышке. Чрезвычайно интересное и важное описание Индии и Цейлона, содержащееся в наиболее ценной 11-й главе «Христианской топографии», озаглавленной «Описание индийских зверей и деревьев и острова Тапробана», как раз и послужило поводом к всевозможным спорам о том, видел ли Козьма воочию то, что он описывал, или нет.

---

[1] E. O. Winstedt, The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, lib. VI, 313 C, Cambridge, 1909, p. 225.

[2] J. Kennedy, The child Krishna, «Journal of the Royal Asiatic Society», 1907, p. 959.

[3] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 626. [Скинией израильтян в «Жреческом кодексе», одной из более поздних частей Библии, называется роскошный переносный храм (палатка). — *Ред.*]

[4] B. de Montfaucon, Patrum et Scriptorum graecorum collectio nova, Paris, 1706, t. II, p. 140 (и след.).

[5] Migne, Patrologia Graeca, cursus completus, Paris, 1860, t. 88, p. 10—476.

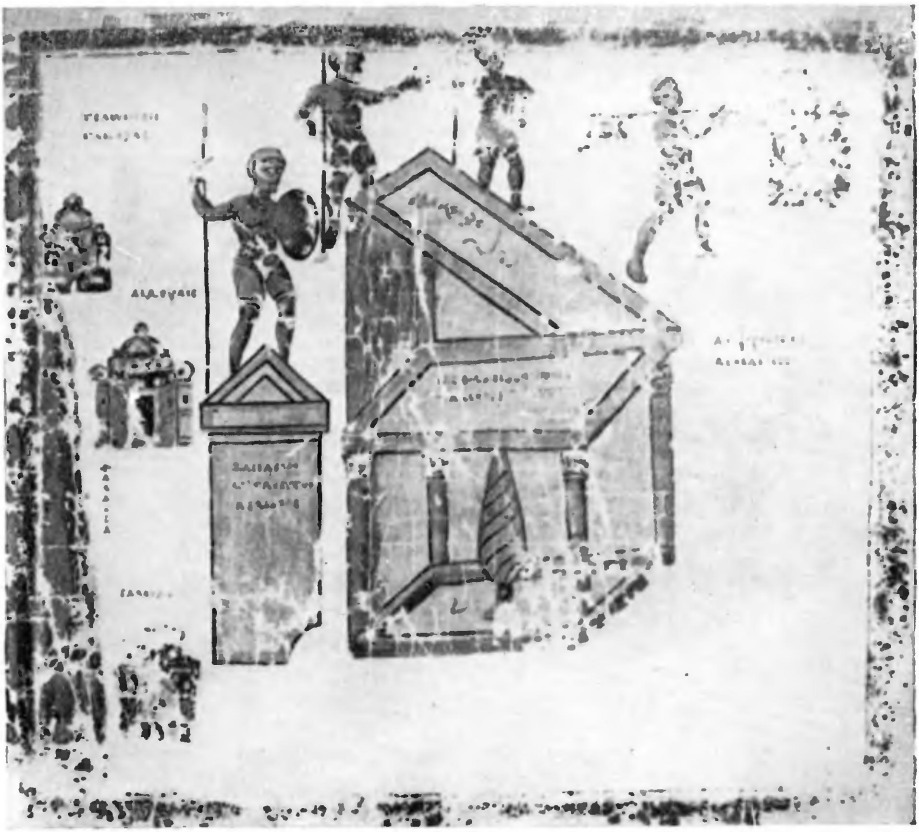

Рис. 1. Адулисский монумент (реконструкция).
См. Youssouf Kamal, Monumenta Cartographica, 1932, t. II, fasc. 3, No 366.

Многое в этом описании, возможно, почерпнуто из рассказов очевидцев. Некоторые подробности, в частности, мог сообщить Козьме его друг Сопатр, побывавший на Цейлоне вскоре после 500 г. н. э. и умерший за 35 лет до написания труда. Его Козьма называет по имени[1]. Винсент сомневался в том, чтобы Козьма когда-либо плавал дальше Баб-эль-Мандебского пролива[2]; Теннант[3] и Лассен[4] также придерживались того мнения, что он не достиг Индии, тогда как Юл[5] и Уинстедт[6] полагали, что автор «Христианской топографии» «посетил Индию», и считали противоположную точку зрения «малодоказательной».

Автор этих строк определенно склоняется к второй гипотезе. Нет никаких оснований ставить под сомнение путешествие купца Козьмы в Индию и на Цейлон. К тому времени плавания с торговыми целями в Индию именно из Египта и Сирии совершались уже на протяжении столетий и не были необычайным событием (см. гл. 32, 48, 55, 58, 66). Больше того, Козьма был бы *исключением* среди своих собратьев по профессии, если бы *не посетил* восточных стран! Трудно также представить себе, чтобы без повышенной личной заинтересованности, вызванной непосредственным наблюдением, он мог так живо и точно описать обстановку в Индии и на Цейлоне. Впрочем, уже одно указание Козьмы: «Мне случалось видеть и есть свиного оленя»[7] [*Cervum porsinus*] может служить доказательством того, что он лично побывал в Индии, так как только там водится это животное[8]. Было бы парадоксально, если бы этот христианский писатель, который в VI в. был не только самым компетентным, но вообще единственным человеком, что-либо сообщившим об Индии и Цейлоне, не посетил этих стран, несмотря на свои дальние плавания по Индийскому океану.

Одной из главных заслуг Козьмы следует признать то, что он дословно воспроизвел чрезвычайно ценную надпись на так называемом *Monumentum Adulitanum* (Адулисский монумент) (см. т. I, гл. 27)[9]. Об этой весьма важной и столь же загадочной надписи, бесследно исчезнувшей много столетий назад, никто из других писателей не обмолвился ни словом, так что без Козьмы мы вообще ничего бы о ней не знали. С географической и культурно-исторической точек зрения немаловажное значение имеет эта надпись еще и потому, что является, «как я полагаю, древнейшим сообщением о снеге между тропиками»[10] (см. т. I, гл. 64).

---

[1] K o s m a s, lib. XI, 448, ed. Winstedt, p. 323.
[2] W. V i n c e n t, Navigation of the Ancients, London, 1807, v. I, p. 111; v. II, p. 533.
[3] J. E. T e n n a n t, Ceylon, London, 1860, v. I, p. 542.
[4] Ch. L a s s e n, Indische Alterthumskunde, Leipzig — London, 1862—1867, v. II, p. 773.
[5] H. Y u l e, Cathai and the way thither, London, 1886, p. XLVII.
[6] E. O. W i n s t e d t, op. cit., p. 3 (примечание 1).
[7] K o s m a s, lib. XI, 444 c, ed. Winstedt, p. 320.
[8] A. B r e h m, Tierleben, Leipzig, 1877, S. 3, 155 (и след.).
[9] K o s m a s, lib. II, 104—108, ed. Winstedt, p. 73—76.
[10] A. H u m b o l d t, Ansichten der Natur, Stuttgart, 1871, S. 92. [См. А. Гумбольдт, Картины природы, М., 1885, стр. 119—126.— *Ред.*]

Установить даты путешествий Козьмы можно лишь приблизительно. В самом труде на этот счет имеется лишь одно-единственное не вполне ясное указание. Козьма сообщает, что находился в Адулисе (Зула, южнее Массауа) «в начале царствования Юстина, императора ромейского, когда тамошний царь аксумитов Элесбоа намеревался отправиться войной против химьяритов»[1].

В самой этой датировке заключается некоторое противоречие. Император Юстин I царствовал с 518 по 527 г. Поэтому «началом» его правления вряд ли можно считать время позднее 520 г. Однако царь аксумитов Эла Ашбеха (Элесбоа) совершил свой победоносный поход против химьяритов (хомеритов) в Йемене лишь в 526 г., следовательно, в конце правления Юстина[2]. В том же месте говорится, что со времени пребывания Козьмы в Адулисе прошло 25 лет (Παρόντι οὖν μοι ἐν τοῖς τόποις ἐκείνοις, πρὸ τούτων τῶν ε'νιαυτῶν εἴκοσι πέντε πλε'ον ἔλαττον) [Когда я находился в тех местах, лет за 25 до нынешних годов...] Книга же была написана не ранее 547 г., так как упомянутые в ней два затмения[3], одно солнечное — 12 мехира и одно лунное — 24 месори, которые, согласно вычислениям Крал ля[4], следует отождествлять с затмениями, обозначенными в «Каноне затмений» Оппольцера соответственно под № 4170 и № 2709 и наблюдавшимися 6 февраля и 17 августа 547 г. Для уточнения дат не имеет значения и другое сообщение Козьмы, что он сам видел разрушенные землетрясением города Антиохию и Коринф[5]. При жизни Козьмы Коринф был разрушен землетрясением в 521 г., а Антиохия разрушалась дважды — 29 мая 526 г. и 13 ноября 529 г.

Написание «Христианской топографии» следует отнести ко времени между 547 и 550 гг., а пребывание Козьмы в Адулисе — к периоду между 522 и 525 гг. Итак, «начало» правления Юстина I при этом расчете отпадает. По веским причинам большего доверия заслуживает, однако, другое предположение, что здесь имелось в виду начало войны с химьяритами. Битва при Ду-Гадане и взятие города Тафара, после чего государство химьяритов в Аравии почти на 50 лет подпало под власть христианских правителей царства аксумитов, имели место в 526 г., отсюда следует, что подготовка к походу могла вестись на год раньше, и тогда же в Адулисе находился Козьма.

Если принять гипотезу Монфокона, что путешествия Козьмы следует отнести к периоду между 510 и 530 гг.[6], то речь может идти только о деся-

---

[1] Kosmas, lib. II, 101 c., ed. Winstedt, p. 72. [См. также Н. Пигулевская, указ. соч., ч. III, стр. 280.— *Ред.*]

[2] Подробно об этом походе см. A. Dillmann, Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im 4. bis 6. Jahrhdt., «Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1880, S. 36 (и след.).

[3] Kosmas, lib. VI, 321 B, ed. Winsted, p. 321.

[4] J. Krall, Das Land Punt, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», 1890, B. 121, S. 72 (примечание 1).

[5] Kosmas, ed. Winstedt, p. 48.

[6] B. de Montfaucon, op. cit., p. 113 (и след.).

тилетии с 520 по 530 г. К сожалению, нам неизвестно, побывал ли Козьма в Адулисе до поездки в Индию и на Цейлон или после этого. Уинстедт полагает, что в Адулисе Козьма подыскивал корабль для намеченного путешествия[1]. Но с тем же основанием можно предположить, что он высадился в Адулисе только по возвращении с Цейлона. Вторую гипотезу автор этих строк считает даже более убедительной, хотя предположение Винсента о том, что Козьма прибыл в Адулис только в 532 г., представляется ему не выдерживающим критики[2]. Однако купец, только отправлявшийся в путь, вряд ли мог ошибиться, считая, что в то время началось правление Юстина. Если же Козьма после многолетнего пребывания в далеких странах, что для купцов в те времена было делом обычным, лишь незадолго до похода вернулся в Красное море, то вполне вероятно, что он только тогда получил известие о вступлении на престол Юстина (518 г.). Поэтому автор склонен с оговоркой считать 525 г. скорее концом, чем началом плавания Козьмы.

Следует также иметь в виду, что в VI в. царство Аксум, отождествляемое с современной северной Эфиопией, достигло вершины своего политического могущества и что поэтому его порт Адулис, расположенный в 8 днях пути от столицы, приобрел тогда чрезвычайно важное значение в морской торговле с Индией. Очевидно, такое положение сохранялось в течение 44 лет, с 526 по 570 г., когда христианские государи Аксума правили одновременно завоеванным царством химьяритов, незадолго перед тем подвластного монархам иудейского вероисповедания[3]. В течение этих десятилетий, когда власть Аксума простиралась на *оба* побережья южной части Красного моря, аксумские гавани имели более важное значение, чем египетские. Даже Александрия, занимавшая господствующее положение в торговых связях Востока, видимо, была оттеснена на задний план, и дело, пожалуй, дошло бы до длительного преобладания Адулиса, если бы в 570 г. вновь возродившаяся великая персидская держава Сасанидов не покорила, как уже однажды во времена Дария, Счастливую Аравию[4] и не положила там конец господству Аксума.

Готовясь к походу в Аравию, царь Аксума Эла Ашбеха добился от императора Юстина I поддержки своему флоту, получив от него транспортные суда[5]. Дружественные связи между Византией и Аксумом, установившиеся уже в IV в. (см. гл. 66), позднее еще более упрочились.

Приблизительно около 535 г. император Юстиниан направил в Аксум посла, по имени Нонnос. Он поручил ему выяснить, нельзя ли по-новому организовать торговлю цейлонским шелком, с привлечением химьяритов, потомков искусных мореходов сабеян, чтобы избавиться тем самым от обре-

---

[1] K o s m a s, ed. Winstedt, p. 3 (примечание 2).

[2] W. V i n c e n t, The periplus of the Erythrean sea, London, 1800, v. I, p. 101 (примечание 89).

[3] A. D i l l m a n n, op. cit., p. 219.

[4] Хенниг ошибочно приписывает Дарию покорение Счастливой Аравии.— *Прим. ред.*

[5] K o s m a s, ed. Winstedt, p. 338.

мепительной торговой монополии персов[1]. Дальновидная торговая политика Юстиниана не привела, однако, к практическим результатам, так как персы приняли решительные меры, скупая шелк на Цейлоне, а немного позднее представилась возможность освоить шелководство и в самой Византийской империи (см. гл. 74). К сожалению, отчет Нонноса о его посольстве утерян, а он, несомненно, был бы весьма ценным дополнением к данным Козьмы. До нас дошло только несколько не имеющих существенного значения фрагментов этого отчета, которые все же немного дополняют сообщения Козьмы.

В 564 г. император Юстиниан вторично направил в Эфиопию и к химьяритам (см. ниже, гл. 74) посла, по имени Юлиан, принятого там царем Аретой «с превеликой радостью»[2]. Однако Аксум утратил свою власть над государством химьяритов, вслед за чем вскоре последовал упадок его политической мощи и экономического значения. И Византия перестала интересоваться этим царством. В результате, несомненно, сильно пострадали также интересы Цейлона, вскоре лишившегося своего выгодного положения посредника в торговле китайским шелком. Цейлон был настолько сильно вовлечен в торговлю шелком, что в 515 г. правитель острова добровольно вступил в вассальную зависимость от китайского императора и на протяжении столетий к китайскому двору направлялись бесчисленные цейлонские посольства[3]. После того как персы сломили торговую мощь Аксума, а в стране, которая была главным потребителем шелка на Западе, распространилось шелководство, быстро иссяк и мощный поток товаров, поддерживавших торговлю.

Особое место, которое занял Козьма среди путешественников своей эпохи, объясняется не только тем, что какой-то человек из христианского мира проник тогда в страну чудес — Индию. Это не было в ту эпоху единичным явлением. Ведь узнаем же мы от епископа Григория Турского (см. приведенную выше цитату) о неком Феодоре, лице совершенно неизвестном, который через несколько лет после Козьмы тоже побывал у индийских христиан, последователей апостола Фомы, и сообщил о них епископу. Сколько же других христиан, вероятно, находили тогда дорогу из Европы в Индию, но о них не сохранилось ни одной, хотя бы случайной записи! Необычайным могло показаться только то, что в Индии побывал *монах*, которым стал Козьма уже в преклонном возрасте. Такой случай, вероятно, был беспримерным, и, очевидно, только на *этом основании* Козьма получил почетное прозвище Индикоплова[4]. Подобно этому, почти 700 лет спустя слова «посетивший

---

[1] J. B. Bury, History of the later Roman Empire, London, 1923, v. II, p. 325 (и след.); W. Heyd, Histoire du Commerce du Levant, au moyen-âge, Leipzig, 1885—1886, v. I, p. 12.

[2] Theophanes, Chronographia ad annum 564, ed. B. G. Niebuhr, «Corpus scriptorum historiae Byzantinae», Bonn, 1839, t. 37, p. 377.

[3] H. Yule, Cathai and the way thither, London, 1866, v. I, p. 67 (и след.).

[4] «Индикоплов», или «индикоплейст», по-гречески означает «плававший в Индию».— *Прим. ред.*

Индию» были весьма почетной и редкой характеристикой для Генриха фон Морунгена (см. гл. 117).

Любопытно, что Козьма упоминает один раз о «*terra ultra Oceanum*» (земля, лежащая за океаном — *Ред.*)[1]. Этот факт имел определенное значение для конца средневековья, когда пытались найти доказательства того, что Атлантический океан простирается на западе до берегов Восточной Азии (см. т. III, гл. 138). При его нелепом представлении о плоскостном строении земли Козьме, разумеется, и в голову не приходило, что, следуя на Дальний Запад, можно добраться до Восточной Азии.

[1] B. de Montfaucon, op. cit., t. II, p. 189.

ГЛАВА 73

БУДДИЙСКИЙ МИССИОНЕР БОДХИДХАРМА В ЯПОНИИ

(около 527 г.)

Из Аннама есть пути в Индию; но так как Тамо [Бодхидхарма] совершил свое путешествие в Панью [Гуанчжоу] морем, то надо полагать, что следовать туда морским путем удобнее[1].

* * *

В 526 г. Бодхидхарма, великий проповедник индийского буддизма, сын одного южноиндийского царя, находясь в преклонном возрасте, сел в Индии на корабль и прибыл морским путем в Гуанчжоу. Он был принят с подобающими его возрасту и сану почестями и приглашен в Нанкин, где находился двор правителя Южного Китая... Прибытие Бодхидхармы вызвало большой подъем деятельности индийских миссионеров в Китае. Как сообщают, в одном только городе, а именно в Лояне, проживало одновременно свыше 3000 индийских монахов и 10 000 индийских семейств, которые насаждали на китайской почве религию и искусства своей родины... Так, Бодхидхарма, завершив свою деятельность в Китае, приехал из Южной Индии в Японию и имел беседу с принцем Сётоку[2].

С изложенной выше гипотезой о вероятном тождестве Японии со «страной Фусан», где около 499 г., видимо, подвизался в качестве буддийского миссионера Хуай Шень, хорошо согласуется тот факт, что только на 30 лет позже с родины буддизма Индии добрался до Японии особо почитаемый и престарелый проповедник. Там, как еще раньше в Китае, он весьма рьяно принялся за распространение своей религии. Благодаря этому событию гипотеза о Фусане получает новое очень основательное подкрепление.

Письменных памятников того времени, свидетельствующих о пребывании Бодхидхармы в Японии, нет. Тем не менее факт этот вполне правдоподобен, так как весьма древний китайский исторический труд Цзя Таня подтверждает деятельность Бодхидхармы в Китае. Если буддизм к этому времени

---

[1] K i a-T a n, Huang-hua-hai-ta-hi (около 800 г.); J. E d k i n, Chinese Buddhism, London, 1880, p. 100.

[2] R. M o o k e r j i, Indian shipping, Bombay, 1912, p. 166 (и след.), 173.

уже укоренился в Японии, то понятным становится и дальнейшее путешествие благочестивого мужа, направившегося туда в целях распространения своей религии. Итак, нет никакого основания подвергать сомнению японские предания. Согласно этим преданиям, Бодхидхарма вернулся из Японии в Китай, где умер в весьма преклонном возрасте и был погребен в горах, разделяющих провинции Хэнань и Шэньси.

Датировать различные этапы деятельности Бодхидхармы на Дальнем Востоке можно лишь приблизительно. Приезд индийского буддиста в Китай Грот[1] относит к 521 г., Фудзисима[2] — к 520 г., Бил[3] — к 526 г., Судзуки[4] — к 527 г. Дальнейшее путешествие следует датировать соответственно двумя годами позднее. Краузе устанавливает, пожалуй, слишком позднюю дату, полагая, что буддизм укоренился в Японии только с 552 г.[5] Решающее значение для уточнения хронологии имеет засвидетельствованное японскими летописями высказывание одного японского буддийского священнослужителя, относящееся к 622 г.: «Буддизм пришел в Китай из страны, что лежит на западе, и 300 лет спустя был введен в Кударе. С тех пор не прошло и 100 лет»[6].

Введение буддийской религии в Японии было политическим мероприятием[7]. Государственной религией Японии буддизм стал в 587 г. Позднее японские буддисты неоднократно ездили учиться в Китай, например в 622, 639 и 640 гг.[8], однако Индию они, видимо, никогда не посещали.

Только в VIII в. индийские проповедники стали чаще появляться в Японии. Уроженец Центральной Индии Субхакара использовал 20-летнее пребывание в Китае (716—735 гг.), чтобы посетить также и Японию, где он принес в дар храму Кумедера в провинции Ямато священные рукописи[9]. В 736 г. миссионер Бодхисена, прибывший в Китай морским путем и встретившийся там с японским посольством, по приглашению последнего отправился в Японию. Он прочно там обосновался, обучая санскриту буддийских священнослужителей, а императорский двор и японский народ высоко чтили его[10]. В записях, относящихся к 753 г., сообщается о прибытии в Японию не названного по имени человека из Куньлуня (собирательное название для южных стран и островов Азии)[11].

---

[1] J. J. M. de Groot, Le code du Mahayana en Chine, «Verhandlungen Kon. Akad. van Wetensch., Afd. Letterkd., N. R.», Amsterdam, 1893, Deel I, No. 2, S. 3.

[2] R. Fujishima, Le Bouddhisme japonais, Paris, 1889, p. 103.

[3] S. Beal, Travels of Fah-Hian and Sung-yun, London, 1869, p. XXIX.

[4] Daisetz Taitato Suzuki, Outlines of Mahayana Buddhism, London, 1907, p. 103 (примечание 3).

[5] F. E. A. Krause, Geschichte Ostasiens, Göttingen, 1925, B. I, S. 147.

[6] «Nihongi», ed. K. Florenz (кн. 22), Tokio, 1892, p. 52.

[7] G. Nachod, Geschichte von Japan, Gotha, 1906, S. 284.

[8] G. Nachod, op. cit., S. 389 (и след.).

[9] Daito Shimaji, India and Japan in ancient times, «Journal of the Indo-Japanese Association», January, 1910.

[10] R. Mookerji, op. cit., p. 173 (и след.).

[11] Статья Феррана. См. «Journal Asiatique», 1919, v. 13, p. 321.

ГЛАВА 74

ДВА ХРИСТИАНСКИХ МОНАХА В СТРАНЕ ШЕЛКА—«СЕРИНДЕ»

(около 550 г.)

Около того времени пришли из Индии какие-то монахи. Узнав, что император Юстиниан очень озабочен тем, чтобы римлянам не приходилось покупать шелка при посредничестве персов, они, явившись к императору, обещали ему, что так устроят дело с шелком, что никогда уже не нужно будет римлянам делать этих покупок ни у персов, своих врагов, ни у какого-либо другого народа; они говорили, что провели много времени в стране, которая называется Серындой, находящейся севернее многих племен индийцев; там они точно изучили, как возможно производить шелк в земле римлян. Когда император все дальше и дальше расспрашивал их, допытываясь, правилен ли их рассказ, монахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являются червяки, что природа является их учительницей, заставляющей их непрерывно работать. Доставить червяков оттуда живыми невозможно, но их зародыши (грены) — вполне возможно и даже легко. Зародышами этих червей являются яички, которых каждый червяк кладет бесчисленное множество. Эти-то яички, много времени спустя после того, как они положены, люди, закопав их в навоз и здесь в достаточной степени долго их согревая, делают живыми. Когда они это рассказали, император, обещав одарить их великими благами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они вновь отправились в Серинду и принесли в Византию яички шелковичного червя и сделали так, как рассказано, т. е., чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их листьями тутового дерева; этим они достигли того, что в дальнейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец[1]...

* * *

В то время как над Эфиопами царствовал Эллисфей, а над Омиритами[2] — Эсимфей, царь Юстиниан отправил к тому и дру-

[1] Прокопий из Кесарии, Война с готами (пер. с греческого С. П. Кондратьева), кн. IV, гл. 17, АН СССР, М., 1950, стр. 431. [Прокопий из Кесарии — византийский писатель VI в., автор «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами». На русский язык переведены отдельные части этого труда.— *Ред.*]

[2] Омириты идентичны химьяритам. См. гл. 72.

гому послом Юлиана и просил их, как единоверцев, помогать Римлянам[1] в войне против Персов; он предложил Эфиопам, чтобы они покупали у Индов шелк и продавали его Римлянам: этим они приобрели бы себе большое богатство, а Римлянам принесли бы только ту пользу, что они не были бы в необходимости переводить свои деньги неприятелю. Из этого шелка делают одеяние, которое Эллины в древности называли мидикою (мидийским), а ныне называют сирикою (сирическим)... Эфиопам не было возможности покупать шелк у Индов, ибо Персидские купцы, населяя смежную с Индами область и приезжая в порты, куда пристают Индийские суда, обыкновенно покупали у них все грузы; что касается до Омиритов, то им казалось трудным, перейдя степь и продолжительную дорогу, напасть на народ, который был гораздо воинственнее их... Таковы были сношения Римлян с Эфиопами и Омиритами[2].

* * *

Во время царствования Юстиниана один перс рассказал в Византии, что происхождение шелка является делом червей. Прежде ромеи этого не знали. Тот же перс, отправляясь из страны серов в путь, взял с собой в выдолбленном посохе (ἐν νάρθηκι) яйца шелковичных червей и благополучно доставил их в Византию. С наступлением весны он выпустил червей кормиться на тутовые листья, а когда они наелись ими, у них отрасли крылья. Тогда перс обработал также и другие части [коконы]; позднее император Юстиниан показал рождение и работу червей тюркам и тем изумил их.

В то время тюрки занимали торговые города и гавани серов. Прежде ими обладали персы. Но когда царь эфталитов[3] Эфталин, от которого народ получил свое название, победил Пероза [Фируза] и персов[4], последние лишились своих владений и господами стали эфталиты. Вскоре после этого тюрки одержали в сражении победу над эфталитами и снова отняли их владения[5].

---

[1] Под римлянами подразумеваются византийцы.—*Прим. ред.*

[2] Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами (пер. с греческого С. Дестуниса), кн. I, гл. XX, СПБ, 1876, стр. 275 (и след.).

[3] Об эфталитах см. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.— Л., 1948, стр. 209—220.— *Прим. ред.*

[4] 484 г.

[5] Theophanes Byzantius, Photius' Myriobiblion, cap. 64; David Hoeschelius, Librorum quos legit Photius patriarcha, Augsburg, 1601, p. 38. [«Мириобиблион» (сборник выписок и отзывов о 280 произведениях античных и христианских писателей) составлен крупнейшим политиком и богословом своего времени, византийским патриархом Фотием (IX в.)— *Ред.*]

Еще в глубокой древности в Европе был известен ненастоящий шелк, носивший название «bombyx» («бомбикс»). Но о натуральном китайском шелке тогда ничего не знали. Все попытки доказать, что в древнейших литературных источниках имеются сведения о подлинном белом шелке и о Стране шелка — Китае, следует считать беспочвенными фантазиями (см. т. I, гл. 23). «Все употреблявшиеся в древнем Египте и в Вавилонии ткани изготовляли только из хлопка и льна»[1]. Впервые настоящий шелк упоминается только во времена Александра Македонского, однако как товар, оплачиваемый по баснословно высоким ценам, он появился в Римской империи не ранее I в. до н. э., после того как китайский император У-ди в 115 г. до н. э. открыл сухопутную дорогу на Запад и обеспечил ее безопасность (см. т. I, гл. 30). Начиная с 127 г. н. э., после закрытия сухопутной «шелковой дороги» (см. т. I, гл. 56), подвоз шелка на протяжении столетий осуществлялся, видимо, только морским путем. Козьма Индикоплов в одном месте своего труда упоминает о торговцах, которые «не опасаются ездить в крайние пределы земли за метаксой», и подчеркивает, что шелк из «Тсинитсы» (Китай) вывозится на Цейлон морским путем[2]. Однако первоначально парфяне, а позднее достигшая высокого расцвета новая персидская империя Сасанидов почти полностью перехватывали поступавший из Китая шелк и, монополизировав посредническую торговлю, непомерно удорожили его стоимость. Во времена великого шаха Хосрова I (531—578) главной основой богатства и мощи персидского государства была приносившая громадные доходы торговля шелком. Ее почти полностью контролировала эта держава, простиравшаяся подобно заградительной стене от Инда до Красного моря. Около 275 г., при императоре Аврелиане, 1 *кг* шелка стоил 5157 золотых франков, но к 550 г., в правление императора Юстиниана, его цена поднялась до 17 190 франков[3]. Недаром в 409 г. Аларих I потребовал от Рима в качестве выкупа за снятие осады, кроме золота, еще 4000 шелковых одежд.

Создавшееся положение особенно тяжело отражалось на Византии. Частые войны, развязывавшиеся в том столетии между Византией и Персидской державой, каждый раз приводили к полному прекращению доставки шелка. Император Юстиниан (527—565) пытался подорвать персидскую монополию на торговлю шелком путем установления контакта с царством Аксум и с химьяритами (см. стр. 69—70), но успеха не добился. Персы, опередив химьяритов, скупили на Цейлоне все наличные запасы шелка, и прибывшим туда подданным аксумского властителя пришлось вернуться на родину с пустыми руками.

Император Юстиниан, видимо, крайне тяжело переживал этот срыв своей, несомненно, мудрой и дальновидной торговой политики. Как знать,

---

[1] H. Silbermann, Die Seide, Dresden, 1897, S. 12. [Данные Зильбермана о хлопке устарели. Новейшие исследования показывают, что в Египте вплоть до римского периода хлопчатобумажные ткани были совсем неизвестны, а в Месопотамию они лишь изредка привозились из Индии.—*Ред.*]

[2] «Patrologiae cursus completus», Ser. Graeca, lib. II, Paris, 1860, v. 88, p. 127 (и след.), 337.

[3] Pariset, L'histoire de la soie, Paris, 1862, t. I, p. 142, 181.

не способствовало ли вызванное этой неудачей ожесточение Юстиниана против персов тому, что заключенный им в 533 г. «вечный мир» с шахом Хосровом продержался всего лишь 7 лет и уже в 540 г. сменился новой войной, длившейся 22 года.

Какую же неслыханную сенсацию в этих условиях должна была вызвать неожиданно представившаяся в 552 г. возможность внедрить шелководство в самой Римской империи. До тех пор ни в Византии, ни в других областях Средиземноморья еще не имели ни малейшего представления о том, как собственно добывался китайский шелк. В те времена еще слишком живы были фантастические представления классической эпохи Римской империи, когда полагали, что шелк — продукт растительного происхождения или что его ткут особые пауки (см. т. I, гл. 30). Два христианских монаха, продолжительное время пробывшие где-то в «Индии»[1], то есть в Центральной Азии, и изучившие там производство шелка, явились однажды к императору и вызвались освободить его державу от персидской монополии на шелк. В такое время, когда доставка шелка в Византию была прервана в течение 12 лет и никаких перспектив на возобновление подвоза в ближайшем будущем не было, предложение монахов показалось, вероятно, императору милостью, ниспосланной небесами.

Свое обещание монахи выполнили. Предприняв вторичное путешествие в Страну шелка, они тайно доставили в Византию драгоценные грены шелкопряда и способствовали тем самым внедрению шелководства в Европе. Все, что тогда произошло, явилось событием первостепенного значения с историко-экономической точки зрения. Однако нашему рассмотрению подлежит здесь не эта сторона события, а только географическая проблема: в какой именно стране побывали монахи и где они могли «точно изучить» производство шелка.

Как правило, подобным экономико-географическим и транспортно-географическим проблемам историки уделяли слишком мало внимания. Даже такой крупный и добросовестный исследователь, как Ранке, игнорировал тот факт, что во времена императора Юстиниана связь с Китаем по суше была невозможной. Уделив рассмотрению вопроса о внедрении шелководства в Византии всего одну фразу, Ранке без каких-либо обоснований пишет о «паре монахов, которые добрались до самого Китая и там ознакомились с производством шелка»[2]. Однако связь событий здесь представлена неверно.

Прокопий Кесарийский, повествуя как современник о прибытии монахов, помещает свой рассказ в самом неожиданном месте, а именно в своем знаменитом труде о войне с готами, и называет страну, откуда монахи доставили грены шелкопряда, *Серинду*. В литературе того времени это название нигде больше не встречается. Очевидно, оно образовано искусственно и совер-

[1] О сравнительно широком распространении христианства в Азии в период раннего средневековья, причем главным образом в несторианской форме, признаваемой Римом еретической, и о его влиянии на легенду о «Священнике Иоанне» см. «Historische Vierteljahrsschrift», 1935, B. 29, S. 234.

[2] L. R a n k e, Weltgeschichte, B. IV, S. 67.

менно равнозначно — не географически, а этимологически — нашему современному названию Индокитай. Ведь серами, или шелковыми людьми, называли в первую очередь китайцев, а «инда», разумеется, производное слово от «Индия». Ввиду того что понятие «Индия» в древности было крайне туманным и многозначным, мы, исходя из этимологического толкования слова «Серинда», не можем сразу же разгадать его географическое содержание и вынуждены довольствоваться крайне неопределенным указанием на то, что страна эта лежала «выше индийских народов», то есть севернее Индии.

В 1806 г. Аже пытался проводить параллель между названием «Серийская Индия» и понятием «Серийский океан» (см. гл. 67) и писал по этому поводу следующее[1]: «Равеннский географ, как последователь Исидора, весьма определенно говорит о том, что Страна серов лежит близ океана, а Восточная Азия омывается Серийским океаном, который ограничивается Серийской Индией, как ее называют бактрийцы».

Это утверждение по меньшей мере основано на непонимании. Как видно из цитаты, приведенной в гл. 67, на стр. 37, «Равеннский географ» выразился иначе: он разделял ошибку древних авторов, будто по Индийскому, а не по Тихому океану можно плыть «до самых Каспийских Ворот», и его «Серийскую страну» отнюдь нельзя считать непременно Китаем. Это название могло относиться к любой стране в Центральной Азии, где занимались шелководством.

Если правильно не совсем надежное сообщение Равеннского географа, что название «Серийская Индия» исходит от «бактрийцев» (то есть жителей Бактрии, или Балха в Афганистане!), то не приходится больше сомневаться, что в источнике подразумевались только страна, лежавшая севернее Индии, и Индийский океан. Впрочем, вряд ли бактрийцы пользовались словами «сер» и «Индия». Возможно, им было известно понятие «Шелковая Индия»; но слово «Серинда», вероятно, византийского происхождения.

Проблема Серинды уже не раз оживленно обсуждалась, что не удивительно, принимая во внимание ее огромное значение как для географии, так и для истории экономики и религий. Прежде к решению этой проблемы пытались подойти исключительно с лингвистических позиций, и эта неудачная мысль привела только к полнейшей путанице. Так, в XVII в. Бохарт[2] высказал предположение, что Серинда тождественна с Серендибой, названием, произшедшим от древнего наименования Цейлона — Сингхала Двипа (по-гречески Σιελεδιβα), то есть Остров львов. Несмотря на сделанное еще Гумбольдтом решительное предупреждение против того, чтобы в исторической географии устанавливались «неопределенные связи, основанные на созвучиях слов»[3], такое чисто филологическое решение вопроса вплоть до последнего времени пользовалось столь же большой, сколь и незаслуженной популярностью. Даже в последние годы к этому предпо-

---

[1] J. Hager, Panthéon chinois, Paris, 1806, p. 28 (и след.).
[2] S. Bochart, Geographiae sacrae pars II, Caen, 1646, p. 770.
[3] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B I, S. 546.

ложению присоединились Герман[1] и Уинстедт[2]. И все же нет никаких сомнений в том, что оно ошибочно.

Цейлон всегда был только страной, *торговавшей шелком*, и никогда не занимался его *производством*. Естественно, что там нельзя было «точно изучить» происхождение шелка или похитить оттуда хотя бы одну грену! По всей вероятности, на Цейлоне так же мало знали о шелководстве, как и в Византии, ибо сведения о нем хранились в глубокой тайне. И все же Герман, который также знал об этом экономико-географическом факте, так увлекся сходством названий «Серинда» и «Серендиба», что выдвинул совершенно неправдоподобную двойную гипотезу, будто монахи побывали на Цейлоне и проведали там тайну шелка (как же им это удалось?), но грены шелкопряда доставили не они, а какой-то перс, раздобывший их в одной из стран Центральной Азии. Эту гипотезу следует отвергнуть; появление монахов в Византии и их вторичное путешествие в Серинду оказались бы совершенно излишними, если бы какой-то посторонний человек доставил в Византию грены шелкопряда из страны, оставшейся им неизвестной! Форстер тоже пытался разрешить загадку Серинды, прибегая к лингвистической эквилибристике. Он утверждал, что слово «сер» по-тибетски означает «золото»[3], поэтому-де слово «Серинда» нужно переводить как «Золотая Индия», а «серы» — как «золотой народ» в смысле «господствующий народ». Подобное толкование представляется слишком натянутым и неприемлемым.

Эту весьма сложную историко-экономическую проблему мы можем рассматривать исключительно с географической точки зрения, а не с шатких этимологических позиций. Еще 100 лет назад Маннерт, пытаясь найти иной способ решения этой загадки, прибег к предположению, что под Серинды, вероятно, подразумевалась какая-то страна Северной Индии, где производился шелк[4]. Подобное же мнение недавно вновь высказал Кордье. Не приводя подробной мотивировки, но и не выражая каких-либо сомнений, он писал, что монахи пришли из индийской страны (pays des Indiens)[5]. Но ведь Северная Индия так же мало подходит для шелководства, как и Цейлон. Недавно Бэри, увлекшись одинаковым смысловым значением слов «Серинда» и «Индокитай», выразил мнение, что загадочную страну следует искать в Индокитае[6]. Однако там шелководством тоже никогда не занимались. Даже в Южном Китае оно никогда не было распространено, ограничиваясь только Центральным Китаем. Впрочем, гипотеза Бэри и в других отношениях представляется совершенно необоснованной. Нечего и говорить, что около 550 г. связь по суше через Центральную Азию, безусловно, была

---

[1] P a u l y-W i s s o w a, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, II, B. II, S. 1727 (и след.).

[2] K o s m a s, ed. Winstedt, p. 352.

[3] J. G. F o r s t e r, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt/Od., 1784, S. 140 (и след.).

[4] K. M a n n e r t, Geographie der Griechen und Römer, Nürnberg, 1820, B. IV, S. 517.

[5] H. C o r d i e r, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 393.

[6] J. B. B u r y, History of the later Roman Empire, London, 1923, v. II, p. 332 (примечание 1).

невозможной. Как правильно отметил Рихтгофен: «Во все времена прямая связь на всем протяжении Центральной Азии могла поддерживаться лишь при том условии, чтобы над ее необъятной территорией господствовал один народ»[1].

Но в 550 г. этого условия не было. Такие исследователи, как Рихтгофен[2], Юл[3] и Стейн[4], сумевшие подойти к вопросу с экономико-географической точки зрения, уже давно утверждали, что Серинду надо искать в Восточном Туркестане, вероятнее всего в Хотане, так как в начале V в. там получило распространение шелководство, заимствованное у китайцев при очень своеобразных обстоятельствах, которые нам подробно описал Сюань Цзан (см. ниже, гл. 76). В самом деле, Туркестан вместе с Бактрией (Северный Афганистан) называли раньше «Серийской Индией». Своеобразные остатки высокой турфанской культуры, исследованные Франком[5], вполне могут быть поставлены в связь с развитием торговли в западной части Таримской впадины и с увеличением в те времена богатства этого района благодаря шелководству.

Такое толкование представляется гораздо более приемлемым, чем рассмотренные выше, но его нельзя согласовать с сообщением Феофана Византийского, изложившего событие несколько иначе, чем Прокопий, но тоже как современник. Феофан совсем не упоминает о двух монахах, принесших ценнейший дар Византии, но приводит некоторые важные данные по истории страны, откуда были доставлены грены шелкопряда. Впрочем, расхождение между Феофаном и Прокопием не так уж существенно, как это может показаться с первого взгляда, ибо, несомненно, можно допустить, что при вторичном возвращении монахов из Серинды их сопровождал, возможно в качестве переводчика, упомянутый Феофаном перс, якобы тайно доставивший грены в выдолбленном посохе. Детали хитроумной тайной доставки грен не так важны, как сам этот факт, не вызывающий никаких сомнений.

Феофан сообщает нам, что та страна, которую Прокопий называет Серндой, а сам он весьма неопределенно «Страной серов», то есть какой-то страной, где производили шелк, была подвластна сначала персам, затем эфталитам или белым гуннам и, наконец, тюркам. Эти исторические события и все, что о них рассказывают, можно отнести только к *одной* стране, а именно к той, которая будет рассмотрена в следующей главе — к *Согдиане*. Эта страна Двуречья находилась между реками Аму-Дарья и Сыр-Дарья, а ее столицей был Самарканд! Действительно, эта страна к середине VI в. в изобилии производила шелк, что будет доказано в следующей главе, и принадлежала сначала персам при шахе Фирузе (450—484), а затем, после его

[1] F. Richthofen, Über die centralasiatische Seidenstrasse bis zum 2. Jahrhdt. n. Chr., «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1877, S. 104.

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 529, 550.

[3] H. Yule, Cathai and the way thither, London, 1866, v. I, ch. XLVI, CLI.

[4] A. Stein, Ancient Khotan, London, 1907, p. 134.

[5] «Abhandlungen der Königlichen Preussischen Academie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1907, S. 30.

поражения и гибели в бою, эфталитам и, наконец, тюркам. Итак, трудно представить себе бóльшую согласованность фактов; поэтому даже Герман признает, что грены шелкопряда, вероятно, были доставлены в Византию из Согдианы.

Ведь Иордан также упоминает один раз о «серах», живущих неподалеку от Каспийского моря[1]. Следовательно, не остается, пожалуй, никаких сомнений относительно того, в какой стране два монаха Юстиниана точно изучили производство шелка и откуда они доставили императору грены шелкопряда: *Серындой была Согдиана, называвшаяся позднее Бухарой*!

Теперь и Герман, отказавшись от своего прежнего предположения, что Серындой был, вероятно, Цейлон, присоединяется также к этой гипотезе, о чем он письменно уведомил автора 16 марта 1944 г.

Даже через 1000 лет Бухара была главным поставщиком шелка на Руси. Так, в 1561 г. Павел Иовий писал, что «из этой страны московитам доставляется много шелковых одежд» (*ab hac regione ad Moschovitas plurima vestis serica adducitur*)[2].

Хронология описанных Прокопием событий установлена точно. Первый приезд монахов в Константинополь и их вторичный отъезд в Серинду Прокопий датирует 552 г. В первый раз монахи прожили в Серинде несколько лет, иначе они вряд ли сумели бы так основательно ознакомиться с шелководством, поэтому их приезд туда надо отнести примерно к 550 г. Покидая Серинду, монахи, очевидно, еще не собирались распространять шелководство в Византии. В противном случае они, разумеется, еще при первом отъезде захватили бы с собой грены шелкопряда. По всей вероятности, только оказавшись в Византии, монахи поняли, какая ценная тайна находилась в их руках. В этом случае повторное пребывание монахов в Серинде состоялось, видимо, в 553 г., а их вторичное возвращение в Византию, учитывая длительность путешествия в те времена, вряд ли можно датировать ранее чем 554 г.

Неожиданные историко-экономические последствия мирового значения, вызванные деятельностью монахов, сформулировал Рихтгофен: «Понятие трансконтинентальных шелковых дорог в последующие времена утратило свое значение»[3].

Позднее распространению шелководства из Византийской империи на Апеннинский и Пиренейский полуострова, где оно и доныне сохраняет свое значение, видимо, способствовали главным образом арабы. В Центральную и Северную Европу восточный шелк как товар проник, видимо, благодаря

---

[1] Jordanis, De origine actibusque Getarum, V, 30. [Иордан — историк VI в., родом алан, автор конспекта всеобщей истории и «Истории готов», труда, построенного на не дошедших до нас источниках, в частности на «Истории готов» Кассиодора, выдающегося ученого раннего средневековья (480—575).— *Ред.*]

[2] Павел Иовий Новокомский, Книга о Московитском посольстве. [См. Барон Сигизмунд Герберштейн, Записки о Московитских делах и Павел Иовий Новокомский, Книга о Московитском посольстве, СПБ, 1908, стр. 259.— *Ред.*]

[3] F. Richthofen, op. cit., S. 122.

посредничеству славян, хотя этот вопрос еще не совсем ясен. Во всяком случае, в могильниках Ютландии были найдены[1] относящиеся примерно к середине X в. ценные расшитые золотом и серебром шелковые ткани, которые могли быть доставлены только из Азии, а находящиеся в гданьском костеле Марии тяжелые вышивки по шелку более позднего времени явно обнаруживают свое происхождение из областей, подчиненных арабам[2].

[1] G. Buschan, Prähistorische Gewebe, Braunschweig, 1899, S. 29 (примечание).

[2] J. Karabaček, Die liturgischen Messgewänder mit arabischen Inschriften aus der Marienkirche zu Danzig, Wien, 1870.

ГЛАВА 75

ПУТЕШЕСТВИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПОСЛА ЗИМАРХА К ТЮРКАМ НА АЛТАЙ

(569—571 гг.)

В начале 4-го года правления Юстина в Византию прибыло тюркское посольство. Когда военная мощь и власть тюрок окрепли, жители Согдианы, подвластные прежде эфталитам, а ныне тюркам, обратились к кагану с просьбой направить к персам посольство, чтобы добиться разрешения ездившим туда согдийцам продавать шелк мидянам. Согласившись на их просьбу, Дизибул разрешил согдийцам самим направить посольство во главе с Маниахом. Тогда посольство отправилось к персидскому царю и попросило у него разрешения беспрепятственно вести торговлю шелком среди его подданных. Но царю персов было совсем нежелательно, чтобы согдийцы могли безнаказанно переходить границы его страны; поэтому свой ответ он перенес на ближайший день, а потом прибегал все к новым отсрочкам. Дело стало откладываться со дня на день, а согдийцы настойчиво требовали скорейшего ответа. Тогда Хосров созвал совет и начал совещаться. Но Катульф... посоветовал персидскому царю ни в коем случае не упускать шелка, а скупить его и, расплатившись, бросить затем в присутствии послов в огонь, чтобы никто не подумал, будто он поступает несправедливо или желает воспользоваться тюркским шелком. И действительно, шелк был сожжен, а огорченные послы возвратились к себе на родину.

Когда согдийцы сообщили результат Дизибулу, он приказал немедленно направить к персам другое посольство, которое постаралось бы снискать дружбу персов с его каганатом...

[Далее рассказывается о том, что персы, не желавшие вступать в переговоры о дружбе, большинство послов отравили, распустив, однако, слух, будто они погибли от жары.]

Воспользовавшись этим случаем, глава согдийцев Маниах стал уговаривать Дизибула, что тюркам было бы гораздо выгоднее поддерживать сношения с ромеями, искать их дружбы и вести с ними торговлю шелком, так как ромеи чаще других людей употребляют шелк; он сам охотно готов отправиться в это путешествие вместе с тюркским посольством, с тем чтобы на основе подобного соглашения ромеи и тюрки стали друзьями. Согласившись с этими доводами, Дизибул направил самого Маниаха и еще несколько человек послами к римскому императору, которому

они должны были наряду с лучшими пожеланиями и подарками, состоявшими из шелка немалой ценности, передать и письмо. Маниах взял письмо и пустился в дорогу.

Он проделал длинный путь, прошел много стран, крутые покрытые снегом горы, равнины, леса, болота и реки, перевалил Кавказ и наконец достиг Византии, где его отвели во дворец к императору. Последний повел переговоры именно так, как обычно принято между дружественными народами, передал письмо и подарки тем, кому надлежало этим ведать, и высказал пожелание, чтобы труд, затраченный на столь дальнее странствие, не оказался тщетным. Ознакомившись с помощью переводчика с написанным скифской грамотой письмом, император весьма благосклонно обратился к посольству. Он осведомился у послов относительно организации власти у тюрок и их местожительстве. Послы ответили, что у них существует четыре управления (ἡγεμονίας), но верховная власть над всем народом принадлежит только одному Дизибулу. Затем послы сказали, что эфталиты завоеваны тюрками и должны платить дань. «Значит,— сказал император,— власть эфталитов была вами полностью свергнута?» Послы подтвердили это. Император спросил: «Живут ли эфталиты в городах или рассеяны по деревням?» — «Эфталиты — городское племя, повелитель». — «Отсюда явствует, что вы теперь хозяева тех городов, которые принадлежали эфталитам?» —«Дело обстоит именно так, император», — ответили послы. «Так сообщите нам еще, какое количество аваров уклонилось от подчинения вашему государству и осталась ли какая-нибудь их часть еще подвластной вам?» — «Некоторые авары все еще подчиняются нашей власти. Отошло же от нас, я полагаю, около 20 000 человек». Наконец, послы перечислили императору покоренные тюрками народы и просили его, чтобы между ромеями и тюрками было установлено соглашение о мире и военном союзе. Послы добавили, что они охотно готовы сражаться против всех, кто будет враждебен римской власти и вторгнется в пределы империи. Таким образом, народ тюрок стал дружествен ромеям...

Когда тюрки, называвшиеся прежде саками, прислали посольство с предложением о мире, Юстин решил тоже направить к ним послов. Приготовиться к этому он повелел киликийцу Зимарху, бывшему тогда стратигом восточных городов. Запасшись всем, что требовалось для длительного путешествия, Зимарх выступил из Византии в конце 4-го года правления императора Юстина, во втором индикте, в начале месяца, называемого по-латински августом, и вместе с Маниахом и его спутниками пустился в путь.

После длившегося много дней путешествия Зимарх и его спутники прибыли в Страну согдийцев. Сойдя с коней, они увидели перед собой несколько присланных туда тюрок, которые предлагали купить у них железо... [Следует описание местных железных

рудников и церемонии заклинания против злых духов.] Когда все это было закончено, послы, сопровождаемые теми, на ком лежала эта обязанность, отправились в путь к тому месту, где пребывал хан, на горе, называемой у них Эктеле [Алтай], что значит «Золотая гора». Там в котловине находилась тогда ставка Дизибула. По прибытии туда послов сразу провели к хану. Он сидел в своей палатке на кресле, к которому были приделаны два колеса, чтобы в случае необходимости его могла везти лошадь. Послы приветствовали хана и, согласно обычаю, разложили подарки, которые приняли назначенные на то лица. Тогда Зимарх сказал: «О властелин такого множества народов, так как ты почитаешь ромеев и их дела тебя занимают, то их великий император повелел мне за него пожелать тебе, чтобы счастье всегда сопутствовало тебе и благосклонной была к тебе судьба... Будьте же и вы исполнены подобным же расположением к нам!»

После произнесения Зимархом этой речи Дизибул ответствовал в подобном же духе. Затем они удалились на трапезу и остаток дня провели, развлекаясь, в той же палатке. Та палатка, однако, была обита шелковыми обоями и весьма искусно раскрашена разноцветными красками. Послам поднесли вино, изготовленное, однако, не из винограда, ибо в их стране виноград не родится и тюрки к подобному напитку не привычны, а другой вид варварского питья, похожий на виноградный сок, который подают для угощения; угостившись этим напитком, они затем вернулись в свои покои.

На следующий день они также собрались в другой палатке, украшенной подобными же шелковыми обоями и где можно было увидеть разного рода изображения. Сам же Дизибул сидел на ложе, сделанном из чистого золота, а посреди покоев стояли урны, сосуды для воды и бочки — все золотые. После новой совместной трапезы, поговорив за напитками и послушав, как подобало сотрапезникам, они разошлись.

На следующий день они собрались в другой палатке, в которой стояли позолоченные деревянные колонны. Ложе тоже было золотое и поддерживалось четырьмя золотыми павлинами. На площади того места, где происходили сборища, были расставлены повозки, на которых лежало много серебряной утвари, метательных дисков и копий, а также в большом количестве золотые изваяния животных, красотой и вкусом не уступавшие нашим произведениям искусства. Так велико было богатство правителя тюрок.

Во время пребывания там Зимарха и его спутников Дизибул изъявил желание, чтобы Зимарх вместе с 20 обслуживающими посла спутниками сопровождал его в военном походе против персов, остальные же члены ромейского посольства тем временем должны были ждать возвращения Зимарха в Стране холиатов

[хвалисов][1]. Перед их отъездом Дизибул вручил им подарки и затем отпустил. Зимарху Дизибул подарил также наложницу, захваченную в плен у киргизов. Так сопровождал Зимарх Дизибула в походе против персов.

На пути они сделали остановку в местности, называемой Талас... [Следует описание встречи Дизибула с персидским послом и продолжения похода.]... Призвав к себе Зимарха и его спутников, Дизибул заверил их в своем расположении к ромеям и затем разрешил им вернуться на родину. Вместе с ними Дизибул отправил к ромеям нового посла, ибо вышеупомянутый Маниах умер. Этого посла звали Тагма...

Когда до соседних с тюрками племен дошел слух, что прибыли ромейские посланцы и что вместе с тюркскими послами они возвращаются в Византию, эгемон страны стал умолять Дизибула разрешить и ему послать с ними своих послов для обозрения Ромейского государства. Дизибул разрешил ему это сделать. Но когда того же стали просить и эгемоны других племен, Дизибул отказал всем, кроме эгемона холиатов. Ромеи разрешили ему присоединиться к ним.

Проделав немалую часть пути, послы переправились через реку Ойх (Ὦήχ) и подошли к огромному и широкому морю [Аральское море]. Здесь Зимарх пробыл три дня, а Георгия послал вперед, поручив ему спешно доставить краткое письмо, уведомлявшее императора о возвращении послов от тюрок. Георгий вместе с 12 тюрками избрал кратчайший путь в Византию через пустынный и безводный край; Зимарх же проделал в течение 12 дней путь по песчаной местности вдоль моря, миновал глубокие ущелья и достиг не только берегов реки Ик (Ἴχ) [то есть Эмба], но и реки Дайк [Урал], через болота снова вышел к Атилю [Волга], а затем к уйгурам, которые предупредили ромеев, что на реке Кофен [Кубань] в густо поросших деревьями местах 4000 персов устроили засаду с целью захватить в плен послов, когда они будут проходить мимо.

Вождь уйгуров, правивший там от имени Дизибула, наполнил бурдюки водой и передал их Зимарху и его спутникам, чтобы в дороге через пустыни они были обеспечены питьем. Послы нашли озеро и, перебравшись через большое болото, пришли к тем озерам, в которые, не смешиваясь, впадает река Кофен. Отсюда они послали вперед лазутчиков выяснить, верно ли, что персы устроили засаду. Обойдя всю местность, лазутчики донесли, что никого не видели. Тем не менее послы ускорили переход в страну Аланию [Осетия], продвигаясь с большим опасением, так как страшились племени оромошей.

---

[1] Холиаты-хвалисы — хорезмийцы. См. В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, Ташкент, 1902, стр. 29—30.— *Прим. ред.*

Прибыв в Страну аланов, послы вместе с тюрками посетили правителя Сародия, который благосклонно и дружественно принял Зимарха и его спутников, однако тюркским послам разрешил предстать перед собой только после того, как они снимут оружие... Сародий не советовал Зимарху ехать через Страну миндимианов [миссимианов, в Мамисонской долине], так как близ Свании [на Кавказе, западнее реки Риони] персы устроили засаду; он считал более благоразумным возвращаться послам домой по так называемой Даринской дороге [Дариан]. Узнав об этом, Зимарх послал 10 навьюченных шелком лошадей через страну миндимианов, чтобы ввести персов в заблуждение, будто шелк только послан вперед и сами они идут тем же путем, из чего персы могли бы заключить, что и Зимарх будет там на следующий день. И те действительно отправились в путь. Зимарх же прошел в Апсилию [Апсили в Мингрелии] через Дарин, оставив страну миндимианов по левую сторону, ибо имелось подозрение, что персы собирались его там преследовать. Зимарх прибыл в Рогаторий, оттуда дошел до Черного моря и на судах прибыл в Фазис [Риони] и далее в Трапезунд. Отсюда Зимарх на казенных почтовых лошадях поехал к императору в Византию и доложил ему обо всем. Здесь кончилось посольство Зимарха к тюркам и его возвращение на родину[1].

* * *

Юстин отправил к тюркам послом Зимарха, коему тюрки оказали блестящий прием. Чрезвычайно дружественно принятый тюрками, Зимарх затем вернулся в Византию[2].

Какую бы огромную ценность ни представляло для жителей Восточной Римской империи рассмотренное в предшествующей главе введение шелководства в их собственной стране, все же нельзя не признать, что, естественно, потребовалось еще очень много времени, прежде чем начатое производство шелка хоть мало-мальски обеспечило удовлетворение потребностей. Это тем более верно, что кормом для шелкопряда служили только листья тутового дерева *Morus nigra*, а более подходящий для этой цели вид шелковицы *Morus*

[1] Menandri, Excerpta de legatione, «Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae», cap. 7—8, ed. B. G. Niebuhr, Bonn, 1829, t. I, p. 295—302; 380—384. [Менандр Протиктор — историк второй половины VI в., продолжил сочинение Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана». Он осветил события, происходившие в империи в 558—582 гг. Труд Менандра сохранился лишь в отрывках в словаре Свиды и у Константина Багрянородного.—*Ред.*]

[2] Photius, Myriobiblion, cap. 64. См. D. Hoeschelius, Theophanes' Historia, Photii bibliotheca primum edita, Augsburg, 1601, p. 38. [Разбор маршрута Зимарха см. Н. Пигулевская, Византия на путях в Индию, стр. 205—210.—*Ред.*]

alba распространился в Европе только в XIII в. Правда, в Сирии, на острове Кос и кое-где в других местах вскоре начали производить шелк, однако зависимость от его ввоза все еще была значительной. Торговая монополия Ирана уже не была такой обременительной, как прежде, но ощущалась еще достаточно тяжело. Правда, с 562 г. между Византией и Ираном воцарился мир, но отношения всегда оставались напряженными и уже в 571 г. между обеими державами развязались новые затяжные военные столкновения. И вот, вскоре после смерти императора Юстиниана (14 ноября 565 г.) опять совсем неожиданно представился случай избавиться от торгового посредничества Ирана.

Дело в том, что севернее Ирана совсем нежданно-негаданно возникло огромное государство тюрок, столь же обширное, сколько и недолговечное. Подобно тому как в XIII и XIV вв. чуть ли не за одну ночь вырастали гигантские монгольские державы Чингисхана и Тимур-ленга, так и вождь одной тюркской орды — тукюэ — создал с 553 г. в Центральной Азии огромную державу, которая одно время простиралась от Кавказа и Азовского моря до Тихого океана, в районе современного Владивостока, и от Великой Китайской стены, переходя далеко за северные границы Байкала, до реки Витим. Клапрот полагает, что «Центральная Азия почти целиком была им [тукюэ] подвластна»[1]. Имя основателя и властителя этой державы сообщается по-разному: Дизибул, Сизабул, Силзибул и т. д. Штейн называет его Истэми[2]. Этот могущественный завоеватель правил с 553 по 572 г. Империя Дизибула только немногим его пережила; уже в 581 г. она распалась на четыре государства диадохов, которые в течение последующих 50 лет стали легкой добычей Китая, быстро поднимавшегося тогда вновь до положения мощной державы.

И вот, под влиянием определенных экономических и политических событий, обстоятельно излагаемых в отчете Менандра, упомянутый тюркский каган Дизибул задумал установить дружественные отношения с тогдашним правителем Восточной Римской империи Юстином II (565—578)[3]. Если толчок к такому политическому шагу и дали экономические условия в подвластной тогда тюркам Согдиане, то главную роль, несомненно, сыграли политические соображения. Случилось так, что незадолго перед тем Дизибул завоевал аваров, обитавших раньше в Центральной Азии, а в ту пору живших между Волгой и Доном, и завладел их страной. В результате подавляющее большинство аваров устремилось в Европу, в истории которой впослед-

---

[1] H. J. K l a p r o t h, Tableaux historiques de l'Asie, Paris — London — Stuttgart, 1826, p. XIV. Ср. карту № 11 в атласе, приложенном к этому труду.

[2] E. S t e i n, Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches, Stuttgart, 1919.

[3] Имя Дизибул выбрано здесь лишь потому, что такая транскрипция была принята в нибуровском издании Менандра, откуда заимствован приведенный выше отчет. Устанавливать, какое написание будет правильным, в задачу автора не входит. Клапрот также называет правителя тюрков Дизибулом, однако полагает, что правильнее именовать его Дитубул, от китайского Дицубули. См. H. J. K l a p r o t h, op. cit., p. 116.

ствии, с VIII по X в., этому народу суждено было сыграть такую большую роль. С разрешения императора Юстиниана авары осели в Паннонии, но оказались соседями весьма беспокойными и опасными из-за грабительских набегов. Уже в 562 г., следовательно еще при жизни Юстиниана, Дизибул снарядил в Византию первое посольство, возглавлявшееся Аскелем[1], который, вероятно, был наместником одной из западных провинций каганата Дизибула. За первым контактом между тюрками и византийцами последовал в 568 г. второй, поводом для которого в значительной мере послужило желание согдийцев расширить сбыт своего шелка. Поэтому и руководство вторым посольством было возложено также на знатного согдийца Маниаха.

Политические соображения и надежда получить новый источник снабжения шелком побудили императора Юстина оказать тюркскому посольству чрезвычайно хороший прием. При этом он весьма предусмотрительно не преминул сообщить послам, что в его империи тоже умеют изготовлять шелк и, следовательно, в состоянии противостоять непомерным запросам при установлении цен. Прежде чем связать себя твердыми обязательствами, Юстин, очевидно, хотел собрать более точные сведения о новых друзьях, относительно которых раньше он вряд ли многое знал. С этой целью он решил в свою очередь направить посольство к тюркскому кагану. Во главе этого посольства, которое должно было совместно с тюрками отправиться на их родину, был поставлен тогдашний *Magister militum per Orientem* [стратиг Востока. — *Ред.*] Зимарх, выходец из Киликии, еще с юношеских лет, видимо, связанный дружбой с императором Юстином[2].

Обилие шелка в Согдиане, давшее толчок к политическим переговорам, служит лучшим доказательством того, что нам не приходится искать слишком далеко, чтобы решить проблему о нахождении Серинды, которой была посвящена предыдущая глава. Ответ на вопрос, чем же объясняется обилие шелка в Согдиане, не может вызвать сомнений: *только собственным* производством! В тех областях, где занимаются посреднической торговлей, почти никогда не бывает товарных излишков, так как там торговый оборот жестко определяется спросом и предложением. Посредникам не так-то просто закупать какой-либо товар в большем количестве, чем обусловлено шансами на его сбыт. Затоваривание наблюдается почти исключительно в *производящих* странах!

Не считаясь с этим фактом, Штейн выдвинул странную гипотезу для объяснения имевшихся тогда в Согдиане излишков шелка. Он утверждает, что Согдиана в ту пору, вероятно, «попала в косвенную зависимость от китайцев». Мало того, Штейн заимствует совершенно фантастическую гипотезу француза Каэна, когда пишет следующее: «Китайские императоры, на чьей службе состояли тюрки, обычно платили жалованье этим наемным войскам шелком, потребности в котором были у них, разумеется, ограничены. Согдийцы, возможно, и получали в большом количестве шелк от этих тюрок»[3].

---

[1] H. J. Klaproth, op. cit., p. 115 (и след.).

[2] Прокопий Кесарийский, Тайная история, гл. VI, п. 2. [См. «Вестник древней истории», 1938, № 4/5, стр. 292.—*Ред.*]

[3] E. Stein, op. cit., S. 18.

Вот что говорится по этому вопросу в малонадежном труде Каэна: «Путь шелка ясно обозначен. Тюрки получали драгоценную ткань на китайских границах как жалованье за ведение войн или, рассорившись со своими хозяевами, отнимали ее силой и грабили «знаменитую нацию». Большую часть этого шелка тюрки предоставляли своим союзникам и чужеземным подданным, а некоторую долю Сугдаку (Согдиане) в Трансоксании и Хорасану, а те стремились сбыть его на западе, в римском Дацине, по дороге через Иран»[1].

С экономической, да и с любой другой точки зрения это объяснение представляется сущим вздором! Гипотеза о вознаграждении наемников шелком, усвоенная, к сожалению, Штейном в его прекрасном во всех других отношениях труде, видимо, была просто выдумкой Каэна, к тому же высказанной только в виде предположения. Вот что сказано по этому поводу у Каэна: «Не расплачивались ли они [китайские императоры] со своими солдатами красивыми кусками шелка?»[2].

В такое время, когда государство тюрок было мощной воинственной державой, а Китай — ослабленной, раздираемой внутренними распрями страной, поступать наемниками на службу к китайским императорам могло, вероятно, только ничтожное число тюрок. И уж эти-то наемники, безусловно, стали бы принимать шелк в качестве жалованья лишь до тех пор, пока могли рассчитывать на его продажу с большой для себя выгодой! Объяснять появление излишков шелка в Согдиане такой гипотезой — вероятно, никогда не производившейся выплатой жалованья шелком — просто наивно. Некоторый избыток шелка, возникший якобы благодаря подобным вознаграждениям, мог бы в крайнем случае временно дать о себе знать только в расположенных поблизости к Китаю пограничных областях, но уж никак не перекинулся бы в самые отдаленные от этой страны земли, соседствующие с Ираном!

Эта гипотеза так же неосновательна, как и предположение Штейна относительно якобы существовавшей в то время косвенной зависимости Согдианы от Китая. Правда, после 630 г. Согдиана подпала под власть Китая, но около середины VI в. она еще никакого отношения к нему не имела. Да и независимо от этого, как мог вообще благодаря тюркам образоваться избыток шелка в Согдиане? Могли ли согдийцы приобретать у тюрок чужой шелк в большем количестве, чем они были в состоянии сбыть где-либо в другом месте? И с каких это пор так повелось, чтобы покупатель сначала скупал у продавца в неограниченном количестве какой-нибудь товар, а затем просил, чтобы тот организовал сбыт? Все это совершенно неправдоподобные гипотезы! Неизмеримо проще и естественнее объяснение, согласно которому *сама* Согдиана производила слишком много шелка и в то время старалась при помощи своих хозяев-тюрок найти сбыт для излишков продукции.

Штейн, несомненно, допускает ошибку и в определении конечного пункта путешествия византийского посла Зимарха. Он полагает, что ставка тюрк-

---

[1] L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie, Paris, 1896, p. 109.
[2] L. Cahun, op. cit., p. 107.

ского кагана, которую посетил Зимарх, находилась на Тянь-Шане, «между реками Текес и Юлдус»[1]. Между тем Менандр определенно и вполне правдоподобно указывает, что гора, где находилась ставка, называлась Эктеле, то есть Золотая гора. Этим названием всегда обозначался *только* Алтай, а не Тянь-Шань, где, вероятно, также никогда не добывалось золота. Итак, ставка Дизибула, очевидно, находилась на севере, а не на юге от Джунгарских Ворот. Позднее резиденция кагана была переведена в Таласс, близ нынешнего Джамбула, следовательно, в современный Казахстан на западных отрогах Киргизского хребта. Однако с политической точки зрения это перемещение резиденции кагана из центра державы на периферию было ошибкой и, как отметил Рихтгофен, могло немало способствовать последовавшему вскоре распаду и без того лишь слабо спаянной гигантской державы Дизибула[2]. Во всяком случае, резиденция Дизибула могла находиться только в районе Алтая. Это единодушно подчеркивали еще более ранние исследователи[3].

Нам неизвестно, какой путь избрало посольство, выехав из Константинополя в августе 569 г. Но, по всей вероятности, оно в основном прошло теми же местами, которыми в 571 г. возвращалось на родину. Видимо, маршрут был примерно таким: от Трапезунда (Трабзон) к реке Риони, через Кавказский хребет к Кубани, затем вдоль северных берегов Каспийского и Аральского морей к Сыр-Дарье и, после заезда в Согдиану,— на Алтай. Очевидно, посольство прибыло туда летом, ибо тюрок оно застало расположившихся лагерем в палатках. Значит, в дороге посольство где-нибудь перезимовало.

В последующие века путь из Константинополя проходил севернее — Азовским морем, по низовьям Дона и по Волге к Каспийскому морю, по древней торговой дороге, проложенной еще до нашей эры, о чем свидетельствуют найденные в северной части западного Тянь-Шаня боспорские монеты, относящиеся примерно к 400 г. до н. э.[4], а также обнаруженные при раскопках в Дунбэе (Маньчжурия) три монеты Адриана, ныне хранящиеся в Харбинском музее[5]. Ездили ли по этой дороге уже в греко-римское время также сами купцы или туда попадали только их товары и монеты, установить невозможно. Во всяком случае, эта трасса еще тогда, видимо, давно заброшенная, во времена Зимарха была неизвестной или непроходимой. Иначе непонятно, почему предпочтение было отдано более длинному, тяжелому и опасному маршруту. Ведь персы, которым, разумеется, было крайне нежелательно установление связей между византийцами и тюрками, устраивали засады возвращавшемуся на родину посольству Зимарха как на Кубани,

---

[1] E. Stein, op. cit., S. 20.

[2] F. Richthofen, op. cit., B. I, S. 526.

[3] J. de Guignes, Histoire générale des Turcs, des Mongols etc., Paris, 1756, t. I, p. 386; H. J. Klaproth, op. cit., p. 116; L. Vivien de Saint-Martin, Histoire de la géographie, Paris, 1873, p. 234.

[4] P. Pelliot, La Haute Asie, «La Politique de Pékin», 1933, t. 20, p. 163 (и след.), 194 (и след.).

[5] P. H. Bernard, La découverte de Nestoriens Mongols aux Ordos et l'histoire ancienne du Christianisme en Extrême Orient, «Collectanea Commissionis Synodalis», Peking, 1935, p. 433 (примечание 5).

так и на Кавказе, и избежать их послу удалось только благодаря своевременному предупреждению!

Попытка императора Юстина открыть новые источники снабжения шелком и приобрести новых союзников к практическим результатам не привела. Правда, в Константинополе тогда возникла тюркская колония[1], а в последующие годы к тюркам еще неоднократно направлялись византийские посольства. Так, в 571—575 гг. у них побывали посольства, возглавлявшиеся Евтихием, Ироднаном и Павлом Киликийцем. Последнее посольство, прибывшее к тюркам в 580 г., возглавлялось Валентином. Однако ему тогдашний тюркский каган Тардухан, сын умершего в 572 г. Дизибула, оказал такой плохой прием, что всякие дальнейшие сношения прекратились[2]. К тому же с установлением дружественных отношений между тюрками и персами эти связи стали для Византии совершенно бесполезными. В довершение всего начавшийся с 581 г. распад державы Дизибула и внезапное возрождение политической мощи Китая при Суйской династии (581—619) направили ход политических событий по совершенно новому руслу.

Огромная держава Дизибула, ослабленная и распавшаяся из-за междоусобиц и крайне неудачно воевавшая с Китаем в 583 г., уже в 586 г. была вынуждена подчиниться китайскому владычеству[3]. Китай, дотоле раздробленный и расчлененный на многочисленные государства, в 589 г., при императоре Вэнь-ди (581—604), после длившегося свыше 400 лет упадка, вновь восстановил свое государственное единство[4] и необычайно быстро превратился в самую могущественную империю Азии (см. гл. 78), власть которой простиралась до самого Каспийского моря. Византия теперь могла бы свободно покрывать свою потребность в шелке непосредственно из страны, являвшейся главным его производителем. Но как раз к этому времени Византия благодаря развитию собственного шелководства становилась все более независимой от зарубежных стран. Она, наконец, избавилась и от своей самой опасной соперницы, после того как в 636—642 гг. нашествие победоносных сарацин сокрушило Иранскую империю Сасанидов.

Итак, результат грандиозного самого по себе путешествия Зимарха практически почти свелся к нулю. Но с исторической точки зрения особый интерес все же вызывает тот факт, что в 569 г. византийский император завязал дружественные отношения с народом, который через 884 года принес гибель его великой империи.

---

[1] E. Stein, op. cit., S. 20.
[2] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 394.
[3] H. J. Klaproth, op. cit., p. 119.
[4] Ibidem, p. 203.

ГЛАВА 76

ВТОРИЧНОЕ ОТКРЫТИЕ ТАЙВАНЯ КИТАЙЦАМИ

(около 608 г.)

В первый год Да-е [605 г.] правления династии Суй капитан корабля Хэ-мань и некоторые другие китайцы той же профессии сообщили следующее: «Если смотреть вдаль на восток, то, как только прояснится небо и море станет спокойным, можно заметить туман и дым над населенными городами». В это время император Ян-ди[1] приказал военному советнику Чу Гуаню отправиться в плавание по морям и высматривать неведомые страны. Чу Гуань вспомнил сообщение Хэ-маня и взял с собой этого моряка. Они вместе прибыли в царство Люцю. Понять разговорный язык жителей они не могли и, захватив с собой одного туземца, вернулись в Китай.

На следующий год Чу Гуань получил приказ вернуться в Люцю и побудить властителя страны посетить императора для принесения присяги на верность, что, однако, царь Голатоу отказался исполнить...

Император приказал Чэн Лину собрать войска и повести их против царя, отказавшего ему в повиновении. Чэн Лин выступил из Юнъаня, проплыл по морю и высадился на небольшом острове Гохуа, затем продолжил свое плавание на восток, стал на два дня на якорь возле островка Юаньпэй и на следующий день прибыл в царство Люцю.

Китайские войска стремительно атаковали солдат этого царства, перебили их и, проникнув до самого города, где была резиденция царя, подожгли дворец и дома, захватили в плен несколько тысяч мужчин и женщин, а затем снова сели на свои корабли. С тех пор всякие связи со страной Люцю прекратились[2].

Только в редких случаях узнаем мы из древнейших летописей, когда и при каких обстоятельствах удавалось совершать какие-нибудь второстепенные географические открытия. Случайно в одной китайской летописи содержится описание такого открытия острова Тайвань. Этот отчет, не имеющий в остальном большого значения, заслуживает особого внимания. Во-пер-

---

[1] 605—616 гг. н. э.

[2] D'Hervey de Saint-Denis, Ethnographie des peuples étrangers à la Chine... par Ma-Touan-Lin (Orientaux), Paris, 1876, p. 422 (и след.).

вых, в нем определенно подчеркивается, что по приказу императора надлежало «высматривать неведомые страны»; во-вторых, он дает описание китайских плаваний по ранее неизвестным морям. То, что жителей вновь открытой страны, очевидно, немедленно принуждали присягать на верность китайскому императору, вполне соответствовало тогдашним представлениям китайцев, согласно которым правивший ими император был верховным повелителем мира и «властителем всего человечества»[1]. Нам предстоит еще, рассматривая события XIII в., столкнуться со своеобразными примерами такой концепции (см. т. III, гл. 119).

В заморских странах китайцы вели войны только случайно. Тем более примечательна поэтому успешная заморская экспедиция, предпринятая против «отказавшего в повиновении» правителя Тайваня и увенчавшаяся быстрой и полной победой китайцев. По данным Клапрота, этот поход против Тайваня состоялся в 610 г.[2]

В отчете Ма Туань-линя завоеванная островная страна называется Люцю. Китайцы, не произнося букву «р» и всегда заменяя ее буквой «л», теперь называют так острова Рюкю, длинной цепью протянувшиеся между Тайванем и Японией. Однако прежде, вплоть до Минской эпохи (1368—1644), Люцю назывался сам остров Тайвань. На этот факт особое внимание обратил д'Эрве де Сен-Дени, переводчик Ма Туань-линя[3]. Итак, Тайвань был открыт китайцами только около 608 г.

Однако к сказанному следует добавить еще несколько слов. Тайвань находится на небольшом расстоянии от материка. Трудно поверить, чтобы этот остров вплоть до 600 г. н. э. мог оставаться совершенно неизвестным китайцам, тем более что мореплавание, хотя и осуществляемое преимущественно из южных гаваней, временами, особенно в I в. н. э. (см. т. I, гл. 44 и 58), было уже довольно хорошо развито в Китае. Филиппины, почти наверное, были известны древним китайским мореходам (см. т. I, гл. 58). Представляется несомненным, что они в те времена уже знали кое-что и о Тайване, ибо главное течение Великого океана Куро-Сиво (см. гл. 85), беря начало у Филиппин, проходит затем как раз между Тайванем и островами Рюкю.

Еще в течение VII в., когда необычайно возросла политическая мощь Китая (см. гл. 78 и 81), судоходство в водах, омывающих Тайвань, должно было сильно оживиться. Во всяком случае, во времена китайского путешественника И Цзина, деятельность которого протекала в три последних десятилетия VII в. (см. гл. 69), положение вещей было таково, что Такакусу, современный издатель И Цзина, мог заявить следующее: «Во времена И Цзи-

---

[1] Ср. O. Franke, Der chinesische Staatsgedanke, «Ostasiatische Neubildungen», Hamburg, 1911, S. 2 (и след.).

[2] H. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris — London — Stuttgart, 1826, p. 205.

[2] «Journal Asiatique», Mai-Juni, 1875. Ср. со статьей Шаванна. См. «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. III, p. 228 (примечание 4).

на между Ираном, Индией, Малайскими островами и Китаем существовало регулярное судоходство»[1].

Итак, восстановилось положение, подобное тому, которое существовало в I и II вв. н. э. Трудно себе представить, чтобы Тайвань, расположенный на главном морском пути, мог быть открыт китайцами только в начале VII в.

Поэтому автор полагает, что в 605 г. произошло, вероятно, только *вторичное* открытие страны, мало привлекавшей внимание. Сведения о ней, возможно, были утрачены в те столетия, когда наблюдался упадок морского судоходства в Китае. Подтвердить справедливость этой гипотезы не представляется возможным.

---

[1] J. T a k a k u s u, A record of the Buddhist religion as practised in India and the Malay archipelago (671—695) by I-Tsing, Oxford, 1896, p. XXIII (примечание).

ГЛАВА 77

ПУТЕШЕСТВИЕ СЮАНЬ ЦЗАНА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИНДИИ

(629—645 гг.)

(Том II, стр. 64—71.) ...Железными Воротами называют узкое ущелье между двумя параллельными горными цепями, которые справа и слева поднимаются до необычайной высоты. Между ними над пропастями проходит тропа. Горы образуют по обе стороны высокие каменные стены, цветом подобные железу. Там сделали кованную железом дверь с двумя створками, на которые подвесили железные колокольчики. Так как пройти этим проходом трудно и он очень хорошо охраняется, то ему и дали указанное название... К востоку от этого озера Сюань Цзан вступил в леса и ущелья огромных гор и, пройдя приблизительно 200 ли[1], прибыл в царство Иланьнабофато [Хираньяпаравата]. Это царство достигает свыше 3000 ли в окружности. Окружность столицы составляет более 20 ли. К северу поблизости течет река Цзиньцзя [Ганг]. Земля эта родит в изобилии хлебные злаки, цветы и фрукты. Климат умеренный, обычаи просты и пристойны. Здесь более 10 монастырей, насчитывающих свыше 4000 монахов, большинство которых следует учению школы Чаньляна, исповедующей «Малую колесницу». Сверх того, здесь насчитывается около 20 храмов, в которых совместно проживают приверженцы сект различных исповеданий.

Недавно соседний царь сверг с престола властителя этого царства, передал его столицу монашеской общине и построил там два монастыря, в каждом из которых насчитывается почти до 1000 монахов. Эти монахи следуют школе Чуицзиу [Сарвастивады], примыкающей к «Малой колеснице».

Возле этой столицы, совсем рядом с Гангом, возвышается гора Иланьня [Хиранья], из которой поднимаются вверх, затемняя солнце и луну, облака испарений и тумана. С незапамятных времен на эту гору приходили один за другим святые отшельники и мудрецы, чтобы найти здесь успокоение своей душе. Теперь там стоит храм, где следуют правилам, которым научились у них. Когда-то на этой горе жил также Юлай [Татхагата] и разъяснял там в честь богов Великий закон. Южнее столицы стоит ступа[2].

---

[1] Прежде 1 ли равнялось 577 *м*.
[2] Памятник в честь какого-нибудь буддийского святого.

На этом месте Юлай в течение трех месяцев разъяснял закон в честь богов.

К югу от Ганга на западной границе царства можно подойти к небольшой горе с двумя вершинами, достигающими необычайной высоты. Здесь некогда в течение трех месяцев жил отшельником Будда и обуздал демона Бокуло [Вакула]. На юго-западном склоне горы в глубине пещеры на широком камне видны следы, которые оставил сидевший там Будда; глубина следов около 1 дюйма, длина — 5 футов 2 дюйма и ширина 2 фута 1 дюйм. Над этими следами воздвигли ступу. Дальше к югу на камне видны следы кувшина, который там ставил Будда...

К западу от этого места есть 6 или 7 горячих источников с необычайно теплой водой.

На юге царство ограничено высокими горами. В растущих на этих горах лесах водится множество диких слонов необычайно больших размеров.

Покинув это царство, Сюань Цзан остановился по пути на южном берегу Ганга и, пройдя приблизительно 300 ли, достиг царства Ченьпо [Чампа]...

(Том II, стр. 169—172.) Покинув это царство [Махьяварапура], Сюань Цзан снова пришел в царство Цючжоло [Гуджара] и направился на север. Пройдя 1900 ли по безлюдным равнинам и страшным пустыням, он переправился через широкую реку Синьту [Инд] и прибыл в одноименное царство.

Это царство достигает приблизительно 7000 ли в окружности; столица, по имени Бичаньбопуло [Витшавапура?], достигает более 30 ли в окружности. Земля здесь хорошо подходит для выращивания хлебных злаков, родит в изобилии просо и пшеницу, и здесь добывают также золото, серебро и медь. В стране занимаются разведением крупного рогатого скота, баранов, верблюдов, мулов и т. д. Верблюды низкорослые и только одногорбые. Добывают там в большом количестве красную, как киноварь, соль, а также белую, черную каменную соль и т. д. Народы, живущие дальше, и чужеземцы употребляют эту соль как лекарство. Жители от природы суровы и жестоки, но в душе просты и справедливы. Между собой они часто ссорятся, бранясь и затевая драки, очень склонны к сквернословию и клевете. Они исследуют природу, не стремясь, однако, к большим знаниям, и глубоко чтут закон Будды. Там насчитывается сотни две монастырей, монахи которых, числом приблизительно до 10 000, исповедуют учение школы Ченлянпу [Самматья], примыкающей к «Малой колеснице». Эти монахи в большинстве ленивы и склонны к распутству. Кто из них охвачен рьяным усердием и предан мудрости, уединяется и живет в горах или в лесах. Там днем и ночью эти отшельники проявляют неутомимое усердие; многие из них снискивают священный плод Будды [звание архата].

В стране насчитывается около 30 языческих храмов. В них живут, смешавшись между собой, приверженцы сект различных вероисповеданий. Царь страны принадлежит к касте Сюдоло [шудра]; он справедлив по натуре и чтит закон Будды... Великий алохань [архат] Упоцюто [Упагупта] часто посещал это царство и разъяснял закон, просвещая и наставляя людей па путь истинный. В тех местах, где он побывал, всюду строили монастыри и воздвигали ступы, чтобы так отметить оставленные им следы.

На берегу реки Синту, на изобилующих прудами и болотами землях протяжением в 1000 ли, поселилось огромное количество семейств. Эти люди дики по природе и, кроме убийств и резни, не знают никаких других занятий. Они живут разведением крупного рогатого скота и не признают никаких хозяев. Мужчины бреют бороды, а женщины волосы на голове, и все независимо от общественного положения носят монашеское одеяние... Покинув эту страну, Сюань Цзан прошел около 900 ли в восточном направлении, переправился через восточный рукав Инда и прибыл в царство Мулосаньпулу [Мултан]...

После того как Сюань Цзан покинул это царство [Яркенд], он перешел на востоке высокие горные перевалы и пересек долины. Пройдя около 600 ли, Сюань Цзан пришел в царство Чжусатана [Хотан].

Царство Чжусатана достигает около 4000 ли в окружности. Больше половины страны — лишь безводная пустыня, и пахотной земли здесь совсем мало. Земля эта пригодна для выращивания хлебных злаков и родит в изобилии всевозможные фрукты. В этой стране вырабатывают ковры, войлок высокого качества и легкие шелка искусной выделки. Еще добывают здесь белый и черный нефрит. Климат приятный и мягкий, но случаются сильные бури, несущие столбы пыли. Обычаи проникнуты пристойностью и справедливостью. Жители мягки по природе и почтительны, они любят заниматься науками и славятся своим мастерством и прилежанием. Народ живет зажиточно, предается развлечениям и доволен своей участью. В этой стране очень ценят музыку и любят песни и танцы. Лишь немногие носят льняные одежды или звериные шкуры, большинство же одевается в легкие шелка и белые платки. Обращение здесь весьма учтивое, а обычаи регулируются предписаниями закона. Их письмена сходны с индийскими. Формы последних несколько изменены, и в них внесены некоторые несущественные поправки. Говорят здесь на языке, отличном от языков других стран; закон Будды высоко почитается. Там насчитывается около сотни монастырей, в которых живет 5000 монахов, исповедующих учение «Большой колесницы». Царь страны храбрый и воинственный и высоко чтит и уважает закон Будды. Он похваляется, что ведет свое происхождение от бога Би Ша-мыня [Вайшраваны].

Некогда страна была пустынна и необитаема. Там поселился бог Би Ша-мынь. Когда старшему сыну царя Вую [Ашока] вырвали глаза в царстве Тачашило [Таксила], разгневанный царь-отец послал туда своего министра с приказом переселить людей из знатных семейств на север в пустынную долину, что лежит по ту сторону покрытых снегом гор. Изгнанные таким образом люди дошли до западных границ этой страны, назначили одного из своих родовых вождей верховным правителем и присвоили ему титул царя. В то время в восточной части той же страны жил в изгнании сын императора Восточной страны [Китай]. Подвластные ему жители возвели его во время состязаний в самый высокий ранг, и он также присвоил себе титул царя...

В 50—60 ли южнее столицы стоит построенный супругой первого царя страны монастырь, называемый Люшисянцзялань. Никогда в той стране не знали ни тутовых деревьев, ни шелкопрядов. Услышав, что Восточная страна обладает ими, царь направил туда посланца с поручением добыть их. Однако в те времена властитель Восточной страны хранил их в тайне и никому не давал, а также строжайше запретил пограничным стражам пропускать за пределы страны семена тутового дерева и грены шелкопряда. Тогда царь Хотана в самых смиренных и почтительных выражениях стал просить руки китайской принцессы. Властитель Восточной страны, благосклонно настроенный к народам дальних стран, немедленно дал согласие на это предложение. Между тем царь Хотана приказал послу отправиться к его невесте и передать ей следующее: «Скажи принцессе Восточной империи так: наша страна никогда не располагала собственным шелком. Поэтому ты должна привезти с собой сюда семена тутового дерева и грены шелкопряда. Тем самым ты обеспечишь себя драгоценными одеждами».

Услышав эти слова, принцесса тайно раздобыла семена тутового дерева, а также грены шелкопряда и спрятала их в ватной подбивке своей шляпы. Когда она прибыла на границу, начальник стражи обыскал все, кроме головного убора принцессы, который он не осмелился осматривать. Вскоре затем принцесса прибыла в царство Хотан и остановилась в той части страны, где стоит монастырь Люшисянцзялань. Принцессу встретила большая свита и проводила ее в царский дворец. На том месте принцесса оставила грены шелкопряда и семена тутового дерева. С наступлением весны были посеяны семена тутового дерева, а когда пришло время вывестись шелковичным червям, для их кормления собрали листья... Тогда царица приказала высечь на камне закон, который гласил: «Воспрещается убивать шелковичных червей. Когда все бабочки шелкопряда разлетятся, тогда пусть приступают к обработке коконов. Кто нарушит этот закон, тот лишится помощи богов». В то же время царица распорядилась

построить монастырь в честь богов. В этом царстве можно еще видеть несколько высохших пней тутовых деревьев, появившихся будто бы из тех первых ростков[1].

Вот почему царство это располагает ныне шелкопрядами, и никто не отважится умертвить ни одного из них. Кто украдет у другого шелк, тому воспрещается разводить шелкопрядов...

К западу от долины Бимо [Бхима] Сюань Цзан пришел в пустыню и, пройдя 200 ли, достиг города Ниян. Город этот достигает 3—4 ли в окружности и лежит посреди большого болота. В этой заболоченной местности так жарко и сыро, что продвигаться по ней приходится с большим трудом. Она покрыта густыми зарослями тростника и диких растений, и нет там ни дорог, ни троп. Пользоваться можно только той дорогой, которая ведет в город. Поэтому путники никак не могут миновать города. Царь Хотана оставил там пограничные знаки своего восточного рубежа.

Покинув эту страну, Сюань Цзан направился на восток и пришел в большую пустыню с зыбучими песками. Пески расстилаются на необозримое пространство; но прихоти ветра они то нагромождаются в одном месте, то вновь разметаются. Путники не находят там никаких следов человека, и многие из них сбиваются с дороги. Со всех сторон до самого горизонта простирается эта пустыня, и никто не знает, в каком направлении нужно идти. Поэтому странники отмечают дорогу, собирая в кучи кости животных. Там нет нигде ни воды, ни растительности и часто дуют жгучие ветры. Когда поднимаются эти ветры, люди и животные падают в изнеможении и заболевают. Временами слышатся то пение и свист, то болезненные стоны, но если прислушиваться к этим звукам, то сознание помутится и потеряешь способность передвигаться. Вот почему там часто гибнут путники. Эти миражи — наваждение демонов[2].

Мы повидали горы и реки, исследовали страны, описали мягкие или суровые нравы их жителей, упомянули также о свойствах климата и почвы. Обычаи людей не везде одинаковы, их вкусы и склонности не всегда совпадают. Некоторым фактам трудно найти объяснение, а пользуясь одними воспоминаниями о них нельзя подробно рассказать. Он [Сюань Цзан] составил общее

---

[1] Описываемое тайное проникновение шелководства в Хотан имело место в 419 г. н. э. См. C. Ritter, Erdkunde, Kap. VIII, S. 698. [См. статью Станислава Жюльена (автора цитируемого Хеннигом труда «История жизни Сюань Цзана и его путешествий по Индии в период 629—645 гг.»), «О китайском шелководстве», СПБ, 1840.— *Ред.*]

[2] Эти таинственные звуки и голоса пустыни частично объясняются объективными причинами — свистом уносимого бурей песка, но известную роль играет также обман чувств утомленных путешественников. Об этих «демонах» упоминал еще Фа Сянь (стр. 44). Говорит о них и Марко Поло (кн. I, гл. 57). Яркое описание этих явлений дал Свен Гедин (см. Sven Hedin, Durch Asiens Wüsten, Leipzig, 1899, B. I, S. 386).

описание всех стран, где ему довелось побывать, собрал о них сведения понаслышке и от очевидцев и точно перечислил народы, которые хотели покориться [китайскому императору!].

В тех странах, где Сюань Цзан подавал пример своим благородным поведением, все восхищались его многочисленными добродетелями. Можно ли сравнивать его с тем, кто отправлялся в путешествие с одной-единственной повозкой или кто проехал расстояние в 1000 ли с почтой?[1]

Среди многочисленных пилигримов-буддистов из Китая, совершавших паломничества в святую страну своей религии — Индию (см. гл. 69), первое место занимает, пожалуй, живший в VII в. Сюань Цзан. И не только потому, что, интересуясь географией, он совершил путешествие значительно большего размаха, чем все его предшественники и последователи, но прежде всего благодаря оставленному им труду. Это произведение можно смело причислить к величайшим шедеврам географической литературы раннего средневековья. Правда, с нашей точки зрения, в труде Сюань Цзана слишком много места отводится буддизму, и отдельные узкоспециальные вопросы нередко с утомительными подробностями повторяются в каждой главе. Кроме того, все изложение щедро пересыпано незначительными анекдотами, фантастическими историями и легендами, сообразно вкусам того времени. И все же в целом труд Сюань Цзана достоен глубокого уважения как выдающееся достижение. Местами он поражает нас своей вполне современной строгой объективностью и обстоятельностью изложения. Из цитат, приведенных в начале главы, можно убедиться, что каждая из 138 глав труда Сюань Цзана посвящается характеристике отдельной страны и начинается с указания окружности страны и ее столицы, описания полезных ископаемых, климата, нравов населения и прочих подробностей. Каждой главе предпосылается стереотипное введение, в котором указывается, какое расстояние должен пройти путешественник, чтобы попасть из одной страны в другую, и с какими природными условиями он встретится по дороге. Имеются и главы, посвященные странам, где сам Сюань Цзан не был, но относительно которых он наводил справки.

Путешествие китайского паломника длилось по меньшей мере 16 лет. Началось оно в августе 629 г. из расположенного в Северо-Западном Китае города Сиань (Чанъань) и завершилось в 645 г. Спустя примерно 3 года великий путешественник написал свой труд, чрезвычайно ценный для озна-

[1] Отчет о путешествии Сюань Цзана см. S. J u l i e n, Voyages des pèlerins bouddhistes, t. II, III; Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du Sanscrit en Chinois, t. I, II, Paris, 1857—1858. [Труд Сюань Цзана называется «Датансиюйцзи», что означает «Записки о странах Запада». Краткое описание путешествия Сюань Цзана см. В. Т. З а й ч и к о в, указ. соч., стр. 19—21; маршрут путешественника по территории современной Киргизской ССР см. С. У м у р з а к о в, Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии, Фрунзе, 1959, стр. 20—27; см. также Н. А. А р и с т о в, Западный Туркестан в VII столетии по описанию китайского путешественника, «Туркестанские ведомости», 1889, № 38, 39, 40.— *Ред.*

комления с Азией того времени и особенно с Индией. Саму Индию Сюань Цзан исходил во всех направлениях и обследовал все ее районы. Не побывал он только на Цейлоне, который как раз в то время был охвачен сильными волнениями. Вот почему гл. 94 его труда, посвященная Цейлону, получилась, к сожалению, несколько краткой и не подкреплена личными наблюдениями.

Долгое время оценить по достоинству труд китайского путешественника было почти невозможно, так как зачастую искаженные до неузнаваемости, китаизированные санскритские названия местностей и стран препятствовали их идентификации. Только благодаря тщательной работе великолепного переводчика Жюльена[1] и его консультанта по вопросам географии Вивьен де Сен-Мартена[2] удалось достичь безупречного толкования большинства важнейших названий.

Позднее заслуживающие признательности комментарии к труду о путешествии Сюань Цзана дали: к разделу об Индии — Каннингэм[3], о Центральной Азии — Юл[4], о Китае и Центральной Азии — Рихтгофен[5]. Итак, теперь маршрут путешествия Сюань Цзана в значительной части установлен точно. Ввиду того что для характеристики способа изложения Сюань Цзана в приведенном выше источнике сообщаются только немногие выдержки, то, пользуясь современными названиями местностей, маршрут путешествия можно наметить нижеследующим образом.

В 629 г. Сюань Цзан, в возрасте 26 лет[6], отправился из Сианя через пустыню Гоби к Хами, Куче и Аксу и, перевалив через Тянь-Шань, достиг озера Иссык-Куль; затем он посетил Токмак, Таласс, Исфиджаб, Таш [Ташкент] (древняя столица Туркестана), Фергану, Самарканд, Бухару и, переправившись возле Термеза через Аму-Дарью, направился далее через Каш и Железные Ворота в Тохаристан и Балх. Там Сюань Цзан пробыл довольно долго, неоднократно совершая поездки в различные соседние районы. Затем путь шел по Бамиану и Кабулу к Мандаравару и Пешавару, через Хайберский перевал. Сначала Сюань Цзан пересек расположенную к западу от Инда страну в районе реки Сват, затем возле Утакханды переправился через Инд и проник в Пятиречье [Пенджаб.— *Ред.*]. Здесь он посетил Такшашилу (Таксилу времен Александра Македонского), потом Джелам на одноименной реке (на сказочном Гидаспе Горация). Затем Сюань Цзан вернулся в Кашмир, где провел целых два года, вероятно главным образом в столице Кашмира — Сринагаре. Далее через перевал Барамула паломник отправился на Пунч, Раджавар, к Чинабу и в царство Чека. Дальнейший маршрут до

---

[1] S. Julien, Voyages des pèlerins bouddhistes, t. I, Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde entre les années 629 et 645; t. II, III, Mémoires sur les contrées occidentales... par Hiouen Thsang, Paris, 1857—1858.

[2] L. Vivien de Saint-Martin, Mémoire analytique sur la carte de l'Asie centrale et de l'Inde, op. cit., t. III, p. 251—428.

[3] A. Cunningham, The ancient geography of India, London, 1871.

[4] H. Yule, Notes of Hwen-thsang's account of the principalities of Tokharistan, «Journal of the Royal Asiatic Society», 1873, new. ser. VI, p. 92.

[5] F. Richthofen, China, Berlin, 1870, B. I, S. 540 (и след.).

[6] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 561.

самого Сатледжа не вполне ясен. На другой стороне этой реки путь шел на Матхуру, в район современного Дели, и затем в подлинную обетованную страну буддистов — бассейн Ганга. Сюань Цзан обошел святую землю во всех направлениях, проник в район истоков Ганга и, пробравшись в Непал, надолго задержался в Магадхе, этом центре буддийского паломничества. В одном только большом и богатом монастыре Наланда Сюань Цзан провел целых пять лет.

Продолженный, наконец, маршрут путешествия ведет сначала в восточном направлении к Брахмапутре и в западный Ассам, затем в Тамлук, расположенный на одном из рукавов Ганга — Хугли. Отсюда Сюань Цзан намеревался отплыть на корабле на Цейлон, но, последовав совету одного монаха, отправился сухопутьем в Южную Индию. Он прошел по Декану, по самой южной оконечности Индии, вышел к Малабарскому побережью, затем снова поднялся на север к устью Инда и побывал сверх того в районе Карачи и в Белуджистане. Вернувшись к Инду, Сюань Цзан отправился через Газну, Кабул и Хавакский перевал Гиндукуша в Тохаристан, затем направился в сторону Памира, миновал озеро Сарыколь и, наконец, через Кашгар, Яркенд, Хотан, Таримскую впадину и область пустынь возвратился в Китай. Один из пройденных Сюань Цзаном в пустыне Такла-Макан населенных пунктов, который он называет Пу-цзай, видимо, был обнаружен Эмилем Тринклером в виде развалин древних строений[1].

Итак, если само по себе это путешествие представляется выдающимся достижением, то еще большее значение оно приобретает благодаря тому, что Сюань Цзан оставил хотя местами и несколько сухое, но весьма поучительное описание своих приключений и наблюдений. В приведенных цитатах из источника два отрывка имеют с культурно-исторической точки зрения особенно большое значение. В одном из них содержится крайне важный рассказ о том, как благодаря женскому тщеславию, а именно желанию всегда наряжаться в красивые шелковые платья, и женской хитрости была подорвана монополия Китая на производство шелка, которую ему удавалось сохранить вплоть до V в.[2] В другом отрывке рассказывается о том, что в страшной Такла-Макан в те времена, как и в наши дни, людям слышались «голоса пустыни», которые приписывались, сообразно воззрениям той эпохи, козням демонов. Для сравнения процитируем то, что сообщает Каталонская карта мира 1375 г. об этих «голосах пустыни». «Нередки случаи, когда путник слышит раздающиеся в воздухе голоса многочисленных дьяволов, подобные

---

[1] «Sinica», VI, 1, 39; E. Trinkler, Im Land der Stürme, Leipzig, 1930, S. 130 (и след.).

[2] На протяжение целых двух тысячелетий родиной шелководства была провинция Шаньдун. Изготовление шелка оставалось «почти в течение целых трех тысячелетий привилегией одного народа», и в его стране он временами стоил дешевле полотна. Впервые китайская монополия была подорвана около 200 г. до н. э. переселенцами из Китая, бежавшими в связи с внутренними беспорядками в Корею. Оттуда, незадолго до начала нашей эры или в 199 г., шелководство проникло в Японию, куда китайский принц Го-мань доставил грены шелкопряда «как дань» (см. H. Silbermann, Die Seide, Dresden, 1897, S. 6 (и след.).

голосам его спутников; они зовут путника по имени; в конце концов, дьяволы начинают кружить его по пустыне во всех направлениях, и он уже больше не может найти своих спутников».

Хотя Сюань Цзан не побывал ни в одной неведомой стране, его 16-летнее странствование все же принадлежит к числу величайших достижений средневековья, и прежде всего потому, что благочестивый паломник, проявляя подлинный интерес к географии, внимательно наблюдал и изучал все пройденные им «138 царств».

Во времена Сюань Цзана буддизм был так широко распространен в Китае, что там насчитывалось около 13 тыс. буддийских храмов[1]. Когда в 845 г. враждебно относившийся ко всему чужеземному император У-цзун наряду с христианством и исламом запретил также буддизм и подверг гонениям его последователей, в Китае было одновременно разрушено 44 тыс. буддийских храмов (см. гл. 78).

Самое основательное исследование о путешествиях и достижениях Сюань Цзана принадлежит Билу[2].

---

[1] S. Beal, Travels of Fan-hian and Sung-yun, London, 1869, p. XXIX.
[2] S. Beal, The life of Hiuen-Tsiang, by the Shaman Hwui-Li, London, 1914.

ГЛАВА 78

ПУТЕШЕСТВИЕ ХРИСТИАНСКОГО МИССИОНЕРА ОЛОПЁНА В КИТАЙ

(636 г.)

В то время как светлейший император Тай-цзун во славе и блеске начал свое счастливое царствование, просвещая свой народ и мудро управляя им, в царстве Великий Цинь [Сирия] жил человек высокой добродетели, по имени Олопён; прорицая по светлым облакам, он принес сюда священные рукописи и, наблюдая за гармонией ветров, преодолел трудности и опасности [путешествия].

В 9-й год Чжэн-гуань[1] Олопён прибыл в Чанъань. Император послал своего министра — военачальника Фан Сюань-лина во главе эскорта в западное предместье, чтобы встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того как в [императорских] частных покоях учения эти были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять[2].

* * *

Прошло много времени с тех пор, как в Срединной империи распространилась религия священных персидских книг, проповедь которой исходила из Сирии. Когда [проповедники] впервые построили храмы, они назвали их персидскими. В целях распознания их происхождения персидские храмы обеих столиц должны впредь именоваться храмами Дациня[3], и так надлежит поступить со всеми храмами, воздвигнутыми в различных провинциях[4].

Около середины VII в., когда Китаем правила династия Тан (618—907), страна была весьма близка к принятию христианства. Знаменитый император

---

[1] 636 г. н. э. См. F. K. G i n z e l, Handbuch der Chronologie, Leipzig, 1906, B. I, S. 521.

[2] Из Несторианской стелы 781 г.; полный дословный текст см. A. C. M o u l e, Christians in China before the year 1550, London, 1930, p. 38 (и след.). К надписи был приложен весьма древний крест. Его изображение см. «Stimmen der Zeit», Freiburg, 1894, B. 46, S. 446.

[3] Дацинь — Римская империя, главным образом Сирия (см. т. I, гл. 56).

[4] Эдикт императора Сюань-цзуна (713—755) от октября 745 г. см. P. H. H a v r e t, La stèle chrétienne de Si-ngan-fou, «Variétés Sinologiques», Schanghai, 1897, No 12, II, p. 255.

Тай-цзун (626—649) — одна из самых выдающихся личностей в истории Срединной империи — питал глубокое пристрастие к христианской религии, которую он, очевидно, считал «справедливой и истинной», оказывая ей всяческое содействие в своей огромной державе. Если бы император зашел так далеко, что сам принял крещение, то трудно даже представить себе, какие всемирно-исторические последствия повлекло бы за собой это событие![1] Именно в такой стране, как Китай, примеру Сына неба, вероятно, очень скоро последовало бы подавляющее большинство подданных. На особо недоступной для христианства территории Азии к этой религии, возможно, приобщилась бы самая большая держава.

Почему же дело до этого не дошло, почему император не сделал из своего покровительства христианству последнего, решающего вывода? Это нам неизвестно. Даже без принятия такой меры христианство в Китае за период, предшествовавший 650 г., и позднее быстро добилось беспримерно огромных успехов: «Во всех городах стояли церкви». В Синъане, в частности, по приказу императора в 638 г. была построена великолепная христианская церковь. Этот период процветания христианства в Китае продолжался целых 200 лет.

Человек, которому едва не удалось христианизировать Китай, был сирийским монахом, чье имя точно не установлено. Написание его имени дается по-разному: Олопён, Олопун, Алопен. Как раз в период его деятельности сухопутная связь между Китаем и Западом после 500-летнего перерыва совершенно неожиданно возобновилась, а гениальный человек, сидевший на китайском престоле, сумел поднять мощь империи на такую высоту, какой она никогда не достигала ни раньше, ни позднее. Этому предшествовали следующие исторические события.

Как уже упоминалось выше (конец гл. 56), сухопутные сношения между Западом и Востоком после двух периодов блестящего расцвета — с 115 по 48 г. до н. э. и с 87 по 105 г. н. э., начиная примерно с 127 г. почти полностью прекратились на целых 500 лет. Вероятно, и в то время драгоценный шелк продолжали переправлять в западные страны по сухопутью, хотя и крайне нерегулярно. Однако сначала парфяне, а позднее персы эпохи Сасанидов ревниво охраняли свое положение торговых посредников и запрещали чужеземным купцам проезд через свои страны. Правда, сами они, после того как в Таримской впадине снова установилось сравнительно безопасное положение, неоднократно посылали по сухопутным дорогам посольства к китайскому двору, например в 519, 555, 567 и 638 гг.[2] Степень интенсивности заморской торговли, которая велась из южнокитайских гаваней с Индией, Цейлоном, Ираном и т. д., также сильно колебалась, но торговые связи поддерживались довольно регулярно. Однако Китай, как это, впрочем, нередко бывало в его истории, раздирался непрерывными гражданскими войнами, почти не прекращавшимися в то время на протяжении 500 лет. Вполне естественно, что

[1] Хенниг явно преувеличивает роль личности в истории, считая, что принятие христианства императором Тай-цзуном привело бы к христианизации Китая.— *Прим. ред.*

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1870, B. I, S. 526, 531

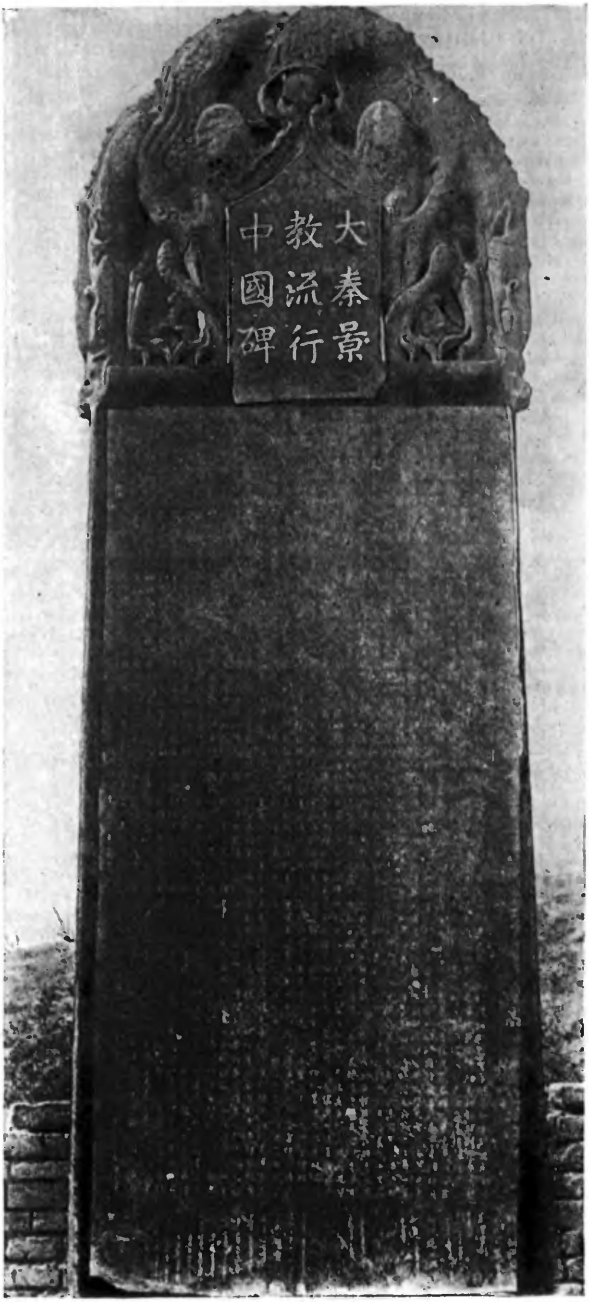

Рис. 2. Несторианская стела из Сиъаня, относящаяся к 781 г.

такие периоды междоусобиц всегда крайне неблагоприятно отражались на внешнеполитическом положении мощной державы.

И вот, около 589 г. могущественному императору Вэнь-ди все же удалось, наконец, восстановить политическое единство Китая (см. стр. 92) и в связи с этим необычайно усилить политическую мощь государства. За несколько десятилетий Китай покорил почти весь каганат Дизибула (см. гл. 75). Вступивший на престол в сентябре 626 г. великий император Тай-цзун, носивший ранее имя Ли Ши-минь[1], в 630 г. подавил последнее сопротивление тюрок: в этом году сначала были покорены северные, а вскоре затем и западные тюрки. Укреплению китайского могущества чрезвычайно благоприятствовала сложившаяся тогда международная обстановка. После смерти Мухаммеда (8 июня 632 г.) из Юго-Западной Азии внезапно и быстро надвинулась опасность вторжения сарацин, грозившая захватить и Центральную Азию. В 636 г. в битве при Ярмуке (20 августа) победоносные арабы отторгли у византийцев Сирию. Одновременно полчища фанатических мусульман обрушились на Иран, который после двух генеральных сражений при Кадезии (636 г.) и при Нихавенде (642 г.) был ими завоеван.

Итак, уже спустя 10 лет после смерти пророка власть ислама простиралась до самой Аму-Дарьи. Все многочисленные мелкие правители Центральной Азии, стоявшие перед угрозой нашествия сарацин, добровольно подчинились власти китайского императора Тай-цзуна. Даже после смерти этого могущественного властителя (15 июля 649 г.) его дело оставалось нерушимым. Окраинные земли Китая простирались тогда почти до самой Волги. Никогда еще ни раньше, ни позднее территориальные владения Китая не были столь обширными[2]. С 659 г. власть Китая над окраинными землями укрепилась достаточно прочно и обеспечивалась там главным образом военными гарнизонами. Примерно около 700 г. Китайская империя непосредственно граничила на Сыр-Дарье с молодой стремительно расцветающей мировой державой арабов! В ее состав входила даже часть территории Хорасана[3].

Таким образом, сложившаяся обстановка чрезвычайно благоприятствовала возобновлению мирных сношений между Востоком и Западом. Иранская заградительная стена была разрушена, а Китай надежно охранял безопасность движения по Таримской впадине и еще дальше. Вот что пишет Стейн по этому поводу: «Около 659 г. китайцы достигли политического верховенства и главным образом военного господства над огромными территориями Центральной Азии, соответствующими, в нашем современном понимании, примерно Китайскому Туркестану... Благодаря прекрасно организованной системе военных гарнизонов, но в гораздо большей степени прибегая к лов-

---

[1] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 409.

[2] A. Stein, On ancient Central-Asian Trades, London, 1933.

[3] H. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie centrale, Paris, 1826, p. 207. См. также G. Pauthier, De l'authenticité de l'inscription nestorienne de Si-nganfou, Paris, 1857; E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. [См. «Сборник трудов орхонской экспедиции», СПБ, 1903. — *Ред.*]

кой дипломатии, китайская администрация оказалась вполне способной держать их в повиновении»[1].

Около 660 г. свою систему управления китайцы пытались распространить даже на страны, расположенные на берегах Сыр-Дарьи, в верховьях Аму-Дарьи и до самого южного подножия Гиндукуша[2].

В своей политике китайцы достигли значительных успехов. Безопасность, с какой Сюань Цзан (см. гл. 77) мог именно в то время дважды пройти через Центральную Азию, достаточно ясно свидетельствует о том, как основательно изменилось положение. Как и 500 лет назад, интерес китайцев к странам дальнего запада в этот период чрезвычайно возрос. Показательно в этом отношении то, что в 666 г. император Гао-цзун (649—683) сам написал труд, носивший название «Сиюйтюцзи» («Описание западных стран»[3]). Весьма оживленные сношения с ними поддерживались в течение целых 125 лет. Насколько они усилились явствует из того, что в это время ко двору китайского императора нередко прибывали византийские посольства, например в 643, 711, 719, 742 и 744 гг.[4], причем император Тай-цзун перенес столицу из Лояна обратно в Чанъань на реке Вэйхэ, где она находилась еще при Ханьской династии[5].

В переходное, еще несколько беспокойное время перед окончательным разгромом сарацинами иранской державы Сасанидов христианский монах Олопён, вероятно, проник в Китай из Сирии. В источнике не сообщается, направился ли он в Китай по собственной инициативе или по вызову оттуда. Совершенно необычный почетный прием, оказанный этому простому человеку, и его крайне быстрый успех при дворе императора позволяют, пожалуй, сделать вывод, что император Тай-цзун чрезвычайно благосклонно относился к христианской религии и пригласил Олопёна проповедовать ее в Срединной империи. Обычный миссионер, действовавший на свой страх и риск или по поручению высших европейских чинов, никогда не смог бы так быстро и решительно упрочить свое положение.

Об этих религиозных течениях китайские летописи сообщают весьма скупо. Мы знаем о них только из одного замечательного документа, относящегося к 781 г., так называемой Несторианской стелы. Эта надпись, составленная на сирийском и китайском языках, была найдена в земле близ Синъаня одним китайским кули при рытье котлована для постройки дома в 1625 г. или, как в последнее время считает вероятным Пеллио, в 1623 г.[6] Это произошло как раз в то время, когда в страну, казалось бы никогда раньше не затронутую христианством, снова пришли христианские миссионеры, главным образом иезуиты. Иезуитскому патеру Триго мы обязаны тем, что большая важность этой находки была сразу же признана.

---

[1] Статья Стейна. См. «Geographical Journal», 1922, v. 59, p. 114.
[2] E. Chavannes, op. cit., p. 268 (и след.).
[3] S. Julien, Hüan-tsang, t. II, p. XVI.
[4] H. J. Klaproth, op. cit., p. 70; H. Yule, Cathai and the way thither, London, 1866, p. LXIV.
[5] H. J. Klaproth, op. cit., p. 192, 204.
[6] «T'oung Pao», 1934, t. 31, p. 182.

Разумеется, находка стелы и расшифровка ее текста, состоящего из 1789 слов, размещенных в 82 строках, была неслыханной сенсацией. Все, что христианский мир узнал из нее о необычайно широком распространении своего вероучения в Китае в VII и VIII вв., казалось настолько невероятным, что в Европе Несторианскую стелу долгое время считали подлогом иезуитов. Такого мнения придерживались, например, Вольтер и некоторые другие знаменитые деятели XVIII в.[1] Только в 1826 г. тщательное исследование, произведенное Клапротом, сделало подлинность стелы вероятной[2], а затем в 1857 г. специальным изучением Потье[3] это было окончательно доказано. Автор текста надписи Мар-изд бузид был христианским священником из Кумдана, сыном прибывшего из Балха в Афганистан христианского священника. Как сообщается в стеле, она выполнена в то время, когда Адам был «священником, епископом и законоведом Цинистана [Китай]». Разумеется, речь в ней шла не о римско-католическом, а о несторианском христианстве, утвердившемся в Китае при Олопёне[4]. Впрочем, в самом Китае Несторианская стела пользовалась таким глубоким уважением, что после ее открытия хранилась в одном китайском храме в провинции Шэньси[5]. В октябре 1907 г. она была передана в музей Пэйлинь в Синьцане; высота стелы — 236 *см*, ширина — 86 *см* и толщина — 25 *см*.

Обстоятельства, при которых была обнаружена в земле стела, ее необычно длинный текст, крайне длительный спор ученых относительно ее подлинности, окончательное разрешение всех сомнений и неизбежно вытекающие отсюда сенсационные выводы — все это чрезвычайно напоминает в деталях аналогичные дебаты по поводу открытого в Кенсингтоне (Миннесота; см. т. III, гл. 150) камня с руническими знаками от 1362 г.

О самом Олопёне ничего неизвестно, кроме того, что о нем сообщается в стеле 781 г. Мы не знаем ни дат его рождения и смерти, ни причины его прибытия в Китай, ни маршрута путешествия. Неизвестна также и его родина. Только потому, что текст стелы составлен на сирийском языке, полагают, что Олопён прибыл из Сирии. Но этот довод ничем не подтверждается. Ренодо даже решительно утверждает, что «имя Олопён не сирийское и никакого отношения к этому языку не имеет»[6].

Как нередко бывает при переводе китайцами иностранных имен, сама форма имени Олопён искажена до неузнаваемости. Не представляется возможным установить, какое собственное имя западного народа было фонетически

---

[1] V o l t a i r e, Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, Paris, 1804, p. 40: «C'est une de ces fraudes pieuses... la ridicule de la supposition» [Это одно из тех благочестивых мошенничеств; ... комичное предположение.—*Ред.*]

[2] H. J. K l a p r o t h, op. cit., p. 209. «Памятник содержит все необходимые доказательства подлинности. Как китаец, так и европеец были бы одинаково не в состоянии придумать и выполнить его».

[3] G. P a u t h i e r, De l'authenticité de l'inscription nestorienne de Si-ngan-fou, Paris, 1857.

[4] См. E. H. P a r k e r, Notes on the Nestorians in China, Shanghai, 1890.

[5] H. C o r d i e r, op. cit., t. I, p. 487.

[6] E. R e n a u d o t, Anciennes relations des Indes et de la Chine de deux voyageurs Mahométans, Paris, 1718, p. 256.

превращено в Олопёна. Хирт высказал предположение, что такое преобразование претерпело имя Рубен[1], тогда как Юл считает, что Олопён — это перевод сирийского имени Раббан[2]. Во всяком случае, автором надписи был названный в ней Адам, которого китайцы именуют Цин Цзином[3].

Олопён был лишь первым известным по имени христианином, но навряд ли первым проникшим в Китай. Еще около 610 г. христианин Феофилакт Симоката сообщал об «идолопоклонстве» китайцев, что вряд ли могло быть ему известно, если бы христиане-очевидцы еще раньше не побывали в этой стране. Все же и теперь остается в силе утверждение Ренодо, написанное более 200 лет назад, что «бесспорно, нет никаких данных о распространении христианства [в Китае] до этой эпохи [636 г.]»[4].

До нас дошло известие, что в те времена китайская императрица как-то, при неизвестных обстоятельствах, «получила некоторые сведения о христианстве»[5]. Возможно, что именно по ее инициативе в Китай был приглашен христианский миссионер. Разумеется, это всего лишь смутная догадка. К сожалению, императрица умерла спустя год после появления Олопёна при дворе. Но даже без ее покровительства христианскому проповеднику неожиданно была предоставлена широкая арена деятельности.

Еще в течение всего VIII в. христианство сохраняло свое влияние в Китае. Правда, согласно сообщению стелы, уже в 699 и 713 гг. в отдельных местах христиане подвергались гонениям, вызванным подстрекательством отдельных китайских бонз; но эти мелкие эпизоды не имели дальнейших последствий. В 747 г. в Китае снова появился прибывший из Ирана христианский священник, но никаких подробностей о нем не сообщается. Тем не менее этот священник вновь оживил миссионерскую деятельность в Китае. После 750 г. в правление слабых и недалеких императоров Сюань-цзуна (713—755) и Су-цзуна (756—762) мощь империи катастрофически пала; в результате непрерывных войн и восстаний население страны за короткий срок сократилось на одну треть. Но именно эти два императора чрезвычайно покровительствовали христианству[6], да и их преемники некоторое время продолжали еще относиться к этой религии вполне благосклонно. Поэтому Несторианская стела от 781 г. могла сообщать о необычайном процветании христианства в Китае. Однако положение недолго оставалось столь благоприятным. Наивысшего расцвета христианство достигло примерно около 840 г. В то время в Китае проживало что-нибудь около 260,5 тыс. христиан, среди которых было немало министров[7]. Перелом произошел при фанатичном императоре У-цзуне (841—846), издавшем в 845 г. эдикт, направленный против всех чужеземных священнослужителей и религий: в 843 г. было запрещено мани-

---

[1] F. Hirth, China and the Roman Orient, p. 323.
[2] H. Yule, Cathay and the way thither, London, 1866, v. I, p. 109.
[3] «T'oung Pao», 1896, t. 7, p. 589.
[4] E. Renaudot, op. cit., p. 233.
[5] «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts etc. des Chinois», Paris, 1780, t. V, p. 153.
[6] H. J. Klaproth, op. cit., p. 217.
[7] Ibidem, p. 221.

хейство, а в 845 г.— христианство и буддизм[1]. За этим последовали жестокие гонения на христиан, и все их церкви были разрушены. В 845 г. в Китае насчитывалось около 3 тыс. чужеземных священнослужителей[2]; но когда в 980 г. один христианский монах приехал туда с Запада морским путем, он не застал там больше ни одной церкви и встретил всего лишь *одного* единоверца[3]. Таким же гонениям подвергался буддизм: на основании эдикта от 845 г. в городах было разрушено 4600 буддийских храмов, а по всей стране— 40 тыс.[4]

В настоящее время изучению истории христианства в средневековом Китае посвящены многочисленные исследования[5]. Позднее за первым расцветом христианства, продолжавшимся с VII по IX в., последовал второй, наблюдавшийся в XIII и XIV вв., с которым нам предстоит еще познакомиться в III томе этого труда. Разумеется, итальянский монах Карпини сильно преувеличивал, когда около середины XIII в. писал о «китаях» [северные китайцы], будто «они чтут одного Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь»[6]. То же самое можно сказать о Семпаде, брате царя Армении Хайтума II, который примерно в то же время (1247 г.) передавал в письме из Самарканда такой слух: «Жители той страны [Кашгара, Тангута] стали христианами, и вся страна Катай [Китай] верует в Святую Троицу»[7].

Еще в XV и XVI вв. в Европе ходили слухи, будто китайцы исповедуют христианство[8]. Это заблуждение, видимо, объяснялось тем, что посещавшие Китай чужеземцы-магометане ошибочно смешивали буддизм с христианством.

Если с VII по IX в. в Китае получило распространение только христианство несторианского толка, то при господстве монголов, в XIII и XIV вв.,

---

[1] Статья Дювиньо. См. «Bulletin catholique de Pékin», 1934, t. 21, p. 592.
[2] H. Cordier, op. cit., t. I, p. 492 (и след.).
[3] Abulfeda, Geographie, ed. Reinaud, Paris, 1848, t. I, CDII.
[4] H. Cordier, op. cit., t. I, p. 512.
[5] P. Pelliot, Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême Orient, «T'oung Pao», 1914, t. 15, p. 623; H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920; A. C. Moule, Christians in China before the year 1550, London, 1930; J. Stewart, Nestorian Missionary Enterprise, Edinburg, 1928; A. Mingana, The early Spread of Christianity, «Bulletin of John Rylands Library», Juli 1925; P. H. Bernard, La découverte de Nestoriens Mongols aux Ordos et l'histoire ancienne du Christianisme en Extrême Orient, «Collectanea Commissionis Synodalis», Pekin, 1935, p. 431; СтатьяТиссерана. См. «Dictionnaire de théologie catholique», t. 11, p. 199—208 (и др.).
[6] F. Risch, Wilhelm von Rubruks Reise zu den Mongolen 1253—1255, Leipzig, 1934, S. 119. [См. также Джиованни дель Плано Карпини, История Монгалов, гл. V, § VI, в книге «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука», М., 1957, стр. 4. Плано Карпини — францисканский монах, по заданию римского папы Иннокентия IV совершил путешествие (1245—1247 гг.) к монгольскому хану Гуюку с дипломатическим поручением. Пройдя степи Русской равнины, Прикаспийскую низменность, Среднюю Азию, Центральную Монголию, он собрал много сведений о всех этих странах и их населении.— *Ред.*]
[7] Mosheim, Histoira Tartarorum ecclesiastica, Helmstedt, 1741 (приложение 50).
[8] H. Yule, Cathay and the way thither, London, 1866, v. I, p. 270.

в Срединной империи существовало как несторианское, так и римско-католическое вероисповедания. Однако обе эти разновидности христианства взаимно враждовали и даже нередко с большим ожесточением. Первыми христианами римско-католического толка, вступившими на китайскую землю, видимо, были братья Поло (около 1263 г.). Огромное влияние, которым пользовались эти венецианцы при дворе великого хана Хубилая, чрезвычайно дружелюбное отношение этого правителя к христианам и последовавшая вскоре посылка в Пекин католического архиепископа привели к тому, что около 1300 г. надежды на возможное обращение всего Китая в христианство снова сильно оживились (см. т. III, гл. 126). Однако великий переворот 1368 г. — низвержение монгольской династии и приход к власти национальной, явно враждебной всему чужеземному династии Мин,— рассеял все эти надежды и вторично уничтожил начатки зародившегося в стране христианства. Иезуитским миссионерам, прибывшим в Китай в XVII в., пришлось начинать все сызнова[1].

В других странах Восточной и Центральной Азии христианство также почти повсеместно было снова искоренено. Тем не менее следы его сохранялись необычайно долго. Как бы то ни было, эпизод с распространением христианства в Китае после появления там Олопёна чрезвычайно интересен с точки зрения истории культуры. Выдающийся знаток той эпохи японский ученый проф. Саёки после тщательного изучения всех шести памятников несторианства, найденных в Японии и Китае, пришел к следующему, весьма примечательному убеждению: «Китай Танской династии, правда не де-юре, но де-факто находился под влиянием христианства»[2].

---

[1] J. Trigaltius (Trigault), De christiana expeditione apud Sinas suscepta ab societate Jesu, ex Matthaei Ricii commentariis, libri 5, Augsburg, 1615.

[2] «Journal of the North China Branch of Royal Asiatic Society», 1932—1934; «Bulletin of the Catholic University of Peking», No 9, p. 105 (и след.).

ГЛАВА 79

ИРЛАНДСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ И ОТКРЫТИЕ ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ

(около 670 г.)

Они повернули направо, и ветер погнал их на северо-запад в крайний океан. После трехдневного голодания их охватила сильная жажда, которая стала невыносимой. И Христос, сжалившись над ними, выносит их на поток, вкусом подобный теплому молоку; и они насыщаются от этого потока[1].

* * *

Они приплыли к другому большому острову. Одна половина его представляла собой лес из тисов и больших дубов, другая — равнину с маленьким озером посреди нее. На равнине паслись большие стада баранов. Путники заметили маленькую церковь и за́мок. Они направились в церковь. Там был старый клирик, весь окутанный собственными волосами.

— Откуда ты? — спросил его Майль-Дуйн.

— Я последний из пятнадцати спутников Брендана из Бирра. Мы отправились в паломничество по океану и прибыли на этот остров. Все мои спутники умерли, и я остался один.

И он показал им таблички Брендана, которые они взяли с собой в паломничество.

Все склонили колени перед ними, и Майль-Дуйн облобызал таблички[2].

* * *

На утро четвертого дня после этого завидели они другой остров, с медной изгородью, разделявшей его пополам. Там были огромные стада овец: по одну сторону изгороди — черных, по другую — белых овец[3].

---

[1] «Imram Snedgusa 7 Maic Riagla». См. H. Z i m m e r, Keltische Beiträge II (Brendans Meerfahrt), «Zeitschrift für deutsche Sprach- und Altertumswissenschaft», 1889, S. 212.

[2] «Плавание Майль-Дуйна». См. «Ирландские саги», изд. ACADEMIA, Л.— М., 1933, стр. 320—321.

[3] Там же, стр. 304.

* * *

Когда тот же Кормак в третий раз терпел невзгоды в открытом море, ему грозила смертельная опасность. И так как корабль его плыл от земли на всех парусах 14 летних дней и столько же ночей при юго-западном ветре прямо на север, то казалось, что такое плавание превосходит меру человеческих возможностей и вряд ли может повториться... Южный ветер прекратился, тогда начал дуть много дней подряд северный ветер, и корабль Кормака снова отнесло обратно к земле[1].

* * *

В северном океане Британии находится еще много островов, которых при неизменно попутном ветре можно достичь с британских островов, плывя на всех парусах в течение двух дней и двух ночей. Один благочестивый пресвитер рассказывал мне, что он плыл два летних дня и одну разделяющую их ночь в маленькой, с двумя скамьями лодке и высадился на берег одного из этих островов. В большинстве своем острова эти мелкие; почти все они отделены друг от друга проливами, а отшельники, приплывшие из нашей Ирландии, жили там приблизительно в течение 100 лет. Но равно как с сотворения мира эти острова всегда были пустынными, так и ныне на них нет клириков из-за норманских разбойников, однако они наполнены бесчисленными стадами овец (*plenae innumerabilibus ovibus*), а также весьма многочисленными видами морских птиц. В трудах писателей мы нигде не нашли упоминания об этих островах[2].

«Тот же дух, который в начале IV в. властно влек некоторых людей в одиночку или вместе с единомышленниками в египетскую пустыню, а в V в. привел к основанию монастырей в Италии и Франции, с особой силой царил в древнейшей ирландской церковной общине. Море для ирландцев было тем же, чем для египтян и сирийцев пустыня. Вот почему уже в древнейшие времена, в V и VI вв., анахореты и монастыри появились на островах в водах, омывающих Ирландию, а среди членов ирландской религиозной общины господствовало стремление удаляться на многочисленные более мелкие острова, находящиеся на большем или меньшем расстоянии от страны и окружающие

---

[1] «Плавание Кормака». См. H. Z i m m e r, Über die frühesten Berührungen der Iren mit den Nordgermanen, «Sitzungsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1891, B. I, S. 285.

[2] D i c u i l, De mensura orbis terrae, VII, p. 14 (и след.), ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 44.

ее преимущественно с юго-запада, запада и северо-запада, чтобы вести там праведный образ жизни. Чем больше заселялись эти острова, тем сильнее росло у некоторых людей желание уехать еще дальше. Так, в VI, VII и VIII вв. добирались они уже до Гебридских, Оркнейских, Шетландских, Фарерских островов и даже до Исландии»[1].

Так описывает Циммер один из самых своеобразных в истории христианства фактов — появление в начале средних веков ирландских морских отшельников. Ирландия, как известно, на протяжении многих веков занимала лишь крайне незначительное место в европейской культуре и вряд ли играла заметную роль в европейском мореплавании. Это объяснялось постоянным и бесцеремонным вытеснением ее Англией, преследовавшей интересы собственного судоходства и торговли. Тем большего внимания заслуживает та крайне своеобразная, выдающаяся роль, которую в течение первых столетий средневековья играл «Изумрудный остров» в европейской миссионерской деятельности и в христианизации Европы. В самой Ирландии христианство утвердилось очень рано, уже в V в., и именно ирландское монашество оказалось в течение VII и VIII вв. тем рассадником христианства, который снабжал Европу миссионерами.

В те времена особенно религиозные люди верили, как это случалось и прежде, особенно на Востоке, что, отрешившись всецело от греховного мира и удалившись ради служения богу в полное одиночество, они тем самым могут снискать особую божью благодать. В силу этого убеждения начиная приблизительно с VI в. благочестивые иноки и мирские собратья стали отправляться в море, чтобы вести жизнь отшельников на необитаемых островах, посвятив себя *благочестивым* размышлениям[2]. Этот уход от мирской суеты в море и за море, «всегда коренившаяся в ирландцах страсть к путешествиям, которая влекла на отдаленные острова меньшие или большие группы людей, первоначально стремившихся к отшельничеству»[3], способствовали тому, «что ирландские отшельники нашли дорогу к Гебридским, Шетландским, Фарерским островам и в Исландию[4]. Покорный, один из самых глубоких знатоков древней истории Ирландии, допускает даже, что в своих поисках островов ирландцы добирались, «возможно, и до берегов Северной Америки»[5].

Охваченные стремлением к уединению, ирландские отшельники вынуждены были уходить все дальше и дальше в неизведанные морские просторы. Несмотря на то что этим до фанатизма религиозным людям был совершенно чужд какой-либо интерес к географии, они тем не менее необычайно способствовали открытию новых, неизвестных островов и помогли проложить пути, которые позднее привели к открытию Нового света.

---

[1] H. Z i m m e r, Brendans Meerfahrt, «Zeitschrift für deutsche Sprach- und Alterumswissenschaft», 1889, B. 33, S. 310 (и след.).

[2] Хеппиг дает идеалистическую трактовку морских путешествий ирландцев, объясняя их только стремлением к уходу от «мирской суеты».—*Прим. ред.*

[3] «Herz in Religion in Geschichte und Gegenwart», Tübingen, 1912, B. III, S. 673.

[4] «Dictionary of National Biography», v. II, p. 1168.

[5] J. P o k o r n y, Island, Gotha, 1916, S. 23.

Древнеирландские саги и эпос чрезвычайно часто повествуют о подобных плаваниях по океану. В них много фантастических, сказочных элементов, причем истина и вымысел неразрывно переплетаются. Однако не приходится сомневаться в том, что зерно истинных событий лежит в основе всех этих повествований о приключениях Майль-Дуйна, Кормака, Баринта, Мернока, Брандана, Макхута, Кондла, Ойсина, Снерхгуса, Мак-Рингайла, сыновей Уа Корра и многих других.

Среди ирландских эпических сказаний о мореплавателях, в которых, как в Одиссее и странствиях Синдбада из «1001 ночи», повествуется о морских приключениях, зачастую самого невероятного характера, наибольшее значение и популярность приобрели предания о *святом Брандане*, изложенные в так называемом «Navigatio Sancti Brandani»[1] («Плавание святого Брандана»). Хотя сохранившаяся до нас редакция восходит только примерно к 1120 г., в своих главных чертах этот эпос, несомненно, сложился на 4—6 веков раньше, как это доказано исследованиями, проведенными за последние 100 лет[2]. Во всех этих сказочных историях центральное место в событиях занимает океан, что ярко отражает страстную любовь древних ирландцев к морю и то наслаждение, которое оно им доставляло. К сожалению, фантазия так сильно преобладает в этих рассказах, что им нельзя придавать никакого исторического значения, хотя по некоторым признакам можно судить, что они, очевидно, отражают вполне реальные географические открытия. Глубокий знаток эпоса о Брандане, шотландец Скип, считает, что эти повествования основаны тем не менее на историческом событии[3]. Ирландец О'Кэрри расценивает историческое значение всех этих ирландских саг о мореплавателях и морских легенд следующим образом: «Этим весьма древним повествованиям недостает точности, и они перегружены обилием поэтических и романтических элементов. Нельзя, однако, сомневаться, что они основаны на фактах. Эти факты, вероятно, имели бы огромную ценность, будь они переданы нам в своем подлинном виде. Но эти истории, пройдя через уста сказителей, одаренных богатым воображением, с течением времени утратили большей частью свою первоначальную простоту и становились все более и более фантастичными и гиперболическими»[4].

---

[1] Первое печатное издание см. J o h. S o r g, Augsburg, 1476. Лучшее немецкое издание см. C. S c h r ö d e r, Erlangen, 1871. См. также A. J u b i n a l, La légende latine de St. Brendaines avec une traduction inédite en prose et en poésie romanes, Paris, 1836; T. W r i g h t, Saint Brandan, a mediaeval legend of the sea, London, 1844; M o r e a u, Acta Sti. Brandani, Dublin, 1872. Лучший обзор всей литературы о Брандане, см. K. V o r e t z s c h, Einführung in das Studium der altfranzösischen Literatur, Halle, 1925, S. 107 (и след.).

[2] K. M e y e r. Ein mittelalterliches Gedicht auf Brandan, den Seefahrer, «Sitzungs-Berichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1912, S. 436.

[3] W. F. S k e e n e, Celtic Scotland, a history of ancient Alban, Edinburgh, 1876, v. II, p. 76.

[4] E. O ' C u r r y, Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history, Dublin, 1878, p. 289.

Лучший в Германии знаток этого эпоса Циммер также считает, что речь идет о «реальных приключениях ирландских рыбаков и анахоретов, преувеличенных до крайности и фантастики»[1].

Весьма ценное географическое содержание, которое первоначально, несомненно, заключалось в этих историях, было позднее полностью затушевано обильными фантастическими вымыслами. Однако даже из нескольких приведенных выше цитат можно сделать вывод, что в них отражены наблюдения реальных явлений. Так, «поток, вкусом подобный теплому молоку», согласно Циммеру, бесспорно, является Гольфстримом. Вот что пишет Циммер по этому поводу: «Можно ли сомневаться, что в отрывках 2—5 нам дается поэтическое описание путешествия ирландских клириков, когда, снесенные с курса сильным северо-западным ветром, они попали в Гольфстрим и достигли благодаря этому Фарерских островов?»

Похоже на то, что ирландским анахоретам удалось впервые открыть Фарерские острова приблизительно в 670 г. Позднее в одиночку или небольшими группами отшельники в течение целых 130—150 лет населяли этот обширный архипелаг, состоящий из 21 острова более крупных размеров и многочисленных мелких скалистых островков, пока появившиеся викинги-норманны снова не вытеснили их оттуда[2]. Острова, изобилующие бесчисленными стадами овец, играют чрезвычайно важную роль не только в ирландских сагах, но и во всей более поздней средневековой географии Атлантического океана (см. гл. 112).

Нансен высказал предположение, что первые ирландские клирики, достигшие Фарерских островов, уже могли застать там коренное кельтское население и, возможно, «посещали острова, не только руководимые жаждой отшельничества, но и для обращения в христианство коренного кельтского населения»[3]. Сам по себе такой стимул правдоподобен, но доказать его нельзя, да и для наших целей это вряд ли имеет значение. Если бы первые пришельцы действительно уже застали овец на Фарерских островах, то это свидетельствовало бы о какой-то более древней их колонизации. Естественно, что только люди могли завезти овец на отдаленные острова. В саге о Брандане также упоминаются острова, на которых мореплаватели достают пасхального агнца. Впрочем, вполне вероятно также, что клирики захватили с собой овец для удовлетворения собственных нужд, а позднее за несколько столетий, в исключительно благоприятных для них климатических условиях, овцы

---

[1] H. Z i m m e r, op. cit., S. 217.

[2] H. Z i m m e r, Die früheste Berührung der Iren mit den Nordgermanen, «Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1891; J. J a k o b s e n, Keltisk Indflydelse paa Faeröerner, Thorshavn, 1902.

[3] F. N a n s e n, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 176 (и след.). [Кельты — племена так называемой индоевропейской группы языков, населявшие ко II тысячелетию до н. э. территорию современной Франции, Швейцарии, Бельгии, Британские острова, Северную Испанию и несколько позже Северную Италию. В антропологическом отношении эти племена относились к атланто-балтийской малой расе, входящей в состав европеоидной большой расы. См. Я. Я. Р о г и н с к и й, М. Г. Л е в и н, Основы антропологии, изд. МГУ, 1955, стр. 357, 410—411.— *Ред.*]

размножились, составив огромные стада. Для Фарерских островов овца и теперь еще самое типичное животное. Здесь на 20 тыс. жителей приходится 100 тыс. овец[1].

Вопрос о том, были ли Фарерские острова совсем безлюдными или уже местами редко заселены, когда там появились первые ирландские клирики, имеет второстепенное значение.

Ирландским отшельникам, разумеется, было достаточно найти *один* необитаемый остров, а то, что происходило на каких-либо соседних островах, их нисколько не интересовало. В районе Фарерских островов еще и теперь есть много необитаемых островков. Даже из более крупных по сей день остаются безлюдными четыре острова.

Брун установил, «что обитатели южных Фарерских островов смуглые, черноглазые и темноволосые резко отличаются от относящихся к германскому типу жителей северных островов»[2]. Итак, здесь, очевидно, представлены кельтские этнические элементы. Совершенно ясно, что кельты не могли появиться на архипелаге *после* того, как там закрепились норманны. Однако столь же очевидно, что кельтское население не может вести свое происхождение от ирландских анахоретов, которые ведь не занимались продолжением рода. Поэтому представляется правдоподобным предположение, что до прибытия клириков из Ирландии на южных Фарерских островах уже обитало несколько кельтских семейств, поддерживавших свое существование овцеводством, рыболовством и охотой на птиц. Этой гипотезе едва ли противоречит указание Дикупла на безлюдность островов «с сотворения мира», так как совсем не обязательно относить его ко *всем* островам без исключения. Оно распространяется только на те, которые отшельники избрали полем своей деятельности.

Точно не установлено, когда именно до Фарерских островов впервые добрались норвежские норманны, от которых постепенно уходили ирландские отшельники. Можно предположить, что *временно* викинги появились там еще до 800 г. Циммер датирует это событие 770 г.[3] Однако длительная колонизация островов мореплавателями германской расы состоялась, вероятно, только в 865 или 866 г.[4] Если Форстер относит открытие Фарерских островов к 868 г.[5], то он, очевидно, смешивает дату их длительной колонизации со временем их открытия. В общей сложности отшельники вполне могли

[1] H. Rudolphi, Der Name Färöer, «Mitteilungen der Islandfreunde», 1920, S. 60 (и след.).

[2] D. Bruun, Det høe Nord, Köbenhavn, 1902.

[3] H. Zimmer, op. cit. (Früheste Berührung), B. I, S. 279; см. также J. Jacobsen, Keltisk Indflydelse paa Faeröerner, Thorshavn, 1902.

[4] «Heimskringla» (начало). См. «Thule», B. 13, S. 257. [Под «германской расой» Хенниг, видимо, понимает или один из вариантов атланто-балтийской малой расы, обитавшей в Северной Германии и Голландии, или группу вариантов среднеевропейской малой расы, к которой принадлежит население центральных областей зарубежной Европы, относящееся к германской группе индоевропейских языков. См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, указ. соч., стр. 408—409. — *Ред.*]

[5] J. G. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O., 1784, S. 72.

населять Фарерские острова примерно в течение 150 лет. Поскольку Дикуил указывает, что эти острова до открытия их норманнами в течение 100 лет были населены ирландскими святыми отцами, то дата около 670 г., которую Циммер тоже считает правдоподобной, хорошо согласуется с первым прибытием ирландских анахоретов. Саги вскользь сообщают, что изгнание отшельников с Фарерских островов викингом Гримом Камбаном произошло в 800 г.[1] Это не поддается проверке, но вполне возможно. Во всяком случае, во времена Дикуила, около 825 г., ирландцы уже покинули Фарерские острова, хотя некоторые связи с ними еще поддерживались. Так, еще незадолго до написания Дикуилом его труда один «благочестивый пресвитер» (*presbyter religiosus*) по неизвестному поводу предпринял плавание на острова. Отсюда следует, что там уже были христиане, которые, наверняка, еще не могли встречаться среди норманнов. Именно Фарерские острова под названием *Fao ia* фигурируют не только в составленной в 834 г. императором Людовиком Благочестивым грамоте об учреждении Гамбургской епархии[2], но также и в булле папы Сергия II, где жители этих островов упоминаются как *Farriae gentes* [фарские племена —*Ред.*]. Следовательно, утверждение Дикуила о безлюдности островов следует толковать *cum grano salis* [«со щепоткой соли», то есть не буквально, а смотря по обстоятельствам.— *Ред.*].

В конце средних веков иногда наблюдалось какое-то неясное отождествление Фарерских островов с островами Блаженных (см. т. IV, гл. 190). Возможно, это объяснялось тем отмеченным Рудольфи обстоятельством[3], что название «Фарерские» смешивали с созвучным наименованием Ферро.

Установлено, что в VI, VII и VIII вв. ирландские отшельники и рыбаки уходили в открытый океан еще гораздо дальше Фарерских островов. Не подлежит сомнению, что около 795 г. они открыли Исландию (см. гл. 83). О том, какими предприимчивыми и полными жажды приключений были в те времена ирландские мореплаватели, свидетельствует приведенный в начале главы текст о плавании Кормака. Представьте себе только, что значило около 600 г. плыть 14 дней под парусами без компаса, наугад, в северных морях! Пусть даже этот рассказ о плавании нельзя считать историческим документом, все же он позволяет догадываться, на что иногда отваживались ирландские мореходы, полагаясь только на удачу.

Такое же впечатление производит и уже упоминавшийся выше знаменитый ирландский национальный эпос, прославляющий плавание святого Брандана. Мы не собираемся здесь вдаваться в подробности[4] этой «монашеской Одиссеи»[5], чрезмерно насыщенной поэзией и фантастикой. Правда, святой Брандан был исторической личностью и носил сан священника. Родился он в 484 г. в Керри и 16 мая 577 г. умер в преклонном возрасте в Аннагдауне

---

[1] «Islendingabok», см. «Thule», Jena, 1927, B. 23.

[2] H. Rudolphi, op. cit.

[3] H. Rudolphi, Der Name Färöer, «Mitteilungen der Islandfreunde», 1920, S. 61.

[4] A. Conte Miti, Leggende e superstizioni del medio evo, Turin, 1892; статью автора см. «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 129.

[5] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, Meersburg, 1930, S. 31.

в сане настоятеля Клуэн-Фирты (графство Голуэй)[1]. Божественный глас якобы побудил его посетить неведомую страну по ту сторону океана, чтобы проповедовать там слово божие, и предпринять длившееся 9 лет богатое приключениями плавание по морю. Вполне возможно, что подлинный Брандан в море вообще никогда не ходил и только случайно был превращен в ирландского Одиссея, которому в многолетних скитаниях по морской стихии довелось пережить самые невероятные приключения. Циммер предполагает, что лишь упоминание Брандана в древней саге о мореплавателе Майль-Дуйне (см. цитату в начале главы) породило вообще всю легенду о приключениях этого святого. «В ошибочном понимании этого места об Имраме Майль-Дуйне надо искать объяснение, почему в IX или X в. ... Брандана превратили в благочестивого мореплавателя[2].

Однако Брандан был только как бы своего рода «собирательным образом», в котором воплотились подвиги многих людей и которому приписывались все действительные или мнимые приключения, пережитые ирландскими мореплавателями[3]. То же самое произошло в Древней Элладе с Одиссеем, в Арабском халифате с Синдбадом, в германском народном эпосе с герцогом Эрнстом Швабским. Последний погиб 17 августа 1030 г. как зачинщик мятежа против своего отчима императора Конрада II и никогда даже не видел моря. Тем не менее благодаря странному стечению обстоятельств именно он был запечатлен в легенде как образ отважного авантюриста-мореплавателя. Так же, возможно, обстояло дело и со святым Бранданом. Гораздо больше, чем сам легендарный мореплаватель Брандан, нас интересует здесь то, что говорится в этих сагах о его плаваниях. Сквозь нагромождение нелепых выдумок все же слабо просвечивает историческое зерно, позволяющее нам догадываться об успехах, которых иногда удавалось добиваться отважным ирландским мореходам еще в начале средних веков.

Теоретически вполне можно допустить, что побуждения, приписываемые сагой Брандану, очень рано заставили благочестивых ирландцев пускаться в плавание наугад по неведомым водам Западного океана[4]. В самом деле, именно благодаря таким стремлениям была впервые открыта Исландия (см. гл. 83). Нам следует раз и навсегда отрешиться от возникающих каждый раз принципиальных сомнений в том, предпринимались ли уже в глубокой древности дальние плавания в открытом море при благоприятных метеорологических условиях. Исследователи доисторических времен приводят нам более чем достаточное количество доказательств о весьма давнем судоходстве вдали от берегов различных океанов. А в Южных морях, еще вплоть до совсем недавнего прошлого, совершались поразительные плавания на крайне

---

[1] C. Plummer, Vitae Sanctorum Hiberniae, Oxford, 1910, p. 270.
[2] H. Zimmer, op. cit., S. 296, 297.
[3] Разумеется, и Брандан в том числе также попадает в «застывшее море» (см. т. I, гл. 13, 18, 20 и 54). Оно изображается в саге как *mare quasi coagulatum pro nimia tranquillitate* [море, как будто застывшее вследствие крайнего спокойствия. — *Ред.*]. См. «St. Brandans Meerfahrt», Jena, 1927, S. 13.
[4] Подробности см. R. Hennig, Hvitramannaland, «Petermanns Mitteilungen», 1928, B. 74, S. 129 (и след.).

примитивных туземных суденышках. Тёйбер совершенно справедливо предупреждал против «чрезмерной боязни преувеличить искусство мореплавания древнейших народов»[1].

Важным побуждением для ирландских разведывательных плаваний по океану, возможно, послужило одно отмеченное Нансеном ирландское сказание:

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них или втрое[2].

Все же одна причина, прямо названная в «Плавании святого Брандана» наряду с другими, возможно, не раз побуждала предпринимать подобные разведывательные плавания в неизвестных водах— надежда найти библейский рай на земле (что якобы удалось святому Брандану). Неоднократно отмечалось, что некоторые черты эпоса создают твердое впечатление, будто ко времени его появления уже были известны некоторые особенности восточного побережья Северной Америки. Так, например, наряду с прочим в нем упоминается об *Insula uvarum*, острове Винограда, который густо порос кустарником, обильно покрытым гроздьями, «так что все ветви склонялись под тяжестью к земле». Возле побережья Америки действительно было немало таких островов (см. гл. 104), следовательно, маловероятно, что эта деталь эпоса порождена только игрой воображения. Скорее всего она основана на каком-то весьма ранием соприкосновении с Новым светом.

Что же касается якобы открытого Бранданом знаменитого острова, поиски которого не прекращались в течение ряда столетий и который в XVI в. португальская корона даже безоговорочно «подарила» авантюристу Пердигону (см. т. IV, гл. 189—190)[3], то, по всей вероятности, он был плодом воображения. Возможно, в легенде и кроется географическое зерно, в том смысле, что неизвестный ирландский мореплаватель открыл в океане какой-то не поддающийся более точному определению остров, однако идентифицировать его пока еще не удалось. Как бы то ни было, «остров Брандана» с течением времени стал легендарным.

Как ни странно, раньше полагали, что этот остров расположен не в англо-ирландских водах, а значительно дальше к югу. На глобусе Мартина Бехайма от 1492 г. он помещен совсем близко к экватору в северном полушарии (см. т. IV), а рядом с ним приложено следующее весьма странное пояснение: «В год 565-й после Р. Х. на этот остров прибыл на своем корабле святой Брандан, много узрел там чудес и [затем через 7 лет возвратился] к себе на родину».

---

[1] «Petermanns Mitteilungen», 1929, S. 237.

[2] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 247. [См. также «Плавание Брана, сына Фебала», пер. А. А. Смирнова, изд. ACADEMIA, стр. 240.— *Перев.*]

[3] J. de Viera y Clavijo, Noticias de la historia general de las Islas Canarias, Madrid, 1772, t. I, p. 5.

Разумеется, остров Брандана вместе с другими многочисленными вымыслами об ирландских мореплавателях следует считать сказкой. Однако в этих легендах нашло чрезвычайно точное отражение «мировоззрение благочестивых монахов первого тысячелетия» (Циммер), широко распространенное в Ирландии. Соблюдая необходимую осторожность, отсюда можно сделать некоторые исторические выводы (см. гл. 83).

Итак, вполне *возможно*, что ирландцы задолго до норманнов достигли Америки и вступили на ее землю. Разумеется, об этом нельзя говорить как о достоверном факте, между тем это неоднократно случалось даже на заседаниях Международного конгресса американистов[1]. Однако основания для такого утверждения слишком шатки и ненадежны. При ответе на вопрос, достигли ли ирландцы в I тысячелетии н. э. Северной Америки и были ли там их колонии, следует пока ограничиваться словами: *non liquet* [не ясно.—*Ред.*].

---

[1] E. B e a u v a i s, La grande terre de l'Ouest dans les documents celtiques du moyen-âge, «Congreso Internacional de Americanistas (Actas de la cuarta reunion)», Madrid, 1882, p. 28, 74.

ГЛАВА 80

СВ. ВИЛЛИБРОРД И СВ. ЛЮДГЕР В «СТРАНЕ ФОСИТЕ»

(около 690 и 770 гг.)

Во время этого путешествия благочестивый проповедник Господний достиг на границе между датчанами и фризами острова, который, по имени почитаемого там бога Фосите, назывался жителями страной Фосите, ибо на острове были воздвигнуты святилища этого бога. Язычники столь высоко почитали это место, что никто из них не отваживался покушаться на пасущийся там скот или дотронуться до других предметов, а воду из бьющего там источника черпали, только сохраняя полное молчание. К этому острову благочестивый муж был прибит бурей и пробыл там много дней, пока не прекратился шторм и не наступила вновь благоприятная для плавания погода. Он, однако, пренебрег суеверным ужасом пред неприкосновенностью этого места и не устрашился свирепого права властителя, обычно предававшего всякого оскорбителя местных святынь самой мучительной смерти, а крестил, во имя Святой Троицы, трех человек в источнике и дозволил заколоть для употребления в пищу животных из пасущегося там стада. Увидев все это, язычники подумали, что те люди или впадут в безумие, или будут поражены внезапной смертью. Но когда они узнали, что никакой беды не последовало, прониклись страхом и удивлением[1].

* * *

Когда Виллиброрд, намереваясь отправиться в Рим для защиты своего дела пред апостольским престолом, сел на корабль, поднялся сильный западный ветер и отнес его в Фрисландию. Однако варвары и их король Альдгильсо приняли его с почестями. Виллиброрд проповедовал им христианство[2].

---

[1] Сообщение Алкуина. См. Alcuin, Vita S. Willibrordi, cap. 10, «Bibliotheca rerum Germanicarum», ed. W. Wattenbach, E. Dümmler, Berlin, 1873, t. 6. [Алкуин — видный ученый VIII в. (735—804), друг и советник Карла Великого, один из деятелей Каролингского возрождения, автор многочисленных сочинений. О нем см. А. А. Фортунатов, Алкуин как деятель Каролингского возрождения, «Ученые записки Московского городского педагогического института», 1941, т. III, вып. 1, стр. 26—46.— *Ред.*]

[2] Из Беды Достопочтенного. См. Beda Venerabilis, V, 19, ed. A. Holder, Freiburg— Tübingen, 1882. [Беда Достопочтенный (672—735) — один

* * *

Людгер стремился к тому, чтобы распространять потоки веры еще дальше. Поэтому по совету императора он отправился морским путем к лежавшему на границе между фризами и датчанами (*in confinio Fresonum atque Danorum*) острову, который назывался по имени их ложного идола Фосете, страной Фосете.

Приблизившись на корабле к острову, Людгер с крестом в руке начал воссылать свои молитвы и хвалы Всевышнему и прочел 67-й псалом. Находившиеся на корабле люди увидели глубокий мрак, покрывавший страну, который, однако, стал рассеиваться, уступив место яркому свету. И тогда воскликнул благочестивый муж: «Вы видите, как по милости Божией бежит враг, державший доселе сей остров во тьме». Высадившись на остров, они разрушили все святилища, построенные там для Фосете, а на их месте воздвигли христианскую церковь. Наставив жителей страны в Христовой вере, Людгер окрестил их во имя Святой Троицы в водах изливающегося там источника, где уже раньше Святой Виллиброрд крестил трех человек. Прежде никто не осмеливался черпать воду из этого источника иначе, как в глубоком молчании. В этом источнике Людгер окрестил также сына одного из вождей, по имени Ландрих, наставил его в Священном писании и рукоположил в священники. Позднее тот в течение многих лет был епископом фризского народа[1].

...Сокровища, которые Людгер нашел в святилищах, он взял с собой. Император Карл приказал, чтобы сам он получил из этих сокровищ две трети, а одна треть была передана на хранение Утрехтской епархии[2].

* * *

Архиепископ [Адальберт] рукоположил в сан для фюнов одного из своих клириков — Эйльберта, наставленного на путь истинный пирата, который впервые обнаружил уединенный остров Фарию, что лежит далеко в открытом море перед устьем Эльбы против Хадельна. Длина острова составляет почти 8 миль, а ширина его равна 4 милям[3]. Чтобы развести огонь, жители пользуются соло-

из крупнейших ученых раннего средневековья, автор многих сочинений, и в частности «Церковной истории английского народа» («Historia ecclesiastica gentis Anglorum»), ценного источника по истории Англии до VIII в.— *Ред.*]

[1] Этот епископ Ландрих, согласно ирландско-шотландскому обычаю посвященный в сан без разрешения папы, именуется также Болихом, а во фризской стране он назывался *da Bol*. Именно об этом первом епископе Болихе Хеймрейх определенно сообщает, что его резиденцией была «Борлумская» церковь, которую «во времена язычества воздвигли в честь Марса».

[2] A l t f r i e d, Vita Liudgeri, «Monumenta Germaniae historica», ss. II.

[3] Мили, которыми пользуется Адам Бременский, соответствуют римским (1 миля равна 1,378 *км*).

мой и обломками кораблей. Говорят, что пираты, осмелившиеся унести оттуда хотя бы самую незначительную добычу, вскоре погибают от кораблекрушения или от руки врага: никто из них безнаказанно не возвратился домой. А посему пираты обычно с большим благоговением отдают живущим там отшельникам десятую часть добычи.

Остров этот родит в изобилии хлебные злаки и является самой щедрой кормилицей для птиц и для скота. На нем возвышается один-единственный холм, деревьев совсем нет, и окружают его самые острые скалы. Нет к острову других подходов, кроме одного, возле которого есть пресная вода. Все мореплаватели, и особенно пираты, считают этот остров священным. Отсюда он и получил свое название, а именно зовется он Хейлигланд [Святая страна]. Из жития Святого Виллиброрда явствует, что этот остров назывался раньше страной Фосите и что расположен он на границе между фризами и датчанами. Против Фрисландии и Дании лежат еще другие острова, но ни один из них не является столь примечательным[1].

Кроме знаменитого Бонифация, миссионерской деятельностью среди фризов занимались еще св. Виллиброрд и св. Людгер. Первый из них умер еще в 739 г., за 16 лет до мученической смерти св. Бонифация, между тем как Людгер, любимый ученик Алкуина, учителя Карла Великого, родился в 744 г. и умер в 809 г. Относительно обоих проповедников сообщалось, что они ездили миссионерами в «страну Фосите». Как бог фризов Фосите, так и названная его именем страна дали повод для многочисленных догадок. Впрочем, в настоящее время на эту запутанную проблему пролит некоторый свет.

Фосите было именем древнефризского божества мужского пола, которое, по мнению Гримма, скорее всего соответствовало Форсети, фигурирующему в «Эдде»[2], где последний называется сыном Бальдура и Нанны, верховным

---

[1] Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, «Monumenta Germaniae historica», SS II. [Адам Бременский (XI в.) — каноник и схоласт. Был вызван архиепископом Адальбертом из Верхней Силезии в Бремен в 1067 г. (ум. в 1076 г.). Является автором многих сочинений, содержащих ценные сведения по истории северных и северо-восточных народов Европы, а также по географии и этнографии Скандинавских и Балтийских земель. Основной труд его — «Деяния гамбургских епископов», или «История Гамбургского архиепископства с его основания до смерти Адальберта (1072)», на который и ссылается Хеннинг.— *Ред.*]

[2] J. Grimm, Deutsche Mythologie, Göttingen, B. I, S. 191. [«Эдда» — выдающийся памятник древнескандинавской эпической литературы, содержащий мифологические и героические песни IX—XII вв., записанные в Исландии в середине XIII в. См. «История зарубежной литературы (Раннее средневековье и Возрождение)», М., 1959, стр. 24—27; А. Д. Люблинская, Источниковедение истории средних веков, ЛГУ, 1955, стр. 301.—*Ред.*]

законодателем и судьей[1], а также и судьей умерших[2]. Первоначально Форсети было, видимо, только прозвищем бога Тиу, который в качестве верховного законодателя тинга считался и его председателем (*Forsitta*). Но Тиу был также богом войны, как это утверждал Неккель: «Тацит, называя Циу (древнескандинавский Тир, древневерхненемецкий Тиу) также Марсом, характеризует его, таким образом, как бога войны»[3].

Отождествление Тиу с Марсом сохранилось еще в чередовании этих имен в названиях посвященного данному божеству дня недели на разных языках: *Dienstag* и *Tuesday*, *mardi* и *marzo*.

Этот бог обладал двойственной природой. Он был одновременно богом войны и правосудия, а поэтому и пользовался самым высоким почетом, особенно у фризов.

Центром культа[4] этого бога была его собственная страна Фосите. Там находились резиденция последнего короля фризов Радбода (ум. в 719 г.) и его замок. Облик «страны Фосите» рисуется в неясных, трудно поддающихся идентификации чертах, и мнения относительно ее местонахождения крайне противоречивы. Ранний голландский историограф Винсеми полагал, что «страна Фосите», возможно, была тождественна с известным островом Нерфой, упоминаемым Тацитом[5]. Герман, прибегая к совершенно фантастическому толкованию, подлинной «страной Фосите» считал остров Тессел, где и возникла пресловутая хроника «Ура Линда», якобы представляющая собой древнейший свод законов[6]. Вирт был склонен отождествлять с таинственной страной даже затонувший остров Доггер, находившийся, вероятно, в дохристианские времена на месте отмели Доггер-Банка[7]. Швед Шверин, напротив, «страной Фосите» считал область Вурстен[8], Зибс — Тессел или Кинхем[9], другие авторы — Амеланд или даже Фарерские острова[10]. Но чаще

---

[1] «Gylfaginning», 32. См. «Thule», B. 20, S. 76. Вплоть до последнего времени неоднократно высказывалось мнение (А. Герман), что Фосите было, вероятно, божеством женского пола. Это предположение, бесспорно, ошибочно, так как Фосите называется сыном Бальдура не только в «Эдде». Древнейшие тексты («Житие св. Виллиброрда» и «Житие св. Людгера»), упоминая о нем, говорят о *quodam deo suo* (некоем своем боге), о *fana dei* (святилищах бога), а не о *deae* (богине). Использованная Германом хроника «Ура Линда» уже тем самым выдает свое подложное современное происхождение, что она также принимает Фосите за женское божество.

[2] R. Much, Baldur, «Zeitschrift für deutsches Altertum», 1924, S. 100.

[3] G. Neckel, Germanische Ur- und Vorgeschichtswissenschaft, Berlin, 1934, S. 180 (и след.).

[4] Статья Могка. См. «Hoop's Reallexikon des germanischen Alterumskunde», Strassburg, 1913—1915, B. II, S. 80.

[5] Pirius Winsemius, Chronigue ofte historische geschiedenisse van Vrieslant, Francker, 1622.

[6] A. Herrmann, Unsere Ahnen und Atlantis, Berlin, 1934, S. 65.

[7] H. Wirth, Der Aufgang der Menschheit, Jena, 1934, S. 124.

[8] H. K. Schwerin, Helgoland, historisk-geografisk undersökning, Lund, 1896. [Вурстен расположен на побережье Гельголандской бухты, между Куксхафеном и Бремерхафеном.— *Ред.*]

[9] T. Siebs, Der Gott Forsete und sein Land, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 1909, B. 35, S. 545.

[10] A. Sach, Das Herzogtum Schleswig, Halle, 1907, B. II, S. 238.

всего, основываясь на приведенной выше цитате из Адама Бременского, «страной Фосите» вплоть до наших дней продолжали считать Гельголанд[1]. Исходя из недвусмысленного указания Адама Бременского, автор в первом издании настоящей книги тоже безоговорочно признал такое толкование вполне правильным и дал соответствующие комментарии.

Однако позднее, благодаря превосходному специальному исследованию Шпанута[2], тождество «страны Фосите» с Гельголандом стало весьма сомнительным. Шпанут справедливо указывает на то, что ряд приведенных Адамом Бременским данных, позволяющих судить о местонахождении «Фосите», никогда — ни теперь, ни прежде — нельзя было относить к Гельголанду.

Гельголанд никогда не мог «родить в изобилии хлебные злаки» и быть «самой щедрой кормилицей для скота». Сообщение о том, что в «Фосите» жили только отшельники, тоже не согласуется с развитием земледелия и скотоводства, поскольку это предполагает наличие значительного крестьянского населения. Но последнее никогда не могло проживать на рыбачьем и овцеводческом Гельголанде. Так же маловероятно и существование на этом острове защищенной гавани, где св. Виллиброрд мог бы в течение многих дней укрываться от шторма. Еще гораздо менее правдоподобно, чтобы Гельголанд был когда-либо резиденцией короля фризов Радбода и тем местом, где он собрал войско, с которым в 714 г. будто бы вновь отвоевал часть подвластных ему территорий, отторгнутую франкским майордомом Пипином. Вряд ли также можно было говорить о Гельголанде как об острове, лежащем на границе между фризами и датчанами.

Похоже на то, что Адам Бременский, смешав воедино два сообщения, породил тем самым имеющую и доныне широкое хождение легенду, будто именно Гельголанд и был «страной Фосите».

Итак, Фогель[3] и Вёбкен[4] были совершенно правы, когда они сомневались в тождестве «страны Фосите» с Гельголандом. Шпанут, пожалуй, окончательно доказал невозможность этого тождества. Еще в XVII в., живший в Голландии Винсеми, как раз в связи с миссионерским путешествием св. Людгера, подчеркивал, что граница между фризами и датчанами лежала «по ту сторону Эльбы»[5]. При этом речь, должно быть, шла о современной Фрисландии, о полосе гестов[6], которая, согласно данным Заха[7], уже около

---

[1] A d a m v o n B r e m e n, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, II, p. 5.

[2] J. S p a n u t h, Stollberg — ein altes friesisches Zentralheiligtum, «Jahrbuch des Heimatbundes Nordfriesland», 1938, S. 94 (и след.).

[3] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1914, S. 82 (примечание 4).

[4] C. W o e b c k e n, Das Land der Friesen und seine Geschichte, Wilhelmshaven.

[5] P. W i n s e m i u s, op. cit., S. 56.

[6] Гесты, или геесты,— возвышенная полоса, сложенная древними отложениями ледникового происхождения, которая тянется вдоль низкого, так называемого «маршевого» побережья Северного моря. См. А. Геттнер. Страноведение Европы, М.—Л., 1926, стр. 180—181; Б. Ф. Добрынин. Физическая география Западной Европы, М., 1948, стр. 330.— *Прим. ред.*

[7] A. S a c h, op. cit., Kap. 8.

600 г. входила, очевидно, в состав фризских владений. Но о Гельголанде никто не мог бы сказать, что он лежит «по ту сторону Эльбы». В 689 г. король фризов Радбод, после поражения при Дорестаде в битве против майордома Пипина Геристальского, потери своей резиденции Медемблик и всей западной Фрисландии, обратившись в бегство, отступил в «страну Фосите». Согласно «Житию св. Виллиброрда», последняя отстояла от западной Фрисландии на расстоянии «весьма дальнего плавания» (*propter pericula longissimi navigii*). Именно это сообщение и способствовало тому, что «страну Фосите» начали отождествлять с Гельголандом. Однако под подобным определением могла подразумеваться также и Северная Фрисландия, так как связь между западной и северной Фрисландией, разумеется, старались поддерживать морским путем.

Между тем еще со времени Хеймрейха[1] большинство исследователей, изучавших историю Фрисландии, уже указывали на то, что на месте современной церкви в Борделуме (северная Фрисландия), очевидно, некогда стоял храм Марса. Здесь и находились «страна Фосите», а также резиденция короля Радбода, относительно которой Хеймрейх сообщает следующее: «В 690 г. резиденция Радбода и его двор находились в Фостенланде, в построенной им крепости Ротенбурге, называвшейся иначе Фостенбургом. Тот же Радбод собрал из северных фризов войско и с ним... победил, наконец, Карла Мартелла»[2].

Что касается «храма Марса», то, разумеется, речь может идти только о фризском Марсе, то есть о Марсе Цине, или Фосите. На карте Шлезвига, составленной Данквертом в 1649 г., в Борделуме также помещен «*templum Martis*» (храм Марса). Народное предание еще и поныне хранит память о языческом храме, стоявшем на месте теперешней церкви. Поблизости от церкви тоже протекает священный источник, все еще прославляемый легендой и особо почитаемый окрестными жителями. Само название этого места — Борделум — произошло, видимо, от древнефризского слова *borle*— бить ключом[3]. Здесь, вероятно, выходил на поверхность «*vitae fons*» (источник жизни), в котором Виллиброрд и Людгер совершали обряд крещения язычников. А на расстоянии всего лишь 1 *км* от источника еще сохранилась площадка, на которой вплоть до 1629 г. возвышался древний замок Борнебург, служивший, по всей вероятности, в еще более отдаленные времена резиденцией королю Радбоду.

Эти данные и многие другие доказательства побудили Шпанута выдвинуть новую, убедительно аргументированную гипотезу, которую он сформулировал следующим образом: «Страна Фосите — это Штолльбергский останец гестов, а святилище Фосите находилось на Штолльберге на том же самом месте, где теперь стоит Борделумская церковь»[4].

---

[1] W. A. Heimreich, Ernewrete Nordfresische Chronik, Franeker, 1668.

[2] W. A. Heimreich, op. cit., S. 72.

[3] J. Schmidt-Petersen, Orts- und Flurnamen Nordfrieslands, Husum, 1925, S. 160.

[4] J. Spanuth, op. cit., S. 139.

С подробной аргументацией этого положения можно ознакомиться в труде самого Шпанута. Как бы то ни было, автор считает доказанным, что «страна Фосите» находилась именно в Северной Фрисландии.

Указание Адама Бременского, что остров Фосите достигал 11,8 *км* в длину и 6 *км* в ширину, вызвавшее совершенно ложное представление, будто размеры Гельголанда были некогда гораздо более значительными, вполне соответствует Штолльбергскому останцу гестов.

Ко всему прочему присоединяется еще то доказательство, что часть храмовых сокровищ из древнего святилища Фосите, привезенных Людгером в западную Фрисландию и переданных Утрехтской епархии, очевидно, еще и поныне хранится в Амстердамском государственном музее. Две бронзовые статуи, находящиеся в музее, описываются в каталоге за 1915 г., как «фигуры рыцарей из бронзы, сломанные посредине, в боевых доспехах, голова покрыта коническим шлемом с обломанным забралом. Возможно, фрагменты монументального церковного канделябра». Эти фигуры, очевидно, тождественны двум бронзовым идолам (*duo ydola erea*), которые еще в 1525 г. были внесены в список инвентаря капитула св. Марии в Утрехте. В 1592 г. Эрнут Бушель писал о них как об изваяниях «Фоста и Вода», то есть Фосите и Водана[1]. О тех же статуях упоминает в 1587 г. Корнелий Кемпий из Доккума[2] и, несколько фантастически толкуя их имена, добавляет, что они «почитались в фоситанской (*Foselanea*) стране, называемой Гельголандом». Корнелий описывает их: «С панцирем на груди, надетым на голову шлемом и обнаженными руками и ногами; за спиной крылья, при помощи которых они якобы летали по воздуху. После принятия фризами крещения эти идолы в правление Карла Великого были низвергнуты, и в память на вечные времена об этом событии по сей день хранятся, как идолы фризов в Утрехте, в архиве коллегии св. Марии». Это описание полностью подходит к двум скульптурам, хранящимся в Амстердамском государственном музее, которым каталог музея дал чрезвычайно фантастическое толкование. Изображения этих изваяний приводит Шпанут[3] и с присущей ему убедительностью доказывает, что оба они изображают Фосите: одно — богом войны, другое — богом правосудия[4].

Итак, надо пересмотреть еще широко распространенную и объясняющуюся ошибкой Адама Бременского гипотезу, будто Гельголанд был древней «страной Фосите». Эта гипотеза считается теперь настолько бесспорной, что перешла даже в энциклопедические словари[5]. Пересмотра, в частности, требует и толкование путешествия Виллиброрда в первом издании настоящего труда. Гельголанд не был ни Янтарным островом древности, ни «страной Фосите» раннего средневековья. Вполне прав был Фогель, когда еще

---

[1] A. Buchel, Trajecti Batavorum descriptio, Utrecht, 1629.

[2] C. Kempius, De origine, situ, qualitate et quantitate Frisiae, Köln, 1587, p. 314.

[3] J. Spanuth, op. cit., S. 144.

[4] Ibidem, S. 148.

[5] «Brockhaus' Konversationslexikon», Leipzig, 1933, 15. Aufl., B. 16, S. 393, 414.

в 1915 г. утверждал, что «вопреки Адаму Бременскому остров Фосите, бесспорно, нельзя отождествлять с Гельголандом»[1].

Нам следует искать «страну Фосите» в северной Фрисландии. Тем местом, где некогда стоял замок, служивший резиденцией Радбоду, где около 690 г., еще до св. Бонифация, св. Виллиброрд занимался самой ранней среди фризов миссионерской деятельностью и где спустя 70—80 лет Людгер посвятил в сан (согласно ирландско-шотландскому обычаю) первого фризского епископа, была маленькая деревушка Борделум и возвышающийся над ней холм, называемый Штолльбергом[2].

Следует выяснить еще один пункт. Как в «Житии св. Виллиброрда», так и в «Житии св. Людгера» сообщается о плаваниях с миссионерскими целями «*ad quondam insulam*» [к некоему острову.—*Ред.*], называвшемуся Фосите. Между тем Борделум и Штолльберг отнюдь нельзя считать островами. Однако в VIII в., когда залитые водой и заболоченные территории в этой местности были значительно обширнее, чем теперь, Штолльбергский холм соединялся с материком только узкой полосой возвышенности в районе Хёгеля и, следовательно, являлся «практически островом»[3]. Через 300 лет, когда природные условия уже изменились, Адам Бременский, вероятно, был введен в заблуждение именно словом «остров» и потому искал «страну Фосите» на Гельголанде.

---

[1] W. V o g e l, op. cit.

[2] Современное название Штолльберг (Stollberg) никакого отношения к «штольням» не имеет. Холм, вероятно, следовало бы называть Штолльбергом (Stolberg) от слова *stol* (судейское кресло).

[3] J. S p a n u t h, op. cit., S. 136.

ГЛАВА 81

ПОХОД КИТАЙСКОЙ АРМИИ В БАССЕЙН ИНДА ЧЕРЕЗ ПАМИР И ГИНДУКУШ

(747 г.)[1]

В конце периода Кай-юань [713—741 гг.] он [Гао Сянь-чжи] был назначен помощником правителя Наньси, а также командующим войсками и кавалерией четырех гарнизонов [в Карачаре, Куче, Кашгаре и Хотане]. Тибетцы склонили на свою сторону царя Малого Пулю, выдав за него замуж одну из своих дочерей. Свыше 20 северо-западных государств стали все подвластны тибетцам. Дань и подарки [во дворец императора] больше от них не поступали. Поэтому цзедуши[2] Тянь Жень-вань и Кай Ця-юнь одновременно с Лин-чжа неоднократно предпринимали против них наступление, но одержать победы не могли. Сюань-цзун[3] специально приказал Гао Сянь-чжи выступить против тибетцев во главе 10 000 всадников и пехотинцев в чине цзедуши. В те времена все пехотинцы имели в своем распоряжении лошадей. Выступив в поход из Наньси, они шли 15 дней... Войска достигли города Боми, а затем, спустя более 20 дней, они пришли в долину Толеман, которая является не чем иным, как царством 5 Шини. Тогда Гао Сянь-чжи разделил свою армию на три отряда. Чжао Чжун-пиню, начальнику военного поста в Суле, он поручил принять командование над 3000 всадников и вести наступление против тибетской крепости Ляньюнь, двигаясь через Бэйку. Ця Чжун-гуаню, начальнику военного поста в Богуане, он приказал вести наступление в направлении через проход Чжифотан. Гао Сянь-чжи и императорский генерал-губернатор Пянь Лин-чжен вели наступление, двигаясь через царство Хуми. Осуществить операцию по соединению войсковых частей они условились возле тибетской

[1] Главные географические названия, приведенные в цитируемых ниже источниках, рассматриваются здесь по Шаванну: Аную — Ясин; Фулинь — Сирия; Хуми — Вахан; Ляньюнь — Сархади-Вахан; Наньси (Аньси)— Куча; Бэйку — Северное ущелье (?); Богуань — Аксу; Боле — Аби-Пянджа (Пяндж); Боми — Памир; Пулю — Пулу; Большой Пулю — Балтистан; Малый Пулю — Вахан; Шини — Шугнан; Сои — Гилгит; Суле — Кашгар; Тяньцю — перевал Даркот; Таши — арабы; Чжифотан — перевал Иршад (?); Цзунлин — Ташкурган в Сарыколе.

[2] Для защиты торговых путей, ведущих в западные районы Китая, правители Танской династии ввели в пограничных районах должность *цзедуши* (генерал-губернаторов), представлявших власть императора на местах. См. «Очерки истории Китая», М., 1959, стр. 235.— *Прим. ред.*

[3] Император Сюань-цзун Танской династии правил с 713 по 755 г.

крепости Ляньюнь в 13-й день 7-го месяца, между 7 и 9 часами утра. В этой крепости насчитывалось 1000 солдат. Кроме того, в 15 ли к югу от этого бастиона горы были использованы для устройства палисадов, за которыми укрывалось 8000—9000 солдат. У подошвы крепостного вала текла очень широкая река долины Боле, через которую нельзя было переправиться. Гао Сянь-чжи совершил три жертвоприношения этой реке и приказал своим командирам отобрать лучших людей и лошадей. Каждый солдат получил сухой паек на три дня. Утром все собрались на берегу реки. Так как перейти ее вброд было почти невозможно, все офицеры и солдаты считали это предприятие безрассудным. Но когда переправа состоялась, то оказалось, что ни люди не замочили своих знамен, ни лошади — своих седельных ковров. Когда все войска переправились и построились, довольный Гао Сянь-чжи сказал Пянь Лин-чжену: «Во время нашей переправы был такой момент, когда мы были бы разбиты, если бы пришел враг. Теперь же, когда мы переправились и построились, это служит доказательством, что небо отдает врага в наши руки». Он приказал немедленно штурмовать гору и завязал сражение, которое длилось с часа чжень (7—9 часов) вплоть до часа се (9—11 часов). Гао Сянь-чжи нанес врагам тяжелое поражение, и с наступлением ночи они обратились в бегство.

Преследуя их, Гао Сянь-чжи уничтожил 5000 человек, в плен захватил 1000 человек, остальные же рассеялись. В добычу ему досталось свыше 1000 лошадей и бесчисленное количество военных припасов и оружия.

Для составления ежедневного гороскопа Сюань-цзун послал вместе с Гао Сянь-чжи прорицателя Хань Ли-пина. Последний испытывал страх и не хотел идти дальше. Пянь Лин-чжен тоже боялся. Поэтому Гао Сянь-чжи оставил Пянь Лин-чжена и остальных воинов, среди которых насчитывалось свыше 3000 человек истощенных, больных и слабых, для охраны этого города. Гао Сянь-чжи продолжал свой путь. Через 3 дня он пришел к горе Таньцю. В горе были отвесные пропасти глубиной свыше 40 ли. Гао Сянь-чжи высказал такое мнение: «Если варвары из Аную немедленно выйдут нам навстречу, то это будет доказательством того, что они хорошо к нам расположены». Опасаясь, кроме того, что его солдаты откажутся проделать спуск, Гао Сянь-чжи послал вперед 20 всадников, дав им указание переодеться варварами города Аную и выйти навстречу войску на вершине горного перевала. И действительно, солдаты, взобравшись на гору Тяньцю, стали отказываться спускаться, говоря: «Что еще задумал главнокомандующий, куда должны мы идти?» Не успели они это произнести, как навстречу им вышли посланные вперед 20 человек и заявили: «Все варвары города Аную расположены в вашу пользу и торопятся выйти вам навстречу. Разрушение тростникового моста через

Сои завершено». Гао Сянь-чжи сделал вид, будто обрадован сообщением, и когда отдал приказ, все отряды стали спускаться.

Река Сои — не что иное, как «Слабая река» древности [Жошуй]. Эта река не может унести с собой ни травинки, ни горчичного семени, ни перышка, ни волоска. Через 3 дня после спуска с горы навстречу войску действительно вышли варвары из Аную. На следующий день достигли города Аную. В этот же день Гао Сянь-чжи отдал приказ генералам Си Юань-цину и Холоу Ю-джу-ну выступить вперед и подготовить мосты и дороги; на следующий день Гао Сянь-чжи двинул свое войско. Он приказал, кроме того, Си Юань-цину поскорее выехать с 1000 всадниками вперед и передать царю Малого Пулю следующее: «Мы не собираемся брать ваш город и разрушать ваши мосты. Мы хотим только воспользоваться вашей дорогой, чтобы пройти в Большое Пулю». В городе было 5 или 6 сановников, весьма преданных тибетцам. Гао Сянь-чжи заранее условился с Си Юань-цином о том, как последнему надлежало вести себя, сказав ему: «Когда прибудет армия, вожди и народ, наверное, убегут в горы. Заманите их к себе, посулив передать, согласно императорскому приказу, шелка и разные подарки. Когда придут вожди, наденьте на них оковы и ждите меня». По прибытии туда Си Юань-цин, точно следуя во всем приказу Гао Сянь-чжи, заковал вождей в цепи. Царь и его супруга, принцесса, бежали в пещеру, и их нельзя было найти. Прибыв на место, Гао Сянь-чжи приказал обезглавить 5 или 6 сторонников тибетцев и велел Си Юань-цину спешно разрушить мост, что отстоял от столицы Пулю на расстоянии 60 ли. Едва мост был разрушен, как к вечеру прибыла многочисленная тибетская пехота и кавалерия, но было уже слишком поздно, и они не смогли достичь своей цели. Ширина этого тростникового моста была равна полету стрелы из лука. На его сооружение ушел целый год. Некогда Пулю поддался обману тибетцев, которые пользовались его дорогой, и тогда был построен этот мост.

После этого Гао Сянь-чжи путем увещеваний, не применяя насилия, предложил царю Пулю и его супруге, принцессе, выйти из своего укрытия и покориться. Гао Сянь-чжи усмирил все это царство. В 8-м месяце 6-го года Тянь-бао [747 г.] Гао Сянь-чжи выступил в обратный путь через перевал Чжифотан, взяв с собой пленниками царя Пулю и принцессу, его супругу. В 9-й месяц он снова пришел к крепости Ляньюнь, где встретился с Пянь Лин-чженом и со своими. В конце этого месяца Гао Сянь-чжи вернулся в долину Боми. Он приказал Лю Таню составить письмо с извещением о своей победе, а вперед послал чжуншипаньгуаня Ван Тин-фана возвестить о своей победе[1].

[1] Из «Цзютаншу» («Древняя история династии Тан»), гл. CIV. См. E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux; см. «Сборник трудов орхонской экспедиции», СПБ, 1903, стр. 152 (примечание).

* * *

Спустя некоторое время тибетцы отторгли у него 9 городов [в 722 г.]. Моциньман просил помощи. Императорский цзедуши в Бэйтине Чжан Сяо-сун поручил заместителю уполномоченного в Суле Чжан Си-ли выступить форсированным маршем, возглавив войско из 4000 отборных солдат. Воспользовавшись этим подкреплением, Моциньман приказал выступить своим войскам, которые нанесли тибетцам тяжелое поражение, уничтожили десятки тысяч человек и вновь отвоевали 9 городов. Императорским эдиктом Моциньману был присвоен титул царя Малого Пулю. Моциньман послал знатного сановника Чжачжонасимомошена выразить свою благодарность двору... [В 737 г. последовало новое нападение тибетцев на Малое Пулю. Китай требует прекращения военных действий.]

Моциньман умер. Его сын Наньни пришел к власти. Он умер. Его старший брат Молайси пришел к власти. Он умер. Сушиличжи пришел к власти. Тибетцы тайно склонили его на свою сторону, выдав за него замуж одну из своих дочерей. В результате свыше 20 северо-западных царств стали все подвластны тибетцам. Дань и подарки больше не поступали ко двору. Правитель Наньси трижды предпринимал военные экспедиции против [Малого Пулю], но одержать победы не мог.

В 6-й год Тянь-бао [747 г.] императорским указом было предписано помощнику наместника Гао Сянь-чжи выступить против Малого Пулю. Гао Сянь-чжи послал вперед генерала Си Юань-цина, чтобы тот вместе с 1000 всадников как можно скорее отправился к Сушиличжи и сказал ему: «Мы требуем от вас предоставить нам ваши дороги, дабы мы могли пройти в Большое Пулю». В городе было 5 или 6 знатных вождей, всей душой преданных тибетцам. Гао Сянь-чжи условился с Си Юань-цином [о его поведении], сказав ему: «При приближении наших войск [эти вожди], наверное, скроются в горах. Тогда, чтобы заманить и успокоить людей, огласите императорский эдикт, будто им будут поднесены в дар шелка. Затем свяжите вождей и ждите меня». Си Юань-цин сделал так, как было условлено. Сушиличжи бежал, взяв с собой свою супругу; пельзя было обнаружить, где они находились. Прибыл Гао Сянь-чжи и приказал обезглавить приверженцев тибетцев. Он снес мост на реке Сои, и прибывшие в тот же вечер тибетцы не могли оказать никакой помощи [своим сторонникам]. Гао Сянь-чжи обязался водворить мир в этом царстве, если царь сдастся. Тогда объятые страхом Фулинь, Таши и 72 царства различных народов ху—все ему покорились.

Гао Сянь-чжи вернулся в столицу и привел с собой пленными царя Малого Пулю и его супругу. Императорским указом название его царства было переименовано в Гуйчжен. Было организо-

вано военное управление Гуйчжен и поставлен гарнизон в 1000 человек. Император помиловал Сушиличжи и сохранил ему жизнь; он пожаловал Сушиличжи титулом генерала грозной гвардии правой руки, даровал ему лиловое платье и золотой пояс, а также принял его в свою личную охрану[1].

Как уже говорилось в гл. 77, в VII в., в правление великих императоров Тай-цзуна (626—649) и Гао-цзуна (649—683), Китай распространил свое господство далеко по ту сторону гигантских стыков горных систем Центральной Азии: за Сыр-Дарью — вплоть до южной окраины Каспийского моря[2], а также за верховья Аму-Дарьи и Гиндукуш — вплоть до восточного Афганистана. Здесь, однако, китайскому владычеству угрожали различные опасности, частично со стороны обрушивавшихся, подобно лавине, арабов, частично со стороны тибетцев. Последним удалось в конце VII в. значительно усилить и увеличить свое государство. Так, например, в 677 г. тибетцы подчинили своей власти Кашгарию[3].

Примерно к этому времени арабы завоевали большую часть Афганистана, где стали соседями китайцев, а в 705—715 гг. они утвердились в древней Согдиане, стране Двуречья, между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Со своей стороны тибетцы вторглись в 715 г. в Фергану[4], несколько позднее — в Кашмир, а в 722 г.— в лежащую в верховьях Инда область Балтистан, фигурирующую в китайских летописях под названием «Большой Пулю». Отсюда тибетцы стремились продвинуться через высокогорные перевалы в расположенную у одного из истоков Аму-Дарьи область Вахан, соответствующую примерно современному узкому выступу на северо-востоке Афганистана. Там тибетцы хотели установить контакт с арабами, чтобы соединенными усилиями изгнать китайцев из этих горных районов. Властитель Вахана Чандрапида был в хороших отношениях с китайским императором, который присвоил ему в 720 г. титул царя[5]. Чандрапида и его преемник трижды направляли посольства к императору[6], предлагая ему даже заключить союз против тибетцев. Чандрапиде удавалось противостоять тибетцам, но в 741 г. новый властитель Вахана, именуемый в китайских источниках Сушиличжи, был вынужден вступить с ними в соглашение и жениться на тибетской принцессе[7]. Тогда и многие другие страны, лежавшие далее к северо-западу от Вахана, покорились тибетцам.

---

[1] Из «Таншу» (История династии Тан»), гл. CCXXI. См. E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux; см. «Сборник трудов орхонской экспедиции», СПБ, 1903, стр. 150 (и след.).

[2] E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occidentaux; см. «Сборник трудов орхонской экспедиции», СПБ, 1903, стр. 295.

[3] H. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris—London—Stuttgart, 1826, p. 166.

[4] H. J. Klaproth, op. cit., p. 141.

[5] H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 463.

[6] E. Chavannes, op. cit.; см. «Сборник трудов орхонской экспедиции», стр. 150.

[7] M. A. Stein, Ancient Khotan, London, 1907, v. I, p. 7.

Китайцы стремились сорвать предполагавшееся объединение тибетцев с арабами. Китайский цзедуши западных провинций трижды предпринимал военные походы в высокогорный район, пытаясь преградить единственный доступный перевал между Балтистаном и Ваханом (в современном северном Кашмире), но успеха не достиг. Слишком велики были трудности, связанные с передвижением войск и снабжением их продовольствием в бездорожных высокогорных районах.

Тогда китайский император Сюань-цзун отдал в 747 г. приказ главнокомандующему гарнизонов, размещенных в Таримской впадине, Гао Сянь-чжи, корейцу по происхождению, попытаться решить эту задачу. И попытка удалась Гао Сянь-чжи. Его поход следует причислить к самым поразительным проявлениям человеческой энергии, а по своей грандиозности он значительно превосходит знаменитый переход Ганнибала через Альпы. Вот как описывает Стейн первые этапы похода Гао Сянь-чжи: «Весной 747 г. Гао Сянь-чжи с армией численностью в 10 000 кавалеристов и пехотинцев выступил из Аньси, столицы тогдашнего китайского протектората в Таримской впадине, соответствовавшего современным городу и оазису Куча. За 35 дней Гао Сянь-чжи достиг Суле, или Кашгара, следуя через Аксу и по великому караванному пути вдоль подножия Тянь-Шаня. 20 дней спустя его войско подошло к военному посту в горах Цзунлин, находившемуся на месте современного Ташкургана в Сарыколе. Оттуда после 20-дневного перехода они достигли долины Боми, то есть Памира, а еще через 20 дней Гао Сянь-чжи пришел в царство пяти Шини, то есть в нынешний Шугнан на Оксе[1].

Совершенно непостижимо, как китайский генерал сумел при этом переходе через труднодоступную высокогорную местность продвинуть с такой быстротой свое огромное войско и обеспечить его продовольствием, хотя китайские летописи и сообщают, что «в те времена все пехотинцы имели в своем распоряжении лошадей». Однако китайские войска уже совершали такие переходы через Памир (см. т. I, гл. 56), и эта часть операции Гао Сянь-чжи вряд ли заслуживает особого упоминания. Еще в 646 г., при императоре Тай-цзуне, китайцы предприняли военную кампанию против Индии[2], правда в другом месте — в бассейне Ганга. Но тогда сами китайцы были только полководцами, а солдат приходилось вербовать из Непала и Турфана[3].

Разделив свои войска на три отряда, китайский полководец повел наступление по трем проходам через горные хребты против одного из занятых тибетцами пунктов — Ляньюня, расположенного на реке Боле. Как указал Шаванн, вряд ли может возникнуть какое-либо сомнение в том, что эта местность тождественна с современным Сархади-Ваханом на Аби-Пяндже, истоке Аму-Дарьи в северо-восточном выступе Афганистана. Этот населен-

---

[1] M. A. Stein, A Chinese expedition across the Panists and Hindukush, A. D. 747, «Geographical Journal», 1922, v. LIX, p. 116 (и след.).
[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 531 (и след.).
[3] H. Yule, Cathai and the way thither, London, 1866, v. I, p. 69.

ный пункт находится на высоте 3190 *м* над уровнем моря, тогда как высота перевалов в его окрестностях достигает примерно 4600—5000 *м*. В середине августа китайские войска, ведя наступление с трех сторон, стремительно атаковали тибетцев у Сархади-Вахана и в двухчасовом бою одержали над ними полную победу. В битве пало 5 тыс. тибетцев, в плен было взято 1 тыс. человек, а остальные рассеялись, причем победителям в добычу досталась 1 тыс. лошадей.

Но этим дело не ограничилось. Китайский полководец продолжал свой победоносный поход дальше по направлению к югу и за три дня достиг горы Тяньцю, под которой, согласно Стейну, бесспорно, следует подразумевать Даркотский перевал, ведущий в Дардистан.

Этот переход с многочисленным войском через Даркотский перевал следует признать непревзойденным достижением. Вероятно, уже и раньше какому-нибудь отряду случалось переходить через Гиндукуш, как перешел его Александр Македонский (см. т. I, гл. 21). Но отряд Александра преодолел только перевал Хавак на высоте 3548 *м*, находящийся дальше к западу. Между тем перевал Даркот, проходящий на уровне 4572 *м*, поднимаясь вверх между одетыми в сплошную ледниковую броню горными гигантами высотой 6000 *м*, остается даже в разгаре лета в состоянии значительного обледенения и примерно на расстоянии 8 *км* круто обрывается вниз приблизительно на 1500 *м*[1]. Стейн, сам совершивший переход через этот перевал в 1913 г. в конце августа, в то же время года, когда его форсировала китайская армия, достаточно убедительно описывает все связанные с этим трудности.

«Трудности, с которыми мне пришлось столкнуться на вершине перевала в глубоких снегах фирновых бассейнов, на огромном, испещренном многочисленными трещинами леднике, сползающем по северному склону, на гигантских боковых моренах, по которым идет спуск, вызвали во мне чувство глубочайшего уважения к величию альпийского подвига Гао Сянь-чжи, который провел военный отряд через Даркот»[2].

Форсировав перевал Даркот, китайские войска через три дня достигли города Аную, под которым следует понимать Ясин. Пройдя еще 60 ли, войска достигли реки Сою, в которой нетрудно узнать Гилгит, и оказались в бассейне Инда. Чтобы затруднить отступление потерпевшим поражение тибетцам, мост через реку был разрушен.

Стратегическая цель похода была достигнута: с преграждением пути к верховьям Аму-Дарьи тибетцы уже не могли соединиться с арабами для совместного нападения на китайские гарнизоны, размещенные в Таримской впадине. И действительно, на протяжении нескольких десятков лет тибетцы никогда не делали попыток угрожать с верховьев Аму-Дарьи китайским позициям в бассейне Тарима. На реке Гилгит Гао Сянь-чжи сделал останов-

---

[1] M. A. Stein, op. cit., p. 126.

[2] M. A. Stein, op. cit., p. 125 (примечание). Весьма подробное описание этого исключительно трудного перевала дает Капю. См. C. Capus, Pamir et Tchitral, «Bulletin de la société de geographie», 1890, p. 499 (и след.).

ку. Идти дальше к находившемуся неподалеку Инду у Гао Сянь-чжи не было повода, ибо он, разумеется, преследовал не географические, а военные цели, а поставленная перед ним задача была разрешена. Как предполагает Стейн, Гао Сянь-чжи, вероятно, посетил еще город Гилгит, главный центр этого района, а затем возвратился обратно.

Возвращение состоялось в сентябре по дороге, названной в источнике Чжифотан (Ларец красного Будды). Не вполне ясно, какой проход подразумевался под этим названием. По данным Стейна, по всей вероятности, речь идет о проходе Иршад. Как бы то ни было, Гао Сянь-чжи снова прибыл в Сархади-Вахан, где ранее одержал победу над тибетцами. Это произошло в октябре, в весьма позднее для тех мест время года. В конце октября Гао Сянь-чжи снова перешел через Памир и, увенчанный победой, благополучно вернулся в Китай.

Завоеванный Гао Сянь-чжи Малый Пулю, соответствовавший примерно современному Дардистану в Кашмире, стал китайским военным округом, под названием Гуйчжен. Здесь был размещен гарнизон, состоявший из 1 тыс. человек. Успех Гао Сянь-чжи, разумеется, не имевший примера в военной истории, должен был произвести на современников огромное впечатление. Никогда прежде не совершался такой многомесячный поход на огромных высотах над уровнем моря, сопровождавшийся к тому же боями. Явно преувеличивая, китайские летописи Танской династии так описывают этот поход: «Тогда объятые страхом Фулинь (Сирия), Ташн (арабы) и 72 царства различных народов—все ему покорились». Однако Стейн с полным основанием отмечает: «Громада естественных преград, преодоленная в победоносном походе Гао Сянь-чжи через негостеприимный Памир и скованный льдами Гиндукуш, была причиной далеко разнесшейся славы о последнем успехе танского оружия в Центральной Азии»[1].

Правда, слава о военном подвиге китайцев слишком скоро померкла. Увенчанному победой полководцу Гао Сянь-чжи изменило счастье. В 750 г. ему удался, видимо, следующий поход в Читрал, граничащий на западе с Дардистаном, и в Тохаристан. Но спустя год, выступив в Ташкент для подавления поднятого местным населением и поддержанного арабами восстания, Гао Сянь-чжи потерпел полное поражение в ожесточенном сражении при Атлахе на Таласе в июле 751 г. и сумел ускользнуть лишь с небольшой горсткой своих войск[2]. Гао Сянь-чжи удалился в Наньси и отстранился от дел[3]. Его роль была сыграна, но одновременно Китай навсегда утратил власть над странами, расположенными по ту сторону Памира. Спустя 40 лет тибетцы (туфани) снова отторгли у китайцев в кровопролитном бою также

---

[1] M. A. Stein, op. cit., p. 130.

[2] Следует кстати отметить, что с точки зрения истории культуры битва при Талассе заслуживает особого внимания. Один китайский военнопленный как раз в 751 г. занес в Самарканд изобретение бумаги. См. J. Karabacek, Das arabische Papier, Wien, 1887, S. 27 (и след.). [О появлении бумаги в Китае и Средней Азии см. И. Т. Малкин, История бумаги, 1940, стр. 22, 36, 37.— *Ред.*]

[3] H. J. Klaproth, op. cit., p. 213.

и большую часть Таримской впадины[1]. Между тем предшествующее завоевание тибетцами Чанъаня (18 ноября 763 г.) опять создало весьма серьезную помеху для беспрепятственного движения по «шелковой дороге»[2].

Поход Гао Сянь-чжи особенно хорошо подтверждает слова Пешеля: «Войны и завоевания всегда способствовали расширению географических познаний»[3].

---

[1] J. de Mailla, Histoire générale de la Chine, Paris, 1777, t. VI, p. 354.
[2] Ibidem, p. 294.
[3] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 94.

ГЛАВА 82

ИРЛАНДСКИЙ МОНАХ ФИДЕЛИЙ В «СУЭЦКОМ КАНАЛЕ» И В СУЭЦКОМ ЗАЛИВЕ

(около 764 г.)

Хотя нигде в сочинениях какого-либо писателя мне не приходилось читать, что часть реки Нила впадает в Красное море[1], сие все же подтвердил монах Фиделий учителю моему Снибнею и в моем присутствии рассказал ему (если я и достиг чего-либо, то тем обязан, после Господа, прежде всего ему), что клирики и миряне, в целях паломничества в граде Иерусалиме... пребывавшие, плыли под парусами к Нилу. Долгое время плывя по Нилу... они узрели 7 житниц... уготованных Святым Иосифом, кои издали с виду горам подобны[2]: в одном месте — четыре, в другом — три...

Затем они сели на стоявшие на Ниле корабли и плыли до самого места впадения реки в Красное море. Расстояние от той гавани до восточного берега и до пути Моисеева через Красное море весьма незначительное... Оттуда, подгоняемые ветром, они плыли на всех парусах по западной части Красного моря, то есть по простирающемуся далеко к северу морскому заливу...[3]

Во все времена, несомненно, совершались многочисленные замечательные путешествия, о которых до нас не дошло никаких сведений. Такое убеждение складывается на основании сохранившихся литературных источников, иногда вскользь упоминающих о каком-нибудь событии, более подробное описание которого, вероятно, представляло бы огромный интерес. К сожалению, такого описания не было сделано. Так, например, мы совершенно случайно узнали от Григория Турского, что один его современник, Феодор, добрался до самой Индии (см. гл. 72). Адам Бременский как-то мимоходом сообщил (гл. 116), что в его время некий монах трижды совершил паломничество в Иерусалим, а однажды добрался даже до Двуречья[4]. Подобно этому, из краткой записи Дикуила мы узнаем о путешествии к Красному морю

---

[1] Об этом представлении см. т. I, гл. 20.

[2] Пирамиды! [Здесь подразумевается библейский патриарх Иосиф, который, согласно легенде, создал для фараона громадные запасы зерна, предвидя наступление семи неурожайных лет.— *Ред.*]

[3] Dicuil, De mensura orbis terrae, VI, 12—18, ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 25 (и след.).

[4] Adam von Bremen, III, 77.

ирландского монаха Фиделия, совершавшего паломничество в Иерусалим. Цель и маршрут этого путешествия, несомненно, бывшего выдающимся достижением для VIII в., покрыты мраком неизвестности. Ведь Египет и страны побережья Красного моря входили в то время в состав мировой арабской державы. Следовательно, мы имеем здесь дело со случаем проникновения христианского монаха в сферу влияния ислама, что вдвойне поразительно.

Дата путешествия монаха Фиделия не указана, но ее можно установить приблизительно. Самое существенное значение имеет то обстоятельство, что ирландец Дикуил уже кое-что знал о судоходном канале, соединявшем тогда временами Нил с Красным морем. Этот канал он ошибочно принял за устье Нила в Красном море, из чего можно сделать определенные выводы.

Древнейший канал между Нилом и Суэцким заливом был прорыт еще Рамсесом Великим в XIII в. до н. э. После того как этот водный путь был засыпан песками, фараон Нехо приступил около 600 г. до н. э. к сооружению нового канала, строительство которого, однако, было завершено только при Дарии, около 500 г. до н. э. Позднее канал был значительно расширен Птолемеями. Незадолго до начала нашей эры этот канал из-за песчаных заносов, видимо, стал опять несудоходным. Иначе нельзя было бы объяснить сообщение Плутарха о том, что царица Клеопатра после морского сражения у мыса Акций, спасаясь от преследования римлян, была вынуждена переправить свои суда волоком через перешеек в Красное море. Будь канал в те времена судоходным, эта изнурительная работа оказалась бы излишней. Вот что пишет Плутарх:

«После этого Антоний отплыл в Александрию, где он застал Клеопатру занятой осуществлением великого и смелого замысла. Как известно, Красное море отделяется от омывающего Египет моря перешейком, который одновременно образует границу между Азией и Ливией. Так вот, в том месте, где эти моря больше всего наступают на перешеек и где ширина его наименьшая, а именно всего 300 стадий[1], Клеопатра намеревалась вытянуть свои корабли из моря и, перетащив через перешеек, снова спустить в Арабский залив (Суэцкий залив), обильно нагрузив сокровищами и войсками, чтобы, избежав порабощения и войны, поселиться там, за границей. Но так как арабы Петры сожгли первые вытащенные на сушу суда... она отказалась от этого предприятия и пыталась только преградить доступ в Египет»[2].

Император Траян как будто пытался восстановить судоходство разрушенного канала между Нилом и Красным морем, о чем свидетельствует дошедшее до нас случайное упоминание о какой-то реке Траяна (*amnis Trajani*) в Египте. Однако этой попытке, скорее всего, не суждено было увенчаться успехом, так как нигде ни слова не говорится о ее результатах.

Однако Амр-ибн-ал-Ас, полководец халифа Омара, подчинив в 640 г. Египет исламской державе, восстановил канал между восточным рукавом

[1] В действительности минимальная ширина Суэцкого канала перешейка в 3 раза больше!

[2] Плутарх, Сравнительные жизнеописания, СПБ, 1892, т. VIII, вып. 2, гл. 69.

Нила и Суэцким заливом. В немалой степени им руководили стратегические соображения, а именно желание облегчить Аравии военное управление страной. Этот третий предшественник современного Суэцкого канала использовался свыше 100 лет, так что в VIII в. монах Фиделий, безусловно, мог по нему проплыть. Но в 767 г. халиф Абу Джафар эль-Мансур приказал снова засыпать этот водный путь, чтобы лишить возможности арабского мятежника Мухаммеда ибн-Абу Талиба вторгнуться в Египет на своих судах[1]. С той поры на протяжении 1100 лет никакого водного сообщения между Средиземным и Красным морями не существовало, пока в 1869 г. не был открыт Суэцкий канал.

Следовательно, 767 г. представляется наиболее вероятной предельной датой, до которой состоялось путешествие Фиделия к Суэцкому каналу. Дикуил сообщает, что рассказ монаха Фиделия о его приключениях на Востоке он слышал в давно прошедшие времена. Отсюда, безусловно, можно предположить, что путешествие состоялось еще за 60 лет до того, как был написан труд Дикуила (825 г.). Ведь почти на 100 лет раньше галльский епископ Аркульф, о котором рассказывает Беда Достопочтенный, «ходил на поклонение ко святым местам в Иерусалим и, обойдя всю Святую землю, побывал еще в Дамаске и Константинополе, а также в Александрии и на многих островах в море»[1].

---

[1] A. Letronne, L'isthme de Suez, «Revue des deux mondes», 1841 t. III, p. 51 (и след.).

[2] Beda Venerabilis, Historia ecclesiastica gentis Anglorum, § 404, ed. J. Stevenson, London, 1838, p. 372.

ГЛАВА 83

ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ ИРЛАНДСКИМИ ОТШЕЛЬНИКАМИ И ПРОБЛЕМА СТРАНЫ ХВИТРАМАННАЛАНД

(около 795 г.)

Тридцать лет тому назад [*trigesimus nunc annus est*] несколько клириков, находившихся на этом острове с 1 февраля до 1 августа, сообщили мне, что там не только во время летнего солнцестояния, но и в предшествующие и последующие дни заходящее солнце как бы только прячется за небольшой холм, так что там даже на самое короткое время не бывает темно. Как будто солнце всегда стоит на небе и можно заниматься какой угодно работой, даже вылавливанием вшей из своей рубашки. Если бы клирики жили на высоких горах этого острова, то солнце, возможно, совсем не скрывалось бы от них.

Я считаю, что лгут или заблуждаются те, кто писал, будто Туле окружает застывшее [*concretum*] море, а равным образом и те, кто писал, что со дня весеннего до дня осеннего равноденствия там царит сплошной день без ночи и, напротив, со дня осеннего до дня весеннего равноденствия — непрерывная ночь. Добравшиеся туда, клирики прибыли в страну в обычный сезон сильных холодов и тем не менее, пока они там жили, дни всегда сменялись ночами, кроме периода летнего солнцестояния, однако на расстоянии одного дня пути дальше к северу они обнаружили замерзшее [*congelatum*] море[1].

* * *

В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами, и жили там христиане, которых норвежцы называли папарами. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцами[2].

---

[1] D i c u i l, De mensura orbis terrae, VII, 11, 13, ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 42 (и след.).

[2] A r i T h o r g i l s s o n F r o d e, Islendingabok (около 1120 г. См. «Thule», B. 23, S. 44. [«Книга исландцев» — труд, принадлежащий перу «отца письменной истории норманнов в Исландии» Ари Торгильссона Фроде (1067—1148). Труд этот содержит богатый исторический материал за 874—1120 гг.; в нем описаны колонизация Исландии, история первых поселений, колонизация Гренландии и Северной Америки. См. А. Д. Л ю б л и н с к а я, Источниковедение истории средних веков, изд. ЛГУ, 1955, стр. 301.— *Ред.*]

* * *

В книге «Дух времени», составленной священником Бедой, упоминается остров, называемый Туле, и говорится, что он лежит в 6 днях плавания к северу от Британии. Там, по словам Беды, зимой не бывает дня, а летом, когда день самый длинный, не наступает ночи. Поэтому ученые мужи полагают, что под Туле разумелась Исландия, так как в одной части этой страны по ночам светит солнце, когда день бывает самым длинным, и долго совсем не видно солнца, когда ночь бывает самой длинной.

Священник Беда, как записано, умер в 735 г. по воплощении Господа нашего, и более чем за 100 лет до заселения Исландии норманнами там жили люди, которых норманны называют папа [священники]. Эти люди были христианами, и полагают, что они приплыли с запада [*kristnir menn ok komnir til vestan um haf*], ибо после их отъезда остались ирландские книги, колокольчики, посохи и еще много других вещей, по которым можно было судить, что это были западные люди. Такие вещи находились на востоке — на Папее и Папили. И в английских книгах упоминается, что в те времена между этими землями существовала связь[1].

* * *

Морское течение отнесло [Ари] в Страну белых людей [Хвитраманналанд], которую многие называют Большой Ирландией. Эта страна находится в море на западе близ Славного Винланда. Сообщается, что она лежит в 6 днях плавания к западу от Ирландии[2]. Из этой страны Ари не смог вернуться и был там крещен. Впервые об этом рассказал лимерикский мореплаватель Храфн, долгое время живший в Лимерике, в Ирландии. Как сообщил Тор-

---

[1] Snorri Sturluson, Landnamabók (около 1210 г.). См. «Thule», B. 23, S. 61. [«Ландамабок» («Книги землевладельцев») составлены вторым после Ари крупным исландским историком и поэтом Снорри Стурлусоном (1178—1241). Ему же принадлежит так называемая «Младшая Эдда», состоящая из прозаического пересказа стихотворных саг и из руководства по поэтике скальдов, а также исторический труд «Хеймскрингла» («Круг земной»), построенный на «Книге исландцев» Ари, но включающий много новых сведений по характеристике всех слоев населения Севера: крестьян, мелкой и крупной знати.

Упоминаемый автором остров Папей, или Папаоус, находится у восточных берегов Исландии, около 64°40′ с. ш. и 14° в. д.— *Ред.*]

[2] Вызывает сомнение правильность названия «Ирландия», тем более, что в 6 днях плавания к западу от нее никакой земли нет. Эпос «Ландамабок» сложился в Исландии, и маловероятно, чтобы исландцы пытались определить местонахождение страны к западу от Ирландии. В саге об Эйрике Рыжем указывается, что Винланд лежит в 6 днях пути от *Гренландии*. Поскольку о Хвитраманналанде говорится, что он находится на западе «близ Славного Винланда», то, очевидно, и указание «о 6 днях плавания к западу» надо понимать только как к западу от Гренландии.

кель сын Геллирса, люди из Исландии говорили, со слов ярла Торфина с Оркнейских островов, что Ари опознали в Стране белых людей и уехать оттуда он не мог, но пользовался там большим уважением[1].

* * *

Плывя из Винланда при южном ветре, они попали в Маркланд. Там они встретили пять скрелингов: одного бородатого мужчину, двух женщин и двух детей. Люди Карлсефни схватили мальчиков, остальные же скрелинги убежали и скрылись под землей. Мореплаватели увезли с собой обоих мальчиков, обучили своему языку и окрестили их. Мальчики называли свою мать «фетхильди», а своего отца — «уфеги». Они говорили, что в стране скрелингов правили короли: одного зовут Афальдамон, другого — Афальдида. Мальчики рассказывали, что там нет домов, а люди живут в пещерах или норах.

Они говорили, что против страны скрелингов лежит другая земля. Там жили люди, которые ходили в белых одеждах, громко кричали и носили шесты с привязанными к ним флагами. Полагали, что это была Страна белых людей, или Большая Ирландия[2].

В гл. 79 мы уже познакомились с одним из самых своеобразных фактов в истории культуры — со страстным стремлением к отшельничеству благочестивых ирландских христиан, побуждавшим их к постоянным поискам необитаемых океанских островов. Исследователи последнего времени неоднократно указывали на это примечательное явление как на «всегда коренившуюся в ирландцах страсть к путешествиям, которая влекла на отдаленные острова меньшие или большие группы людей, первоначально стремившихся к отшельничеству»[3]. Лучший знаток истории Ирландии Покорный высказывает по этому поводу следующее мнение: «Когда Ирландия стала для них слишком тесной, они заселили Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова; более того, на своих утлых суденышках ирландцы отваживались отправляться в плавание по безграничным просторам океана и в 795 г. достигли Исландии, далее Гренландии (?) и, возможно, даже берегов Северной Америки»[4].

---

[1] «Landnamabók» (пер. Штехе). См. «Wikinger entdecken America», Hamburg, 1934, S. 37.

[2] «Сага об Эйрике Красном», пер. С. Н. Сыромятникова, СПБ, 1890. [Саги — народные эпические сказания в древнескандинавской и исландской литературе, повествующие о богах и героях, сложились в дофеодальную эпоху. Хранителями и создателями саг были сказители-скальды. Саги служат ценнейшими историческими источниками, отражая многие особенности развития североевропейских народов. Записывать саги стали с начала XII в. и продолжали до середины XIII в.— *Ред.*]

[3] Статья Герца. См. «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Tübingen, 1912, B. III, S. 673.

[4] J. Pokorny, Irland, Gotha, 1916, S. 23.

Важнейшим из сделанных ирландцами открытий новых земель было, несомненно, открытие Исландии, состоявшееся примерно за 75 лет до того, как норманны достигли этого острова.

Согласно сообщению Дикуила, ирландские клирики (отшельники) были первыми мореплавателями, добравшимися до далекой Исландии еще в VIII в.

Неоднократно отстаивавшаяся прежде, да и теперь еще не оставленная гипотеза о том, что Пифей из Массилии побывал в Исландии и что этот остров следует считать его знаменитым Туле, исходит от Дикуила. Тем не менее это предположение, безусловно, нельзя поддерживать. Оно легко опровергается тем, что ряд признаков, характерных для Туле Пифея, совсем не подходит к Исландии древнего времени: прежде всего заселенность острова, наличие хлебных злаков, пчел и т. д. (см. т. I, гл. 20). В настоящее время, очевидно, уже не подлежит никакому сомнению, что Пифей мог найти Туле только в Центральной Норвегии.

Плавание клириков в Исландию, о котором сообщил Дикуил, было первым, которое можно *доказать*. Но было ли оно действительно *первым* из всех, очевидно, еще остается под сомнением. Если можно было бы полагаться на сообщение «Ландднамабока», что «более чем за 100 лет» до открытия Исландии норманнами там уже жили отшельники-христиане, то путь к «ледяной скале в океане» (Шеффель) первые ирландцы должны были проложить не позднее середины VIII в. Ведь открытие Исландии норманнами состоялось, вероятно, около 863 г. (см. гл. 90).

Дикуил *не говорит* о том, что его осведомители-клирики *открыли* Исландию. Он только сообщает, что они «находились» там в течение полугода. Почему клирики Дикуила отправились в Исландию? По своей ли воле поплыли они к уже известной земле или, направляясь на Фарерские острова, были отброшены туда бурей? Почему, далее, для плавания по Северной Атлантике избрали они именно разгар зимы, когда там часто свирепствуют жестокие штормы? Почему, наконец, пробыв в Исландии полгода, они затем вернулись на родину? Обо всем этом мы, к сожалению, от Дикуила ничего не узнаем. Если клирики отплыли в Исландию, стремясь убежать от мирской суеты, то как же обосновать их возвращение? Остается, пожалуй, только предположить, что они сопровождали какого-нибудь жаждавшего уединения благочестивого инока или нескольких своих собратьев и, после оказания помощи при постройке хижины, были затем предоставлены самим себе. Такое толкование внесло бы некоторую ясность, но при этом пришлось бы еще предположить, что об острове имелись уже более ранние сведения, да и загадка зимнего плавания осталась бы нерешенной. Чрезвычайно точное указание Дикуила, что клирики прибыли на остров 1 февраля, вряд ли позволяет сомневаться в том, что плавание действительно состоялось в январе и было, следовательно, исключительно рискованным.

Нет никаких оснований подвергать сомнению искренний рассказ Дикуила, да это, видимо, никогда и не делалось. Осведомители Дикуила были поражены тем, что в течение нескольких недель в Исландии не наступает темноты в период летнего солнцестояния, хотя возникшие в древности и воспроизведенные еще Бедой Достопочтенным (около 730 г.) рассказы о том,

что ночь и день в Туле длятся по полгода, не нашли там своего подтверждения[1]. Все это достаточно убедительно доказывает, что Дикуил записал личные впечатления клириков.

Неясными остаются подробности плавания, но само оно бесспорно, и можно приблизительно установить его дату. Дикуил закончил свой труд в 825 г.[2] Ровно за 30 лет до этого он узнал о приключениях клириков в Исландии. Их плавание, очевидно, тогда только что завершилось. Отсюда можно сделать вывод, что оно состоялось примерно зимой 794 или 795 г. Следовательно, не позднее этой даты ирландские отшельники постоянно проживали в Исландии[3] и покинули ее только после 863 г.

Вполне вероятно, что еще до этих клириков путь в Исландию проложили другие ирландские анахореты. Но надежных доказательств на этот счет нет.

Неоднократно высказывалось предположение, что Исландия была известна еще Беде Достопочтенному, умершему в 735 г. Но это неверно. В своих трудах Беда об Исландии не упоминает. Правда, он мельком говорит об отстоящем в 6 днях плавания от Британии острове Туле[4], но это сообщение он заимствует из античной литературы и из представлений Пифея. Отсюда нельзя делать никаких выводов в пользу Исландии, которую ошибочно отождествили с Туле только из-за Дикуила.

Необходимо слегка коснуться еще одного странного обстоятельства. Немало толков прежде вызывал тот факт, что название «Исландия» будто бы уже фигурирует в папской булле от 834 г. Между тем в то время на острове определенно еще никто не жил, кроме ирландских анахоретов, а они, разумеется, не вели никакой переписки. Итак, оставалось совершенно непонятным, как мог папа Григорий IV, занимавший престол св. Петра, знать об Исландии или даже подчинить ее ведению только что созданного Гамбургского архиепископства, если на острове не было никакой общины, нуждавшейся в попечительстве и в миссионерской деятельности. Дословный текст этой папской буллы приведен в гл. 100, и там же убедительно доказано

---

[1] Beda Venerabilis, De ratione temporum, cap. III [*mensibus pluribus una nox durat* — много месяцев длится одна ночь]. Беда неоднократно упоминает Туле и в других местах («De natura rerum», cap. 9, § 9; «De temporibus», § 7, p. 208). Все же свои сведения Беда, несомненно, черпал из известных ему античных авторов. Следует признать ошибочным заключение, которое в свое время хотел отсюда вывести Лангебек, будто Исландия должна была быть уже известна Беде (см. «Scriptores rerum Danicarum, medii aevi», Köbenhavn, 1772, t. II, p. 31).

[2] A. Letronne, Recherches géographiques et critiques sur le livre de Mensura Orbis Terrae par Dicuil, Paris, 1814, t. II, p. 38 (и след.).

[3] E. Benediktsson, Thules Bebøre, Christiania, 1918.

[4] Beda Venerabilis, De ratione temporum, cap. 29, § 32; De natura rerum, cap. 9, § 9; De temporibus, § 7, p. 208: *tantum illa insula a Britannia distat, ut non minus quam sex diebus illic navigari possit. Nullae illic solstitio aestivo noctes et nulli contra per brumam dies.* [Этот остров отстоит от Британии на таком расстоянии, что туда надо плыть не менее 6 дней. Там в пору летнего солнцестояния совсем не бывает ночей и, напротив, зимой не бывает дней. — *Ред.*] См. текст Снорри Стурлусона на стр. 144.

что этот документ подложный и что в подлиннике буллы Исландия не упоминается. Следовательно, не подлежит сомнению, что в 834 г. ни в Риме, ни в другом месте на Европейском континенте не было известно типично скандинавское название «Исландия», которое могло быть присвоено острову только после открытия его норманнами в 863 г.

Правда, Нансен, тоже не принимавший во внимание мнимую папскую буллу, высказал предположение, что кельты, возможно, жили в Исландии еще с первобытных времен[1]. В отношении Фарерских островов, как нам известно (гл. 78), подобная гипотеза еще отчасти может быть как-то подтверждена. Что же касается Исландии, то здесь мы не имеем никаких доказательств. В Исландии не обнаружено никаких доисторических находок, позволяющих заключить о заселении острова до VIII в. Трудно также представить себе, чтобы люди могли когда-нибудь отправляться в такие далекие районы океана без особых побудительных причин, вроде поисков неизвестных, необитаемых островов ирландскими отшельниками или стремления норманнов IX в. посетить Фарерские острова. Вероятно, совсем безлюдная Исландия, с ее все же еще сравнительно умеренным климатом, была идеальной обителью для набожных мужей, решивших навсегда порвать с греховным миром и вести спокойную жизнь, предаваясь благочестивым размышлениям.

Если ирландские отшельники действительно были первооткрывателями Исландии, то нельзя априорно отрицать вероятности того, что в отважных плаваниях по океану они совершали открытия необитаемых земель, расположенных гораздо дальше к западу. Возможно также, что ирландские анахореты не только опередили норманнов в открытии Оркнейских и Фарерских островов[2], а также Исландии, но и достигли Северной Америки гораздо раньше 1000 г., когда состоялось первое плавание норманнов к этому континенту (см. гл. 104). Заметим кстати, что речь здесь идет только о *теоретических возможностях*; доказательств, что именно так оно и было, нет, не считая лишь некоторых весьма скудных отправных точек.

Таинственная страна Хвитраманналанд (Страна белых людей) или *Большая Ирландия* упоминается в саге как раз в связи с рассказом о первом плавании норманнов в Винланд (см. гл. 104). Что же это за страна? Вопрос неясный и крайне спорный[3]. Попытка Нансена представить все предание ирландской сагой[4] представляется малоубедительной.

Нельзя согласиться с таким поверхностным толкованием, какое хочет дать этому преданию Нансен. Ведь «Ландднамабок», труд Снорри Стурлусона (около 1241 г.), который признается всеми сочинением строго историческим, тоже сообщает о Хвитраманналанде, или Большой Ирландии.

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 179.

[2] В стормовском издании «Норвежской истории» значится, что, когда на Оркнейских островах появились норвежцы, там уже жили *Peti* (пикты) и *Papae*. Последние, несомненно, были ирландскими монахами-отшельниками. См. «Historia Norwegiae (ca 1180—1190)», 1880, S. 88 (и след.), 209 (и след.).

[3] Дискуссию о Хвитраманналанде между Генрихом Эркесом и автором см. «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 129, 284 (и след.), 335.

[4] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 460.

Со своей стороны Штехе весьма определенно заявляет: «Все, о чем сообщает Ари Мудрый или «Ландднамабок» или что переписано оттуда, можно считать надежным историческим свидетельством». Итак, в основе рассказа по меньшей мере заключено историческое зерно.

Но если эта история заслуживает доверия и понимать ее нужно так, как она изложена, то отсюда следует, что ирландцы еще до норманнов достигли восточного побережья Америки и основали там поселение. Позволительно ли делать подобное заключение,— это еще вопрос. Но, безусловно, примечателен тот факт, что в ирландских сагах о мореплавателях (а они, несомненно, весьма древнего происхождения) отмечается чрезвычайно много черт, соответствующих особенностям природных условий стран восточного побережья Америки. Мы уже говорили об упоминании «Виноградного острова» в саге о св. Брандане (гл. 79). Не менее интересны рассказы об островах Птиц и Птичьих яиц, а также о густых туманах, с которыми встретились в океане на неведомом Западе эти легендарные мореплаватели. Правда, все эти особенности нельзя считать достаточно надежным доказательством того, что ирландцы достигли Америки раньше норманнов. Нельзя, однако, отрицать, что в совокупности их можно рассматривать как вескую «улику».

Больше всего, несомненно, нас поражает крайне своеобразное название страны, упоминаемой в скандинавских сагах,— Хвитраманналанд. Оно ставит психологическую проблему. Представляется совершенно невероятным, чтобы люди *белой* расы могли когда-либо присвоить вновь открытой ими земле название Страны *белых людей*. Зачастую исследователи прибегали к весьма надуманной гипотезе, неоднократно выдвигавшейся еще до самого последнего времени[1], но, по существу, лишенной всякого правдоподобия. Они утверждали, что в названии страны нашли отражение люди, *одетые* в белые одеяния, и что при этом, возможно, речь шла о монахах, облаченных в белые рясы своего ордена. В связи с этим неоднократно высказывалось мнение, что названием «Хвитраманналанд» норманны обозначали только расположенные в западной Ирландии монастырские острова Аранмор и Иниишмор. Такую догадку высказал Некель[2]. Подхваченная Эркесом, она упорно отстаивалась им против выдвинутых автором этих строк весьма веских возражений[3]. Между тем подобная гипотеза во всех отношениях не только неправдоподобна, но и недоказуема.

Прежде всего в скандинавской саге об Эйрике Рыжем, отрывок из которой приведен на стр. 145, говорится о том, что сообщение о Стране белых людей исходило вовсе не от норманнов, а от «скрелингов». Мальчики в Маркланде впервые рассказали всю историю о людях в белых одеждах и об их процессиях. Под мальчиками-скрелингами, почти бесспорно, следует подразумевать отнюдь не индейцев, а эскимосов, так как приведенные в саге

---

[1] Th. Stechе, op. cit., S. 25.

[2] G. Neckel, Die erste Entdeckung Amerikas im Jahre 1000 n. Chr., «Voigtländers Quellenbücher», B. XLIII, S. 73.

[3] «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 284 (и след.).

слова из их родного языка, согласно данным Тальбитцера, явно заимствованы у эскимосов[1]. Логически рассуждая, европейское название «Большая Ирландия» могло быть дано только стране, которая по своим размерам была *больше* Ирландии, и, следовательно, его нельзя относить к такому незначительному островку у западного побережья Ирландии, как Аранмор. По мнению автора, Сторм совершенно справедливо указал на то, что такое типичное название, как «Большая Ирландия», по аналогии с «Великой Грецией», «Великобританией», «Великой Швецией», могло быть присвоено только *колониальной стране*, действительно превосходившей своими размерами родину переселенцев[2]. Но прежде всего в истории присвоения географических названий, кроме как у Геродота, положительно не найти примера, чтобы цвет *одежды* жителей, без более подробной характеристики, послужил бы основанием для названия страны. Единственное исключение — меланхлены (то есть «черные плащи») Геродота[3]. Но из этого названия можно хотя бы ясно понять, что действительно *одежда* жителей была черной. Можно ли, однако, серьезно предполагать, что местность, где обитало это скифское племя, Геродот мог бы назвать «Страной черных» или что ту часть Аравии, жители которой носят белые бурнусы, могли когда-либо назвать «Страной белых людей»?

Географические и этнические названия, связанные с каким-либо цветом, встречаются нередко. Предположение Эркеса, что подобные названия обычно давались только в течение последних столетий, глубоко ошибочно; они известны издавна. В трудах древних авторов мы встречаем названия «левкоэфионы» (белые эфионы)[4], «левкосирийцы» (белые сирийцы)[5], «меланогетулы» (черные гетулы)[6], Αιθίοπες πυρραῖοι (эфионы огнецветные)[7] и др. В соответствующую эпоху такие названия всегда служили для характеристики необычайно светлого или темного цвета кожи, свойственного определенным племенам. Кроме того, у древних индийцев мы встречаем название племени панду, у египтян — тамаху. Это были племена, которые их темнокожие соседи единодушно называли «белыми»[8]. Дальнейшие поучительные примеры приводит в разных местах русский монах-летописец

---

[1] W. Lehmann, Das Alter der amerikanischen Kulturen, «Ibero-Amerikanischees Archiv», 1943/44, S. 125.

[2] G. Storm, Studier over Vinlandsrejserne, «Aarbog for Nordisk Oldkyndighed og Historie», Köbenhavn, 1887, S. 65, 188.

[3] Геродот, IV, 20. [См. перевод Ф. Г. Мищенко, т. I, М., 1888. — *Ред.*] См. также «Anonymi geographi compendiaria»; C. Müller, Geographi graeci minores, t. II, p. 498.

[4] «Anonymi geographi compendiaria» (op. cit.); Помпоний Мела, I, 23; Plin., N. H., V, 43; Ptolemäus, IV, 6, 17; Agathem., II, 5; Martianus Capella, 6, p. 217.

[5] Ptolemäus, V, 6, 2; «Scholia ad Apollonum Rhodium», II, 946, 964, 972, 999.

[6] Ptolemäus, IV, 6, 5.

[7] Ptolemäus, IV, 6, 16.

[8] H. Kiepert, Alte geographie, Berlin, 1878, S. 37, 190. [Словом «тамаху» египтяне обозначали ливийцев. Другое название этого народа «техену» означало «светлые».— *Ред.*]

Нестор[1], живший в XI в. Он говорит о «белых (светловолосых?) хорватах» (то есть о кроатах), о «белых венграх», которых следует отождествлять с хазарами. Последних еще Приск называл «белыми гуннами», в отличие от «черных гуннов», которых, согласно Шлёцеру, надо отождествлять с мадьярами. К этой категории относятся также и разнообразные тюркские названия народов древности, с входившим в их состав словом «кара» (черный), например кара-китаи и т. д. В конце средних веков португалец Азурара случайно упоминает даже о «белых маврах»[2]. В наше время весьма распространены такие названия, как белорусы и т. п. Однако во всех приведенных примерах и во многих других случаях основанием для присвоения названия всегда служил необычный цвет *кожи* или *волос*, а никак не одежды. Точно так же и «белого Мессию» индейцев Центральной Америки следует считать светлокожим богом, а не божеством, облаченным в белую одежду.

Основываясь на этих фактах и исходя из соображений культурно-исторических и психологических, автор с полной уверенностью утверждает, что характерное название Страны белых людей *должны* были дать стране либо представители цветной расы, либо белые для выделения особо светлого племени, находившегося среди темнокожего населения. Другого объяснения найти нельзя. Совершенно исключается, чтобы такое крайне своеобразное название было придумано *белыми* людьми с тем, чтобы *отразить в нем белые одежды*, которые к тому же надевались только во время религиозных обрядов.

Нет никакого основания также относить целиком название и понятие страны Хвитраманналанд к области фантастики, что подчеркивает и Неккель. Ведь это название встречается даже в бесспорно подлинном историческом труде. Высказанное Эркесом предположение, что тождественная Стране белых людей Большая Ирландия является не чем иным, как самой Ирландией, не выдерживает критики[3]. В цитированном выше отрывке из «Ландна-мабока» собственно Ирландия и Большая Ирландия названы одна за другой как две совершенно различные страны. Еще более неправдоподобным представляется мнение Штехе, будто Исландия первоначально была названа открывшими остров ирландцами Большой Ирландией, а исландцы позднее, уверенные в существовании такой страны, не подозревали, что под этим названием подразумевался их родной остров[4].

Хвитраманналанд назывался по-ирландски *Tir-na-Fer-Finn*, то есть Страна белых людей. Следовательно, ирландцам тоже было известно, что там

---

[1] A. L. Schlözer, Nestors Russische Annalen, Göttingen, 1802, B. II, S. 77 (и след.), 112 (и след.). [См. «Повесть временных лет», ч. 1, АН СССР, 1950. Летопись «Повесть временных лет», охватывающая период русской истории с 852 по 1110 г., составлена монахом Киевско-Печерской лавры Нестором, жившим в начале XII в. — *Ред.*]

[2] «Abhandlungen der Bayrischen Akademie der Wissenschaften», 1856, S. 285. [См. также А. Пономарев, Куман-половцы, «Вестник Древней истории», М., 1940, № 3—4, стр. 226. Это этническое название Пономарев объясняет как «бледные» половцы.— *Ред.*]

[3] H. Erkes, op. cit.

[4] Th. Stechе, op. cit., S. 66.

жили или белокожие, или белокурые люди. Если название страны намекало на цвет кожи ее обитателей, то весьма возможно, что речь шла о Большой Ирландии, но если имелся в виду светлый цвет волос, то ирландцы-кельты исключаются как темноволосые. О лежащей на западе Стране белых людей было известно в Ирландии, на Оркнейских островах, в Исландии и Гренландии. Следовательно, и по этой причине нельзя признать правильным излюбленное Нансеном толкование, будто дело идет только о «пересказе древней легенды об островах Блаженных, расположенных на западе», или о белых одеяниях, которые носили на «острове Анахоретов»[1]. Подобное толкование не учитывает значения психологии в присвоении названий. Кроме того, Хвитраманналанд, как название реально существующей страны, встречается не только в саге, но и в таком чрезвычайно ценном и весьма надежном древнем историческом источнике, как «Ландналбок», и притом рядом с Большой Ирландией.

Возражение Эркеса, что ирландец Дикуил тем не менее ни слова не сообщает о Хвитраманналанде, совершенно неубедительно[2]. Дикуил жил в начале IX в. и потому еще ничего не знал даже о плаваниях св. Брандана, зафиксированных в письменных источниках только в течение XI и XII вв. Первые сведения о Хвитраманналанде появились не ранее конца X в., а возможно, только в XI в. Поэтому из молчания Дикуила нельзя делать никаких заключений.

Совершенно неправдоподобной представляется также и догадка, высказанная в XVIII в. Шёпингом, будто Хвитраманналанд надо искать на Азорских островах[3]. Похоже на то, что эта странная догадка основывалась на том месте из саги, в котором говорится, что жители восточного побережья Америки помещали таинственную страну «против страны скрелингов». Азорские острова ко времени их открытия в 1431/32 г. были совершенно безлюдными (см. т. III, гл. 165) и, стало быть, вряд ли могли раньше служить приютом для белых людей. Да и вообще гипотеза Шёнинга не выдерживает никакой критики и относится к домыслам, типичным для кабинетного ученого.

Безусловно, правдоподобным представляется толкование, согласно которому эпитет «белый» относился, вероятно, к цвету волос. Вот что сообщил по этому поводу проф. Штехов в письме к автору от 18 мая 1946 г.: «Смуглые от непогод викинги не очень заметно отличались цветом кожи от индейцев Северной Америки. Медно-красный цвет кожи коренного населения Америки особенно характерен для жителей тропических областей континента, но не так сильно бросается в глаза в Северной Америке, и меньше всего на ее северо-востоке. Здесь, очевидно, из-за более древней примеси северо-европейской крови наблюдаются типичный бледный цвет кожи и даже орлиные носы жителей Северной Европы. В северо-восточной Америке главным признаком различия между викингами и индейцами служил прежде всего цвет

---

[1] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 458 (и след.); B. II, S. 392 (примечание 294).

[2] «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 284.

[3] G. Schöning, Norges Riges Histoire, Sorö, 1771. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1837, B. I, S. 150.

волос: белокурые викинги и темноволосые индейцы!» Поэтому Штехов предпочитал бы переводить слово «Хвитраманналанд» как «Страна белокурых людей» и полагает, что оно образовалось так же, как название «белорусы». Догадка эта, по мнению автора, заслуживает внимания.

Впрочем, следует задуматься над тем, что волосы, которые мы называли бы светлыми, темноволосые люди гораздо чаще считали рыжими или рыжеватыми. Это относится, например, к арабам и маврам (см. гл. 113), а также к итальянцам (Барбаросса!).

В рассказе о Стране белых людей, переданном норманнам детьми маркландских скрелингов, можно узнать описание христианской процессии (люди в белых одеждах, шествующие с пением и хоругвями). Детская наивность этого описания как раз и вселяет уверенность в том, что язычники, дети природы, для которых подобная процессия была совершенно непонятным зрелищем, действительно ее наблюдали. Нельзя себе представить, чтобы христиане могли так наивно описывать широко распространенный и привычный для них обряд!

Возражение Неккеля, будто «процессия и церковное песнопение весьма определенно указывают на Европу»[1], необоснованно, хотя бы потому, что вместе с ирландцами-христианами в страну по ту сторону океана весьма рано должно было проникнуть и христианское вероучение, что вполне укладывается в границы возможного. Мотивировка Неккеля, что «ирландцы никогда не были народом мореплавателей», в высшей степени ошибочна. Нельзя выступать с подобным утверждением в отношении народа, который, безусловно, дал первооткрывателей Фарерских островов и Исландии. Кроме того, исследованиями Циммера убедительно доказано, что на заре средневековья древние ирландцы были первоклассными мореходами (см. гл. 78). Итак, нет никаких оснований искать Большую Ирландию в Европе.

Тем большее значение приобретает тот весьма знаменательный факт, что страна Хвитраманналанд была известна даже арабам. Во всяком случае, великий Идриси хорошо знал название «Хвитраманналанд», которое он, возможно, слыхал во время своего случайного пребывания в Англии[2].

Рафн был убежден в том, что страна Хвитраманналанд находилась во Флориде. На этом основании он безоговорочно утверждает, что Ари, сын Марса, прибыл во Флориду «около 983 г.»[3] Джонсон также связывает с этим предположением приведенное выше индейское сказание. Хотя гипотеза Рафна и допустима, она совершенно недоказуема и отчасти неправдоподобна, так как Флорида лежит весьма далеко на юге. Автор придерживается того мнения, что если за названием «Хвитраманналанд» действительно стоит реальная страна, то она, видимо, находилась значительно севернее, в непосредственной близости к Винланду или Маркланду.

Кстати сказать, гипотеза о тождестве Хвитраманналанда с монастырским островом Аранмор позднее была отвергнута тем же исследователем, кото-

---

[1] G. N e c k e l, op. cit.
[2] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 95.
[3] C. C h r. R a f n, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 448, 463.

рый впервые ее выдвинул, а именно германистом Неккелем. Еще до Неккеля, в 1890 г. Гельцих в ходе крайне неудачных умозаключений, изложенных в гл. 104, высказал мысль, что рассказ о Хвитраманналанде, пожалуй, надо отнести к Ирландии. Автор не знает, не побудил ли Неккеля опубликовать его гипотезу об Аранморе именно этот домысел Гельциха. Во всяком случае, Некель считал это положение лишь рабочей гипотезой и не придавал ей, как он письменно уведомил автора, никакого значения, ибо она случайно пришла ему на ум. Ознакомившись с очерком автора о Хвитраманналанде от 1928 г., опубликованном в «Петерманнс Миттейлунген», Неккель заявил, что он «совсем не прочь» признать правильность того, что название страны могло быть придумано только *цветным* населением, и, следовательно, можно предположить, что таинственная земля действительно находилась только на Американском материке. «Название «Страна белых людей» и легенда о Брандане с ее Виноградным островом наводят на серьезные размышления». В опубликованном в 1934 г. втором издании своего труда Неккель, действительно, отказался от гипотезы об острове Аранморе. И все же она была позднее подхвачена Штехе, оставаясь по-прежнему лишенной правдоподобия в географическом, культурно-историческом и психологическом отношениях. Автор хотел бы упомянуть о том, что и Шеллгас, великолепный знаток древней Америки, исследователь культуры майя, после появления работы о Хвитраманналанде писал 19 мая 1928 г.: «Я полностью присоединяюсь к вашей аргументации».

Рафн сообщает, что на Фарерских островах, вплоть до его времени, «имела широкое хождение молва, будто Винланд впервые открыли добравшиеся туда на своих судах ирландцы, которые вели там войны»[1]. В таких древних народных преданиях исторического характера большей частью таится зерно истины. В опубликованном Рафном древнем народном эпосе «Carmen Faeroeicum» («Фарерская песня») события разыгрываются главным образом в Винланде. Это свидетельствует по меньшей мере о том, что жители Фарерских островов никогда не сомневались в реальности земель, находящихся по ту сторону океана. К ним относилась и загадочная Большая Ирландия.

Как бы мы ни ухищрялись в различных домыслах, все же приходится допустить, что Большая Ирландия, или Хвитраманналанд, должны были находиться *только* в Новом свете, в окружении цветного населения, которое позднее создало аналогичное по смыслу понятие «бледнолицых». Во всяком случае, не исключается вероятность того, что в Северной Америке в течение некоторого времени существовала колония ирландских христиан, возникновение которой на неизвестном месте и в неизвестное время было связано с плаваниями по океану благочестивых ирландских клириков. Довольно определенное указание Гумбольдта, что Хвитраманналанд должен был находиться на «южном побережье между Виргинией и Флоридой»[2], разумеется, лишено оснований и недоказуемо, если только, вопреки всем ожиданиям, какая-нибудь археологическая находка не подтвердит этой гипотезы.

[1] C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 319.
[2] А. Гумбольдт, Космос. Опыт физического мироописания, М., 1851, ч. II, раздел VI, стр. 220.

Гумбольдт, видимо, выдвинул такую гипотезу на основании сообщения Джонстона от 1819 г. о распространении среди индейцев предания, будто во Флориде некогда жили белые люди, владевшие железными орудиями труда[1].

В «Ландднамабоке» (надежном историческом источнике) приводится рассказ об Ари, сыне Марса, который долго жил в Хвитраманналанде, принял там крещение, но по неизвестной причине не смог покинуть эту страну. Здесь будет уместно поставить вопрос: можно ли представить себе, чтобы Ари, находясь на крохотном островке Аранмор, лежащем на виду ирландского побережья, «не смог уехать» оттуда и чтобы этот воинственный викинг позволил безоружным, презренным клирикам диктовать ему свои условия? В качестве свидетелей, знавших по слухам Хвитраманналанд, упоминаются исторические личности, которые можно опознать. Так, Храфн, лимерикский мореплаватель, согласно Нансену, был «исландским купцом-путешественником начала XI в.»[2], а в Торфинне, которому Храфн рассказывал всю эту историю, по данным Рафна[3], можно узнать ярла Оркнейских островов — Торфинна, сына Сигурда (1008—1064). Последний в свою очередь, говорят, сообщил этот рассказ Торкелю, сыну Геллирса, который был не кем иным, как дядей исландского историка Ари Фроде. Итак, можно, несомненно, считать, что эту необыкновенную историю «Ландднамабок» заимствовал из утраченного труда Ари Фроде. Этот автор, подобно тому как принято в «Ландднамабоке», нередко указывает на источники своих сведений. Ари подробно описывает от случая к случаю, какой свидетель доставил ему материал и как тот в свою очередь узнал о сообщенном факте.

Итак, на основании самых надежных исландских исторических источников можно, видимо, считать установленным, что уже около середины XI в. на Оркнейских островах ходили рассказы о Стране белых людей. Совершенно очевидно, что эта страна не могла находиться около Ирландии и Оркнейских островов и что ее название не имело отношения к процессии облаченных в белые одеяния священнослужителей. Страну Хвитраманналанд мы должны искать только на дальнем западе, где «белые люди» казались *исключением*. Привести неопровержимые доказательства в пользу этой гипотезы нельзя. Но если не отрицать априорно наличия в саге о Хвитраманналанде зерна исторической правды и не принимать ее за *чистейший* вымысел (против чего есть серьезные возражения), то исключается возможность любого иного толкования. Приходится делать выбор между предположением, что все предание — *простая сказка*, и гипотезой о существовании *христианской колонии в Северной Америке еще до норманнов*.

Если, по единодушному мнению специалистов, в ирландских сагах о плаваниях, несмотря на все сказочные черты, все же имеется историческое ядро (см. гл. 79), то почему же рассказ о заморской стране на западе, который был известен в Ирландии, на Оркнейских островах, в Исландии

[1] J. Johnston, Account of the present state of the Indian tribes inhabitating Ohio, «Archaeologia Americana», 1819, v. I, p. 273, 276.
[2] F. Nansen, op. cit., S. 382.
[3] C. Chr. Rafn, op. cit., S. 212.

и Гренландии, должен считаться лишенным всякого реального основания. Во всяком случае, тот факт, что «белые люди», или «бледнолицые», были замечены на Американском материке, когда они с пением и «флагами» на «шестах» принимали участие в ритуальном шествии, представляется неизмеримо более правдоподобным, чем маловразумительное предположение, будто христианская процессия могла показаться в Европе необычной и диковинной, вызвав толки во всем европейском мире от Ирландии до Гренландии.

Но прежде всего страна, где в белые одежды облачались только во время процессий (стало быть, редко), никогда не могла называться Страной белых людей.

Против такого объяснения говорят соображения психологического порядка, и обходить их нельзя.

Исландский полярный исследователь Стефанссон в своем докладе на заседании Пенсильванского исторического общества в Питтсбурге 19 апреля 1935 г. высказал мнение, что «Туле» Дикуила была также Северной Америкой, а не Исландией. Отождествляя Туле с Хвитраманналандом, Стефанссон утверждает даже, что с 1120 по 1528 г. там находилась резиденция епископа! В Европе оригинал доклада Стефанссона, видимо, остался неизвестным, хотя его смелая догадка дословно записана[1]. Гипотеза Стефанссона не имеет под собой твердой основы, поскольку она аргументируется совершенно ложными предпосылками: «Открытие Исландии было одновременно открытием Северной Америки, так как из Исландии можно видеть Гренландию, а из Гренландии — следующий остров и так далее, пока взору не откроется материк».

Это утверждение не соответствует истине, и гипотезу Стефанссона следует отвергнуть. Автор не видит никаких оснований толковать на свой лад ясное сообщение Дикуила.

В заключение следует сказать несколько слов по вопросу о том, могли ли ирландские суда в эпоху раннего средневековья совершать дальние плавания по океану. Один американский ученый на основании тщательного изучения вопроса высказал по этому поводу следующее мнение: «Ирландские суда того периода имели достаточный тоннаж, чтобы успешно совершить подобное путешествие [в Ньюфаундленд!]. Они были даже лучше приспособлены для дальнего плавания под парусами, нежели суда Колумба»[2].

Итак, имелись, пожалуй, предпосылки для *основания* ирландской колонии в Америке, но не для ее длительного *существования*. Пополнение колонии переселенцами с родины было невозможно, особенно после 1171 г., когда начался захват Ирландии Англией.

---

[1] «Times», April, 20—21, 1935.

[2] L. S p e n c e, The origin of american man, «Quarterly Review», 1925, № 244, p. 299.

ГЛАВА 84

ОБМЕН ПОСОЛЬСТВАМИ МЕЖДУ КАРЛОМ ВЕЛИКИМ И ХАРУН-АР-РАШИДОМ

(797—807 гг.)

Карл находился в столь дружественных отношениях с царем персов Аароном [Харуном], правившим почти всем Востоком, за исключением Индии, что тот предпочитал благосклонность Карла дружбе всех царей и властителей Земного круга и считал своим долгом одному ему воздавать высокие почести и подносить дары. Когда посланцы Карла, направленные с дарами ко святому гробу Господа нашего и Спасителя и к месту его воскресения, прибыли также к Аарону и доложили ему о желании своего повелителя, то Аарон не только дал согласие на просимое, но и предоставил в полное распоряжение короля указанные святые и приносящие исцеление места. Когда послы возвращались на родину, Аарон направил вместе с ними своих посланцев и, кроме одежд, благовоний и прочих драгоценностей Востока, послал королю особо богатые подарки; а за несколько лет до этого он, по просьбе короля, отослал ему единственного бывшего тогда в его распоряжении слона[1].

* * *

Находясь в Павии, император Карл получил известие, что послы царя Аарона прибыли из Персии в гавань Пизы. Карл распорядился встретить посланцев и приказал им представиться ему между Верчелли и Эпорегией [Ивреа]. Один из них, перс с Востока, был послом упомянутого царя, другой — ибо их было двое — африканский сарацин, был послом эмира Абрахама, властителя Фоссате [Фес], граничащего с Африкой. Сарацин доложил, что иудей Исаак, направленный императором 4 года назад вместе с послами Лаутфридом и Зигмундом к царю персов, находится на обратном пути. Лаутфрид и Зигмунд оба умерли по дороге. Ввиду этого император послал в Лигурию нотариуса Эрканбальда,

---

[1] Einhard, Vita Caroli Magni, cap. 16, «Monumenta Germaniae historica», SS II, p. 451. [Эйнгард (около 770—840) — знаменитый франкский историограф и один из виднейших политических деятелей Каролингского возрождения, член Дворцовой академии Карла Великого. Самый замечательный его труд — «Жизнь Карла Великого», которую цитирует Хенпиг. Из современных изданий см. Einhard, Vie de Charlemagne, Paris, 1923.— *Ред.*]

чтобы распорядиться об отправке флотилии для оказания помощи в перевозке слона и всего того, что вообще еще ожидалось... В октябре сего года [801 г.] иудей Исаак вернулся со слоном из Африки и вошел на корабле в гавань Венеры [Порте-Венере, между Генуей и Ливорно]. Но так как перейти через Альпы Исаак уже не мог из-за снегов, то он перезимовал в Верчелли...

19 июля сего года [802 г.] Исаак со слоном и прочими дарами царя персов прибыл в [Ахен] и передал их императору. Слон носил имя Абулабаз...

...Посол императора Радберт умер на обратном пути с Востока [807 г.]. Посол царя персов, по имени Абделла [Абдулла], явился к императору вместе с монахами, прибывшими из Иерусалима по поручению патриарха. Одного монаха звали Григорием, другого — Феликсом. Абделла привез подарки, которые упомянутый царь приказал передать императору: потешную палатку и занавеси для преддверия необычайной величины и красоты. Все 12 занавесей, как и шнуры, были пестро раскрашены. Кроме того, императору было преподнесено множество драгоценных шелковых одежд, благовоний и мазей, а также бальзам. Среди подарков были и бронзовые часы чрезвычайно искусного устройства. Ход 12 часов приводился в движение водяным механизмом с таким же числом железных шариков, которые по истечении каждого часа опускались вниз, звонко ударяясь о прикрепленный под ними металлический тазик. В конце каждого часа 12 рыцарей выезжали из 12 окошечек и, передвигаясь, открывали такое же число закрытых до этого окошечек. Много было еще и других диковинок в тех часах, которые пересказать было бы трудно. Кроме того, среди подарков было два бронзовых подсвечника, необычайных размеров и формы. Все это было доставлено императору в Ахенский дворец. Император держал некоторое время посла и монахов у себя при дворе, а затем позволил им уехать в Италию, где они должны были дождаться удобного для переезда времени...

...Во время пребывания там [в Липпехаме, в 810 г.] императора неожиданно пал слон, присланный ему царем сарацинов Аароном[1].

* * *

Посол царя персов, по имени Абдалла, и Георгий, настоятель монастыря на горе Оливети [Масличная гора] прибыли вместе с монахами из Иерусалима к императору Карлу и принесли ему дары[2].

---

[1] Einhard, Annales ad annos 801 et 802.

[2] «Annales Xantenses ad annum 807». См. «Monumenta Germaniae historica», SS II, p. 224.

* * *

Персы же поднесли императору в дар слона, а сверх того обезьян, бальзам, нард, различные мази, красители, меха, всякие лекарства — все в таком изобилии, словно они хотели опустошить Восток и наполнить Запад.

Неутомимый Карл послал царю персов еще гирканских лошадей и мулов, фризские платки белой, серой, пестрой и голубой расцветки, которые, как он слышал, в тех краях считаются редкостью и очень высоко ценятся, а также необычайно быстрых и свирепых собак, которых тот царь сам изъявил желание иметь для охоты на львов и тигров[1].

Путешествия в дальние страны, предпринимавшиеся в дипломатических и политических целях, были нередким явлением еще в древности и в раннем средневековье (см. т. I, гл. 44 и 48). Император Карл Великий неоднократно направлял своих послов в довольно отдаленные края. Так, по свидетельству Эйнгарда, он «часто» обменивался посольствами с восточноримским императором в Константинополе[2]. Особый интерес для истории культурных связей представляют две миссии, посланные в Багдад ко двору правившего в те времена знаменитого халифа Харун-ар-Рашида (786—809). Ответное посольство халифа, которое прибыло в июле 802 г. в Ахен и доставило много невиданных даров, в том числе живого слона, было для тогдашнего Запада необычайной сенсацией. Авторы популярных исторических книг любят приводить это событие в доказательство того, что слава императора Карла донеслась даже до далекого халифата. Такое мнение, действительно, не лишено оснований, хотя в интересах истины следует подчеркнуть, что инициатива в обмене посольствами и установлении дружественных отношений исходила от императора Карла, а не от Харун-ар-Рашида.

Изложение событий у Эйнгарда страдает, к сожалению, известным схематизмом, взаимосвязь показана лишь в общих чертах, а не в деталях. Видимо, император франков отправил в 797 г. двух своих приближенных — Лаутфрида и Зигмунда—в Иерусалим, а оттуда в Багдад, чтобы просить государя, властвующего над Святой землей, обеспечить особую охрану гроба господня. Послов сопровождал — вероятно, в качестве переводчика — иудей Исаак. Владевшие иностранными языками иудеи нередко использовались в те времена как переводчики (см. гл. 98). Они, очевидно, знали и арабский язык, который могли изучить во время своих торговых поездок в восточные страны (см. гл. 114). Оба посла умерли в пути, но Исааку удалось вернуться в Европу и доставить императору дары халифа, среди которых был знаменитый Абулабаз — первый слон, попавший в страну франков.

Последствия посольства в Иерусалим и в Багдад ощущались еще в течение 4 лет (799—802 гг.). Сначала из Иерусалима прибыли монахи, якобы

---

[1] «Monachi Sangallensis gesta Karoli», lib. II, p. 8 (и след.); lib. II, p. 752.
[2] Einhardt, Vita Caroli Magni, cap. 28.

привезшие императору реликвии, о которых он просил[1]. В ответ на эту любезность патриарха Иерусалимского император направил к нему некоего священника Иоанна, который возвратился уже в 800 г., когда Карл Великий находился в Риме.

Что же касается ответа из Багдада, то его пришлось ждать целых 4 года. Лишь в 801 г., когда император находился в Ломбардии, ему стало известно, что его послы скончались и что Исаак возвращается по Средиземному морю, везя в дар слона. Одновременно он смог приветствовать и ответных послов халифа. Карл Великий вернулся в Ахен, прежде чем корабли, высланные им для сопровождения посольства и даров, возвратились в Пизу. Кстати сказать, перевозка слона по морю была значительным достижением для того периода. Начавшаяся зима не позволила переправить это животное через Альпы. Поэтому прошло еще 9 месяцев, прежде чем ценные дары наконец были преподнесены императору в Ахене. Появление там слона, конечно, было делом неслыханным. О последовавшей через 8 лет смерти животного Эйнгард сообщает как о важном государственном событии. Даже через 25 лет после прибытия слона монах Дикуил в далекой Ирландии все еще рассказывает об этом происшествии[2].

Удовлетворительный исход обмена посольствами побудил императора отправить вторую миссию в Багдад к своему новообретенному «другу» Харун-ар-Рашиду. Посольству этому предстояло осуществить старую мечту императора — добиться прав владения гробом господним в Иерусалиме. По мнению Ранке, речь шла не о «территориальных» уступках в собственном смысле слова, а о том, чтобы «императору было разрешено свободное сообщение с Иерусалимом без контроля со стороны арабского суверена эмира ал-Муминина»[3]. Халиф, которому были преподнесены весьма редкостные и ценные дары, исполнил просьбу императора и ответил еще более богатыми подарками. Глава второго императорского посольства Радберт тоже скончался в дороге.

Связь между миссией в Багдад и обстановкой в Иерусалиме при втором обмене посольствами становится еще более ясной, чем при первом. Уполномоченные Карла прежде отправились к патриарху в Иерусалим и уж от него к халифу в Багдад, а ответное посольство Харун-ар-Рашида даже сопровождалось иерусалимскими монахами, которые должны были доставить к императорскому двору послание патриарха.

Так сложились в этот период дружественные отношения между могущественнейшими и известнейшими повелителями христианского и мусульманского миров, которые, к сожалению, не получили никакого развития в дальнейшем из-за последовавшей вскоре смерти Харун-ар-Рашида (24 марта 809 г.). Наоборот, отношения между христианством и исламом стали все более обостряться, а начиная с XI в. крестовые походы на много столетий разделили их глухой стеной ненависти и вражды.

---

[1] Einhardt, Annales ad annum 799.
[2] Dicuil, De mensura orbis terrae, ed. G. Parthey, Berlin, 1870.
[3] L. Ranke, Weltgeschichte, Leipzig, 1881—1889, B. IV, S. 444.

Поучительно проследить за тем, как в скором времени связи императора Карла с Востоком нашли свое отражение в народном творчестве. Через 80 лет после рассмотренных событий некий безымянный монах из Санкт-Галлена написал в 883 г. свою летопись, основываясь на рассказах бывшего воина императора Карла — престарелого Варимберта. Этот хронист привносит уже некоторые сугубо легендарные элементы: император Карл якобы сам мечтал отправиться к гробу господнему, а халиф-де хотел подарить ему всю Святую землю, что бы он правил ею по своему усмотрению

В цитатах из оригинальных текстов приводится лишь один абзац из Санкт-Галленской хроники, представляющийся исторически достоверным. Через 100 лет это событие приобретает более легендарный характер и мы узнаем, что Карл Великий предпринял путешествие в Иерусалим, встретился там с Харун-ар-Рашидом и затем оба государя отправились в Александрию![1]

Вот какое смятение в умах последующих поколений вызвали отношения, завязанные императором с легендарными странами Востока.

Присылка слона в подарок чужеземному повелителю находит себе параллель в прибытии такого же животного из Индии в Византию в 554 г. в виде дара императору Юстиниану. Однако в противоположность мирному ахенскому Абулабазу индийский слон причинил своей второй родине серьезные неприятности: однажды весенней ночью он вырвался из клетки и перебил множество людей[2].

В прошлом делались попытки без достаточных на то оснований отрицать историческую достоверность данных Эйнгарда, поскольку в летописях халифата ни единым словом не упоминается об императоре Карле и его дружбе с Харун-ар-Рашидом. Подобное недоверие явно неоправданно. Вайль дает убедительное объяснение причин, по которым в арабских летописях замалчивались связи между Харун-ар-Рашидом и Карлом Великим: «Видимо, они [мусульманские летописцы] боялись упоминать о союзе между славившимся своей правоверностью халифом и одним из злейших врагов ислама»[3].

Если дело обстояло именно так, то Харун-ар-Рашид доказал этим союзом, что он был не просто халифом, то есть духовным главой мусульман, но и поистине крупным политическим деятелем, отличавшимся дальновидностью.

Его дальновидность проявилась в том, что, направляя своих послов на запад до Ахена, он в то же время поддерживал дипломатические отношения с двором китайского императора. В китайских государственных летописях за 798 г. отмечено прибытие посольства «Галуна» [Харуна][4].

---

[1] «Benedicti Sancti Andreae monachi Chronicon» (X в.), cap. 23. См. «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS III, p. 707 (и след.).

[2] «Anastasii historia ecclesiastica ex Theophane». ed. B. G. Niebuhr, Bonn, 1841, t. II, p. 104. [«Церковная история по Феофану» составлена библиотекарем Ватикана Анастасием (IX в.).— *Ред.*].

[3] G. W e i l, Geschichte der Khalifen, Mannheim, 1848, B. II, S. 163 (примечание).

[4] H. J. K l a p r o t h, Tableaux historiques de l'Asie, Paris — Stuttgart, 1826, p. 218.

ГЛАВА 85

ИНДИЙСКИЙ КУПЕЦ В ЯПОНИИ

(799 г.)

В этом месяце [то есть в 7-м месяце XVIII г. Энряку, или в августе 799 г.] море принесло к берегу провинции Микава человека, потерпевшего кораблекрушение. Спину его покрывал кусок полотна, и была на нем набедренная повязка. Кимоно у него не было. Через левое плечо был переброшен кусок синего полотна, напоминающий перевязь священнослужителя. Ему было около 20 лет, рост его достигал 5,5 фута. Длина ушей превышала 3 дюйма. Чужестранец не мог объясняться на нашем языке, и нельзя было узнать, из какой он страны. Все китайские гости говорили, что этот человек из Конрона[1]. Впоследствии он научился хорошо разговаривать по-китайски. Сам он называл себя человеком из Тэндзику[2]. Он умел играть на однострунной цитре, в песнях его звучали грусть и тоска. Когда осматривали его вещи, нашли нечто вроде семян травы. Он сказал, что это семена хлопчатника. Согласно его желанию, ему разрешили поселиться в Сэнгэндзи (?). Он продал свое имущество и поставил дом вблизи дороги на западной окраине. Там он давал приют нуждавшимся и заботился о них. Позднее он переселился в кокубундзи[3] провинции Оми[4].

Хотя индийские миссионеры начиная с VI в. много раз искали и находили путь в Японию (гл. 73), эта островная страна, видимо, еще долго оставалась закрытой для чужеземных купцов. Впрочем, иногда иностранцы все же попадали на Японские острова — почти всегда помимо своей воли — как потерпевшие крушение. Муссоны, тайфуны и аналогичное нашему Гольфстриму морское течение Куро-Сиво [Черное течение], очевидно, нередко забрасывали в Японию мореплавателей, державших курс в Китай или возвращавшихся оттуда, тем более что Куро-Сиво берет начало к востоку от Филиппин,

---

[1] Конрон, согласно письменному сообщению переводчика вышеприведенного отрывка проф. Раммингa,— мифические горы Центральной Азии, соответствующие Куньлунь китайских хроник; согласно одному источнику Конрон был собирательным названием для всех народов, живших к югу от Риню, древнего государства в Аннаме [Трунбо].

[2] Тэндзику — Индия.

[3] Кокубундзи — главный храм провинции.

[4] Сборник «Рикокуси», под редакцией Саёки Ариёси, изд. Асаки Симбунся, Осака, 1929, т. 5, «Нихон-Коки».

неподалеку от острова Лусон, то есть в непосредственной близости от издревле освоенных морских путей в Китай.

Так, например, японские хроники сообщают, что еще в 654 г. в Японии однажды высадилось четыре человека, потерпевших кораблекрушение[1]. Подобный же случай был отмечен и в 657 г., причем говорится[2], что «выброшенных на берег волнами и ветром чужеземцев» доставили в столицу к самому императору «на почтовых лошадях». Далее, в 753 г. в Японию якобы прибыл человек из какой-то не поддающейся идентификации области Индокитая[3]. Итак, подобные происшествия случались, очевидно, нередко.

Однако одно из них выделяется среди других тем, что благодаря ему японцы познакомились с хлопком. Вот что пишет по этому поводу историк индийского мореплавания Мукерджи:

«Индия внесла свой вклад не только в религиозную жизнь Японии, но и в ее индустриализацию. В официальных японских документах сообщается, как 1100 лет назад хлопок был привезен в Японию двумя индийцами. В VIII томе «Нихон-Коки» сообщается о том, что в июле 799 г. к южному берегу японской провинции Микава прибило небольшую лодку с чужестранцем. Сам он назвал себя человеком из Тэндзику, как называли тогда в Японии Индию. Среди его товаров нашли нечто, напоминавшее семена травы, которые при проверке оказались не чем иным, как семенами хлопчатника. Далее, в 199-й главе «Руйдзукокуси» (другая официальная хроника) сообщается, что в апреле 800 г. к берегам Японии принесло человека из Куньлуня и что привезенные им семена хлопчатника были посеяны в провинциях Кии, Авадзи, Сануки, Дзийо, Тоса и Кюсю. Этих двух записей достаточно, чтобы убедиться, что хлопок был завезен в Японию индийцами, которых Черное течение, к их несчастью, пригнало в эту страну»[4].

В связи с этим следует заметить, что упомянутый выше сборник «Руйдзукокуси» до сих пор недоступен европейским исследователям, не переведен ни на один европейский язык и поэтому не мог быть использован автором. Второй сборник «Нихон-Коки» с недавних пор имеется в Берлинской государственной библиотеке. Проф. Рамминг из Института японоведения оказал автору очень большую услугу; просмотрев эти документы по его просьбе и сделав приведенный выше перевод. Пользуясь случаем, автор выражает свою глубочайшую признательность за оказанную помощь.

«Нихон-Коки» («Новые японские летописи») — это древняя японская хроника, написанная в 841 г. Фудзикарой; «Руйдзукокуси» («Национальная история, изложенная по категориям») составлена Сугахарой в 893 г.[5] Предположение Мукерджи, что индийские купцы, потерпевшие кораблекрушение дважды (в июле 799 г. и в апреле 800 г.) попадали в Японию, нуждается в по-

[1] «Nihongi», ed. K. Florenz, Tokio, 1894 (книги 25, 66).

[2] Ibidem (книги 30, 11).

[3] G. Ferrand, Le K'ouen Louen et les anciennes navigations interocéaniques dans les mers du sud, «Journal Asiatique», 1919, t. 13, p. 321.

[4] R. Mookerji, Indian shipping, Bombay, 1912, p. 174.

[5] K. Florenz, Japanische Annalen A. D. 592—697: «Nihongi», Tokio, 1903 (введение).

правке. Речь, несомненно, идет об одном и том же случае, причем следует уточнить и называемые Мукерджи месяцы, поскольку 7-му месяцу японского календаря соответствует не июль, а август. По тем же соображениям апрель 800 г. нужно исправить на май. Согласно разъяснению, любезно присланному автору 11 июля 1936 г. из Института японоведения, расхождение в датах может быть истолковано на основе «Кокуси Дайнэмпё» («Большая хронологическая таблица истории Японии») следующим образом: в 799 г. к берегам Японии прибило потерпевших крушение индийцев, а через 9 месяцев «привезенные семена хлопчатника были подарены провинциям Кии, Авадзи, Ава и Тоса».

Остается неизвестным, был ли то первый индийский купец, попавший в Японию против своей воли и обосновавшийся затем в этой стране.

Событие 799 г. имело большое значение для Японских островов, так как семена, привезенные потерпевшим кораблекрушение купцом, послужили первым толчком к распространению хлопководства[1]. Впрочем, эти ранние контакты двух различных культур не привели к установлению постоянных торговых связей между Индией и Японией.

---

[1] T a k a k u s u, What Japan owes to India, «Journal of the Indo-Chinese Association». January, 1910.

ГЛАВА 86

СВ. АНСГАР В ШВЕЦИИ

(830/31 и 849—852 гг.)

Затем случилось так, что на короля Гериольда, правившего одной частью Дании, напали охваченные ненавистью и враждой остальные властители этой страны и изгнали его из королевства. Тогда он отправился к благородному императору Людовику и просил того оказать ему содействие в возвращении престола. Император оставил Гериольда при своей особе, причем непосредственно и через других лиц уговаривал его принять христианство, давая понять, что между ними возможны более тесные узы дружбы и что христиане гораздо охотнее придут на помощь ему и его роду, если все они будут поклоняться *одному* богу... [Над королем совершается обряд крещения.] Желая помочь ему вернуться на родину и вновь занять свой престол, император приложил старания, чтобы найти крепкого верой, готового на мученический подвиг мужа, который отправился бы вместе с Гериольдом и постоянно состоял бы при нем, дабы провозглашать святое христианское вероучение, укреплять в вере его самого и его род, просвещать и наставлять их... [Настоятель Корвейского монастыря Вала рекомендует императору монаха Ансгара, к которому присоединяется в качестве добровольного спутника брат Аутберт.]

Обоих привели к императору. Тому весьма понравилось их рвение и добрая воля, и он дал им церковную утварь, алтари, шатры и другие средства, в которых они нуждались для столь дальнего путешествия. Затем он поручил им сопровождать Гериольда и неустанно печься о его вере... С ними не было сподвижников, ибо никто из братьев по обители не пожелал добровольно отправиться в путь, а настоятель не захотел никого принуждать. Гериольд же, попечению которого их вверили, был обращен в христианскую веру совсем недавно, а потому не знал, как подобает обходиться со слугами господними. Свита короля также мало заботилась о них, ибо она тоже лишь недавно приняла христианство и была воспитана в совсем ином духе. Преодолевая на пути своем большие трудности, они добрались до Кёльна, где высокопреподобный епископ Гадебальд, сжалившись над их бедственным положением, подарил им прекрасный корабль, дабы они разместили на нем все свое имущество. На корабле были оборудованы две удобные каюты. Когда Гериольд увидел корабль, он решил, что

сам воспользуется им и поедет вместе с монахами; он занял одну каюту, а они — другую.

...Выехав из Кёльна, они миновали Дорестад[1] и соседнюю Фрисландию и оказались в краях, расположенных вблизи датской границы. Поскольку король Гериольд не чувствовал себя в полной безопасности в своих владениях, император даровал ему земли по эту сторону Эльбы[2], чтобы он мог в случае надобности найти там убежище... [Ансгар и Аутберт в течение трех месяцев подвизаются в качестве миссионеров в Дании. Слабый здоровьем Аутберт возвращается затем в Корвей, где вскоре и умирает (в 829 г.); Ансгар остается один в Дании.]

Меж тем прибыли к императору Людовику послы, имевшие к этому милосерднейшему из всех государей различные поручения, и среди них следующее. По их словам, многие из их народа жаждут воспринять христианское вероучение. Король их также настроен к христианству отнюдь не враждебно и готов разрешить пребывание христианских священнослужителей в своей стране. Поэтому просят они, чтобы император оказал милость и направил к ним священников, которые удовлетворили бы их стремления... По императорскому приказу Ансгар был вызван ко двору, и было ему велено не стричь бороды, пока не явится к императору... [Император посылает Ансгара миссионером в Швецию. Монах Витмар вызывается сопровождать его.]

О том, каких тяжких страданий натерпелся Ансгар, лучше может рассказать отец Витмар, который, как уже было сказано, сам участвовал в этом плавании. Я же ограничусь сообщением, что примерно посредине пути они столкнулись с морскими разбойниками. И хотя торговые люди, плывшие вместе с ними, храбро защищались и поначалу даже одержали победу, все же во второй стычке разбойники их разгромили, так что они лишились своих кораблей со всем добром и с великим трудом добрались до берега, чтобы спастись там бегством. При этом они утратили императорские дары, которые намеревались привезти в Швецию, а также почти все свое имущество...

После того совершили они весьма долгий и трудный пеший переход, переплывая на лодках встречавшиеся на пути моря [внутренние озера], и прибыли наконец в портовый город шведского королевства, называющийся Бирка[3]. Здесь их милостиво принял король Берн [Бьёрн], которому вернувшиеся послы доложили о причинах появления священников. Узнав о целях их путешествия и посовещавшись со своими приближенными,

---

[1] В те времена крупный торговый центр; Дорестад идентичен современному городу Вейк-бей-Дюрстеде.

[2] Графство Риустри (Рюстринген) во Фрисландии.

[3] Бирка на озере Меларен была в то время столицей страны.

король со всеобщего согласия разрешил им остаться в стране и проповедовать евангелие...

Пробыв у шведов полтора года, оба слуги господни возвратились к великому императору в убеждении, что своей миссией они заложили прочные основы веры, и привезли письменное послание, собственноручно составленное королем по обычаю его страны...[1]

Ансгар не упускал случая навестить Горика [Эйрика], правившего тогда всей Данией, и старался расположить его к себе подарками и всяческими услугами, дабы тот разрешил им проповедовать христианство в этой стране. Несколько раз он ездил к нему и как посол короля [Германии]...

В то время овладело господином и отцом нашим Ансгаром сострадание к народу Швеции, оставшемуся вовсе без духовного пастыря, и стал он просить короля Горика, своего близкого друга, чтобы тот помог ему перейти границы страны. Король весьма благожелательно принял его просьбу и обещал ему всяческую поддержку... [Поскольку не удается найти другого миссионера для Швеции, Ансгар сам решается вторично отправиться в эту страну, причем король Людовик Немецкий дает ему поручения, а датский король — письмо к королю Швеции.] Он совершил эту поездку и после 20-дневного плавания по морю прибыл в Бирку, застав короля и народ, погрязшими в заблуждениях и предрассудках. Находясь в крайне стесненном положении, он последовал полученному им совету и пригласил короля в свое пристанище. Здесь он устроил пиршество, преподнес ему богатые дары и поведал о цели своего приезда... Королю Олафу понравились его искренность и доброта, а также полученные подарки, и он заявил, что охотно выполнит его желания[2].

* * *

В то же время прибыл Гериольд со своею супругой и множеством датчан; он принял крещение вместе со своей свитой в соборе св. Альбана в Майнце, и император щедро одарил его, после чего он возвратился в свои земли, снова избрав путь через Фрисландию[3].

---

[1] То есть написанное рунами.

[2] Rimbert, Vita St. Anskarii, cap. 7—25, «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS II, p. 683. [«Жизнь святого Ансгара» составлена учеником франкского монаха Ансгара — Римбертом (876 г.). Хенниг пользуется многотомным изданием средневековых источников, получившим название «Monumenta Germaniae historica» («Немецкие исторические памятники»), которое стало выходить с 1824 г. под руководством историка Г. Перца. Издание продолжается и в наше время. См. А. Д. Люблинская, указ. соч., стр. 350—351.— *Ред.*]

[3] Einhard, Annales ad annum 826, «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS I, p. 214.

* * *

Упомянутому сыну нашему Ансгару и преемникам его предоставляем мы право публично проповедовать слово Божие среди всех народов шведских и датских, но не славянских, и во всех землях, принадлежащих им, если проявится там Божия милость...[1]

Король Дании Гаральд Клак в 814 г. был изгнан из своих владений сыновьями его предшественника по престолу Готфрида. В поисках помощи он в 826 г. явился в Ингельгейм к императору Людовику Благочестивому и встретил там дружеский прием. Вместе с тем были приложены всяческие старания обратить Гаральда в христианство. Поскольку нельзя было добиться поддержки иным способом, датский король принял христианство по сугубо политическим соображениям, и в июне над ним был совершен в близлежащем Майнце обряд крещения. Впрочем, религиозное рвение Гаральда, по всей вероятности, внушало серьезные опасения. Поэтому и велись поиски постоянного духовного наставника для короля, который и был найден в лице корвейского монаха Ансгара, добровольно вызвавшегося отправиться с Гаральдом в Данию и проповедовать там христианскую веру. Сначала король отнюдь не был в восторге от того, что к нему приставили духовного надзирателя, и обращался с Ансгаром крайне неуважительно. Гаральд не мог отказаться от двух навязанных ему в спутники монахов, поскольку такова была воля императора, от которого он надеялся получить помощь. Однако король так мало заботился о подобающем устройстве монахов в своей свите, что архиепископу города Кёльна пришлось принять меры, чтобы обеспечить своим братьям по вере приличествующие их сану условия передвижения. Это произошло, когда датчане во время обратного плавания по Рейну остановились в Кёльне. Остается, впрочем, неясным, почему император сам не позаботился об организации поездки назначенных им духовных спутников Гаральда.

Ансгар родился 9 сентября 801 г.[2], и ему, следовательно, в то время было уже 25 лет. Он добрался вместе со свитой Гаральда от Нижнего Рейна по суше через Фрисландию в Шлезвиг, тогдашнюю столицу Дании. Однако проповеднику не удалось обосноваться надолго в этой стране, так как уже в 827 г. Гаральд Клак вновь был изгнан, и Ансгару поневоле пришлось уйти вместе с королем во фризскую область Риустри [Рюстринген], уступленную датскому королю императором Людовиком[3]. Однако Ансгар, видимо, постоянно опекал возникшую тем временем в Дании христианскую общину и сам продолжал вести миссионерскую деятельность в этой стране.

---

[1] Из грамоты папы Григория IV от 15 мая 834 г. об учреждении архиепископства Гамбургского. См. G. D e h i o, Geschichte des Erzbistums Hamburg—Bremen, Berlin, 1877, B. I (и след.). Уточненный вариант текста см. J. M. L a p p e n b e r g, Hamburgisches Urkundenbuch, Hamburg, 1842, B. I, S. 10 (и след.).

[2] G. D e h i o, Geschichte der Erzbistums Hamburg—Bremen, Berlin, 1877, B. I, S. 64.

[3] Статья Шеля. См. «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1932, S. 286.

Как бы то ни было, Ансгар так прекрасно зарекомендовал себя, что в 831 г. император избрал его для выполнения еще более важной миссии, благодаря чему он, собственно, и вошел в историю. Монаху предстояло отправиться в качестве миссионера в Швецию и возвестить там учение Христа. Он решил отплыть на купеческом корабле в тогдашнюю столицу Швеции, «гордую старинной славой»[1] Бирку, которая одновременно была крупнейшим торговым центром[2]. Бирка находилась на острове Бьёркё посреди озера Меларен и, как показали недавние раскопки, была обнесена большим валом[3]. В этих целях около 10 ноября 831 г. в Диденхофене архиепископ Дрого Майнцский рукоположил Ансгара в епископский сан[4]. Вскоре епископ совершил намеченное путешествие, во время которого ему угрожала смертельная опасность, так как корабль подвергся нападению пиратов и был захвачен ими. Ансгар и его спутник с трудом выбрались на берег и лишились всего имущества, но им все же удалось дойти до Бирки по суше, переправившись через озера Веттерн и Веперн. Там епископ оставался в течение полутора лет, добился значительных успехов и в 832 г. возвратился в Германию.

Здесь Ансгара ожидали заслуженные почести. С согласия всего высшего духовенства император Людовик назначил его первым архиепископом во вновь учрежденное архиепископство Гамбургское. 15 мая 834 г. папа Григорий IV (827—844) утвердил Ансгара в сане и одновременно назначил его папским легатом во всей Северной Европе, включая Скандинавские страны. Чтобы не оставлять молодую христианскую общину в Бирке без священника, туда был послан епископом некий Гаузберт. Он добился сначала заметных успехов и построил церковь в Сигтуне, ставшей впоследствии столицей страны; однако по неизвестной причине и без ведома короля епископ был изгнан простонародьем из страны. Это произошло в том же 837 г., когда Гамбург был разграблен и дотла сожжен норманнами, после чего Ансгару пришлось перенести свою резиденцию в Бремен.

Чтобы дать нового духовного пастыря осиротевшей и близкой к гибели христианской общине, Ансгар в 839 г. послал в Швецию благочестивого отшельника Ардгара, который, однако, оставался там лишь несколько лет и затем возвратился в Германию. Тогда Ансгар решил, что необходимо его личное вмешательство, и в 849 г. снова отправился в Швецию морским путем. На это решение его подвигли прежде всего слова Исайи:

---

[1] S a x o G r a m m a t i c u s, Gesta Danornm, X, 502, ed. Holder, Strassburg, 1902, p. 339. [«История Дании» написана во второй половине XII в.—*Ред.*]

[2] Слово «бирк» на древнешведском языке означает «торговец». Следовательно, слово «Бирка», очевидно, нужно расшифровывать как «торговое место», то есть так же, как феакийскую Схерию в Одиссее (R. H e n n i g, Die Geographie des homerischen Epos, Leipzig, 1934, S. 66) или египетский Асуан (A. E r m a n, Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, S. 592). Город, вероятно, был похож на сохранившуюся поныне деревянную крепость Бульверкет на озере Тингстеде (остров Готланд).

[3] S t o l p e, Grafundersökningar pa Björkö, «Tidskrift för Anthropologi og Kulturhistoria», B. I. План города Бирки см. O. M o n t e l i u s, Kulturgeschichte Schwedens, S. 275.

[4] G. D e h i o, op. cit., B. I, S. 64.

«Слушайте Меня, острова, и внимайте народы дальние: Господь произвел Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое»[1].

Разделяя общепринятое в те времена ошибочное представление, якобы Скандинавия является огромным островом в океане, Ансгар отнес это библейское изречение на свой счет. Он полагал, что обязан еще раз лично позаботиться о насаждении христианства в Швеции.

На этот раз плавание прошло без всяких осложнений. Однако в самой Бирке он столкнулся с гораздо большими трудностями, чем в свой первый приезд, так как новый король Эйрик Сегерселл держался сначала недружелюбно. Как известно, правители Швеции до 1008 г. были язычниками. Только благодаря подаркам Людовика Немецкого и его собственноручному посланию шведский король сменил гнев на милость. К тому же произошло несколько счастливых случайностей, которые помогли Ансгару укрепить свое влияние в народе и получить разрешение проповедовать христианство и строить новые церкви.

Хотя точных сообщений о продолжительности вторичного пребывания Ансгара в Швеции нет, можно полагать, что он находился там около трех лет, то есть дольше, чем в первый раз. Когда епископ в 852 г. возвратился в Бремен, в Бирку направили священника Арнфрида, который подвизался там не менее трех лет, но заболел и вынужден был вернуться в Германию. Преемником Арнфрида был назначен пресвитер Рагемберт. Однако еще по пути в Шлезвиг, «где находились корабли купцов, которые должны были его сопровождать», пресвитер подвергся нападению датских пиратов и был убит. Вместо него в Швецию отправился некий Римберт, которого *не следует* отождествлять с носившим то же имя биографом и преемником Ансгара на архиепископском престоле. Римберт провел там много лет и добился больших успехов. В последующие годы Ансгар по мере возможности поддерживал связи со Швецией. Сохранилось, например, послание, направленное им в 862 г. шведскому королю Олафу[2].

В преклонном возрасте Ансгар, видимо, уже не выезжал из своей резиденции. Он скончался 3 февраля 865 г., на 64-м году жизни.

Преемник Ансгара Римберт написал прекрасную биографию «северного апостола». Значение этого труда выходит далеко за рамки его основной задачи. Наряду с рассказом о путешествии Вульфстана (см. гл. 94), несколькими краткими записями Эйнгарда и скандинавскими сагами биография Ансгара является единственным документом, из которого можно черпать важные сведения о судоходстве на Балтийском море и об условиях на его побережье в IX в.[3] Из отдельных брошенных вскользь замечаний биографа зачастую можно вывести чрезвычайно важные исторические факты, которые оставались бы неизвестными, не будь этой работы. Так, например, мы узнаем из нее следующее:

---

[1] «Книга пророка Исайи», гл. 49, стих 1.

[2] Это письмо было опубликовано. См. Nicolaus Stapenhorst, Historia ecclesiae Hamburgensis, Hamburg, 1723, t. I, p. 49.

[3] R. Hennig, Die Kenntnis der Ostsee im Altertum und frühen Mittelalter, «Marine-Rundschau», 1944, S. 503.

1. Когда в 826 г. Ансгар впервые отправился в Данию, путешествие туда из Рейнской области считалось еще столь опасным, что в эту страну никого не посылали без добровольного согласия (гл. 8 источника). Но через 20 лет Ансгар «часто» ездил в Данию из Гамбурга и Бремена (гл. 24 источника). Тем не менее торговля между Западной Европой и Биркой, очевидно, к тому времени уже велась в течение продолжительного периода, так как еще за 100 лет до Ансгара фризские торговцы ездили через Шлезвиг в шведскую столицу[1]. Эллингштедт на реке Трене был крайним пунктом, до которого, пересекая перешеек, могли доходить мелкие суда тех времен, плававшие по Северному морю. Еще в IX в. Эллингштедт служил складочным пунктом для английских товаров и был связан со Шлезвигом хорошей дорогой[2].

2. О Шлезвиге, этом предшественнике более позднего Хайтабю, порта на крайнем западе Балтийского моря, мы узнаем, что туда «съезжались купцы со всех сторон» (гл. 24 источника) и что миссионерам тоже приходилось пользоваться услугами торговых судов, чтобы добраться до Швеции (гл. 9 источника).

3. Во время своего первого пребывания в Бирке Ансгар застал там много военнопленных христиан, которые горячо приветствовали приезд своего священника (гл. 11 источника). Остается загадкой, откуда взялись эти военнопленные, поскольку до прибытия Ансгара в Шлезвиг (826 г.) берега Балтийского моря, Каттегата и Скагеррака были населены исключительно язычниками.

4. Посетив Бирку вторично, Ансгар узнал от местных единоверцев, что в Дорестаде им приходилось встречаться с другими христианами и священниками, но что «сейчас по дороге в Дорестад путешественника поджидают опасности и из-за нападений морских разбойников поездки туда стали для нас слишком рискованными». Отсюда вытекает то важное для истории культурных связей обстоятельство, что шведские купцы регулярно ездили в Голландию. Сообщение это, видимо, относится к периоду до 834 г., так как в 834 г. норманны полностью разорили Дорестад и за последующие 30 лет еще 7 раз совершали на него набеги, навсегда положив конец процветанию города. Об оживленной торговле Дорестада со Швецией и Норвегией в период, предшествовавший миссии Ансгара, свидетельствует немалое количество монет дорестадской чеканки, найденных на побережье обеих стран![3]

5. Далее мы узнаем о христианских купцах, сопровождавших около 854 г. шведское войско в походе в Курляндию [территория современной Латвийской ССР. — *Ред.*], чтобы на месте скупать у воинов ценные трофеи. К сожалению, в соответствующей главе (30-й) не указывается, какой национальности были эти христианские купцы. Как бы то ни было, благодаря этому сообщению и другим приведенным выше фактам становится очевидной вся необоснованность высказывания Болльнова, утверждавшего, что в западной

---

[1] P o e l m a n, Huiselijk en Maatschappelijk leven onzer voorouders, B. II, S. 167 (и след.); «Tijdschrift voor Economische Geographie», 1918, S. 354.

[2] J. P e t e r s e n, Mittelalterliche Verkehrswege in Schleswig-Holstein, «Geographischer Anzeiger», 1936, S. 373.

[3] «Bonner Jahrbücher», 1908, S. 315, 326, 337.

части Балтийского моря ранее XI в. не могло быть никаких портов, поскольку-де там не велось никакой торговли[1]. Биография св. Ансгара, а также сообщение о путешествии Вульфстана в Трусо (гл. 94) убедительно опровергают это утверждение.

6. Гл. 19 источника проливает яркий свет на объем балтийской торговли в те времена и на связанный с этим рост благосостояния. В этой главе рассказывается, что около 845 г. датское войско предприняло неожиданный набег на Бирку, жители которой, застигнутые врасплох, предложили врагу выкуп в 100 фунтов серебра. Но датчане отклонили это предложение со следующей весьма показательной мотивировкой: «Каждый купец в отдельности имеет больше, чем было нам предложено». Аналогичное значение имеет и рассказ о походе шведов в Курляндию, где говорится о восьмидневной осаде укрепленного города Апулия [Пилтене на реке Венте]. Защитники Апулии откупились от осаждавших, уплатив по ½ фунта серебра с каждого жителя и выдав захваченную ранее у датчан богатую добычу (гл. 30 источника). Итак, на побережье Балтики уже в IX в. были довольно богатые города, что убедительно свидетельствует о широком развитии торговли. Упоминаемая Римбертом морская крепость Курляндии, вероятно, находилась в районе Шкеде. Наконец, раскопки близ Зеленоградска [Калининградская область.— *Ред.*] доказали существование в тот период тесных связей между Скандинавскими странами и юго-восточным побережьем Балтийского моря. Об этом же свидетельствуют обнаруженные в районе Эльблонга доисторические захоронения викингов[2]. Древний характер этих культурных связей между Швецией и восточным побережьем Балтийского моря подтверждается данными археологии, согласно которым еще с 50 по 450 г. н. э. в Прибалтике и Финляндии развилась высокая культура, носившая заметные следы готского влияния[3]. Относящееся к IX в. и, видимо, исторически достоверное стихотворное произведение Тьёдольва из Хвина упоминает о шведском походе против населявших Восточную Пруссию «эстов» (см. т. I, гл. 51 и т. II, гл. 94), состоявшемся, очевидно, около 600 г.[4]

Большое значение путешествий, предпринятых Ансгаром, и биографии, написанной Римбертом, было подчеркнуто Риттером, заявившим по этому поводу следующее:

«Только благодаря апостольским странствиям Ансгара по Гольштинии, Шлезвигу и Ютландии выясняется загадка Херсонеса Кимврийского. С этого времени Ютландский полуостров становится доступным географии»[5].

---

[1] «Historische Zeitschrift», 1937, B. 156.

[2] См. гл. 94, особенно стр. 228

[3] «Reallexikon der Vorgeschichte», B. 3, S. 358; Birger Norman, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit, «Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar», Stockholm, 1929, del 40, 1.

[4] «Thule», Jena, 1922, B. 14, S. 61.

[5] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, СПБ, 1864, стр. 125.

Первое специальное исследование, написанное в новое время о путешествиях Ансгара, принадлежит Крафту[1].

Благодаря Ансгару, наряду с Ютландским полуостровом взорам христианских народов впервые открылось и Балтийское море. Правда, известна еще так называемая грамота Карла Великого от 29 июня 786 г., в которой уже содержится указание на Балтийское море: *ubi Pene fluvius currit in mare barbarum*[2] [где река Пене впадает в Море Варваров.— *Ред.*] Однако грамота эта — не подлинный документ, а подделка более позднего происхождения[3]. Эйнгард, правда, немногим позже упоминает о «заливе, простирающемся от западного океана на неизвестное расстояние к востоку и насчитывающем в ширину не более 100 000 шагов, а во многих местах и того меньше»[4]. Этот автор называет даже свой залив «Остарсалтом» (Восточным морем). Однако из цифры «100 000 шагов» можно заключить, что Эйнгард имел в виду только *проливы* между Северным и Балтийским морями, то есть Скагеррак и Каттегат, а не само Балтийское море. Итак, действительно можно считать, что Ансгар был первым христианином, открывшим Балтийское море для науки и литературы. Непосредственно за его первым возвращением из Швеции Балтийское море впервые упоминается в подлинном документе — папской булле от 15 мая 834 г. Этой буллой папа Григорий IV учредил Гамбургское архиепископство, включавшее весь север Европы, и назначил Ансгара его архиепископом. В булле Балтийское море названо «*mare, quod orientale dicitur*»[5] [море, которое называют Восточным. — *Ред.*].

В связи с этими географическими названиями нужно иметь в виду следующее: немцам названия обоих их морей вообще должны казаться неверными — ведь Северное море находится к западу, а Балтийское море [по-немецки Ostsee, то есть Восточное море.— *Перев.*] — к северу от Германии. Однако наименование «Северное море» дано фризами, а «Восточное море» — датчанами, и с их точки зрения оба этих названия географически правомерны. По отношению к Гамбургу Балтийское море тоже является «Восточным».

В течение почти 300 лет Гамбург оставался резиденцией архиепископа всех Скандинавских стран. Лишь в XIII в. были созданы новые архиепископства — Тронхеймское, Лундское и Упсальское (см. т. III, гл. 157).

---

[1] K r a f t, De Ansgario, aquiloniarum gentium Apostolo, Hamburg, 1840.

[2] «Monumenta Germaniae historica», Diplomatum Karolinorum, Hannover, 1906, t. I, p. 337.

[3] Ibidem, p. 333.

[4] E i n h a r d, Vita Caroli Magni, cap. 12. См. «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS II, p. 448.

[5] J. M. L a p p e n b e r g, Hamburgisches Urkundenbuch, Hamburg, 1842, B. I, S. 10 (и след.).

ГЛАВА 87

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ НОРМАННОВ В АФРИКУ

(844 г.)

Норманские магусы дважды высаживались в порту [Арсила]. В свой первый приезд они выдавали себя за обычных гостей и утверждали, что в этих местах они когда-то запрятали богатые сокровища. Увидев, что берберы собрались для сражения, норманны обратились к ним с такими словами: «Мы прибыли сюда не с враждебными намерениями, но потому, что в этом месте зарыты принадлежащие нам сокровища. Удалитесь отсюда: вырыв их, мы поделимся с вами». Берберы согласились с этим и увидели издали, как магусы разрыли землю и извлекли из нее большое количество гнилого проса [dokhn]. Поскольку зерна были желтого цвета, берберы решили, что это золото, бросились туда, чтобы овладеть им, и прогнали чужеземцев на их корабли. Когда же берберы поняли, что захваченная ими добыча — всего лишь просо, они раскаялись в своем поступке и пригласили магусов вновь высадиться на сушу и продолжать поиски своих сокровищ. «Нет,— ответили те,— мы не сделаем этого. Вы нарушили свое слово, и мы не верим вашим извинениям». Затем они отплыли в Андалузию, где совершили набег на район Севильи. Случилось это в 229 г.[1], в правление имама Абд-ар-Рахмана-ибн-ал-Хакима[2].

Важные данные о первом проникновении норманнов на побережье Африки изложены у арабского географа ал-Бакри (ум. в 1094 г.) как анекдот, которому он не придает особого значения. Между тем это происшествие и его датировка очень удачно вписываются в ряд исторических событий, относящихся, как известно, к тому же году. Мы имеем в виду норманский набег на Севилью и отправленное сразу же после него посольство Абд-ар-Рахмана II ко двору датского короля. По всей вероятности, перед нападением на Севилью в Африку направилась лишь небольшая часть норманского флота, которая и произвела высадку на крайнем севере Марокко, несколько южнее мыса Эспартель, в районе Арсилы.

История, рассказанная ал-Бакри, сама по себе весьма туманная. Если норманны действительно, как они утверждали, еще раньше зарыли в этих

---

[1] 229 г. хиджры соответствует 844 г. нашего летосчисления.

[2] El-Bekri, Description de l'Afrique septentrionale (пер. Слана). См. «Journal Asiatique», 1859, p. 326.

местах какие-то сокровища, то есть побывали на берегах Марокко до 844 г. то непонятно, почему они выкопали вместо сокровищ гнилое просо. Столь же неясно, почему берберы не стали сами, без помощи норманнов, разыскивать скрытые сокровища в известном им отныне районе. И уж совсем непонятно, почему норманны, только чтобы наказать берберов, с такой легкостью отказались от своих сокровищ и не предпринимали больше никаких попыток завладеть ими. Если же зарытые сокровища были только предлогом для достижения иных целей, то и в этом случае остается загадкой, почему прибывшие норманны были так немногочисленны, что собравшиеся берберы тотчас обратили их в бегство.

Итак, в сообщении ал-Бакри немало темных мест, и поэтому детали его вряд ли заслуживают доверия. Впрочем, все эти подробности настолько несущественны, что нет смысла ломать над ними голову. Важное значение имеет лишь сообщение о том, что в 844 г. норманны достигли северо-западного побережья Африки.

За первым проникновением скандинавских викингов на «Черный континент» вскоре последовали другие, менее безобидные вторжения. Сам ал-Бакри сообщает о нападении норманнов в 244 г. хиджры (858/59 г.) на расположенный восточнее Танжера город Нокур (Вилья-Алусемас), который был ими взят и разграблен. Впоследствии норманны, по непроверенным данным, расширили сферу своих походов до самого Египта. Им пришлось против воли еще раз побывать и в Арсиле, куда их занесло бурей от берегов Испании (дата этого события не сообщается). Впрочем, никаких существенных последствий это происшествие не имело. Во всяком случае, уже в IX в. норманны неоднократно проходили через Гибралтарский пролив, который они называли Норфасунд.

Благодаря прихотливой игре случая мусульмане Испании и Северной Африки впервые столкнулись со скандинавскими «магусами» в том самом году, когда и на Востоке была предпринята первая попытка узнать что-нибудь о «Гоге и Магоге» (см. гл. 89).

О набегах норманнов на территории Марокко и Испании в 844 и 859 гг. упоминает также араб Абу-л-Фида[1]. Создается впечатление, что они принимали грандиозный размах. Большое количество захваченных в тот период монет было, видимо, некоторое время спустя привезено норманнами в Россию. В 1822 г. в Могилевской губернии был найден один из великолепнейших кладов средневековых арабских монет, в том числе 300 чрезвычайно редких, которые были затем переданы в Азиатский музей при Петербургской академии наук. Среди них оказалось много монет правившей в Испании династии Омейядов, а также ливийские и мавританские, относящиеся к IX в. И хотя нельзя доказать, что они были захвачены во время набегов 844 и 859 гг., все же вероятность этого не так уж мала. Х. Д. Френ, опубликовавший материалы о могилевском кладе, пришел к следующему заключению:

---

[1] A b u l f e d a, ed. Reinaud, Paris, 1848, p. 178. [Об арабском географе XIV в. Абу-л-Фиде см. ниже, гл. 98; см. также К а р р а д е В о, Арабские географы, Л., 1941, стр. 9.— *Ред.*]

«А потому найденные там в прошлом году арабские монеты, особенно монеты испанской и африканской чеканки, являются, видимо, остатками добычи, захваченной норманнами на берегах этих стран в середине IX в. и привезенной сюда в Россию»[1].

[1] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 250. [Х. Д. Френ (1782—1851) — выдающийся русский академик-арабист (по происхождению немец), основатель Азиатского музея в Петербурге. Ему принадлежит ряд исследований, и в частности труд об арабском географе Ибн-Фадлане, на который ссылается Хенниг. О Френе см.: П. С. Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, «Труды восточного отделения археологического общества», СПБ, 1856, т. 2, стр. 1—67; И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, АН СССР, 1950; В. П. Зубов, Историография естественных наук в России (XVIII в. — первая половина XIX в.), АН СССР, 1956, стр. 286—289.— *Ред.*]

ГЛАВА 88

ПОСОЛЬСТВО МАВРОВ В СКАНДИНАВИИ

(844/45 г.)

Прибыли к эмиру Абд-ар-Рахману[1] послы норманского короля и стали просить у него мира после того, как норманны, выйдя из Севильи, напали на его земли, потерпели там поражение и потеряли своего флотоводца. Решил эмир отнестись к их просьбе благосклонно; приказал он ал-Газалю возглавить посольство и пуститься в путь вместе с послами короля норманнов...

Тогда он отправился в город Шильб[2], где для них обоих уже был снаряжен корабль... Первым владением норманнов, которого он достиг, был остров. Тут они пробыли несколько дней, починили свои суда и отдохнули. Норманский корабль отплыл раньше, чтобы сообщить королю, что прибыли послы, и король был этим весьма обрадован. Он послал своих людей им навстречу, и послы отправились к нему в королевскую резиденцию. Это большой остров в Мировом океане, на котором есть проточная вода и растут сады. От материка тот остров отделен тремя проливами... Вблизи того острова находится множество других островов, малых и больших. Населены они одними норманнами, которым принадлежит также и вся близлежащая суша на много дневных переходов. Они были язычниками, теперь же исповедуют христианскую веру[3].

В 843 г. в районе Хихона норманны впервые вторглись на Пиренейский полуостров и в 844 г. захватили Севилью[4]. Крупное сражение между маврами и норманнами не принесло, видимо, победы ни одной из сторон, но заставило викингов отступить. Арабские источники утверждают, что норманны потерпели поражение и вскоре запросили мира. Бесспорно лишь, что некий скандинавский король направил посольство к Абд-ар-Рахману II, чтобы уста-

---

[1] Абд-ар-Рахман II (822—852).

[2] Силвиш, на юге Португалии.

[3] Ибн-Дихья, Китаб ал-мутриб [«Книга менестреля»], под редакцией Зейппеля. См. «Rerum Normannicarum fontes Arabici», Kristiania, 1896, S. 13—18. Перевод на немецкий см. G. Jacob, Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9. und 10. Jahrhdt., Berlin—Leipzig, 1927, S. 37—42.

[4] C. Müller, Altgermanische Meeresherrschaft, Gotha, 1914, S. 315.

новить с ним дружеские отношения. Абд-ар-Рахман охотно пошел на это предложение и в свою очередь направил в Скандинавию в сопровождении норманского посольства своего доверенного, поэта ал-Газаля, снарядив ему специальный корабль.

Остается не совсем ясным, в каком из Скандинавских государств побывало посольство мавров. К сожалению, в донесении посла не упоминается никаких географических названий. Вместо этого обстоятельно и со вкусом описывается любовная интрига между ал-Газалем и скандинавской королевой, которой посвящена и приведенная в донесении любовная песнь. Указание на то, что резиденция короля находилась на острове, по мнению Якоба, не заслуживает доверия, так как арабы, подобно древним эллинам, не отличали островов от полуостровов[1]. Поскольку в те времена Шлезвиг был главной резиденцией датских королей, обычно высказывается мнение, что арабское посольство как и в 973 г. (гл. 99), в основном находилось именно там. Шлезвиг и соседний Хайтабю занимали в тот период чрезвычайно выгодное положение на торговом пути между Балтийским и Северным морями, поскольку приблизительно до 1200 г. прямая судоходная связь между этими морями не поддерживалась из-за опасного «железного берега» Западной Ютландии[2]. Товары перевозились исключительно по суше с рек Эйдер и Трене к заливу Шлей. По этой причине самая западная точка залива Шлей была в то же время крайним пунктом на западе, до которого могли доходить корабли с Балтики. Итак, Ла-Бом имел все основания назвать Хайтабю (Шлезвиг) «скандинавским Коринфом»[3]. Абсолютно неприемлемым представляется мнение Нансена, согласно которому мавры побывали не в Дании, а в Ирландии[4]. Ирландия к тому времени уже в течение 4—5 веков была цитаделью христианства, и к ней никак не может относиться весьма характерное сообщение о том, что население страны было языческим и лишь недавно приняло крещение.

В 1927 г. норвежский ученый Квален высказал предположение, что посольство мавров было направлено не к датскому королю Гаральду Клаку, а к норвежскому королю Хьёрлейфру, поскольку набеги на Испанию могли совершать только *норвежские* норманны[5]. Поэтому местом пребывания посольства следует, по его мнению, считать остров Стейнсё вблизи Ставангера. Проф. Якоб сообщил автору в письме от 12 января 1937 г., что такая трактовка кажется ему весьма убедительной. Однако автор не может с ней согласиться по двум причинам. Во-первых, на скандинавском острове, где побывали мавры, имелась, по их словам, «проточная вода», которой, конечно, не могло быть ни на одном из мелких норвежских островков. Во-вторых, трудно себе представить, чтобы в Норвегии уже тогда могло происходить сколько-

---

[1] G. Jacob, op. cit., S. 38 (примечание).
[2] W. Vogel, Geschichte der deutschen Schiffahrt, Berlin, 1915, S. 184 (и след.).
[3] «Prähistorische Zeitschrift», 1932, S. 320.
[4] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 149.
[5] «Norsk Aarbog», 1927, S. 24.

нибудь заметное обращение населения в христианство. В Дании, напротив, как раз в тот период христианство начало широко распространяться благодаря миссионерской деятельности Ансгара. Впрочем, окончательную победу эта религия одержала в Дании лишь после 966 г., когда крещение принял король Гаральд Синезубый (935—985)[1].

Содержащееся в донесении посла упоминание о «проточной воде» позволяет заключить, что речь идет о Ютландии. Следует иметь в виду, что в те времена из Северного моря в Шлезвиг можно было добраться только одним путем (если не считать пути из Норвегии), а именно на судах через устье Эйдера, затем по реке Трене и далее волоком небольшое расстояние от Трене до реки Шлей. Приток Эйдера, река Трене, был судоходным до Эллингштедта, где у англичан имелся складочный пункт. Оттуда до Шлезвига либо ехали по суше, либо плыли на малых судах по реке Рейдер-Ау до пунктов Грос-Реде и Клейн-Реде и тащили оттуда суда по семикилометровому волоку до Хаддебю-Нор, то есть в бассейн Балтийского моря[2]. Совершенно фантастическим представляется высказываемое иногда предположение, что в средние века здесь еще существовал постоянный судоходный путь между Северным и Балтийским морями[3]. Ученые, плохо знакомые с конкретными условиями местности, не раз принимали волоки за сплошные водные пути. Сам Шлезвиг носил вначале название Слисторп; после разрушения датчанами Рерика (в районе Висмара) в 808 г. он стал главным торговым центром в юго-западной части Балтийского моря.

После 20-месячного отсутствия посольство благополучно возвратилось к Абд-ар-Рахману. Повелитель мавров, видимо, был удовлетворен результатами путешествия, так как вскоре по его указанию было отправлено другое посольство — к королю франков; о приеме, оказанном ему под Реймсом в 847 г., сообщают «Annales Bertiniani»[4].

Отчет о путешествии ал-Газаля был продиктован им владевшему грамотой Таммаму-ибн-Алькаме (ум. в 896 г.). Позднейшие поколения познакомились с ним благодаря трудам Ибн-Дихйи (ум. в 1235 г.).

---

[1] A d a m v o n B r e m e n, Schol., 21.

[2] J. P e t e r s e n, Mittelalterliche Verkehrswege in Schleswig-Holstein, «Geographischer Anzeiger», 1936, S. 373.

[3] K. A. H o f f, Geschichte der durch Überlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche, Gotha, 1822, B. I, S. 62.

[4] «Annales Bertiniani», ed. G. Waitz, Hannover, 1883, p. 34.

ГЛАВА 89

САЛЛАМ ПЕРЕВОДЧИК У «СТЕНЫ ГОГА И МАГОГА»

(около 845 г.)

Халиф Васик увидел во сне, что открыт проход в построенной Зулькарнейном стене на границе наших земель с Гогом и Магогом, и стал искать человека, который мог бы поехать в те края, где она находится, и проверить, в каком она состоянии. Ашнас сказал ему: «Никому не под силу справиться с этим делом, кроме Саллама Переводчика, который говорит на 30 языках». Поэтому Васик призвал меня и сказал: «Желаю я, чтобы ты отправился к стене, осмотрел ее и представил мне отчет обо всем, что увидишь». Он назначил сопровождать меня 50 сильных юношей и дал мне 5000 динаров на расходы, а также 1000 дирхемов для меня лично. Каждый из моей охраны получил по 1000 дирхемов и жалованье за год вперед...

Из Самарры мы поехали к правившему Арменией Исхаку-ибн-Исмаилу, резиденция которого была в Тифлисе, с письменным приказом Васика оказывать нам содействие в нашем путешествии. Исхак дал нам послание к «повелителю вершин». Этот написал о нашем деле королю аланов; последний в свою очередь — Филаншаху, а тот — хазарскому царю Тар-хану. Прибыв к Тар-хану, мы провели у него один день и одну ночь. Затем мы вновь пустились в путь, сопровождаемые 5 проводниками, которых послал с нами царь.

После 26-дневного пути наш караван достиг местности, где почва была черной и источала отвратительное зловоние. К счастью, мы соблюли предосторожность и запаслись уксусом для борьбы со зловонием. 10 дней мы ехали по этой стране, а затем еще 20 дней по местности, где все селения были разрушены. Нам сказали, что это остатки поселений, которые подверглись нападению Гога и Магога и были совершенно ими опустошены. Наконец мы добрались до укрепленных районов поблизости от горных цепей, на одной из которых находится стена. Там мы нашли людей, говорящих на арабском и персидском языках. Они мусульмане, читают Коран, и у них есть школы и мечети. Они спросили у нас, откуда мы держим путь. Услыхав, что мы — послы повелителя правоверных, они воскликнули в изумлении: «Повелителя правоверных?» — «Да», — отвечали мы. «Молод он или стар?» — «Он молод». Удивление их еще более возросло. И еще они спросили: «А где его столица?» —

«В Ираке, в городе, именуемом Самарра».— «Мы впервые слышим об этом»,— ответили они.

Укрепления расположены в 1—2 фарсахах [5,5—11 *км*] друг от друга. Затем мы прибыли в город Ика, имеющий 10 фарсахов в окружности. Ворота в этом городе железные, и закрывают их, опуская вниз. Вокруг этого города поля, и на них мулы... Оттуда до стены еще 3 дня пути. Минуя укрепления и небольшие селения с базарами, на третий день мы приблизились к стене... Затем мы достигли высокой горы, на которой расположены укрепления. Это стена Гога и Магога. Там находится ущелье, достигающее 150 локтей в ширину, через которое некогда проходили эти племена, совершая опустошительные набеги на страну, пока Зулькарнейн не закрыл его... [Следует подробное описание стены.]

Комендант крепости, в роду которого должность хранителя ворот передается по наследству, словно титул халифа, отправляется каждый понедельник и четверг ранним утром к воротам в сопровождении еще трех всадников, вооруженных молотками. Один из них поднимается по лестнице, которая находится у ворот, и, взобравшись на верхнюю ступеньку, бьет молотом по металлу. Приложив затем ухо к воротам, он слышит гул, подобный исходящему из осиного гнезда. Вскоре опять становится тихо. Около полудня второй раз ударяют молотом, и слышен такой же гул, но несколько более сильный. К вечеру бьют в ворота третий раз, и с тем же результатом. Лишь к заходу солнца возвращается комендант. Цель этих ударов — показать людям по ту сторону стены, что охрана настороже и следит, чтобы Гог и Магог не проникли к воротам... Общий вид этого сооружения весьма необычен благодаря чередованию желтых слоев меди и темных слоев железа, пересеченных почти повсюду поперечными полосами...

На обратном пути нас сопровождали проводники, доставившие нас в Хорасан. Мы проехали по стране, царя которой зовут ал-Лоб, затем по владениям князя Табанояна, платящего дань повелителю Хорасана. В резиденции этого князя мы провели несколько дней. Затем мы продолжали наше путешествие и по истечении 8 месяцев прибыли в Самарканд... Когда мы добрались до Нишапура, нас было 14 человек; по дороге к стене погибло от болезней и несчастных случаев 22 человека, а на обратном пути — 14.

Когда мы возвратились в Самарру, я отправился к Васику, доложил ему о наших приключениях и показал железную полосу, вынутую мной из ворот в стене. Халиф возблагодарил Аллаха и велел раздать в вознаграждение большую сумму денег. Каждый из сопровождавших меня получил в подарок 1000 динаров. Путешествие к стене отняло у нас 16 месяцев, а обратный путь — немногим более 12 месяцев[1].

[1] Путевые заметки Саллама, приведенные Ибн-Хордадбехом. См. Ibn Khordadbeh, Kitâb al-Masâlik wa'l Mamâlik, ed. de Goeje, Lei-

* * *

После того Он дал ему [Зулькарнейну] способ идти, покуда не достиг промежутка между двумя стенами. Он увидел, что при них был народ, едва понимавший какую-либо речь. Он сказал: «Зулькарнейн! Гог и Магог причиняют беды на этой земле; не представить ли нам какую плату тебе на то, чтобы ты поставил стену между нами и ними?» Он сказал: «...Вы ревностно помогайте мне: поставлю преграду между вами и ими. Носите ко мне столько кусков железа, чтобы ими заровнять промежуток между скалами этих гор...» И они [Гог и Магог] не могли влезть на стену и не могли пробить ее[1].

* * *

Как скоро заклятье было на какой-либо город, Мы погубляли его, потому что они не обратились бы дотоле, покуда не явятся [из-за стены] Гог и Магог, покуда они со всех холмов не устремятся[2].

* * *

Гог и Магог — дети Яфета, сына Ноева. Рассказывают, что эти народы собрались вокруг Зулькарнейна, когда он пришел в их страну, и жаловались, что за горами живет многочисленный народ, который часто совершает набеги на их земли. Они просили его выстроить высокую стену, чтобы преградить им путь, и князь исполнил их желание[3].

* * *

Самые окраинные цивилизованные области на востоке — это пограничные земли Китая и Силы [Кореи и Японии]. Они прости-

---

den, 1889, p. 124 (и след.). [Об Ибн-Хордадбехе (или Ибн-Хордад-Беге) см.: Н. А. Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1903, вып. XXXII, стр. 1—34; И. И. Срезневский, Следы давнего знакомства русских с южной Азией (Ибн-Хордад-Бег), «Вестник русского географического общества», 1854, т. 10, отд. 2, стр. 49—68; П. Г. Булгаков, Книга путей и государств Инб-Хордадбеха. См. «Палестинский сборник», 1958, вып. 3, стр. 127—136.— *Ред.*]

[1] Коран, гл. 18, стихи 92—101. [Коран (по-арабски — «чтение») — священная книга мусульман, представляющая собой сборник религиозно-догматических, мифологических и других материалов, составлена в VII в.— *Ред.*]

[2] Коран, гл. 21, стих 95 (и след.).

[3] Сообщение арабского географа ал-Бакри (al-Bakri, Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik). См. неполный перевод в книге А. Куник, В. Розен, Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах, СПБ, 1878, ч. 1, 1908, ч. 2. [В. Р. Розен (1849—1908) — выдающийся русский арабист, основатель новой школы востоковедения, автор ряда научных трудов. О В. Р. Розене см. И. Ю. Крачковский, Очерк по истории русской арабистики, 1950, стр. 139—143 и др.— *Ред.*]

раются до гор, между которыми в долинах возведена стена. Оттуда делают на них набеги [Гог и Магог]. Начало стены находится вдали от возделываемых земель... Затем она поворачивает на юг и идет по прямой линии, достигая, наконец, Океана тьмы[1].

В древности и в средние века выражение «Гог и Магог» имело широкое хождение в странах Передней Азии, однако значение его весьма туманно и с течением времени менялось. Авторы Ветхого и Нового заветов, в которых часто встречаются эти слова, вкладывали в них совсем иное содержание, нежели арабские писатели со времен Мухаммеда, но и арабы в свою очередь придавали этому понятию то один, то другой смысл. Пожалуй, мы ближе всего подойдем к истинному пониманию странного словосочетания «Гог и Магог», если скажем, что оно было собирательным названием для всех нецивилизованных народностей малознакомого или совсем неизвестного Севера.

Остановимся вкратце на происхождении сочетания «Гог и Магог». Сначала мы встречаемся с одним лишь «Магогом», упоминаемым в своеобразной родословной народов в гл. 10 «Книги Бытия»[2], где среди «сынов Иафета» названы Гомер, Магог, Мадай и Иаван. Это названия основных индоевропейских племен, которые были известны в Святой земле. Иаван — по всей вероятности, эллины (ионийцы), Мадай — мидяне, Гомер — скифские киммерийцы, а Магог — вероятно, народности, населявшие Лидию и Фригию[3].

Соединение слов «Гог» и «Магог» впервые появляется в «Книге Иезекииля» в следующем контексте: «Сын человеческий! Обрати лице твое к Гогу в земле Магог»[4]. Поскольку, как уже указывалось, землю Магог считали идентичной Лидии и Фригии, то предпринимались попытки отождествлять

---

[1] Сообщение арабского географа Масуди. См. M a s u d i, ed. Barbier de Meynard, Pavet de Couteille, Paris, 1861, t. I, p. 258. [Знаменитый арабский путешественник второй половины X в. (умер в 956 г.) Абу-л-Хассан Али, обычно называемый Масуди, посетил все страны Ближнего и Среднего Востока, Среднюю Азию, Кавказ, Восточную Европу, Северную и Восточную Африку. Говоря о своих странствованиях, Масуди применил к себе слова одного арабского поэта: «Я так далеко заходил на Восток, что совершенно забыл о Западе; я настолько углублялся в страны Запада, что даже забывал название Востока». Масуди написал трактат по всеобщей истории «Золотые луга и алмазные россыпи», содержащий много сведений географического характера. См. И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Избранные сочинения, 1957, т. IV, стр. 171—184; отрывки из произведений Масуди см. Н. А. К а р а у л о в, указ. соч., «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1908, вып. XXXVIII.— *Ред.*]

«Океаном тьмы» средневековые арабские авторы всегда называют Атлантический океан; причины этого будут рассмотрены ниже (гл. 113 и т. IV, гл. 162). Приводимый отрывок из Масуди доказывает, что и арабы, подобно Тосканелли, Колумбу и географам античности были, убеждены в том, что Восточная Азия омывается Атлантическим океаном. Масуди, конечно, имеет в виду Тихий океан.

[2] «Книга Бытия», гл. 10, стих 2.

[3] «Encyclopaedia Judaica», B. V, S. 462.

[4] «Книга пророка Иезекииля», гл. 38, стих 2.

Гога с лидийским царем Гигесом[1], прославившимся благодаря Геббелю. Однако это толкование, основанное только на случайном созвучии, оказывается совершенно неправдоподобным по существу. Царь Гигес никогда не проводил захватнической, агрессивной политики по отношению к странам, граничившим с его владениями на юге, более того, он сам погиб, пытаясь отразить нападение северных племен во время захвата города Сарды киммерийцами (652 г. до н. э.). Как же мог он стать одним из грозных северных завоевателей? Такая трактовка исключается, тем более что еще за 700 лет до Гигеса выражение «Гагая» (Гог) было употреблено в таблицах, хранящихся в египетском Тель-Амарнском архиве, для обозначения северных варваров[2].

Именно мрачное пророчество Иезекииля создало впервые понятие «Гог и Магог». Внешним поводом, безусловно, послужило опустошительное вторжение «киммерийцев» в южные страны, бывшее для Передней Азии самым важным событием VII в. до н. э.[3] Основной движущей силой этого переселения народов были скифы с юга России. Населявшие этот район гомеры, известные нам под названием киммерийцев, необоснованно заимствованным у Гомера[4], в начале VII в. покинули под нажимом скифов свои становища и, перейдя Кавказ, вторглись в Армению. В 678 г. до н. э. киммерийцы опустошили Месопотамию, затем двинулись на Малую Азию, где они, как уже говорилось, захватили в 652 г. город Сарды, после чего нанесли удары по Сирии и Палестине, ставшей вскоре после 630 г. жертвой их страшного набега. Волна эта докатилась до границ Египта, но здесь остановилась, так как захватчикам не улыбалась перспектива пересечения пустыни.

Упоминание об этих киммерийцах, именуемых «гомерами», обнаруживается также в не вошедшей в библию древнееврейской «Книге Юбилеев», которую Герман называет «прабиблией» и относит в основном к X в. до н. э.[5], хотя большинство исследователей считает, что она значительно более позднего происхождения. Поскольку некоторые части этой прабиблии, по признанию самого Германа, дополнительно включены в нее около 625 г. до н. э., возникает подозрение, что и те разделы, в которых упоминаются гомеры, населявшие северное побережье Черного моря, созданы не ранее VII в. до н. э. В самом деле, маловероятно, что израильтяне около 950 г. до н. э., то есть в период, когда даже грекам было известно только южное побережье Черного моря[6], уже располагали сведениями об Азовском море, Доне, Крым-

---

[1] «Encyclopaedia Judaica», B. V, S. 461.

[2] В Тель-Амарнском архиве хранятся глиняные таблицы с клинописными текстами. — *Прим. ред.*

[3] Вторжение киммерийцев началось еще в VIII в. до н. э.— *Прим. ред.*

[4] Stephanus Byzantinus, ed. Meineke, Berlin, 1849, t. I, p. 339; K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, Berlin, 1870, B. III, S. 121.

[5] A. Herrmann, Die Erdkarte der Urbibel, Braunschweig, 1931, S. 22. [«Книга Юбилеев» (или «Малое Бытие») — апокриф (вероятно, I в. до н. э.) сохранился лишь в эфиопском переводе. Он часто цитировался «отцами церкви» и византийскими хронистами.— *Ред.*]

[6] R. Hennig, Die Geographie des homerischen Epos, Leipzig, 1934, S. 77 (и след.).

ских гомерах, или киммерийцах, и тем более о народах Поволжья и Прикамья, которые, по мнению Германа, и фигурируют в прабиблии под названием «Гог». Предположение Германа, конечно, неправдоподобно[1]. Такая осведомленность представляется возможной и даже вероятной для VII в., но не для X в. А то, что рассказывается о гомерах, Гоге и т. п. в «Книге Юбилеев», автор решительно считает результатом позднейших добавлений. Вполне вероятно, что начиная примерно с VII в. «Магог», как предполагает Гамбургер, становится собирательным названием для всех тех племен, которых греки именовали «скифами»[2].

Вторжение северных племен в Палестину, происшедшее примерно в одно время с созданием дополнений к прабиблии, видимо, привело местное население в панический ужас. Этим ужасом веет на нас со страниц «Книги Иезекииля». «От пределов севера» рпнутся на Израиль несметные полчища азиатских, европейских и африканских народов[3], встав на клич: «Поднимусь я на землю неогражденную»[4]. Особое внимание следует обратить на выражение «земля неогражденная», поскольку на нем основывается в значительной степени дальнейшее повествование.

Пророчество Иезекииля нашло необычайно широкий отклик как в ранней христианской, так и в мусульманской, особенно в арабской, литературе. В «Откровении Иоанна» страх перед «Гогом и Магогом» проявляется в словах «число их как песок морской»[5]. В гл. 18 Корана содержится приведенная выше цитата со своеобразным изложением событий. По поводу этой цитаты следует заметить, что слово «Зулькарнейн» означает «двурогий» и встречается в арабских легендах только как прозвище Александра Македонского (см. отрывок из Масуди), личность которого в течение всего средневековья привлекала к себе самое пристальное внимание и возбуждала живейший интерес даже у мусульманских авторов[6].

Зловещие слова «Гог и Магог» со временем превратились в «неопределенное по своему содержанию собирательное название»[7], служившее для обозначения всех воинственных племен, обитавших где-то на севере Европы и Азии. Так, в середине VI в. Иордан несколько раз упоминает народ «Магог»[8]. Особенно часто название «Гог и Магог» или просто «Магус» (Магуш) присваивалось норвежским норманнам, набеги которых на берега Испании и побережье Средиземного моря зачастую несли разорение захваченным арабами

---

[1] Кругозор авторов «Родословной народов» в гл. 10 «Первой книги Бытия» был ограничен на севере Фракией и Арменией, а в остальном — Мидией, Персией, Южной Аравией и Нубией. См. A. K n o b e l, Völkertafel der Genesis, Giessen, 1850.

[2] H a m b u r g e r, Lexikon für Bibel und Talmud, Strelitz, 1870, S. 1025.

[3] «Книга пророка Иезекииля», гл. 38, стих 15.

[4] Там же, стих 11.

[5] «Откровение Иоанна», гл. 20, стих 8.

[6] Коран, гл. 18, стихи 92—101.

[7] «Realenzyklöpädie für protestantische Theologie und Kirche», B. III, S. 1762.

[8] J o r d a n i s, Getica, IV, 29, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 61.

районам Европы и Африки[1]. Подчас словами «Гог и Магог» называли всех язычников, не придерживавшихся ни христианской, ни мусульманской, ни иудейской веры[2]. От арабов, среди которых это выражение имело особенно широкое хождение, оно вновь перекочевало в позднем средневековье к христианским народам и до этого знакомым с ним по Библии. Так, например, на так называемой Эбсторфской карте, относящейся примерно к 1284 г., Гог и Магог занимают районы Крайнего севера[3]. Делались попытки поставить название «Магог» в связь с греческим словом «магия»[4], но это была этимологическая ошибка, которая не заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Обилие фантастических историй, которыми с течением времени обрастало название «Гог и Магог», может служить прекрасной иллюстрацией к словам Шлёцера: «История географии — наука, неизвестная древним,— дала бесчисленное множество примеров того, как складываются и изменяются легенды вокруг географических понятий»[5].

После этих предварительных замечаний обратимся к вопросу о том, что представляла собой «стена», сооруженная якобы для защиты от «Гога и Магога» (как об этом рассказывается в приведенном выше отрывке из Корана) и часто упоминаемая в литературе.

Связь между различными представлениями восходит, разумеется, к цитировавшимся словам из книги пророка Иезекиля, где говорится о «земле неогражденной». В истории не так уж редки случаи, когда народы действительно пытались оградить себя от нападений агрессивных соседей, создавая стены и валы большой протяженности. Наиболее известным сооружением такого рода в Европе является Римский вал на границе с Германией — *Limes*, тянувшийся от района Нёйвида на Рейне до Кельгейма на Дунае и защищавший пограничные провинции Римской империи от оставшихся непокоренными германцев. В Британии римская провинция была также отделена Пиктским, или Адриановым, валом от неподвластных Риму северных племен, а в Добрудже для охраны границ был воздвигнут Траянов вал. Еще в раннем средневековье была создана сохранившаяся в значительной степени до наших дней Кавказская стена, называемая также Дербентскими Железными Воротами. Эта стена, видимо, перекрывала все важные долины и перевалы Кавказа между Каспийским и Черным морями, и в первую очередь главный проход — Албанские Ворота[6]. В средние века, а отчасти и до последнего времени эту стену считали творением Александра Македонского

---

[1] Например, у ал-Бакри (844 г.), Димашки (около 1300 г.) и др.

[2] Chr. M. Fräh n, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 137.

[3] K. M i l l e r, Kurze Erklärung der Weltkarte des Frauenklosters Ebstorf, «Schrifte der Görres-Gesellschaft», 1896, B. 2, S. 36. Точка зрения принца Юсуфа Камаля, согласно которой под понятием «Гог и Магог» имеются в виду лопари, не выдерживает критики. См. Y o u s s o u f K a m a l, Quelques éclaircissements épars sur mes Monumenta Cartographica, Leiden, 1935, p. 98.

[4] F. N a n s e n, Nebelheim, Leipzig, 1911, S. 393 (примечание 299).

[5] A. L. S c h l ö z e r, Allgemeine Weltgeschichte, Riga, 1785—1789, T. 31, S. 5.

[6] Албания — древнее название Азербайджана. — *Прим. ред.*

и иногда даже прямо называли ее Александровой стеной. В связь с этой стеной пытались поставить и предания о Гоге и Магоге[1]. Однако это произошло под влиянием легенды. Особенно сильно влияние легенды сказывается на Моденской круговой карте (около 1450 г.), поскольку тут примешивается еще легенда о воздвигнутых на краю Земли бронзовых предостерегающих статуях (см. т. I, гл. 19, т. IV, гл. 177 и 182). О так называемых Дербентских Железных Воротах круговая карта сообщает следующую легенду:

«Эти статуи отлил из металла Александр, когда пришел в Каспийские горы, и сделал он их так искусно, что они могли скрежетать зубами. Так оградил он народы «Гог и Магог»[2].

Крупнейшей и известнейшей из всех пограничных стен, безусловно, была сохранившаяся до наших дней Великая Китайская стена. Это грандиознейшее сооружение всех времен, протянувшееся на 3000 *км* вдоль всей северной границы Китая от Желтого моря и заходившее далеко в глубь пустынь Центральной Азии, охраняло Китай своей неприступной каменной громадой от набегов гуннов и других воинственных племен. Стена представляет собой значительное препятствие даже для современных армий; в этом неоднократно имели случай убедиться японцы во время вторжения в провинции Северного Китая в 1932—1935 гг.

Бросается в глаза то странное обстоятельство, что все без исключения перечисленные выше пограничные валы и стены действительно были сооружены для защиты от нападения с *севера* (Римский вал — с северо-востока). Мы не можем здесь заняться выяснением, было ли это случайным совпадением или диктовалось особыми причинами. На территории Азии известно несколько таких искусственных пограничных стен, возведение которых предания всегда охотно причисляли к легендарным подвигам непобедимого Александра Македонского. Это относится, в частности, к «Александрову валу» в упоминавшихся Дербентских Железных Воротах — пограничной стене длиной 150 *км*, которую в действительности построил Сасанид Хосров I (531—578) для обороны своих владений от хазар[3]. Александру приписывалось и возведение Великой Китайской стены, которая наряду с Римским валом принадлежит к числу самых известных пограничных укреплений такого рода, и т. д. Возникновение Великой Китайской стены относится примерно к эпохе Александра, поскольку основная ее часть была воздвигнута по приказу китайского императора Цинь Ши-хуанди около 214—205 гг. до н. э., то есть всего через какие-нибудь 100 лет после смерти великого македонского полководца. Предназначалось это сооружение для защиты страны от непрерывных вторжений кочевых племен из пустыни. Другое подобное укрепление, так называемая Мидийская стена, или стена Семирамиды, о которой

---

[1] «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1876, S. 293.

[2] K. K r e t s c h m e r, Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense in Modena, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1897, S. 203.

[3] Статья Бруцкуса. См. «Encyclopaedia Judaica», B. V, S. 338.

говорится у Ксенофонта и у Страбона[1], была построена еще до Александра: ее соорудил Навуходоносор для обороны от набегов мидян.

С этими древними легендами связано также необычайное путешествие, которое совершил около 844—846 гг. к «стене Гога и Магога» владевший 30 языками толмач Саллам Алтарджеман по приказу халифа Васика (842—847). О целях и значении этого путешествия высказывались самые различные мнения. Отчет о поездке был записан современником, который, это можно утверждать с почти полной уверенностью, получил все сведения лично от Саллама. Речь идет о занимавшем в те времена должность главного почтмейстера халифата знаменитом персе Ибн-Хордадбехе. Он дословно воспроизводит отчет о путешествии Саллама в своем выдающемся труде о дорогах в арабских владениях. Работа Ибн-Хордадбеха была написана в 846 г., а через 40 лет, в 885 г., автор переработал ее, основываясь на новых данных. Заглавие «Китаб ал-Масалик ва'л Мамалик» означает «Книга путей и царств». Лучшее издание, перевод и комментарии осуществлены крупным голландским арабистом де Гуе[2].

Несколько странный, но в целом вполне правдоподобный рассказ Саллама с трудом поддается истолкованию и поэтому стал объектом научных споров. Остается неизвестным, какое сновидение привело в беспокойство царствовавшего в Самарре[3] халифа. Безусловно, сон произвел на халифа весьма сильное впечатление, раз он не пожалел значительных затрат, чтобы достоверно выяснить, насколько прочна «стена Гога и Магога», о существовании которой ему, как правоверному мусульманину, очевидно, было известно из гл. 18 Корана. Вряд ли халиф представлял себе, в каких землях следует искать эту таинственную стену. Поэтому-то Саллам получил задание разыскать стену и проверить, способна ли она еще выдерживать настиск «Гога и Магога».

Среди ученых нет единого мнения относительно того, где побывал Саллам за 2½ года странствий. Ближайшей к Двуречью пограничной стеной были Дербентские Железные Ворота. Поэтому востоковед Хаммер-Пургшталль склонен был считать эту выстроенную Хосровом стену конечным пунктом путешествия Саллама[4]. Но такая точка зрения не выдерживает критики. Ведь в отчете ясно сказано, что уже на первом этапе путешествия Саллам находился гораздо севернее этой стены, у хазар, которые примерно с 730 г. создали

---

[1] К с е н о ф о н т, Анабасис, I, VII, § 15; II, IV, § 12, М.—Л., 1951. [См. также М. С. Б о д н а р с к и й, Античная географя, 1953, стр. 58.— *Ред.*]; С т р а б о н, II, 1, § 26; XI, 14, § 8 и, по-видимому, также А м м и а н М а р ц е л л и н, XXIV, 2, § 6.

[2] «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», pars VI, Leiden, 1889.

[3] Самарра служила резиденцией халифов с 836 по 892 г. Багдад, бывший первоначально селением арамейцев-христиан («Enzyklöpädie des Islam», B. I, S. 586), основан лишь около 753 г., однако уже в 762 или 763 г. второй халиф Альмансор избрал его своей резиденцией, так как прежняя столица Аббасидов Дамаск находилась в стороне от центральных областей государства. Вскоре Багдад вырос в крупнейший город мира и сохранял это положение, пока не был разрушен монголами (10 февраля 1258 г.).

[4] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 30.

в устье Волги сильное государство с главным городом Итиль (недалеко от Астрахани). До того они обитали в Центральной Азии, где были известны как «белые гунны» (гл. 75). Ну а если Саллам в самом начале своего путешествия побывал в устье Волги, то целью его поездки никак не мог быть Кавказ!

Путь от Самарры на Тигре до Волги идет в основном с юга на север. Поэтому высказывалось мнение, что «стену Гога и Магога» следует искать на продолжении этого пути к северу. Риттер полагал, что Саллам двигался «по ту сторону Аксу до Алтая»[1]. По мнению Френа, Саллам добрался до башкиров[2]; к этой точке зрения присоединился Миллер, известный своим изданием древних карт[3]. Френ и Миллер считают, что Саллам побывал в бассейне Оби — возможно, у хакана Онгиша в Сибири — и что «стена Гога и Магога» не что иное, как теснина Иртыша в юго-западном Алтае. Однако такая трактовка представляется слишком натянутой, да и не совсем логичной. Ведь даже через 40 лет после путешествия Саллама арабы не знали, что́ находится севернее устья Волги (Ибн-Хордадбех), и лишь 80 лет спустя в Месопотамии впервые услышали о царстве волжских болгар. Как же можно допустить, что Саллам еще в первой половине IX в. побывал далеко за Болгаром и даже за Уралом (путь к которому проходил тогда только по Волге и Каме, а не по реке Урал), в бассейне Оби? Такое предположение совершенно невероятно. Каким образом, возвращаясь с Оби в Месопотамию, Саллам мог попасть по пути в Хорасан и Самарканд? И наконец, что могло понадобиться Салламу в районе Оби и Иртыша? Теснины рек в горах не были такой редкостью, ради которой стоило бы пускаться в странствие на 2½ года! Кроме того, не следует забывать, что «стена», которую разыскивал Саллам, должна была быть делом *рук человеческих*, а не *творением природы*! Толкованию Миллера явно недостает убедительности. Утверждение этого автора, что не может быть «никаких сомнений» в верности его трактовки, представляется слишком смелым. Напротив, не так-то легко будет найти специалиста, который согласился бы с Миллером.

Другие более ранние, а также и современные попытки объясняются значительно правдоподобнее, чем не очень удачная гипотеза Миллера. Риттер искал «стену Гога и Магога» на Тянь-Шане[4], Рейно — на Алтае или на Урале[5], Пешель — «несколько восточнее Сыр-Дарьи»[6]. Но во всех этих районах никогда не было пограничных стен, да они и не были там нужны. Однако великий путешественник марроканец Ибн-Батутта еще в XIV в. утверждал, что Саллам, безусловно, побывал у Великой Китайской стены[7]. К аналогичным выводам приходит и переводчик путевых записей Саллама, выдающийся

---

[1] К. Риттер, указ. соч., стр. 135.
[2] Chr. M. Frähn, op. cit., S. XIX (и след.).
[3] K. Miller, Mappae Arabicae, Stuttgart, 1927, B. IV, S. 90 (и след.).
[4] C. Ritter, Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, B. II, S. 1128.
[5] Abulfeda, ed. Reinaud, Paris, 1848 (введение), p. III.
[6] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1878, S. 85.
[7] Ibn Batuta, ed Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1854, t. IV, p. 274.

голландский арабист де Гуе[1], хотя он скорее склонен считать, что переводчик халифа побывал не у самой Великой Китайской стены, а у Нефритовых Ворот, то есть у Юймыньского прохода.

Как разобраться в этой путанице различных толкований? Попробуем найти отправные пункты, позволяющие твердо ориентироваться при дальнейших рассуждениях!

Прежде всего следует подчеркнуть, что представляется неоправданным какое-либо недоверие к путевым записям Саллама, которым присущ весьма трезвый взгляд на вещи и отсутствие каких бы то ни было вымыслов. Когда толкование источника представляет трудности, всегда находятся исследователи, которые ищут спасения в самом простом средстве — объявить все вымыслом. Такой способ расправляться с древними, трудно поддающимися объяснению источниками очень удобен, но и чрезвычайно опасен, а поэтому к нему не следовало бы прибегать без веских на то оснований. Что же касается рассматриваемого здесь случая, то уже Пешель считал, что Саллам привез на родину «богатый набор сказок[2]». Маркварт еще резче отзывается о «россказнях Саллама Переводчика»[3], и ему вторит Миллер. Последний полагает, что «этот мошенник Саллам»[4] не мог сообщить ничего интересного о стране башкиров, в которой он, по мнению Миллера, побывал, а потому просто наплел халифу небылиц:

«Не смея вернуться без всяких результатов, он пустился в измышления, которые Идриси счел подлинной правдой и включил в свою карту»[5].

Такое толкование представляет собой, на взгляд автора этих строк, типичное применение метода «что не укладывается в схему, отбрасывается прочь»: раз имеющееся описание полностью противоречит сложившемуся у меня предвзятому мнению о ходе и целях путешествия, значит, само это описание — плод фантазии.

Автор не видит никаких оснований сомневаться в правдивости отчета Саллама. Ведь Переводчика сопровождало значительное число людей, и хотя многие из них погибли в пути, все же 14 человек возвратилось в Самарру. Было бы крайне легкомысленно, более того, глупо при таком количестве свидетелей преподносить халифу наглую ложь, разоблачение которой, наверняка, не заставило бы себя ждать. К тому же опыт показывает, что вымышленные описания путешествий никогда не бывают выдержаны в таком деловом, трезвом и отнюдь не бьющем на сенсацию тоне, каким, бесспорно, отличается рассказ Саллама. В нем нет ни одного увлекательного приключения и ни одной из столь популярных в те времена легенд. Ни разу не преувеличиваются тяго-

---

[1] M. J. de G o e j e, De muur van Gog en Magog, «Verslagen en Mededeel. Kon. Akad. van Wetenschappen, Afd. Letterkd.», 3e Reeks, Deel V, st. 2, Amsterdam, 1888, S. 96.

[2] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 31.

[3] «Ungarische Jahrbücher», 1924, S. 296.

[4] K. M i l l e r, op. cit., B. I, S. 25.

[5] K. M i l l e r, Erläuterungen zur Weltkarte des Idrisi, Stuttgart, 1928, S. 24.

ты и страдания, не превозносятся героические подвиги путешественников, и даже о самой стене сообщаются лишь довольно скудные сведения. Рассказ явно не расцвечен поэтическими вымыслами, зато в нем содержится ряд деталей, которые *не могли быть* придуманы, так как прекрасно согласуются с некоторыми фактами, относящимися к тому же периоду. Высказанное нами положение заслуживает более подробного рассмотрения.

Поскольку путешествие через устье Волги отняло 16 месяцев, а обратный путь через Хорасан и Самарканд — лишь 12 месяцев, можно *a priori* утверждать, что до стены Саллам добирался окольными путями, а возвращался более прямой дорогой. В этом случае конечный пункт путешествия следовало бы искать примерно к северо-востоку от Месопотамии — в 8 месяцах пути за Самаркандом.

Из путевых записей с очевидностью вытекает, что «стена», у которой побывал Саллам, принадлежала сильному в военном отношении и, видимо, богатому государству с четкой организацией управления и хорошим административным аппаратом. Описание ворот в стене, украшенных железными и медными полосами, не вяжется с бытом таких бедных народностей, какими были башкиры и другие кочевые племена. А поскольку стена явно служила для защиты от набегов кочевников, то и по этой причине никак нельзя искать ее, как делает Миллер, в районах расселения кочевых племен.

Ход рассуждений все ближе подводит нас к самому крупному и известному сооружению такого рода — к *Великой Китайской стене*. Такое предположение отлично согласуется с тем, что Саллам проезжал через Самарканд. Но не противоречит ли нашей гипотезе странный маршрут через Итиль, избранный по пути к стене? Думается, что такого противоречия не окажется, если мы примем во внимание следующие обстоятельства.

Древняя «шелковая дорога», по которой осуществлялись сухопутные связи между западной частью Азии и Китаем, в IX в. была отрезана[1]. В VII в. и в первой половине VIII в. оживленная торговля еще велась через перевалы Памира и Таримскую впадину; поддерживались также дипломатические и культурные связи между Западом и Востоком. В 713 г. халиф даже направил в новую столицу Китая Чанъань свое посольство, возвратившееся оттуда с богатыми дарами[2]. Однако после того, как тибетцы захватили и разграбили Чанъань (18 ноября 763 г.)[3], сухопутные дороги пришли в полное запустение. Связь с Китаем по суше была прервана для Передней Азии с 763 до 938 г., а для Индии — с 750 до 986 г. Во времена Саллама Переводчика халифат поддерживал очень оживленную и процветавшую *морскую* торговлю с Китаем, которой, впрочем, тоже на долгие годы был причинен тяжкий урон после того,

---

[1] О древних «шелковых дорогах» из Средней Азии в Восточный Китай см. Дж. О. Томсон, История древней географии, М., 1953, гл. VI, стр. 258—262; там же см. карту.— *Прим. ред.*

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 532.

[3] J. de Mailla, Histoire générale de la Chine, Paris, 1777—1783, t. VI, p. 294; H. J. Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie Centrale, Paris — London — Stuttgart, 1826, p. 143; H. Cordier, Histoire générale de la Chine, Paris, 1920, t. I, p. 483.

как в 878 г. вспыхнуло мощное восстание, возглавляемое Хуан Чао и направленное против деятельности чужеземцев в Китае. Что же касается сухопутных дорог через Центральную Азию, то в IX в. они почти совсем не использовались. В тот период арабские купцы вряд ли могли добираться до Великой Китайской стены, и арабы располагали «чрезвычайно скудными сведениями о внутренних районах Китая»[1]. Сведения эти они не могли приобрести и из более ранних записей, ибо древнейший из известных нам арабских авторов, Хешам бен Мухаммед Кельби, умер в 819 г.[2] Следовательно, в сознательном возрасте он не был свидетелем сухопутного сообщения с Китаем и к тому же вообще не проявлял интереса к географии.

Отсюда следует, что в годы правления халифа Васика арабам могли быть известны лишь какие-то отрывки старинных изустных преданий о Китае и о Великой Китайской стене. Вероятнее всего, сохранились туманные сведения о чудесной стене огромных размеров, предназначенной для защиты от набегов варваров. Можно предположить, что некоторую роль здесь сыграл Коран (см. гл. 18 и 21), но не менее вероятно и знакомство арабов с трудами великого Птолемея, который также упоминает о некоем таинственном сооружении в связи со столицей Тины: «Говорят, что она не окружена медными стенами»[3].

Значительно точнее выражается Аммиан Марцеллин (IV в.), который, впрочем, не был известен арабским ученым: «Через становища обитающих по обе стороны скифов проходят на восток высокие, соединенные друг с другом валы (celsorum aggerum summitates), окружающие Страну серов»[4].

Во всяком случае, нельзя отрицать, что халиф Васик мог располагать смутными сведениями о том, что где-то в дальних странах действительно стоит диковинная «стена Гога и Магога», о которой говорится в Коране. Однако в IX в. никто в Месопотамии не мог твердо сказать, как до нее добраться. Пользоваться старыми дорогами через Памир и Таримскую впадину было невозможно. Поэтому вполне вероятно, что Саллам, пустившийся в поис-

---

[1] F. Richthofen, op. cit., B. I, S. 526 (и след.). [Автор неверно оценивает восстание Хуан Чао (875—884 гг.) как направленное против деятельности чужестранцев в Китае. Крестьянское восстание, во главе которого стоял сначала Ван Сянь-чжи, а затем Хуан Чао, охватило территорию Восточного Китая от провинций Хэнань и Шаньдун на севере до Гуандуна на юге. Оно было направлено против феодалов. Непосредственным толчком к восстанию послужил голод, разразившийся в провинциях Хэнань и Шаньдун после засухи. Разумеется, восстание препятствовало и деятельности иностранцев в Китае. См. «Очерки истории Китая» (с древности до «опиумных» войн), М., 1959, гл. IV, стр. 234—254; «Всемирная история», М., 1957, т. III, ч. 3, гл. XVII, стр. 282—283.— *Ред.*]

[2] Chr. M. Frahn, op. cit., S. XIII.

[3] Ptolemäus, VII, 3, 6. Впрочем, по мнению Хирта, это замечание Птолемея относится к двум пограничным бронзовым статуям, которые обозначали рубеж между Китаем и Трунбо с тех пор, как полководец Ма Юань в 41 г. н. э. в сражении на суше и на море на голову разгромил и подчинил аннамитов. См. F. Hirth, Chinesische Studien, München — Leipzig, 1890, S. 20. Возможно, что Птолемей спутал сведения об этих статуях на границе между Китаем и Трунбо и о стене на северной границе?

[4] Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, § 14.

ки этой стены, сначала отправился в Итиль к хазарам, которые лучше арабов знали остававшиеся доступными пути на Дальний Восток. В IX в. еще пользовались древним торговым путем, проходившим от устья Волги мимо северных берегов Аральского моря к Джунгарским Воротам[1]. Этой дорогой еще в 569 г. прошел византиец Зимарх, а позднее, в XIII в., добрались до Монголии Карпини, Рубрук и другие путешественники. Это был «торговый путь всемирного значения, соединявший Волгу с Или, а Или — с Хамийской впадиной в пустыне Гоби»[2]. Понятно, что сведения об этом пути легче всего было получить именно в Итиле.

Предположение, что Саллам избрал такой маршрут, чтобы попасть к Великой Китайской стене, подтверждается в значительной степени самим текстом путевых записей. Более того, на наш взгляд, в цепи фактов, доказывающих, что *интересующая нас «стена Гога и Магога» действительно могла быть только Великой Китайской стеной*, нет ни одного недостающего звена.

Как видно из текста, за Итилем Саллам сначала проезжал по зловонным землям, а затем в течение 20 дней по «местности, где все селения были разрушены». Зловонные земли — это, по всей вероятности, те самые заболоченные районы к северу от Каспийского и Аральского морей, которые, как свидетельствуют и другие путешественники, источали вонь и мешали движению. «Местность, где все селения были разрушены», следует, видимо, искать на землях западных уйгуров, ставших около 840 г., то есть незадолго до поездки Саллама, жертвой опустошительного вторжения хакассов (киргизов)[3]. Именно эта часть путевых записей решительно опровергает точку зрения Миллера, согласно которой Саллам совершил путешествие к землям башкиров. Ведь даже через 400 лет Рубрук особо отмечал полное отсутствие каких-либо селений в стране кочевников-башкиров[4]. Откуда же там могли появиться разрушенные селения?

Еще более вескими оказываются следующие три соображения. Если согласиться с высказанными выше взглядами на маршрут путешествия, то можно предположить, что Саллам воспользовался обычным караванным путем на Сыр-Дарью и проехал вдоль северных отрогов Тянь-Шаня по дороге Алоколь — Баркуль. Затем он перешел через главный перевал восточного Тянь-Шаня и попал в Хами, а оттуда, очевидно, в Аньси. В записях Саллама назван город Ика (Юка), который миновали путешественники. Еще де Гуе, по соображениям географического характера, пришел к убеждению, что этот не поддающийся никакому другому определению город Ика, очевидно, тождествен

---

[1] Джунгарские Ворота находятся между хребтом Джунгарский Алатау и горами Майли (хребет Барлык). См. В. А. Обручев, От Кяхты до Кульджи, АН СССР, 1956, гл. XVII, стр. 264.— *Прим. ред.*

[2] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 157 (и след.).

[3] H. J. Klaproth, op. cit., p. 129; статья Жюльена, см. «Nouveau Journal Asiatique», 1846, p. 240.

[4] H. Herbst, Wilhelm von Rubruk der Bericht über seine Reise in das Innere Asiens, 1925, S. 55.

городу Хами[1]. Впрочем, голландский ученый ничем не обосновал своей точки зрения. Еще один шаг вперед удается сделать, когда выясняется, что неподалеку от Хами находилась бывшая столица уйгуров Игу[2], центр упоминавшегося китайским паломником VII в. Сюань Цзаном «царства Игу»[3]. Некоторое фонетическое различие между названиями Игу и Ика представляется несущественным, тем более если учесть, что арабское «а», видимо, произносилось очень закрыто. В те времена на земле уйгуров, возможно, обосновалось большое количество их сородичей мусульманского вероисповедания, бежавших из более западных областей во время вторжения киргизов. Впрочем, и в самом Китае мусульмане не были в тот период таким уж редким явлением. Во всяком случае, вполне вероятно, что именно в этом районе произошла описанная Салламом встреча с его единоверцами, которые никогда и не слыхивали о повелителе правоверных.

Тот факт, что монгольские кочевые племена Центральной Азии подчас получали наименование «Гог и Магог», явствует также из замечания Лемке относительно страны, которую Марко Поло называл «Тендук»[4]. Страна эта, вероятно, была княжеством Тяньтецюнь, основанным около 750 г. в верхнем течении Хуанхэ. Вот что пишет по этому поводу Лемке: «В средние века страну Тендук, которой правили потомки «царя-священника» Иоанна, называли в Европе «Гогом и Магогом», а в Азии — «Унгом и Мунгулом», то есть страной подданных князя кереитов»[5].

Однако самым веским доводом в пользу того, что Саллам действительно совершил путешествие к Великой Китайской стене, служит тот факт, что как раз в более поздней арабской литературе именно это сооружение фигурирует под названием «стены Гога и Магога». Миллер утверждает, что даже Идриси, величайший из арабских географов, еще ничего не знал о Великой Китайской стене[6], так как в противном случае он не перенес бы «вал Гога и Магога» на северо-восток Азии. Но тот же самый Идриси, утверждавший, как это

---

[1] Хами (по-китайски — Кумул) лежит в Хамийской впадине, на высоте 762 *м* над уровнем моря к югу от хребта Баркультаг; Баркуль (по-китайски — Чженьси) расположен на берегу одноименного озера к северу от хребта Баркультаг. Вероятно, караванный путь проходил через перевал Баркуль, разделяющий хребты Баркультаг и Карлыктаг, на высоте 2780 *м*. — *Прим. ред.*

[2] F. Richthofen, op. cit., B. I, S. 540.

[3] S. Julien, Voyage des pèlerins boudhistes, Paris, 1857—1858, t. II, p. 263.

[4] «Книга Марко Поло», кн. I, гл. 66 и 74.

[5] H. Lemke, Die Reisen des Venezianers Marco Polo, Hamburg, 1906, S. 194 (примечание 1). О взаимосвязях см. гл. 115. [Легенду о «царе-священнике» Иоанне см. И. П. Магидович, Очерки по истории географических открытий, М., 1957, стр. 66—67; см. его же «Книга Марко Поло», 1955, стр. 5—7; *Кереиты* — монгольское племя, ставшее во главе племенного союза и создавшее сильное государство. Оно кочевало в бассейнах нижней Селенги, Керулена и Халхин-Гола. Среди кереитов в начале XI в. утвердилось христианство несторианского толка. См. «Книга Марко Поло», 1955, стр. 27. — *Ред.*]

[6] K. Miller, op. cit., S. 26 (карта Идриси): «О Китайской стене никоим образом не может идти речь».

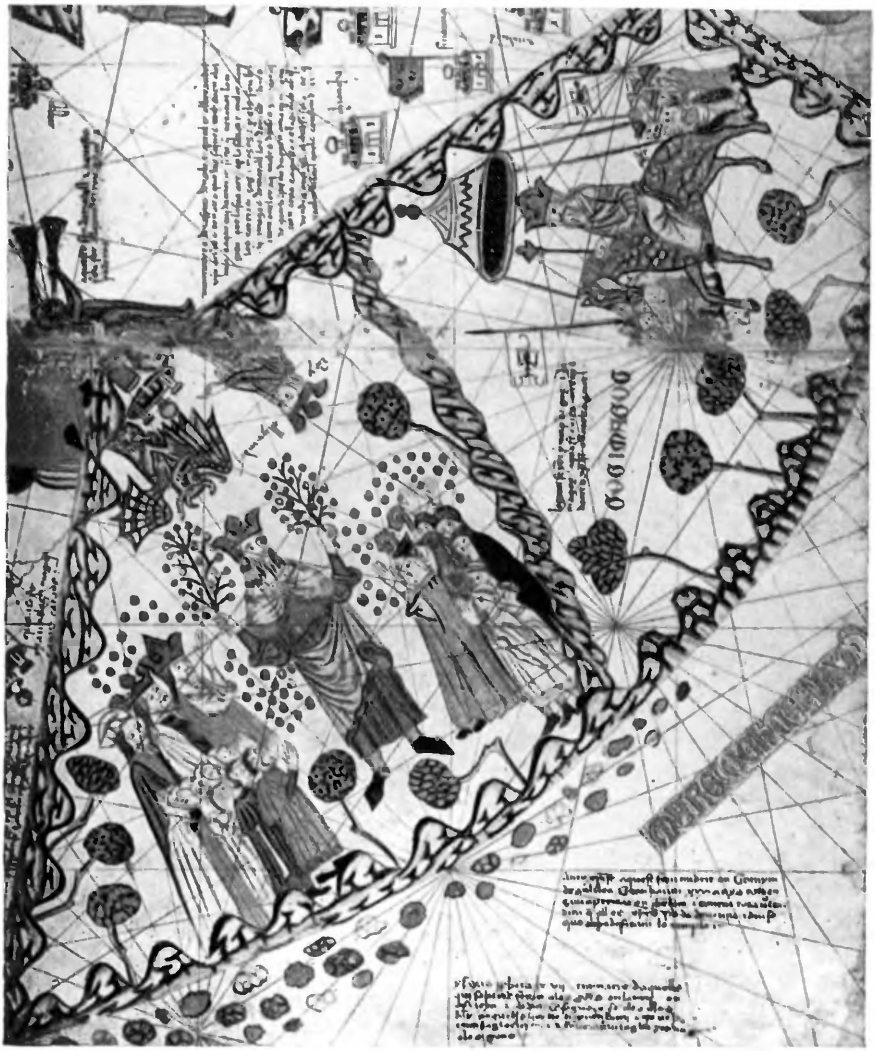

Рис. 3. Фрагмент Каталонской карты мира от 1375 г.

На карте изображены «стена Гога и Магога», ее мнимый строитель «царь Александр» и слева у края — «башни Камбалека [Пекина]» («*chanbalech magni canis catayo*»), столицы великого хана Катая [Китая].

ни странно, что арабы называют «Гогом и Магогом» тюркские племена[1], пишет в другом месте, что «море Син», то есть Китайское, «омывает земли Гога и Магога». А Масуди еще за 200 лет до Идриси, около 950 г., совершенно недвусмысленно говорит о Великой Китайской стене, называя ее «стеной Гога и Магога». Приведенная выше цитата из Масуди, которого Риттер называл «Геродотом Востока»[2], содержит неопровержимое доказательство того, что по имевшимся у арабов сведениям «стена Гога и Магога» доходила до Тихого океана. Итак, не остается никаких сомнений в том, что под этим названием подразумевалась Великая Китайская стена. Ибн-Батутта совершенно определенно употреблял его в этом смысле[3] и к тому же считал, что «стена Гога и Магога» была творением великого Александра[4]. Даже на Каталонской карте мира (1375 г.) «стена Гога и Магога» нанесена к северо-востоку от Лобнора (см. рис. 3)!

После всего сказанного можно не сомневаться, где побывал Саллам, не говоря уж о том, что во всей Азии не было другого столь же важного и известного сооружения для защиты от воинственных кочевников, которое могло бы потревожить сон могущественного халифа в Двуречье.

Существует всего лишь *один* не очень существенный аргумент против Великой Китайской стены. После выхода из города Ика Салламу потребовалось, по его словам, затратить 3 дня, чтобы добраться до «стены Гога и Магога». Между тем ближайшие ответвления Великой Китайской стены удалены от Хами на 300—400 *км*. Чтобы преодолеть такое расстояние, нужно было ехать от этого города еще около 10—12 дней. Здесь мы встречаемся с одним противоречием, которое, впрочем, не имеет большого значения и не может поколебать чрезвычайно веских доводов в *пользу тождества* Великой Китайской стены и описанной Салламом «стены Гога и Магога».

Если изложенные выше рассуждения верны, то обратный путь Саллама из района Аньси примерно до Таласса совпадал с маршрутом его путешествия к стене. Однако затем он, видимо, свернул на юго-запад и, проехав через Самарканд, быстрее достиг исходной точки своего путешествия — Самарры, чем если бы снова избрал путь через Итиль. Впечатления Саллама о путешествии, очевидно, были записаны немедленно после возвращения. Весьма вероятно, что Саллам вернулся на родину в том же году (846 г.?), когда Ибн-Хордадбех работал над своим превосходным географическим трудом. В таком случае естественно было бы желание этого географа тотчас же использовать новые сведения, привезенные Салламом. Васик умер 10 августа 847 г. Поскольку Саллам еще успел доложить халифу о результатах путешествия, возвращение, очевидно, относится к 846 г., а может быть, и к 845 г. Если принять во внимание, что поездка длилась 2½ года, а Васик начал царствовать в 842 г., то такая датировка событий окажется единственно возможной.

[1] E d r i s i, ed. Jaubert, t. II, p. 350.
[2] К. Р и т т е р, указ. соч., стр. 144.
[3] I b n B a t t u t a (пер. Мжика), Hamburg, 1911, S. 425.
[4] Статья Бруна. См. «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erkunde», 1876, S. 279.

Итак, в путевых записях Саллама содержатся указания, отметающие всякие сомнения в их правдивости: зловонная местность, разрушенные селения, город Хами, мусульманские общины недалеко от «стены Гога и Магога». Во всяком случае, автор этих строк не видит ни малейшего повода сомневаться в достоверности рассказа, которая так же велика, как и его значение для истории культуры.

Давая оценку путешествию Саллама, благодаря которому мусульманская культура обогатилась сведениями о неизвестных ей до тех пор областях Центральной Азии, не следует забывать, что география считалась у арабов, по словам Якута (XIII в.), богоугодной наукой[1]. Поэтому любое расширение географических знаний было своего рода благочестивым деянием.

В заключение нужно отметить, что Лелевель дал перечень всех старых карт, на которых фигурирует название «Гог и Магог» или нанесена одноименная стена[2]. Особенно подробное исследование посвятил этому понятию Вивьен де Сан-Мартен[3]. Самая ранняя из известных автору научных работ нового времени, посвященных «стене Гога и Магога»,— это часть лекции, прочитанной д'Анвиллем 22 мая 1761 г.[4]

Суеверный страх перед таинственными «Гогом и Магогом» сохранялся кое-где среди населения в Центральной Азии вплоть до нового времени. Это видно из заметки Беллью о беседе с афганской знатью, состоявшейся в 1860 г.[5]

---

[1] J a q o u t, Dictionnaire de la Perse, ed. Barbier de Meynard, Paris, 1864, t. VII. [Якут-ибн-Абдаллах (1179—1224) — знаменитый арабский географ и путешественник, автор «Географического словаря». См. К а р р а д е В о, Арабские географы, Л., 1941, стр. 10—11.— *Ред.*]

[2] J. L e l e w e l, Géographie du moyen-âge, Bruxelles, 1852,t. I, p. 237 (и след.). [Иохим Лелевель (1786—1861) — выдающийся польский ученый и прогрессивный общественный деятель. Во время восстания 1830—1831 гг. входил в состав временного правительства, являясь представителем левого, демократического крыла польского революционного движения. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили Лелевеля как историка и политического деятеля.

Лелевелю принадлежит много трудов по истории географии, в частности «География средних веков». См. В. П. З у б о в, Историография естественных наук в России, АН СССР, 1956, стр. 214—215 и др.— *Ред.*]

[3] L. V i v i e n d e S a i n t-M a r t i n, Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase, Paris, 1847, p. 40 (и след.).

[4] «Mémoires de l'Académie des Inscriptions», t. XXXI, p. 210. [Жан Батист Бугиньон д'Анвилль (1697—1782) — знаменитый французский географ и картограф, автор «Атласа древней географии» и других трудов.— *Ред.*]

[5] J. B e l l e w, Journal of a mission to Afghanistan, London, 1862, p. 374 (и след.).

ГЛАВА 90

ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ НОРМАННАМИ

(около 860 г.)

Ингоульвом звался тот норвежец, о котором верные люди говорят, что он впервые отправился из Норвегии в Исландию, когда Гаральду Прекрасноволосому было 16 лет, и через несколько лет второй раз совершил это плавание. Он поселился на юге, в Рейкьявике. Место, где он сначала высадился на землю, называется Ингоульвсёвд, восточнее Минтаксейра, а место, где он затем построил себе жилье,— Ингоульвсфелль, западнее Оэльфусы. В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами, и жили там христиане, которых норманны называли папарами. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцами[1].

* * *

На 9-м или, как полагают некоторые, на 10-м году царствования Гаральда несколько купцов отплыло к островам, которые мы называем Фарие [Фарерские]. В море их застигла буря, долго трепавшая их и, наконец, забросившая к берегам далекой страны, о которой кое-кто думает, что это был остров Туле. Я же не решаюсь ни утверждать, ни отрицать этого, ибо мне неведомо, как обстоит дело в действительности. Купцы сошли с кораблей на берег и прошли по этой земле. Но, несмотря на то, что они даже взобрались на горы, нигде не было обнаружено следов человеческого жилья.

Вернувшись в Норвегию, купцы рассказали о земле, которую нашли. И, поскольку они весьма ее хвалили, многие решили отправиться туда, и среди них особенно выделялся вождь по имени Ингоульв... В небольшом числе люди побывали там еще и раньше, что видно по книгам и различным вещам, оставленным ими и найденным норвежцами... До Ингоульва отправилось двое других. Первого звали Гардар, и сначала всю землю называли его именем —

---

[1] «Islendingabók». См. «Thule», Jena, 1928, B. 23, S. 44. [Мыс Ингоульвсёвд находится на юго-восточном берегу Исландии, около 63°50′ с. ш. и 16°40′ з. д.— *Ред.*]

Гардарсхольм, второго же звали Флоки. Того, что я сообщил об этом деле, будет вполне достаточно[1].

* * *

Рассказывают, что люди из Норвегии собрались плыть на Фареры; некоторые называют среди них викинга Наддода. Однако их отнесло на запад, в море, и там они нашли большую землю. Войдя в восточные фьорды, они поднялись на высокую гору и огляделись по сторонам, не видать ли где-нибудь дыма или еще каких-либо признаков, что земля эта обитаема; однако они ничего не заметили. Осенью они вернулись на Фарерские острова. Когда они уходили в море, на горах уже лежало много снега. Поэтому они назвали эту страну Снежной землей. Они очень хвалили эту землю. Место, где они причалили к берегу, зовется теперь Рейдарфьялль[2], в восточных фьордах. Так рассказывал премудрый священник Сэмунд[3]. Одного из этих людей звали Гардаром, сыном Свавара, и был он родом из Швеции. Он совершил плавание вокруг этой земли и установил, что это остров... Гардар отправился в Норвегию и там очень хвалил эту землю... С тех пор ее стали называть Гардарсхольм[4].

Содержащееся в приведенных выше источниках сообщение об открытии Исландии норманнами вполне понятно и без всяких комментариев. Заслуживает внимания, что здесь находят подтверждение данные, содержащиеся в более древних (на 300—400 лет) записях ирландца Дикуила (гл. 83). Согласно этим записям, раньше всех добрались до Исландии благочестивые ирландские отшельники, покинувшие остров сразу после появления на нем норманнов. Видимо, им пришлось спасаться бегством, так как в противном случае они вряд ли бросили бы дорогие им «книги, колокольчики и посохи».

Точная дата открытия Исландии норманнами столь же мало известна, как и имя ее первооткрывателя. Указание Тьодрика на то, что событие это случилось на 9-м или на 10-м году правления короля Гаральда Прекрасноволосого (865—932), ничего нам не дает, так как на 9-м году произошло *заселение* Исландии, а не ее *открытие*. Честь открытия приписывается обычно Наддоду, но справедливо ли это, остается под вопросом. Скончавшийся 1 апреля 1932 г. директор Кёльнской библиотеки Эркес, бывший одним из

---

[1] Tjodrik Munk (около 1180 г.), Historia de Antiquitate rerum Norwagiensium. См. G. Storm, Monumenta Historica Norwegiae, Christiania, 1880, p. 8.

[2] Возможно, на берегу современного залива Рейдар-фьорд (65° с. ш.).— *Прим. ред.*

[3] Сэмунд Сигфуссон (1056—1133) — наряду с Ари Фроде древнейший исландский историограф.

[4] «Landnamabók», Кар. 2. См. «Thule», Jena, 1928, B. 23, S. 62 (и след.).

лучших знатоков исландской истории, в своем письме к автору от 19 ноября 1927 г. сообщил по этому поводу следующее:

«Достоверные источники не упоминают о Наддоде; в них либо никто не называется, либо речь идет о Гардаре. Вероятнее всего, отдельные норманны попадали в Исландию и ранее 860 г., но их имена не сохранились. Лишь при повторном открытии в качестве первооткрывателя стали называть имя Гардара. Однако было известно, что кто-то обнаружил Исландию еще до Гардара, и эти смутные воспоминания о первом плавании в Исландию задним числом поставили в связь с именем некоего Наддода. В действительности же Наддод, судя по его имени, был не норманном, а британом, переселившимся из Британии на Фарерские острова. Оттуда он совершил поездку в Норвегию и хотел возвратиться вместе с норвежскими викингами на Фарерские острова, но был заброшен бурей в Исландию».

Норманн Гардар, возможно, и не был первым человеком, увидевшим Исландию, но он сыграл важнейшую роль в ее открытии. Ведь, обойдя вокруг Исландии на корабле, Гардар установил ее островной характер и размеры. Это, очевидно, произошло вскоре после первого обнаружения острова и, во всяком случае, еще до окончательного заселения его норманнами, которое, видимо, относится к 874 г. В «Ланднамабоке» даже говорится, что Гардар первым открыл остров, а Наддод повторил это открытие[1]. Да и не так уж важно, как звали первого норманна, увидевшего берега Исландии, раз нам все равно ничего более о нем неизвестно.

Зато мы знаем имя первого норманского колониста в Исландии — это был Ингоульв, сын Арнара. Создание норманской колонии в Исландии, расцвеченное вымыслами многочисленных саг[2], сыграло важную роль в истории культуры и, как известно, имело особенно большое значение для сохранения древнескандинавской литературы. Ирландские монахи после появления норманнов сразу ушли с восточного побережья, но, видимо, в течение ряда лет обитали на западном и южном берегах, в частности в обнаруженных недавно пещерах. Очевидно, они особенно долго удерживались на островах Вестманнаэйяр, расположенных к югу от главного острова. Судя по скандинавскому названию этих островов, норманнам в течение долгого времени было известно, что их населяют «вестманна» (западные люди), то есть ирландцы. Когда же в Исландию стало прибывать все больше норманнов, отшельники окончательно отсюда удалились.

---

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, S. 275 (и след.).

[2] C. Maurer, Isländische Volkssagen der Gegenwart, Leipzig, 1860, S. 216.

ГЛАВА 91

ПЛАВАНИЕ ГУНБЬЁРНА К «ГУНБЬЁРНОВЫМ ШХЕРАМ»

(около 870 г.)

Эйрик Рыжий сказал, что он намерен найти землю, которую видел Гунбьёрн, сын Ульва Краке, когда он дрейфовал в море западнее Исландии и открыл Гунбьёрновы шхеры[1].

* * *

Прибывшие сюда недавно знающие и опытные люди родом из Гренландии говорят, что от Стада в Норвегии до восточного берега Исландии нужно 7 дней идти под парусами в западном направлении. От Снайфедльснеса в Исландии, который находится на наименьшем расстоянии от Гренландии, 2 дня и 2 ночи плавания до Гунбьёрновых шхер, находящихся на полпути между Гренландией и Исландией[2].

* * *

Эйрик Рыжий отправился в Гренландию по той лишь причине, что старики помнили и говорили о том, что Гунбьёрн, сын Ульва Крака, как будто видел в одно и то же время ледники в Западном море и ледник Снайфедль здесь [то есть в Исландии], когда он отплыл от острова Гардара [Исландия] и его несло по морю на запад. В то время Исландия была совсем необитаема, ее лишь незадолго до того открыл Гардар, который обошел ее на корабле, двигаясь от одного мыса к другому, и назвал Гардарсхольмом. Гунбьёрн же, прибывший позже, обогнул остров на гораздо большем расстоянии от него, хотя и не терял земли из виду. Поэтому он назвал те острова шхерами, а не хольмом[3].

Разведывательное плавание, которое предпринял в водах Исландии норманн Гунбьёрн, подобно своему предшественнику Гардару, вскоре после

---

[1] «Landnamabók». См. T. S t e c h e, Wikinger entdecken Amerika, S. 14.

[2] «Рассказ о путешествии Ивара Бардсена» (оригинал утерян). См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 259.

[3] Сообщение Бьёрна Йонссона. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1838, B. I, S. 88.

открытия острова, само по себе не заслуживало бы даже упоминания. Но оно послужило косвенным поводом к одному из важнейших географических открытий, совершенных норманнами через 100 с лишним лет, а именно к открытию Гренландии (гл. 99).

Похоже на то, что Гунбьёрн, сын Ульва, как в свое время Гардар, стремился лишь совершить плавание вокруг Исландии, хотя и на большем расстоянии от берега. При этом он якобы обнаружил одну или несколько шхер или даже первым увидел издали гренландские ледники. Сейчас нельзя точно установить, где именно побывал Гунбьёрн и что за «Гунбьёрновы шхеры» он открыл. Начиная с 1838 г. ученые пытаются решить эту задачу[1], но и по сей день не добились ясности в этом вопросе.

Нансен полагал, что Гунбьёрн, возможно, достиг мелких островов либо у мыса Фарвель, либо у Ангмагсалика, но ограничился осмотром их с корабля, и, «вероятно, немедленно отправился дальше, увидев, что обнаруженная им земля была мало привлекательной и не подходила для зимовки»[2]. Мюллер, напротив, считал, что «Гунбьёрновыми шхерами» были острова Данелс[3]. Наконец, Могк думал, что речь шла о некоем не существующем ныне острове[4], который карта Рейса (1508 г.) помещает на полпути между Исландией и Гренландией и снабжает следующим примечанием: «Остров сей полностью сгорел в 1456 г.»

Нам не известно, что кроется за этим примечанием. Ни в одном из более ранних источников ни слова не говорится о каком-либо острове, расположенном на середине пути между Гренландией и Исландией; ни в одной летописи не сообщается о каком-либо извержении вулкана в 1456 г. Правда, в районе вулканической Исландии нередко возникали новые острова, которые впоследствии вновь исчезали (например, в 1240, 1422[5] и 1783[6] гг.). Итак, не исключено, что в 1456 г. в результате вулканической деятельности исчез какой-то остров. Однако кажется невероятным, чтобы никто никогда ни единым словом не обмолвился об этом острове, хотя с X по XV в. между Исландией и Гренландией совершались многочисленные плавания. Поэтому примечание Рейса представляется мало достоверным и, видимо, было плодом вымысла, отнюдь не чуждого некоторым фантазерам-картографам в те века. Кроме того, в соответствии с измерениями, произведенными немецкой экспедицией на судне «Метеор», глубины в интересующих нас районах так значительны, что существование там какого-либо острова менее чем за 500 лет до наших дней исключается[7]. Поэтому у нас есть основания давать рас-

[1] «Om Gunnbjørns Skjaer», см. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1838, B. I, S. 71.

[2] F. Hansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 283.

[3] K. Müller, Altgermanische Mecresherrschaft, Gotha, 1914, S. 371.

[4] E. Mogk, Die Entdeckung Amerikas durch die Nordgermanen, «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig,» 1892, S. 64 (примечание); «Die Entdeckungen der Normannen in Nordamerika», см. «Geographische Zeitschrift», 1902, S. 64 (примечание 1).

[5] Th. Thoroddsen, Geschichte der Isländischen Geographie, Leipzig, 1897, B. I, S. 89.

[6] M. Neumayer, Erdgeschichte, Wien, 1895, B. I, S. 189.

[7] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 282 (и след.).

сказу о «Гунбьёрновых шхерах» совсем иную трактовку, чем это сделал Могк.

Если верить сообщению Бьёрна Йонссона о том, что, плывя вокруг Исландии, Гунбьёрн ни разу «не терял земли из виду», то едва ли он мог увидеть саму Гренландию или прибрежные острова, разве что то был мираж, возникающий иногда в тех водах. По словам Нансена, в море нет такого пункта, с которого можно было бы одновременно увидеть самые высокие горы Исландии и Гренландии[1]. Правда, мореплавателям удается увидеть исландский глетчер Снайфедль[2], а затем всего через несколько часов плавания — Ингольвьберг в Гренландии. Итак, эти самые выдающиеся возвышенности можно заметить в один и тот же день, но не одновременно. Впрочем, специалист по Гренландии Хаммерих утверждает, что в отдельных редких случаях, при совершенно ясной погоде, на самом узком участке Датского пролива (160 морских миль), между исландским мысом Ходн и гренландским мысом Гривель, «с обеих сторон видна земля»[3]. Более того, проф. Дашмайер (Гамбург) уверяет, что он лично увидел Гренландию с западного берега Ирландии. Здесь, конечно, имел место мираж, объясняющийся преломлением лучей и связанный с инверсией температуры воздуха на высоте 1000—1500 *м*. Благодаря этому именно в полярных районах становятся видимыми предметы в вертикальном положении на расстоянии свыше 300 *км*, а подчас и 400 *км*[4].

Загадка «Гунбьёрновых шхер» имеет только два решения. Первое из них — Гунбьёрна ввели в заблуждение фата-моргана и низкая гряда облаков, которую в открытом море легко принять за землю. Но в таком случае трудно понять, почему он рассказывал, что видел именно шхеры, то есть скалы. Ведь мираж, безусловно, показал бы Гунбьёрну высокие горы Гренландии, которые никак нельзя спутать со шхерами, да и гряду облаков можно принять за плоские острова, но не за шхеры. Впрочем, можно иначе истолковать рассказ Гунбьёрна.

Севернее Исландии, на расстоянии 104 *км* от главного острова, то есть в таком месте, с которого еще видны горы Исландии, посреди моря стоит небольшая одинокая скала Мевенсклинт, которая во времена поздних норманнов, видимо, носила название «Кольбейнси». Если Гунбьёрн действительно плыл с таким расчетом, чтобы максимально удалиться от Исландии, но все же не терять ее полностью из виду, то ему неминуемо пришлось пройти в виду Мевенсклинта. Его сообщение о «Гунбьёрновых шхерах», возможно, и основывалось на том, что он увидел эту скалу. Такое предположение, впервые высказанное Йонссоном[5], поддержал Нансен[6].

---

[1] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 319.

[2] Имеется в виду ледник Дранга-Екул, находящийся в северо-западной части Исландии на горе Снайфедль (925 *м* над уровнем океана).— *Прим. ред.*

[3] L. Hammerich, Aus nordischen Siedlungen in Grönland, «Kieler Blätter», 1941, S. 84.

[4] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 14. Oktober, 1939 (сообщение о докладе проф. Хоббса в Гамбургской морской обсерватории).

[5] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 214.

[6] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 309.

Дату экспедиции можно определить лишь приблизительно. Вильгельм[1] относил ее к 876—877 гг., Мунх — к 870 г.[2], Риттер — к 877 г.[3], Нансен — примерно к 900 г.[4], Мюллер — к 874 г.[5] Поскольку Йонссон в цитированной работе утверждает, что Гунбьёрн, безусловно, совершил свое плавание еще до колонизации Исландии, происшедшей в 874 г., автор считает этот год предельной датой. Плавание Гунбьёрна последовало, на его взгляд, вскоре за экспедицией Гардара. Поэтому самой близкой к истине представляется точка зрения Мунха, относящего плавание Гунбьёрна к 870 г.

---

[1] C. Wilhelm, Island, Hvitramannaland, Grönland und Vinland, Heidelberg, 1842, S. 122.

[2] P. A. Munch, Det norske Folks Historie, Christiania, 1851, B. II, S. 358.

[3] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, стр. 163.

[4] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 282.

[5] K. Müller, Altgermanische Meeresherrschaft, Gotha, 1914, S. 371.

ГЛАВА 92

ИБН-ВАХАБ В НАНКИНЕ

(около 874 г.)

Что же касается тех мест, откуда отплывают корабли, и тех, к которым они пристают, то, по свидетельству различных лиц, судоходство осуществляется следующим образом. Бóльшая часть китайских кораблей принимает груз в Сирафе, где они берут товары, привозимые туда из Бальсоры [Бассоры.— *Ред.*], Омана и других мест... Когда погрузка товаров в Сирафе заканчивается, они пополняют запасы воды и идут под парусами в Маскат, расположенный в самой крайней части провинции Оман, в 200 часах плавания от Сирафа... Оттуда корабли держат путь в Индию и сначала заходят в Каукаммели [Куилон]. При попутном ветре плавание от Маската до Каукаммели продолжается месяц... Набрав в Каукаммели воды, они выходят в Херкендское море [Бенгальский залив]. Миновав его, корабли пристают к берегу у города Легебалус, жители которого не понимают ни арабского, ни какого-либо иного языка, известного купцам. Они ходят без одежды; кожа у них белая, и они плохо держатся на ногах... Оттуда корабли плывут в Калабар... Приблизительно в месяце пути от Калабара находится город Каукам... После 10-дневного плавания корабли прибывают в место, именуемое Бетума, где можно набрать воды, если она нужна. Отсюда они за 10 дней добираются до Сенефа... Набрав здесь воды, они 10 дней плывут до Сендерфулата — острова, на котором есть пресная вода. Затем корабли сворачивают в море Сенги и плывут по нему до границ Китая. Чтобы доехать от Сендерфулата до Китая, требуется месяц.

...За страной Китай находится Страна тагазгазов, которые относятся к тюркам. Земли Китая, граничащие с землями тюрок, называются Тибетом. У той же части Китая, которая омывается морем, расположены острова Сила. На них обитает светлокожий народ, живущий в мире с китайским императором, и там считают, что небо не пошлет их земле дождя, если они не принесут ему даров. Однако люди из наших стран еще не бывали там, а потому никто не может рассказать о них. В этой стране встречаются белые соколы...

Однажды жил в Бальсоре человек из рода Корейх, по имени Ибн-Вахаб. Когда город Бальсора подвергся разграблению, он бежал оттуда, добрался до Сирафа и там нашел корабль, который

должен был вскоре отплыть в Китай. Ему захотелось отправиться в плавание на этом корабле, и так его привезли в Китай. Там он ощутил желание взглянуть на императорский двор; он выехал из города Ханьфу и через 2 месяца прибыл в Кумдан. Долгое время он оставался при дворе императора... Император дал ему аудиенцию и щедро наградил подарками, с которыми он вернулся в Ирак. Мы видели этого человека, когда он уже был в весьма преклонном возрасте[1].

Около 900 г. н. э. или немногим позднее Абу Саид ал-Хасан, который был родом из города Сираф на берегу Персидского залива, написал ценный труд «Акбар ал-Син ва'л Хинд» («Сведения о Китае и Индии»), содержащий чрезвычайно важные сообщения о широком развитии арабского торгового судоходства в IX в. и о связях арабов с Китаем. Этот труд, ставший объектом самого пристального внимания в научной литературе[2], опирается на два более ранних отчета о путешествиях. Первый из них, как прямо указано в вводной части, был написан в 851 г. иудейским купцом Солиманом из Андалузии, который, видимо, объездил мусульманские страны Передней Азии вплоть до границ Индии. Сам Солиман восточнее Индии не бывал, хоть Рейно и придерживался мнения, что этот купец неоднократно совершал плавания в Индию и Китай[3]. Как бы то ни было, мы должны быть благодарны ему за то, что он собрал и записал сообщения о дальних странах, сведя воедино рассказы побывавших в Китае мусульман, о которых мы без его помощи ничего не знали бы[4]. Насколько хорошо был информирован Солиман, видно из того, что он уже упоминает о китайском фарфоре:

«Есть у них чудесная земля, из которой они изготавливают вазы, столь хрупкие, словно они из стекла, и совершенно прозрачные»[5].

---

[1] Сообщение Абу Саида. См. A b u S a i d, Akhbar al-Sin wa'l Hind. См. «Anciens relations des Indes et de la Chine de deux voyageurs Mahométans, qui y allèrent dans le neuvième siècle», ed. E. Renaudot, Paris, 1718, p.12 (и след.), 47 (и след.), 63 (и след.).

[2] Сводку литературы по этому вопросу см. H. Y u l e, Cathai and the way thither, London, 1866, v. I, p. CII. [О том, что арабы с ранних исторических времен поддерживали оживленный торговый и культурный обмен с другими народами бассейна Индийского океана, сообщается в интересном исследовании Шумовского. См. Т. А. Ш у м о в с к и й, Арабское мореплавание до ислама, «Страны и народы Востока», М., 1959, вып. 1, стр. 162—193.—*Ред.*]

[3] M. R e i n a u d, Fragments arabes et persans, «Journal Asiatique», 1844, t. VIII, p. 115.

[4] G. F e r r a n d, Voyage du marchand arabe Sulayman en Inde et en Chine, «Les Classique de l'Orient», Paris, 1922, t. VII, p. 156 (и след.).

[5] R e n a u d o t, op cit., p. 26. Это вообще самое раннее бесспорное упоминание о фарфоре, искусство изготовления которого было открыто в Китае, очевидно, в начале VII в. См. F. H i r t h, Ancient Porcelain: a study in Chinese mediaeval industry and trade, Leipzig — München, 1888, p. 5). К более ранним находкам китайского фарфора следует относиться скептически. Так, фарфор, найденный Роселлини в древнеегипетском захоронении

Первым Солиман рассказывает и о вине, получаемом в Китае из риса. Это «древнейшие сведения о китайской водке»[1].

Что касается второй части труда Абу Саида, то в ней содержится сообщение о путешествиях в Китай после 870 г. Оно отличается от прочих чисто торговых плаваний в китайские порты тем, что было продолжено во внутренние районы страны, а закончилось в Нанкине, тогдашней резиденции императора. Автором этого сообщения был арабский купец Ибн-Вахаб, который покинул свой родной город Бассору, после того как его разграбили в 871 г. восставшие зинджы[2], и отправился через Индию в Китай.

Именно в IX в. арабская морская торговля с Китаем достигла расцвета. В VII и VIII вв., когда широко использовались сухопутные дороги, морские перевозки, очевидно, отступили на задний план. Но в 763 г. наземные дороги были перерезаны и роль судоходства вновь возросла. Между тем IX в. (век «1001 ночи») стал свидетелем небывалого развития судоходства в Индийском океане и омывающих Китай морях, пока в 878 г. положение резко и надолго не изменилось к худшему по причинам, на которых мы остановимся ниже. Для всей истории культурных связей в древности характерна беспрерывная смена подъема и упадка дальневосточных коммуникаций и поочередное преобладание то сухопутного, то морского сообщения.

Ко временам Ибн-Вахаба и Солимана торговля между Двуречьем и Китаем велась уже в течение ряда столетий. Еще до 300 г. н. э. в Китай был привезен жасмин, родиной которого считается Персия. Об этом свидетельствует упоминание этого растения в написанном около 300 г. труде «Наньфанцаомучжуян»[3]. Согласно преданиям, учение Мухаммеда (Магомета) стало известно в Китае не то между 622 и 626 гг., то есть благодаря четырем его ученикам еще при жизни самого основателя мусульманской религии, не то немногим позже в результате видения, ниспосланного свыше великому императору Тай-цзуну[4]. Плавания китайских судов в район Двуречья, а также арабских кораблей в Китай приняли в VIII и IX вв. удивительный размах. По данным Рихтгофена, на Евфрате из года в год появлялось множество китайских кораблей[5], а между 785 и 805 гг. китаец Цзя Тань даже написал подробную

(см. гл. 30) и упоминаемый в XII в. в «Чуфаньчи» (см. гл. 112) фарфор времен династии Сун (420—479), обнаруженный в районе Занзибара, видимо, позднейшего происхождения (см. «Chu-fan-chi», ed. F. Hirth, p. 127, примечание 4). Недоверие вызывают также утверждения японцев, согласно которым еще в 27 г. до н. э. корейский принц из страны Синра основал в островном государстве производство фарфора. Статья Имари Яко, см. «Représentation et description des plus célèbres productions terrestres et marines par Kinura Kô-Kyo», Osaka, 1799; статья Гофмана, см. «Japonais Journal Asiatique», Paris, 1855, sér 5, t. 5. В Европе китайский фарфор стал известен только с середины XIII в. См. O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 98.

[1] J. G. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O., 1784, S. 181.

[2] «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 701.

[3] Статья Мьерса. См. «China Review», v. VI, p. 276.

[4] Статья Гартмана. См. «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 875.

[5] F. Richthofen. China, Berlin, 1877.

инструкцию для парусных судов о плавании от Гуанчжоу до Персидского залива[1]. Уже в 763 г. в южнокитайских портах подвизалось огромное число чужеземных купцов, среди которых главную роль играли арабы и персы. В этом году они предприняли успешное нападение на Гуанчжоу и разграбили там склады с товарами. Обстановка в Гуанчжоу в то время, видимо, напоминала положение, сложившееся в XIV и XV вв. в норвежском порту Бергене, где немецкие купцы-ганзейцы обладали такой силой, что в 1455 г. безнаказанно убили норвежского наместника, епископа и 60 горожан.

В IX в. господству чужеземных купцов в Китае, которое пробудило народный гнев, одним ударом был положен конец: в 875 г. под руководством Хуан Чао (по-арабски — Банчао) вспыхнуло грозное восстание, вызванное порочной политикой императора И-цзупа (859—874) и в течение ряда лет опустошавшее Китай[2]. Восстание это было направлено также против всех чужеземцев, и в 878 г. многие из них лишились жизни в нынешнем Ханчжоу. Жертвой народного гнева пали мусульмане, христиане, иудеи, буддисты и другие последователи чужих религий, в первую очередь все иностранные купцы. В источниках приводятся весьма различные цифры убитых в Ханчжоу чужестранцев — от 26 тыс. до 200 тыс. Это избиение наряду с резко отрицательным отношением к дальнейшим связям с иноземцами позднее было причиной повсеместной вырубки необходимых для производства шелка тутовых деревьев и неоднократного разграбления купеческих судов. Все это привело к тому, что морские торговые связи с арабами оказались прерванными на века. «Арабы не плавали больше в Китай, ибо одержавшие победу мятежники подвергали избиению команды судов и конфисковывали корабли вместе с грузом»[3]. С этих пор арабские торговые суда стали ходить только до Каликута [Кожикоде] на Малабарском береге Индостана[4] или до Галле на юго-западе острова Цейлона[5]. Китайцам приходилось самим посылать свои корабли в эти гавани, если они не хотели полностью отказаться от всякого обмена товарами. Впрочем, они и раньше лишь в том случае ходили в плавание, если иностранцы не прибывали к ним сами. Масуди подчеркивает, что в его время (X в.) арабские и китайские купцы обычно встречались в Галла (то есть в Галле). С точки зрения истории культурных связей наибольшее значение имеет, конечно, то, что в IX в. в китайских портах собиралось такое огромное количество иностранных купцов.

Путешествие Ибн-Вахаба, очевидно, состоялось незадолго до катастрофы 878 г., когда в Китае было еще спокойно. Точно определить время путешествия нельзя. Но, поскольку разрушение Бассоры относится к 871 г. (после чего плавание могло состояться), а избиение в Ханчжоу — к 878 г. — дата,

---

[1] Полный текст приводится у Чжао Ю-гуа. См. «Chu-fan-chi», ed. F. Hirth, W. W. Rockhill, St. Petersburg, 1911, p. 10, 14.

[2] Подробное описание см. H. J. K l a p r o t h, op. cit., p. 223 (и след.).

[3] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 107.

[4] F. R i c h t h o f e n, China, Berlin, 1877, B. I, S. 519 (и след.).

[5] Статья Гартмана. См. «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 876.

до которой оно должно было завершиться, можно, пожалуй, согласиться с Краузе, считавшим, что Ибн-Вахаб находился в Китае в 874 г.[1]

Итак, Солиман и Ибн-Вахаб описывают как раз тот период, когда морская торговля арабов с Китаем достигла своего высшего расцвета. Поэтому по их рассказам мы можем, как отмечает Хирт, «изучить положение на важнейшем торговом пути, который вел от Багдада, Басры и Сирафа через Малабарский берег, Цейлон и Яву в Китай»[2]. Следует особо подчеркнуть, что расположенный на севере Суматры Палембанг (Сривиджайя) долгое время был очень важным центром торговли и буддийской религии, где «купцы обычно останавливались и закупали пряности для Гуанчжоу»[3].

Приблизительно к той же культурной среде и к тому же периоду, что и сообщения Солимана и Ибн-Вахаба, относятся известные рассказы о мореплавателях из «1001 ночи», истории Синдбада Мореход[4], приключения «третьего календера и царского сына», принца Аджиба у Магнитной горы, а также «Книга чудес»[5]. Впрочем, автор полагает, что все эти расцвеченные фантастическими вымыслами произведения все же возникли несколькими десятилетиями позже, чем сообщения, записанные Абу Саидом. Так, Синдбад в своих странствиях ни разу не попадает дальше Суматры, а о Китае в его рассказах вообще не говорится ни слова. Если бы в тот период, когда создавались эти сказки, поездка в Китай все еще была обычным делом, то неизвестный автор наверняка отправил бы своих героев и в эту страну. Рейно полагает, что Синдбад из «1001 ночи» был историческим лицом, совершившим ряд плаваний в Индию[6]. Однако в таком случае он жил не в VIII или IX в., как думает Рейно, а не раньше X в., то есть по крайней мере через несколько десятилетий после катастрофы 878 г. Впрочем, автор не решается утверждать, означает ли отсутствие каких-либо упоминаний о Китае в «1001 ночи», что это знаменитое произведение было создано позже 878 г. Для нас эта проблема не представляет особого интереса, но на нее следует обратить внимание востоковедов. Во всяком случае, если сказки «1001 ночи» были сочинены позже 878 г., то это полностью соответствует утверждениям Мжика:

«Поскольку прямое сообщение с Китаем по морю в X в. было нарушено из-за внутренних беспорядков, арабские корабли ходили только до Калаха [на Малакке], куда прибывали и китайские суда. Впоследствии моряки из западных стран стали распространять небылицы о том, что за Калахом мореплавание вообще невозможно»[7].

---

[1] F. E. A. K r a u s e, Geschichte Ostasiens, Göttingen, 1925, B. I, S. 348.

[2] F. H i r t h, Zur Geschichte des Orienthandels im Mittelalter, Chinesisch Studien, München — Leipzig, 1890, S. 25.

[3] S. B e a l, The life of Hiuen Tsiang by the Shaman Hwui Li, London, 1914.

[4] «Сказка о Синдбаде Мореходе», «Книга 1001 ночи», пер. с арабского М. А. Салье, т. 5, стр. 264—344.—*Прим. ред.*

[5] Б у з у р г - и б н - Ш а х р и я р, Чудеса Индии, пер. с арабского Р. Л. Эрлих, М., 1959.

[6] M. R e i n a u d, Relation des Voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le 9me siècle de l'ère chrétienne, Paris, 1845, p. CLXXX.

[7] «Orientalische Literaturzeitung», 1942, S. 242.

Как бы то ни было, книга о Синдбаде создана ранее 950 г., так как Масуди был уже знаком с ней[1]. Знаменитый географический труд Масуди был написан между 943 и 947 гг. и подвергался переработке в 956—957 гг.[2]

Острова Сила, которые названы у Абу Саида, но были известны и многим другим арабам того времени, считались у мусульман Передней Азии самыми окраинными землями Восточной Азии. Иногда их также называли «страной Шюла», или «эс-Сила»[3]. Различные ученые пытались выяснить, что кроется за этим названием. Лелевель, основывавшийся только на созвучии, отождествлял их с островами Сулу[4], Рейно, издатель Абу Саида,— с Японией[5]; Рихтгофен — с Южной Кореей[6]. С Рихтгофеном соглашался и де Гуе, впрочем с оговоркой, что подчас под этим названием могли выступать и районы Японии[7]. Флюкигер считает Силой остров Хайнань и близлежащее побережье материка[8].

К правильным выводам можно, очевидно, прийти, если принять во внимание, что в ближайшей к Японии части Кореи с давних времен существовало государство Силла (см. гл. 113). Поэтому Рихтгофен и де Гуе, видимо, ближе других подошли к истине. Возможно, что первоначально под названием «Сила» действительно подразумевалась только Корея. По данным Лонгфорда, в этом районе еще около 50 г. до н. э. возникло государство Симло, называвшееся также Силла или Шюла, а по-японски — Сираги[9]. Правда, не исключено, что понятие это не имело постоянного содержания и временами распространялось также на часть Японских островов. Впрочем, у корейского побережья тоже разбросано бесчисленное множество мелких островов, которым царь страны Силлы был обязан титулом «повелителя 10 000 островов»[10]. Среди немногих арабов, располагавших более или менее точными сведениями о Дальнем Востоке, Япония именовалась Ваквак, что, видимо, было искажением японского названия (см. гл. 101). Ибн-Хордадбех четко различает Силу и Ваквак[11]. Что же до большинства других авторов, то они употребляют слово «Сила» как собирательное название для всех земель и островов, расположенных восточнее Китая. Следует иметь в виду, что Корея

---

[1] L. Langlès, Les voyages de Sindbad le marin, Paris, 1814, p. 9 (и след.).

[2] Статья Шарнуа. См. «Mémoires de l'Académie Impériale de St. Pétersburg», 1834, p. 5.

[3] Masudi, ed. A. Sprenger, London, 1841, p. 358 (и след.).

[4] J. Lelewel, Géographie du moyen-âge, Bruxelles, 1852, t. III, p. 3, 20.

[5] M. Reinaud, op. cit., t. II, p. 39.

[6] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, S. 1.

[7] M. J. de Goeje, Arabische Berichten over Japan, «Mededeelingen Akademie van Wetenschappen», Amsterdam, 1880, II. Reeks, Deel X, 3.

[8] F. A. Flückiger, Pharmokognosie des Pflanzenreichs, Berlin, 1882, S. 335.

[9] J. H. Longford, The Story of Korea, London, 1911, p. 63.

[10] Ibn Khordadbeh, Kitâb al-Masâlik wa'l Mamalik, ed. de Goeje, Leiden, 1889, S. 50.

[11] E. Renaudot, Anciennes relations des Indes et de la Chine, de deux voyages mahométans qui y allèrent dans le IX me siècle de notre ère, Paris, 1718 (London, 1733).

в те времена легко могла сойти за остров, так как из Китая до нее, очевидно, добирались только морем. Итак, ничто не мешает нам толковать название «острова Сила» в самом общем понимании, относя к ним и Корею и Японские острова, и не пытаться проводить более точные границы.

Встречающуюся у Ибн-Вахаба «Страну тагазгазов, которые относятся к тюркам», правильнее называть «Тагузгуз», что и сделал около 903 г. Ибн-Русте[1]. Это слово в свою очередь является сокращением от «Тохуз-Огуз», то есть «9 огузов»[2]. Тюркские племена огузов примерно соответствуют современным туркменам. Главные районы их расселения находились в бассейне Сыр-Дарьи. Об этих племенах упоминается также в Орхонских надписях VIII в.

После осуществленного Ренодо первого издания труда Абу Саида, который знакомит нас с Восточной Азией IX в., подлинность его подвергалась сомнению. Но в 1764 г. де Гинь сообщил, что ему удалось обнаружить в Парижской королевской библиотеке среди оставшихся после Ренодо материалов рукопись арабского оригинала[3]. Позднейшие исследования[4] рассеяли всякие сомнения в высокой ценности для истории культуры рассказов о путешествиях, записанных Абу Саидом[5].

Хочется воспользоваться случаем, чтобы подчеркнуть одно обстоятельство, которое придется учитывать еще в ряде глав и которое зачастую неоправданно упускается из виду. В столетия, предшествовавшие крестовым походам, география у арабов стояла на несравненно более высоком уровне, чем у большинства европейских народов. До Марко Поло ни у кого в Европе не было таких широких географических знаний, какими располагали Ибн-Хордадбех, Масуди и особенно великий Идриси. Минорский справедливо отметил, что «за 300 лет до Марко Поло мусульмане обладали весьма точным описанием стран, народов, дорог и товаров, встречавшихся на территории от Испании и Марокко до земель, которые находились за Китаем и Тибетом»[6].

---

[1] Ibn Rosteh, Al A'lāk al Na-fisa, ed. de Goeje, Leiden, 1892, S. 97 (и след.). [Ибн-Русте (иначе называемый Ибн-Даста) — арабский географ начала X в., автор «Книги драгоценных камней», посвященной описанию стран и народов. Часть ее была переведена на русский язык Д. А. Хвольсоном. См. «Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских», СПБ, 1869. Отрывки из этого труда приводятся также у Н. А. Караулова (см. указ. соч., вып. XXXII, 1903, стр. 37—51).— *Ред.*]

[2] Статья Бартольда. См. «Enzyklopädie des Islam», B. II, S. 178.

[3] «Lettre de Mons. de Guignes». См. «Journal des Savants», Decembre, 1764, p. 317. Де Гинь датировал путешествие Ибн-Вахаба 877 г.

[4] M. Reinaud, op. cit., p. 12 (и след.); статья Дюлорье, см. «Journal Asiatique», 1846, No 10; G. Ferrand, Voyage du marchand arabe Sulaiman en Inde et en Chine, Paris, 1922.

[5] Помимо уже цитированных работ, посвященных путевым запискам Абу Саида, отметим следующие: Dulaurier, Etudes sur la relation des voyages, «Journal Asiatique», 1846, p. 131, 222; Chr. Lassen, Indische Altertumskunde, Bonn, 1844—1861, B. IV, S. 911 (и след.); статья Катремера, см. «Journal des Savants», Septembre—Novembre, 1846; A. Sprenger, Die Post- und Reiserouten des Morgenlandes, «Abhandlungen über die Kunde des Morgenlandes», Leipzig, 1864, B. 3, No 3, S. 79.

[6] «Geographical Journal», 1937, p. 259.

ГЛАВА 93

ОТЕР В БЕЛОМ МОРЕ

(около 875 г.)

Отер рассказал своему господину, королю Альфреду, что его родина — самая северная из всех норманских земель. Он поведал, как плыл на север вдоль берега по Западному морю, и сообщил, что к северу суша простирается на далекое расстояние, но совершенно безлюдна, если не считать нескольких мест, где разбросаны поселения финнов, занимающихся зимой охотой, а летом рыбной ловлей.

Однажды он, по его словам, захотел установить, как далеко на север простирается суша и что находится на севере этой пустынной местности. Вот он и поплыл вдоль берега, держа курс точно на север. В течение трех дней безлюдный берег был у него с правого борта, а открытое море — с левого, и он оказался в тех северных водах, в которые обычно заходят китобои. Но он продолжал свой путь на север в течение еще трех дней. Тут берег поворачивал на восток или море вторгалось в сушу — этого он не знал. Зато он точно помнил, что в этом месте ему пришлось ожидать западного или запад-северо-западного ветра. Затем он поплыл вблизи берега на юго-восток[1] и придерживался этого направления в течение четырех дней, пока не пришлось снова задержаться, на этот раз в ожидании северного ветра. В этом месте берег отклонялся к югу или море вдавалось в сушу — этого он не знал. Затем он повернул на юг и плыл вдоль берега в течение 5 дней, пока не достиг устья большой реки. Он вошел в реку, потому что не рисковал продолжать плавание дальше, опасаясь столкновений с жителями побережья, которое по ту сторону устья было густо населено. С того дня, как они покинули родную гавань, им еще не встречалась обработанная земля, потому что берег, видневшийся с правого борта, населяли лишь финны — рыбаки, птицеловы и охотники, а с левого борта все время простиралось открытое море.

---

[1] В оригинале написано: «*east be lande*». Добавление «*be lande*» («вдоль берега») свидетельствует о том, что Отер плыл под углом в 45° к гипотетическому «восточному» курсу, как остроумно доказал Рёйтер. См. «Germanische Himmelskunde», München, 1934, S. 6 (и след.).

Биармия[1] оказалась страной искусно возделанных пашен, жители которой, однако, воспротивились их высадке на берег. Земля терфиннов была совершенно пустынной; там можно было встретить лишь охотников, рыбаков и птицеловов. Жители Биармии рассказали Отеру о своей стране, а также и о соседних с ней землях. Но что в их рассказе правда, а что нет, он не знает. Ему показалось, что финны и жители Биармии говорят на одном и том же языке. Он завязал с ними отношения главным образом потому, что, во-первых, хотел исследовать их страну, а во-вторых, также из-за китов и моржей, ибо бивни последних дают превосходную кость. Несколько бивней он привез в дар своему королю. Кроме того, из их шкур получаются великолепные корабельные тросы. Тамошние киты намного мельче обычных. Они не превышают 7 локтей в длину. На его же собственной родине охота на китов куда богаче: киты достигают 48 локтей в длину, а самые крупные из них — даже 50 локтей. Отер сказал, что вшестером они за два дня убили 60 штук [очевидно, моржей].

Он сообщил, что Страна норманнов очень длинная и узкая. Все пастбища и пахотные земли расположены вдоль берега моря. В некоторых же местах местность совсем гористая, а за полоской обработанной земли повсюду вздымаются пустынные, дикие вершины. В горах обитают финны [лопари]. Полоса возделанной земли достигает наибольшей ширины к востоку, а к северу суживается. В восточной части ширина ее доходит до 60 миль и более, в середине — до 30 миль и более, а на севере она суживается до 3 миль. В глубь суши пустынные земли местами простираются так далеко, что их пересечь можно лишь за две недели, зато в других местах на это потребовалось бы не более шести дней. По ту сторону пустынных земель со Страной норманнов соседствует Свеаланд [Швеция], а далее к северу — Квенланд [Страна финнов]...

Отер сообщил, что та часть страны, где он живет, называется Халогаланд [Хельгеланн]; севернее его родины нет населенных людьми [норманнами] земель. Далее на юге страны имеется гавань, носящая имя «*Sciringes heale*» [примерно в Осло-фьорде].

По его словам, плавание туда займет больше месяца, при условии, что ночью придется стоять на якоре, а днем плыть при попутном ветре; все плавание проходит вдоль берега. С правого борта будет сначала Ирландия, затем острова, расположенные между

[1] «Биармия» — скандинавское название «Великой Перми» русских летописей, занимавшей северо-восточную часть Приуралья (в пределах северной части современной Пермской области и южной части Коми АССР). Первое упоминание о Биармии в западноевропейской литературе принадлежит норманскому промышленнику оленеводу и зверобою Отеру (IX в.), находившемуся на службе у короля Альфреда Великого. См. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», 1914, т. V, стр. 131—133. Рассказ Отера имеется в русском переводе в книге А. Э. Норденшельда, Плавание на «Веге», Л., 1936, т. 1, гл. 1, стр. 66—68.— *Прим. ред.*

Ирландией и нашей страной, потом наша страна и, наконец, Сцирингсаль. А с левого борта все время будет видна Норвегия. Южнее Сцирингсаля в сушу вдается огромное море, просторы которого не охватить человеческим глазом. А по другую сторону расположены на берегу Ютландия, а далее вглубь — Силленде [примерно Шлезвиг]. Это море вдается на многие сотни миль в глубь суши.

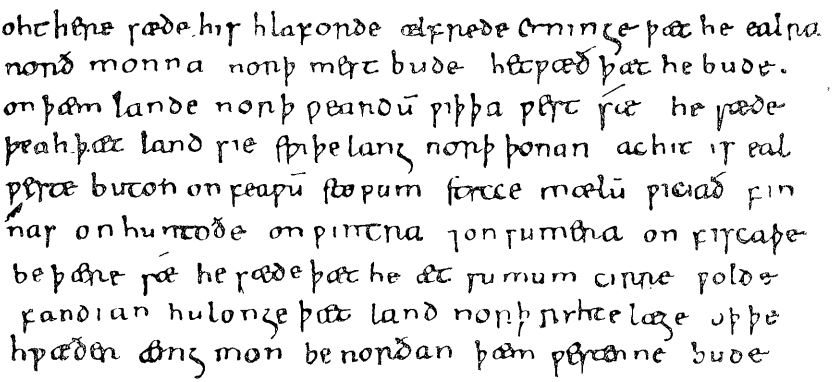

Рис. 4. Факсимиле англосаксонской рукописи короля Альфреда Великого о плавании Отера в IX в. (Библиотека Британского музея, Лондон).

По его словам, из Сцирингсаля он плыл еще пять дней и достиг гавани, именуемой ат-Хетум[1]. Эта гавань расположена между землями венедов, саксов и англов и принадлежит датскому королю. По пути из Сцирингсаля с левого борта у него была Дания [Сконе, бывший в то время датским владением], а с правого борта — море шириной в три дня пути. А в течение последних двух дней плавания до Хетума с правого борта были Ютландия, Силленде и множество островов. В этих местностях жили англы, прежде чем они попали в нашу страну. С левого же борта в эти последние дни плавания он видел острова, принадлежащие Дании...[2]

* * *

[От берегов Биармии на Белом море] поплыли они, дождавшись попутного ветра, в дальние области Биармии. Климат там

[1] Ат-Хетум (в степи) — знаменитый Хайтабю на реке Шлей, самый западный в то время порт на Балтике. Он имел огромное значение как перевалочный пункт на трассе Эйдер — Трене — Шлей благодаря своему чрезвычайно удобному расположению.

[2] Из хроники Орозия, в переводе короля Альфреда Великого. См. H. Sweet, King Alfred's Orosius, London, 1883. Из заключительной части следует, что Отер проплыл, вероятно, проливом Малый Бельт.

суровый, земля скрыта под толстым слоем снега и лишена тепла летнего солнца. Страна покрыта непроходимыми лесами, бесплодна и изобилует невиданными зверями. Там множество рек, русла которых так усеяны скалами, что течение их напоминает сплошной бурлящий водоворот[1].

Английский король Альфред Великий (871—901) был не только одним из самых выдающихся и одаренных правителей, но и храбрым воином, крупным полководцем, человеком, проявлявшим чрезвычайно живой и разносторонний интерес к литературе. В мирные годы он сам занимался сочинительством и всячески содействовал развитию наук. Альфред Великий принадлежал к числу тех немногих средневековых государей, которые поощряли географические исследования. Возможно, что интерес к наукам, характеризующий Альфреда как человека исключительно прогрессивного для своего времени, пробудился в нем в то время, когда его 5-летним мальчиком отвезли из Англии в Рим, где папа Лев IV (847—855) помазал его королем Уэссекса. Там Альфред общался с выдающимися учеными и сам постепенно приобрел такие глубокие знания, что стал «одним из крупнейших писателей своего времени»[2]. Его пристрастием к географии объясняется появление ценных дополнений к хронике Орозия, пользовавшейся необычно большим авторитетом в средние века. Альфред, вероятно, сам перевел эту хронику с латыни на древнеанглийский язык и добавил к переводу два чрезвычайно важных описания плаваний по морю, состоявшихся лишь при его жизни и открывших совершенно новые области земного шара. Только из этих добавлений мы и узнали о двух необычайно интересных и уникальных с точки зрения истории культуры плаваниях, предпринятых норманнами того века; нигде более о них не говорится ни слова.

Оба плавания состоялись почти одновременно, но никак не связаны друг с другом. В одном сообщении говорится об Отере, норманне из Северной Норвегии, который совершил плавание из залива Шлей мимо Нордкапа до Белого моря; другое повествует о путешествии норманна Вульфстана, добравшегося по Балтийскому морю, в то время малоизвестному христианским народам, до Вислинского залива.

Мы не знаем, как король Альфред встретился с обоими норманнами. Вероятно, они попали в Англию по торговым делам и были приглашены ко двору королем, который был заинтересован в том, чтобы познакомить своих подданных, в то время еще слабо разбиравшихся в мореходстве, с тайнами морских просторов. Во всяком случае, Отер поступил к Альфреду на временную службу, вероятно, в качестве преподавателя мореходного искусства. Весьма правдоподобным кажется также предположение о том, что

---

[1] Из Саксона Грамматика. См. Saxo Grammaticus, Gesta Danorum, VIII, 423, ed. A. Holder, Straßburg, 1886, p. 287.

[2] J. G. Forster, Geschichte der Entdeckungen und der Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O., 1784, S. 102.

и Отер и Вульфстан прибыли в Англию ко двору короля по настоятельной просьбе самого Альфреда. Ведь о короле Альфреде известно, что он «отовсюду приглашал к себе различных людей»[1], а об Отере сообщается, что «он прибыл в страну не случайно, а с определенной целью и намерением». Отер играл в Англии IX в., вероятно, ту же роль, что Мартин Бехайм в Португалии XV в.

Очевидно, Отер в ответ на расспросы короля рассказал ему о своих прежних морских плаваниях, сообщения о которых не проникли в литературу того времени. Его рассказ был записан либо самим королем, либо каким-то писцом. Так дошел до нас этот великолепный образчик страсти к исследованиям у людей средневековья, первый достоверный источник сведений о морях Крайнего севера, о Нордкапе, Северном Ледовитом океане и Белом море.

Обычно утверждают, что Отер предпринял свое плавание по морям Крайнего севера по поручению короля Альфреда и что оно было чисто исследовательской экспедицией. Еще Спелман придерживался этой точки зрения, отдавая, вероятно, дань преклонению англичан перед королем Альфредом. Вот что он писал: «Некий Отер [Октерус], кимвр, предпринял морское путешествие по поручению короля Альфреда».

Еще совсем недавно в одной английской статье высказывалось мнение, что плавание Отера состоялось «по просьбе короля Альфреда»[2]. Введенный в заблуждение подобными решительными заявлениями, автор также раньше считал, что Отер пустился в плавание, «очевидно, по поручению короля»[3]. Вот почему теперь автор особенно хочет подчеркнуть, что, на его взгляд, не может быть и речи о какой-либо «заранее обдуманной исследовательской экспедиции»[4], предпринятой по инициативе короля, и что, наоборот, Отер скорее всего совершил свое интересное плавание еще *до того*, как он впервые был принят королем. Поэтому Хаклюйту, впервые опубликовавшему этот ценный исторический документ[5], строго говоря, не полагалось включать морской поход Отера в свой перечень выдающихся морских экспедиций английской нации!

Все авторы, считавшие, что плавание Отера было предпринято по приказу короля Альфреда, исходили из того, что в начале сообщения этот государь назван «господином» (*hlaforde*). Но такое заключение находят весьма спорным. Ведь с тех пор как Отер поступил на службу к Альфреду, вероятно, в качестве преподавателя искусства кораблевождения, король имел все основания называть себя «господином» норманна. В этом случае отпа-

[1] J. Spelman, Aelfredi Magni Anglorum regis vita, II, 71, Oxford, 1678, p. 112.

[2] «Dictionary of National Biography», v. XIV, p. 963.

[3] R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, München, 1925, S. 236.

[4] Статья Коля. См. «Petermanns Mitteilungen», 1869, B. XV, S. 17.

[5] R. Hakluyt, The principal navigations, voyages and discoveries of the English Nation, London, 1598, v. I. [Ричард Хаклюйт (1553—1615) — английский ученый. Некоторые отрывки из его труда «Главнейшие плавания, путешествия и открытия английской нации» (издан в нескольких томах в 1598—1600 гг.) переведены на русский язык.— *Ред.*]

дают и все дальнейшие выводы. Зато следующие соображения весьма убедительно свидетельствуют *против* того, что плавание состоялось по поручению короля. Если бы и впрямь инициатором и организатором экспедиции Отера был сам Альфред, то совершенно невероятно, чтобы в описании, принадлежащем перу того же короля, об этом ничего не упоминалось. Однако в сообщении о плавании таких намеков нет. Кроме того, из самого описания явствует, что путешествие началось не в Англии, где, естественно, оно должно было бы начаться, если бы его организовали Альфред, а в Хельгеланне, то есть на севере Скандинавии, на родине Отера. Если все же остаются какие-то сомнения в правильности высказанных соображений, то они должны исчезнуть перед лицом абсолютно достоверной аргументации самого Отера, который говорит, что «однажды он захотел установить, как далеко на север простирается суша». Эти бесхитростные слова были бы бессмыслицей, если бы Отер пустился в плавание не по доброй воле, а по приказу короля.

К тому же Отер был весьма состоятельным, более того, очень богатым человеком, которому не было никакой нужды поступать на службу к королю ради заработка. Отеру принадлежало не менее 600 оленей, а также много другого скота. Совершенно очевидно, что норманн стал обладателем всех этих богатств благодаря прибыльной заморской торговле с дальними странами и необычайно удачной охоте на китов, моржей и тюленей еще *до того*, как он прибыл ко двору английского короля. Отер, несомненно, был одним из опытнейших мореходов своего времени, и, вероятно, именно поэтому король Альфред избрал его в качестве наставника в искусстве кораблевождения.

Дату путешествия Отера к берегам Биармии можно определить лишь весьма приблизительно. В сообщении не указывается, когда именно этот норманн жил в Англии. Лишь на основании некоторых исторических фактов можно предположительно установить хронологию всех событий. Как сообщает биограф и ученый советник Альфреда Ассер, позднее ставший епископом Шерборнским, король Англии начал заниматься литературной деятельностью в 887 г.[1]; его первой работой был перевод Боэция. Как показывает Босуорт, перевод из Орозия, о котором в данном случае идет речь, мог быть выполнен Альфредом между 890 и 893 гг., поскольку лишь в течение шести мирных лет, с 887 по 893 г., король имел досуг для занятий науками[2]. Поэтому 890 г. можно рассматривать как дату, до которой Отер прибыл в Англию.

Однако Отер, вероятно, уже за несколько лет до этого находился на службе у короля. Представляется вполне правдоподобной гипотеза английских исследователей этого вопроса, считающих что Отер приехал к Альфреду, «вероятно, вскоре после заключения мира в Уэдморе»[3]. Уэдморский мир с норманнами был заключен Альфредом в 878 г. Возможно, английский король уже тогда понял, что следует ожидать новых нападений со стороны норманнов, и поэтому загорелся желанием вывести свой народ на море,

[1] A s s e r, De rebus gestis Aelfredi Magni, ed. Francis Wise, Oxford, 1722.

[2] J. B o s w o r t h, King Alfred's Orosius, London, 1859 (предисловие).

[3] «Dictionary of National Biography», v. XIV, p. 963.

где только и можно было рассчитывать на успешный отпор их разбойничьим набегам. Первую изнурительную войну с датчанами король счастливо закончил блестящей победой под Эдингтоном (май 878 г.). Известно, что уже с 882 г. Альфред «увеличил флот, прибавив к нему много новых кораблей, которые он построил в несметном количестве, затратив на это огромные усилия»[1]. Этой боеспособной эскадрой он действительно вскоре нанес сокрушительный удар датскому флоту. Отсюда следует, что превращение английского народа в морскую нацию началось между 878 и 882 гг.[2] Предположение, что в подготовке событий принимал активное участие норвежец Отер, можно считать почти доказанным. В этом случае его пребывание и деятельность в Англии следует отнести к 880 г. Если дальние морские плавания Отера, поразившие воображение короля, состоялись за несколько лет до этого, то они могут относиться лишь к периоду между 870 (Плишке[3]) и 880 гг. (Рёйтер[4]). Следовательно, самой вероятной датой плавания Отера представляется середина 70-х годов IX в.

Бросается в глаза, что среди упоминаемых Отером северных животных и товаров еще не фигурируют белые медведи и их шкуры. Трудно поверить, что они были неизвестны столь опытному кормчему северных морей. Во всяком случае, следует напомнить, что именно около 880 г. в Норвегии, как известно, впервые увидели белого медведя (см. т. I, гл. 20).

Как уже указывалось, сообщение короля Альфреда о путешествиях Отера и Вульфстана впервые было переведено на новоанглийский язык и опубликовано Хаклюйтом в 1598 г. В 1678 г. Спелман обнародовал древнеанглийский текст вместе с переводом на латынь и английский. Впоследствии появилось еще несколько изданий в других редакциях (главным образом в Англии). Из них самое обстоятельное — уже упоминавшееся исследование Босуорта. Последнее прекрасное издание Орозия в переводе короля Альфреда принадлежит Суиту[5]. Гейдель посвятил специальное исследование роли короля Альфреда в географической науке[6].

Полная достоверность сообщения о плавании Отера никогда не подвергалась сомнению, тем более что его оригинал сохранился[7]. Даже человек, поверхностно знакомый с береговой линией Северной Европы, не может не признать, что ее описание сделано точно и со знанием дела, отличающими рассказ Отера, лишенный малейшего налета фантастики, от почти всех сочинений подобного рода, относящихся к раннему средневековью.

---

[1] J. Spelman, op. cit., I, 69, p. 40.

[2] Это утверждение весьма сомнительно, ведь автор сам пишет далее, что даже в XIII в. мореплавание у англичан еще только зарождалось.— *Прим. ред.*

[3] H. Plischke, Entdeckungsgeschichte vom Altertum bis zur Neuzeit, Leipzig, 1933, S. 21.

[4] O. S. Reuter, Germanische Himmelskunde, München, 1934, S. 8.

[5] H. Sweet, King Alfred's Orosius, London, 1883.

[6] H. Geidel, Alfred der Große als Geograph, München, 1904 (диссертация на соискание докторской степени).

[7] Частично воспроизводится у Руге. См. S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, S. 15.

И тем не менее в *одном* вопросе сообщение это представляется спорным. Из текста следует, что Отер якобы руководствовался лишь своим желанием, когда он «захотел установить, как далеко на север простирается суша», и что он был, вероятно, первым жителем Западной Европы, проникшим до мыса Нордкап и даже в Белое море. Автору кажется весьма сомнительным, что все плавание порождено случайностью. Он полагает, что экспедиция к Северной Двине была организована преднамеренно. Отер и его спутники, несмотря на довольно холодный прием, смогли беседовать с жителями Биармии, причем о вещах, не относящихся к кругу самых необходимых и актуальных дел. Это свидетельствует о том, что норманны находились в стране, которая по крайней мере некоторым из них была известна раньше. При первом знакомстве с дикими, неведомыми доселе народностями не ведут таких обстоятельных бесед!

И действительно, плавание Отера к берегам Биармии предстает в совершенно новом свете, если учесть следующие соображения. Как раз для того периода, когда жил Отер, плавания в Биармию изображаются в скандинавской «Хеймскрингле» как нечто не слишком новое и необычное. Правда, эти «Истории о норвежских королях» нельзя рассматривать как исторический труд в строгом смысле этого слова. В них чувствуется явный налет вымысла, и их нельзя считать достоверными во всех деталях. Все же нет ни малейшего сомнения в том, что дух эпохи они передают правильно. И если в «Хеймскрингле» говорится, что во второй половине IX в. было совершено несколько плаваний к берегам Биармии, то это сообщение нельзя воспринимать как вымысел.

Как бы то ни было, плавания Отера были совершены в необычайно длительное правление норвежского короля Гаральда Прекрасноволосого (865—932). Но именно об этом государе в «Историях о королях»[1] говорится, что он послал своего ближайшего друга Хаука Длинные Штаны сначала в Новгород, чтобы «закупить там дорогие товары», а затем в Биармию на берегах Северной Двины для «закупки мехов». В обоих случаях речь шла о путешествиях в страны, с которыми издавна поддерживались торговые связи. Более того, сообщается, что сопровождавшие Хаука норвежцы затеяли в Биармии драку со шведами, тоже прибывшими туда для закупки мехов. Мимоходом упоминается и о том, что Хаук Длинные Штаны привез приемной матери короля Гаральда Прекрасноволосого, по имени Хейд, «жившей на берегу Белого моря», подарки от ее приемного сына. *Все это свидетельствует о том, что во времена Отера Белое море, Северная Двина и Биармия были давно известны в Скандинавии.*

В пользу такого вывода говорит еще одно обстоятельство, на которое обратил внимание Бугге[2]. В названиях самих северных фьордов Европы до настоящего времени сохранило окончание «ангер» (например, Варангерфьорд). Однако уже в период открытия Исландии (863 г.) этот суффикс не

[1] «Thule», Jena, 1928, B. 17, S. 30 (и след.).
[2] A. Bugge, Nordlands skriftende Skaebne, «Historisk Tidsskrift», 1908, S. 409.

использовался в географических названиях. Следовательно, северные фьорды получили свое наименование в более древние времена. Если это так, а авторитет Бугге не оставляет места для сомнений, то мы имеем неопровержимое доказательство, что норвежцы задолго до Отера были знакомы с водным путем, ведущим к устью Северной Двины. Один скандинавский исследователь еще 100 лет назад писал, что викинги «часто совершали плавания» к берегам Биармии[1]. Поэтому, думается, можно считать установленным, что Отера, как и других норманнов, привлекала к Белому морю *торговля мехами*, а не желание исследовать неведомые земли и не приказ короля Альфреда.

Почему же Отер изложил королю Альфреду положение дел не так, как оно фактически *должно было* выглядеть? И почему в его сообщении, в целом, видимо, достоверном, ничего не говорится о *важнейшем богатстве* Биармии — о пушнине?

Автор полагает, что норманн сделал это не без *тайного умысла*. Ведь король интересовался лишь *географическими* деталями путешествия в неизведанные районы самой северной части Европы, и Отер добросовестно рассказал Альфреду все, что ему было известно об этой стороне дела. Но ему вовсе не хотелось, чтобы иноземный правитель узнал, какие богатейшие возможности для торговли таятся в негостеприимных дальних странах и какие барыши сулят они мореплавателям. Поэтому для объяснения своего знакомства с самыми северными землями и морями Отер привел явно вымышленную *причину* своего плавания, облачившись в тогу человека, интересующегося лишь чисто географическими исследованиями. Автору кажется, что просто невозможно как-то иначе объяснить очевидное противоречие между утверждением Отера, что он первым достиг мыса Нордкап, а также Биармии, и тем фактом, что в его времена эти воды и их побережья были давно известны норвежцам.

Имеются даже некоторые основания предполагать, что сам Отер *не один*, а *несколько раз* совершал плавания по Северному Ледовитому океану, а, возможно, также и по Белому морю. Его искренний рассказ никак не походит на хвастовство. Поэтому можно с полным доверием отнестись к сообщению о том, что он со своими спутниками однажды всего за два дня убил 60 моржей. Однако, как доказал Нансен, такая богатая добыча могла выпасть на долю охотника только в том случае, если на помощь удаче приходили умение и опыт[2]. А поскольку моржи водятся в больших количествах только в Северном Ледовитом океане, то из этого следует, что Отер и его спутники не раз заплывали севернее Нордкапа, благодаря чему и стали искусными охотниками. Правда, убедительность этого самого по себе очень веского довода значительно снижается тем обстоятельством, что 1000 лет назад районы распространения моржей были гораздо обширнее, чем теперь. Брем сообщает, что во времена древнего Рима моржи «населяли» даже побережье

---

[1] A. J. S j ö g r e n, Wann und wie wurden Sawolotochtje und die Sawolokschen-Tschuden russisch? «Abhandlungen der Petersburgerg Akademie der Wissenschaften», 1832, Ser. 6, t. 1, S. 509.

[2] F. N a n s e n, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 190.

Шотландии[1]. Во времена Отера, то есть в IX в., они, разумеется, встречались в достаточно большем количестве у берегов Финляндии, поскольку их наличие в тех водах засвидетельствовано даже в XIII в.[2] Между тем в настоящее время этих животных там уже нет. Итак, не исключено, что Отер и другие его спутники приобрели свои промысловые навыки, охотясь на моржей у берегов своей родины.

Тем не менее, даже если нет оснований рассматривать необычайно удачную охоту Отера как неопровержимое доказательство его неоднократных плаваний в районы, расположенные севернее Нордкапа, все же множество признаков указывает на то, что *этот норманн не был первооткрывателем северных морей.*

Как следует из всех приведенных выше фактов, плавание Отера не было в тот век необычайным событием. Нансен полагает[3], что и в саге об Эгиле, сыне Скаллагрима, рассматривающей о походе некоего Торольва, сыне Квельдульва, который отправился в 874 г. в страну Кирьяланд, расположенную намного восточнее Финляндии, также говорится о плавании к берегам Биармии[4]. Совершенно очевидно, что под Кирьяландом надо понимать Карелию. Нансен высказывает предположение, что в тот период карелы жили в Биармии, так что поход сына Квельдульва мог иметь конечной целью эту страну[5]. Впрочем, предположение Нансена так и остается гипотезой, поскольку мы не располагаем никакими доказательствами в его пользу. Во всяком случае, Нансен вполне определенно заявляет: «Приходится сделать вывод, что норвежские охотники за моржами уже очень давно занялись поисками лучших, сулящих более богатую добычу лежбищей и направились с этой целью в восточные районы Северного Ледовитого океана, изобиловавшие этими животными. В этом направлении плыл и Отер... Вполне вероятно, что уже задолго до него охотники за моржами бывали в этих водах»[6].

Торфеус полагает, что норманны еще в III в. открыли путь в Биармию. Этот исследователь даже перечисляет все древнейшие плавания, которые, по его мнению, были туда совершены[7]. И хотя некоторые из этих предполагаемых плаваний носят явно легендарный характер, а утверждения Торфеуса в значительной степени недоказуемы, все же нельзя безоговорочно отрицать, что по крайней мере частично они соответствуют действительности. В конечном счете не так уж важно, на столетия или лишь на десятилетия опередили Отера другие мореходы, раньше его посетившие Биармию. Ясно одно, не он был первооткрывателем пути к устью Северной Двины. В связи с этим приведем предположение Коля, высказанное им еще в 1869 г.: «Нор-

---

[1] А. Брем, Жизнь животных, СПБ, 1902, т. I, стр. 394.
[2] K. Leem, Beskrivelse over Finmarken: Lapper, Köbenhavn, 1767, S. 216.
[3] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 188.
[4] «Thule», Jena, 1911, B. 3, S. 54 (и след.).
[5] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 368.
[6] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 191.
[7] T. Torfaeus, Historia rerum Norwegicarum, Köbenhavn, 1711, t. III, p. 452.

вежцы с древнейших времен охотились на моржей в Северном Ледовитом океане»[1].

Как бы то ни было, но все сказанное выше не оставляет никаких сомнений в том, что экспедиция Отера была предпринята не по поручению короля Альфреда.

Плавание норманна состоялось, разумеется, в начале или в конце лета. Вот что пишет по этому поводу Рёйтер: «Отер, несомненно, воспользовался для своего плавания длинным полярным днем; по его словам, 15 дней ушло на путь до устья Северной Двины, и, вероятно, столько же длилась стоянка у Нордкапа и Святого Носа в ожидании погоды. Обратный путь занял не меньше времени; за два месяца Отер не видел ни одной звезды, а следовательно, и Полярной»[2].

Тот факт, что в сообщении Отера дважды подчеркивается необходимость ожидания попутного ветра, приводит нас к заключению, очень важному в навигационном и культурно-историческом отношениях. Суда викингов более позднего времени могли плыть, «не заботясь о том, в каком направлении дует ветер»[3]. Соответствующая установка парусов давала возможность почти в любом случае плыть в бейдевинд, то есть обеспечивала поступательное движение при 20 из 32 румбов, что соответствует сектору в 225°. Совершенно очевидно, что Отеру этот прием был неизвестен.

Разумеется, и после Отера норманны неоднократно совершали плавания к устью Северной Двины, правда отделенные друг от друга десятилетиями[4]. Так, Эйрик Бодёк предпринял плавание к Белому морю в 920 г., Гаральд Серый Плащ — в 965 г., Торе Хунд с Карли и Гуннстейном—в 1026 г., Хакон, сын Магнуса,— в 1090 г. и т. д. Кроме того, плавания в Биармию вплетены в ткань датской саги о Горме и исландской саги о Херранде и Боси. Конечно, в сагах использованы лишь некоторые эпизоды подлинных событий. Существующий до настоящего времени населенный пункт Холмогоры на Северной Двине назывался раньше, по очень убедительно аргументированной гипотезе Даниэля, Хольмгард[5], то есть так же, как и крупнейший когда-то торговый центр норманнов на берегу Ильмень-озера — Новгород. Вместе с Холмогорами он был для норманнов важнейшим восточным рынком по торговле пушниной.

Последние плавания норвежцев в Биармию, которые, правда, вылились в кровавые стычки с коренным населением, произошли в 1217 и 1222 гг.[6] В 1236 г. древняя Биармия пала под натиском монголов (см. гл. 98)[7]. Да и новгородцы, ставшие хозяевами богатых пушным зверем земель на побережье Белого моря, препятствовали дальнейшим плаваниям норманнов

---

[1] «Petermanns Mitteilungen», 1869, S. 17.
[2] O. S. Reuter, op. cit., S. 13.
[3] J. R. Forster, op. cit., S. 103.
[4] Хорошо составленный сборник всех памятников о Биармии опубликован Адлербетом. См. «Iduna», Stockholm, 1813, H. 4, S. 78—173.
[5] H. A. Daniel, Handbuch der Geographie, Leipzig, 1895, B. II, S. 1059 (в переработке Б. Фольца).
[6] O. Dalin, Geschichte von Schweden, Wismar, 1756, B. II, S. 144.
[7] G. Weber, Allgemeine Weltgeschichte, Leipzig, 1883, B. V, S. 751.

по следам Отера. С XIII в. скандинавские мореходы лишь изредка огибали Нордкап, пока в 1553 г. англичане не напали случайно на водный путь к устью Северной Двины, который Отер постарался скрыть от них[1].

По мнению автора, нет никаких оснований сомневаться, что Отер действительно побывал в устье Северной Двины, то есть примерно там, где в XVI в. вырос Архангельск. Именно здесь с давних пор находилось то *единственное* место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов. Это были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушным зверем. *Только* здесь, в устье Северной Двины, мог увидеть Отер «обработанную землю» и «большую реку». Непонятно, как мог Нансен не обратить внимания на все эти факты. Из рассказа Отера он сделал вывод, будто, войдя в Белое море, норманн все время плыл «вдоль берега», держа курс на юг, и поэтому никак не мог попасть к устью Северной Двины, ибо пролив, соединяющий Белое море с Северным Ледовитым океаном, настолько широк, что берега его теряются из виду. Отсюда Нансен делает вывод, что Отер добрался лишь до устья небольшой реки Варзуги или в крайнем случае до Кандалакши, но никак не до района Архангельска и Холмогор[2].

Автор не может согласиться с предположением Нансена. Дело не только в том, что на берегах Варзуги никогда не было «обработанной земли», такая поездка была бы бесцельна и с точки зрения торговых интересов: ведь эта местность поныне пустынна и бесплодна. Делать такие далеко идущие выводы из слов «вдоль берега», к каким приходит Нансен, нельзя хотя бы потому, что подобные заключения противоречили бы данным по истории культуры и путей сообщения. В рассказе Отера совсем не обязательно должно было найти отражение кратковременное пересечение пролива, а в остальном плавание к устью Северной Двины действительно проходило «вдоль берега». Несравненно важнее указание Отера на то, что от берега Мурмана он плыл в течение пяти дней все время «на юг» [*sudrihte belande*]. Такой курс действительно мог привести его *только* к устью Северной Двины. Чтобы попасть к Варзуге, а тем более в Кандалакшскую губу, ему пришлось бы вскоре изменить курс на западный, о чем, однако, в сообщении Отера, обычно очень скрупулезно отмечавшего каждое изменение курса, не говорится ни слова. Чересчур педантичный подход к отдельным словам («вдоль берега») представляется нам казуистикой в тех случаях, когда все данные по истории торговых связей свидетельствуют в пользу совершенно однозначного географического толкования текста, как это наблюдается в данном случае. Последнее тщательное исследование этого вопроса, сделанное Рёйтером, привело его к следующим выводам: «Южный курс приводит к устью Двины и Архангельску, расположенным в областях, которые и позже называли Биармией»[3].

---

[1] Имеется в виду плавание английского моряка Ричарда Ченслера, который 24 августа 1553 г. достиг устья Северной Двины. См. И. П. Магидович, указ. соч., стр. 171—172; М. С. Боднарский, Великий Северный морской путь, М.—Л., 1926, стр. 15—16.— *Прим. ред.*

[2] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 187.

[3] O. S. Reuter, op. cit., S. 9 (примечание).

Название «Биармия», часто встречающееся в скандинавских сагах, фонетически связано с современным наименованием «Пермь». Древняя Пермь (Биармия), столицей которой была нынешняя Чердынь[1], достигла высокого уровня культуры и значительного благосостояния, что объяснялось прибыльной торговлей мехами. Влияние этого государства распространялось вплоть до берегов Белого моря[2], где в тот период уровень культуры был, по всей вероятности, выше, чем в более поздний период, после вторжения на русскую землю полчищ Золотой Орды. Это государство Пермь еще в VIII в., то есть за 100 лет до Отера, поддерживало товарообмен с северной частью Скандинавии. Об этом свидетельствует обнаруженный на полуострове Варангер клад, относящийся к раннему периоду железного века в истории Перми[3].

Если принять во внимание, какое сравнительно большое значение имели земли вокруг Чердыни на Колве для развития торговли в раннее средневековье, то, по мнению автора, не останется никаких сомнений относительно того, какая именно область носила название «Bjarma ulterior» [«более отдаленная Биармия».— *Ред.*], которое встречается в оригинальных текстах Саксона Грамматика, Нансен и в этом случае, как и в других, к сожалению, слишком многих случаях, полагает, что речь идет о легендарной стране. В своем труде «Родина туманов», в остальном, несомненно, представляющем ценный вклад в науку, он называет сообщение Отера «фантастическим»[4], хотя сам признает, что «норвежские мореплаватели тех времен заходили в воды Северного Ледовитого океана значительно восточнее Отера».

Автор не видит ни малейшего повода рассматривать сообщение о «*Bjarma ulterior*» как вымышленное. Он не может также согласиться с тем, что под этим названием надо понимать в самом крайнем случае Новую Землю. Ведь хорошо известно, что на двух островах, объединенных этим названием, нет ни рек, ни больших лесов, которые, как это настойчиво подчеркивается в источниках, характерны для «*Bjarma ulterior*». С точки зрения истории культуры наиболее вероятной остается гипотеза о том, что название «*Bjarma ulterior*» было собирательным для земель в бассейне Печоры и Колвы вплоть до Урала, то есть для богатейшего в Европе пушного района, который арабские купцы, торговавшие мехами, называли Югрой. Это понятие включало не только более отдаленную Биармию, но и области, покрытые дремучими лесами, а также крупные реки. В то время эти земли были чрезвычайно лакомым куском как для предприимчивых арабских купцов, так и не в меньшей степени для норманнов (см. гл. 98). Ведь вполне авторитетным ученым высказывалось даже предположение, что уже в XII в. холмогорские и новгородские купцы пересекли полуостров Ямал и вышли к нижнему течению Оби[5]. Так что весьма раннее проникновение европейских и арабских купцов,

---

[1] Статья Хеннига. См. «Islam», 1935, S. 249 (и след.) и гл. 97 этой книги.
[2] F. H. M ü l l e r, Der ugrische Volksstaat, Berlin, 1839, B. II, S. 382.
[3] F. N a n s e n, op. cit., S. 231.
[4] F. N a n s e n, op. cit., B. II, S. 111.
[5] A. S c h u l t z, Sibirien, Breslau, 1923, S. 58. [Подробнее см. Л. С. Б е р г, Древнейшие сведения о крайнем севере Сибири, «Очерки по истории русских географических открытий», АН СССР, 1946, стр. 68—70.— *Ред.*]

торговавших мехами, в богатые пушным зверем северные районы вплоть до Оби представляется вполне вероятным.

В свете этих фактов должны исчезнуть последние сомнения по поводу конечной цели плавания Отера. Безусловно, здесь не может быть и речи о географической экспедиции с чисто исследовательскими целями; Отер, скорее всего, с некоторыми умолчаниями рассказал королю Альфреду о своем прежнем торговом плавании к устью Северной Двины. Такое толкование ничуть не снижает ценности его сообщений.

ГЛАВА 94

ПЛАВАНИЕ ВУЛЬФСТАНА В ВИСЛИНСКИЙ ЗАЛИВ

(около 880 г.)

Рассказывал Вульфстан, что отплыл он из Хетума [Хайтабю] и через семь дней и ночей достиг Трусо. Корабль его все плавание шел под парусами. С правого борта находилась земля венедов, с левого же борта — Лангеланд, Лоланд, Фальстер и Зеландия, а принадлежат те земли Дании. Затем был по левой стороне Бургундаланд [Борнхольм], и там у них свой король. За Бургундаландом оставили с левого борта Блекинген, Меоре, Эланд и Готланд; а принадлежат те земли Швеции. Земля же венедов во время всего плавания до устья Вислы [*Wislemudan*] была у нас с правого борта. Висла очень большая река, и протекает она по землям виттов и венедов. Земля виттов входит в земли эстов, а Висла вытекает из земли венедов и впадает в Море эстов [Вислинский залив]. А шириной то море не менее 15 миль. С востока в Море эстов впадает река Эльбинг [Эльблонгская Висла], берущая начало в озере, на берегу которого находится Трусо. И так в Море эстов сходятся Эльбинг с востока, из земли эстов, и Висла с юга, из страны венедов. И Эльбинг отдает свое имя Висле, которая уходит из того моря [Вислинского залива] на северо-запад в [Балтийское] море. Потому место это называется устьем Вислы.

Земля эстов очень обширна. В ней много городов, и в каждом городе сидит свой король. Много там варят меду и ловят рыбы. Король и богатые люди пьют молоко кобылиц: бедняки и рабы — мед. И часто они воюют друг с другом. Пива эсты не варят, меда же у них довольно...

А еще владеют эсты особым искусством делать холод. Поэтому мертвецы у них лежат долго и не разлагаются, ибо они охлаждают их. Если же поставить два сосуда с пивом или водой, то они могут заморозить их и зимой, и летом[1].

* * *

[Скандинавия находится] напротив устья Вислы, которая берет начало в сарматских горах и вблизи Скандинавии тремя рукавами

---

[1] Из хроники Орозия в переводе короля Альфреда Великого. См. «Scriptores rerum Prussicarum», Leipzig, 1861, t. I, p. 732 (и след.).

впадает в Северный океан [*septentrionali Oceano trisulcus inlabitur*], отделяя Германию от скифских земель...

[Земля видиваріев] на побережье океана, куда впадает Висла, разделенная на три потока [*ad litus oceani ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur*][1].

Если мы осведомлены о родине и некоторых обстоятельствах жизни Отера, то о другом мореходе, Вульфстане, рассказ о плавании которого также был записан королем Альфредом, вообще ничего не сообщается. Обычно и Вульфстана считают норманном[2], хотя Вальтер Фогель, например, говорит о нем как о «саксе, жившем в Шлезвиге»[3]. Нам ничего неизвестно об этом мореплавателе, кроме того, что однажды он совершил безостановочный переход от реки Шлей до Вислы и тогда же побывал в важном торговом центре того времени Трусо, расположенном у озера Друзно на месте современного Эльблонга. Однако из рассказа Вульфстана можно заключить, что он хорошо знал южную часть Балтики, то есть, видимо, уже раньше не раз плавал по этому морю.

Очевидно, Вульфстан, подобно Отеру, прибыл в Англию в торговых целях, и любознательный король подробно расспросил его о наблюдениях, сделанных им в дальних странах и морях, почти неизвестных в Англии О специальной исследовательской экспедиции, снаряженной по приказу короля, не может быть речи хотя бы потому, что воды, в которых побывал Вульфстан, к тому времени уже давно были знакомы норманским и особенно датским и шведским мореходам, о чем со всей очевидностью свидетельствует «Житие св. Ансгара»[4]. Есть все основания предполагать, что плавание Вульфстана по южной части Балтийского моря в то время отнюдь не было единичным явлением. Доктор Нёйгебауэр (Эльблонг) любезно сообщил автору 4 сентября 1944 г., что незадолго перед тем в Эльблонгской Висле было найдено два железных наконечника копья, относящихся, очевидно, к VI—VIII вв. и подтверждающих наличие связей между районом устья Вислы и западом Германии еще до эпохи викингов. «Таким образом, у участников экспедиции Вульфстана в Трусо, вероятно, были предшественники».

Раньше обычно считали, что Вульфстан получил от короля Альфреда наказ предпринять исследовательское плавание по почти неизвестному Балтийскому морю, а возможно, даже составить «*Periplus maris Baltici*» [описание берегов Балтийского моря.— *Ред.*]. Автор тоже находился под влиянием этих устаревших доводов и высказывал подобную точку зрения[5]. Именно

---

[1] Сообщение Иордана. См. J o r d a n e s, De origine actibusque Getarum, III, 17, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 58.

[2] См., например, К. Р и т т е р, История землеведения и открытий по этому предмету, СПБ, 1864, стр. 126.

[3] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 149

[4] R i m b e r t, Vita St. Ansgari, cap. 9 (и след.). См. также гл. 86.

[5] R. H e n n i g, Abhandlungen zur Geschichte der Schiffahrt, Jena 1928, S. 84.

поэтому он считает необходимым подчеркнуть здесь, что эта гипотеза **не** находит никакого подтверждения. Сообщение Вульфстана относится **только** к *самым южным* районам Балтийского моря. В нем не упоминаются даже прибрежные воды бывшей Восточной Пруссии и Прибалтики, не говоря уж о более северных участках моря и портах, в первую очередь о Бирке. Между тем Бирка была очень важной шведской гаванью, которую уже описал Ансгар за 50 лет до плавания Вульфстана, и никак не могла бы быть пропущена в перипле. Вне поля зрения Вульфстана оказался и Финский залив, по которому во времена Рюрика, безусловно, часто ходили корабли. Данное Вульфстаном описание Балтийского моря ограничено островом Готланд на севере и Вислинским заливом на востоке. Отсюда, очевидно, можно сделать вывод, что он не знал других, более отдаленных частей моря, ибо иначе нельзя объяснить, почему он ничего не сообщил о них королю. Как установлено, все те прибрежные районы Балтийского моря, которые посетил Вульфстан, уже были известны в Западной Германии, а также в Скандинавии.

Что же касается Скандинавии, то Нерман[1] утверждал, будто переселение значительной части жителей Готланда в Прибалтику, о котором повествует сложенная в XIV в. готландская Гутасага[2], очевидно, произошло около 475—500 гг. Это предположение подтверждается также археологическими данными. Военный поход шведского короля Ингвара из Упсалы через Балтийское море, воспетый в IX в. скальдом Тьодольвом из Хвина, видимо, был подлинным событием и относился примерно к 600 г. Снорри Стурлусон позаимствовал этот сюжет для своей «Хеймскринглы». Впрочем, немецкий переводчик Нидпер ошибается, полагая, что целью похода Ингвара была Эстония[3], поскольку у Тьодольва сказано: «У камня напало войско эстов на светловолосого короля». Между тем речь здесь, несомненно, идет об эстах, обитавших на берегах Вислинского залива еще во времена императора Нерона (см. т. I, гл. 51). Следовательно, король Ингвар совершил набег на земли в устье Вислы, где потерпел поражение и погиб. Именно в этих районах был обнаружен ряд кладов, подтверждающих существование оживленной торговли со Скандинавией в течение всей эпохи викингов. Да и оставленные Ансгаром описания (см. гл. 86) показывают, что в IX в. между западным и юго-восточным побережьями Балтийского моря активно поддерживались как мирные, так и военные отношения. В те времена, очевидно, существовали целые колонии викингов в устьях рек Восточной Германии и Прибалтики. Особенно интересное поселение такого рода, основанное викингами в конце VIII в., было обнаружено неподалеку от современного Зеленоградска[4].

---

[1] B. N e r m a n, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit, Stockholm, 1929, S. 11 (и след.).

[2] Однако, как сообщил автору д-р Штехе в своем письме от 22 сентября 1944 г., в Гутасаге много вымысла, и она «не может считаться серьезным историческим источником».

[3] «Thule», B. 14, S. 61.

[4] O. K l e e m a n n, Über die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kurischen Nehrung, «Alt-Preussen», 1939, S. 4 (и след.); B. Z u r-M ü h l e n, Die Wikingerfunde in Ostpreussen, «Ahnenerbe», Neumünster, 1944, S. 139 (и след.).

Возникновение «тесных» связей между викингами и землями в устье Вислы, где побывал Вульфстан, относится еще к VI в.[1] Крупное захоронение викингов, открытое 31 декабря 1936 г. в юго-западной части Эльблонга, доказывает, что в VIII в. здесь находилась готландская колония, и северные германцы «оказали влияние на древних пруссов, переселившихся в район Эльблонга после ухода большей части готов и гепидов»[2].

Именно эти древние пруссы тождественны с эстами Тьодольва и Вульфстана. Они не имеют ничего общего с современными эстонцами, но имеют отношение к эстам Тацита[3] и к переселившимся на «Висулу» (Вислу) айстам Эйнгарда[4]. Об этом народе, появившемся в той области еще около 500 г. до н. э., уже говорилось в гл. 71. И если в VI в. у них хватило предприимчивости направить свое посольство к Теодориху Великому в Равенну, чтобы обеспечить новые рынки сбыта для своего янтаря, то надо полагать, что и через 350 лет они были неплохими купцами. Следовательно, плавание Вульфстана в их главный порт Трусо, находившийся в районе современного Эльблонга, безусловно, не было первым в своем роде и отличается от целого ряда других таких же экспедиций только тем, что о нем случайно сохранилось письменное сообщение. Дело обстоит здесь, видимо, точно так же, как и с плаванием Отера в Белое море.

Исходный пункт морского путешествия Вульфстана — Хайтабю, называвшийся также Хедабю или Гаддибю, а по-латински — Хедум, был предшественником Шлезвига либо близким его соседом. А если верить словам Адама Бременского[5], то Хайтабю — это одно из названий Шлезвига. Хайтабю с древних времен был важнейшим портом в западной части Балтики и посредником в торговле между странами Северного и Балтийского морей. Этот город, носивший также некоторое время название «Ольденбург»[6], был связывавшим два мира «северным Коринфом»[7], откуда «корабли ходили в славянские земли, в Швецию, к Земландскому полуострову и даже в Византию»[8] (*in Greciam*, то есть по русским рекам!). Огромное значение Хайтабю было оценено лишь в новое время и получило подтверждение в результате весьма интересных раскопок[9].

---

[1] W. Neugebauer, Das wikingische Gräberfeld von Elbing-Neustädterfeld und die Lage Trusos, «Ahnenerbe», Neumünster, 1944, S. 154 (и след.).

[2] W. Neugebauer, Die Bedeutung des wikingischen Gräberfeldes in Elbing, «Festschrift für die 4te Reichstagung für deutsche Vorgeschichte in Elbing vom 16. bis 23. Oktober 1937», Elbing, 1937, S. 25.

[3] Тацит, Германия, 45.

[4] Einhard, Vita Caroli Magni, cap. 12, 15.

[5] Adam von Bremen, IV, 1 (*Sliaswig, quae et Heidiba dicitur*).

[6] K. Schuchhardt, Vorgeschichte von Deutschland, München — Berlin, 1928, S. 331 (и след.).

[7] Статья Ла Бома. См. «Prähistorische Zeitschrift», 1932, S. 320. [Греческий город Коринф, расположенный на перешейке, был местом, где товары, поступавшие с запада, перегружались на корабли, направлявшиеся в Эгейское море.— *Ред.*]

[8] Adam von Bremen, op. cit.

[9] C. Müller, Germanische Meeresherrschaft, Gotha, 1914, S. 83 (примечание 6); W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915,

В IX в. такую же роль, как Хайтабю в юго-западной части Балтийского моря, играл в юго-восточной части этого бассейна город Трусо. Риттер характеризует Трусо как «крупный порт и торговый центр прусских и славянских народностей, стекавшихся туда, как скандинавы в Сигтуну и Бирку»[1].

Местоположение этого древнего морского порта, бывшего конечной целью плавания Вульфстана, раньше служило поводом для длительных и горячих научных споров. Из самого рассказа вытекало, что порт находился в дельте Вислы; ни у кого не вызывало сомнения и то обстоятельство, что его название находится в тесной связи с современным наименованием озера Друзно. И тем не менее в свое время выдвигались гипотезы, которые теперь кажутся довольно нелепыми. Хаклюйт, который первым опубликовал сообщение Вульфстана[2], полагал, что Трусо был расположен примерно на месте современного Гданьска. Форстер даже искал его у Балтийска, так как там находится в настоящее время проход в залив[3]. При этом он упустил из виду, что проход в районе Балтийска начал намечаться лишь в XV в.[4] и окончательно образовался в результате урагана 10 сентября 1511 г. Тем не менее и точка зрения Форстера нашла сторонников. Более тщательное изучение вопроса в XIX в. ограничило местоположение Трусо ближайшими окрестностями озера Друзно, название которого еще в 1765 г. поставил в связь с древним портом работавший в Гёттингене Муррей[5]. Нёйман в 1854 г. пытался перенести Трусо на восток от Друзно[6]. Основываясь на том, что в этом районе часто находили римские монеты и украшения[7] (которые, впрочем, свидетельствуют только о проходившей здесь во времена Римской империи «дороге янтаря»), Кольберг в 1875 г. в своем ценном исследовании счел гипотезу Нёймана установленным фактом[8]. Со временем сложилась обширная литера-

---

S. 152 (и след.); K. Schuchhardt, Arkona, Rethra, Vineta, Berlin, 1925, S. 99; S. Larsen, Jomsborg, 1932, S. 69 (и след.); «Germanien», Mai 1941, S. 175.

[1] К. Риттер, указ. соч., стр. 125.

[2] R. Hakluyt, The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation, London, 1598—1600.

[3] J. R. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden, Frankfurt a. O., 1784.

[4] E. Keyser, Die Tiefe in der Frischen Nehrung, «Bruno Ehrlich-Festschrift des Elbinger Jahrbuchs», Elbing, 1938, H. 15, S. 10.

[5] 1 июля и 3 августа 1765 г. проф. Муррей прочитал на заседании Гёттингенской академии наук доклады о морских экспедициях Отера и Вульфстана, текст которых, к сожалению, сохранился не полностью, а лишь в отрывках (см. «Göttingische Anzeigen», 1765, B. II, S. 625, 767. Тема лекций «О трех весьма примечательных путешествиях по морям, совершенных в конце IX в. отчасти норманном Отером, отчасти же англом Вульфстаном и описанных самим королем Альфредом Великим на англосаксонском языке»). См. также E. Carstenn, Zur Geschichte der Trusoforschung, «Altpreussische Monatsschrift», 1911, B. XLVIII, S. 37 (и след.).

[6] F. Neumann, Über die Lage von Wulfstans Truso, Wislemund und Witland, «Neue Preussische Blätter», 1854, S. 290 (и след.).

[7] «Scriptores rerum Prussicarum», Leipzig, 1861, t. I, p. 733 (примечание 5).

[8] A. Kolberg, Wulfstans Seekurs für die Fahrten von Schleswig nach Truso an der warmischen Küste von Preussen im 9. Jahrhdt., «Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands», 1875, B. VI, S. 1.

тура о Трусо, перечень которой по состоянию на 1910 г. составил Карстенн[1]. Затем в 1926 г. Эберт указал на Мысленьцин, находящийся юго-восточнее озера Друзно, как на место, где был расположен Трусо[2], так как он нашел там следы древнегерманских и древнепрусских деревянных строений. Этим предположением он возродил гипотезу, которую сформулировал еще Ангер 3 января 1878 г. в докладе на заседании Эльблонгского общества изучения древности и от которой сам докладчик впоследствии отказался. Ангер счел более вероятным, что Трусо находился в городской черте современного Эльблонга. После того как в 1929 г. вблизи бывшего Бенкенштейна было обнаружено древнепрусское захоронение, сначала пытались искать Трусо и в этом районе. Впрочем, в 1932 г. Эрлих, отказавшись от своих прежних взглядов на этот вопрос, заявил, что и Мысленьцин, и Бенкенштейн исключаются и речь может идти только о городской территории самого Эльблонга[3]. Уже упоминавшееся обнаружение Эльблонгского древнего захоронения в 1936 г., видимо, способствовало тому, что эта гипотеза окончательно восторжествовала. Она тем более правдоподобна, что Эльблонг еще 1000 лет назад находился «в том месте, где Эльблонгская Висла вытекает из озера Друзно, где была великолепная пристань и открывались широкие возможности для торговли»[4]. Само озеро, которое сейчас находится южнее Эльблонга, занимало тогда часть современной территории города, а долгое время было даже бухтой в Вислинском заливе[5]. У Трусо [Эльблонга] проходила не только граница между населенными районами и дельтой реки, но и граница между пруссами (эстами) и обитавшими западнее славянами[6]. Район Гданьска, лишившего позднее Трусо его ведущей роли, во времена Вульфстана еще не был пригоден для заселения и не мог стать портом. Мы впервые встречаемся с упоминанием о нем на целое столетие позже, в связи с путешествием Адальберта в Страну пруссов (гл. 103)[7]. Благодаря удачному местоположению Гданьск быстро обогнал в своем развитии более древний Трусо. Однако Эльблонг и позднее в течение длительного периода играл важную роль, уступая только Гданьску.

Чтобы правильно истолковать сообщение Вульфстана, необходимо также принять во внимание следующие новейшие научные данные.

Вислинский залив, в который сейчас впадает лишь один рукав Вислы, в прошлом был значительно больше. Еще Нёйман в середине прошлого века высказал предположение, что в те времена этот залив, вероятно, простирался

---

[1] E. Carstenn, op. cit.
[2] M. Ebert, Truso, «Schrifte der Königsberger Gelehrten Gesellschaft», 1926, B. III, H. 1.
[3] B. Ehrlich, Elbing, Benkenstein und Meislatein, «Mannus», 1932, B. XXIV, S. 405 (и след.).
[4] B. Ehrlich, op. cit., S. 407.
[5] E. Keyser, op. cit., S. 3.
[6] B. Ehrlich, Der preussisch-wikingische Handelsort Truso, «Elbinger Jahrbuch», 1937, H. 14, S. 1.
[7] J. Uhl, Betrachtungen zur Entwicklungsgeschichte der Frischen Nehrung, Danzig, 1941, T. III, S. 124.

до современного Гданьска[1]. Сейчас правильность догадки Нёймана доказана[2]. Мы должны иметь в виду, что в IX в. Висла впадала в одноименный залив на участке между головной частью Гданьской бухты[3] и Осташевым у Гданьска. Таким образом, Эльблонгская Висла действительно вливалась в залив восточнее Вислы, как и сообщает Вульфстан. На юго-западе воды Вислинского залива достигали Любешева в районе бывшего Мариенбургер-Вердер[4].

В свете этих данных нужно рассматривать сообщение Вульфстана об «устье Вислы» (*Wislemudan*), местоположение которого также вызвало в свое время много споров, но сейчас установлено с достаточной точностью.

Вульфстан упоминает, что устье реки, по которой он вошел в Вислинский залив, направляясь в Трусо, находилось «северо-западнее» (*west y nordon*) того места, где в него впадает Эльблонгская Висла. Вопреки этому совершенно ясному описанию, некоторые ученые указывали на проход в косе, то есть на север или северо-восток от Эльблонгской Вислы. Карстенн, а также Эберт и Эрлих полагали, что речь идет о проходе, существовавшем в прошлом неподалеку от Блотника. Автор еще до появления новейших данных по этому вопросу утверждал, что для толкования рассказа Вульфстана надо принять в качестве предпосылки, отвечающей географии путей сообщения, существование «прямого, вполне судоходного водного пути, ведущего в Вислинский залив и к Эльблонгу-Трусо» из района Гданьска[5].

Эта трактовка, основанная лишь на анализе литературного источника, получила теперь полное подтверждение. Еще более 30 лет назад Зонтаг доказывал[6], что в IX—X вв. существовал рукав между устьем Вислы вблизи Гданьска и основной частью Вислинского залива, примерно в районе современной Эльблонгской Вислы. Сейчас благодаря уже упоминавшимся недавним исследованиям Кайзера и Уля приходится признать, что Вислинский залив простирался в тот период на запад до самого Гданьска и что «во времена Вульфстана дельта Вислы еще не достигала Балтийской косы»[7]. Кайзер высказал эту мысль коротко и ясно:

«Суда могли беспрепятственно ходить от современного устья Вислы до современного Эльблонга»[8].

В 1933 и 1934 гг. в районе Гданьска были найдены три большие старинные лодки. Эта важная находка подтвердила справедливость рассмотренной выше гипотезы, доказав, что из района Гданьска по Вислинскому заливу к озеру Друзно проходил внутренний водный путь, нигде не соприкасавшийся с открытым морем, и по этому пути, очевидно, поддерживалось «интенсивное судо-

---

[1] F. Neumann, op. cit., S. 304.
[2] H. Bertram, Die Entwicklung des Deich- und Entwässerungswesens im Gebiet des Danziger Deichverbandes, 1907.
[3] E. Keyser, op. cit., S. 5.
[4] E. Keyser, op. cit., S. 2.
[5] R. Hennig, Terrae incognitae, Leiden, 1937, B. II, S. 202.
[6] P. Sonntag, Hela, die Frische Nehrung und das Haff, «Schriften der Naturforschenden Gesellschaft zu Danzig», 1915—1918, B. XIV, S. 49.
[7] J. Uhl, op. cit., S. 123.
[8] E. Keyser, op. cit., S. 2.

ходство»[1]. Следовательно, «самое простое толкование, какое можно дать рассказу старого мореплавателя (Вульфстана)»[2], не требует ни уточнения, ни переосмысления. Рассказ нужно понимать именно так, как он зафиксирован в дошедшем до нас тексте. В настоящее время эта трактовка общепризнана.

Итак, восточную часть маршрута Вульфстана можно считать окончательно установленной. Самостоятельный интерес представляет вопрос о том, сколько же рукавов Вислы и проходов в Вислинский залив имелось в тот период. Главное русло реки выходило в открытое море неподалеку от того места, где в ночь на 1 февраля 1840 г. Висла прорвалась восточней Гданьска, создав новый фарватер, который затем был искусственно превращен в главное русло. За предшествовавший период западная часть Вислинского залива, заполненная речными наносами, превратилась в сушу и дельта Вислы заняла всю площадь до Балтийской косы. После образования нового фарватера давно захиревшее старое устье Вислы, о котором упоминает Вульфстан, было в 1847 г. перекрыто плотиной.

Цитаты из Иордана, приведенные в начале главы, свидетельствуют о том, что в VI в. Висла уже впадала в Балтийское море тремя рукавами, неся свои воды не только в Вислинский залив, но и в открытое море[3]. Можно предположить, что наряду с главным руслом в районе устья имелись два прохода: вблизи Приморска и еще на одном участке косы, местоположение которого в настоящее время установить невозможно[4]. Итак, в то время район устья Вислы чрезвычайно напоминал современное устье Одера: три рукава устья выходили из залива в море, причем самый западный из них («*Wislemudan*») Вульфстана, как и пролив Пене, был главным естественным руслом, а остальные — второстепенными. Лишь после того, как дельта Вислы распространилась до самой косы, западный рукав постепенно утратил свое значение; в связи с этим возросла роль проходов в косе. Важнейшим из них до XIII в. был проход в районе Приморска, затем до XV в.— против Веселого и с 1510 г.— в районе Балтийска[5].

Впрочем, для правильного понимания рассказа Вульфстана совсем несущественно, сколько проходов имелось в косе 1000 лет назад и где они располагались. Неоспорим тот вывод, к которому 100 лет назад пришел чисто интуитивно Гизебрехт, а именно, что *Вульфстан побывал лишь в самых западных частях залива и не видел нынешней косы Земландского полуострова, реки Преголи и т. д.*[6]

Время экспедиции Вульфстана можно установить лишь ориентировочно. Как указывалось в гл. 93, король Альфред начал заниматься переводом

---

[1] O. L i e n a u, Die Bootsfunde von Danzig Ohra aus der Wikingerzeit, Danzig, 1934, S. 40.

[2] P. S o n n t a g, op. cit., S. 57.

[3] N. B e r t r a m, W. L a B a u m e, O. K l o e p p e l, Das Weichsel — Nogat-Delta, «Quellen und Darstellungen zur Geschichte Westpreussens», Danzig, 1924, B. II, S. 37.

[4] E. K e y s e r, op. cit., S. 2.

[5] E. K e y s e r, op. cit., S. 5 (и след.).

[6] L. G i e s e b r e c h t, Wendische Geschichten, Berlin, 1843, B. I, S. 733 (примечание 3).

хроники Орозия около 890 г. и включил в нее сообщения о плаваниях Отера и Вульфстана. Следовательно, Вульфстан был в Англии раньше 890 г. и, возможно, даже значительно раньше. Его плавание в Трусо следует, разумеется, отнести к еще более раннему времени — примерно к 880 г., и, во всяком случае, к периоду между 870 и 890 гг.

Отер сообщил английскому королю о морях на севере Европы, а Вульфстан — о южной части Балтийского моря, которое с древних времен считалось заливом, врезающимся с севера в Европейский континент. В результате у короля Альфреда, видимо, возникло ошибочное представление, что Белое море Отера и Балтийское море Вульфстана непосредственно соединяются друг с другом и что Скандинавия представляет собой остров в западной части предполагаемого огромного залива. Только так можно объяснить его слова о том, что Балтийское море является «проливом» (*fretum*). Это неправильное представление, согласно которому Балтийское море переходит на севере в океан, причем Скандинавия полностью отделена от материка, сохранялось кое-где до XV в.[1]

Сообщения Отера и Вульфстана, включенные королем Альфредом в переведенную им хронику Орозия, относятся, несмотря на их краткость, к самым ценным и своеобразным памятникам средневековой географии[2].

---

[1] Карта Клавдия Клавуса от 1427 г. (см. гл. 106).

[2] Приведем некоторые самые обстоятельные ранние работы, помимо уже упоминавшихся, из весьма объемистой литературы о Вульфстане и Трусо: статья Лангебека, см. «Scriptores rerum Danicarum», Köbenhavn, 1772, B. 2; D. B a r r i n g t o n, The Anglo-Saxon version from the historian Orosius by Alfred the Great, London, 1773; M. C h r. S p r e n g e l, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen, Halle a. S., 1792, S. 196 (и след.); S h a r o n T u r n e r, The Hidom of the Anglo-Saxons, London, 1799, book 5, ch. 3; F. C h r. D a h l m a n n, Forschungen aus dem Gebiet der Geschichte, Altona, 1821, S. 404 (и след.).

ГЛАВА 95

АНГЛИЙСКИЙ ЕПИСКОП СИГЕЛЬМ В ЮЖНОЙ ИНДИИ

(около 884 г.)

[Король Альфред] послал множество даров за море в Рим и Святому Фоме в Индию. Миссия эта была поручена епископу Сигельму Шерборнскому [*Scriburnensis*], который благополучно достиг берегов Индии, что в нынешний век не может не вызвать восхищения. Возвратясь из Индии, он поразил своих соотечественников вывезенными оттуда диковинными драгоценными каменьями и благовониями. Но драгоценнее всех этих сокровищ был дар папы Марина королю Альфреду — обломок креста Господня[1].

* * *

Папа Марин послал часть креста Спасителя королю Альфреду. В тот же год Сигельм и Этельстан доставили в Рим дары короля Альфреда, которые тот дал обет преподнести папе Римскому, а также Святому Фоме и Святому Варфоломею в Индии[2].

Запись монаха-летописца XII в. Вильгельма Мальмсберийского (ум. около 1143), к сожалению, слишком лаконичная, но, дополненная и подтвержденная «Англосаксонской хроникой» (*Chronicon Anglo-Saxonicum*), сообщает нам об удивительном для того времени путешествии епископа Сигельма Шерборнского. Сигельм отправился в 883 г. по поручению короля Англии Альфреда Великого в Рим к папе, а позднее достиг Индии. Король захотел установить связь с обитавшими там христианами — последователями св. Фомы. Однако, поскольку святой престол, видимо, никогда не предпринимал каких-либо

---

[1] Сообщение Вильгельма Мальмсберийского. См. W i l h e l m i M a l m e s b i r i e n s i s M o n a c h i, De gestis regum Anglorum, libri quinque, «Rerum Britannicarum Medii aevi Scriptores or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages», ed. Stubbs, London, 1887, v. I, lib. II, p. 130. [«Деяния английских королей» — исторический труд Вильяма (Вильгельма) Мальмсберийского, охватывает период 449—1125 гг. Он основан на старинных рукописях и письменных источниках по истории Англии.— *Ред.*]

[2] «Chronicon Anglo-Saxonicum». См. «Rerum Britannicarum medii aevi Scriptores», XXIII/2, London, 1861, v. II, p. 66.

попыток к сближению с этой сектой, слывшей в Риме еретической, трудно понять, почему у английского короля появилось такое желание. Тем не менее сам факт не вызывает никаких сомнений.

Крайняя лаконичность скупых записей, сообщающих о путешествии Сигельма, дала простор буйному воображению позднейших комментаторов. Вот почему и в наше время имеют хождение многочисленные, совершенно фантастические толкования этого источника. Так, например, упоминавшийся уже в гл. 93 биограф короля Альфреда Спелман поставил в связь путешествие Сигельма в Индию с экспедицией Отера в Биармию. Этот исследователь утверждал, что Альфред послал Отера в плавание, чтобы выяснить, не открывается ли в сторону Индии тот океан, по которому плывут на север[1]. Это, конечно, чистейшая нелепица: мысль о возможности попасть в Индию, огибая Европу с севера, возникла лишь в XVI в. и *не могла* появиться ранее. Спелман представлял себе путешествие в Индию непременно в виде морского плавания, а потому и утверждал, что Сигельм достиг Индии на корабле. Однако в IX в. такое плавание, безусловно, нельзя было осуществить. За 125 лет до этого такая возможность еще существовала, поскольку тогда не был разрушен Суэцкий канал, которым воспользовался монах Фиделий (см. гл. 82). Но после того, как в 767 г. канал уничтожили, морское плавание из Европы в Индию по морю оставалось невозможным вплоть до подвига Васко да Гамы в 1498 г. Сигельм, разумеется, достиг Индии, используя как наземные, так и морские пути, то есть способом, обычным для магометанского мира периода средневековья. Вероятно, маршрут его путешествия проходил через Египет.

В «Англосаксонской хронике» в качестве мотива, побудившего Альфреда к столь необычному поступку, назван обет, данный этим королем предположительно в связи с изнурительной войной против датчан. Поэтому Спелман, возможно, недалек от истины, когда пишет:

«Во исполнение данного им обета король Альфред послал корабли с подаянием[1] в Восточную Индию — путешествие, которое не только для того времени представляется необычным, но даже и в наш век вызывает восхищение. Посланцы привезли оттуда драгоценные камни, благовония и другие дотоле неизвестные европейцам сокровища Востока, которые они приобрели в обмен на свои товары».

Остается все же невыясненным, как осуществлялось само путешествие. Мы узнаем лишь, что путь Сигельма проходил через Рим и что окончилась поездка благополучно. И это все! Не сообщается даже, каким образом епископ достиг Рима. Сказано лишь, что он будто бы отправился туда «по морю» (*trans mare*). Однако это указание вряд ли следует понимать буквально — как только морское плавание из Англии в Италию. Прежде всего мореплавание у англичан в то время еще только зарождалось, да и итальянские корабли

---

[1] J. Spelman, Alfredi Magni Anglorum regis vita, II, 71, Oxford, 1678, p. 112.

[2] В первом издании настоящей книги автор, не зная, как истолковать слово «элеемосюнас», счел его именем собственным и сопроводил вопросительным знаком. Переводом этого слова как «подаяние» автор обязан упоминаемому ниже труду Кратохвилля.

до XIII в. вряд ли ходили до берегов Англии. Кроме того, в тот период мавры старались не допускать прохода чужих торговых судов через Гибралтар, и, пожалуй, лишь норманским викингам удавалось иногда прорываться сквозь их кордоны. Выражение «по морю» может, очевидно, означать лишь, что епископ переправился через пролив на материк, а затем уже по суше поехал в Рим! В дальнейшем его путь в Индию проходил, возможно, по Красному морю. От побережья Сирии можно было прямо попасть только в Северную Индию, но никак не в Южную. Итак, наиболее вероятно, что епископ Сигельм по суше достиг Красного моря и у египетских берегов сел на корабль, доставивший его затем в Индию. В то время христианам еще не был закрыт путь через Египет, что доказывает хотя бы путешествие монаха Фиделия, который за 100 с лишним лет до Сигельма воспользовался этим маршрутом (см. гл. 82). Морские плавания из Красного моря к Малабарскому берегу были в то время довольно обычным явлением. В IX в. магометане еще не относились к христианам с такой непримиримой враждебностью, как в период крестовых походов и позже.

Некоторые исследователи высказывали сомнение в том, что Сигельму действительно удалось добраться до Индии. Брун выдвинул даже по меньшей мере странную гипотезу, что английский епископ побывал в Тбилиси и там выменял все привезенные им на родину индийские товары[1]. Совершенно непонятно, почему Брун полностью игнорирует указания, приведенные в источнике. А утверждение того же Бруна, что Сигельм «ни в коем случае не мог достигнуть Мелиапура на Коромандельском берегу» и якобы посетил лишь предполагаемую гробницу апостола Павла в Каламине, также построено на песке. Дошедшие до нас сообщения не дают никаких оснований для таких выводов. Если бы король Альфред был заинтересован лишь в приобретении высокоценившихся индийских товаров, то он бы, естественно, послал на Восток не епископа, а купца,— скорее всего одного из особенно ловких и знающих многие языки еврейских купцов. Кроме того, индийские товары можно было выменять даже в Италии и уж безусловно в Сирии. Однако выбор пал на епископа, который и отправился в Индию в качестве доверенного лица государя, и это не оставляет сомнения в том, что главной побудительной причиной посылки экспедиции были какие-то религиозные связи с последователями св. Фомы в Индии. Правда, ни один христианский государь средневековья, включая папу, не предпринимал никаких попыток к сближению с фомистами, и поэтому не совсем понятно, почему именно королю Альфреду понадобилось посылать в Индию религиозную миссию. Однако сам этот факт служит лишним доказательством широты кругозора английского государя и его интереса к неведомым землям.

Сравнительно недавно Кратохвилль также выразил сомнение в том, что Сигельм действительно посетил Индию[2]. Кратохвилл отмечает, что имеются различные списки «Англосаксонской хроники», которым Стивенсон посвятил

[1] «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1876, S. 287, 288.

[2] M. Kratochwill, Eine Reise von Sendboten König Alfreds des Großen nach Indien?, «Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien», 1938, B. LXXXI, S. 227.

специальное текстологическое исследование[1]. Они были подвергнуты также сравнительному изучению Торпом, редактировавшим эту хронику для сборника «Британские средневековые летописи» («Rerum Britannicarum medii aevi Scriptores»). В различных списках в качестве конечной цели путешествия Сигельма называют то Индию, то Индею, то Иудею (*India*, *Indea*, *Iudea*). Кратохвилль по этому поводу замечает, «что именно написание «Иудея» соответствует утерянному первоисточнику», и делает из этого следующий вывод: «Нужно полагать, что конечной целью путешествия была намечена Эдесса — город, сыгравший такую большую роль в поклонении св. Фоме. Вряд ли можно предположить, что путешественники достигли современной Индии»[2].

Такое толкование кажется автору неубедительным. Эдесса — город в северной части Месопотамии. Как же можно говорить о ней, как об «иудейском» городе? Даже если бы в первоисточнике была действительно указана Иудея, а это тоже остается только маловероятной гипотезой, то в хронике Вильгельма Мальмсберийского все же совершенно определенно говорится об «Индии». Иудея, в отличие от Индии, вообще никогда не имела никакого отношения к св. Фоме и св. Варфоломею. Кроме того, в 883 г. христианскому епископу отнюдь не легко было бы проникнуть в мусульманскую Эдессу. Между тем в Южной Индии, на родине фомистов, его приезд не встретил бы никаких препятствий, как и пребывание там христиан Козьмы и Феодора в VI в. (см. гл. 72). По мнению автора, в рассуждениях Кратохвилля содержится много логических и историко-географических неувязок. Их будет гораздо меньше, если мы станем придерживаться написания «Индия», которое и находим в обоих сохранившихся до нас английских источниках. По поводу другого путешествия в Индию, также совершенного в средние века, но только Генрихом Морунгеном (см. гл. 117), Кратохвилль вполне определенно заявил, что слова «*in Indiam*» из-за добавления «*beatum Thomam*» должны относиться только к Индии и что «другие толкования вряд ли могут претендовать на убедительность»[3].

Совершенно непонятно, почему это абсолютно справедливое суждение нельзя применить и при решении вопроса о конечной цели путешествия епископа. Другие исследователи также называют Эдессу как предполагаемую цель путешествия епископа[4]. Автор думает, что такое толкование объясняется боязнью признать возможным путешествие в Индию в IX в.

В наше время на Малабарском береге все еще обретается немалое число фомистов[5]. Название этой секты не имеет ничего общего с «Фомой Неверую-

---

[1] W. H. Stevenson, Asser's life of King Alfred, Oxford, 1904, p. 287 (и след.).

[2] M. Kratochwill, op. cit., p. 229.

[3] M. Kratochwill, Das Problem der Indienfahrt des Minnesängers Heinrich von Morungen, «Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien», 1937, B. LXXX, S. 329, 332.

[4] W. W. Hunter, The Indian Empire, London, 1893, p. 29; R. H. Hodgkins, A history of the Anglo-Saxons, Oxford, 1935, v. II, p. 640 (и след.).

[5] Coquebert-Montbret, Note sur les chrétiens de St. Thomas, «Recueil des voyages et memoires», 1939, t. IV, p. 25.

щим», одним из учеников Иисуса, хотя часто пытаются установить здесь связь. Местная христианская легенда утверждает, что св. Фома прибыл в Индию с апостольской миссией и в 52 г. основал там христианскую общину. В действительности же «христиане св. Фомы»— последователи несторианской или сирийской секты, получившей весьма широкое распространение в Азии.

Герман полагал, что название «фомисты» происходит от имени какого-то богатого христианина, вероятно купца, по имени Мар Фома или Фома Кананеус, который до IX в. поддерживал индийскую христианскую общину богатыми дарами и добился для нее привилегии[1]. Это утверждение, однако, вряд ли соответствует действительности, так как уже в VI в. Григорий Турский (см. гл. 72, стр. 65) связывал индийских христиан с апостолом Фомой. Как бы то ни было, христианские общины в Индии возникли довольно рано. Уже на Никейском соборе присутствовал «епископ Персии и Великой Индии». Правда, из-за расплывчатости самого понятия «Индия» этот титул не дает еще оснований для каких-либо определенных выводов. Однако из записок Козьмы Индикоплова (см. гл. 72) неоспоримо вытекает, что в его время, то есть около 525 г., христианские общины процветали и на Малабарском береге, и в Кальяне, и на Цейлоне. При патриархе Тимофее (778—820) фомисты получили даже собственного митрополита, и из этой организации немного позднее образовалось особое христианское государство, во главе которого стояли князья, называвшиеся «тамутири» (что означает «князь мужей, повелитель холмов и волн»)[2].

Похоже, что это христианское государство в Индии каким-то образом привлекло к себе внимание короля Альфреда. Впрочем, такое предположение не намного продвигает нас вперед, так как в тот период, разумеется, не могло быть и речи о постоянных политических или экономических связях между еще совсем слабо развитой Англией и Индией. К тому же фомистов считали тогда еретиками и всячески игнорировали. И все же складывается впечатление, что епископ Сигельм должен был решить или участвовать в решении каких-то религиозных вопросов в Индии, поскольку он по пути заезжал в Рим и получил от папы Марина I (882—884) реликвию в дар своему королю. Так или иначе, цели этого путешествия и связанные с ним события, к сожалению, скрыты от нас довольно плотной завесой, приподнять которую мы не в состоянии.

Дату самого путешествия можно установить довольно точно. Хроника Вильгельма Мальмсберийского относит его к 883 г. Очевидно, это был год *отплытия* епископа из Англии. Дело в том, что именно в этом году Сигельм стал епископом Шерборна после смерти своего предшественника Ассера[3]. Поэтому он вряд ли до конца 883 г. мог попасть в Рим. Однако папа Марин умер уже в 884 г. Следовательно, он мог вручить епископу религиозную реликвию в дар для его государя лишь тогда, когда Сигельм находился

---

[1] W. Germann, Die Kirche der Thomaschristen, Gütersloh, 1877; G. Milne Rae, The Syrian Church in India, Edinburgh—London, 1892.

[2] J. Spelman, op. cit., Append. V, p. 202. (Португальский заморин—более позднее производное от этого слова).

[3] Ibidem.

на пути *в Индию*. В то время на путешествие в Индию уходило 1—2 года. Поэтому вручение папой подарка на обратном пути исключается как невероятное. В Англию Сигельм мог вернуться не ранее 885 г.

Мы, люди XX в., не можем не разделять восхищения Вильгельма Мальмсберийского, который еще в XII в. понимал, что для IX в. столь дальнее и благополучное путешествие было необычайным событием. Если бы было сделано подробное описание этого путешествия, которое сохранилось бы до нашего времени, какую находку предоставляло бы оно для исследователя!

ГЛАВА 96

НОРМАННЫ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ И В БАГДАДЕ

(IX и X вв.)

Норманны спускаются вниз по Дону, реке славян, и пересекают сушу у Хамлюджа [современный Сталинград], большого города в земле хазар, где повелитель этой страны берет с них десятину. Затем они опять погружаются на корабли и выходят в Джурджанское море [Каспийское море], на побережье которого и находится конечный пункт их плавания. Это море простирается на 500 фарсахов в ширину. Иногда они доставляют свои товары из города Джурджания в Багдад, навьючив их на верблюдов. Там они используют славянских евнухов в качестве переводчиков. Они утверждают, что исповедуют христианство, поэтому с них, как с христиан, берут подушную подать[1].

* * *

Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл [Волга]... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атыле — а это большая река — и строят на ее берегу большие дома из дерева... И как только их корабли прибывают к этой пристани, тотчас выходит каждый из них, [неся] с собой хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, чтобы подойти к длинному, воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений — длинные бревна, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то и столько-то голов и соболей, столько-то и столько-то шкур», пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров,— «и пришел я к тебе с этим даром»,— потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном...[2]

---

[1] Сообщение Ибн-Хордадбеха. См. Ibn Khordadbeh, ed. de Goeje, Leiden, 1889, p. 115, 116.

[2] Сообщение Ибн-Фадлана см. Chr. M. Fräh n, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 5. [А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, ХГУ, 1956, стр. 141, 142. Выдержки из

* * *

Когда корабли русов достигли крепости у входа в эстуарий [Азовское море], они направили послов к царю хазар, дабы испросить его разрешения на проезд по его владениям, на плавание по реке и вход в Хазарское море, которым владеют, как мы узнали, также Джурджания в Табаристане и другие города варваров. Они пообещали ему половину добычи, которую надеялись захватить у племен, обитающих на берегах этого моря. Он дал им разрешение. Они вошли в эстуарий, поднялись вверх по реке [Дон] и затем спустились по Хазарской реке [Волга] вниз; миновали город Итиль [древний город близ Астрахани] и, пройдя устье, вышли в Хазарское море. Хазарская река очень широкая и глубокая. Так добрались они до моря, а их набеги опустошали эль-Джиль эд-Дайлем, Табаристан, Абоскун [название береговой части Джурджании], нефтеносные земли, Азербайджан. Они разграбили город Ардобил в Азербайджане, до которого от моря целых 3 дня пути. Они проливали кровь, грабили добро, брали в плен детей, а мелкие отряды грабителей и поджигателей наводили ужас на окрестности. Жителей побережья охватил неописуемый страх, потому что им еще никогда не приходилось в этих местах встречаться с врагом. По морю здесь плавали лишь мирные торговые или рыбачьи суда. Воевать им приходилось только с эль-Джилем эд-Дайлемом и войсками Ибн-Абби Саджа, но больше ни с одним народом они не воевали.

Русы высадились на берег у нефтеносных земель, которые называются Бабиках [Баку], и во владениях Шариван-шаха. На обратном пути русы высадились на острова неподалеку от нефтеносных земель; их отделяло от побережья лишь несколько миль. Повелителем Шаривана в то время был Али Бек эль-Хаитем. Когда шариванские купцы подплыли к этим островам на своих лодках и судах для ведения торговли, русы напали на них. Тысячи магометан погибли — кто в волнах, кто от меча.

Как мы уже сообщали, русы оставались на берегах этого моря в течение нескольких месяцев. У жителей прибрежных земель не было ни сил, ни средств для их изгнания, хотя они и провели ряд мероприятий военного характера и организовали оборону; у жителей этих мест высокая культура. Набрав добычи и пленных, русы

предисловия Френа к труду об Ибн-Фадлане, который цитируется Хеннигом, имеются в русском переводе. См. «О важности арабских писателей для древнейшей русской истории», «Вестник Европы», 1825, № 19, стр. 199—211. Перевод отдельных мест из труда об Ибн-Фадлане, см. «Северный архив», 1826, ч. 22, № 13, стр. 119. Следует учесть замечание академика И. Ю. Крачковского (Избр. соч., АН СССР, 1957, т. IV, стр. 185), что Хенниг, который пользовался Френом и не знал исследования А. П. Ковалевского, систематически приписывал Ибн-Фадлану сообщение персидского автора начала XIII в. Ауфи.— *Ред.*]

двинулись в обратный путь — вошли в устье Хазарской реки и послали гонцов с деньгами и добычей к царю, дабы выполнить взятые на себя обязательства. У хазарского царя на этом море не было никаких кораблей, потому что хазары вообще плохие мореходы. А то бы они представляли постоянную угрозу для мусульман...

[Далее описывается, как мусульмане, получив поддержку от христианского населения Итиля, готовятся к ответному удару по возвращающимся с добычей русам.] Они сражались 3 дня, и бог даровал победу мусульманам. Все войско русов полегло в этом бою — кто погиб от меча, а кто утонул в водах великой Хазарской реки; только 5000 воинов удалось спастись. После этой битвы русы больше не предпринимали набегов на эти земли[1].

* * *

Поход русов за [Каспийское] море с целью грабежа Табаристана. В тот год [297 год хиджры, то есть 909—910 гг.] на море появилось 16 кораблей русов, которые затем высадились в Абесгуне, как уже было однажды во времена Хасана бен-Саида [864—884], когда русы пришли в Абесгун с войной. Хасан бен-Саид выслал войско и перебил всех чужеземцев. Однако они успели разорить Абесгун и земли на противоположном берегу, занимались грабежом и убийством мусульман. Абу-Сиргам Ахмед бен-эль-Касим был наместником в Сари. Он сообщил обо всем этом Абу-л-Аббасу, который выслал войско на помощь. В то время русы как раз прибыли в Анджилах [Макалех]. Он напал на них ночью, многие русы приняли смерть в этом бою, другие попали в плен и рассеялись по всему Табаристану. Через год русы вернулись с более многочисленным войском, разорили и предали огню Сари и земли Пенджахсехара, захватили много пленных и поспешно удалились по морю в сторону Шимеруда [Чехмеруд] в Дайлемане. Часть их высадилась там на берег, а часть оставалась на кораблях. Гиляншах приказал своему войску двинуться вдогонку, сжечь их корабли, а высадившихся на сушу предать мечу. Те русы, которые не покидали своих кораблей, обратились в бегство. Но Ширван-шах (повелитель Хурза) прослышал об этом, устроил им засаду на море и уничтожил всех до последнего. Так был положен конец набегам русов[2].

---

[1] Сообщение Масуди. См. M a s u d i, Meadows of gold and mines of gemes, ed. A. Sprenger, London, 1841, v. I, p. 417 (и след.). [См. также В. В. Б а р т о л ь д, Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 24—26.— *Ред.*]

[2] Сообщение Ибн-Исфандьяра. См. I b n I s f e n d i y a r, Geschichte von Tabaristan. См. Б. А. Д о р н, Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побе-

В течение тысячелетия с IV по XIII в. мир сотрясали четыре мощные волны переселения народов, которые коснулись и Европы: гуннское, арабское, норманское и монгольское. Все четыре волны распространялись на огромные пространства, почти не отличаясь по размаху друг от друга. Три из них зародились на Азиатском континенте и распространялись почти исключительно по суше, преимущественно по необозримым просторам степей и пустынь. И только одна, норманская волна, образовалась в Европе, прокатилась как по суше, так и по морю, а потому и захватила в первую очередь приморские земли, от восточного побережья Северной Америки на западе и кончая Уралом на востоке, от Шпицбергена на севере до Марокко и Двуречья на юге. Только в юго-восточном направлении норманское нашествие распространилось по суше. Норманские дружины и норманские купцы несколько раз пересекли всю Россию, доходя до стен Византии, до Каспийского моря и даже дальше[1].

Именно в этот период, с IX по XII в., наиболее убедительно оправдалось данное Иорданом еще в VI в. определение Скандинавии как «*vagina nationum*» [«чрева наций».—*Ред.*][2]. Одним из наиболее значительных государств, созданных северными народами, было русское государство, основанное Рюриком.

Известно, что в IX в. славяне якобы «призвали» шведских норманнов, чтобы те основали у них государство. После чего эти норманны, которых в Восточной Европе называли «русами»[3], создали во главе с Рюриком

режья Каспийского моря, «Записки Академии наук», 1876, т. 26, приложение 1, стр. 5, 6 (текст), 6-38 (примечание). [Б. А. Д о р н (1805—1881) — известный русский ориенталист, академик и директор Азиатского музея, сменивший на этом посту Х. Д. Френа. О нем см. И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Очерки по истории русской арабистики, 1950, стр. 123—125 и др.; В. П. З у б о в, Историография естественных наук в России, 1956, стр. 296—297.— *Ред.*]

[1] В вопросе о происхождении Русского государства и появлении названия «рус» Хенниг, опираясь на историка Шлёцера, проводит порочную теорию «норманистов», отождествляя русов с норманнами-варягами. Еще М. В. Ломоносов горячо возражал «норманистам» Байеру, Миллеру и Шлёцеру, отстаивая самостоятельность развития русской государственности. Хенниг не приводит сообщения арабского географа середины IX в. Ибн-Хордадбеха (которого вообще он широко использует), что «русы суть племя из славян». Действительно, отряды норманнов-варягов, рыскавшие в IX в. по всем европейским морям, направлялись и в русские земли, куда их привлекали богатства страны и связи Руси с Византией и государствами Востока. Но двигались они по великим внутренним путям, уже открытым и освоенным славянами и известным в древнерусской истории под названием «пути из варяг в греки». Варяжские князья иногда захватывали власть на Руси. Но на Руси варяги быстро ославянивались. Серьезного влияния на ход русского исторического процесса и на развитие русской культуры варяги не оказали. См. «История СССР», М., 1956, т. 1, гл. III, § 6, стр. 60—68; см. также «Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв.», АН СССР, 1953, ч. 1, гл. 1, раздел 5 (образование древнерусского государства и происхождение термина «Русь», стр. 69—79).— *Прим. ред.*

[2] J o r d a n i s, Getica, IV, 25, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 60.

[3] Обозначение «рус» или «рос», от которого происходит «Россия», первоначально относилось лишь к шведским норманнам, появляется как раз в этом веке. Оно произошло от имени норманского короля Росса (К. Р и т т е р, История землеведения и открытий по этому предмету, СПБ, 1864, стр. 153). [Это совершенно неверно. Как отмечает Н. В. Пигулевская, название «Русь»

и его братьями «русское» княжество в Киеве — по традиционной трактовке, в 862 г. Фактически, однако, появление ростков нового государства надо отнести к более раннему периоду, так как еще в 842 г. «русы» воевали с Византией на побережье Черного моря, а уже в 866 г. совершили первый норманский набег на «Царьград» [Константинополь][1].

В течение двух столетий это норманско-«русское» княжество представляло собой германское государство, в котором славянскими народами правила нордическая верхушка. Несколько раз набеги русских норманнов ставили под угрозу существование Византийской империи, особенно в 907 и 941 гг.[2]

встречается в сирийском источнике VI в. н. э. См. сборник «К 70-летию Б. Д. Грекова», М., 1952, стр. 42—48. Корень «рус», «рос» широко распространен в топонимике Восточной Европы от Новгорода до Киева, от Немана до Волги; с ним связываются такие древние этнические обозначения, как рокласаны, росомоны; сирийский источник VI в. называет в северо-восточном Причерноморье народ «рос» (*hros*). О происхождении слова «Россия» интересное исследование написано Сюзюновым. См. «Вестник древней истории», М., 1940, № 2, стр. 121.— *Ред.*] Для обозначения всех норманнов оно применяется впервые якобы арабским историком Ахмедом ал-Халифом в его «Севильской хронике» при описании норманского нашествия на Испанию (см. гл. 87). Такое предположение, однако, вряд ли соответствует действительности, так как это название встречается уже в «Annales Bertiniani» за 839 г. Там сообщается, что в середине мая 839 г. в замок Ингельгейм прибыло посольство из Византии к императору Людовику Благочестивому и что это посольство попало из Швеции в Константинополь через внутренние районы России. Дословно там сказано следующее:

«[Император Феофил] прислал с ними нескольких человек, которые утверждали, что они сами либо их народ именуются росами. По их словам, король Хакапус [Хакон] послал их к императору в знак дружбы. Они передали устно просьбу своего короля милостиво отнестись к ним и оградить их от опасностей как в самой империи, так и при возвращении, так как по пути в Константинополь они проезжали по землям, населенным несметным множеством диких варваров, по которым им бы не хотелось возвращаться, дабы не подвергаться очевидной опасности. Когда император более подробно расспросил их, выяснилось, что они являются шведами (*eos gentis esse Sueonum*) См. «Monumenta Germaniae historica», SS I, p. 434. Ранке, называющий это посольство «загадочным», усматривает в нем некоего провозвестника будущей политики норманнов на русской земле и полагает, что «эти послы были предшественниками тех варягов, которые позже предпринимали ряд попыток завязать сношения с Миклагардом, или Царьградом, как они называли Константинополь». См. L. Ranke, Weltgeschichte, B. V, S. 183.

Первоначально, по данным Шлёцера, шведских норманнов называли «русами» лишь «лапландцы, финны и эстонцы». См. A. Schlözer, Nestors Russische Annalen, Göttingen, 1802, B. II, S. 184. [Хенниг пользуется немецким переводом «Повести временных лет» Нестора, сделанным историком Шлёцером.— *Ред.*] Вполне возможно, что те шведские послы по пути через земли Восточной Европы заметили, что население называет их этим именем, и по приезде в Константинополь воспользовались им, чтобы показать, откуда они родом. Нестор Киевский, зная о существовании шведов [свеи], тем не менее определенно указывает: «Те варяги назывались русью». [«Сице бо ся зваху тьи варязи русь». См. «Повесть временных лет», АН СССР, 1950, ч. 1, стр. 18.— *Перев.*]

[1] A. Schlözer, op. cit., B. II, S. 211 (и след.).

[2] A. Schlözer, Nestors Russische Annalen, Göttingen, 1805, 1809. B. III, S. 252 (и след.); B. IV, S. 17 (и след.).

В средние века «путь из варяг в греки»—от «озера Нево» (Ладожское озеро) по Волхову, Ловати и Днепру до Черного моря имел огромное значение для России. Монах-летописец Нестор Киевский упоминает о нем в 1100 г.[1]

Русские норманны часто доходили даже до Каспия и до Азии, сначала как мирные купцы, а позднее как дикие, жадные до добычи завоеватели и разбойники.

Бросается в глаза, что в многочисленных скандинавских литературных источниках тех веков содержатся крайне скудные сведения обо всех этих событиях. В них часто упоминается о городе Византии и о «Греции», то есть о греко-византийской империи, при этом иногда сообщается о боевых подвигах норманских героев, совершенных либо в битвах с Византией, либо на службе у византийского императора[2]. Однако о походах норманнов к Каспию и далее в них не говорится ни слова. Зато в трудах ряда арабских авторов сообщается о событиях, происходивших в этих районах. Мы неожиданно узнаем из них, что название этих норманнов —«русы»— даже в этих отдаленных областях упоминается то с уважением, то с паническим ужасом. Норманнов, врывавшихся в мусульманские страны и опустошавших все на своем пути, часто называли также «магусами» или «Гогом и Магогом» (см. гл. 89).

Еще Ибн-Хордадбех в своем обширном труде о путях сообщения в халифате (созданном около 846 г. и переработанном заново в 885 г.) упоминает о посещении Багдада норманскими купцами. По его сведениям, они привезли туда для продажи шкурки бобров и чернобурых лисиц, а также мечи. Поэтому можно считать, что скандинавские купцы уже к середине IX в. нашли путь в Багдад. Согласно цитированной выше летописи Ибн-Исфандьяра (1216 г.), первые разбойничьи набеги «русов» из бассейна Волги на Северный Иран относятся к 870—880 гг. За ними последовали другие разбойничьи набеги: в 909—910 гг.— на южное и в 912 г.— на западное побережье Каспия. При этом «русы» делились своей добычей с повелителем хазар, центр владений которого находился в устье Волги. Но самый опустошительный из всех походов викингов на каспийском побережье относится к 943—944 гг.[3], когда обширные области, примыкающие к западному побережью, на несколько дней пути в глубь суши были превращены в смрадную пустыню. Насколько заметный след эти военные походы норманнов оставили в умах магометан, доказывает созданный великим азербайджанским поэтом Низами (1141—1203)

---

[1] A. Schlözer, op. cit., B. II, S. 88. [О значении торгового водного пути из Невы в бассейн Днепра см.: С. В. Бернштейн-Коган, Путь из варяг в греки, «Вопросы географии», М., 1950, вып. 20, стр. 239—270; И. П. Шаскольский, Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв., «Географический сборник», вып. III, История географических знаний и географических открытий, АН СССР, 1954, стр. 146—159.—*Ред.*]

[2] Северогерманская «варяжская гвардия» упоминается и в византийских источниках.

[3] Chr. M. Frähn, Essai servant à déterminer d'une manière plus précise l'époque d'une expédition entreprise par les Russes sur les côtes de la mer Caspienne, «Nouveau Journal Asiatique», 1828, t. II, p. 450.

эпос «Искандер-намэ», воспевающий вымышленный поход Александра Великого (Искандера) против варягов в их «Страну мрака» (см. гл. 98)[1].

Эти кровавые события сменяются мирными картинами, представляющими интерес для исследователя истории культуры, на которых «русы» предстают уже отважными и умелыми купцами, ведущими оживленную торговлю в различных прикаспийских странах. Как сообщает Ибн-Хордадбех, главными товарами были шкурки бобров, чернобурых лис и другого ценного пушного зверя, которые обменивали на различные сокровища Востока. Ибн-Фадлан описывает даже свою встречу в устье Волги с русами, наводившими на магометан панический ужас. Они оказались безобидными купцами, и он имел возможность наблюдать их подчас не слишком привлекательные обычаи.

Нашествия скандинавских воинов и купцов на страны Восточной и Юго-Восточной Европы и далее вплоть до Передней Азии продолжалось до XIII в. включительно и прекратилось, вероятно, только из-за переселения монгольских племен. Очень показательно, что примерно в 1200 г. у грузинской царицы Тамары на службе находилось не менее 3 тыс. воинов-викингов[2].

Как бы то ни было, приходится признать, что норманны были не только отважными воинами и мореходами, но также и ловкими купцами, отлично знавшими, где торговля сулит наибольшие барыши. Ведь в те века Багдад был не только оплотом ислама и столицей халифата (с 762 г.), то есть политическим центром Востока. Это был также самый населенный город мира, центр мировой торговли, оттеснивший на задний план Александрию, которая утратила свою ведущую роль. В тот период Персидский залив был важнее Красного моря. Историческое развитие не раз подтверждало справедливость мудрого замечания Пешеля: «В зависимости от того, где — в Каире или Багдаде — находился политический центр мусульманских княжеств, главенствующее значение приобретал то один, то другой залив»[3].

Норманны IX и X вв. сумели приспособиться к этой историко-экономической особенности. И если нам ничего не известно о появлении норманских купцов в Александрии, то Византию и Багдад они, несомненно, посещали. В противовес некоторым современным концепциям следует отметить, что знаменитые средневековые норманны были не только воинами, викингами, мореходами, но и предприимчивыми, удачливыми купцами. Они пускались в чрезвычайно далекие путешествия по суше и морю, мало чем уступая в этом отношении арабам[4], игравшим в то время ведущую роль в мировой торговле.

---

[1] Статья Эте. См. «Sitzung der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 6. Mai 1871; G. J a c o b, Iskenders Warägerfeldzug (Nachdichtung), Glückstadt. [См. Н и з а м и, Искандер-намэ, М., ГИХЛ, 1953, в частности «Книгу о славе», главы «Прибытие Искандера в область русов» и «Искандер вступает в борьбу с племенем русов», стр. 363—376.—*Ред.*]

[2] C. G r i m b e r g, Svenska Folkets underbara öden, Stockholm, 1938, B. I, S. 221.

[3] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 92.

[4] См. многочисленные примеры, приведенные в диссертации, опубликованной Хельмштедтским университетом в 1733 г. См. T r e u e r, Dissertatio de perpetua amicitia inter germanicum et russicum imperium.

ГЛАВА 97

АРАБСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

(922 г.)

Когда прибыло письмо Алмуша, сына Шилки йылтывара, царя славян, к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от его [халифа] имени кутбу в его [собственной] стране и во всех областях его государства, и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников,— было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харами. А я был уполномочен для прочтения ему [царю] письма и вручения того, что отправлялось к нему [в качестве подарков] и для надзора над факихами и муаллимами.— ...Послом со стороны государя [халифа] — Сусан ар-Расси, клиент Назира ал-Харами...— Итак, мы отправились из Города Мира в четверг, по прошествии одиннадцати ночей [месяца] сафара триста девятого года [21 июня 921 г.]...

Когда же мы были от царя «славян», к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей...

Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло двенадцать ночей [месяца] мухаррема триста десятого года [12 мая 922 г.]. И было расстояние от Джурджании до его страны семьдесят дней [пути]... [Далее следует описание приема, данного четыре дня спустя, а также полярного сияния, поразившего послов в первую же ночь и внушившего им неописуемый ужас, так как они приняли его за борьбу небесных джинов.]

Я видел, что день у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток... И вот красная заря, которая бывает перед ночной [молитвой], ни в коем случае не исчезает [окончательно], и вот ночь с [настолько] малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем [расстоянии], чем выстрел стрелы.

Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, потом появляется заря и луна скрывается[1].

* * *

Ныне [то есть в 944 г.] правящий царь Болгара — мусульманин. При халифе Муктадире, позже 310 г. [то есть в 922 г.], ему было во сне видение, после чего он принял ислам[2].

В конце I тысячелетия на Волге образовалось два важных торговых центра, игравших одновременно очень важную политическую и культурную роль. В устье реки еще в VIII в. возник Хазарский каганат со столицей Итиль. Поэтому и Каспийское море иногда называли «Хазарским» (*Bahr al-hozar*). О государстве тюрков-хазар, которых раньше именовали эфталитами или белыми гуннами (см. гл. 75), уже упоминалось в связи с путешествием Саллама (см. гл. 89). Это государство, основанное в 730 г., простиралось временами на северо-запад до Оки[3]. Это была единственная в Европе страна, правители и знать которой приняли иудейскую веру (в 740 г.). В дальнейшем многие правители каганата носили иудейские имена — Аарон, Беньямин и т. д.[4]. В 868 г. они приняли ислам[5], а приблизительно к середине X в. их государство исчезло с лица земли. Об обстоятельствах его гибели ничего неизвестно[6].

Кроме того, около 690 г. в районе среднего течения Волги, недалеко от места впадения Камы, которое в древние времена всегда было чрезвычайно важным узловым пунктом торговли и путей сообщения, сложилось царство волжских болгар. Еще за 100 лет до этого Иордан знал о *Bulgarum sedes super mare Ponticum*[7]. [местожительстве болгар севернее Понтийского моря.— *Ред.*]

По происхождению и языку население Болгара первоначально, вероятно,

---

[1] Сообщение Ибн-Фадлана. См. Chr. M. Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersburg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 527 (и след.). [См. А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, ХГУ, 1956, стр. 121, 131, 134, 135.— *Ред.*] В переводе Ибн-Фадлана, опубликованном Марквартом, говорится также: «Ночи в Болгаре так коротки, что если кто-либо в сумерки поставит горшок на треножник, дабы приготовить еду, то до рассвета она не успевает свариться». См. «Ungarische Jahrbücher», 1924, § 6, S. 277.

[2] Сообщение Масуди. См. Masudi, Meadows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841. [См. также В. В. Бартольд, Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 24—26.— *Ред.*]

[3] «Enzyklopädie des Islam», Leiden — Leipzig, 1913, B. I, S. 823.

[4] «Encyclopaedia Judaica», B. V, S. 340 (и след.).

[5] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823.

[6] Хозарское царство разгромил в 60 г. X в. русский князь Святослав. См. «История СССР», 1947, стр. 78—79.—*Прим. ред.*

[7] Jordanis, Getica, V, 37, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 63.

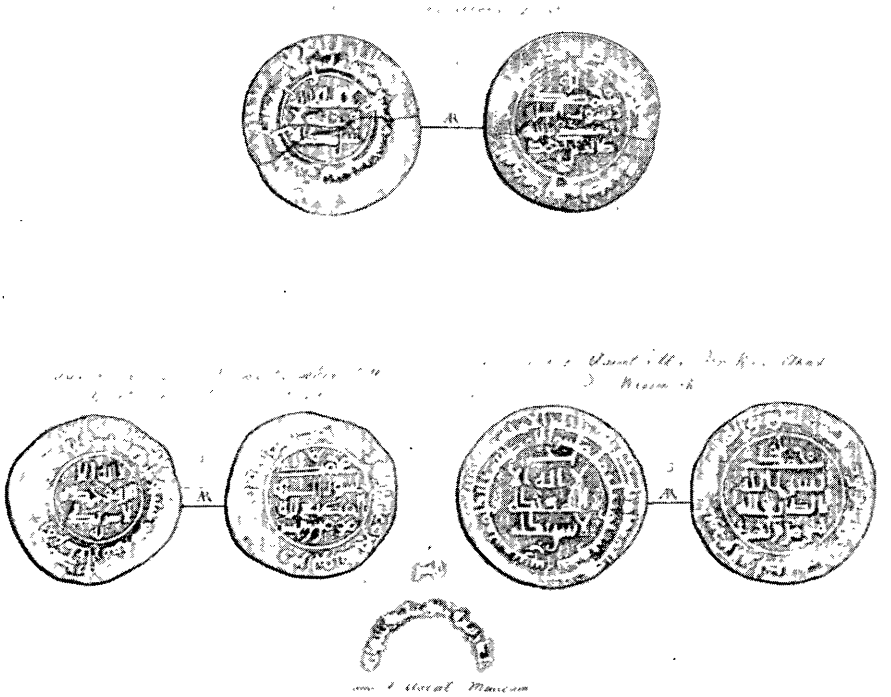

Рис. 5. Монеты волжских болгар.

См. Chr. M. Frähn, Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem 10. jhdt. n. Chr., «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg», 1832.

было почти тождественно населению более могущественного и развитого хазарского каганата[1]. В X в. Болгар все еще играл довольно скромную роль, но позже достиг, если не считать нескольких спадов, значительного экономического развития, главным образом благодаря необычайно удачному расположению на путях торговли северной пушниной.

Около 920 г. тогдашний повелитель Болгара Алмуш направил, якобы под влиянием видения, явившегося ему во сне, послание в Багдад к халифу Муктадиру (908—932); в этом письме он выражал желание принять ислам и заняться распространением магометанства в своей стране. Правда, в Болгаре и значительно раньше уже проживали мусульмане, возможно даже в VII или VIII в.[2] и уже, во всяком случае, в 868 г. (по данным Ибн-ал-Асира). Из сообщения Ибн-Фадлана, которое приведено в начале главы в сокращенном виде, следует, что в 922 г. в Болгаре проживал и занимался своим ремеслом какой-то портной-мусульманин из Багдада. Когда царь Алмуш возымел желание сделать ислам господствующей религией в своей стране, то повелитель правоверных, естественно, постарался выполнить его просьбу.

Можно, не боясь впасть в ошибку, предположить, что внезапное желание ввести в своей стране чуждую религию имело политическую подоплеку. В истории человечества нередко встречается такое сплетение религиозных и политических мотивов, и предложение принять веру другого государя наверняка можно объяснить стремлением завоевать его расположение. Нечто подобное крылось, например, и за желанием датского короля Гаральда принять христианство. Как известно, он надеялся обеспечить себе этим политическую поддержку со стороны императора Людовика Благочестивого в попытке вернуть королевство (см. гл. 86).

Поэтому и в письме Алмуша к халифу *punctum saliens* [важным обстоятельством. — *Ред.*] следует считать, несомненно, отнюдь не лицемерно подчеркнутую просьбу царя прислать наставников в мусульманской религии и строителей мечетей, а скорее скромную приписку о том, что неплохо было бы заодно направить к царю также и опытных фортификаторов для строительства крепости. Просьба духовного характера была явно рассчитана на то, чтобы завоевать расположение фанатически религиозного повелителя мусульман. Расчет оказался правильным: халиф снарядил в Болгар посольство, поставив во главе его некоего Сусана ар-Росси. В состав посольства входил также, вероятно в роли «секретаря»[3], и летописец этого события Ибн-Фадлан [Фосслан], который, конечно, по происхождению был не арабом[4], а скорее греком[5]. Поскольку Ибн-Фадлан задержался в Болгаре значительно дольше

[1] «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 820, 822.

[2] Chr. M. Fraehn, Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem 10. Jhdt. n. Chr., «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», 1832, p. 188.

[3] Chr. M. Fraehn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mámoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg», sér. 6, t. 1, p. 530.

[4] «Enzyklopädie des Islam», Leiden — Leipzig, 1927, B. II, S. 398.

[5] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 398 (примечание 352).

остальных послов, трудно не склониться к предположению, что и ему в числе других было поручено заняться распространением ислама в стране. Во всяком случае, речь шла, очевидно, не о насаждении магометанской религии на девственной почве, а о вторичном ее введении, или, если можно так выразиться, об «обновлении насаждений».

Посольство халифа выехало из Багдада 11 сафара 309 г. хиджры (21 июня 921 г.) и через Бухару и Хорезм направилось к устью Волги. Здесь, в Стране хазар, путешественники благоразумно перезимовали. Оставшуюся часть пути они, очевидно,— хотя об этом в источнике нет определенных свидетельств— проплыли на судах вверх по Волге. В Болгар они прибыли 12 мухаррема 310 г. хиджры (12 мая 922 г.), то есть почти через 11 месяцев после выезда из Багдада. О маршруте, ходе и длительности обратного путешествия ничего не сообщается, вероятно потому, что Ибн-Фадлан не принимал в нем участия. Пробыл он в Болгаре, очевидно, довольно долго, так как в противном случае не мог бы приобрести то поистине удивительно точное знание крайнего севера Европы и Западной Сибири, а также всех подробностей торговли северной пушниной, которым поражают его сообщения.

Вплоть до нашего столетия драгоценная рукопись Ибн-Фадлана была известна лишь в отрывках, сохранившихся под общим названием «Рисала». Важнейший из них воспроизведен у Якута (ум. в 1229 г.). Приведенная выше цитата в обработке Френа взята именно из этого источника[1]. Однако несколько десятков лет назад в Мешхеде был обнаружен оригинал рукописи Ибн-Фадлана; она входила в сборник занимательных историй перса Нуруддина Мухаммеда и'Ауфи, записанный позже 1228 г. в Индии[2].Немецкий перевод уточненного и дополненного текста был опубликован Марквартом в 1924 г.[3]

Миссионерская деятельность Ибн-Фадлана и его единоверцев в Болгаре принесла богатые плоды. Насколько велика была заслуга Ибн-Фадлана в этом отношении, остается неясным. Бартольд пишет по этому поводу: «Вероятно, он преувеличивал значение своей миссионерской деятельности и представлял ее читателям в соответствующем освещении. И народ, и государь, вероятно, еще раньше перешли в мусульманскую веру»[4].

Даже если это и верно, а доказательств в пользу предположений Бартольда пока нет, все же заслуги Ибн-Фадлана нисколько не снижаются, так как его значение как географа неизмеримо выше миссионерской деятельности. Труд Ибн-Фадлана совершенно неоценим для суждения о географических представлениях людей X в. Впрочем, и как миссионер Ибн-Фадлан, видимо, добился немалых успехов. Во всяком случае, царь Алмуш и вся его семья приняли ислам. Алмуш называл себя в дальнейшем не иначе как эмиром Болгарским и подопечным повелителя правоверных, причем стал носить

[1] В русском переводе А. П. Ковалевского использована еще и так называемая «Мешхедская рукопись», фотокопия которой была получена Институтом востоковедения Академии наук СССР в 1935 г. См. А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, ХГУ, 1956, стр. 72—117.— *Прим. ред.*

[2] Статья Харассовича. См. «Ephémérides orientales», t. I, No 28, p. 26.

[3] «Ungarische Jahrbücher», 1924, B. IV, S. 288 (и след.).

[4] «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 821.

новое имя Джафар[1]. Один из сыновей царя несколько лет спустя предпринял паломничество в Мекку и посетил на обратном пути халифа Муктадира в Багдаде. Ислам так прочно укоренился в Болгаре, что даже через 400 лет Ибн-Баттута во время своих странствий по свету (см. т. III, гл. 139) был приятно поражен, обнаружив здесь процветающую мусульманскую общину. Во всяком случае, жители Болгара с X в. стали «очень ревностными магометанами»[2].

Однако путешествие багдадских послов в 922 г. не только способствовало распространению мусульманской религии в довольно отдаленных северных районах Восточной Европы, еще более важную роль сыграло оно в расширении торговых связей и ознакомлении арабов с северными землями. В этом отношении географические описания Ибн-Фадлана могут считаться классическими. Они не только свидетельствуют о поразительном умении автора отобрать важнейший материал, но и отличаются удивительно малым количеством более или менее серьезных ошибок. По научно-критическому подходу к излагаемым сведениям записки Ибн-Фадлана напоминают современные труды. Их огромное культурно-историческое значение первым оценил и обосновал Френ[3].

Ибн-Фадлан четко различает «русов» из Новгорода, Киева и т. д. и «Гога и Магога», то есть норвежских норманнов, о которых он уже в Болгаре сумел собрать кое-какие туманные сведения. Чрезвычайно отрицательная характеристика скандинавских норманнов, которых Ибн-Фадлан [4] называет «Гогом и Магогом — зверями в образе человеческом», вероятно, возникла под влиянием сообщений об опустошительном разбойничьем набеге норвежского короля Эйрика Кровавая Секира на Биармию в 920 г. н. э., то есть незадолго до прибытия Ибн-Фадлана в Болгар. Человек, поведавший ему о событиях, разыгравшихся в 920 г. на берегах Белого моря, был хорошо осведомлен о них, так как он, видимо, происходил из северной страны Вису, простиравшейся до бассейна северной Двины (см. гл. 98). Сообщение Ибн-Фадлана о том, что «Гог и Магог» живут «на расстоянии 3 месяцев пути от страны Вису и отделены от нее морем», доказывает, что этому путешественнику было известно о существовании Северного Ледовитого океана. В следующей главе содержатся доказательства того, что Ибн-Фадлан был прекрасно осведомлен также о торговых связях болгарских купцов с северными землями, богатыми пушниной. Не будет преувеличением утверждать, что только благодаря научной деятельности Ибн-Фадлана путешествие послов халифа в Болгар в 921—922 гг. приобрело выдающееся значение, которое трудно переоценить.

---

[1] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 553 (и след.).

[2] Chr. M. Frähn, Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem 10. Jhdt. n. Chr., «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 195.

[3] Chr. M. Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoires de l' Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg», sér. 6, t. 1, S. 527—577. [См. А. П. Ковалевский, указ. соч., стр. 9—37.— *Ред.*]

[4] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 228.

От Ибн-Фадлана мы узнаем также, что в царстве волжских болгар можно было встретить византийские товары[1]. Сообщение Ибн-Фадлана очень интересно, поскольку в византийских источниках того периода об этом ничего не упоминается. Как сообщили автору проф. Моравчик и д-р Шегледи (Будапешт), за одним незначительным исключением[2], византийские ученые того времени даже не упоминают о Болгаре и его жителях. Нигде нет никаких сведений о торговле Византии с северными русскими землями, которые нередко посещали арабы (см. гл. 98).

Болгар до конца XIV в. оставался важнейшим торговым центром Восточной Европы. Хотя город и был в 969 г. завоеван и разграблен русами, он все же вскоре оправился от удара и в течение ряда столетий сохранял свое значение важнейшего и богатейшего центра торговли пушниной. Его жители вели «оживленную торговлю с русами, весью, югрой и хазарами, с Харисаном и Хорасаном, а также с поберсжьем Каспийского моря»[3]. Это вытекает из одного очень важного в культурно-историческом отношении сообщения Якута (ум. в 1229 г.):

«Путь от Болгара до Итиля, столицы хазар, по степи можно проехать на лошадях за 1 месяц. Если же избрать водный путь, то на плавание вверх по реке Итиль [Волге] понадобится 2 месяца, а вниз по течению — только 20 дней. До русской границы от Болгара 10 дней пути, до русской столицы Кюябе [Киева]—20, до земли башкиров—25»[4].

В течение долгого времени Болгар чеканил собственные деньги[5]. Последние монеты относятся еще к 1427/28 г.[6] Но после нового страшного набега русских в 1399 г. он уже не мог оправиться. В настоящее время от этого богатого и славного города не осталось ничего, кроме группы неприметных развалин между селами Болгары и Успенское, на расстоянии 6,5 *км* от Волги. Паллас посетил эти развалины во время своего известного путешествия и описал их[7]. Там еще удалось найти арабские надписи, относящиеся к 1226—

[1] M a r q u a r t, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 149, 336, 518.

[2] К о н с т а н т и н Б а г р я н о р о д н ы й, Об управлении государством, кн. 81, гл. 180. [См. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры» (ГАИМК), М.—Л., 1934, вып. 91, стр. 5—72. Константин VII Багрянородный (905—959)— византийский император, автор ряда трудов. В его трактате «Об управлении государством» содержатся, в частности, и сведения о Руси.— *Ред.*]

[3] C h r. M. F r ä h n, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoires de l'Académies Impériale des Sciences de St. Petersbourg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 542.

[4] «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 565.

[5] C h r. M. F r ä h n, Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem 10 Jahrhdt. n. Chr., «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 188.

[6] «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 824.

[7] П. С. П а л л а с, Путешествие по разным провинциям Российского государства, СПБ, 1773—1778, ч. 1, стр. 184—195. [Петр Симон Паллас (1741—1811)—знаменитый русский естествоиспытатель и путешественник, член Петербургской академии наук, по национальности немец, был участником так называемых «академических экспедиций» 1768—1774 гг.— *Ред.*]

1341 гг.[1] Обнаруженные памятники засвидетельствовали историю города с 1161 по 1578 г.[2]

Благодаря чрезвычайно оживленной торговле, которую арабские купцы в течение ряда веков вели в бассейне Волги, арабским географам давно стало ясно, что Каспийское море представляет собой замкнутый водный бассейн. В X в. Масуди даже лично исследовал этот вопрос[3]. Факт весьма примечательный, поскольку в христианском мире на замкнутость этого моря впервые указал Рубрук (см. т. III, гл. 121) на 300 лет позже Ибн-Фадлана. Все же ошибочное представление о Каспии как об океанском заливе продержалось вплоть до XVI в. (см. т. I, гл. 26).

---

[1] J. G. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt/Od., 1784, S. 46.

[2] Ibidem, S. 151 (и след.).

[3] Masudi, ed. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille, Paris, 1861, t. I, p. 273 (и след.).

ГЛАВА 98

АРАБСКИЕ КУПЦЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ И НА ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

(X — XIV вв.)[1]

В 20 днях пути от их страны [Волжской Болгарии] находится местность под названием Ису, а далее за Ису живет народ, именуемый юра. Это дикое племя. Они не общаются с людьми, боятся их злобы. Жители Болгара совершают поездки в ту страну и привозят туда одежду, соль и другие товары, которыми они торгуют. Для доставки этих товаров они изготавливают повозки, похожие на маленькие тележки, в которые запрягают собак, ибо там много снега и никакое другое животное не может передвигаться по этой стране. Люди привязывают к подошвам кости скота; каждый берет в руки две заостренные палки, втыкает их позади себя в снег и скользит по поверхности, отталкиваясь этими палками, словно веслами, и так достигает цели своего путешествия за...[2] дней. Они ведут куплю и продажу, изъясняясь с туземцами языком жестов, и привозят из этой страны прекрасные крупные шкурки соболя...

Царь [болгар] рассказал мне, что за его страной на расстоянии трех месяцев пути есть народ, который называют вису. Ночь у них меньше часа... В том море водится рыба, из зубов которой они делают ножи и рукоятки мечей[3]. Если в том море корабль плывет на Полярную звезду, то попадает в местность, где летом вообще нет ночи, зимой же, напротив, солнце не показывается над головой, а обходит край неба слева направо; дальше расположена местность, где весь год состоит из одного дня и одной ночи[4].

* * *

По этой реке [Волге] купцы едут до Дисура [Вису] и привозят оттуда много бобровых, собольих и беличьих шкурок... Ночь там так коротка, что ее не успеваешь заметить, а в другое время

[1] Основные выводы этого исследования уже были опубликованы автором. См. «Islam», 1935, S. 239.

[2] К сожалению, именно эту цифру разобрать невозможно.

[3] Нарвал или морж?

[4] Сообщение Ибн-Фадлана. См. «Ungarische Jahrbücher», 1924, B. 4, S. 228 (и след.). [См. А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, ХГУ, 1956, стр. 135, 138, 139, 140.— *Ред.*]

года, напротив, столь продолжительна, что вообще не бывает дневного света[1].

* * *

По торговым делам никто не едет дальше Болгара; никто не едет до Эрзы, ибо тамошние жители убивают всех встречающихся им чужестранцев[2].

* * *

По ту сторону этого [7-го] климата проживают лишь немногие народности, такие, как ису, варанк, юра и им подобные[3].

* * *

Жители Болгара привозят в Вису сабли, изготовленные в мусульманских странах. Они не имеют рукоятей и украшений, это одни клинки, в том виде, в каком они выходят из рук кузнеца[4].

* * *

В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь[5].

* * *

Теперь же я хочу рассказать, о чем слышал 4 года тому назад от Гюраты Роговича, новгородца, который поведал так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду.

---

[1] Сообщение Якута. См. Chr. M. Fraehn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 207.

[2] Сообщение Ибн-Хаукаля (976 г.). См. Chr. M. Fraehn, op. cit., S. 168. [Ибн-Хаукаль — арабский путешественник второй половины X в., автор географического сочинения «Книга путей и государств». О нем см. Карра де Во, указ. соч., стр. 7—8.— *Ред.*]

[3] Сообщение Бируни (1030 г.). См. «Ungarische Jahrbücher», 1924, B. 4, S. 303. [Бируни (Абу Рейхан Мухаммед-ибн-Ахмед ал-Бируни, 972—1048) — знаменитый арабский ученый-энциклопедист, узбек из Хорезма. Ему принадлежат капитальные труды по математике, астрономии, истории, географии и литературе. См. Х. У. Садыков, Бируни и его работы по астрономии и математической географии, М., 1953; И. Ю. Крачковский, Бируни и его роль в истории восточной географии, Сборник «Бируни», АН СССР, 1950, стр. 54—73.— *Ред.*]

[4] Сообщение Абу Хамида (1140 г.). См. «Ungarische Jahrbücher», 1924, B. 4, S. 211 (примечание). [Абу Хамид — арабский географ конца XI — начала XII вв., автор труда «Книга о диковинных вещах». См. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, АН СССР, 1957, т. IV, стр. 299—301.— *Ред.*]

[5] Сообщение Нестора Киевского (XII в.). См. «Russische Annalen», ed. A. Schlözer, Göttingen, 1802, B. II, S. 30. [См. также «Повесть временных лет», АН СССР, 1950, ч. I, стр. 206.— *Ред.*]

И когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же — это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самоядью в северных краях. Югра же сказала отроку моему: «Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год; есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотою как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками прося, железа; и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха. Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходили до них никогда; этот путь идет и дальше на север»[1].

* * *

Жители Болгара привозят туда свои товары и торгуют ими. Каждый оставляет свой товар на отведенном для торговли месте, снабжает его своей меткой и уходит. Позднее он возвращается и находит рядом товары, нужные на его родине. Если он доволен ими, то забирает предложенные в обмен предметы и оставляет свои товары; в противном случае он уносит свои товары. При этом продавец и покупатель не видят друг друга[2].

* * *

Еще дальше к северу живут народы, которые ведут торговлю с приезжими купцами, не встречаясь с ними. Человек, посетивший эту местность, сообщает, что туземцы населяют районы, прилежащие к Северному морю. Он добавляет, что прибывающие в эту местность караваны обычно дают знать о своем появлении. Затем они отправляются к месту, специально отведенному для купли и продажи. Там каждый кладет свой товар, снабдив его меткой, и возвращается к месту стоянки каравана. Туземцы приближаются, кладут рядом с товарами шкурки ласок и лис, а также другие меха, и вновь удаляются. Затем купцы возвращаются, и те из них, кото-

[1] Позднейшая обработка летописи Нестора. [См. «Повесть временных лет», ч. I, стр. 362—369 и примечание, ч. II, стр. 457—458.— *Ред.*]. Позднейшее добавление, внесенное переписчиком Нестора, с исторической точки зрения так же ценно, как и сама летопись. Оно появилось немногим позднее, поскольку упоминаемая в нем зависимость района Печоры и Перми от Новгорода наблюдалась лишь в конце XI и в XII в. См. Chr. M. Fraehn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823. S. 173.

[2] Сообщение Закарии Казвини (ум. в 1283 г.). См. Chr. M. Fraehn, op. cit., S. 210. [Закария Казвини — арабский ученый XIII в., автор «Космографии», состоящей из двух частей: «О чудесах творений» (об астрономии) и «Об описании мира». См. Карра де Во, указ. соч., стр. 16—17; И. Ю. Крачковский, Арабские географы и путешественники, Известия Всесоюзного географического общества, 1937, т. 69, №5, стр. 756.— *Ред.*]

рые довольны предложенным в обмен товаром, забирают его с собой. Те же, кто недоволен, оставляют шкурки нетронутыми, и торговые переговоры продолжаются подобным образом, пока обе стороны не приходят к соглашению[1].

* * *

Пробыл я там [в Болгаре] три дня.

Захотелось мне пробраться в Страну мрака. Вход в нее через Болгар и между ними 40 дней пути. Путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки, ибо в этой пустыне везде лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по сто повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки[2]...

Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у «мрака». Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него [известное количество] соболей, белок, горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же не доволен им, то оставляет его. Те, то есть жители «мрака», набавляют его [своего товара], часто же убирают свой товар, оставляя [на месте] товар купцов[3]. Так [происходит] купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джины [духи] ли это или люди, и не видят никого[4].

[1] Сообщение Абу-л-Фиды (около 1300 г.). См. A b u-l'F i d a, éd. M. Reinaud, Paris, 1848, p. 284. [Абу-л-Фида — арабский географ XIV в., автор географического трактата под названием «Перечень стран». Французский ученый Рейно, издатель этого трактата, дает ему высокую оценку: «Европа в средние века не дала труда, который мог бы сравниться с работой Абу-л-Фиды». См. К а р р а д е В о, указ. соч., стр. 9.— *Ред.*]

[2] В немецком переводе: «ни камня, ни земли».— *Прим. перев.*

[3] В немецком переводе «...набавляют его, а затем забирают предложенный им товар, а свой оставляют».— *Прим. перев.*

[4] Сообщение Ибн-Баттуты (1304—1375). См. «Voyages d'Ibn Batouta», ed Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1854, t. II, p. 398 (и след.). [Перевод Ибн-Баттуты дается по Тизенгаузену. См. В. Г. Т и з е н г а у з е н, Сборник материалов, относящихся к истории «Золотой Орды», СПБ, 1884, т. 1, Извлечение из сочинений арабских, стр. 297—298; см. также С. Н. М а р к о в, Известия о Севере арабских географов XIV в., «Летопись Севера», 1949, № 1, стр. 289. Ибн-Баттута — великий арабский путешественник, проникший до среднего течения Волги, с тем чтобы «увидеть предельную краткость ночи в этих широтах». См. К а р р а д е В о, указ. соч., стр. 36—39; И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Избранные сочинения, 1957, т. IV, стр. 399 (и след.); е г о ж е, Арабские географы и путешественники, «Известия Всесоюзного географического общества», 1937, № 5, стр. 738—765.— *Ред.*]

* * *

Страны Сибирские и Чулыманские [на Каме] прилегают к Башкырдам [башкирам]. В земле Башкырдов находится мусульманский кади, пользующийся почетом. В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота. Это обитатели сердца Севера. Приезжает к ним мало людей, и пищи у них мало...

Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их уже нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендром (!) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а находятся только мраки... пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там беспрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце.

За Югрой живет на берегу морском народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море[1].

Как это ни странно, но почти единственным источником наших сведений о весьма своеобразных торговых операциях на крайнем северо-востоке Европы стали труды арабских авторов. Эта торговля, целью которой было приобретение северных мехов, видимо, имела для арабов чрезвычайно большое значение. Именно поэтому на протяжении 400 с лишним лет многие арабские авторы описывали как саму торговлю, так и своеобразные обычаи, постепенно сложившиеся в связи с ней. Из неарабских хронистов об этих операциях было известно лишь одному человеку (если пренебречь отдельными намеками, содержащимися в скандинавских сагах; см. гл. 93), а именно древнерусскому монаху-летописцу Нестору Киевскому (1056—1114). Византийские купцы того периода, отличавшиеся изрядной предприимчивостью, очевидно, не поддерживали торговых связей с упомянутым районом.

В течение всего средневековья, а отчасти и в последние века древнего периода участие России в торговле между Европой и Азией было гораздо значительней, чем это принято считать.

Френ первым обратил внимание на весьма характерное упоминание о Ладоге, которое содержится у араба Масуди (X в.): «Русские состоят из мно-

---

[1] Сообщение Сихаб эддин Ибн-Фадл аллах ал-Умари (1300—1348), согласно рассказу купца Бадр эддин ал-Хасан ал-Руми. См. «Ungarische Jahrbücher», 1924, S. 297 (и след.). [Перевод дается по Тизенгаузену, кроме последнего абзаца, которого в русском переводе нет.— *Ред.*]

гих народов. Один из них называется ладоги, и он самый многочисленный. Они ведут торговлю с Испанией, Римом, Константинополем и Хазарией»[1].

Однако важнейшим на востоке России центром торговли, и собственно торговли пушниной, была Пермь (Чердынь), которая, видимо, уже в начале средневековья приобрела чрезвычайно важное значение, хоть никаких указаний на это в литературных источниках нет. Зато о масштабах этой торговли говорят найденные клады монет. Аспелин пришел в своем специальном исследовании к следующим выводам: «Торговые коммуникации Перми в I тысячелетии н. э. проходили не вниз по Волге, через Кавказ и далее на юг, а по Иртышу, через степи и древний Согд»[2].

Пржеворский отмечает, что «торговые связи между Передней Азией и Восточной Европой можно проследить начиная со второй половины III в. до н. э.»[3]

Он утверждает, что персидские купцы в начале нашей эры отправлялись за Волгу и Каму «в районы финно-русских племен, чтобы приобрести там меха», и даже что неподалеку от Гладенова, в бывшей Пермской губернии, были найдены монеты индо-скифского царя Кадфиза I (около 50 г.).

Правда, в I тысячелетии н. э. путь по Волге еще не использовался для торговли со странами Передней Азии и коммуникации проходили по Иртышу, через степи и древний Согд[4] в Персию и Бактрию или через Иртыш к Алтаю и дальше до самого Китая[5]. Персидские монеты эпохи Сасанидов (226—651), относящиеся главным образом к 441—594 гг., были найдены севернее Перми на Каме и должны расцениваться как доказательство древних торговых связей с районами пушного промысла. Впрочем, такие же находки были сделаны на пути от Пермской котловины к Валдайской возвышенности и к озеру Ильмень, то есть почти точно вдоль современной железнодорожной линии, связывающей Пермь с Эстонией[6]. На тех же коммуникациях было найдено немало монет периода арабского владычества в Персии (после 651 г.).

Фогель справедливо заметил, что «в Самарканде, Багдаде и Византии меха с Севера и из Прибалтики были таким же желанным товаром, как и в Западной Европе»[7].

---

[1] Chr. M. Fräh n, Ibn Fosslans und andcrer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 174.

[2] J. R. Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien, Helsingfors, 1877—1884; см. также «Travaux de la IIIe Session du Congrès International des Orientalistes», 1876, t. II, p. 415.

[3] S. Przeworski, Die Handelsbeziehungen Vorderasiens zum vorgeschichtlichen Europa, «La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Historiques», Warschau, 1933, p. 7.

[4] Статья Аспелина. См. «Travaux de la IIIe Session du Congrès International des Orientalistes à St. Pétersbourg», 1876, t. II, p. 415; см. также «Antiquités du Nord finno-ougrien», Helsingfors, 1877—1884.

[5] W. Radloff, Aus Sibirien, Leipzig, 1893, B. I, S. 29 (и след.), 105).

[6] T. J. Arne, La Suède et l'Orient, Upsala, 1914, p. 66 (и след.).

[7] W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 152.

Иордан (около 551 г.) подтверждает, что именно пушнина была чрезвычайно важной статьей в торговле Восточной России в раннем средневековье[1]. Около 600 г. в эту торговлю включились в роли посредников волжские болгары, оторвавшиеся от других тюркских племен и обосновавшиеся на берегах Волги и Камы.

Когда в 922 г. арабы, среди которых находился Ибн-Фадлан, впервые появились в Болгаре (см. гл. 97), там уже были широко известны парадные одежды из соболя, горностая, лисы и бобра. Позднее арабы, очевидно, отлично организовали в Болгаре торговлю пушниной и почти полностью ее монополизировали[2]. Мусульманские суда из Передней Азии ходили по Волге до Болгара.

Постепенно сложился новый торговый путь из Болгара в северные районы пушного промысла, который вел вдоль по Каме и Колве за Чердынь к реке Вычегде, Чусовскому озеру, Вогулке и далее по важному Печерскому волоку в богатый пушниной район Печоры. Долгое время чердынцы держали всю торговлю в своих руках и, видимо, в течение ряда столетий не давали возможности купцам из Волжской Болгарии проникнуть непосредственно в районы, изобиловавшие пушниной. Кроме того, Чердынь, очевидно, еще долго монопольно контролировала перевал у Свердловска, по которому проходил путь через Урал в Сибирь и Центральную Азию.

Чердынь могла все это осуществить, так как до 1236 г. она была столицей цветущего государства Биармии и «древним торговым городом».

«Пермяки же ходили с этими [восточными] и с собственными товарами на Печору и к Ледовитому океану, чтобы выменять у обитавших там народностей меха для восточных и иных стран. Развалины городов в этом северном крае еще свидетельствуют о былом процветании их древних жителей»[3].

---

[1] J o r d a n i s, Getica, V, 37, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 59: «*Hunuguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium murinarum venit commerciuм... Asiae bona avidus mercator importat... commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt*». [Здесь же известны хунугуры, ведущие торговлю мехами грызунов... жадный купец ввозит сокровища из Азии... занимаясь торговлей, они добираются до бесчисленных других племен.— *Ред.*]

[2] P. S a w e l j e w, Über den Handel der wolgaischen Bulgaren im 9. Jahrhundert. См. «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», ed. Erman, 1848, B. VI, S. 104. [Статья видного русского археолога и востоковеда П. С. Савельева (1814—1859), посвященная волжским болгарам, опубликована в «Архиве научных знаний в России», издававшемся Эрманом на немецком языке; о П. С. Савельеве см. В. В. Г р и г о р ь е в, Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним, СПБ, 1861; В. П. З у б о в, указ. соч., стр. 215, 285, 290; И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Очерки по истории русской арабистики, стр. 102—115 и др.— *Ред.*]

[3] J. G. G e o r g i, Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, St. Petersburg, 1776—1781, S. 71. [Иоганн Готлиб Георги (1729—1802)— профессор Петербургской Академии наук, один из участников так называемых «академических экспедиций» 1768—1774 гг. по исследованию территории европейской и азиатской частей России. См. М. С. Б о д н а р с к и й, Очерки по истории русского землеведения, АН СССР, 1947, стр. 166—171.— *Ред.*]

Новые рынки, подобные Болгару, находившемуся на юге, возникли также на западе и северо-западе. То были Ладога и Холмогоры на Двине (см. гл. 93) и главным образом Новгород, расположенный на озере Ильмень. Огромная роль этого города как центра торговли пушниной позволяла извлекать огромные барыши сначала норманнам, а позднее купцам ганзейских городов.

Вызывает некоторое недоумение то обстоятельство, что арабское население субтропиков было не меньше заинтересовано в торговле мехами, чем народы Скандинавии и Прибалтики. Однако остается фактом, что в южных странах пышные меха, из которых можно было шить парадные одежды, ценились не меньше, чем на Севере.

В Индии, Египте, Андалузии и других странах с жарким климатом северные меха пользовались, как отмечал еще Ибн-Фадлан, большим спросом и за них платили огромные деньги[1]. Для предприимчивых купцов торговля мехами, очевидно, была чрезвычайно благодарным и прибыльным занятием. Даже огромные шкуры белых медведей, добывавшиеся лишь на Крайнем севере, переправлялись через Россию в Египет, о чем свидетельствует запись Ибн-Саида, сделанная около 1250 г.:

«Есть у них белый медведь, который ходит в море, плавает и ловит рыбу... Шкуры таких медведей мягкие; их дарят в египетские страны[2]».

И в самом деле, белых медведей иногда заносит на льдинах из Северного Ледовитого океана к берегам Северной Европы; время от времени это наблюдается и в Исландии, где в 1274 г. за один день было убито 22 белых медведя[3].

В XVI в. австриец Герберштейн убедительно показал в своем классическом труде, на какие лишения и трудности охотно шли иностранные купцы и в более позднее время ради того, чтобы проникнуть в самые отдаленные и глухие места по обе стороны Северного Урала в погоне за драгоценными мехами[4].

О том, какой прибыльной была торговля пушниной уже для арабских купцов, свидетельствует запись Ибн-Баттуты (около 1354 г.). Он сообщает, что за одну первоклассную шкурку горностая в Индии была уплачена необычайно высокая цена — 400 динаров[5].

Судя по всему, арабские скупщики мехов, следуя на север, долгое время не проникали дальше Болгара, до которого они добирались по Волге. Поскольку жители Болгара сами привозили меха с севера, арабам вначале не

---

[1] Chr. M. Fräh n; op. cit., S. 226.

[2] A. Seippel, Rerum Normannicarum fontes Arabici, Christiania, 1896, p. 138 (и след.).

[3] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 385.

[4] Сигизмунд Герберштейн, Записки о Московии, СПБ, 1866, стр. 89—93. [Барон Сигизмунд Герберштейн, родом хорват, а не австриец, как указывает Хенниг, в качестве посла германского императора дважды побывал в Москве (в 1517 и 1526 гг.). В 1549 г. Герберштейн издал классический труд о тогдашней России с приложением географической карты. См. Е. Е. Замысловский, Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПБ, 1884.

[5] Ibn Battuta, ed. Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1854, t. II. . 399 (и след.).

было надобности ездить дальше этого города: «ярмарка пушнины» в Болгаре удовлетворяла все их потребности. Видимо, только после разрушения Болгара «русами» в 969 г. арабы сами начали искать путь на дальний север, по крайней мере до древней Перми (Чердыни), которая еще долго оставалась важнейшим торговым центром на северо-востоке. Во всяком случае, во времена Нестора Киевского, который упоминает и город Пермь (Чердынь) и Печеру (Печору), «бухарские караваны привозили туда восточные товары»[1]. Кроме того, там развили довольно широкую деятельность купцы из Междуречья. Основными статьями товарообмена были, с одной стороны, металлы и оружие, а с другой—меха. Сохранились еще многочисленные следы этой торговли. Арабские монеты нередко находили даже в бассейне Печоры. Более того, на водоразделе между Печорой и Колвой на высоте 188 *м* до сих пор сохранились деревянные мосты, построенные купцами того времени[2]. Следы пребывания арабов в районе Чердыни и севернее этого города так многочисленны, что привлекли к себе внимание ученых еще 200 лет назад. Так, Страленберг писал в 1730 г., что «на реке Печоре и особенно у города Чордин (Чердынь), или Великая Пермь, в большом количестве встречаются монеты древних халифов»[3]. Весьма характерно, что этот прекрасный знаток средневековых торговых связей Северной России высказал фантастическое предположение, будто мнимые «индийцы», которые, согласно Титу Ливию, якобы прибыли в Галлию в 62 г. до н. э. (см. т. I, гл. 35), возможно, дошли по суше до Печоры, а оттуда добрались по морю в Западную Европу[4].

Нестор Киевский ярко изобразил благоприятное влияние прибыльной торговли с самоедами, арабами, норманнами и новгородцами на все государство Биармию[5] и его столицу Чердынь, дав следующее описание страны:

«Некогда самостоятельный, многочисленный, долгое время свободный и не очень некультурный народ (сколь неожиданно это для такого дальнего уголка земли!)... Благословенная страна, богатая не только солеварнями, железными и медными рудниками, но и хлебом, пастбищами, дичью и рыбой»[6].

Трудно переоценить значение древней Перми как торгового центра Восточной России. Первое место в этой торговле в течение всего средневековья, а отчасти и в последние столетия древности, несомненно, занимала

---

[1] См. «Russische Annalen», ed. A. Schlözer, Göttingen, 1802, B. I, S. 30. [См. «Повесть временных лет», т. I, стр. 206.— *Ред.*]

[2] K. Müller, Altgermanische Meeresherrschaft, Gotha, 1914, S. 358.

[3] J. Ph. Strahlenberg, Das nord- und östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm, 1730, S. 103. [Иоганн Филипп Страленберг в качестве пленного шведского офицера после Полтавского сражения провел в Сибири около 13 лет (1709—1722 гг.). Здесь он собрал много материала, позволившего ему по возвращении на родину издать книгу «Северная и восточная части Европы», которая долго служила важным источником сведений о Сибири. См. М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения, АН СССР, 1947, т. I, стр. 95.— *Ред.*]

[4] Ibidem, S. 97.

[5] О «Биармии» см. гл. 93.— *Прим. ред.*

[6] «Russische Annalen», ed. A. Schlözer, Göttingen, 1802, B. II, S. 44. [Этого примечания к летописи Нестора в русском издании «Повести временных лет» нет.— *Ред.*]

пушнина. Во все стороны расходились из Чердыни торговые пути. В Пермском городище были найдены монеты из Бактрии, относящиеся к началу нашей эры. Многочисленные персидские монеты времен Сасанидов (226—651 гг.) были обнаружены в целом ряде мест как вдоль линии Пермь — Валдайская возвышенность — озеро Ильмень, так и на берегах Камы севернее Перми, где встречались монеты чеканки 441—594 гг[1]. Важнейший торговый путь из Персии в Пермь проходил не по Волге, а по Западной Сибири: «по Иртышу, через степи и древний Согд»[2]. Путь по Иртышу, судоходному до самого Алтая, использовался, кроме того, при торговле между Пермью и Китаем[3], а также тюркскими племенами в Центральной Азии[4]. Итак, литературные источники и найденные клады монет свидетельствуют о торговых связях Перми, которые проходили на восток по Иртышу, на юг по Каме и Волге, на запад к озеру Ильмень и косвенно к Балтийскому морю, на северо-запад к Двине и Белому морю и на север в районы Печоры и Оби.

Пермяки, или биармийцы, как убедительно показал Томашек[5], за тысячу с лишним лет до описываемых событий жили южнее, на средней Волге. Они, видимо, тождественны упоминаемому Геродотом финскому племени будинов, на территории которого якобы поселилось изрядное число иммигрировавших понтийских греков, именовавшихся гелонами[6]. Исключительно важное значение записей Геродота об эллино-скифском торговом пути, который вел на крайний северо-восток Европы, подробно рассматривалось в гл. 10. Оно подтверждается тем обстоятельством, что упоминаемые Геродотом

---

[1] T. J. Arne, La Suède et l'Orient, Upsala, 1914, p. 66 (и след.).

[2] Статья Аспелина. См. «Travaux de la IIIe Session du Congrès international des Orientalistes à St. Petersburg», 1876, t. II, p. 415; статья Викслунда, см. Ebert «Reallexikon der Vorgeschichte», B. 3, S. 354 (и след.).

[3] W. Radloff, Aus Sibirien, Leipzig, 1893, B. I, S. 29 (и след.), 105.

Вполне вероятно, что китайцы довольно рано включились в эти торговые связи, так как земли, находившиеся в верховьях Иртыша и являвшиеся центром торговли мехами в Азии, были в 91 г. н. э. отвоеваны китайцами у гуннов. См. H. J. Klaproth, Tableaux historiques, Paris — Stuttgart, 1826, p. 242.

[4] H. Vambéry, Das Türkenvolk, Leipzig, 1885, S. 52. [Арминий Вамбери (1832—1913) — знаменитый венгерский путешественник, этнограф и лингвист. В 60-х годах XIX в. под видом дервиша он проник в Персию и Среднюю Азию, а затем описал посещенные им страны. В русском переводе вышли следующие его книги: «Путешествие по Средней Азии» (1867 г.), «Очерки Средней Азии» (1868 г.), «Приключения, описанные им самим» (1931 г.). Художественную характеристику путешественника дал Николай Тихонов. См. «Вамбери», Географгиз, 1957.— *Ред.*]

[5] Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, B. III, S. 990. Ср. со статьей Томашека, дающей неправильное толкование. См. Tomaschek, Über den Skythischen Karawanenweg nach Innerasien, «Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», 1888, S. 19 (и след.).

[6] Геродот, IV, 108. Ср. со статьей Кислинга. См. Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, B. VIII, S. 1014.

поросшие камышом болота[1] обнаружены на средней Волге, Суре, Оке и Клязьме, а безымянное «длинное и широкое» озеро на севере России оказалось озером Белым[2]. Описанная Геродотом в другом месте[3] сибирская ветвь этого торгового пути проходила через «дикие края» покрытого в те времена сплошным лесом бассейна Камы в области тиссагетов (вогулов) на реке Чусовой и исседонов на реке Исеть.

Различные следы древней торговли с арабами встречаются до самого Зауралья. Важным торговым центром этой области уже примерно с 900 г. был Искер (в районе Тобольска), называвшийся позже Сибирью. Археологические раскопки, производившиеся в этой местности, дали много свидетельств торговли, развитой здесь в средние века[4]. Кроме того, под Самаровом, вблизи впадения Иртыша в Обь, было найдено металлическое зеркало с арабской надписью[5]. Показательно и то, что Бируни (около 1030 г.), видимо, располагал сведениями о Западной Сибири, а также о Тоболе и живущих на этой реке бобрах[6]. Масуди (около 944 г.) был знаком с «черным и белым Иртышом (Арижем)», то есть знал об Иртыше и Оби, и писал о них следующее:

«Оби эти реки весьма значительны и превосходят по длине Тигр и Евфрат»[7].

Масуди было также известно, что из этих краев доставляют черные, белые и рыжие лисьи шкурки. Через 200 лет Идриси уже упоминает об Енисее, хотя и не приводит этого названия[8].

Чердынь, вероятно, долгое время оставалась самой северной точкой, до которой доходили арабы. Мелкую розничную торговлю с дикими народностями Крайнего севера, промышлявшими пушнину, в течение многих столетий вели, очевидно, сами пермяки. Такое предположение высказал еще Георги[9]. Лишь после того как богатство Чердыни было развеяно бурей монгольского нашествия, а сам город опустошен и разрушен (1236 г.), арабам пришлось ради продолжения доходной торговли пушниной самим добираться к племенам Крайнего севера. О жизни этих племен на берегах неведомого

---

[1] Геродот, IV, 109.

[2] Имеется в виду озеро Белое в северо-западной части Вологодской области (площадь — 1125 *кв. км*). Из этого озера вытекает река Шексна, впадающая в Рыбинское водохранилище. Характеристику озера см. в сборнике «Природа Вологодской области» под ред. Ю. Д. Дмитревского и В. М. Малкова, Вологда, 1957, стр. 162—163.— *Прим. ред.*

[3] Геродот, IV, 21.

[4] «Reallexikon der Vorgeschichte», B. 4, 2, S. 397.

[5] Ibidem, S. 356, 360; O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 107.

[6] См. также Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 240 (и след.).

[7] Masudi, Meadows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841, v. I, p. 243 (и след.).

[8] K. Miller, Erläuterungen zur Weltkarte des Idrisi, Stuttgart, 1928, S. 27. [См. В. Н. Беляев, Географический труд ал-Идриси (о софийской рукописи «Развлечение истомленного в странствиях по областям», 1556 г.), «Труды Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина», 1957, т. I, стр. 265, 266.—*Ред.*]

[9] J. G. Georgi, op. cit., B. I, S. 71.

«Северного моря» было известно уже Ибн-Фадлану. Как видно из оригинальных документов, еще Бируни указывал, что на самом севере Европы живут народы «ису, варанк, юра и подобные им». Какое географическое и этническое содержание вкладывалось в эти названия?

Народность варанк, бесспорно, тождественна «варягам», то есть скандинавским, преимущественно шведским норманнам. Бируни также упоминает Балтийское море, называя его «Баар-Баранк» (Море варягов), и особо подчеркивает, что варанки — «народ, живущий на берегах этого моря». Еще в XIII в. Казвини подтверждает эти слова (см. гл. 99, стр. 280):

«Варенк — «местность на побережье Северного моря. С северной части Мирового океана простирается на юг залив, и земли вокруг этого залива носят его имя... Страна эта расположена на Крайнем севере»[1].

Вряд ли можно сомневаться в том, что под простирающимся с севера на юг заливом имеется в виду Балтика, так как в те времена она повсеместно считалась окраинным морем, связанным где-то далеко на севере непосредственно с океаном (см. гл. 94). Нельзя согласиться с трактовкой, предложенной Зейппелем, согласно которому, упомянутым заливом был Варангер-фьорд. Это толкование явно основывается на соображениях не географического, а лингвистического характера. Поскольку арабы вряд ли вообще когда-либо посещали этот незначительный залив и, уж конечно, не обращали на него особого внимания, несравненно более вероятным представляется отождествление «Моря варенков» с Балтикой.

Два других названия народностей, приведенные Бируни, обнаруживают известную взаимосвязь. Название ису, или вису, неоднократно обсуждалось в научной литературе. Особенно тщательно толкованием этого названия занимались Френ[2] и Нансен[3]. Поскольку Татищев писал, что область вокруг озера Белого именовалась у сарматов Внису[4], оба исследователя предполагают, что страна, называемая арабами Иси, или Вису, находилась вокруг этого озера, которое играло когда-то существенную роль в перевозке товаров из Волжского в Северодвинский бассейн. Возможно, как уже отмечалось, Белое озеро упоминалось еще Геродотом[5]. Гипотеза Френа и Нансена как будто подтверждается и названием народности *весь*, жившей в этой местности.

---

[1] A. Seippel, op. cit.

[2] Chr. M. Fräh n, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 205—233.

[3] Fr. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 88 (и след.).

[4] В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная, М., 1768, ч. II, стр. 362 (примечание 48). [О Татищеве (1626—1750) — выдающемся деятеле петровской эпохи, историке и географе — см. А. И. Андреев, Труды В. Н. Татищева по географии России, см. «В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России», 1950, стр. 3—35; А. Е. Иофа, Современники Ломоносова — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, М., 1949. — *Ред.*]

[5] Геродот, IV, 109. По этому вопросу см. также F. C. H. Kruse, Urgeschichte des esthnischen Volksstammes, Moskau, 1846, S. 256. [Профессор Дерптского университета Ф. К. Г. Крузе (1790—1866) занимался вопросами древней географии России, анализом «Географии» Птолемея и арабских карт. — *Ред.*]

Поскольку доказано существование в те времена волока Шексна — Кубенское озеро — Северная Двина, а также важного пушного рынка в районе современных Холмогор, можно было бы согласиться с этим предположением. Однако факты с полной очевидностью свидетельствуют о том, что арабов влекло главным образом к Печоре, а не к Северной Двине. Поэтому они, видимо, подразумевали под страной Вису не область вокруг озера Белого или по крайней мере *не одну только* эту область.

Не обнаружено никаких археологических находок, подтверждающих пребывание арабов в этом краю, тогда как на Колве и Печоре такие свидетельства весьма многочисленны. Нужно признать, что Вису могла включать и озеро Белое, так как ничто не мешает отождествить эту страну с Биармией, о которой прямо говорится:

«Древняя Пермь простиралась от Вишеры и Печеры [Печоры] на запад до самой Финляндии»[1].

Пешель, возможно, был прав, полагая, что название «вису» охватывает, видимо, «все финские племена в прибрежных районах Северного Ледовитого океана, в том числе даже современных самоедов»[2]. Однако знаменитая «Страна тьмы» («Страна мрака»), которую арабы называли Вису в узком смысле слова, вероятнее всего, находилась в районе Чердыни и севернее[3]. Лишь в этой местности, а не к северу от озера Белого солнце летом, как обнаружил Ибн-Фадлан, действительно скрывается за горизонтом всего на 1 час. На озере Белом, а также в Чердыни у 60° с. ш. самая короткая летняя ночь все же длится около 5 часов, а в Холмогорах — 2 часа. На севере России ночь продолжительностью «менее часа» могла быть отмечена только примерно в районе колена Печоры. Правда, Ибн-Фадлан вряд ли вкладывал в понятие «ночь» строго астрономическое содержание, подразумевая период, когда солнце находится за горизонтом. Если же арабский путешественник хотел лишь сказать, что полная темнота длится менее 1 часа (а это вполне вероятно), то ничто не мешает отнести его слова и к гораздо более южным областям. Ведь и в наше время о Стокгольме зачастую говорится, что настоящая ночь длится там в июне всего 1 час! Тем не менее нам представляется неоправданным предположение Нансена, что под названием Вису, вероятно, понимались *все* страны Крайнего севера, подобно тому как наш термин «Левант» объединяет все страны Ближнего Востока[4]. Повсюду, где в арабских литературных источниках идет речь о Вису, совершенно явно имеются в виду бассейны Колвы и Печоры. Само собой разумеется, что выражение «Страна тьмы»

---

[1] Ф. А. Полунин, Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку... собранный коллежским асессором Федором Полуниным, с поправлениями и пополнениями Г. Ф. Миллера, М., 1773, стр. 245. [См. М. С. Боднарский, Первый русский географический словарь, «Землеведение», 1927, т. 29, вып. 3—4, стр. 61—70; его же, Очерки по истории русского землеведения, 1947, стр. 195, 196, 273 (примечание). — *Ред.*]

[2] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 97.

[3] R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, Kap. «Wisû, das Land der Finsternis», München, 1925, S. 232.

[4] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 87 (и след.).

могло относиться ко *всем* странам, расположенным в высоких северных широтах. Ведь Марко Поло распространяет это название на районы Сибири (преимущественно между Уралом, Турой и Обью)[1]. Следовательно, нет ничего невозможного в том, что и описание Страны тьмы, которое дал Сихаб эддин Ибн-Фадл аллах ал-Умари, относится к местности, находящейся к востоку от Урала. Поскольку же этот автор был единственным арабом, располагавшим сведениями о северных горах (Урале) и даже упоминавшим название «Сибирь», вряд ли приходится сомневаться в правильности такого толкования. В подавляющем большинстве арабы, по всей вероятности, не бывали на самом Урале и в Зауралье, так как «торговля пушниной с болгарами охватывала исключительно европейские районы Югры»[2].

Остается лишь сожалеть, что Ибн-Баттута, крупнейший из всех путешественников средневековья, отличавшийся острой наблюдательностью, отказался от своего первоначального намерения совершить с каким-нибудь торговым караваном путешествие в Страну тьмы. В противном случае мы располагали бы гораздо более подробными и достоверными сведениями как о Вису, так и о способах передвижения, принятых в высоких широтах в средние века.

У Ибн-Фадл аллах ал-Умари мы находим упоминавшееся еще Бируни название «Юра», или «Югра», нуждающееся в пояснениях. Видимо, у этого автора речь действительно идет о народностях, живших на самой северной окраине северо-востока европейской части России и на северо-западе Сибири, то есть еще дальше, чем «вису». Шлёцер уточняет это понятие: «Югра обитает на длинной полосе, простирающейся вдоль Вычегды и Печоры до самого Северного Ледовитого океана»[3]. И в настоящее время между Печорой и Обью вблизи побережья живет племя югров (или угров), что находит отражение в названии пролива Югорский Шар, отделяющего остров Вайгач от материка. Это толкование прекрасно подтверждается не только лингвистическими, но и культурно-историческими данными. Ведь еще Герберштейн подчеркивал, что самые лучшие меха добывались на Крайнем севере[4].

Особенно интересен в культурно-историческом отношении тот факт, что, видимо, эти северные народности юра, или югра, упоминаются еще у Геродота под именем Иирков (Ἰύρκαι)[5]. По мнению Германа, их следует считать финским племенем, «предками мадьяр»[6]. Возможно, что они тождественны также племенам *Turcae*, упоминаемым Помпонием Мелой[7] или *Tyrcae* Птолемея[8]. Югра не имеют ничего общего с тюрками, и их название Τύρκαι является, видимо, результатом неправильного произношения или написания

[1] «Книга Марко Поло», М., 1955, кн. III, гл. 217, стр. 226.
[2] «Ungarische Jahrbücher», 1924, S. 293.
[3] A. Schlözer, Russische Annalen, Göttingen, 1805, B. III, S. 112.
[4] Сигизмунд Герберштейн, Записки о Московии, СПБ, 1866, стр. 92.
[5] Геродот, IV, 21—22.
[6] См. Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, B. X, 2, S. 1386.
[7] Помпоний Мела, I, XIX. [См. М. С. Боднарский, Античная география, 1953, стр. 198.—*Ред.*]
[8] Ptolemäus, VI, 19.

слова Ἰοῦγκαι, Шлёцер даже пытается установить лингвистическую связь между словами «югра», или «угра», и «венгры»[1]. Специальное исследование посвятил народу угров Мюллер[2].

Из трудов арабских путешественников явно обнаруживается следующее расположение торговых районов Восточной России в средние века (с юга на север): Болгар — Чердынь (Висy) — Югра. Автор выдвинул гипотезу, согласно которой понятие «Висy» не просто тождественно «Стране тьмы», как это было принято считать раньше[3]. «Висy» следует рассматривать не как географическое, а как политическое понятие, под которым просто подразумевалось государство Биармия с центром в Чердыни. В пользу этой гипотезы свидетельствует то обстоятельство, что название «Висy» бесследно исчезает из арабской литературы после разгрома Биармии монголами в 1236 г., хотя торговые поездки на Крайний север продолжались еще более 100 лет. После 1236 г. в арабской литературе упоминается только «Страна тьмы», но не «Висy».

Во всяком случае, само Висy отнюдь не было страной, заселенной дикими туземцами, подобными югре. Еще у Ибн-Фадлана идет речь о повелителе Висy, который даже состоял в переписке с властителем Болгара![4]

Поэтому Вебер, видимо, был прав, говоря о Висy следующее:

«Центром сосредоточения товаров и торговли был большой и старинный город Пермь (ныне Чердынь на реке Колва, где, как передают, сохранились развалины древнего города), в котором персидские и индийские товары обменивались на пушнину и другую продукцию Севера»[5].

Поразительно велико число арабских авторов, которые в продолжение 400 лет, описывая торговлю мехами на Севере, повествуют о страшных опасностях, подстерегающих всех иностранцев где-то за Болгаром. Истахри (около 925 г.), например, пишет следующее: «Никто из них не добирается дальше Эрты, ибо туземцы убивают всех чужестранцев и бросают их в воду»[6].

---

[1] A. Schlözer, Russische Annalen, Göttingen, 1805, B. III, S. 113.
[2] F. H. Müller, Der ugrische Volksstaat, Berlin, 1837.
[3] «Der Islam», 1935, S. 254 (и след.).
[4] Chr. M. Fähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 207 (и след.); Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoire de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 540. [См. также А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., 1956, стр. 138—139.— *Ред.*]
[5] G. Weber, Allgemeine Weltgeschichte, Leipzig, 1883, B. V, S. 751.
[6] M. Istachri, Viae regnorum, «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», ed. Goeje, Leiden, 1927, pars I, p. 226. [Истахри — арабский писатель X в., автор географического сочинения «Книга путей и царств», в основе которого лежит труд его предшественника ал-Балхия — «Словарь географических карт» («Изображение поясов Земли»); отрывки из сочинения Истахри см. Н. А. Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1901, вып. XXIX, стр. 1—55.—*Ред.*].

Аналогичное место имеется и у Мукаддаси: «Ни одному чужестранцу не удается ступить на их землю, не поплатившись тотчас же за это своей жизнью»[1].

Ибн-Хаукаль (около 976 г.) тоже повторяет фантастическое утверждение, что за Болгаром местные жители убивают всех чужеземцев[2]. Идриси даже пишет, что туземцы, живущие за неким городом Арбан,— людоеды и пожирают всех чужеземцев. Около 1300 г. Абу-л-Фида пишет, что происходит это за городом Арба[3].

Все эти страшные истории не заслуживают никакого доверия. Подобно древним карфагенянам, арабы были мастерами по части измышления всяких жутких сказок о районах своей самой прибыльной торговли. Делалось это с единственной целью — отпугнуть конкурентов. Еще в древности им удалось добиться изрядных успехов в этом отношении. Достаточно, например, прочитать у Геродота несуразные истории о том, как приходится доставать корицу[4], или о том, как опасно добывать благовонные травы из-за крылатых змей[5], а кассию — из-за летучих мышей[6]. Чтобы получить представление о том, какие страшные чудеса и всевозможные ужасы рассказывали позднее жители халифата о таких особенно богатых торговых районах, как Цейлон и Зондские острова, достаточно почитать знаменитые истории Синдбада Морехода в сборнике арабских сказок «1001 ночь».

Впрочем, и другие народы отлично умели сочинять всевозможные сказки, чтобы отпугнуть чужеземных купцов от важных торговых районов, которые они стремились сохранить за собой. Еще в 60-х годах XIX в. негры на Белом Ниле пытались запугать одного охотника за слонами страшными призраками, чтобы не допустить его в какую-то местность.

По тем же самым соображениям, чтобы избежать торговой конкуренции, распространялись страшные слухи об изобиловавших пушниной районах Севера. Слухи эти никак *не могли* соответствовать действительности. Френ пытался поставить город Эрта, Эрза или Арба, за которым туземцы якобы убивали и даже пожирали всех пришельцев, в связь с мордвинами и предполагал, что находился он где-то в районе Казани или Нижнего Новгорода[7]. Однако анализ данных по истории культуры показывает, что под этим городом, если только он вообще не был плодом фантазии, следует подразумевать только Чердынь. Нельзя с уверенностью утверждать, что сказка о живущих в тех краях людоедах действительно была придумана арабами. Вполне вероятно, что жители Чердыни или Болгара сами ее придумали. Такого мнения, в частности, придерживается Маркварт, высказавший предположение о том, что первоисточником страшной истории о пожирателях людей

---

[1] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, S. Petersburg, 1823. S. 51.

[2] Ср. отрывок из текста на стр. 255.

[3] K. Miller, Erläuterungen zur Weltkarte des Edrisi, Stuttgart, 1928 S. 11.

[4] Геродот, III, 111.

[5] Геродот, III, 107.

[6] Геродот, III, 110.

[7] Chr. M. Frähn, op. cit., S. 165.

были «болгарские купцы, раньше других добравшиеся до Югры и заинтересованные в том, чтобы... устранить угрожавшую им конкуренцию»[1]. В таком случае арабы были не творцами, а обманутыми жертвами жутких легенд. Это тоже вполне возможно, так как арабские купцы, безусловно, отличались легковерием в подобных вопросах. Поэтому, чтобы дать правильную оценку арабским историям о городе Эрза-Арба и его чудовищных жителях, следует помнить слова Пешеля: «Народы, ведущие торговлю, издавна распространяли легенды о добыче монополизированных ими товаров; возможно, это делалось для того, чтобы отпугнуть конкурентов или чтобы изобразить в глазах покупателей редкий товар еще более диковинным, но не исключена возможность, что сами купцы были жертвой обмана со стороны прежних владельцев. Чем заманчивее было обладание товаром, тем труднее было его получить»[2].

Когда после монгольского нашествия положение в России резко изменилось, арабским купцам пришлось самим добираться до охотничьих племен. Чердынь была разгромлена, а монголы мало интересовались торговлей и, видимо, в мирное время не мешали чужеземным купцам. Итак, арабы, очевидно, лишь в этот период впервые попали в «Страну тьмы».

Это название заслуживает специального рассмотрения с культурно-исторической точки зрения. Как согласовать его с тем известным еще Ибн-Фадлану фактом, что на Крайнем севере летом почти не прекращается день? Не естественнее ли было бы название «Страна света»? Видимо, выражение «Страна тьмы» указывает на то, что купцы ездили туда главным образом в холодное, зимнее время. На первый взгляд это может показаться странным, но для зимних путешествий были свои причины. Вплоть до нового времени купцы весьма охотно предпринимали поездки к туземному населению Крайнего севера именно зимой, причем не в самый ее разгар, а ближе к концу, когда солнце ежедневно на несколько часов поднималось над горизонтом. По тундре и болотам гораздо легче передвигаться зимой, когда они скованы морозом и покрыты снегом. Ведь летом трясины почти непреодолимы, а тучи мошкары превращают путешествие в тяжкую муку. Еще в XIX в. англичанин Кочрейн чрезвычайно образно описал обстановку такой, какой она, очевидно, была в Вису и Югре в средние века и какой он наблюдал ее еще в 1821 г. в Восточной Сибири[3]. Кочрейн посетил одну из важнейших ярмарок пушнины, которые устраивались ежегодно в начале марта на льду реки Анюй в бассейне Колымы. Сюда регулярно съезжались многочисленные купцы и коренные жители даже из весьма отдаленных мест. Обычно на ярмарку приезжали и туземцы с Аляски, пересекавшие по льду Берингов пролив. Они не боялись пускаться зимой в дальний путь по побережью Северного Ледовитого океана ради того, чтобы продать добытые ими меха.

Бесспорным доказательством того, что еще 1000 лет назад торговцы предпочитали для своих операций конец зимы, служит, как кажется автору,

---

[1] Markwart, op. cit., S. 296.

[2] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 35 (и след.).

[3] J. D. Cochrane, Fußreise durch Rußland und die sibirische Tartarey, Wien, 1826, S. 119 (и след.).

осведомленность Ибн-Фадлана о передвижении на санях и даже на лыжах. Об этих средствах передвижения он упоминает первым из арабских авторов. Следует также принять во внимание, что такого чрезвычайно ценного пушного зверя, как соболь, туземное население обычно промышляет с октября по декабрь, поскольку в этот период соболий мех особенно пушист и ценится дороже[1].

Когда в середине XIII в. Чердынь пала под ударами монголов, арабские купцы, не желавшие отказаться от прибыльной торговли мехами, оказались перед необходимостью самостоятельно добираться в самые северные районы пушного промысла. Они столкнулись там с гораздо бо́льшими трудностями, чем их предшественники, жители древней Перми. Прежде всего не было такого языка, на котором могли бы общаться примитивные туземцы и арабы. Кроме того, и сами охотники за пушным зверем стали гораздо осторожнее и боязливее, чем прежде. В IX в. Ибн-Фадлан писал, что торговцы занимались «куплей и продажей, изъясняясь с туземцами языком жестов», то есть лично общаясь с охотниками. Между тем арабы при своих операциях в Югре вернулись к самой примитивной форме заочной, так называемой немой торговли, при которой продавец и покупатель вообще не видят друг друга. До 1236 г. ни в одном источнике не говорится ни слова о немой торговле в пушном Эльдорадо, тогда как после 1236 г. ей как характерной особенности уделяют особое внимание все арабские путешественники. Отсюда можно сделать вывод, что столь значительный упадок культуры был вызван каким-то из ряда вон выходящим событием. Оно так сильно запугало охотничьи племена, что те вообще утратили всякое желание встречаться с чужеземцами. Найти наиболее вероятную причину этого регресса нетрудно.

Незадолго до появления арабов в Югре какие-то чужестранцы, очевидно, прошли с огнем и мечом по этой стране, изобиловавшей мехами. Болгарских, пермских и арабских купцов нельзя заподозрить в столь неразумных действиях. Ведь купцы всегда стараются наладить дружественные связи с теми находящимися на низкой ступени развития народностями, с которыми они собираются вести постоянную, выгодную для себя торговлю. В этих случаях купцы даже упускают самые благоприятные возможности для грабежа и легкой наживы, чтобы не прервать сложившихся торговых связей. По всей вероятности, не кто иной, как монголы, познакомили коренное население Крайнего севера со всеми ужасами войны и оставили по себе такую память, что местные жители вообще не хотели больше встречаться с чужеземцами. Папский посол Карпини, проехавший в 1245/46 г. по России, направляясь к великому хану монголов, подчеркивает, что монгольское нашествие достигло области обитания самоедов и берегов Северного Ледовитого океана[2].

---

[1] A. Brehm, Tierleben, Leipzig, 1876, B. II, S. 67. [См. А. Брем, Жизнь животных, СПБ, 1902, т. I, стр. 225.— *Ред.*]

[2] Джиованни дель Плано Карпини, История монгалов, гл. V. [См. сб. «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука», М., 1957, стр. 42. Отметим, что сообщение Карпини о самодийцах (самоедах) было одним из первых известий об этом народе в западноевропейской географической литературе.— *Ред.*]

Итак, вполне вероятно, что после разгрома Чердыни монголы предприняли набег в бассейн Печоры. В этом случае возврат к немой торговле вполне понятен.

Коренные жители были заинтересованы в продолжении торговли с чужеземными купцами, снабжавшими их столь необходимыми металлическими изделиями, оружием, железом и т. п. Но у них уже был печальный опыт, и они боялись всех неединоплеменников, избегая встречаться с ними лицом к лицу. Именно на такой почве повсюду на земном шаре вырастал обычай немой торговли.

Нансен, с типичной для него склонностью к необоснованному скептицизму, считает недостоверными рассказы трех крупнейших арабских писателей XIII и XIV вв. о немой торговле на севере России, хотя они не противоречат друг другу и весьма объективны во всех отношениях. С некоторым пренебрежением относится Нансен и к «легенде о немой торговле на Севере»[1]. Такие сомнения ничем не оправданы. Немая торговля была известна еще Геродоту[2] и Феофрасту[3]. Во все периоды истории человечества, начиная с древнейших времен и вплоть до современности, такая торговля была культурным и экономическим фактором огромной важности для стран, находившихся на очень низком уровне развития[4]. За исключением Нансена, никто и никогда не выражал ни малейших сомнений в полной достоверности упомянутых сообщений трех арабских авторов. Так, арабист Якоб считает, что их описания полностью соответствуют фактам[5]. Да и Нансен, по всей вероятности, не высказал бы таких сомнений, если бы был достаточно хорошо осведомлен о поистине всемирном значении обычая немой торговли. Во всяком случае, скептицизм норвежского исследователя совсем не обоснован, а о «легенде» не может быть и речи. Ведь еще в XX в. можно кое-где встретиться с немой торговлей[6].

Даже высказанное Ибн-Баттутой (см. цитаты в начале главы) странное предположение, что невидимые существа, с которыми ведется торговля, возможно, были джинами, находит себе аналогию в современности. В 1900 г Аутенрит сообщал, что среди представителей племени бакосси бытует «легенда о небесных существах, которые обменивают свои товары на слоновую кость, каучук, пальмовое масло и пальмовые ядра, оставаясь при этом невидимыми», причем звонки служат сигналом, что товар уже доставлен к месту обмена[7].

---

[1] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 89.

[2] Геродот, IV, 196.

[3] Феофраст, Исследование о растениях, IX, 4, § 5—6, АН СССР, 1951, стр. 280.

[4] R. Hennig, Die Urform des Fremdenverkehrs im Warenhandel, «Archiv für Fremdenverkehr», 1934, S. 68.

[5] G. Jacob, Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter, Leipzig, 1887, S. 124.

[6] C. G. Seligmann, B. Z. Seligmann, The Veddas, Cambridge, 1911, p. 33, 93.

[7] F. Autenrieth, Ins Inner-Hochland von Kamerun, Stuttgart, 1900, S. 45 (и след.).

Весьма примечательно четкое упоминание о «Северном море» в описании Абу-л-Фида. Из этого можно лишь сделать заключение, что арабские купцы иногда достигали берегов Северного Ледовитого океана. Вероятнее всего, это происходило неподалеку от устья Печоры, впадающей в океан севернее 68° с. ш., то есть за Северным полярным кругом.

Здесь следует сделать краткое отступление более общего характера. На первый взгляд трудно предположить, что в древности жители южных стран были знакомы с Северным Ледовитым океаном, который, собственно говоря, лишь в XIX в. стал объектом широких географических исследований.

Может показаться почти невероятным, что арабским авторам средневековья или итальянскому монаху XIII в. (Карпини) было что-нибудь известно о Северном Ледовитом океане. Следует, однако, напомнить, что еще у Геродота можно найти довольно недвусмысленное сообщение о существовании покрытого льдами океана на севере России (см. т. I, гл. 10).

Китайцы знали о Северном Ледовитом океане еще при династии Вэй (358—524)[1]. У Адама Бременского (XI в.)[2] и у Марко Поло (XIII в.)[3] заметно знакомство со специфическими полярными животными. Здесь следует иметь в виду, что страсть к красивым мехам во все времена была мощной движущей силой, побуждавшей людей отправляться все дальше и дальше на север. В литературных источниках мы не находим почти никаких упоминаний об этой торговле. Купцы, как правило, были неграмотными и вряд ли когда-либо соприкасались с людьми, умеющими писать, разве что за исключением арабов.

В результате развитие этой чрезвычайно важной отрасли хозяйства протекало почти всегда за кулисами мировой истории, и до авторов литературных произведений лишь время от времени доходили смутные слухи о том, что на Крайнем севере тоже можно достичь Мирового океана.

Описание Ибн-Баттуты, которое относится приблизительно к 1340 г., следует считать последним арабским источником, свидетельствующим о торговле мехами на Крайнем севере. Возможно, что она продолжалась еще несколько десятилетий. Однако, насколько известно автору, до нас не дошло ни одного более позднего описания арабских путешественников. Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах прекратились торговые связи, просуществовавшие более 400 лет. Возможно, что прекращение торговли было связано со свержением монгольского ига в России, которое началось великой победой Дмитрия Донского на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.) и закончилось в XV в. полным освобождением страны. В истории нередки случаи, когда у народа, долгое время находившегося под иноземным господством и, наконец, завоевавшего себе свободу, развивается крайний национализм и глубокая вражда ко всему иностранному. Аналогичное явление наблюдалось в Китае IX в. (см. гл. 92), и мы снова встретимся с ним в Китае

[1] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 538. [Рихтгофен, очевидно, имеет в виду II Вэйское царство, которое по современным источникам датируется 386—554 гг.—*Ред.*]

[2] Adam von Bremen, IV, 32.

[3] «Книга Марко Поло», М., 1955, кн. III, гл. 217, стр. 226.

XIV в. (см. т. III, гл. 142). Так же, вероятно, обстояло дело в Восточной Европе в конце XIV в., хотя прямых доказательств у нас нет. Враждебное отношение освободившегося от монгольского ига русского народа ко всему чужеземному вполне могло быть причиной прекращения поездок арабских торговцев пушниной в Восточную Европу. Возникновение новой великой монгольской державы — империи Тимура с центром в Самарканде тоже могло стать препятствием на пути из стран ислама в Восточную Европу. Наконец, после того как Тимур дважды (в 1398 и 1401 гг.) взял и разграбил Багдад, дальние торговые связи арабов неминуемо были обречены на гибель.

Тем более обращает на себя внимание то обстоятельство, что еще в конце XV в. в Италии сохранились как память о племени угров, так и сведения о том, что на севере России есть Ледовитый океан. Около 1480 г. Юлий Помпоний Сабин писал: «Вблизи от Ледовитого океана живут лесные люди, называемые угары, или угры... Они ведут торговлю с соседним народом»[1].

До сих пор нет полной ясности относительно объема и интенсивности арабской торговли на территории, принадлежащей ныне СССР. Можно лишь считать установленным, что она была довольно значительной. Это явствует не только из сообщений Ибн-Баттуты о караванах, снаряжавшихся торговцами пушниной, но и из необычайно большого количества кладов арабских монет, найденных на территории СССР.

Около 100 лет назад в районе Новгорода был выкопан клад, состоявший из 7 тыс. золотых цехинов X в. По тем временам это было колоссальное богатство[2]. Деньги, очевидно, вез с собой очень богатый арабский купец или целый торговый караван, а затем в момент опасности их закопали в землю. Иначе трудно объяснить, как огромный капитал мог быть спрятан в таком месте.

С точки зрения истории культуры трудно разрешимой загадкой остается невероятное количество арабских монет, преимущественно серебряных, попавших в рассматриваемый период из мусульманских стран Передней Азии через Восточную Европу в Россию, Германию и Скандинавию. Многие сотни тысяч, а может быть, и миллионы[3] восточных монет чеканки 699[4]—1013 гг.[5] были найдены на территории СССР, в разных прибалтийских странах и на островах Балтийского моря, особенно на Готланде, где обнаружили около 13 тыс. арабских монет[6]. С финансово-экономической точки зрения эта чудовищная утечка драгоценного металла с Ближнего Востока представляется совершенно загадочной, так как арабы, несомненно, распола-

---

[1] Сообщение Сабина. См. «Virgilium commentarii», Basel, 1544, p. 50.

[2] P. Saweljew, Über den Handel der wolgaschen Bulgaren im 9. und 10. Jahrhundert, «Archiv für wissenschaftliche Kunde vonRuβland», ed. Erman, 1848, B. 6, S. 104.

[3] G. Jacob, op. cit., S. 53.

[4] Статья Тизенгаузена. См. «Wiener Numismatische Zeitschrift», B. III, S. 166.

[5] H. Frank, Die baltisch-arabischen Fundmünzen, «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», 1908, B. XVIII, S. 301—488.

[6] K. Tornberg, Om dei Svensk jord funna Österländska mynt, «K. Wittesh. Hist. Hand.», Stockholm, 1857.

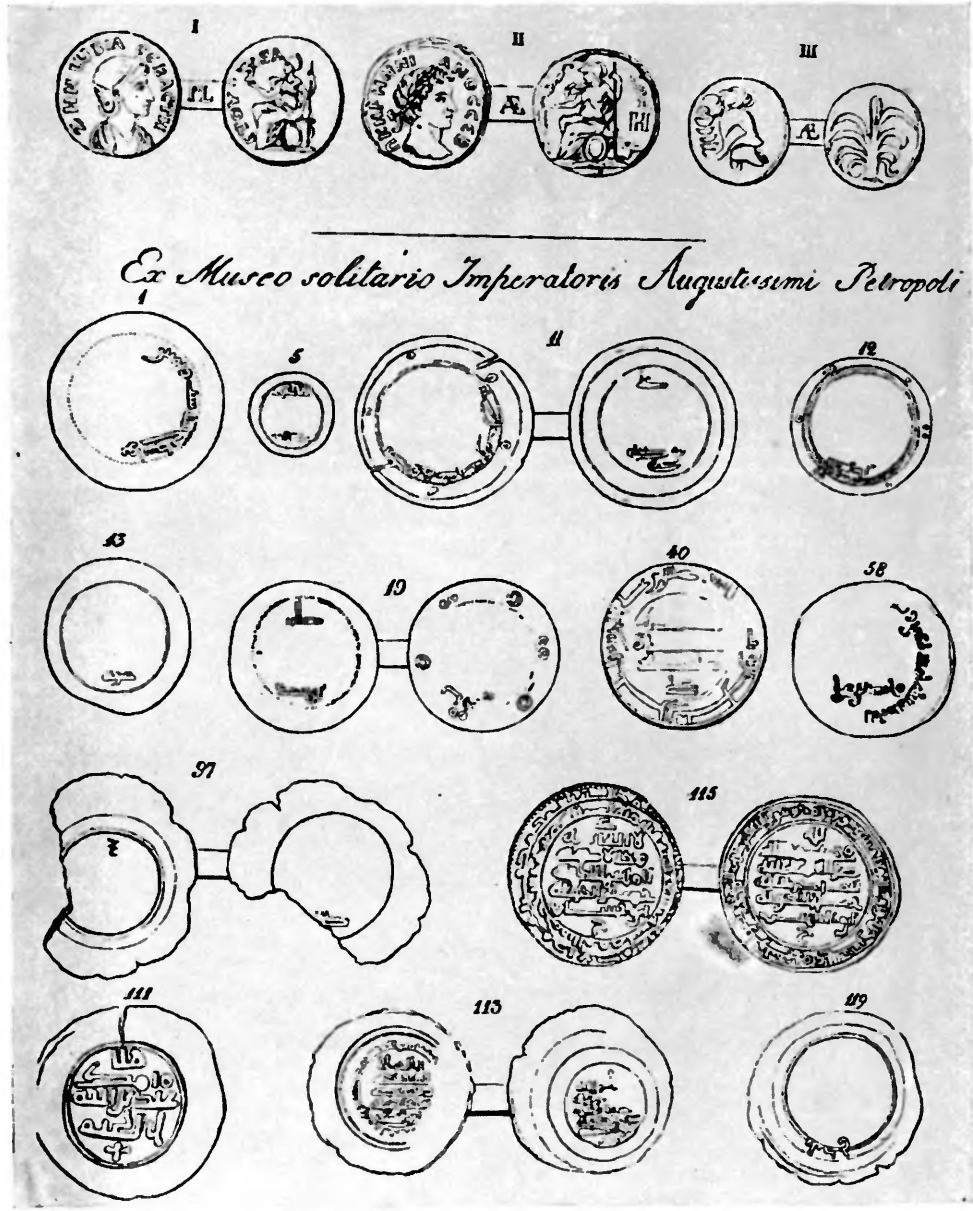

Рис. 6. Куфические монеты, найденные в России.
См. Chr. M. Frähn, Numi Kufici, 1832.

гали прекрасными товарами для обмена, которыми они могли расплачиваться вместо наличных денег на своих европейских рынках. Как дать удовлетворительное объяснение такому весьма странному обстоятельству, на которое впервые обратили внимание еще в 1755 г. в Швеции[1] и в 1778 г. в Германии[2]?

Зомбарт попытался истолковать это необычайное явление следующим образом: «Продавцы мехов ничего не приобретали взамен у арабских торговцев и поэтому оплачивались наличными. Монеты они зарывали в землю или использовали их для украшений»[3].

Такую попытку толкования фактов следует признать неудачной, ибо во многих первоисточниках говорится о том, как охотно население Восточной Европы меняло свои товары на восточные изделия, привозившиеся арабскими купцами.

Поскольку в самой Прибалтике арабы не могли получить такие ценные товары, как на Крайнем севере, приходится, видимо, искать иное объяснение колоссальному количеству арабских монет, найденных именно в районе Балтийского моря.

Во время своих многочисленных набегов на берега Каспийского моря (см. гл. 96) норманны, несомненно, захватывали и увозили с собой большое количество металлических денег; аналогичного происхождения были и монеты чеканки 639—815 гг., награбленные норманнами в 844 и 859 гг. в Испании и Марокко и распространившиеся до самой России. Об этом свидетельствует, например, клад из 300 чрезвычайно редких монет того периода, найденный в 1822 г. под Могилевом[4]. Но и эта гипотеза не может объяснить удивительное количество серебряных монет ближневосточного происхождения, найденных на территории СССР и по берегам Балтийского моря, в том числе и далеко в стороне от всяких путей сообщения[5].

Ключом к частичному решению проблемы, вероятно, может служить указание Френа, согласно которому «невероятная масса саманидских монет, выкапываемых здесь в России», объясняется тем, что у всех северных народов — хазар, болгар, русских и т. п. вплоть до XI—XII вв. отсутствовали металлические деньги собственной чеканки. Следовательно, «у этих на-

---

[1] S. Aurivillius, De numis arabicis in Sveogothia repertis, «Nova acta regiae societatis scientiarum Upsaliensis», Upsala, 1755, t. II, p. 78.

[2] C. G. Tychsen, Von den arabischen Alterthümern in Mecklenburg und ihrem Entstehen, «Gelehrte Beiträge zu den mecklenburgisch-schwerinschen Nachrichten», 1779.

[3] W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, München — Leipzig, 1916, B. I, S. 85 (примечание 2).

[4] Chr. M. Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoires de l'Académie Jmpériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1832, sér. 6, t. 1, S. 150; Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 249.

[5] Карту кладов арабских монет, обнаруженных в Восточной Европе до 1840 г., см. L. Ledebur, Zeugnisse eines Handelsverkehrs zur Zeit der arabischen Weltherrschaft, Berlin, 1840.

родов в те времена были в обращении как греческие, так и арабские деньги»[1].

Это представляется тем более вероятным, что, согласно сообщению Казвини, в XI в. араб ал-Бакри (см. гл. 99) даже в Майнце встретил самаркандские монеты, которые там принимались по курсу[2] (стр. 281). Тем не менее невероятное количество серебряных денег — монеты из другого металла попадались очень редко — так и остается непонятным. Френ в этой связи сделал следующее замечание: «Нет сомнений в том, что было время, когда существовал путь, по которому вплоть до начала XI в. шли караваны восточных купцов от Каспийского моря через Россию к прибалтийским рынкам... Только так можно решить проблему огромного количества арабских монет»[3].

Впрочем, Шлёцер подверг сомнению правильность этой точки зрения[4].

К массе серебряных монет нужно еще прибавить немалое число изделий из серебра. Только в районах Чердыни, Кунгура и Соликамска было найдено около 50 таких изделий «отличной работы»[5]. По всей видимости, охотничьи племена использовали эти серебряные сосуды как чаши для жертвоприношений своим богам.

Непонятным, кроме того, остается, почему среди монет, найденных в Прибалтике, нет ни одной моложе 1013 г., хотя установлено, что торговля достигла наивысшего уровня как раз между XI и XIV вв. Начиная с 1013 г. приток монет вдруг прекращается. Не исключено, что известную роль здесь сыграло падение государства Саманидов в 998 г., но значительное влияние, очевидно, оказали и какие-то иные, еще не выясненные обстоятельства. Во всяком случае, огромное число кладов средневековых арабских монет в Восточной и Северной Европе представляет собой одну из величайших загадок в истории культуры и хозяйства.

Задача осложняется тем, что крупные клады монет зачастую находили в районах, в которых пребывание арабов вообще не засвидетельствовано источниками. В Муроме (Владимирской области) в одном месте было найдено 10 079 дирхемов и 140 куфических монет[6], а на Ладожском озере под упавшим деревом — сплавившиеся арабские серебряные монеты в таком количестве, что они заполнили целую бочку[7]. В 1832 г. в Опалене, поблизости от Квидзыни на Висле, было обнаружено в одном месте 800 арабских серебряных монет[8],

---

[1] Chr. M. Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Fosslans Reiseberichten, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 178.

[2] Chr. M. Frähn, Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem 11. Jhrdrt. über die Stadt Mainz, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1834, sér. 6, t. 1, p. 87.

[3] Chr. M. Frähn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Pétersburg, 1823, S. 79.

[4] «Nestors Russische Annalen», ed. A. Schlözer, Göttingen, 1802, B. II, S. 281 (и след.).

[5] «Reallexikon der Vorgeschichte», B. 3, S. 358.

[6] Tiesenhausen, op. cit.

[7] G. Jacob, op. cit., S. 26.

[8] «Westpreußische Mitteilungen», 1832, No 31, S. 125.

в Финляндии до 70-х годов удалось найти в различных районах 17 кладов арабских средневековых монет[1], а в Швеции, где, судя по известной нам литературе, вообще не бывали арабы, Торнберг[2] уже к 1857 г. обнаружил 169 таких кладов! Такие же арабские монеты были найдены и на юге Норвегии, неподалеку от Кристиансанна. Даже в исландском округе Мюрар в 1836 г. нашли две куфические монеты, арабские бронзовые пряжки и другие предметы[3].

Огромное число кладов, обнаруженных на территории Северной Германии, вообще вряд ли поддается точному учету[4], между тем в сохранившихся литературных источниках лишь один-единственный раз сообщается о появлении арабского купца на берегах Балтийского моря (см. гл. 99). Что же касается происхождения и распространения многих сотен тысяч арабских монет, рассеянных по странам, расположенным на побережье Балтики, то здесь пока остается простор для самой необузданной фантазии.

Чрезвычайно высокая активность мусульман в средневековой России в значительной мере содействовала тому, что ислам вплоть до недавнего прошлого имел там широкое распространение при царском режиме.

Некоторые даже утверждают, что это обстоятельство сыграло важнейшую роль в политической истории России:

«Роковые последствия для Золотой Орды имел не столько внешний враг, сколько ислам. Влияние мусульманской религии разорвало духовные связи с монголами на Востоке, тем самым основанное на захватах государство утратило свою естественную опору и поддержку»[5].

Не будем выяснять, насколько правильно это утверждение. Как бы то ни было, мусульманская религия еще в начале XX в. играла на юге России немаловажную роль. В конце XIX в. в стране еще насчитывалось более 900 мечетей!

В заключение заметим, что не позже чем в XI в. в Югорской земле и других богатых пушниной странах Крайнего севера передкими гостями стали также скупщики мехов из Великого Новгорода. Однако эти районы входили лишь в сферу торгового влияния Новгорода, но никогда не были подвластны ему в политическом отношении[6].

---

[1] W. L a g u s, Numi cufici aliaque orientis monumenta vetera in Finlandia reperta, Helsingfors, 1878.

[2] K. T o r n b e r g, op. cit.

[3] Статья Торстейна. См. «Rapports des séances annuelles de la société royale des antiquitaires du nord de 1838 et 1839», Köbenhavn.

[4] G. J a c o b, op. cit., S. 53.

[5] Статья Херке. См. «Zeitschrift für Geopolitik», 1937, S. 621.

[6] A. J. S j ö g r e n, Wann und wie wurden Sawolotochtje und die Sawolokschen — Tschuden russisch?, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1832, sér. 6, t. 1, p. 509.

ГЛАВА 99

ИБРАГИМ-ИБН-ЯКУБ НА МЕКЛЕНБУРГСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ

(973 г.)

...От Бурга[1] до границы 10 миль, а до моста 50 миль[2], мост же этот деревянный и длиной в 1 милю[3], а от моста до крепости [князя] Накона около 40 миль. Крепость та называется Град [*Grâd*], что означает «большая крепость»[4], а южнее Града находится крепость, выстроенная посреди озера...[5] Расстояние от крепости Град до Мирового океана равно 11 милям. Море с большим трудом проникает в страну Накона, ибо все его земли состоят из лугов, чащ и болот.

Что же касается страны Буислава[6], то она простирается от города Праги до города Кракова на 3 недели пути и граничит на своем протяжении с турецкими землями [?]. Город Прага построен из камня и извести; это крупнейший торговый центр в тех странах. В Прагу приезжают из города Кракова русы[7] и славяне с товарами, а также прибывают туда из турецких земель мусульмане, евреи и турки с товарами и деньгами и вывозят оттуда рабов, олово и разные меха. Это самая лучшая и самая обильная богатствами страна на севере... Странно, что жители Богемии смуглые и с темным цветом волос, среди них мало светловолосых.

Путь из Магдефинга [Магдебург] в страну Буислава и оттуда до крепости Кальбе[8] 10 миль, а от нее до Нуб-Града[9] 2 мили. Это крепость, выстроенная из камней и извести, она расположена на Салаве [Заале], и в нее впадает река Боде. От крепости Нуб-Град до еврейской солеварни, которая также находится на Заале[10], 30 миль. Оттуда до крепости Бурджин[11] — она расположена на реке Мулдаве[12] — и от нее до леса 25 миль. От начала и до конца этого леса

---

[1] Бург под Магдебургом.
[2] 1 арабская миля равна примерно 2 *км*, но величина эта колеблется.
[3] Видимо, гать.
[4] Микилин (большой)-Бург, то есть Мекленбург.
[5] Шверин.
[6] Болеслав II Богемский (967—999).
[7] Норманны из России.
[8] Кальбе на реке Заале.
[9] Наумбург.
[10] Видимо, Дюрренберг.
[11] Вурцен.
[12] Мульде.

расстояние 40 миль, а простирается он по непроходимым горам[1]. Там есть деревянный мост[2] длиной около 2 миль, ведущий через болото. Проехав лес, попадаешь в город Брага [Прага].

Что же касается страны Мешекко[3], то это самая обширная из тех стран, и она богата зерном, мясом, медом и рыбой.

Он взимает дань звонкой монетой и на эти средства содержит свою дружину... Со страной Мешекко на востоке граничат русы, а на севере — брусы[4]. Брусы селятся на берегах Мирового океана, у них свой особый язык. Языка своих соседей они не понимают... Русы совершают на них набеги по морю с запада.

...К западу от этого города живет славянское племя, именуемое народом убаба [унапа]. Народ этот населяет болотистую местность к северо-западу от страны Мешекко. Есть у них на берегу Мирового океана большой город с 12 вратами и гаванью, которая сложена из больших кусков дерева[5]. Они ведут войну с Мешекко, и войско их многочисленно. У них нет короля, и они не позволяют править собой одному человеку, власть же принадлежит их старейшинам[6].

Что же касается короля булгар, то Ибрагим-ибн-Якуб говорит: «Я не был в его стране, но видел в городе Мазинбург[7] его послов, прибывших к королю Хуто...»[8]

Есть там странная птица с зеленой головой, повторяющая все звуки, которые слышит от людей и животных. Иногда ее ловят и устраивают охоту за ней, зовут же ее по-славянски сба [*sbâ*][9]. Имеются там также дикие курицы, называемые по-славянски тетрами. У них вкусное мясо, а их щелканье с верхушек деревьев слышно на расстоянии целой фарасанги, а то и более. Они бывают двух видов: черные и пестрые, которые прекраснее павлинов...[10]

---

[1] Рудные горы.
[2] Район Моста.
[3] Мешко I Польский (около 960—992).
[4] Пруссы в районе Вислинского залива.
[5] Исправленный перевод де Гуе.
[6] Все специалисты считают, что здесь имеется в виду Йомсбург (см. стр. 287 и след.).
[7] Мерзебург.
[8] Император Оттон I (936—973).
[9] Скворец.
[10] Отрывок из сообщения о путешествии Ирагима-ибн-Якуба. См. G. Jacob, Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe, Berlin — Leipzig, 1927. [Ибрагим-ибн-Якуб (начало X в.) — арабский путешественник, родом из Африки, посетил Южную Германию и оставил описание существовавших тогда славянских государств — Болгарии, Чехии, Польши и владений князя Накона. См. И. Ю. Крачковский, Арабские географы и путешественники, Известия Всесоюзного географического общества, 1937, т. 69, вып. 5, стр. 748; Карра де Во, Арабские географы, стр. 6—7.— *Ред.*]

* * *

Варенк — местность на побережье северного моря. С северной части Мирового океана простирается на юг залив, и земли вокруг этого залива носят его имя; называется же он Морем варенков[1]. Страна эта расположена на Крайнем севере. Там очень сильные холода, воздух мутен, а снег не тает. Климат очень нездоровый для растений и животных, и редко кто добирается туда из-за страшных морозов, мрака и снега. Но Аллах ведает лучше...

Шушит [Зост] — это замок в земле славян. Там имеется один соленый источник, и больше во всей этой стране нет соли. Если людям нужна соль, они набирают воды из этого источника, наполняют ею котлы, ставят их в печь (*furn*), сложенную из камней, и разводят под ней сильный огонь; постепенно вода становится густой и мутной. Затем ее оставляют, пока она не остынет, и получается твердая белая соль. Таким образом добывается соль во всех славянских землях.

Ватурбуруна [Падерборн] — это мощная крепость в стране славян поблизости от замка Шушит. Там есть чудесный источник, именуемый медовым[2]. Он находится на горе, вблизи леса. Вода его сначала напоминает своим вкусом мед, но потом оставляет горький привкус, который придают ей растущие вокруг деревья[3].

* * *

Шлешвик [Шлезвиг] — очень большой город на самом берегу Мирового океана. В центре его находятся источники пресной воды... Ал-Тартуши рассказывает: «Они устраивают празднество, во время которого собираются все вместе, чтобы восхвалять Бога, есть и пить...

Город этот не богат добром и нет на нем благословения Божьего. Жители питаются главным образом рыбой, ибо она там водится в большом количестве. Если у кого-либо из них рождаются дети, то отец бросает их в море, чтобы избежать лишних расходов... Жены уходят от мужей по собственному желанию, когда им заблагорассудится...»

Он сказал также: «Никогда я не слышал более отвратительного пения, чем у шлезвигцев: из глоток их исходит вой, подобный собачьему, но еще более дикий».

---

[1] Балтийское море (см. стр. 265).

[2] Шмехтенский медовый источник.

[3] Отрывок из описания «7-го климата» в «Космографии» Закарии Казвини. См. G. Jacob, op. cit. [Арабские географы средневековья делили всю известную им обитаемую землю на 4 стороны света (ифак) и 7 поясов, или климатов (иклим). Каждый пояс имел свои характерные особенности, общие для входящих в него стран.— *Ред.*]

Эбульда [Фульда] — большой город в стране франков, сложенный из камня. В нем живут одни монахи, и туда не заходит ни одна женщина, ибо так велел им их святой... Ал-Тартуши рассказывает: «Никогда мне не приходилось видеть в христианских странах города, который был бы больше и богаче золотом и серебром, чем этот. Большинство их сосудов — кадил, кубков, ваз и чаш — сделано из золота и серебра. Там находится также серебряный идол в виде их святого, обращенный лицом на Запад. Кроме того, там имеется еще один идол из золота, весом в 300 ратлов [ратл равен примерно 1 фунту], прислоненный спиной к очень высокой и широкой плите, усеянной гиацинтами и смарагдами; и идол этот распростер свои руки, подобно распятому. Это изображение мессии — мир ему. Там же находятся золотые и серебряные распятия и реликвии, усыпанные гиацинтами».

Маганджа [Майнц] — очень большой город, одна часть которого заселена, а другая занята под пашню. Он находится в стране франков на реке, носящей название Рин, и богат пшеницей, ячменем, полбой, виноградниками и фруктами. Там имеют хождение самаркандские дирхемы 301 и 302 гг.[1] с именем повелителя и датой чеканки. Ал-Тартуши говорит: «Я считаю, что это монеты Саманида Наср-ибн-Ахмеда»[2]. Странно и то, что в этом западном городе употребляют пряности, произрастающие только в самых отдаленных странах Востока, например перец, имбирь, пряную гвоздику, лаванду, кост [ароматный корень, похожий на перец. — *Ред.*] и калган; их привозят из Индии, где они растут в большом количестве.

Итрахт [Утрехт] — большой город в Стране франков, занимающий обширную территорию. Вся земля там — себха[3], на которой нельзя ни сажать, ни сеять. Средством к существованию для населения служит скот и получаемые от него молоко и шерсть. В их стране нет леса, который они могли бы использовать как топливо, но есть особая глина, которая заменяет им дрова. Делается это так: летом, когда вода высыхает, все отправляются на свои луга и там нарезают топорами глину в форме кирпичей. Каждый режет себе столько, сколько ему нужно, и раскладывает эти кирпичи на солнце для сушки. От этого они становятся очень мягкими. Когда их кладут в огонь, они загораются, огонь охватывает их, и они дают сильный жар, подобно огню в горне у стеклодувов. Когда такой кирпич сгорает, после него остаются не угли, а только пепел[4].

---

[1] 913—914 и 914—915 гг.

[2] 914—943 гг.

[3] Себха — соленое болото, здесь же, очевидно, — торфяное болото.

[4] Отрывок из описания «6-го климата» в «Космографии» Казвини. См. G. Jacob, op. cit.

Как уже отмечалось выше (см. гл. 86), Балтийское море, все южное побережье которого, за исключением Дании, было заселено славянскими народностями, оставалось в раннем средневековье почти совсем неизвестным жителям христианских стран.

Поэтому представляется весьма странным то обстоятельство, что в X в., когда во Франции и в Германии имелись самые скудные и неопределенные сведения об этом море, единственными людьми, описавшими собственные впечатления о прибалтийских странах, были арабские путешественники (если отвлечься от героев скандинавских саг и их подвигов).

Интереснейшим документом того времени, свидетельствующим об одном таком путешествии к Балтийскому морю, являются записки еврея Ибрагима-ибн-Якуба, который прибыл с неизвестной целью из мусульманских стран, сумел добраться до Страны ободритов в Мекленбурге и где-то в районе современного Висмара достиг берегов Балтийского моря.

Из описания путешествия неясно, что, собственно, привело Ибрагима-ибн-Якуба в эти северные края и каким образом он добрался до них. Видимо, это был один из многочисленных странствующих еврейских торговцев, разъезжавших в те времена чуть ли не по всем странам от Атлантического океана до Тихого. Такой вывод позволяет сделать его ярко выраженный интерес к хозяйству, торговле и т. п. Впрочем, Ибрагим-ибн-Якуб неоднократно затрагивает и вопросы санитарии, в связи с чем высказывалось мнение, что он был врачом, приехавшим, вероятно, из мавританской Испании[1]. Все же трудно понять, какие причины могли заставить этого путешественника отправиться в суровые и изобилующие опасностями северные страны.

Ранке говорит неопределенно и к тому же, видимо, не совсем правильно об «еврейском путешественнике из Испании, задавшемся целью изучить славянские области на Востоке»[2].

Сообщения Ибрагима были записаны ал-Бакри (ум. в 1094 г.). Нет уверенности, что последний передал их без сокращений. Во всяком случае, бросается в глаза то обстоятельство, что описание путешествия после краткого введения сразу же переходит к характеристике самых дальних из достигнутых Ибрагимом земель и нигде не сообщается, чего ради он туда отправился, откуда прибыл, какой дорогой добирался до района Магдебурга, с упоминания о котором начинается рассказ. Подробно описаны только 2 небольших отрезка пути: от Бурга под Магдебургом до Висмарской бухты и от Магдебурга до Праги. Все остальное как бы служит дополнением, причем в ряде случаев неясно, рассказывает ли Ибрагим о том, что видел собственными глазами, или пользуется сведениями, сообщенными ему другими лицами. Предполагают, что до Праги он добрался по суше, возможно с по-

---

[1] K. Bruns-Wüstenfeld, Die Uckermark in slawischer Zeit, Prenzlau, 1919, S. 8.; G. Caro, Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Juden, Frankfurt a. M., 1924, B. I, S. 195.

[2] L. Ranke, Weltgeschichte, B. V, S. 343. [И. Ю. Крачковский предполагает, что Ибрагим-ибн-Якуб прибыл в Центральную Европу с целью покупки рабов для рынков халифата. См. «Известия Всесоюзного географического общества», 1937, вып. 5, стр. 748. —*Ред.*]

бережья Адриатики, а дальше следовал по описанному им маршруту к Балтийскому морю. Вернулся Ибрагим тем же путем. Однако все это такие же догадки, как и попытки ответить на вопрос о родине Ибрагима. Ученые называли и Северную Африку и арабскую часть Испании. Впрочем, столь же правомерны и другие предположения.

Дату путешествия, напротив, можно установить довольно точно, хоть в самом тексте она и не указана. Дело в том, что, по словам Ибрагима, он встретил при дворе императора Оттона I болгарское посольство. Из немецких летописей того периода нам известно, что такое посольство действительно было принято императором весной 973 г. в Кведлинбурге[1]. В то время Оттон I после многолетнего отсутствия как раз вновь возвратился на север, в Германию, и в последние месяцы своей жизни (он неожиданно скончался 7 мая 973 г. в Мемлебене) пожинал плоды своей славы, принимая, так сказать, международные почести.

О событиях, происходивших в Кведлинбурге на пасху 973 г., Телленбах писал следующее: «Это было блестящее общество. Со всех краев земли съехались послы, чтобы воздать хвалу могуществу императора западных стран. Болеслав, князь Чешский, и, вероятно, также Мешко, князь Польский, прибыли лично и привезли своему верховному сюзерену богатые дары. Король Дании прислал дань... Приехало много венгерской и болгарской знати... К императорскому двору явились также послы из Византии, России и даже из североафриканского государства Фатимидов. Это было зенитом в яркой жизни Оттона»[2].

В 973 г. пасха приходилась на 23 марта. Поскольку император Оттон прибыл в Кведлинбург 19 марта, а уехал оттуда 4 апреля[3], направившись в Мерзебург, Ибрагим-ибн-Якуб, вероятно, видел болгарское посольство в конце марта — начале апреля.

Особенно удивительно, что, будучи евреем, Ибрагим все же получил возможность видеться и беседовать с императором. Сообщая о «городе женщин»[4], якобы находящемся где-то на северо-востоке, Ибрагим добавляет: «Слухи об этом городе верны. Мне рассказывал о нем сам Хуто, король Римский».

Как же могло случиться, что еврейский купец попал ко двору императора и даже удостоился беседы с ним по спорным географическим вопросам?

Этому может быть дано лишь одно объяснение, которое и нашел Якоб: видимо, Ибрагим имел какое-то отношение к упоминавшемуся «африкан-

---

[1] «Annales Altahenses Majores ad annum 973»; См. «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS XX, p. 774: «*Advenere legati Graecorum, Beneventanorum, 12 primates Ungarionum, Bulgarionum 2, legati Harioldi ducis, Bonezlavus, dux Sclavenus*» [прибыли послы греков, города Беневента, 12 вождей венгров, 2 болгара, послы герцога Гаральда, Бонецлав, герцог склавенский.— *Ред.*]

[2] См. «Die groβen Deutschen», Berlin, 1935, B. I, S. 70 (сборник биографий).

[3] «Annales Altahenses Majores ad annum 973». См. op. cit.

[4] По мнению исследователя Георга Якоба, здесь неверно понято слово «Magde-Burg». См. G. J a c o b, op. cit, S. 30 (примечание 6).

скому посольству» и вместе с ним находился при дворе императора в Мерзебурге. В XI в. летописец великого императора Видукинд писал об этом посольстве следующее:

«Приняв послов из Африки, которые воздали ему королевские почести и преподнесли дары, он оставил их при своем дворе»[1].

Видукинд не сообщает, откуда прибыли эти послы. Нет ничего невероятного в предположении, что они действительно были направлены одной из африканских стран, так как еще к Карлу Великому в 797 и 801 гг., по словам Эйнгарда, приезжали послы из Марокко, столица которого Фес именуется Эйнгардом Фесстом[2]. Однако не может быть сомнений в том, что в 973 г. «африканские» послы прибыли в Германию из мавританской Испании, а не из Африки.

Еще Видукинд неоднократно упоминал о мавританских посольствах, приезжавших из Испании при Карле Великом. Установлено, что в последний период жизни Оттона I к нему тоже прибыло такое посольство. Послы были направлены князем Хакамом II (961—976), приехали в Германию через Бордо, Руан и Утрехт, преподнесли императору дары и в свою очередь получили от него подарок и устное послание для своего повелителя. В его тождестве с «африканским посольством» не приходится сомневаться. Поскольку Южной Испанией владели мавры, ее вполне могли счесть за африканскую область.

Якоб обнаружил арабское сообщение об этом мавританском посольстве в географическом труде жившего в XIII в. араба Казвини (ум. в 1283 г.). Казвини приводит рассказ одного из членов этого посольства — Ибрагима-ибн-Ахмед ат-Тартуши (то есть из Тортосы), используя при этом ныне утраченную работу Ухдри (X в.). Якоб полагает, что послы случайно повстречались с Ибрагимом-ибн-Якубом — не то уже при дворе императора, не то еще по пути туда. По мнению Якоба, это произошло по дороге из Шлезвига в Шверин[3]. Видимо, послы предложили еврею, который владел языками и годился для роли переводчика, сопровождать их ко двору императора.

События могли и в самом деле происходить именно таким или сходным образом. Во всяком случае, трудно себе представить, чтобы без помощи посольства Ибрагим получил возможность долгое время оставаться при дворе императора и даже беседовать с ним.

В сохранившихся источниках нет ни малейшего указания на то, что Ибрагиму-ибн-Якубу и мавританским послам было что-нибудь известно друг о друге. И тем не менее о контакте между ними со всей очевидностью

---

[1] «Widukinds Chronik», III, 75. См. «Monumenta Germaniae historica», SS III, p. 466. [Автор ссылается на монаха из Корвейского монастыря (на реке Везер) Видукинда (около 925—980), написавшего хронику, или, точнее, историю саксов и первых саксонских королей Генриха I и Оттона I. Свой труд он назвал «Деяния саксов». Третья книга этого труда охватывает период с 946 по 967 г. — *Ред.*]

[2] E i n h a r d, Annales ad annos 797 et 801. См. «Monumenta Germaniae historica», SS I, p. 183, 189.

[3] G. J a c o b, op. cit., S. 6.

свидетельствует тот факт, что оба сообщения о путешествии, расходясь в деталях, содержат ряд удивительных, подчас дословных совпадений. Особенно это относится к почерпнутым с чужих слов сведениям о нравах и обычаях в Польше, а также к упоминанию мифического «города женщин». Похоже на то, что оба автора одновременно получили возможность слушать одни и те же рассказы. За исключением этих почти тождественных мест, отчеты о путешествии в значительной степени отличаются друг от друга. Ибрагим-ибн-Якуб описывает исключительно восточные края, и особенно путь из Магдебурга в Прагу, тогда как Ибрагим ат-Тартуши рассказывает о западных областях и о пути, проходившем из Утрехта через Падерборн и Зест в Мерзебург, а затем оттуда через Фульду в Майнц.

Тартуши, видимо, вообще не отличался острой наблюдательностью. Он дает, в частности, следующее странное описание Страны франков: «Она неплодородна, так как почвы там плохие, виноградников мало, и леса немногочисленны... [жители] моются всего один-два раза в год холодной водой»[1].

Довольно легко преодолеть и еще одно затруднение, противоречащее приведенному выше толкованию. Болгарское посольство, которое видел Ибрагим-ибн-Якуб, оставалось в *Кведлинбурге* до 4 апреля, тогда как мавританское посольство, которое он, очевидно, сопровождал, было принято императором *после* 4 апреля в *Мерзебурге*. Здесь, по свидетельству хроник, Оттон находился с 4 апреля до 6 мая, кануна своей смерти. Однако противоречие это несущественно. Вполне вероятно, что император Оттон предложил болгарским послам, принятым им еще в Кведлинбурге, сопровождать его в Мерзебург, поскольку их путь на родину лежал в том же направлении. Поэтому Ибрагим встретился с ними лишь в Мерзебурге.

Все ранние комментаторы путевых записей Ибрагима-ибн-Якуба[2] полагали, что он находился в Германии еще в 965 г. Причина этой ошибки заключалась в предположении, что исходным пунктом маршрута Ибрагима был Магдебург. Поэтому считалось, что Ибрагим-ибн-Якуб видел императора именно в этом городе. Между тем после коронации (2 февраля 962 г.) Оттон побывал в Магдебурге всего один раз, а именно в середине лета 965 г. В противоположность этому взгляду Френ[3], Виггер[4] и Якоб[5] подчеркивают, что речь

[1] G. J a c o b, op. cit., S. 25 (и след.).

[2] M. J. d e G o e j e, Een belangrijk arabisch bericht over de slawische volken omstreeks 965 n. Chr., «Verslagen en mededeelingen, afd. Letterkunde», 2de reeks deel 9, Leiden, 1880, S. 187; А. К у н и к, В. Р о з е н, Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах, СПБ, ч. 1—1878, ч. 2—1903; W e s t b e r g, Ibrahim-ibn-Jaqub's Bericht über die Slawenlande aus dem Jahre 865, «Mémoires de l'Académie Impériale de St. Pétersbourg», 1898, t. III, No 4, p. 56. [Ф. Вестберг (род. 1864) — русский арабист, преподаватель Рижского реального училища. Занимался арабскими источниками по истории славянских народов в Европе.— *Ред.*]

[3] C h r. M. F r ä h n, Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem 11. Jhrhdt. über die Stadt Mainz, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1834, p. 97.

[4] «Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte», 1880, B. 45 (перевод сообщения Ибрагима, сделанный Виггером).

[5] G. J a c o b, Zwei arabische Reiseberichte über Deutschland aus der Zeit Ottos des Großen, «Studien in arabischen Geographen», 1892, H. 4.

может идти только о 973 г., поскольку только в этом году в Германию приезжало болгарское посольство, и что, следовательно, встреча произошла в Мерзебурге и Кведлинбурге.

Якоб окончательно разрешил спор о том, к 965 или к 973 г. относятся описанные события. Во-первых, он установил связь Ибрагима с мавританским посольством 973 г. и, во-вторых, отметил, что Ибрагим-ибн-Якуб упоминает о скворцах и о токующих тетеревах, а Ибрагим ат-Тартуши наблюдал непонятную для него резку торфа в современных Нидерландах.

Последние факты недвусмысленно указывают на то, что оба автора путешествовали по Германии весной. Это прекрасно согласуется с пребыванием Оттона I в Германии весной 973 г., но не с посещением им Магдебурга в середине лета 965 г.

После своей коронации Оттон I ни в какое другое время на территории Германии вообще не был. Следовательно, можно считать доказанным, что путешествие Ибрагима-ибн-Якуба происходило в 973 г., тем более что он, кроме Магдебурга, прямо называет еще Мерзебург — вероятное, место его встречи с императором.

Автор полностью присоединяется ко всей аргументации Якоба и его многочисленным остроумным замечаниям, за одним, впрочем, исключением. Якоб думает, что мавританские послы сначала находились при датском дворе в Шлезвиге, а затем отправились оттуда прямо в Мерзебург и, встретив по пути Ибрагима-ибн-Якуба, выразили желание, чтобы он их сопровождал.

Упоминание о Шлезвиге, содержащееся в путевых записях Тартуши, действительно, позволяет сделать вывод, что мавританское посольство по неизвестной причине побывало и там с каким-то дипломатическим поручением.

Однако автор этих строк не может поверить в то, что из Шлезвига послы направились прямо в Мерзебург, тем более что как раз в этот период отношения между Данией и Германской империей были напряженными и через год привели к войне.

Наименования Утрехт, Зест и Падерборн, фигурирующие в отчете о путешествии Тартуши, несомненно, указывают на то, что посольство следовало в Мерзебург по «священной дороге», то есть по проложенной Карлом Великим «Королевской дороге» («*Via regia*»), от Нижнего Рейна через обширные леса. Обратный путь шел через Фульду и Майнц. Поэтому автор полагает, что посольство сначала побывало в Шлезвиге, а затем направилось в Утрехт, чтобы попасть ко двору германского императора. В Мекленбург послы вообще не попали, а потому и не могли встретить Ибрагима-ибн-Якуба «между Шлезвигом и Шверином». Впрочем, этот вопрос имеет второстепенное значение. Важно то, что Ибрагим-ибн-Якуб повстречал где-то на своем пути мавританское посольство и примкнул к нему. Автору кажется весьма вероятным, что эта встреча произошла уже в самом Мерзебурге или незадолго до прибытия туда и что лишь там мавры попросили Ибрагима-ибн-Якуба принять на себя обязанности переводчика. О лингвистических познаниях Ибрагима свидетельствует его беседа с Оттоном I.

Это толкование, несомненно, является лишь несовершенной попыткой пролить свет на общий ход событий.

Предположение, что из Шлезвига мавры сначала отправились в Утрехт, представляется автору тем более вероятным, что в X в. между Шлезвигом и Утрехтом, как установлено, существовали постоянные торговые связи[1].

Отдельного рассмотрения заслуживает короткий абзац в записях Ибрагима о «большом городе на берегу Мирового океана» и его своеобразных портовых сооружениях. Автор подробно рассмотрел этот вопрос в другой работе[2] и поэтому ограничится здесь лишь изложением важнейших соображений.

Исследователи по-разному читают приведенное в арабском тексте наименование народа, на территории которого находился город. Лучший знаток этого вопроса Якоб заявляет: «Очевидно, следует читать «унана»[3]. По мнению Вестберга, арабиста более раннего времени, занимавшегося обработкой путевых записок Ибрагима, название это нужно читать как «винане»[4]. Однако в последнем случае, видимо, имело место самовнушение, так как Вестберг исходил из ложного предположения о том, что речь шла о городе Волин, который в свое время отождествлялся со знаменитым славянским портом Юмна, прообразом легенды о Винете. Правда, те, кто по-прежнему придерживается неверной точки зрения о тождестве Юмны и Волина, до сих пор отстаивают чтение, предложенное Вестбергом[5]. Однако вариант «винане» опровергается хотя бы тем, что название Волин (Вулин) было искусственно придумано церковными властями уже *после* насаждения христианства в 1124 г. (см. гл. 111), чтобы предать забвению напоминавшее о Юлии Цезаре «языческое» наименование Юлин, бытовавшее у язычников-поморян. Название Волин вообще впервые встречается в булле папы Иннокентия II от 14 октября 1140 г., установившей в Волине центр епархии. В X в. этого названия еще не существовало. Поэтому оно никак не могло фигурировать в, арабской, рукописи X в. Пока следует придерживаться предложенного Якобом чтения — «унана», которое, кстати, отчасти созвучно с «Юмна», а, вернее, не с наименованием самого города, а с находившимся поблизости знаменитым Йомсбургом, основанным датским королем Гаральдом Синезубым около 950 г. в устье Одера и просуществовавшим до 1043 или 1044 г. Еще первые исследователи этого вопроса — Якоб[6], Фогель[7], Ларсен[8] — подчеркивали, что описание Ибрагима-ибн-Якуба может быть отнесено только к приморскому городу Юмне или, что еще вероятнее, к соседнему Йомсбургу.

[1] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S.117.

[2] R. H e n n i g, Wo lag Vineta?, «Mannus-Bücherei des Reichs-Bundes für deutsche Vorgeschichte», B. 53, Kap. 20: «Ein zeitgenössisches arabisches Zeugnis für die Jomsburg», S. 102 (и след.).

[3] G. J a c o b, op. cit., S. 14.

[4] F. W e s t b e r g, Ibrahim-ibn-Jaqub's Bericht über die Slawenlande aus dem Jahre 865, «Mémoires de l'Académie Impériale de St. Pétersbourg», St. Petersburg, 1898, t. III. No 4, p. 56.

[5] A. H o f m e i s t e r, Der Kampf um die Ostsee vom 9. bis 12. Iahrhundert, Greifswald, 1931, S. 36.

[6] G. J a c o b, op. cit., S. 5.

[7] W. V o g e l, op. cit., S. 153 (и след., примечание 6).

[8] S. L a r s e n, Jomsburg, Köbenhavn, 1932, S. 340 (примечание 1).

Когда же швед Вейбулль[1] выдвинул предположение, что никакого Йомсбурга вообще никогда не существовало и все многочисленные упоминания о нем следует считать поэтическим вымыслом, против него решительно выступил такой авторитет в этой области, как Финнур Йонссон[2]. А такой крупный знаток скандинавских саг и скандинавской истории, как Нидпер, также заявил без всяких оговорок: «Несомненно, что эта крепость существовала»[3].

По сравнению с заявлениями таких специалистов немногого стоят высказанные за последнее время в Германии взгляды, согласно которым все упоминания о Йомсбурге представляют собой лишь «романтическую фантазию». Именно сообщения Ибрагима-ибн-Якуба о «гавани на берегах Мирового океана» представляются одним из важнейших доказательств того, что Йомсбург в 973 г. стоял на берегу Балтийского моря и что весть о нем в то время уже донеслась до двора германского императора Оттона[4].

---

[1] L. W e i b u l l, Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring aar 1000, Lund, 1911, S. 178 (и след.).

[2] F. J o n s s o n, Jomsvikingerne, «Historisk Tidsskrift», København, B. VIII, S. 3, 263.

[3] Предисловие Феликса Нидпера. См. «Thule», B. 19, S. 14.

[4] Появившиеся за последнее время в результате раскопок Волина (1934 г.) утверждения о том, что там находились Йомсбург и Юмна-Винета, носят слишком восторженный и предвзятый характер. За исключением самих участников раскопок и близких к ним кругов, все исследователи весьма скептически оценивают результаты, якобы долженствующие доказать существование в прошлом большого приморского города. Об этом свидетельствует подборка таких отзывов, приведенных автором в предстоящем новом издании его труда «Загадочные страны» (см. также гл. 111). Автор отмечает, что покойный Фогель, бывший одним из самых рьяных сторонников отождествления Юмны-Винеты с Волином, писал ему 14 марта 1935 г. после появления его работы «Где находилась Винета?»:

«Я также считаю возможным, хоть пока и маловероятным, что Юмна и Юлин — это разные города. В таком случае следует предположить гибель Юмны около 1100 г.»

ГЛАВА 100

ОТКРЫТИЕ ГРЕНЛАНДИИ ЭЙРИКОМ РЫЖИМ

(981 или 982 гг.)

Страна, называемая Гренландией, была открыта и заселена из Исландии. Оттуда отправился в Гренландию Эйрик Рыжий из Брейди-фьорда; там он занял земли, которые с тех пор именуются Эйрикс-фьорд. Он дал стране имя, назвав ее Гренландией; он сказал, что люди захотят туда отправиться, если у страны будет красивое название. Они нашли на востоке и на западе страны следы жилья, а также остатки лодок и каменных орудий. Из этого видно, что туда приезжали люди того племени, которое населяет Винланд; гренландцы называют их скрелингами. Он отправился, чтобы обосноваться в Гренландии за 14 или 15 зим до того, как в Исландию пришло христианство. Так рассказал Торкелю, сыну Геллира, в Гренландии человек, который сам был в этом путешествии вместе с Эйриком Рыжим[1].

* * *

Эйрик Рыжий сказал, что собирается искать землю, которую видел Гунбьёрн, сын Ульфа Краке, когда его носило по морю западной Исландии и он открыл шхеры Гунбьёрна. Он заверил, что вернется к друзьям, когда найдет эту страну. Эйрик прошел под парусами мимо Снайфедльснеса в открытое море. Он достиг земли у центрального глетчера в том месте, которое зовется Блосерк [Черная рубашка]. Оттуда он поплыл вдоль берега на юг, чтобы выяснить, есть ли там жители. Первую зиму он провел на острове Эйрика, примерно в центре Восточной колонии. Следующей весной он вошел в Эйрикс-фьорд и выбрал себе там место для жилья. Летом он отправился к необитаемому западному побережью, пробыл там долгое время и дал наименования многим местам. Вторую зиму он провел на Эйриксхольме под Хварфснипой[2]. Третьим летом он плавал на самый север до Снайфедля и заходил

---

[1] Ari Thorgilsson Frode (1068—1130), Islendingabok. См. T. Stechе, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934, S. 36. [См. «Сага об Эйрике Красном», пер. С. Н. Сыромятникова, СПБ, 1890.— *Ред.*]

[2] На крайнем юге Гренландии.

в Храфнс-фьорд[1]. Тут он решил, что достиг самой внутренней части Эйрикс-фьорда, повернул назад и всю третью зиму пробыл на острове Эйрика перед входом в Эйрикс-фьорд.

Следующим летом он отправился в Исландию, в Брейди-фьорд. Зиму он провел там в Хольмлатре под Ингольфом. Весной Эйрик сражался с Торгестом и потерпел поражение. После этого между обоими был заключен мир. Летом Эйрик собрался в путь, чтобы заселить землю, которую он открыл. Он назвал ее Гренландией, так как полагал, что люди скорее будут стремиться туда, если у страны будет красивое имя... В то лето из Боргар-фьорда и Брейди-фьорда в Гренландию отплыло 25 кораблей, однако добралось туда только 14; некоторые возвратились, прочие же погибли. Это случилось за 15 лет до того, как было провозглашено христианство[2].

* * *

...Мы назначаем названного Ансгара, сына нашего, и его преемников легатами у всех соседних народов — шведов, датчан, норвежцев, на Фарерских островах, в Гренландии, Хельсингландии, Исландии, у скридефинов, славян и всех северо-восточных народностей [*in omnibus circunquaque gentibus Sueonum, Danorum, Noruehorum, Farrie, Gronlondan, Halsingelondon, Islandam, Scrideuindum, Slauorum nec non septentrionalium et orientalium nationum*], а также в ранее названных — и... обязываем и торжественно уполномочиваем его и его преемников проповедовать евангелие[3].

* * *

...Мы назначаем [как выше] легатами у всех народностей шведов, датчан, а также славян и повсюду в прочих частях тех краев. [*in omnibus quoque gentibus Sueonum sive Danorum necnon etiam Slauorum vel in ceteris ubicunque illis in partibus constitutis*][4].

В Гренландии, этом крупнейшем в мире острове, белые люди впервые высадились приблизительно на 200 лет позже, чем в Исландии. Возможно, хоть и маловероятно, что ее еще раньше издали видели с кораблей (см. гл. 91). Однако все делавшиеся в прошлом попытки доказать, что Гренландия была известна еще античному миру, следует признать чистой фантазией. В част-

---

[1] В южной холмистой части Хвамс-фьорда.

[2] H a u k, Landnamabok, см. T. S t e c h e, op. cit., S. 13 (и след.).

[3] Документ об учреждении Гамбургской архиепископской епархии, считавшейся прежде подлинной буллой папы Григория IV от 15 мая 834 г. См. J. M. L a p p e n b e r g, Hamburgisches Urkundenbuch, Hamburg, 1842, B. I, S. 10 (и след.).

[4] Подлинный текст этого документа см. G. D e h i o, Geschichte des Erzbistums Hamburg—Bremen, Berlin, 1877, B. I—II.

ности это относится к произвольному отождествлению Туле с Гренландией (см. т. I, гл. 20) или выдвижению каких-либо иных, подчас весьма странных гипотез.

Рекорд в этом отношении, несомненно, установила старинная, пользовавшаяся раньше большим авторитетом энциклопедия Эрша и Грубера. В ней предлагалось рассматривать упоминаемое Плинием[1] «море Кроноса», якобы находящееся в 1 дне плавания от Туле (см. т. I, гл. 20), как воды, омывающие Гренландию, поскольку между словами «Гренландия» и «Кронос» можно якобы предположить языковое родство[2]. В противовес этому следует со всей решительностью заявить, что до получения сообщений ирландских и норманских мореплавателей жители Европы *не могли* получить никаких сведений ни об Исландии, ни тем более о Гренландии. Непосредственно за открытием Гренландии последовала и ее колонизация.

Среди крупных колонизационных предприятий, известных в истории человечества, вряд ли можно найти что-нибудь более своеобразное, чем норманская колония на юго-западе Гренландии. В одной из самых неприветливых областей земного шара эта колония в течение почти 500 лет была процветавшим поселением, насчитывавшим временами до 12 церквей и несколько тысяч жителей. Она была резиденцией епископа и поддерживала оживленные торговые и другие связи с Исландией, Норвегией и даже с побережьем Америки. Подлинным государством, подобным Исландии, эта норманская колония не была. На ее примере, как и на примере других стран Крайнего севера, видно, что служащий для охраны собственности государственный аппарат оказывается излишним в редко заселенных районах. Между тем церковная и культурная деятельность достигла здесь, видимо, значительной самостоятельности и относительно высокого уровня развития[3].

На первый взгляд кажется немыслимым, чтобы нечто подобное могло появиться на земле, где прежде жили одни лишь дикие эскимосы. Ведь даже в новое время на этом острове, где нет ничего привлекательного для европейцев, всего 200 лет назад обосновалась кучка датских чиновников, священников и др.

Решение этой проблемы тесно связано с неоднократно обсуждавшимся вопросом, изменился ли к худшему климат Гренландии за последнее тысячелетие. Ответить на этот вопрос с уверенностью не представляется возможным. Нансен, который, бесспорно, был одним из крупнейших авторитетов в этой области, полагал, что климат почти не изменился и что распределение льдов у побережья, особенно на востоке, остается примерно таким же, каким

---

[1] Plin., N. H., IV, 104.

[2] Статья А. Вильгельма. См. Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, B. II, 12, S. 456.

[3] O. Bruun, The Icelandic Colonisation of Greenland, «Meddelelser om Grønland», København, 1918, B. LVII; N. W. Nissen, Die südwestgrönländische Landschaft und das Siedlungsgebiet der Normannen, 1924; F. Jonsson, On the Icelandic colonisation of Greenland, «Greenland publications by the Commission of geological and geographical investigation of Greenland», 1928, v. II, p. 333 (и след.).

оно было около 1000 г.[1] Той же точки зрения придерживается Ниссен[2]. Другие исследователи, напротив, приводят обоснованные доказательства ухудшения климата. Из современных ученых к этой группе относятся в первую очередь Петерсен[3], Нёрлунд[4] и Генцмер[5]. Эти исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время в Гренландии уже нельзя заниматься ни земледелием, ни коневодством, как это делали гренландские викинги. Далее они указывают на то, что часть норманских могил была вырыта в мягком грунте, который сейчас скован вечной мерзлотой. Главная гавань гренландских викингов Херьлфснес сейчас трудно доступна из-за льдов, да и вообще вся Восточная колония норманнов, находившаяся в южной части западного побережья, в настоящее время большую часть года отрезана от внешнего мира дрейфующими льдами. Между тем в X в. льды, дрейфовавшие вдоль восточного побережья к югу, еще не огибали западного побережья.

По мнению автора, Генцмер был прав, когда писал, что «Эйрик Рыжий, по всей вероятности, отплыл из Снайфедльснеса на западном побережье Исландии и взял курс на запад. Плывя в этом направлении, он беспрепятственно достиг Гренландии, затем продвигался вдоль ее восточного побережья на юг и, обогнув южную оконечность острова, вскоре прибыл в район, где позднее была основана Восточная колония. Если бы весь этот путь был забит льдами, то Эйрик вряд ли нашел бы людей, желавших поселиться в этой «Зеленой стране». Таков был путь Эйрика»[6].

Умеренное ухудшение климата происходило, видимо, главным образом в течение XIV в. На это указывает, во-первых, натиск перемещавшихся к югу эскимосов на Западную колонию норманнов, приведший к 1342 г. к ее ликвидации (см. т. III, гл. 150), и, во-вторых, относящаяся примерно к 1350 г. запись исландца Ивара Бардсена. Вот что в ней говорится:

«Из Снайфедльснеса в Исландии, откуда ближе всего до Гренландии, нужно плыть прямо на запад, и там находятся шхеры Гунбьёрна. Это старый морской путь. Однако теперь лед из залива на северо-востоке так близко подошел к этим шхерам, что никто не может плыть старым путем, не подвергая свою жизнь опасности»[7].

Когда Ивар Бардсен писал эти слова, свидетельствующие об уже происшедшем к тому времени (примерно к середине XIV в.) ухудшении климата Гренландии, климатические условия еще были там лучше, чем теперь. Это следует из сообщения того же Ивара Бардсена:

---

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 301.

[2] N. W. Nissen, Die südwestgrönländische Landschaft und das Siedlungsgebiet der Normannen, Hamburg, 1924.

[3] J. Petersen, Herjolfsnes-Fundet og de sidste Nordboer paa Grønland, «Nationalmuseets Bog om sjaelde Fund», Köbenhavn, 1925, S. 35.

[4] P. Nørlund, Wikingersiedlungen in Grönland, Leipzig, 1937, S. 38 (и след.), 119 (и след.).

[5] F. Genzmer, Die isländischen Erzählungen von den Winlandfahrten, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache», 1944, B. 67, S. 15.

[6] Ibidem, S. 15.

[7] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845. B. III, S. 259

«На вершинах холмов, а также в долинах растут фрукты, а именно яблоки, отличающиеся прекрасным ароматом. Там вызревает также пшеница лучших сортов».

Далее Ивар Бардсен сообщает, что эти районы Гренландии никогда не страдают от яростных бурь и что сильные морозы там бывают реже, чем в Исландии и Норвегии. Не исключено, что это сообщение написано в слишком розовых тонах. Впрочем, его достаточно, чтобы показать, что 600 лет назад условия для колонизации были более благоприятными, чем в настоящее время.

По утверждению Эгеде, в XVIII в. на западном побережье южнее 65° с. ш. было много карликовых деревьев и различных ягод. Там простирались тогда «тучные пастбища». Созревали также репа и капуста, так как лето иногда бывало «очень теплым», но ячмень уже не поспевал, потому что первые ночные заморозки часто случались даже в середине августа[1].

Современный исследователь Хаммерих высказал следующие соображения по поводу описания Ивара Бардсена. Принимая во внимание довольно богатые травостои во внутренних районах юго-западных фьордов, следует согласиться с возможностью развития животноводства у гренландских норманнов[2]. Крупнейшее хозяйство в Гардаре насчитывало около 150 коров. Однако Хаммерих считает, что высевавшиеся норманнами зерновые культуры вряд ли созревали. Но в таком случае непонятно, зачем же там сеяли злаки (преимущественно ячмень)? И как согласовать высказывание Хаммериха с совершенно определенным заявлением Ивара Бардсена о том, что «вызревает пшеница лучших сортов»?

Таким образом, вряд ли удастся избежать признания того, что в течение ряда веков наблюдалось некоторое ухудшение климата (правда, по последним данным, сейчас происходит *как будто* обратный процесс).

Вообще же следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Норманны того периода были вполне удовлетворены, если им удавалось найти пастбища для скота и богатые охотничьи угодья. И того и другого в Гренландии было достаточно, а на юго-западе, кроме того, они нашли много плавника, приносимого сибирскими реками в Северный Ледовитый океан. Гренландское течение гонит его вдоль восточного побережья к южной части острова и выбрасывает на берег по ту сторону южной оконечности мыса Хварф, на западном побережье.

Поскольку норманны нашли на узкой прибрежной полосе вдоль фьордов достаточно растительности (в первую очередь травы для скота) и пресной воды, их совершенно не интересовали особенности внутренних районов острова. Летом они отправлялись на север, в богатые зверем и рыбой районы, которые называли Нордрсетур. Там, главным образом между 68 и 72° с. ш., они промышляли бесчисленное множество моржей, тюленей, белых медведей,

---

[1] E g e d e, op. cit., S. 67—79.

[2] L. H a m m e r i c h, Aus nordischen Siedlungen in Grönland, «Kieler Blätter», 1941, S. 87. [О растительном покрове Гренландии интересную статью написал Т. В. Бёхер. См. сборник «Гренландия», Издательство иностранной литературы, 1953, стр. 143—160.— *Ред.*]

китов и лососей. Эскимосов, с которыми норманнам пришлось познакомиться, они презрительно называли «скрелингами» (хилыми)[1] и обычно не поддерживали с ними никаких сношений.

Рис. 7. Эстербюгд и Вестербюгд — норманские колонии в Гренландии. Неправильное изображение Иона Гудмундссона (около 1600 г.), воспроизведенное Торфеусом (1706 г.).

В те времена, когда норманны поселились в Гренландии, эскимосов, видимо, там еще не было. По имеющимся сведениям, эскимосы проникли в северо-западную часть Гренландии не ранее XI в., а возможно, еще позднее. Затем они постепенно продвигались по побережью на юг и лишь в XIV в. натолкнулись на поселения норманнов (см. т. III, гл. 150). Раньше между

[1] О населении Гренландии см. сборник «Гренландия», Издательство иностранной литературы, 1953, стр. 176—222 (статья Ларсена).— *Прим. ред.*

двумя народами не было почти никаких конфликтов. Норманны селились между 60 и 65° с. ш., а эскимосы — севернее 68°. Хотя районы норманских поселений назывались Восточной и Западной колониями, оба они находились (это часто упускалось из виду) на юго-западном побережье Гренландии. На это справедливо указывал еще Гумбольдт: «Старейшие колонии Эстербюгд и Вестербюгд в южной инспекции Юлианехоб»[1].

Кое-какие стычки, вероятно, происходили в охотничьих угодьях, но в течение долгого времени они не принимали серьезного характера, поскольку звери водились в таком изобилии, что их вполне хватало для всех.

Отношения между норманнами и эскимосами вплоть до XIII в. оставались если не дружественными, то по крайней мере «корректными». Необычайно мирный характер эксимосов, очевидно, значительно облегчил нахождение *modus vivendi*. К тому же норманны наверняка могли получить у «презренных скрелингов» разнообразные сведения по части плавания в полярных морях и охоте на полярного зверя. Лишь в XIV в., как мы покажем ниже, между норманнами и эскимосами сложились более враждебные отношения, и дело временами доходило до кровавых столкновений.

Дату отплытия Эйрика Рыжего можно установить довольно точно. Завербованные им переселенцы отправились из Исландии в Гренландию за «15 зим» до официального введения христианства в Исландии. Это произошло в 1000 г., одновременно с первым открытием Америки. Опираясь на эти факты, основание гренландской колонии следовало бы отнести к 985 г. Однако, как гласит предание, к тому времени уже прошли 4 зимы с тех пор, как Эйрик Рыжий впервые отплыл из Исландии в поисках новых земель. Поэтому вероятнее всего, что столь важная для науки экспедиция Эйрика была предпринята в 981 г. Торфеус, первый исследователь, занимавшийся проблемой Винланда, датировал открытие Гренландии 982 г., а ее колонизацию — 986 г.[2] Это также возможно, поскольку точно не известно, когда было введено христианство— в 1000 или в 1001 г. Могк, датирующий открытие 985 г.[3] упускает из виду, что колонизация, которая действительно началась за 15 лет до введения христианства в Исландии, могла развернуться только через 4 года после первой экспедиции. 985 год — это предположительная дата *колонизации*, а не *открытия* Гренландии.

Из источников следует, что еще до Эйрика Рыжего некие Снебьёрн Галти и Рольф из Раудесанда отправились из Исландии на запад в поисках «шхер Гунбьёрна», надеясь найти там новую родину[4]. Распри, закончившиеся убийством, оказались, видимо, причиной краха этой самой ранней попытки колонизации Гренландии[5].

---

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 353.
[2] Th. Torfäus, Groenlandia antiqua, Köbenhavn, 1706, p. 241.
[3] E. Mogk, Die Entdeckungen der Normannen in Nordamerika, «Geographische Zeitschrift», 1902, S. 591; J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg i. Br., 1902; The discoveries of the Norsemen in America, London, 1903.
[4] «Landnamabók», Kap. 122.
[5] K. Maurer, Die Bekehrung des nordischen Stammes zum Christentum, München, 1885, S. 204.

Нельзя оспаривать у Эйрика Рыжего славу первооткрывателя и колонизатора Гренландии. Однако нет никаких оснований утверждать, как это делают в последнее время американские ученые, что он добрался до самой Баффиновой Земли[1]. Тут чрезмерные оптимисты явно хватили через край. Если Эйрик Рыжий нашел в Гренландии то, что было целью всей его жизни, и блестяще справился со стоявшими перед ним задачами,— что же, спрашивается, могло заставить его без всякой необходимости пуститься в призрачные дали?!

Первоначально Эйрик и его спутники, несомненно, заселили только самые южные районы побережья Гренландии.

Когда же число переселенцев возросло, занятая норманнами территория постепенно растянулась на 5° широты вдоль западного побережья. Впрочем, отдельные населенные пункты и дворы зачастую находились на расстоянии нескольких дней пути друг от друга. Вот что пишет по этому поводу Хаммерих:

«В Гренландии были две (а может быть, и три) колонии — Восточная и Западная (Эйстрибюгд и Вестрибюгд). Но Эйстрибюгд был чрезвычайно разбросан: центр его находился в районе Гардара (Игалико) на Эйнарфьорде, а Браттахлид — на Эйрик-фьорде (Тунугдлиарфик); к ним примыкали селения на юге, например в районе Кетилль-фьорда (Тасермиут), а также на побережье, в частности Херьюлфснес (Икигайт). В двух днях пути от центра находилось маленькое разбросанное селение у Арнлауг-фьорда, то есть в районе Ивигтута. Вестрибюгд находился в современном округе Готхоб, вдоль внутренней части Ранга-фьорда и у Люсу-фьорда (Уярагссуит, Каписилик, Писигсарфик). Название «Западная колония» легко понять, если отправиться из Юлианехоба в Готхоб, так как в этом случае первые несколько дней приходится ехать в западном направлении»[2].

Итак, вся история открытия и колонизации Гренландии представляется совершенно ясной. Тем не менее следует остановиться еще на одном моменте, внесшем на некоторое время путаницу во всю рассматриваемую проблему.

Дело в том, что в архивах Ватикана хранится ряд документов, из которых как будто следует, что Гренландия была известна и *до* Эйрика Рыжего. Самый ранний из этих документов, булла Григория IV от 15 мая 834 г., учредившая Гамбургскую архиепархию, приведена выше среди оригинальных текстов. В ней *Gronlondan* перечисляется наряду с другими землями, входившими в Гамбургскую архиепархию. Опираясь на этот документ, некоторые ученые раньше считали, что Гренландия была открыта еще около 770 г. Такого мнения придерживается, в частности, датчанин Понтанус[3]. Это поразительное обстоятельство в свое время заставило многих ученых ломать себе голову. Объяснить его было тем труднее, что *Gronlondan* фигурирует также в папских буллах Анастасия III от января 912 г. и Иоанна X от 28 октября 920 г.[4]

---

[1] A. Fossum, The Norse discovery of America, Minneapolis, 1918, p. 46 (и след.).

[2] L. Hammerich, op. cit., S. 85.

[3] J. I. Pontanus, Rerum Danicarum historia, Amsterdam, 1631.

[4] J. M. Lappenberg, op. cit., S. 38 (и след.).

Даже такие осторожные исследователи, как Лаппенберг, пришли из-за этого к ошибочным выводам и сомнительным гипотезам. Так, например, Лаппенберг писал: «В американской Гренландии, как и в Исландии, когда норманны обосновались там, были обнаружены следы более раннего заселения; отсюда вытекает, что могли существовать более ранние связи между Гренландией и Северной Европой»[1].

Далее Лаппенберг полагает, что скандинавы, возможно, плавали туда «еще во времена Ансгара» и уже тогда назвали страну Гренландией. Впрочем, наряду с этим объяснением он не исключает и иное решение загадки, допуская, что *Gronlondan*, упоминаемая в папских буллах 834, 912 и 920 гг., была вовсе не нашей современной Гренландией, а областью на юге Телемарка (Норвегия), которая действительно называлась *Grünland* и неоднократно выступает под этим наименованием в средневековом литературном германском эпосе «О сражении воронов»[2], а также в «Парсифале» Вольфрама[3]. В связи с этим Вильгельм Гримм отметил, что «Грюнландом называлась область в Норвегии»[4].

Такое предположение представляется тем более правдоподобным, что именно *эту* «Гренландию» Римберт как раз во времена Ансгара называл *Gronlandia*[5]. Область эта упоминается также в «Младшей Эдде» и в «Историях о королях» Снорри. Последний именует ее *Grönlandsfylki*.

Вся эта гипотеза Лаппенберга позднее оказалась ненужной. Уже после смерти этого исследователя были найдены оригинальные документы, благодаря которым выяснилось, что папские грамоты IX и X вв., заставившие Лаппенберга строить различные гипотезы, представляют собой позднейшую подделку[6]. Она была сделана, видимо, гамбургским архиепископом Фридрихом в конце 1122 г. в период между Вормским конкордатом (23 сентября 1122 г.) и открытием первого Латеранского собора (18 марта 1123 г.). Этой подделкой Фридрих пытался обосновать свои чрезмерные требования об увеличении архиепархии[7]. Предположение о подделке было еще в XVIII в. высказано Форстером[8], а затем оно много обсуждалось и отчасти оспаривалось в наше время[9]. Однако твердо исключается возможность того, что в 834 г. папе римскому были уже известны Исландия и Гренландия в современном значении этих названий.

Первыми, несомненно подлинными папскими документами, в которых упоминается Гренландия, были буллы Льва IX от 6 января 1053 г., Виктора II

---

[1] J. M. Lappenberg, op. cit., S. 790.

[2] W. Grimm, Die deutsche Heldensage, Göttingen, 1829, S. 197.

[3] K. Pannier, Parzival, «Reclams Universalbibliothek», 3681—3684; B. 1, S. 1444; B. II, S. 864; B. XVI, S. 584.

[4] W. Grimm, op. cit.

[5] «Monumenta Germaniae Historica», SS II, p. 765.

[6] G. Dehio, Geschichte des Erzbistums Hamburg—Bremen, Berlin, 1877, B. I—II.

[7] Ibidem, S. 41.

[8] J. R. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O., 1784, S. 120.

[9] W. M. Peitz, Untersuchungen zu Urkundenfälschungen des Mittelalters, I «Die Hamburger Fälschungen», Freiburg i. Br., 1919.

от 29 октября 1054 г. и Иннокентия II от 27 мая 1133 г. Дословный текст этих документов также приводится в Гамбургском собрании письменных памятников Лаппенберга[1]. В самой ранней из них Гренландия названа в следующей связи: *in ommbus gentibus Sueonum seu Danorum, Noruuehorum, Islant, Scrideuinum, Gronlant* [во всех племенах свеонов или данов, норвежцев, Исландии, скридевиев, Гренландии.—*Ред.*]. Последняя булла уже была косвенным результатом подделки, совершенной архиепископом Фридрихом. По просьбе немецкого короля Лотаря Суплинбургского она подтверждала духовную власть гамбургского архиепископа над всеми землями: «*Daniae, Swediae, Norueiae, Farriae, Gronalandiae, Halsingaldiae, Islandiae, Scridivindiae et Slavorum*»[2] [Дании, Швеции, Норвегии, Фарер, Гренландии, Хальсингальдии, Исландии, Скридивиндии и славян.— *Ред.*].

Однако в 1206 г. Гренландия вместе с другими дальними островами в океане (*insulae Fareiae Suthraiae et Islanden et Grenelandiae*[3] [острова Фарерские, Сутрейские, Исландские и Гренландские.— *Ред.*]) была включена буллой папы Евгения III от 15 февраля 1206 г. во вновь образованную Тронхеймскую архиепархию.

Итак, на вопрос о том, могла ли Гренландия быть известной в Европе и даже при папском дворе еще до экспедиции Эйрика Рыжего, дается отрицательный ответ. Приоритет открытия в 981 г. неоспорим[4].

Позднее иностранные мореходы, которые приплывали в Гренландию (особенно к ее пустынному восточному побережью) и нередко из-за льдов не в состоянии были высадиться на берег, никак не могли понять, почему такой неприветливый, холодный остров назван «Зеленой землей» (*Grünland*). В результате возникли новые, весьма забавные толкования этого названия, свидетельствующие о той необузданной фантазии, которая зачастую проявлялась в области этимологии.

Вот что писал, например, Кранц в 1546 г.: «Живущие там [в Гренландии] люди приобрели благодаря вечно плещущему морю синевато-зеленоватую окраску. Поэтому страна и получила свое название»[5].

---

[1] J. M. L a p p e n b e r g, op. cit., S. 74, 77, 132 (и след.).

[2] J a f f é-E w a l d, Regesta pontificum Romanorum, Leipzig, 1885, t. 1, No 7622, p. 860.

[3] J. M. L a p p e n b e r g, op. cit., S. 186 (и след.).

[4] Об открытии Гренландии см. сборник «Гренландия», Издательство иностранной литературы, 1953, стр. 27—33 (статья Биркет-Смита).—*Прим. ред.*

[5] A. K r a n t z, Chronica regnorum aquilonarium Daniae, Suetiae, Norwegiae, Strassburg, 1546, p. 592.

ГЛАВА 101

ЯПОНЕЦ ТЁНЕН В КИТАЕ И ПРОБЛЕМА СТРАНЫ ВАКВАК

(984 г.)

Эта страна [Япония] с конца Ханьской эпохи поддерживала отношения с Китаем и направляла к нашему двору посольства с данью при династиях Вэй, Сун, Суй и Тан. В первом году Юн-си нынешней династии [984 г.] в Китай морским путем прибыл японский бонза, по имени Тяо-янь [Тёнен], в сопровождении 5 или 6 своих учеников и привез дары, из которых особенно ценными были 10 изделий из бронзы чрезвычайно искусной работы. Император Тай-цзун повелел предоставить ему аудиенцию...

[Тяо-янь (Тёнен) описывает Японию]:

Земля родит пять видов злаков, но пшеницы там растет мало. Для торговли мы пользуемся медными монетами, на которых нанесена надпись Цянь-юань да-пао. У нас в изобилии водятся водяные буйволы, ослы и овцы, а также носороги [?] и слоны [?]. Отечественный продукт — шелковая пряжа, из которой мы изготовляем красивые мягкие шелковые ткани, весьма подходящие для одежды[1].

* * *

Все мусульмане, приезжающие в страну по названию ал-Сила, которая расположена на краю Китая и богата золотом, поселяются там и не возвращаются более на родину[2].

* * *

За Китаем нет больше никаких известных и уже описанных стран и земель, за исключением страны эс-Сила и близлежащих островов. Люди, попавшие туда из Ирака или из других западных стран, редко возвращаются обратно: такой здоровый там воздух, так хороша вода, так плодородна земля, такое изобилие всяческих богатств. Жители поддерживают хорошие отношения с населением Китая и его повелителями, которым они постоянно шлют дары...

---

[1] Сообщение Чжао Ю-гуа. См. T s c h a u J u-K u a, Tschu-fan-tschi, ed. Fr. Hirth, W. W. Rockhill, St. Petersburg, 1911, p. 171 (и след.).

[2] Сообщение Ибн-Русте около 903 г.

Весьма редко случается, чтобы кто-нибудь из жителей покинул свою родину[1].

В китайских источниках особо подчеркивается, что появление японца Тёнена в Китае в 984 г. было чрезвычайно важным событием. Причины этого не совсем ясны, так как контакты между Китаем и Японией неоднократно наблюдались и раньше (см. т. I, гл. 50, т. II, гл. 70 и 73). Много раз происходил обмен посольствами: «между обоими берегами существовали торговые связи[2], временами даже велась «оживленная торговля»[3]. В 608 г. дело дошло до посылки в Китай японской ученой комиссии. Еще в 199 г. китайское посольство во главе с принцем Го-мань (?) якобы привезло в Японию коконы шелкопряда в качестве «дани»[4].

Кроме того, в хронике «Вэйши», относящейся к периоду до 300 г. н. э., рассказывается, что японцы «путешествуют, пересекают море и посещают Срединное царство»[5].

Далее, как установлено Находом, только между 400 и 632 гг. Китай посетило не менее 8 японских посольств[6].

В 663 г. из-за споров о Корее между обеими странами вспыхнула война, в ходе которой был уничтожен японский флот, насчитывавший 400 кораблей, а Корея была захвачена Китаем. К тому же китайская культура оказала на Японию огромное влияние, особенно после того, как буддизм стал господствующей религией в островной империи (см. гл. 70).

Даже араб Масуди сообщает в своем труде (около 943 г.) о дружественных отношениях, издавна сложившихся между Китаем и Японией[7].

Однако похоже, что начиная примерно с 900 г. в Японии возобладали изоляционистские тенденции, аналогичные тем, которые господствовали с XVII по XIX в. С 895 г. Япония прервала дипломатические отношения, а также, видимо, всякие другие связи с Китаем[8]. Выезд из Японии был запрещен под страхом смертной казни; страна была закрыта для иностранцев. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняются сообщения арабов Ибн-Русте и Масуди, относящиеся к X в. (см. цитаты в начале главы), о том, что никто не возвращается из «Силы». Арабы и до катастрофы 878 г., в период расцвета их морских связей с Китаем, вряд ли когда-либо бывали в Корее и Японии и располагали самыми поверхностными сведениями об этих странах.

---

[1] Сообщение Масуди. См. M a s u d i, Les prairies d'or, ed. Barbier de Meynard, Pavet de Couteille, Paris, 1861, t. I, p. 346.

[2] F. E. A. K r a u s e, Geschichte Ostasiens, Göttingen, 1925, B. I, S. 147 (и след.).

[3] Ibidem, B. I, S. 225.

[4] H. S i l b e r m a n n, Die Seide, Dresden, 1897, S. 8.

[5] A. W e d e m e y e r, Frühgeschichte Japans, Tokio, 1930, S. 180.

[6] G. N a c h o d, Geschichte von Japan, Gotha, 1906, S. 383 (примечание 3).

[7] M a s u d i, Meadows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841, v. I, p. 358.

[8] F. E. A. K r a u s e, op. cit., B. I, S. 238.

Как сообщает Масуди, они называли Корею «Сила» или «Шола» (по имени находившегося там государства Силла), а Японию — «Ваквак». Среди ученых нет единого мнения о происхождении этого странного названия. Краузе полагает, что «Дахо», как китайцы именовали японскую провинцию Ямато, превратилось в южнокитайском произношении в «Вакок»[1], а затем в устах арабских купцов — в «Ваквак»[2]. Хирт, напротив, производит это название от японского Ва-коку (царство Ва)[3]. Оба этих толкования не были обоснованы доказательствами.

Над названием «Ваквак» ломали себе головы многие ученые. Некоторые из них предлагали совершенно фантастические объяснения. Мы сталкиваемся с ними еще в арабской литературе XII в. у Идриси, по мнению которого это слово заимствовано из языка попугаев и обозначает «дерево, встречающее всех, кто высаживается на берег, криком уак-уак»[4]. У Бируни (XI в.) даже говорится, что на этом дереве растут не то человеческие головы, кричащие «вак-вак»[5], не то юные девы, которые в июне падают с деревьев и умирают, издавая при ударе о землю звук «вак-вак». Гиллэн пытался произвести это слово от названия негритянского племени макуа, живущего в Восточной Африке[6]. Другие исследователи связывали Ваквак с растущим на Суматре пандапусом (*Pandanus*), называемым ваква (по-французски — vaquoi).

Местонахождение Ваквака тоже было предметом научных споров. Его помещали то в Восточную Азию, то в Восточную Африку. Несмотря на прямое указание Ибн-Хордадбеха (IX в.) на то, что Ваквак находится «к востоку от Китая»[7], Пешель уже в наше время утверждал, что Ваквак следует искать только в Восточной Африке, поскольку Масуди в X в. считал, что он граничит с Занзибаром[8], а Идриси в XII в. помещал его в районы, примыкающие к побережью Софалы[8].

Вопрос настолько запутан, что Миллер, комментатор Идриси, категорически отнес Ваквак к «области предания» и заявил, что это название не имеет ничего общего с Японией и Японскими островами[9].

Все эти попытки дать удовлетворительное объяснение оказались тщетными. Загадка была решена лишь благодаря чрезвычайно солидному исследованию Феррана[10].

Оказывается, в самом деле существовали две различные страны Ваквак — «Ваквак на юге (африканский Ваквак)» и «Ваквак на востоке —

---

[1] Ibidem, B. I, S. 222.

[2] Все упоминания о Японии в древней китайской литературе приводятся в гл. 398—399 энциклопедии «Тушуцичен».

[3] Сообщение Чжао Ю-гуа. См. op cit., S. 172 (примечание 1).

[4] E d r i s i, pars X, clim. 1.

[5] M. R e i n a u d, Fragments arabes et persans, «Journal Asiatique», 1844, t. VIII, p. 239.

[6] C. G u i l l a i n, Description d'un voyage à la côte orientale de l' Afrique, Paris, 1929, t. I, p. 231.

[7] M a s u d i, Les prairies d'or, ed. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille, Paris, 1861, t. I, p. 233.

[8] E d r i s i, ed. Jaubert, t. I, p. 79.

[9] K. M i l l e r, Mappae Arabicae, Stuttgart, 1927, t. II, p. 171.

[10] «Enzyklopädie des Islam», Leipzig, 1924, S. 1196 (и след.).

(китайский Ваквак)». Мы отсылаем к работе Феррана всех желающих познакомиться с чрезвычайно многочисленными упоминаниями о Ваквак в арабской литературе, а также с легендами, распространявшимися про оба района. Примером может служить сообщение Казвини о том, что в Ваквак «обезьяны носят золотые ожерелья, а собак держат на золотых цепях»[1]. С исторической точки зрения наибольший интерес представляют причины, по которым две столь отдаленные друг от друга области земного шара прослыли страной Ваквак. Дело в том, что арабские географы были введены в заблуждение Птолемеем, считавшим Индийский океан внутренним морем. Поэтому арабы во главе с Идриси придерживались того мнения, что южнее экватора береговая линия Африки поворачивает на восток и образует колоссальную дугу «Южного континента», которая огибает Зондские острова и достигает широты Японии. Из-за этой грубейшей ошибки название «Ваквак», относившееся первоначально только к району Японии, постепенно стало все в большей степени служить для обозначения побережья Южной Африки. Ведь, как отмечал еще Миллер, арабы считали, что самые отдаленные области Африки находятся вблизи Японских островов, которые, собственно, и были страной Ваквак[2].

Этимологию самого слова «Ваквак», как кажется автору этих строк, лучше всего объяснил проф. Леерс. В адресованном автору письме от 19 июля 1943 г. он сообщает, что по-японски «ва коку» означает «наша страна».

Можно предположить, что первоначально словосочетание было искажено китайцами, а затем арабы, часто бывавшие в китайских портах, превратили его в «Ваквак». Это название служило у них для обозначения как самой Японии, так и якобы находившейся поблизости Юго-Восточной Африки.

Предложенное Хиртом объяснение этимологии этого слова, видимо, было правильным. Неожиданное прибытие японского бонзы Тёнена в столицу Китая в 984 г. произошло после длительной добровольной изоляции Японии, вызванной или по крайней мере усиленной тяжелой междоусобицей в стране. Весьма радушный прием, оказанный Тёнену, объясняется тем, что в этом событии усматривали стремление Японии отказаться от положения «страны на замке».

Согласно имеющимся сообщениям, среди сопровождавших Тёнена лиц находился и один представитель древнего населения Японии — айнов, привлекший к себе особое внимание своими длинными курчавыми волосами. Можно полагать, что Тёнен занимался в Китае торговыми делами, и самым дорогим его товаром были, вероятно, особо упоминаемые в источниках прекрасные изделия из бронзы. Он был принят в Китае с большими почестями и удостоился аудиенции у самого императора. Очевидно, именно поэтому Наход решил, что Тёнен был «послом» японского императора[3]. Это вовсе не вытекает из сообщения Чжао Ю-гуа, ибо подарки императору нередко преподносили и частные лица, особенно купцы. Вряд ли посол взял бы с собой в Китай «учеников» и тем более айна—представителя чужой расы. Впрочем, по каким-

[1] Сообщение Казвини. См. Gildemeister, Scriptores Arabum de rebus Indicis loci, Bonn, 1838, p. 197.
[2] K. Miller, op. cit.
[3] G. Nachod, Geschichte von Japan, Gotha, 1906, S. 60.

то неясным для нас причинам айны и раньше включались в состав японских посольств, отправлявшихся в Китай, в частности в 650 г.[1]

Особую ценность представляют сведения, которые Тёнен сообщил китайцам о своей родине и ее учреждениях. То, что он говорит об употреблении в Японии медных денег, совпадает с другими данными, согласно которым металлические деньги были известны в Японии с 486 г., а медные — с 708 г.[2] Впрочем, следует иметь в виду, что с 958 по 1587 г. в Японии вообще не чеканили монет[3].

Отдельные явно ложные сведения, содержащиеся в рассказе Тёнена (например, сообщение о наличии носорогов и слонов в Японии), конечно, не могут быть поставлены в вину ему самому. Видимо, китайцы неверно поняли некоторые сообщения Тёнена или переводчик допустил ошибки, которые тот не заметил, ибо вряд ли владел китайским языком[4]. Нельзя слишком строго относиться к подобным ошибкам, совершенным в те времена, когда неведомым дальним странам любили приписывать всяческие чудеса. К таким небылицам относится и бытовавшая вплоть до XVI в. легенда о том, что Чипангу (Япония) является богатейшей «Страной золота»[5].

В Японии никогда не добывалось золото. Заблуждение это, возможно, было вызвано большим количеством позолоченных и покрытых бронзой крыш на японских храмах. Именно такие ложные представления о несметных сокровищах чужих земель обычно чрезвычайно упорно держатся в умах. Человек лишь с большим трудом отрешается от дорогих ему иллюзий и очень хочет, чтобы и другие верили в их реальность.

---

[1] G. Schlegel, Fou-sang Kouo, «Problèmes Géographiques», Leiden, 1892, p. 30.

[2] Aston, Nihongi, London, 1896, v. I, p. 360, 391; v. II, p. 414.

[3] N. G. Munro, Coins of Japan, p. 75 (и след.).

[4] G. Nachod, op. cit., p. 22.

[5] Одной из жертв этого заблуждения стал Колумб, который искал якобы изобилующую золотом Чипангу (Японию) едва ли не с большим рвением, чем Катай (Китай). После того как на Гаити были обнаружены незначительные золотые россыпи и даже золотые копи, Колумб пребывал в полной уверенности, что этот его остров Эспаньола и есть не что иное, как Чипангу.

ГЛАВА 102

ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ, ПОСЕТИВШИЕ АМЕРИКУ

(985 г.)

Бьярни прибыл на своем корабле в Эйрар [Исландия] летом того самого года, весной которого его отец ушел в плавание... И его дружина обратилась к нему [Бьярни в Исландии], спрашивая, что он собирается предпринять, и он ответил... «Я намерен отправиться в Гренландию, если вы захотите плыть вместе со мной». Все сказали, что отправятся с ним. Тогда сказал Бьярни: «Неразумным сочтут все наше плавание, ибо никто из нас не бывал на Гренландском море». Все же они вышли в море, как только закончили все приготовления, и плыли трое суток, пока земля не исчезла за волнами. Тут попутный ветер улегся, подул северный ветер и лег туман, так что они не знали, где находятся, и длилось это много дней. Потом они вновь увидели солнце и смогли определить все восемь стран света. Они подняли паруса и плыли весь этот день и еще ночь, а затем увидели землю.

Они стали обсуждать друг с другом, что это за земля, но Бьярни сказал, что это не может быть Гренландия. Они спросили его, намерен ли он плыть к этой земле. Он отвечал: «Мой вам приказ — приблизиться к земле». Так они и поступили и вскоре увидели, что земля эта плоская и покрыта лесом, а на ней возвышаются небольшие холмы. Они прошли мимо этой земли, оставив ее слева. Затем они плыли двое суток и вновь увидели землю. Они спросили Бьярни, не думает ли он, что это Гренландия. Он сказал, что и эта земля вряд ли Гренландия, «ибо в Гренландии, как рассказывают, много больших ледников». Вскоре они приблизились к земле и увидели, что она ровная и покрыта лесом. Попутный ветер прекратился, и мореплаватели решили, что разумнее всего будет пристать здесь к берегу, однако Бьярни не захотел этого. Они заявили, что необходимы дрова и питьевая вода. «У вас всего достаточно»,— сказал Бьярни. Хотя его люди возражали ему, он велел поднять паруса, и приказ этот был выполнен. Они повернули в открытое море, шли трое суток при юго-западном ветре и затем в третий раз увидели землю. Однако земля эта была возвышенная и увенчана горами и ледниками. Они спросили Бьярни, не хочет ли он высадиться здесь, но он ответил: «Нет, не хочу, ибо земля эта кажется мне неподходящей». Они не стали убирать паруса, поплыли вдоль берега и увидели, что это остров. И они

вновь повернулись кормой к берегу и снова при том же ветре вышли в открытое море.

Однако тут ветер очень усилился. Тогда Бьярни велел убрать паруса, оставив их не больше, чем могли выдержать корабль и снасти. Они плыли еще четыре дня и затем в четвертый раз увидели землю. Они спросили Бьярни, не думает ли он, что это Гренландия. Бьярни ответил: «Эта земля похожа на то, что мне рассказывали о Гренландии. Здесь мы высадимся на берег». Так они и поступили и вскоре пристали к какой-то косе. Там лежала лодка, а неподалеку от косы жил Херьюлф, отец Бьярни. Мыс этот получил его имя и называется с тех пор мысом Херьюлфснес[1].

Если исходить из того, что «Рассказ о гренландцах» может рассматриваться в качестве исторически достоверного источника, первооткрывателем Америки окажется не Колумб и не знаменитый скандинав Лейф, сын Эйрика Рыжего, которому в Бостоне в 1887 г. поставили дорогой памятник, а никому не известный и нигде более не упоминаемый Бьярни, сын Херьюлфа. О Бьярни сообщается, что он, совершая первое плавание из Исландии в Гренландию, в тумане проплыл мимо этого острова и оказался значительно западнее, у берегов Северной Америки. На берег, однако, Бьярни якобы не высаживался, хотя команда и просила его об этом. Такое странное поведение, видимо, и лишило его исторической славы. Еще современники Бьярни не могли понять, почему он не проявил никакого интереса к открытой им земле. В саге говорится, что Бьярни по возвращении на родину, в Норвегию, рассказал о своем «открытии» на Западе и получил порицание за то, что безразлично отнесся к столь значительному открытию[2].

Очевидно, лишь под влиянием рассказа Бьярни Лейф, сын Эйрика Рыжего, решил пуститься на поиски обнаруженной страны и первым из европейцев ступить на американскую землю (см. гл. 104).

Однако появившийся между 1163 и 1263 гг. «Рассказ о гренландцах», вошедший также в хронику Флатея, относящуюся к XIV в., не может считаться безоговорочно достоверным историческим источником. Ведь в скандинавских сагах «действительность и фантазия» тесно переплетаются. «Каждая исландская сага — это смешение достоверного и вымышленного. При оценке их главное выяснить, в какой семье создавалась та или иная часть саги»[3]. Во всяком случае, весь этот немудреный рассказ достоверен не в меньшей степени, чем многие другие произведения фольклора, и внушает, по крайней мере в основной части, абсолютное доверие. Правда, Сторм в своем капитальном исследовании, посвященном проблеме Винланда[4], отнесся с недове-

---

[1] «Рассказ о гренландцах». См. «Thule», B. 13, S. 33 (и след.); T. S t e c h e, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934, S. 17 (и след.).

[2] «Thule», B. 13, S. 35.

[3] T. S t e c h e, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934, S. 6.

[4] G. S t o r m, Studier over Vinlandsreiserne, Vinlands geografi og ethnografi, «Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie», Köbenhavn, 1887, 2te Reihe, B. II.

рием к описываемым событиям, поскольку рассказ о Бьярни не согласуется с самым ранним историческим источником об открытии Америки Лейфом, сыном Эйрика Рыжего, в «Хеймскрингле» (см. цитаты в гл. 104). В этом источнике сообщается, что сын Эйрика Рыжего открыл Винланд случайно, поскольку целью его плавания была Гренландия, но он отклонился к западу от курса из-за плохой погоды. Больше об этом плавании ничего не сообщается; не сказано даже, высаживался ли Лейф на берег или нет. Недавно к скептической точке зрения Сторма присоединился и Краузе[1].

Рассмотрим все же сначала рассказ о Бьярни, поскольку он зародился в Гренландии, то есть в стране, имеющей самое непосредственное отношение к описываемым событиям.

Не известно, в каком именно месте Бьярни увидел американский берег. Риттер считал, что речь может идти о том участке побережья, где ныне расположен Нью-Йорк[2]. Гипотеза Рафна[3] о том, что Бьярни, вероятно, видел те же земли, что и Лейф, только в обратном порядке (то есть Массачусетс или Род-Айленд, Новую Шотландию и Ньюфаундленд, возможно, также и о-в Диско), совершенно произвольна и маловероятна. Однако Рёйтер заимствовал эту трактовку у Рафна, дав ей следующее обоснование:

«Поскольку Бьярни, изменив курс, то есть повернув к северу, уже через сутки плавания увидел землю, то, судя по карте, это могла быть лишь южная часть побережья Новой Шотландии или Ньюфаундленда»[4].

В последнее время Штехе детально занимался этим вопросом и пришел к следующему выводу:

«Полоса суши, которую увидел Бьярни, сын Херьюлфа, может быть лишь частью восточного побережья Ньюфаундленда, поскольку она была покрыта лесом. Затем он лег на обратный курс и пошел с попутным юго-западным ветром к Гренландии; почти в середине пути он увидел остров, весь покрытый ледниками. Однако между Гренландией и Ньюфаундлендом нет никаких островов, а на восточном побережье Лабрадора нет ледников. Вероятно, Бьярни, сын Херьюлфа, видел один из огромных, покрытых моренными отложениями айсбергов, которые летом медленно относит течением от северных берегов Гренландии к югу.

У основания движущегося с севера на юг айсберга юго-западный ветер должен был вызвать прибой, что и обусловило ошибочное представление об острове, сложившееся у Бьярни и его матросов»[5].

---

[1] «Göttinger Gelehrte Anzeigen», 1939, S. 54 (и след.).

[2] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, СПБ, 1864, стр. 168.

[3] C. Ch. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 413, 421 (и след.). [Извлечения из труда Рафна «Американские древности» были переведены на русский язык и опубликованы под названием «Об открытии Америки в X веке». См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, ч. 19, стр. 239—273.— *Ред.*]

[4] O. S. Reuter, Altgermanische Himmelskunde, München, 1934, S. 163 (примечание).

[5] T. Stechе, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934, S. 61 (примечание 3).

Генцмер, также посвятивший Бьярни, сыну Херьюлфа, детальное исследование, приходит к несколько иному выводу. В то время как Краузе называет рассказ о плавании Бьярни шаблонным и поверхностным (по мнению автора, без всяких оснований), Генцмер указывает:

«Вероятно, в основе своей рассказ о плавании Бьярни содержит все же достоверные факты»[1].

Такого же мнения придерживается Бреггер[2].

Генцмер предполагает, что Бьярни дошел до Баффиновой Земли на севере и что увиденным им там островом мог быть Резольюшен или Локс-Лэнд. Главным доказательством, подтверждающим эту точку зрения, он считает тот факт, что Бьярни на третьей из увиденных им земель заметил ледники, которых нет на Лабрадоре, в противоположность Баффиновой Земле. Во всяком случае, Генцмер решительно утверждает, что сообщения саги о плавании Бьярни «поразительно точно отражают действительные географические условия района[3].

Бесспорно, приятному своей незамысловатостью рассказу о Бьярни, сыне Херьюлфа, совсем не присущи внутренние противоречия или явный налет фантастики. Между тем про рассказ «Хеймскринглы» об открытии Америки Лейфом, сыном Эйрика Рыжего, которому Сторм отдает предпочтение, этого не скажешь без существенных оговорок. Во всяком случае, в нем есть одна деталь, которая внушает такие серьезные подозрения, что вынуждает нас поставить под сомнение весь ход событий.

Следует напомнить тот факт, что скандинавы в XI в. еще не знали компаса. Следовательно, если они из-за штормов и продолжительных туманов попали в неизвестные воды, то остается непонятным, как им вообще удалось исправить ошибку, не имея отправных навигационных данных.

Когда Наддод или Гардар попали в неизвестную тогда европейцам Исландию, для них не составляло труда отыскать обратный путь в Норвегию: любая суша, попадавшаяся им навстречу, когда они плыли на восток, оказывалась знакомой страной, от которой они могли легко проложить дальнейший курс к берегам своей родины. Между тем, если самому искусному современному моряку поставить задачу добраться из какой-либо точки в Северной Атлантике до южной оконечности Гренландии, плывя все время прямо на восток без компаса и прочих современных приборов, он сможет выполнить эту задачу только при особенном везении. Как же Лейф, для которого незначительное отклонение от цели означало верную гибель, мог с уверенностью одержимого проложить правильный курс в незнакомых морях? В «Хеймскринглe» об этой исключительной удаче не говорится ни слова. Как о чем-то само собой разумеющемся сообщается только, что Лейф, увидев незнакомый берег, тотчас лег на обратный курс. При этом он так уверенно ориентировался в никому не ведомых морях Запада, что сразу же нашел путь к берегам

[1] F. Genzmer, Die isländischen Erzählungen von den Winlandfahrten, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache», 1944, B. 67, S. 45 (и след.).
[2] A. W. Brögger, Winlandfahrten, Hamburg, 1939, S. 7 (и след.).
[3] F. Genzmer, op. cit., S. 46.

Гренландии. Напротив, в аналогичном рассказе о Бьярни, сыне Херьюлфа, подчеркивается как исключительно счастливое совпадение тот факт, что моряки после долгих блужданий в незнакомых морях бросают якорь у берегов Гренландии. Как раз в том пункте, на поиски которого они отправились из Исландии.

В остальном же приключения Бьярни и Лейфа поражают своим сходством: и тот и другой начинают плавание в Норвегии, чтобы попасть к западным берегам Гренландии; сбиваются с курса и оказываются гораздо западнее Гренландии; видят берег незнакомой страны и не обращают на нее никакого внимания, продолжая дальше свой путь. Обоим им удается, плывя на север, куда глаза глядят, избежать верной гибели и добраться до того единственного участка побережья Гренландии, на котором обитали их земляки... Совпадения эти так разительны, что напрашивается вопрос, а не описывается ли в обоих источниках один и тот же исторический факт, причем меняется лишь имя главного действующего лица? «Рассказ о гренландцах» — гренландского происхождения, а родина «Хеймскринглы» — Исландия.

Однако, по свидетельству Неккеля, оба источника возникли независимо друг от друга; они представляют собой «раздельное развитие одного и того же предания»[1]. Следовательно, если описание каких-либо событий в обоих источниках совпадает во всем (за исключением имен), то это служит убедительным доказательством достоверности описываемых событий. Очевидно, они устно передавались из поколения в поколение, пока в конце концов не были записаны.

Имена героев с течением времени были перепутаны или намеренно изменены, но описание их приключений совпадает. А ведь для установления подлинности событий это самое главное. По мнению автора, Рёйтер прав, утверждая: «Весьма возможно, что в предании о первом человеке, увидевшем берег Американского континента, имя Бьярни, сына Херьюлфа, было в 986 г. заменено на христианское имя Лейфа»[2].

«Рассказ о гренландцах» был записан лишь в 1380 г.[3], однако устное предание восходит к XI в. Этот источник, бесспорно, дает не только более точное описание деталей, чем «Хеймскрингла», но и излагает их гораздо логичнее. Поэтому он производит более убедительное впечатление, чем более древний и слишком схематичный рассказ из «Хеймскринглы», которая, правда, была записана на полтора столетия раньше.

Если отнестись к ней с большим доверием лишь по причине ее древности, то и в этом случае не удастся приписать честь открытия Америки Лейфу, поскольку его общение с Новым светом было таким же незначительным и случайным эпизодом, как у Бьярни. А ведь первооткрывателем Америки считается Лейф, несмотря на то что Бьярни побывал там до него, потому что Лейф якобы первый *отправился на розыски новой земли*, ступил на эту землю и исследовал ее.

---

[1] G. Neckel, Die erste Entdeckung Amerikas durch die Normannen, Leipzig, 1934, S. 36.
[2] O. S. Reuter, op. cit., S. 145.
[3] G. Neckel, op. cit., S. 26.

Но это еще не все. Все первооткрыватели Америки около 1000 г. либо постоянно жили в Гренландии, либо останавливались там на длительное время. Поэтому здесь должны были сохраниться более точные сведения о событиях, чем в Исландии, до которой доходили лишь отдельные отрывочные сообщения из Гренландии. «Рассказ о гренландцах» ссылается к тому же на свидетельство некоего Торфинна Карлсефни, бывшего первоисточником предания и лично знавшего всех главных героев. Поэтому восходящее к нему устное предание представляется более надежным историческим документом, чем исландский вариант, полученный из третьих рук. Лейф Счастливый, прославленный герой, открывший Винланд, разумеется, был гораздо более известной по литературным преданиям личностью, чем нигде более не упоминаемый Бьярни, сын Херьюлфа.

Поэтому более поздние рассказчики склонны были приписывать честь открытия Америки именно Лейфу, и только ему одному. Но рассказ, в котором безвестный путешественник выдвигается в один ряд с прославленным героем, *a priori* внушает тем большее доверие, что он сохранялся веками среди потомков самого Лейфа. Автор этих строк полагает, что рассказ о Бьярни настолько достоверен, насколько вообще это можно ожидать от изустного народного предания. Неккель тоже считает, что «рассказ этот не вымышлен. Какой смысл был подменять Лейфа никому не известным Бьярни, сыном Херьюлфа?»[1]

Американский исследователь Грэй приходит к аналогичному выводу: «Видимо, нет оснований для скептического отношения к этому рассказу. По меткому замечанию Гаторна-Харди, он слишком бессодержателен и скучен, чтобы быть вымышленным. В Исландии он не понравился, поэтому его и нет среди исландских саг. Однако создание вымышленного героя без всякого обоснования причин его плавания противоречит здравому смыслу. В исландских преданиях игрушкой водной стихии становится Лейф вместо Бьярни».

С точки зрения истории культуры рассказ о Бьярни, сыне Херьюлфа, заслуживает особого внимания еще по одной причине. Он содержит убедительное доказательство того, что в период его возникновения скандинавы еще не знали о применении магнитной стрелки при плаваниях по морю. Шюкк, самый авторитетный знаток истории компаса и опытнейший моряк, считает совершенно невероятным, чтобы великолепные заокеанские плавания скандинавов в туманных северных водах могли осуществляться без компаса[2]. Он убежден в том, что скандинавы еще во время первого крупного похода викингов на остров Тори у берегов Ирландии в 612 или 617 г. уже знали магнитную стрелку, указывающую на север, и умели ею пользоваться.

Автор не считает аргументацию Шюкка бесспорной. Правда, он сам тоже склонен признать вероятность отдельных случаев очень раннего, вос-

---

[1] G. N e c k e l, op. cit.

[2] A. S c h ü c k, Gedanken über die Zeit der ersten Benutzung des Kompasses im nördlichen Europa, «Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik», 1910, B. 3, S. 130.

ходящего к античному миру знания свойств магнитной стрелки у европейских народов[1] и возможность самостоятельного открытия компаса скандинавами в XI или XII в.

И все-таки рассказ о Бьярни представляется ему совершенно недвусмысленным доказательством того, что около 1000 г. н. э. мореплаватели умели ориентироваться лишь по звездам. В рассказе говорится, что Бьярни попал в густой туман, по поводу которого Гельцих довольно убедительно замечает, что «то были, очевидно, туманы Ньюфаундленда»[2]. В связи с этим эпизодом летописец сообщает: «Наконец они опять увидели солнце и смогли определить страны света». Эти слова не могли исходить от человека, имевшего представление о тайнах магнитной стрелки.

Бьярни и Херьюлф поселились в Гренландии, очевидно, в том самом поселке, который в течение ряда веков носил имя отца Бьярни и получил известность благодаря успешным раскопкам 1921 г. Поселок этот был расположен приблизительно на месте современного поселка Нарссарминт возле Фредериксдаля[3].

---

[1] R. H e n n i g, Die Frühkenntnis der magnetischen Nordweisung, «Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie» (Ежегодник Союза немецких инженеров), 1931/32, B. 21, S. 25. См. также «Неведомые земли», т. I, гл. 10, стр. 102.

[2] «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1883, S. 277.

[3] Фредериксдаль расположен у южной оконечности Гренландии, на 60°05′ с. ш. и 40°03′ з. д.— *Прим. ред.*

ГЛАВА 103

ПРАЖСКИЙ ЕПИСКОП АДАЛЬБЕРТ В СТРАНЕ ПРУССОВ[1]

(997 г.)

...После длительных колебаний он, наконец, счел самым правильным отправиться в поход против богов и идолов страны пруссов, ибо земля их находилась вблизи от владений упомянутого [польского] герцога и была ему знакома. Герцог, поставленный в известность о его намерениях, дал ему корабль и снарядил ему в защиту дружину из 30 воинов. Сначала он достиг города Данцига, расположенного у самого моря и врезающегося в обширные владения герцога... Там он крестил жителей целыми толпами... На следующий день он послал всем свое прощальное благословение, доверился своему кораблю и морским волнам и скрылся с их глаз, которым не суждено было более его увидеть. Плавание его проходило весьма быстро, но вскоре он вновь сошел на берег; корабль же с вооруженной дружиной поплыл обратно...

Он же остался с двумя братьями во Христе, одним из которых был отец Бенедикт, а другим — дорогой его сердцу и повсюду сопровождавший его с детских лет брат Гауденций. Уповая на Христа, они отправились на небольшой остров посреди реки, имевший, как показалось пришельцам, круглую форму. Однако хозяева этого места побили и изгнали их... Тогда он отправился на другой участок реки и провел там всю субботу[2]... [Следует описание встречи с разъяренными коренными жителями, которые не желают слушать проповедей Адальберта и требуют, чтобы он оставил их в покое.]

«Если вы не уберетесь прочь этой ночью, то завтра вам отрубят головы». Ночью их посадили в лодку и отвезли обратно. В течение пяти дней они находились на одном месте... [23 апреля монахи пустились в путь, однако днем, когда они спали на лугу, на них напала группа людей под предводительством некоего Сикко, и их связали. Сикко поразил епископа копьем, другие также нанесли ему удары. Адальберт, получивший семь ран, испустил дух. Трупу отрубили голову. Спутников же его отпустили на свободу.][3]

---

[1] Материал этой главы уже был опубликован автором. См. «Forschungen zur Brandenburg und Preussischen Geschichte», 1935, B. 46, S. 138.

[2] 17 апреля 997 г.

[3] Johannes Canaparius, Vita S. Adalberti episcopi Pragensis, «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS IV, cap. 27—29, p. 576

* * *

Епископ взошел на судно, которое озабоченный герцог снабдил многочисленной охраной, чтобы никто из мирян не осмелился покуситься на него. Бороздивший морские волны корабль доставляет их в страну язычников — пруссов. Моряки торопятся отвезти своих святых гостей на берег. Под покровом ночи они гребут обратно и спешат обратиться в бегство. Высадившийся же на берег человек, преисполнившись духа Божия, отправляется в путь, чтобы забросить свои сети в бушующее море в надежде найти какую-нибудь пищу для стола Господнего, а если не поймает ни одной рыбки, то хотя бы испить из уготованной ему чаши во имя Сына Божия. В нем живет горячая надежда умереть за Христа...

Так воитель Божий с двумя спутниками вступил на небольшой участок земли, окруженный со всех сторон водой и похожий на остров. Здесь они пробыли несколько дней. Между тем их обогнал и достиг язычников слух о том, что появились чужеземцы из дальних стран, странного вида и с неслыханными обычаями. Сначала приплыло в лодке всего несколько человек из невесть откуда взявшейся толпы... [Следует спор, в ходе которого епископ получает удар веслом по спине.]

«Если не уберетесь отсюда, то будете преданы смерти и станут мучить вас страшными муками и казнить злыми казнями...»

Они удалились и вскоре пришли на рыночную площадь, где собралось много народу. Густыми толпами они окружили Божьего человека; эти гиены разверзли свои смрадные пасти, спрашивая, откуда он прибыл, кто он такой, что ему надобно и зачем он явился, хоть никто его не звал. Волки чуяли кровь и угрожали смертью ему, принесшему им жизнь. Не дожидаясь, пока он начнет говорить, они стали осыпать его угрозами и насмешками. Ибо не ведали они ничего лучшего. Они велели ему говорить и качали головами. Адальберт перепоясал чресла свои и обратился к людям с краткой проповедью, ибо они могли понять немногое: «Ради спасения вашего пришел я к вам из Польши, которой управляет именем Господа Болеслав, христианский князь...» [Следует проповедь.]

Но те люди, впавшие во гнев, посмеялись над Божьим словом, стали стучать палками о землю, огласили воздух своим ревом и грозно заявили слушавшим их пришельцам:

(и след.). [«Жизнь св. Адальберта епископа Пражского» написана аббатом римского монастыря св. Алексея Иоанном Канабарием около 1012 г. Как отмечает А. Д. Люблинская (указ. соч., стр. 247), сохранилось еще два описания епископа Адальберта (по-чешски — Войтеха), составленные также римскими монахами. Это говорит о пристальном внимании пап к деятельности католических епископов в Чехии и прибалтийских областях, а также о стремлении Рима укрепить позиции католической церкви в славянских странах.— *Ред.*]

«Для таких людей на нашей земле ничего не вырастет,— сказали они,— деревья не дадут плодов, новые животные не родятся, а старые подохнут. Убирайтесь вон, подальше от наших границ. Если же не направите стопы свои немедля обратно, то подвергнетесь ужасному наказанию и умрете страшной смертью. Кто примет этих пришельцев как своих гостей и друзей, будет наказан смертью, дом его сожжен, а жена и дети проданы в рабство». Так они заявили в своем гневе...

[Адальберт вместе со своими спутниками удаляется в великой печали. Он решает скрыться и отправиться в северную Померанию к лютичам, чтобы проповедовать им слово Божие. Некий прусс Сикко, «у которого поляки убили брата», нападает на священников. Смерть Адальберта описывается в вышеприведенном тексте.][1]

* * *

Затем он [Адальберт] взял посох странника и отправился тайно с немногими спутниками в Страну пруссов, словно спасался бегством. Неподалеку от Холинуна он вошел в приятный лесок, посреди которого была красивая прогалина. Было это накануне дня Святого Георгия...[2] Со своими спутниками он бесстрашно направился к городу Холинун. Перед въездом в ворота находилось глубокое ущелье, весьма длинное и такое темное, что находящегося в нем человека снаружи было слышно, но не видно... Язычники сбежались, обступили святого посланца Божия и стали расспрашивать, кто он и откуда. Один же из них, знавший его раньше, сказал, что этот человек опускает людей в воду и тем приносит им несчастье. «Он пришел, чтобы погубить нас таким же способом...» [Следует стечение толпы, избиение камнями, убийство Адальберта и отсечение головы у трупа.] Голову они насадили на высокий шест, а тело швырнули в протекающую поблизости реку... И случилось нечто чудесное и неслыханное. Шесть дней покоилось тело святого в реке, в которую оно было брошено. На седьмой же день его, подобно рыбе, прибило к берегу, и там оно было найдено...[3]

Епископ Адальберт Пражский был славянином; он родился около 956 г. в Праге, в семье тогдашнего князя Богемии, и первоначально носил имя Войтех. Когда в 995 г. тяжелые удары судьбы сделали для него невозможным

[1] B r u n o, Vita S. Adalberti, «Scriptores rerum Prussicarum», t. I, p. 231 (и след.). [Здесь цитируется описание жизни св. Адальберта, написанное около 1004 г. монахом монастыря св. Алексея в Риме Бруно, впоследствии ставшим епископом Кверфурским.— *Ред.*]

[2] 22 апреля.

[3] Passio St. Adalperti martiris, «Scriptores rerum Prussicarum», t. I, p. 235 (и след.).

дальнейшее пребывание в его Пражской епархии, а также исполнение обязанностей епископа, он с одобрения папы решил посвятить себя делу обращения язычников в веру Христову. Долго он колебался, где именно — среди лютичей западной Померании или среди пруссов, населявших земли у Вислинского залива,— следует ему проповедовать новое вероучение. Наконец выбор его пал на Страну пруссов, тем более что там ему была обеспечена поддержка со стороны тогдашнего князя Польши христианина Болеслава I Храброго (992—1026). Отец этого князя Мешко (960—992) в 966 г. принял христианство. Сам Болеслав поддерживал дружеские отношения с германским императором Оттоном III, которому он время от времени оказывал даже военную помощь. А поскольку епископ Адальберт пользовался благосклонностью императора Оттона, то он мог надеяться и на поддержку польского князя во всех своих начинаниях. И действительно, князь сделал все от него зависящее, чтобы способствовать успеху миссии Адальберта.

А так как князь был тесно связан с Данцигом [Гданьском] и хорошо информирован о положении в Стране пруссов, он мог помочь Адальберту не только советом, но и делом.

В нашем распоряжении три письменных свидетельства современников Адальберта, повествующие о трагическом окончании его миссионерской поездки к пруссам: Иоанна Канабария (ум. в 1004 г.); архиепископа Бруно, очевидно почерпнувшего свои сведения из беседы с сопровождавшими Адальберта лицами, состоявшейся в декабре 999 г. в Риме (но записавшего эту беседу лишь спустя 5 лет), и записки неизвестного монаха из Мезерица, которые были составлены, очевидно, еще в конце 999 —начале 1000 г. Они являются самым древним и, пожалуй, самым надежным, хотя и самым кратким из дошедших до нас источников. Все три свидетельства расходятся в деталях, но описание главных событий совпадает.

Несомненным можно считать тот факт, что миссионерская поездка Адальберта окончилась полной неудачей, ибо епископ уже через несколько дней после своего прибытия в Страну пруссов погиб мученической смертью. Нельзя не признать, что Адальберт, державшийся не слишком дипломатично, в значительной степени сам виноват в постигшей его трагической судьбе.

Дело в том, что пруссы вообще довольно радушно встречали чужестранцев, приезжавших к ним с мирными намерениями. Об этом свидетельствует не только сообщение Вульфстана (см. гл. 94), но и в первую очередь хроника Адама Бременского, составленная в 1074 г. Хронист с большой похвалой отзывается о «гостеприимных пруссах», об их радушии и готовности помочь потерпевшим кораблекрушение, даже когда судно принадлежало чужестранцу[1]. Если же они враждебно встретили чужеземца, прибывшего к ним с проповедью новой веры, то это объясняется тем обстоятельством, что как раз в это время они находились в состоянии войны с польским князем, а епископ прибыл в их страну непосредственно из Польши. Понятно, что приезд Адальберта не мог вызвать у них особого восторга. И если миссионер действительно

[1] Сообщение Адама Бременского. См. «Gesta pontificum Hammenburgensium», IV, 18.

начал свое обращение к язычникам словами: «Пришел я к вам из Польши, которой управляет именем Господа христианский князь Болеслав», как об этом сообщает архиепископ Бруно, то остается лишь удивляться тому, что его не прикончили на месте, а предоставили возможность в кратчайший срок покинуть страну. Епископа вместе с сопровождавшими его лицами заставили под угрозой смерти покинуть на небольшом судне пределы страны. Но когда Адальберт, который, судя по всему, был весьма непрактичным человеком, вместо этого скрылся всего на пять дней, а потом опять появился среди местных жителей, его, разумеется, сочли за шпиона и убили. Сами по себе пруссы вовсе не были кровожадными. Это видно хотя бы из того, что захваченные в плен спутники епископа были отпущены на все четыре стороны.

Обычно считалось, что епископ принял мученическую смерть где-то на Земландском полуострове. Еще в 1585 г. Хитрэус[1] писал, что св. Адальберт был «*prope Fischausen interfectus*» [«убит возле Фишгаузена» (Приморск).— *Ред.*]. Здесь, на берегу Балтийского моря, с давних пор возвышался «крест Адальберта», якобы указывающий на место совершения убийства. Еще в 1424 г. здесь была воздвигнута в память Адальберта часовня, простоявшая до 1669 г. Однако современный уровень наших знаний не позволяет согласиться с этим старинным определением места гибели Адальберта, с которым все соглашались до последнего времени. По мнению автора, в настоящее время имеются доказательства того, что Адальберт не смог попасть на Земландский полуостров и что смерть настигла его в совсем другом месте.

Земландский полуостров считался предположительным местом смерти св. Адальберта, так как полагали, что «начав плавание» в Гданьске, он прошел затем водным протоком, прорезавшим Балтийскую косу, в Вислинский залив. Эта гипотеза получила широкое распространение главным образом благодаря Фойгту, который считал, что проток в Балтийской косе находился поблизости от Альттифа (Бальгатифа), а из этого, разумеется, следовало, что епископ Адальберт направился в район реки Преголи, поблизости от которой и был убит[2]. Рекой с «островом», на который высадился епископ, могла быть только Преголя, поскольку в северной части залива нет другой судоходной реки.

Даже если принять эту гипотезу, чего, как будет показано ниже, вовсе не следует делать, все же остается непонятным, зачем понадобилось пруссам, жившим на берегу Преголи, высаживать неугодного им чужестранца, которого они стремились изгнать из своей страны, на Балтийской косе *севернее* протока. Если они хотели избавиться от епископа мирным путем, то самым простым и естественным было бы высадить неугодного им миссионера *южнее* протока, чтобы он мог, двигаясь вдоль косы, добраться до Гданьска, откуда он явился. Ведь в противном случае ему *пришлось* бы вернуться через Земланд-

---

[1] D. Chytraeus, Prooemium metropolis, 1585, p. 29.

[2] J. Voigt, Geschichte Preussens, Königsberg, 1827, B. I, S. 270 (и след.), 660 (и след.). [Проток, соединявший Вислинский залив с Балтийским морем, носил название Пиллауертиф, или просто «Тиф». Против него на восточном берегу залива, несколько южнее устья реки Преголи, находился город Альттиф, или Бальгатиф (Веселое).— *Ред.*]

ский полуостров в район Преголи, то есть туда, откуда его только что изгнали! Если же Адальберта высадили на косе южнее протока, то он не мог вернуться на Земландский полуостров, так как у него не было судна, и, следовательно, он не мог там погибнуть. Каким же образом он мог быть «*prope Fischausen interfectus*»?

Новые исследования показали, что проток в северной части косы, вероятнее всего, в X в. проходил севернее, чем теперь,— недалеко от Приморска, то есть в непосредственной близости от того места, где стоит крест святого Адальберта[1]. Между тем проток у Бальгатифа, по которому Адальберт, если верить утверждениям Фойгта и других, проплыл в Вислинский залив, возник, как теперь стало известно, лишь вскоре после 1300 г.[2] и, следовательно, в 997 г. о нем не могло быть и речи.

Тем более неразумно было бы со стороны пруссов высадить епископа на Земландском берегу водного протока южнее Приморска. Итак, очевидно, что гипотеза о гибели епископа Адальберта на Земландском полуострове лишена каких-либо оснований. Фактически дело обстояло совсем иначе, что и будет показано ниже.

Из путевых записок Вульфстана (см. гл. 94) мы знаем, что в IX и X вв. из Гданьска можно было попасть по водному пути прямо в Вислинский залив, западная часть которого в те времена почти достигала Гданьской бухты. Если в конце I тысячелетия условия судоходства действительно соответствовали описанию, данному в гл. 94, то напрашивается вывод об абсолютной неприемлемости предположения, что епископ Адальберт и его спутники *выходили в открытое море*. В настоящее время это признается почти всеми. Правда, в сообщениях того времени говорится, что святой Адальберт отдал себя в Гданьске «во власть моря». Следует, однако, иметь в виду, что в те времена в документах и хрониках такие обширные внутренние водоемы, как заливы, и даже незначительный и спокойный залив у Камень-Поморски именовались «морями». Вульфстан называет Вислинский залив «Морем эстов» (см. гл. 94). В биографии Отто Бамбергского (XII в.) Щецинский залив также называется морем (см. гл. 111).

Наконец, решающую роль играет следующий факт, установленный несколько лет назад. В тот период, когда происходили рассматриваемые нами события, суда из района Гданьска, видимо, действительно довольно часто ходили в Вислинский залив. Немного южнее Гданьска при раскопках обнаружены три большие ладьи, пригодные только для плаваний во внутренних водах. Из этой находки можно сделать вывод, что в крайней западной части Вислинского залива, достигавшего в те времена района Гданьска, «наблюдалось оживленное судоходство»[3] (см. гл. 94). Кроме того, установлено, что на бронзовых дверях собора в Гнезно изображен корабль, на котором епископ Адальберт совершил свою поездку в Страну пруссов.

---

[1] E. Keyser, Die Tiefe in der Frischen Nehrung, «Ehrlich-Festschrift des Elbinger Jahrbuchs», Elbing, 1938, H. 15, S. 12.

[2] Ibidem, S. 13.

[3] O. Lineau, Die Bootsfunde von Danzig-Ohra aus der Wikingerzeit, Danzig, 1934, S. 40.

Итак, Адальберт, видимо, проплыл по устью Вислы в Вислинский залив («Море» эстов»), подобно, Вульфстану, проделавшему этот путь на 100 лет ранее. Но в таком случае цель его путешествия *должна* была находиться только в юго-западной части залива. В пользу этого говорит следующее соображение. Миссионеры, впервые прибывающие в какую-либо языческую страну, обычно не решаются сразу отправиться в самые глубинные, отдаленные и слабонаселенные районы. Они поступают благоразумнее, начиная с пограничных областей, особенно если здесь находятся культурные и экономические центры, как это и было в Стране пруссов. Нам же известен всего *один* город и торговый центр в Стране пруссов того периода, а именно Трусо на Эльблонгской Висле, уже упоминавшийся в гл. 94. Еще Гизебрехт указывал на то, что логические соображения заставляют считать этот город целью первого этапа путешествия Адальберта. В биографии Адальберта, принадлежащей перу архиепископа Бруно, сообщается, что миссионеры посетили рыночную площадь (*veniunt in mercatum*). По этому поводу Гизебрехт справедливо замечает: «В X в. мы обнаруживаем только *один* торговый центр *такого рода* — Трусо на Эльблонгской Висле. *Следовательно, Трусо и был, видимо, целью задуманного Адальбертом путешествия*»[1].

Следует подчеркнуть, что такое толкование, к которому присоединился также и Мюлленгоф[2], представляется *единственно возможным*. Как отмечал еще Риттер, Трусо «был крупным портом и рынком для прусского и славянского населения, стекавшегося туда, как скандинавы в Сигтуну и Бирку»[3]. Поскольку такой важный населенный пункт, как Трусо, был к тому же расположен сравнительно близко от границ христианской страны, то Адальберт поступил бы неразумно, если бы не начал с попытки закрепиться в этом городе. Ведь каждый миссионер должен стремиться к тому, чтобы сначала обеспечить себе группу единомышленников в каком-нибудь большом городе, по возможности в столице языческой страны. Так действовали Ансгар (см. гл. 86), Оттон Бамбергский (см. гл. 111), Раймунд Луллий (см. т. III, гл. 127), Джованни Монтекорвино (см. т. III, гл. 131) и бесчисленное множество иных проповедников. Страна пруссов располагала таким крупным городом и к тому же единственным торговым центром, и находился он поблизости от Гданьска. Как же мог Адальберт пренебречь этим районом и вместо этого отправиться в находившийся на низкой ступени культурного развития и трудно доступный Земландский полуостров, в совершенно дикий район реки Преголи или на пустынную Балтийскую косу? Как мог он устремить свой религиозный пыл на достижение абсолютно безнадежной цели, когда буквально под рукой перед ним открывалось гораздо более обширное и благодарное поле деятельности? Почему предполагать такое отсутствие логики у епископа?

---

[1] L. Giesebrecht, Wendische Geschichten, Berlin, 1843, B. I, S. 291 (и след.).

[2] K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, Berlin, 1870, B. II, S. 14.

[3] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, СПБ, 1864, стр. 126.

Город с рыночной площадью, к которой направился епископ Адальберт, фигурирует под названием «Холинун» (см. стр. 313). Название это нигде более не встречается и не поддается толкованию. Как полагает Фогель, это могло быть славянское название города Трусо, что представляется возможным[1]. В этой связи проф. Кайзер, сотрудник Гданьского областного исторического музея, любезно сообщил автору 4 августа 1944 г., что в документах от 1249 и 1250 гг. упоминается населенный пункт Хомор, или Комор, расположенный южнее озера Друзно, причем один раз как *Chomor Sancti Adalberti*[2] (слово «хомор» якобы обозначает «могила»). Итак, очевидно, что еще в XIII в. местность вокруг озера Друзно ставилась в связь с Адальбертом.

Если правильна наша предпосылка (на взгляд автора совершенно обязательная), что епископ отправился из Гданьска в Трусо, то он наверняка никогда не бывал ни у выхода из Вислинского залива, ни в районе реки Преголи, ни на Земландском полуострове. Все исследователи, считавшие местом гибели Адальберта Земландский полуостров, были введены в заблуждение словом «море». В действительности события происходили, очевидно, иначе. Адальберт проехал по заливу в город Трусо на Эльблонгской Висле. Там ему сначала в весьма мягкой форме дали понять, что пребывание в стране доверенного лица враждебного польского князя нежелательно. Затем епископа отвезли на его корабль, приказав покинуть страну. По какой-то пока еще не ясной причине Адальберт не выполнил этого указания и скрывался в стране еще 5 суток. Когда же присутствие епископа было обнаружено фанатичным пруссом, который из-за гибели брата был особенно враждебно настроен против поляков, то Адальберта постигла участь преступника, объявленного вне закона. Нет сомнений в том, что по обычаям и законам того времени убийство это было вполне оправданным. Его совершению способствовала чрезмерная отрешенность епископа от реальной жизни.

Поэтому место убийства следует искать только на юго-западе залива, где-то между реками Ногат и Эльблонгской Вислой. Значительная часть этой местности в тот период еще не находилась под водой залива. Эльблонгская Висла и Ногат впадали в залив около современной Дренницы. Более точно выяснить место трагических событий теперь уже нельзя. Однако оно не могло находиться далеко от тогдашнего выхода из залива к устью Вислы.

Ведь анонимная «Passio St. Adalperti» («Страдания св. Адальберта») сообщает, что обезглавленный труп епископа был брошен пруссами в реку и через неделю прибит к берегу. Тот факт, что это вполне естественное явление было воспринято как чудо, позволяет сделать вывод о достоверности сообщения. Оно не противоречит данным Канабария, согласно которому отрубленная голова была насажена на кол. Поскольку прибитый к берегу обезглавленный труп был найден друзьями, это произошло, очевидно, неподалеку от Гданьска. Упоминание о «реке» имеет особенно существенное значение. Ведь на Земландском полуострове вообще нет рек, по которым

[1] «Hansische Geschichtsblätter», 1935, S. 303.
[2] «Preussisches Urkundenbuch», Königsberg, 1862, B. I, S. 162, 172.

мог бы плыть труп. Речь могла идти только о водах к западу от залива, либо об устье Вислы или об Эльблонгской Висле.

Итак, все факты свидетельствуют о том, что Адальберт встретил смерть не на Земландском полуострове, а где-то в районе города Трусо на Эльблонгской Висле. Если бы дело обстояло иначе, то вообще было бы непонятно, как могли найти труп. Невозможны были бы и торжественные похороны в Гнезно, к которому в 1000 г. совершил паломничество Оттон III на могилу святого. Крест Адальберту, по-видимому, напрасно поставили южнее современного Приморска. Правильнее было бы это сделать на западной стороне залива. Выбор места, по всей вероятности, объясняется тем, что в недостаточно достоверном источнике XVI в. сказано, что якобы Адальберт был «убит возле Фишгаузена».

ГЛАВА 104

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ НОРМАННАМИ [1]

(1000 г.)

...Лейф и его спутники взошли на корабль, всего их было 35 человек. Среди них был один немец, которого звали Тюркир. Они снарядили свой корабль и, когда все было готово, вышли в море и сначала достигли земли, которую видел Бьярни. Они приблизились к этой земле, бросили якорь, спустили лодки и высадились на берег. Вся земля от берега до самых ледников напоминала сплошной плоский камень и показалась им совсем непривлекательной. Тут Лейф сказал: «С этой землей у нас получилось не так, как у Бьярни, ибо мы вступили на нее. Теперь я дам ей имя и назову ее Валунной Землей [Хеллуланд]». После этого они вернулись на корабль, поплыли дальше и нашли другую землю. Они приблизились к ней, бросили якорь, спустили лодку и высадились на берег. Страна эта была плоской и лесистой. Повсюду простирались белые песчаные отмели, а берег полого спускался к морю. Тогда Лейф сказал: «Этой земле мы дадим подходящее имя и назовем ее Лесной Землей [Маркланд]». Они тут же вернулись на свой корабль.

Затем они два дня плыли на юго-запад при северо-восточном ветре и снова приблизились к земле и к острову, расположенному севернее этой земли, на которые и высадились. Вернувшись на корабль, они прошли проливом между островом и мысом, выдающимся к северу. Они стали обходить этот мыс с запада. Во время отлива морское дно обнажилось, их корабль сел на мель, а вода ушла далеко. Но им так не терпелось высадиться на берег, что они не стали ждать, пока море опять поднимет их корабль, а сразу же отправились на сушу.

Там была река, вытекавшая из озера. Когда прилив снова поднял их корабль, они сели в лодку, отправились к кораблю и отвели его вверх по реке на озеро. Там они бросили якорь, вынесли свои спальные мешки и разбили палатки.

---

[1] По сравнению с первым изданием II тома, появившимся в 1937 г., ни одна глава не подверглась таким коренным изменениям и дополнениям, как эта. За последнее десятилетие выявлено много новых и неожиданных фактов и опубликованы новые труды об открытии Америки норманнами. В связи с этим наше представление о событиях в начале текущего тысячелетия претерпело существенные изменения, что и побудило автора значительно переделать настоящую главу.

Они решили обосноваться там на зиму и соорудили большие дома. И в реке и в озере было много такой крупной красной рыбы, какой они никогда прежде не видывали. В этой благословенной стране, по их мнению, не надо заготавливать на зиму корм для скота. Зимой там не бывает морозов и трава остается почти такой же зеленой, как летом. День и ночь не так различаются своей продолжительностью, как в Гренландии или Исландии. В самый короткий день солнце заходило в точке *eykt* и восходило в точке *dagmal* [*sol hafde par eyktarstad ok dagmalastad um*ˢ*kamdegi*][1].

Когда дома их были готовы, Лейф обратился к своим товарищам: «Теперь я хочу всех вас разделить на две группы, чтобы обследовать эту землю. Одна половина останется у домов, другая же отправится в глубь страны на такое расстояние, чтобы к вечеру вернуться обратно; им следует держаться вместе». Так и поступали некоторое время... Однажды вечером один из них не возвратился домой; это был немец Тюркир. Лейф был весьма обеспокоен этим, ибо Тюркир долгое время жил с ним и с его отцом и он очень любил его еще ребенком. Лейф выбранил спутников Тюркира и отправился на поиски. С ним пошло 12 человек. Они прошли лишь небольшое расстояние, как навстречу им попался Тюркир. Они радостно приветствовали его.

Лейф вскоре заметил, что его бывший воспитатель вел себя как-то странно... Он спросил его: «Почему ты так поздно возвращаешься, отец мой? И зачем ты отделился от остальных?» В ответ Тюркир долго говорил по-немецки, вращал глазами и гримасничал. Никто не понимал его слов. Через некоторое время он стал говорить по-скандинавски и рассказал: «Я ненамного опередил своих спутников, но мне удалось сделать одно новое открытие: я обнаружил лозы и гроздья винограда».—«Правда ли это, отец мой?»— спросил Лейф. «Конечно, правда»,—ответил тот. «Ведь я вырос в местности, изобилующей виноградниками». Прошла ночь. На утро Лейф сказал своим людям: «Займемся двумя делами: один день будем собирать виноград, а на другой — рубить виноградные лозы и валить деревья, чтобы погрузить их на наш корабль». Так и порешили. Рассказывают, что лодка их вскоре наполнилась виноградом. Потом они стали рубить деревья.

Когда пришла весна, они приготовились к отплытию. Лейф дал этой стране имя, соответствующее ее особенностям, и назвал ее Виноградной землей [Винланд]...

...Торфинн решился совершить путешествие и взял с собой 60 мужчин и 5 женщин. Они договорились друг с другом, что то добро, которое добудут, разделят между собой поровну. Они взяли с собой разный скот и собирались возделывать землю, если это окажется возможным. Торфинн попросил Лейфа отдать ему

[1] О значении слов *eykt* и *dagmal* см. стр. 345 (и след).

дома, построенные тем в Винланде, но Лейф ответил, что согласен дать ему эти дома на время, но не насовсем. Затем они вышли в море и благополучно прибыли к домам Лейфа и вынесли на берег шкуры... От Торфинна пошло много хороших людей, и *он сам точнее всех рассказал об этих путешествиях*; часть этих рассказов мы записали[1].

* * *

Однажды король[2] завел речь с Лейфом и спросил его: «Думаешь ли ты летом ехать в Гренландию?»—«Я хотел бы ехать, если будет на то ваша воля»,— ответил Лейф. «По-моему, это хорошее дело,— сказал король,— ты поедешь проповедовать христианство в Гренландии». Лейф ответил, что он должен подумать, и сказал, что, по его мнению, такое поручение трудно исполнить в Гренландии. Король возразил, что не видит никого лучше, чем он, для этой цели. «Ты принесешь мне счастье»,— прибавил он. «Только в таком случае, если у меня будет ваша помощь».

Как только Лейф снарядился, так и отправился в море. Долго бросало его непогодой из стороны в сторону и пригнало, наконец, к такой земле, существование которой он не мог и подозревать раньше. Там были поля самосеянной пшеницы[3] и дикорастущие виноградные лозы. Были там также и те деревья, которые называются кленами [*mosurr*]; взяли они по нескольку образчиков всех этих растений (некоторые из взятых деревьев были так велики, что их употребили на постройку дома). Лейф нашел на обломках корабля людей, повез их с собой домой и доставил зимой им всем пропитание. Он показал большое великодушие и доброту тем,что ввел христианство в стране и спас этих моряков. Его прозвали Лейф Удачник [*Leifr inn Heppni*].

После этого стали по Гренландии ходить большие разговоры о том, что надо, мол, отыскать открытую Лейфом землю... Всего в партии их было двадцать человек. У них было мало денег, а больше оружия и съестных припасов... Весело отплыли они из Эйрикова Залива, ожидая хорошего исхода для своего предприятия. Но тут долго носились они по морю, выйдя из гавани, и не могли напасть на ту дорогу, на которую хотели. Они прошли в виду Исландии, а также видели птиц с берегов Ирландии. Их корабль носило волнами взад и вперед по морю. Под осень повернули они назад и, истощенные дождями и бурями, изнуренные трудностями пути, возвратились под самую зиму в Эйриков Залив...

Карлсефни и Снор со своими людьми снарядили свой корабль и отправились летом отыскивать Винляндию... На их корабле

---

[1] «Рассказ о гренландцах». См. «Thule», B. 13, S. 35 (и след.); T. S t e c h e, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934.

[2] Король Олаф Трюгвасон (995—1000) погиб в морском сражении под Свольдерой 9 сентября 1000 г.

[3] Вероятно, *Zizania aquatica* (см. стр. 334).

было 160 человек[1]. Они отплыли к Западному Поселью (*Vestri-bygdh*) и к Медвежьим Островам (*Bjarn-ejar-Ducko*), потом поплыли от Медвежьих Островов на юг. Плыли по морю два дня, встретили землю; они поехали к ней на лодках, осмотрели ее и нашли там много гладких камней, столь больших, что два человека могли лежать на них, растянувшись друг против друга, подошва к подошве. Там было много белых лисиц. Путешественники дали имя этой земле и назвали ее Валунной Землею [Хеллуланд[2], или современный Ньюфаундленд]. Потом проплыли они два дня все на юг, и перед ними открылась земля, на которой был большой бор и много зверей. От этой земли к югу[3] лежал остров; они нашли на нем медведя и назвали его Медвежьим, а землю назвали они Лесною Землею [Маркланд, то есть Новая Шотландия], так как на ней был этот бор.

Там отряд жил два дня, осматривал землю[4]; потом поехали огибать ее. Был там мыс, его обогнули. Обогнув землю, они оставили ее на старборте (направо); не было места для якорной стоянки, а шли длинные песчаные отмели... Они окрестили также и этот берег, назвав его Страшным Берегом, так как долго приходилось его оплывать. Тут земля начала прорезываться заливами, и они направили в залив свой корабль... [Пара шотландских скороходов отправляется на разведку в глубь страны.]

А когда... они прибежали из страны назад, один из них нес в руке гроздь винограда, а другой — колос самородной пшеницы... Их взяли на корабль и поехали своею дорогой до того места, где берег был изрезан заливами, и поставили корабль в залив. Против залива был остров, омываемый сильным течением, потому они и назвали его Островом Течений. Птиц там было такое множество, что едва можно было поставить ногу между яиц. Они направили корабль в залив, который назвали Заливом Течений, и, взяв груз с корабля, высадились там на берег. Они привезли с собой разного рода скот[5]. Местность была гористая и красивая... Травы росли там высокие... [Описание зимовки в этом месте.]

Карлсефни поехал к югу вдоль земли, и с ним Снор и Бьярни и остальная дружина. Они плыли долгое время, пока не достигли реки, которая течет вниз по стране и, достигнув моря, продолжает течь по воде[6]. У устья реки были большие острова[7], и нельзя

---

[1] В тексте Хеннига: «140 человек».— *Прим. перев.*

[2] Риттер переводит «Хеллуланд» как «Страна каменных плит». См. К. Риттер, указ. соч., стр. 169.— *Прим. ред.*

[3] В тексте Хеннига: «к юго-востоку».— *Прим. перев.*

[4] В тексте Хеннига: «Проплыв еще два дня, они вновь увидели землю».— *Прим. перев.*

[5] В немецком переводе: «различные съестные припасы».— *Прим. перев.*

[6] В немецком переводе: «спускающийся с возвышенности, проходящей сквозь озеро и впадающей в море».— *Прим. перев.*

[7] В тексте Хеннига: «было много отмелей».—*Прим. перев.*

было войти в реку, разве что только в высокий прилив. Карлсефни со своими прошел в устье реки и назвал окружающую землю Бурунной. Там нашли они поля самосеянной пшеницы, где были низины и виноградные лозы повсюду на возвышенностях[1]. Каждый ручеек кишел там рыбой... [Описание встречи со «скрелингами».]

Там жили они во время зимы. В эту зиму совсем не было снегу, и весь скот ходил тогда на подножном корму...

[Обмен товарами с туземцами, позже стычки с ними, в связи с чем возвращение домой после третьей зимовки в Страумфьорд[2]].

* * *

Той же весной король Олаф Трюгвасон послал Лейфа, сына Эйрика, в Гренландию, чтобы тот провозгласил там христианскую веру. Лейф летом отправился туда. В море он нашел потерпевших крушение людей, которых носило на обломках корабля, и подобрал их. Потом он нашел Славный Винланд и прибыл летом в Гренландию[3].

* * *

Тогда он [король Олаф Трюгвасон] послал также и Лейфа, сына Эйрика, в Гренландию, чтобы возвестить там новую веру. Затем Лейф нашел Славный Винланд. Он также нашел людей, которых носило в море на обломках корабля. Поэтому его стали называть Лейфом Счастливым[4].

* * *

Кроме того, он упоминал о стране[5], найденной многими в этом океане и названной Винландом по той причине, что там зреют дикие лозы, дающие прекрасный виноград; там растут также в изобилии самородные злаки[6].

---

[1] В тексте Хеннига: «пшеницы и виноградные лозы в низинах и на всех холмах».— *Прим. перев.*

[2] «Сага об Эйрике Красном», пер. С. Н. Сыромятникова, СПБ, 1890, стр. 46 (и след.). Штехе дает более удачное название — «Сага о Гудрид». См. T. Stech e, Gudridsaga, «Thule», Jena, B. 13, S. 11 (и след.); T. Stech e, op. cit., S. 39 (и след.).

[3] Отрывок из «Хеймскринглы» («Круг земной») Снорри Стурлусона. См. «Thule», Jena, 1922, B. 14, S. 299 (и след.).

[4] Отрывок из «Кристнисаги» («Книга о введении христианства»). См. T. Stech e, op. cit., S. 38. [«Кристнисага», построенная на основе «Книги исландцев» Ари Торгильссона, дошла до нас в очень поздней и искаженной редакции.— *Ред.*]

[5] В различных списках хроники Адама Бременского в этом месте стоит то слово «*regio*» (страна), то «*insula*» (остров). См. «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS 7, p. 247.

[6] Adam von Bremen, IV, 38.

* * *

[Торфинн Карлсефни] поплыл дальше в поисках Славного Винланда и достиг тех мест, где, как думали, он расположен. Они не смогли высадиться на берег и обследовать эту землю. Лейф Счастливый первым нашел Винланд... К югу от Гренландии находится Хеллуланд, затем идет Маркланд, а оттуда недалеко до Славного Винланда, который, как полагают некоторые, соединяется с Африкой. Если это правда, то между Африкой и Маркландом, очевидно, лежит Мировой океан[1].

* * *

Лейф также нашел славную страну Винланд[2].

* * *

Они прошли мимо острова Бьёрн на юг и были в пути еще двое суток. Затем они обнаружили землю и подплыли к ней на лодках, и обследовали ее, и нашли там множество валунов такой величины, что двое мужчин могли улечься на одном камне подошвами друг к другу. Там было много белых медведей. Они дали этой земле имя и назвали ее Хеллуландом. Затем они еще двое суток плыли дальше в юго-восточном направлении и нашли лесистую страну, изобилующую дикими зверями. На юго-восток от этой земли находился остров. Там они убили медведя и назвали остров Медвежьим, а землю эту — Маркландом[3].

* * *

24 мая 1930 г. железнодорожный служащий из Порт-Артура[4] м-р Джеймс Эдуард Додд, занимавшийся все свободное время геологическими изысканиями, брал образцы из вертикальной обнаженной кварцевой жилы поблизости от Бирдмора в северной половине провинции Онтарио, примерно в 7 милях от озера Нипигон. На том месте, где жила уходила под землю, он обнаружил остатки березы, состоявшие из старого отмершего пня и множества молодых стволов, отпочковавшихся от старых корней. У березы очень твердая древесина, и попытка разрубить массу переплетенных стволов оказалась отнюдь не простым делом. Поэтому м-р Додд заложил изрядное количество динамита и взорвал всю эту сросшуюся массу. Взрывом были выброшены осадочные слои, а скаль-

---

[1] Сообщение настоятеля Николая Тингейрского (ум. в 1159 г.). См. «Islezk Fornrit», IV, Reykjavik, 1935 (выпуск 76).

[2] Отрывок из Снорри Стурлусона (около 1230 г.). См. G. S t o r m, Snorre Sturlassöns Historie-skrivning, Köbenhavn, 1873.

[3] «Хауксбок» (около 1330 г.). См. «Thule», B. 23.

[4] Канадский город Порт-Артур находится на северо-западном берегу озера Верхнего, а упоминаемый ниже Бирдмор (центр добычи золотой руды) расположен к востоку от озера Нипигон.— *Прим. ред.*

ная порода оказалась на глубине 3,5 фута. На ней лежало несколько железных предметов. М-р Додд вынул их и продолжал работу.

Несколько дней спустя на рабочий участок м-ра Додда случайно забрел известный в тех краях человек — м-р Уильям Фелтэм. Они разговорились о том, что могут означать эти странные куски железа, как они попали на такую глубину и как над ними образовалось столь мощное переплетение древесных стволов.

Несколько позже м-р Додд привез эти предметы в Порт-Артур и показал их м-ру Аарону Лофхиду. Через несколько дней в Порт-Артур приехал м-р Джон Джекоб из Управления охоты и рыболовства провинции Онтарио, брат известного канадского журналиста покойного Фреда Джекоба. Он посетил м-ра Лофхида. М-р Джекоб, квалифицированный орнитолог, в течение ряда лет поддерживал связи с Королевским зоологическим музеем Онтарио. М-р Лофхид рассказал ему о странной паходке и проводил к Додду, чтобы показать ее. Это был переломленный надвое меч, топор необычной формы и стержень, сильно изъеденные ржавчиной. М-р Додд не имел ни малейшего представления о том, что это за предметы, и рассказал, как он их нашел. После тщательного исследования м-р Лофхид и м-р Джекоб отправились в публичную библиотеку, где пришли к заключению, что это, по всей вероятности, оружие викингов[1].

М-р Джекоб известил о находке наш музей, но это было сделано им в устной форме, и сообщение не дошло до меня. Поэтому найденные предметы пролежали несколько лет в доме м-ра Додда, предлагавшего желающим купить их за недорогую цену. Потом х выбросили во двор, но позднее м-р Додд снова забрал их в дом еще раз попытался продать.

Некоторое время спустя м-р Додд рассказал об этом происшествии геологу д-ру Э. М. Бэруошу, работавшему в государственном учреждении провинции Онтарио. Последний сообщил мне, что в Порт-Артуре находится меч викингов. Я написал туда по этому поводу, но не получил ответа. Вся эта история представлялась мне настолько невероятной, что я не поехал в Порт-Артур, чтобы разобраться в этом деле. Однако позже м-р О. К. Эллиот из Кингстонского института (провинция Онтарио) осмотрел найденные предметы и чрезвычайно точно зарисовал их. Рисунок этот вместе с квалифицированным описанием предметов он послал мне. Я сразу понял, что это, несомненно, оружие викингов, и немедленно написал м-ру Додду, который после этого привез его ко мне в музей.

---

[1] Королевский зоологический музей Онтарио в Торонто — центре провинции Онтарио — и Торонтская публичная библиотека являются значительными культурными центрами Канады. См. Д. П у т н а м, Канада, Географические районы, Издательство иностранной литературы, 1955, стр. 303 и др.— *Прим. ред.*

Я установил, что оружие это составляет комплект, что у топора и меча одинаковый возраст и что они относятся примерно к 1000 г. Я спросил м-ра Додда, не нашел ли он еще чего-либо, так как знал, что при них должен был находиться еще один предмет. Он подтвердил, что над металлическим стержнем лежало еще что-то, имевшее форму шара, но распавшееся на мелкие ржавые обломки, которые он выбросил. Его слова подтвердили мои предположения. Поскольку человек, не знакомый с обычаями викингов, не мог ничего знать о железном наконечнике на рукоятке их щитов, я пришел к заключению, что эти предметы действительно найдены именно так, как это было мне описано. Как выяснилось, эти предметы, очевидно, были захоронены вместе с умершим.

И хотя мне было известно, что в скандинавских погребениях было найдено небольшое количество аналогичных предметов, я никогда не слышал о подобных находках в Англии, так как там лишь изредка встречались отдельные мечи и топоры. Я не знал ни одного случая, чтобы в Англии были обнаружены одновременно топор и меч. Поскольку за последние годы наблюдались случаи, повысившие бдительность археологов, я сначала заподозрил, что оружие лишь недавно привезено в район Бирдмора из Норвегии или Дании. Впрочем, приведенные данные рассеяли такое подозрение, и я приобрел эти предметы для Королевского археологического музея Онтарио.

Некоторое время спустя меня навестил м-р Джекоб и представил мне письменное сообщение об участии, которое приняли в этом деле он сам и м-р Лофхид. Он заявил, что названные предметы при первом же осмотре показались ему достаточно интересными, чтобы немедленно отправиться к месту их находки и проверить достоверность отдельных утверждений м-ра Додда. Он посетил это место и увидел, что сросшееся дерево незадолго до его прихода было перевернуто и там, где лежал меч, на скальной породе остался ржавый отпечаток. Он искал на ней также и отпечаток топора, но между топором и скальной породой, видимо, лежал слой наносов, и отпечатка топора нельзя было обнаружить.

Несколько позднее я получил от м-ра Фелтэма письменное подтверждение того, что он действительно видел, как эти предметы лежали на краю ямы.

Профессор Т. Ф. Мак-Илрэйт, сотрудник музея Онтарио, незамедлительно выехал в Бирдмор, и м-р Додд отвел его к месту находки. После некоторых поисков в том месте, где сначала производилась выемка грунта, удалось найти обломок металла. Он вполне мог быть частью металлического наконечника щита. Затем был найден еще один кусок, который, возможно, отломился от утолщенной части наконечника.

Вскоре после приобретения оружия его подвергли электрообработке. Это позволило удалить окислы, не нанося повреждений

самим предметам. Фотоснимки были посланы ряду видных археологов-скандинавистов. Все они сошлись на том, что меч и топор, по всей вероятности, изготовлены в один и тот же период, скорее всего между 900 и 1000 гг. Д-р Маттьяс Тордарсон, директор Исландского национального музея, приводит в своей работе «Путешествия в Винланд» снимки совершенно аналогичного меча и топора, датируя их изготовление 1000 г.

Пока мы подготавливали материалы для печати, в одной из газет города Виннипега появилась заметка. До автора ее, видимо, дошли слухи о находке в Порт-Артуре. По полученным репортером этой газеты сведениям, м-р Додд якобы нашел оружие не так, как он утверждал, а просто обнаружил его в снятом им доме, где оно было оставлено хозяином-норвежцем.

Мы немедленно организовали проверку в Порт-Артуре и установили, что м-р Додд вселился в этот дом лишь через 18 месяцев после того, как показывал оружие различным лицам. В конце концов, человек, давший сведения репортеру, сознался, что просто позволил себе пошутить, и подписал заявление о том, что никогда не видел найденных предметов.

Итак, мы поставлены перед почти невероятным фактом наличия погребения викингов вблизи озера Нипигон. Учитывая характерный для индейцев обычай делить между собой ценные вещи, нельзя допустить, чтобы три столь необычных предмета могли остаться вместе, если бы их перепродавали из племени в племя, начиная от залива Джемс или от побережья Лабрадора. Раньше всегда считалось, что описанные в сагах путешествия викингов в Америку ограничивались Атлантическим побережьем. Опубликовано много работ, в которых обсуждается, на каких именно участках побережья побывали викинги. Однако, видимо, никому еще не приходило в голову, что викинги могли, как это вытекает из описанной выше находки, доплыть до Гудзонова залива, спуститься по нему к заливу Джемс, а оттуда, следуя в южном и западном направлении, добраться до озера Верхнего.

Правда, существует хорошо известный индейский торговый путь от залива Джемс к озеру Нипигон. Оттуда основной торговый путь ведет по реке Нипигон. Другой маршрут ведет вверх по реке Блэкуотер к озеру Накина, откуда идет волок до верховья реки, текущей на юг, к озеру Верхнему. Река Блэкуотер описывает к востоку огромную дугу. Можно избежать 70-мильного плавания по опасной реке благодаря волоку протяженностью всего в несколько миль, который начинается выше устья и ведет через безымянное озеро к озеру Накина. Оружие викингов было найдено в непосредственной близости от этого кратчайшего пути[1].

[1] Сообщение Карелли, директора Археологического музея Онтарио (Торонто), о погребении викинга, обнаруженном в провинции Онтарио. См. C h. T. C u r e l l y, Viking weapons found near Beardmore, Ontario,

В начале XVIII в. датский исследователь Торфеус обратил внимание европейских ученых на то обстоятельство, что Америка почти за 5 веков до Колумба уже была открыта норманнами[1]. Исторический факт обнаружения Северной Америки норманнами в начале текущего тысячелетия не ставился позднее никем под сомнение. Он признавался даже Нансеном, который проявил несколько чрезмерный скептицизм, считая сказками отдельные места из имеющихся источников[2]. За последние 250 лет плаваниям викингов в Америку, и особенно в «славную страну Винланд», было посвящено бесчисленное множество работ. Самое серьезное из ранних исследований, имевшее для своего времени основополагающее значение и получившее высокую оценку Гумбольдта, принадлежит перу датчанина Рафна[3]. На основании материалов Рафна в течение 70 лет считалось общепризнанным, что норманны, поселившиеся в Гренландии за 15 лет (с 1000 до 1015 г.), совершили оттуда 6 плаваний к восточному побережью Северной Америки. Винланд — главная цель этих плаваний,— как полагали, находился на территории современного штата Массачусетс, в районе, где ныне расположен город Бостон.

Одновременно утвердилось мнение, что после этих немногочисленных плаваний Винланд и другие открытые норманнами в Америке земли — Маркланд и Хеллуланд — были, так сказать, преданы забвению и более не посещались, если не считать весьма редких и незначительных попыток. Так представляли себе ученые открытие Америки норманнами вплоть до начала XX в. Однако за последние десятилетия вся эта проблема несколько раз подвергалась коренному пересмотру. Появились не только новые гипотезы о вероятном местонахождении Винланда, но и число их за последнее время, как только тронулся лед научной традиции, стало бурно возрастать. Все чаще начали раздаваться голоса ученых, утверждавших, что плавания норманнов в Винланд продолжались в течение ряда веков после событий, засвидетельствованных в литературных источниках. Были сделаны такие археологические находки, на основании которых напрашивался неизбежный вывод, что гренландские викинги высаживались на территории Нового света в несравненно большем числе точек, чем это предполагали ранее. Они побывали не только на отдельных участках узкой полосы побережья, но и в районах, расположенных в глубине материка.

Со всей решительностью следует подчеркнуть, что «предоткрытие» Америки норманнами до сих пор остается единственным фактом, подтвержденным историческими данными. Возможно и даже вполне вероятно, что европейцы еще раньше попадали в Америку, однако до сих пор нет никаких доказательств, подкрепляющих эту гипотезу. Совершенно фантастическими кажутся все утверждения о том, что еще в древности представители каких-то

«Canadian Historical Review», March, 1939. Перевод этого сообщения на немецкий язык был уже опубликован автором. См. «Prähistorische Zeitschrift», 1937, B. 28—29, S. 415 (и след.).

[1] Th. Torfaeus, Historia Vinlandiae antiquae, Köbenhavn, 1705.

[2] F. Nansen, Nord i taakeheimen, Christiania, 1911; Nebelheim, Leipzig, 1911.

[3] C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837.

средиземноморских народов, например египтян, иудеев, финикиян и т. п., якобы добирались до Нового света. Все появлявшиеся время от времени сообщения об обнаружении строений, монет, захоронений семитских племен пока оказывались недостоверными.

Особенно это относится к «Святой книге» мормонов, которую основатель этой странной секты Джозеф Смит якобы раскопал 22 сентября 1823 г. на каком-то холме неподалеку от города Пальмира в штате Нью-Йорк, после того как ночью его озарило видение. В этой книге мормонов имеется «История древнего населения Америки», где рассказывается о том, что в 600 г. до н. э. иудейский пророк Лехи прибыл из Иерусалима в Америку в сопровождении многочисленных соплеменников. 100 лет спустя иудеи вступили в братоубийственную войну, и бог наказал их за это, дав им красную кожу индейцев, подобно тому как он покарал когда-то потомков Каина черным цветом кожи. Мормоны и поныне верят в эту сказку из «Святой книги» и используют ее в своих проповедях.

В настоящее время не остается никаких сомнений в том, что норманским первооткрывателем Америки был Лейф, сын Эйрика Рыжего, открывшего и заселившего Гренландию. Памятник Лейфу, открытие которого состоялось в Бостоне 29 октября 1887 г., был действительно воздвигнут в честь первого истинного предшественника Колумба, как бы ни старались поставить на одну с ним ступень то упоминавшегося выше (см. гл. 102) Бьярни, сына Херьюлфа, который по собственной нерешительности упустил славу первооткрывателя, то норвежца Торфинна Карлсефни.

Для выяснения и решения этого вопроса сошлемся на материал, приведенный в гл. 102. Как там показано, различные противоречия в сообщениях об открытии Америки норманнами в основном отпадают, стоит только принять во внимание, что расхождения в памятниках касаются *лишь имен участников плаваний*, тогда как описание самих *фактов во всем* совпадает.

Из гл. 102 следует, что честь первого беглого ознакомления с Американским континентом поочерёдно приписывается то Бьярни, сыну Херьюлфа, то Лейфу, сыну Эйрика Рыжего. В одной из саг подлинным первооткрывателем и исследователем новой земли назван Лейф, сын Эйрика, а в другой — Торфинн Карлсефни. Однако между источниками нет существенных разногласий, когда речь идет о том, что норманские мореплаватели, отправившиеся в путь для исследований замеченных ими ранее берегов, поочередно обнаруживают сначала пустынную каменистую равнину (Хеллуланд), затем лесистую страну (Маркланд) и, наконец, изобилующий диким виноградом прекрасный Винланд. Как подчеркивает Неккель, в сагах вообще нередки случаи, когда «одно и то же событие в разных источниках связывается с разными лицами»[1]. Спрашивается только, *какое же из противоречащих друг другу сообщений заслуживает большего доверия* и какие, несомненно, были позднее искажены.

[1] G. N e c k e l, Die erste Entdeckung Amerikas durch die Nordgermanen im J. 1000, Leipzig, 1934, S. 18.

Сага об Эйрике Рыжем и сага «Хеймскрингла» возникли в XI в. *в Исландии*, а «Рассказ о гренландцах» — *в Гренландии*. Хотя последний и был записан лишь в XIII или XIV в., он опирается на очень старинное, восходящее к XI в. изустное предание одной из семей, непосредственно участвовавших в описываемых событиях. В конце саги прямо сказано, что основная часть содержащихся в ней сведений почерпнута из личных рассказов одного из главных участников — Торфинна Карлсефни. Это представляется вполне вероятным, и если даже со временем в первоначальный текст саги могли вкрасться искажения, все же нет причины сомневаться в правдивости основных сообщений саги. Между тем этот источник, восходящий к самому Торфинну, при описании истории открытия отдает пальму первенства Лейфу. Относительно плавания Торфинна он ограничивается одной-единственной фразой: «Они вышли в море и благополучно прибыли к домам Лейфа». Отсюда со всей очевидностью следует, что по крайней мере сам Торфинн никогда не претендовал на честь считаться первооткрывателем Хеллуланда, Маркланда и Винланда. Заслуживает доверия и то обстоятельство, что наряду с прославленным Лейфом, открывшим Винланд, упоминается также его незначительный предшественник Бьярни (см. стр. 308—309).

В противоположность этим бесспорным преимуществам гренландского текста, в исландской саге гораздо больше *сказочных элементов и алогизмов*. В гл. 102 уже отмечался один из них. Так, из исландской саги неясно, за что, собственно, Лейф получил свое прозвище «Счастливый», если во время первого плавания он только издали видел неизвестную страну на западе, но не высадился на ее берегу, при втором плавании ему совсем не удалось ее обнаружить и подлинным первооткрывателем стал его последователь Торфинн.

Уже этот бросающийся в глаза алогизм вызывает недоверие. К тому же, как показал Штехе, исландская сага тенденциозна и преследует цель представить живших в Исландии потомков Торфинна и Гудрид как особо заслуженный род[1]. Тем больше оснований не доверять содержащемуся в ней изложению событий.

Чрезвычайно сильно развитое чувство родовой чести, свойственное людям того века, видимо, побуждало приукрашивать роль предков. Вот что пишет Фишер по этому поводу: «Хаук был потомком прославленного Карлсефни, и поэтому, весьма вероятно, перетасовал факты в пользу своего предка»[2].

Аналогичные опасения высказывал еще Норденшельд: «Не следует упускать из виду, что исландские саги о Гренландии — это главным образом семейные хроники, в которых описывается участие того или иного знаменитого рода в гренландских плаваниях и необычайных приключениях во время экспедиций. Об обычных рыболовных и торговых плаваниях в них даже не упоминается».

Сходное толкование дает Штехе: «Торфинну приписаны все славные подвиги, совершенные другими... Автор возвысил своего главного героя

[1] T. S t e c h e, Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1938, S. 68 (и след.).

[2] J. F i s c h e r, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, 1902, S. 11 (и след.).

и преуменьшил заслуги выходца из другого рода... Обиженный автором саги Лейф, сын Эйрика...»[1]

Факты, сообщенные в саге об Эйрике Рыжем, очевидно, достоверны, но имена участников умышленно изменены. Данное в саге описание плавания Торфинна к Винланду, конечно, не вызывает недоверия. Однако возникает подозрение, что в повествовании сознательно «смешаны события, происшедшие во время двух или более плаваний к Винланду»[2]. Поэтому мы можем со спокойной совестью и с полной уверенностью утверждать, что *предвестником открытия Америки был Бьярни, сын Херьюлфа, а подлинным первооткрывателем — не кто иной, как Лейф, сын Эйрика Рыжего.*

Генцмер тоже недавно признал такое толкование единственно возможным[3]. В этой связи он обращает внимание на следующее обстоятельство. В упоминавшейся саге говорится, что «открыватель Торфинн нашел у мыса Кап-Кьялярнес киль корабля». Гренландский текст также упоминает об этом киле, сообщая, что его установил в качестве опознавательного знака Торвальд, второй сын Эйрика Рыжего, во время своего неудачного плавания к Винланду, открытому его братом Лейфом. Это, видимо, окончательно проливает свет на то, что Торфинн не мог быть подлинным первооткрывателем, как утверждает подвергшаяся обработке исландская сага, и что его плавание к Винланду было четвертым по счету.

Исландское предание удачно комментирует Генцмер: «Все, что Торфинн и Гудрид, вероятно, *рассказывали* о других плаваниях к Винланду, позднее было *вплетено* в повествование об их собственном плавании»[4].

Итак, автору этих строк остается лишь подписаться под следующим положением Штехе: «Для изучения плаваний Лейфа, Торвальда и Фрейдис к Винланду достоверный материал дает в основном *только* гренландский текст, тогда как «Сага о Гудрид» (об Эйрике Рыжем) не представляет в этом отношении почти никакой ценности»[5].

И без того весьма сомнительная достоверность последней саги была еще больше подорвана Генцмером, доказавшим, что вся она подверглась переработке в христианском духе каким-то переписчиком, вероятно монахом[6].

За признание «Рассказа о гренландцах» единственным заслуживающим доверия документом говорит также следующее соображение. В гренландском источнике сообщается, что Эйрик Рыжий, отец Лейфа, скончался на следующую зиму после возвращения Лейфа из плавания в Америку[7], еще до окончательного утверждения христианства в Гренландии[8].

---

[1] Статья Штехе. См. «Zeitschrift für deutsche Philologie», 1935, B. 60, S. 121.

[2] Ibidem, S. 144.

[3] F. G e n z m e r, Die isländischen Erzählungen von der Winlandfahrten, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache», 1944, B. 67, S. 28, 13.

[4] Ibidem, S. 13.

[5] T. S t e c h e, op. cit., S. 136.

[6] F. G e n z m e r, op. cit., S. 13 (и след.).

[7] «Thule», B. 13, S. 38.

[8] Ibidem, S. 40.

Исландская же сага утверждает, что Торфинн Карлсефни, который вернулся в Гренландию из Винланда на 7 лет позже, чем Лейф, якобы «провел зиму у Эйрика Рыжего»[1]. О смерти Эйрика Рыжего в этой саге вообще ничего не говорится. Из всего изложенного с достаточной убедительностью следует, что этот источник освещает события гораздо менее точно, чем «Рассказ о гренландцах». Итак, этот рассказ со всех точек зрения представляется самым правдоподобным из всех повествований о плаваниях в Винланд[2].

Особенно важное значение для решения этих спорных проблем имеют записи Николая Тингейрского. Настоятель североисландского монастыря Тингейр жил в XII в., то есть в то время, когда между Гренландией и Исландией, с одной стороны, и Винландом — с другой, видимо, еще поддерживались довольно оживленные связи (см. гл. 109). Настоятель Николай считается «лучшим географом старой Исландии»[3]. Следовательно, его сообщение можно рассматривать как самое компетентное для того времени. Между тем Николай Тингейрский утверждает, что именно Лейф открыл Винланд. Тем самым можно считать окончательно установленной фальсификацию исторических фактов в «Саге о Гудрид». Поскольку настоятель там же поднимает вопрос о том, что Винланд, возможно, соединяется сушей с Африкой, представляется очевидным, что в его время эту страну уже считали не островом, а частью обширного материка. Если бы в те времена норманнам было что-либо известно о Восточной Азии, «Индии» и Катае (Cathai), им, наверное, пришла бы в голову идея Тосканелли и Колумба: они решили бы, что находятся в Азии. Указание, что «между Африкой и Маркландом простирается «Мировой океан», по взглядам того времени означает всего лишь, что Винланд омывается приливным морем.

Нансену принадлежит оригинальная, но вызвавшая решительные возражения[4] попытка без долгих разбирательств причислить к разряду легенд *все* норманские рассказы о Винланде и объявить его сказочной страной молочных рек и кисельных берегов, лишенной какой-либо исторической реальности[5]. Чрезмерный скептицизм Нансена, во многом отрицательно сказавшийся на его прекрасном и ценном в других отношениях труде, опирается на очень слабые аргументы, к тому же частично *явно ошибочные*. Так, например, он иронизирует по поводу того, что в гренландском тексте немец Тюркер, обнаружив первым дикий виноград, приходит по этому поводу в безумный восторг. Нансен пишет: «Соратник Лейфа объелся (!) виноградом до полного опьянения!»[6] При этом он упускает из виду, что свежий виноград не содержит алкоголя, так что даже чрезмерное его потребление не может привести

---

[1] «Thule», S. 26.

[2] Новый немецкий перевод всех рассказов о Винланде содержится в цитировавшейся работе Штехе; новый английский перевод текстов, собранных исландцем Маттьясом Тордарсоном (Matthias Thordarson), опубликован Уолтерсом в 1930 г. в Нью-Йорке.

[3] T. S t e c h e, op. cit., S. 65 (примечание 4).

[4] Статья Могка. См. «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft in Leipzig», B. 10, H. 4.

[5] F. N a n s e n, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 357 (и след.).

[6] Ibidem, S. 419.

к «опьянению»[1]. Наконец, в этой истории речь идет вовсе не об объедении виноградом и не о состоянии опьянения, а лишь о необычайно сильном душевном *возбуждении* выходца из винодельческих районов Германии. Ведь Тюркер неожиданно увидел в только что открытой стране лозы, напомнившие ему о детстве. Именно эта часть рассказа производит настолько чистосердечное и трогательное впечатление, что либо автором прекрасного отрывка мог быть только *по-настоящему* крупный поэт, либо в нем описано *подлинное* происшествие. Поскольку в художественном отношении рассказ нигде не поднимается выше среднего уровня, последнее предположение представляется, безусловно, самым вероятным. Гренландцы, разумеется, не знали, как выглядят виноградные лозы и грозди. Поэтому вдвойне правдоподобно сообщение о том, что описанный трогательный эпизод приключился с немцем, выходцем из винодельческих районов.

Скептическое отношение Нансена к рассказам о Винланде основано, как и в ряде других случаев, на сомнительных литературоведческих рассуждениях. Поскольку некоторые мотивы северных рассказов встречаются еще в классической античной литературе, Нансен, не долго думая, все подобные случаи объявляет заимствованиями. Этой своей односторонней склонностью предполагать повсюду заимствования он сближается со своим знаменитым земляком Софусом Бугге; Генцмер удачно заметил в его адрес: «Зачастую ему достаточно было самого отдаленного сходства, чтобы утверждать, якобы германцы были подражателями, словно им самим ничего не могло прийти в голову без посторонней помощи»[2].

Сомнения Нансена тем менее основательны, что на восточном побережье Северной Америки действительно издавна росли «дикие злаки» и «дикий виноград». Дикий виноград *Vitis vulpina*, а также *Cordifolia* и *Riparia* встречаются к северу до залива Мирамичи в провинции Нью-Брансуик[3]. Остается невыясненным, следует ли понимать под дикими злаками *Zizania aquatica* или *Elymus arenarius* (как полагает Лёвенталь)[4]. Правомерны оба толкования.

И в наши дни дикий виноград растет еще в разных районах земного шара, в частности на равнине Верхнего Рейна и на восточном побережье Северной Америки, где в прошлом он, наверное, имел значительно большее распространение. Неслучайно большой остров, расположенный недалеко от побережья Массачусетса, до сих пор называется Мартас-Вайнъярд (Виноградник Марты); современный остров Орлеан на реке Святого Лаврентия носил когда-то название остров Вакха; южная часть залива Мирамичи до настоящего времени называется Бэ-дю-Вен (Виноградная Бухта), а впадаю-

---

[1] Как это ни странно, Неккель тоже допустил эту необъяснимую ошибку. См. op. cit., S. 36. Он пишет, что «старый Тюрк» наелся винограда до «настоящего опьянения». С этим заблуждением мы, впрочем, сталкиваемся и в первой книге «Правдивых историй» Лукиана. Там тоже идет речь о Виноградном острове, на котором мореплаватели пьянеют, наевшись винограда (!). [«Правдивые истории» Лукиана. См. Лукиан, Соч., М.—Л., 1935, т. II, стр. 164.—*Ред.*]

[2] F. Genzmer, op. cit.

[3] T. Steche, op. cit., S. 20.

[4] «Zeitschrift für Ethnologie», 1920/21, S. 210.

щая в нее река — Бэ-дю-Вен-Ривер (Река Виноградной Бухты). Когда в 1524 г. итальянец Веррацано, находившийся на французской службе, вновь открыл эти изобилующие виноградом прибрежные районы, он дал им следующее описание, мало чем отличающееся от норманских рассказов:

«[Лозы] оплетают деревья, как на юге Франции. Если бы их по-настоящему обрабатывали, то из гроздей можно было бы изготавливать превосходное вино, ибо они сладки и приятны на вкус и вряд ли уступают нашему винограду»[1].

Правда, друг автора проф. Л. Михаэлис, живущий в США, писал по этому же поводу прямо противоположное: «Дикого винограда здесь в Новой Англии огромное количество; во времена сухого закона мы часто пользовались им, чтобы самим изготавливать вино. По вкусу это нечто среднее между мускателем и гвоздичным маслом, так что я не завидую викингам, если у них не было ничего лучшего».

Но гренландские викинги явно не были большими знатоками вина и вряд ли предъявляли особенные претензии к его вкусу. Кроме того, нужно иметь в виду, что вкусовые качества винограда очень различны в разные годы. Во всяком случае, в 1820 г. в научном труде, посвященном описанию штатов Массачусетс и Коннектикут, прямо подчеркивалось, что «деревья со всех сторон поросли диким виноградом... Его гроздья высоко ценятся, так как отличаются отменным вкусом и полезны для здоровья»[2].

В специальном докладе Исторического общества штата Род-Айленд от 30 ноября 1834 г. приводится следующая справка о диком винограде в Массачусетсе: «Этот район страны изобилует различными сортами винограда»[3].

В общей сложности на восточном побережье Северной Америки насчитывается 30 различных сортов дикого винограда[4]. Факт наличия здесь дикого винограда — самое веское опровержение гипотезы Нансена, что история о Славном Винланде заимствована авторами саг из Горация или Лукиана. Странное предположение еще за 20 лет до Нансена высказал вскользь Гельцих, который, впрочем, не сомневался в достоверности содержания саг, но отрицал, что оно имеет какое-либо отношение к Америке. Вся его смелая гипотеза была обоснована только одним предложением. Гельцих писал: «В Исландии имелись сведения, что на юге или юго-западе (точно никто этого не знал) находится *Страна виноградников* (Испания), что путь туда ведет мимо чудесных каменных *скал* (Фингалова пещера!), что в Ирландии священники, облаченные в белые одежды, шли во главе процессий с развевающимися знаменами и т. п., все это было сведено воедино в саге о плаваниях в Хеллуланд и Винланд»[5].

---

[1] Письмо Веррацано королю Франции Франциску I. См. R a m u s i o, Navigazioni et viaggi, Venezia, 1566, B. III.

[2] D. B. W a r d e n, Description des États-Unis de l'Amérique, Paris, 1820, t. I, p. 455; t. II, p. 15.

[3] C. C h r. R a f n, op. cit., S. 361 (и след.).

[4] К. Р и т т е р, указ. соч., стр. 169.

[5] E. G e l c i c h, Über die Materialien zur vorcolumbischen Geschichte Americas, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1890, S. 104; «Society of Canada», ser. 3, v. III, p. 197 (и след.).

Автор этих строк не может себе представить, чтобы такой уважаемый и здравомыслящий исследователь, как Гельцих, продолжал бы отстаивать в серьезной дискуссии эту крайне неудачную гипотезу — явное следствие случайного и временного заблуждения. Опровергать ее нет необходимости. Даже Нансен, наверное, решительно возражал бы против нее, хотя как раз его позиция в данном вопросе больше всего сближается с точкой зрения Гельциха. Более 30 лет никто не разделял скептического отношения Нансена к сообщениям о Винланде, однако позднее с ним согласился Шель[1]. Этот исследователь считает рассказы о плаваниях в Хеллуланд и Маркланд исторически достоверными и отнюдь не сомневается в том, что норманны достигли Америки. Но он все же склонен, следуя за Нансеном, считать сказками все сообщения о Винланде. Шель не приводит ни одного сколько-нибудь убедительного довода в пользу своей точки зрения. Между тем против нее можно выдвинуть чрезвычайно веские аргументы.

Весьма существенным доказательством достоверности саг следует признать, например, упоминание о кленах с красивой структурой древесины, обнаруженных норманнами в западных странах. Торфинн, например, возвратившись в Норвегию, продал статую из такой древесины одному бременскому купцу за очень дорогую цену — половину золотой марки, то есть примерно за 3250 современных золотых марок[2]. Как известно, такие клены (*Acer sachanum* и др.) действительно растут в Северной Америке, и только там[3]. Эта характерная особенность могла попасть в саги только благодаря действительному происшествию. Короче говоря, можно со спокойной совестью присоединиться к мнению Неккеля о том, что сообщения об открытии Винланда Лейфом так же достоверны, как и любой другой исторический источник[4].

Другое сообщение из области ботаники о том, что норманны валили в Винланде виноградные деревья, неоднократно вызывало скептические замечания и даже выдвигалось как доказательство неправдоподобности всего рассказа. Ведь лоза — это тонкое растение, которое «валить», разумеется, нельзя, но от саг нельзя требовать научной точности. Норманны вполне могли называть виноградными те деревья, которые были со всех сторон обвиты лозами. Следовательно, это опровержение несущественно. Впрочем, некоторые исследователи вообще сомневались в том, что Винланд обязан своим названием винограду. Так, в 1910 г. Ферналд писал, что норманны могли принять за виноград бруснику, которая повсеместно распространена на Лабрадоре, Ньюфаундленде и т. д.[5] Из этих ягод нередко делают вино; не случайно на шведском языке смородина называется *vinbär*, то есть винной ягодой. Сравнительно недавно гипотезу Ферналда поддержал Греэм[6]. Если принять во внимание, что дикий виноград действительно встречается на

---

[1] O. Scheel, Die Wikinger, Stuttgart, 1938, S. 320 (и след.).
[2] «Thule», B. 13, S. 49 (и след.).
[3] W. F. Genong, The identity of the animals and plants mentioned in the early voyages to Eastern Canada and Newfoundland.
[4] G. Neckel, op. cit., p. 48.
[5] M. I. Fernald, Notes of the plants of Wineland the Good, «Rhodora», Boston, 1910, p. 18 (и след.).
[6] R. D. Graham, Kurs West zu Nord, Berlin, S. 152 (и след.).

обширных территориях восточного побережья Северной Америки, то такое объяснение представляется хотя и вероятным, но довольно искусственным и, во всяком случае, излишним.

Совершенно очевидно, что эта новая трактовка утрачивает всякий смысл, если считать достоверным эпизод с Тюркером — выходцем из немецких виноделъческих районов. Смешно будет выглядеть и «валка виноградных деревьев», которой занимались товарищи Лейфа, если понимать под ней сбор ягод. Между тем старые виноградные лозы и в самом деле подчас достигают толщины древесного ствола (это касается и «дикого винограда», используемого в Германии в качестве декоративного растения).

Совсем экстравагантной представляется нам одна из последних трактовок, предложенная Таннером[1]. Этот исследователь утверждает, что слово «Винланд» вообще отнюдь не означает «Виноградная страна», а связано со словом *vin* (то есть луг, пастбище), встречающимся также в старинном названии норвежского города Бергена — Бьюргвин (Горный луг). В соответствии с этим Винланд, который Таннер помещает на Ньюфаундленде, якобы означает просто «Страна пастбищ». Предположение, что Ньюфаундленд могли назвать «Страной пастбищ», абсурдно. Тысячу лет назад Ньюфаундленд был типичной лесной страной, которую и после 1500 г. все еще до самых берегов покрывал лес[2]. Даже в настоящее время там «пахотные земли и пастбища занимают незначительную площадь»[3]. Следовательно, о «Стране пастбищ» поистине никогда не могло быть и речи. В своем специальном исследовании Торарирссон, который, пожалуй, излишне снисходительно относится к работе Таннера, замечает по поводу нового толкования понятия «Винланд»: «Оно не убедило меня» — и продолжает: «В основу наименований, данных Эйриком [Рыжим] и Лейфом, положены результаты их наблюдений, причем сами названия в те времена... в еще большей степени были связаны с природой»[4].

Для решения вопроса, следует ли понимать под словом «Винланд» «Страну винограда» или «Страну пастбищ», достаточно уяснить себе, что виноград здесь действительно встречается во многих местах, тогда как никаких пастбищ на Ньюфаундленде не было. К чему же долгие раздумья?

Еще Нансен писал о том, что, согласно газетным сообщениям, швед Сёдерберг, скончавшийся в 1901 г., пытался в одном из докладов истолковать «Винланд» как «Страну пастбищ»[5]. Однако Нансен решительно протестует против подобного переосмысления всех исторических данных и полностью опровергает его, указывая, что древнее слово *vin* в значении «луг», «пастбище» в XI в., когда Винланд получил свое название, уже не употреблялось[6].

---

[1] V. T a n n e r, De gamle nordbornar Helluland, Markland och Vinland, Abo, 1940.

[2] F. N a n s e n, op. cit., B. I, S. 347.

[3] B r o c k h a u s, Konversationslexikon, B. 13, S. 299.

[4] S. T h o r a r i r s s o n, Vinlandsproblemet. ågra reflexioner med anledning av. Tanners skrift, «Ymer», Stockholm, 1942, S. 44.

[5] F. N a n s e n, Nebelheim, B. I, S. 403, 477.

[6] «Sydsvenska Dagbladet Snällposten», Oktober 30, 1901.

Проф. Генцмер устно сообщил автору 16 июля 1943 г., что все географические названия, включающие слово *vin*, то есть «луг», «пастбище»,— довикингского происхождения. К 1000 г. таких наименований уже не сохранилось. Следовательно, положение Таннера не выдерживает никакой критики и с позиций исторического языкознания.

Итак, слово «Винланд» около 1000 г. уже не могло означать «Страна пастбищ». Не только саги, но и сообщение Адама Бременского, относящееся к тому же периоду, неоднократно подчеркивают, что именно винограду страна обязана своим названием. Наконец, дикий виноград и сейчас еще нередкое явление на восточном побережье Северной Америки, а раньше, конечно, встречался там в значительно большем количестве. Если все это так, то чего ради, спрашивается, вновь и вновь прибегать к отдающим дешевым оригинальничаньем теоретическим выкрутасам, вроде трактовки Таннера?

Все старания опровергнуть или иначе истолковать сообщения саг о Винланде до сих пор оказывались попытками с негодными средствами. Брёггер имел полное основание заявить: «Ультракритически настроенные исследователи собрали массу материала, чтобы доказать нам, насколько сказочный и неправдоподобный характер носит все описание Винланда. В действительности же тенденции подобных исследователей и полученные ими результаты значительно наивнее и фантастичнее, чем большая правда, именуемая Винландом»[1].

Как раз в этой связи следует привести справедливые слова покойного Шухардта, направленные против стремления некоторых исследователей изыскивать все более новые и необычные толкования совершенно ясных и недвусмысленных источников. Шухгардт написал, что в своих научных рассуждениях он без пространных обоснований отбрасывал в сторону «гротескные гибриды, появляющиеся, подобно буйным побегам, в пору всякого пышного цветения и роста»[2]. Толкование Таннера, наряду со многими другими трактовками проблемы Винланда, тоже относится к этим «гротескным гибридам».

Неясным, впрочем, остается до сих пор, несмотря на бесчисленное множество исследований, посвященных этому вопросу, в каком именно месте побережья Северной Америки высадился Лейф и действительно ли его последователи побывали в тех же самых краях? Правда, в сагах утверждается, что участники четырех из пяти последующих экспедиций в Винланд побывали в тех самых районах, которые открыл Лейф, но вряд ли этому можно верить. Именно самая интересная из всех последующих экспедиций, предпринятая богатым норвежским купцом Торфинном и его женой Гудрид и ставившая целью заселить открытое Эльдорадо, видимо, не достигла самого Винланда, хотя «Рассказ о гренландцах» и уверяет в обратном. Даже из довольно ранних записей исландского историка настоятеля Николая Тингейрского о том, что Торфинн побывал там, где «предполагали» Винланд, можно заключить,

---

[1] A. W. Brögger, Windlandfahrten, Hamburg, 1939, S. 101 (и след.).
[2] K. Schuchhardt, Vorgeschichte von Deutschland, München — Berlin, 1935, B. IV.

что норвежский купец сбился с пути и вообще не нашел этой страны. Штехе полагает, что он не был дальше Ньюфаундленда[1], и Генцмер присоединился к его мнению[2].

Оставим поэтому открытым вопрос о том, высаживались ли участники позднейших экспедиций в Винланд на том же участке побережья, что и Лейф. Решающим фактором остается безусловная уверенность в том, что уже в XI в. многие норманны побывали в Америке.

Что же касается местоположения Винланда, то общепризнано, что он мог находиться только на Американском материке. С этим не согласен один Муньос, предпринявший в 1793 г. странную и необъяснимую попытку поместить Винланд в Гренландии[3]. Здесь, разумеется, нет возможности рассмотреть все бесчисленные попытки решить проблему Винланда[4]. Мы ограничиваемся поэтому более подробным анализом тех из них, которые были предприняты за последние 50 лет.

В XIX в. ни у кого не возникало сомнений, что Лейф побывал на территории современного Массачусетса или, на худой конец, в южной части Новой Шотландии. Между тем в XX в. появилось такое огромное количество самых противоречивых предположений и точек зрения, что в конечном счете все они взаимно опровергают друг друга. Остается лишь ощущение полного недоверия к каким-либо дальнейшим попыткам подобных сверхоригинальных толкований.

Такие гипотезы начали появляться лишь с 1910 г. К ним относится уже упоминавшееся выше утверждение Ферналда, якобы Лейф и его спутники обнаружили вовсе не виноград, а бруснику. Соображения географического порядка привели Стинсби в 1918 г. к новому толкованию[5]. Он пытался доказать, что, следуя неизменно вдоль побережья Лабрадора, Лейф должен был попасть в пролив Белл-Айл, отделяющий этот полуостров от Ньюфаундленда, а по проливу проникнуть во внутреннюю часть залива Святого Лаврентия, на южном берегу которого он и нашел, очевидно, свой Винланд. Это предположение Стинсби было впоследствии поддержано Фоссумом[6] и Холмом[7], а в Германии — Штехе[8]. Последний весьма определенно указывает на залив Мирамичи в северо-восточной части Нью-Брансуика и даже на его южную часть, уже упоминавшуюся выше Бэ-дю-Вен, как на самое вероятное местонахождение открытого Лейфом Винланда.

---

[1] T. Stechе, op. cit.
[2] F. Genzmer, op. cit., S. 21.
[3] J. B. Muñoz, Historia del nuevo mundo, Madrid, 1793.
[4] Прекрасный обзор всей предшествующей литературы о Винланде см. J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 87 (и след.).
[5] H. P. Steensby, The Norsemen's route from Greenland to Wineland, Köbenhavn, 1918.
[6] A. Fossum, The Norse discovery of America, Minneapolis, 1918.
[7] G. Holm, Small additions to the Vineland problem, «Meddelelser om Grönland», Köbenhavn, 1925, B. 59.
[8] T. Stechе, op. cit., S. 125 (и след.).

Херманссон пытался искать Винланд у залива Пассамакуодди между Нью-Брансуиком и США[1]; Ховгард[2] и Грэй[3] у полуострова Кейп-Код, Бэбкок[4] — у залива Маунт-Хоп в штате Род-Айленд; Ганьон[5] — там же или в Массачусетсе; Гаторн-Харди[6] — даже в устье реки Гудзон; Мьелде[7] — у Чесапикского залива, и в довершение всего Мунн и Таннер[8] — у залива Пистолет на Ньюфаундленде, а Рёйтер[9] — на Флориде!

С каким упорством отстаивались эти странные предположения, видно из того, что Таннер с такой же уверенностью пытался доказать, что Винланд ни в коем случае не может находиться южнее 48° с. ш., с какой Рёйтер утверждал, что его не следует искать севернее 31° с. ш.!

Как же разобраться в этом клубке противоречивых мнений? Прежде всего следует учесть, что во время своего первого пребывания на только что открытых землях норманны не занимались их тщательным исследованием и руководствовались, видимо, лишь соображениями экономической выгоды. В противном случае Лейф должен был бы тщательно исследовать обнаруженный им раньше Хеллуланд, на который он, однако, почти не обратил внимания, найдя его «лишенным всякой привлекательности». Нельзя, наконец, подходить к плаваниям норманнов с позиций современных географических экспедиций, поскольку к новым землям норманнов обычно привлекали только хорошие пастбища и луга, густые леса, хорошие охотничьи угодья и различные трофеи. Поэтому бессмысленно было бы предполагать, что они занимались систематическим обследованием каждой обнаруженной ими бухты, пролива и т. п., если они не хотели *обосноваться там надолго*. подобно Эйрику Рыжему в Гренландии.

По соображениям психологического характера, автор этих строк считает неправдоподобным предположение, что норманны свернули в пустынный пролив Белл-Айл и прошли по нему более 100 *км*, когда чуть дальше к югу их манил к себе покрытый гостеприимными лесами Ньюфаундленд. Пролив Белл-Айл и в настоящее время остается чрезвычайно неудобным и мало используемым водным путем, изобилующим коварными рифами и окруженным пустынными берегами. Вот как пишет Рёйтер о его отрицательных осо-

---

[1] H. Hermannsson, The Wineland voyages: a few suggestions, «Review of the American Geographic Society», 1927, v. XVII.

[2] W. Hovgaard, The voyages of the Norsemen to America, New York, 1914.

[3] E. F. Gray, Leif Eriksson, discoverer of America, London, 1930.

[4] W. H. Babcock, Early norse visits to North America, «Smithsonian miscellaneous collections», Washington, 1913, v. LIX, No 19.

[5] A. Gagnon, Le Vinland, «Bulletin de la Société de Géographie de Quebec», 1917, v. XI, p. 114.

[6] G. M. Gathorne-Hardy, The norse discoverers of America, Oxford, 1921.

[7] M. Mjelde, The Norse discoveries of America, The Eyktarstadr Problem, «Saga-Book of the Viking Society», 1928/29, v. X, p. 164.

[8] Статья Мунна. См. «Geographical Journal», 1932, v. LXXX, p. 95. Статья Таннера. См. op. cit.

[9] O. S. Reuter, Island und die erste Entdeckung Amerikas, «Mannus», 1941, S. 316 (и след.).

Рис. 8. Карта исландца Сигурда Стефанссона (1570 г.).
На карте показан Винланд (Скрелингерланд) в районе Массачусетса.

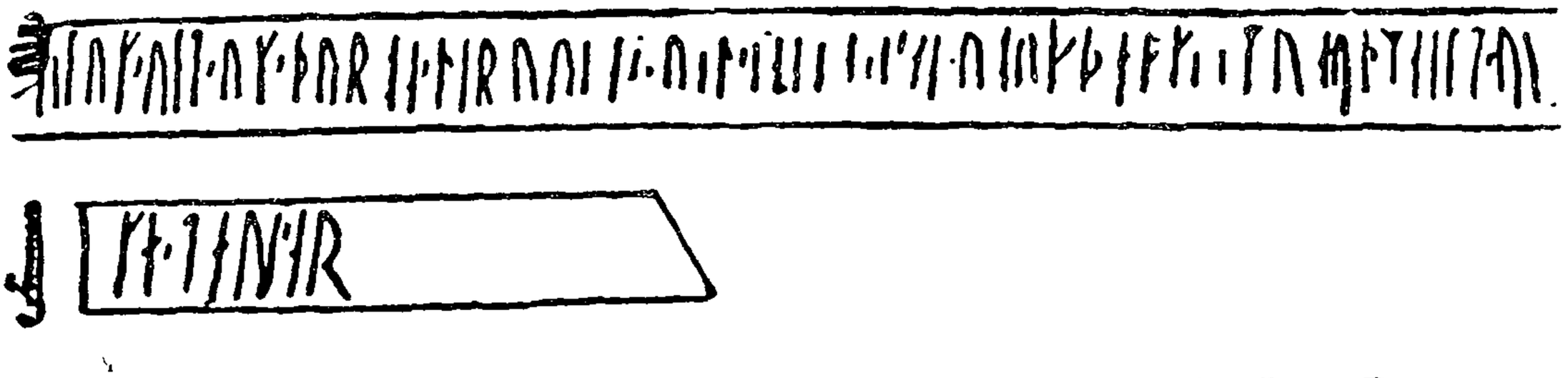

Рис. 9. Хёпенский камень с руническою надписью (район Рингерике).
В надписи упоминается о плавании в Винланд в XI в.

бенностях: «Страшная пустыня вокруг», «дрейфующие льды затрудняют судоходство в проливе»[1]. Что же могло заставить норманнов, искавших по-настоящему хороших земель, несмотря ни на что, пройти вдоль всего этого неприятного и весьма длинного пролива? Бэбкок, очевидно, был прав, заявляя по поводу этого предположения Стинсби: «Вероятно, они, подобно многим более поздним мореплавателям, считали пролив Белл-Айл таким же фьордом, как и расположенный севернее залив Гамильтон»[2]. Бэбкок, который в специальной работе дал критический анализ всех высказываний о Винланде[3], появившихся до 1921 г., и особенно точек зрения Ховгарда, Фоссума, Виньо, Делабарра и Стинсби, приходит к весьма примечательному выводу: «Складывается впечатление, что Рафн был близок к истине в вопросе о самой южной точке, достигнутой норманнами»[4].

Автор хотел бы полностью присоединиться к этой точке зрения и полагает, что и в настоящее время больше всего оснований отождествлять Винланд с Массачусетсом. Никак нельзя понять, чего ради Лейф, сын Эйрика Рыжего, следовавший на юг вдоль побережья Лабрадора, достигнув пролива Белл-Айл, вдруг якобы свернул в него, сойдя с прежнего курса. Так мог бы поступить современный мореплаватель-исследователь. Но какие причины могли заставить норманна, который имел возможность выбирать между поворотом в непривлекательный залив и курсом на прекрасные лесные массивы Ньюфаундленда, отдать предпочтение первому? Если видимость была хорошей, то он заметил на юге заманчивые леса и должен был направиться к ним. В противном случае, если учесть знаменитые ньюфаундлендские туманы, он, вероятно, вообще не заметил пролива Белл-Айл, как это бывало впоследствии со многими мореплавателями, и никак не мог войти в него. До этого Лейф прошел мимо ряда больших и малых фьордов на побережье Лабрадора, не обращая на них никакого внимания, почему же он стал бы вести себя иначе у входа в пролив Белл-Айл? Такая психологическая неувязка сразу же разбивает гипотезу Стинсби — Штехе о плавании по проливу Белл-Айл. Этот вопрос имеет решающее значение для всей проблемы местоположения Винланда.

В саге, правда, говорится, что, отправившись из Маркланда, Лейф в течение двух дней плыл по открытому морю «при северо-восточном ветре», что у норманнов означало юго-западное направление. Однако нужно иметь в виду, что название «Маркланд» в равной степени подходит и к Ньюфаундленду и к южной части Лабрадора. Это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о том, что Лейф свернул в Белл-Айл, так как, проплыв вдоль восточного побережья Ньюфаундленда, он тоже должен был идти 2 дня под парусами по открытому морю в юго-западном направлении. Одно место в сагах вполне позволяет предположить, что упомянутое плавание при северо-восточ-

---

[1] O. S. Reuter, Zur Geographie Vinlands, «Zeitschrift für die gesamte Naturwissenschaft», 1942, S. 4 (и след.).

[2] W. H. Babcock, Markland, otherwise Newfoundland, «Geographical Review», 1917, v. IV, p. 311 (и след.).

[3] W. H. Babcock, Recent history and present status of the Vineland problem, «Geographical Review», 1921, v. XI, p. 265.

[4] Ibidem, p. 282.

ном ветре началось не у входа в пролив Белл-Айл, а у восточного побережья Ньюфаундленда. Ведь встреча с медведем на каком-то острове у юго-восточной оконечности Маркланда, по всей видимости, приключилась у восточного побережья Ньюфаундленда.

Ферналд полагал, что «медведь мог быть только белым», так как в Гренландии другие медведи не были известны[1]. Если это так, то приключение могло случиться *только* в восточной части Ньюфаундленда. Дело в том, что область естественного распространения белых медведей в Америке ограничена районом Баффинова залива и нигде не заходит южнее 55° с. ш. Правда, белых медведей иногда заносит полярным течением на дрейфующих льдинах в более южные воды и их поэтому можно нередко встретить именно на восточном побережье Ньюфаундленда, непосредственно омываемом Лабрадорским течением. Остров Белл-Айл, расположенный у входа в одноименный пролив и рассматриваемый Штехе и Генцмером как то место, где произошла встреча с медведем[2], никак не соответствует этим условиям: полярное течение не омывает его, а обходит намного восточнее. Итак, если викинги убили белого медведя на острове у побережья Маркланда, то можно утверждать с почти полной уверенностью, что они уже находились на востоке Ньюфаундленда и что дальнейшее плавание на юго-запад могло привести их только в Новую Шотландию и Массачусетс, а не в залив Святого Лаврентия[3].

Вывод этот, впрочем, нельзя считать абсолютно бесспорным. В приключении с медведем участвовали исландцы и норвежцы, а им были известны и другие медведи, кроме белых. Самое древнее упоминание о белых медведях в скандинавской литературе встречается в относящейся к X в. саге «Атламаль», где говорится следующее: «Чудится, будто видишь перед собой белого медведя, но это лишь град идет»[4]. Однако наряду с этим в сагах упоминаются также «коричневые мохнатые»[5] и бурые медведи[6]. Тем не менее белые медведи в Гренландии были, разумеется, самым распространенным видом. Следовательно, когда гренландцы говорили просто о медведе, то, вероятнее всего, имели в виду хорошо знакомого им белого медведя, ибо в противном случае они сообщили бы более точные признаки. В пользу того, что речь шла о белом медведе, говорит и следующее рассуждение. Как сообщил автору его консультант по зоологии проф. Штехов (Мюнхен), на востоке Северной Америки встречается только черный медведь барибал (*Ursus americanus*). Вряд ли норманны видели на своем острове такого медведя, так как в этом случае в источниках было бы указание на ранее неизвестную черную окраску зверя. Другой же вид североамериканских медведей, крупный гризли (*Ursus horri-*

---

[1] M. J. Fernald, op. cit., p. 687.

[2] T. Stechе, op. cit., S. 125; F. Genzmer, op. cit., S. 17.

[3] Между прочим, у юго-восточного побережья Ньюфаундленда в бухте Консепшен имеется еще один остров Белл-Айл. В отличие от первого он называется Саут-Белл-Айл. Разумеется, нет особых оснований принимать его во внимание, хотя и не исключена какая-то вероятность того, что именно на этом острове произошла встреча с медведем.

[4] F. Jonsson, Atlakvidn, Köbenhavn, 1912.

[5] «Thule», Jena, 1912, B. I, S. 42.

[6] «Thule», B. 21, S. 260.

bilis), тем более не подходит. Область его распространения ограничена северо-западом материка, и, поскольку гризли, видимо, иммигрировал туда из Азии[1], восточные районы Америки не могли быть в прошлом его родиной. Следовательно, гризли не мог оказаться на островах Атлантического побережья.

По изложенным соображениям представляется более чем вероятным, что по пути в Винланд мореплаватели встретились с белым медведем. С последним же они могли познакомиться *только* у восточного побережья Ньюфаундленда. Если согласиться с этим, то придется считать опровергнутой гипотезу Стинсби — Штехе о плавании через пролив Белл-Айл в залив Святого Лаврентия. Теперь уже трудно будет возражать против помещения Винланда на территории Массачусетса или в непосредственной близости от него.

Весьма сомнителен и аргумент, приводимый Штехе, который считает имеющееся в саге упоминание о длинных песчаных полосах на берегу доказательством плавания через пролив Белл-Айл, поскольку такие песчаные участки встречаются в южной части Лабрадора. Впрочем, Риттер делает из этого же места вывод о том, что в сагах говорится о современной Новой Шотландии и Нью-Брансуике.

То, что нам известно из саг об особенностях климата Винланда, тоже гораздо больше напоминает Массачусетс, чем побережье залива Святого Лаврентия. Необычайно мягкая первая зима, проведенная норманнами в Винланде и позволившая им постоянно держать скот на открытом воздухе, никак не подходит к побережью залива Святого Лаврентия. Здесь зима обычно бывает довольно суровой: средняя температура января в Квебеке —13°. Зато сообщения саги отвечают условиям прибрежных районов Массачусетса. Южнее Бостона есть места, где морозы случаются редко или вообще не бывают, а скот и в настоящее время круглый год содержат под открытым небом[2]. Соответствующие данные еще более 100 лет назад были получены Рафном в связи с его исследованием о Винланде от местных американских властей и научных обществ[3]. Поскольку данные, полученные Рафном, и сообщения саг сходятся, у нас есть весьма основательная причина искать Винланд на этих участках побережья, отличающихся в течение многих лет столь необычной зимой.

Обе саги, независимо друг от друга, подчеркивают необычный для норманнов мягкий климат, позволивший оставлять скот под открытым небом в течение всей зимы. В одной саге сообщается, что «не было мороза», в другой — что «не было снега». Очевидно, именно эта особенность климата произвела на путешественников глубочайшее впечатление. Совершенно ясно, что в поисках местности, где мог находиться Винланд, мы ограничены такими районами, где действительно бывают подобные зимы.

Нельзя согласиться со Штехе, который отмахнулся от этих сведений, объявив их «преувеличением более позднего происхождения», поскольку они

---

[1] W. Kobelt, Die Verbreitung der Tierwelt, Leipzig, 1902, S. 73.
[2] E. E. Gray, op. cit., p. 81 (и след.).
[3] C. Chr. Rafn, op. cit., S. 36 (и след.).

не соответствуют его попыткам поместить Винланд на побережье залива Святого Лаврентия. Мы не имеем права считать достоверными только те сведения из источников, которые подтверждают выдвинутую нами гипотезу, и отвергать все прочие, даже самые характерные данные, объявляя их позднейшими добавлениями, не представляющими никакой ценности.

Не дает ясного географического представления и упоминание о встреченных норманнами «скрелингах». За этим названием могли скрываться как индейцы, так и эскимосы. Нам не известно, кого именно имели в виду викинги, как не известно и то, где около 1000 г. проходили границы районов расселения этих народностей.

Несмотря на то что выяснению этого вопроса было посвящено много специальных исследований, проблема «скрелингов» и поныне не получила бесспорного решения. Поскольку она не способствует уяснению географических вопросов, мы предпочитаем вообще не касаться ее в настоящей работе.

Столь же трудно разрешить проблему Винланда при помощи многократно обсуждавшегося астрономического указания на то, что в этой стране «в самый короткий день солнце заходило в пункте *eykt* и всходило в пункте *dagmal*. Нам приблизительно известно, что норманны понимали под *eykt* и *dagmal*, но именно лишь весьма приблизительно. Взгляды специалистов по этому вопросу расходятся, и о толковании этих понятий ведется «ожесточенный и, видимо, безнадежный спор» (Генцмер). Недавняя попытка Рёйтера дать математически точное определение величин *eykt* и *dagmal* значительно отличается по своим результатам от всех предыдущих и отнюдь не признана специалистами убедительной[1]. Раньше, исходя из этих слов, продолжительность самой короткой ночи в Винланде исчисляли то в 6^2, то в 8^3, то в 9^4 часов и соответственно, конечно, получали различную географическую широту. Самый короткий день продолжительностью 6 часов соответствует примерно широте северной части Лабрадора, продолжительностью 8 часов — местоположению Ньюфаундленда и залива Святого Лаврентия, а продолжительностью 9 часов — данным по Массачусетсу. Из понятий саги *eykt* и *dagmal* Торфеус еще в 1705 г. сделал вывод, что Винланд находился под 41°24′10″ с. ш.[5]

Во время пребывания в Исландии Рёйтер выяснил, что термин *eykt* употребляется там в *настоящее время* в смысле отклонения на 67,5° к западу от южного направления. Такое же определение этого понятия дает исландский хронист Снорри Стурлусон (около 1220 г.). Однако оказывается, что во всем северном полушарии нет такого пункта, где 21 декабря солнце заходило бы в направлении *eykt* (в указанном смысле слова). Кроме того, из исландского свода законов «Graugans» от 1122 г. мы узнаем, что в этот более ранний период *под eykt понимали точку горизонта, отклоняющуюся от*

[1] O. S. Reuter, Island und die erste Entdeckung Amerikas, «Mannus», 1941, B. XXXIII, S. 293 (и след.); Zur Geographie Vinlands, «Zeitschrift für die gesamte Naturwissenschaft», 1942, B. VIII, S. 4 (и след.).
[2] T. Stechе, op. cit., S. 71.
[3] «Thule», Jena, 1912, B. 13, S. 35.
[4] C. Chr. Rafn, op. cit., S. 435.
[5] «Thule», Jena, 1929, B. 13.

южного направления к западу всего на 52,5°. Само собой разумеется, что еще на 100—125 лет раньше господствовало именно это понимание. Итак, сразу же рушатся расчеты Рейтера, согласно которым Винланд находился во Флориде.

Наконец, помимо всего прочего, во Флориде 21 декабря солнце заходит не под 52,5° и не под 67,5° от южного направления. Рейтер лишь потому назвал Флориду, что, по его мнению, Винланд должен был находиться далеко на юге, а Флорида — это самый южный участок восточного побережья Северной Америки.

На какой сомнительный путь вступил Рейтер в этом вопросе, видно из того обстоятельства, что Краузе на основании тех же самых указаний саг относительно *eykt* и *dagmal* сделал вывод, что район Сопс-Бей на Ньюфаундленде, расположенный под 49°55′[1], «отлично» подходит для местоположения Винланда и соответствует данным о нахождении солнца в точках *eykt* и *dagmal* в самый короткий день года. Исходя из этого, нужно было бы принять Сопс-Бей за Винланд Лейфа, а мыс Болд, северную оконечность Ньюфаундленда — «бесспорно» за упоминаемый в сагах мыс Килькап!

Но если один исследователь, пользуясь понятиями *eykt* и *dagmal*, помещает Винланд под 27°, а другой — под 50° с. ш., то у нас, пожалуй, достаточно оснований отнестись с недоверием ко всей этой аргументации. Еще 100 лет назад Рафн сетовал, что «эти слова *eyktarstadr* и *dagmalastadr* допускают различные толкования»[2].

Мы и поныне пребываем в данном вопросе все в том же неведении, а потому следовало бы раз и навсегда отказаться от попыток использовать эту фразу из саг для установления местоположения Винланда. Помимо всего прочего, автору этих строк кажется, что подобный подход к рассмотрению спорного вопроса в любом случае *обязательно* приведет к ошибочным заключениям. Саги — это наполовину *исторические*, наполовину *поэтические* произведения, но никоим образом не математические или астрономические труды, требующие скрупулезного анализа. Мейер, автор романа «Георг Енач», действие которого начинается в Юлийском горном проходе под 46,5° с. ш., открывает свое произведение словами: «Каменные стены сверкали под палящими *вертикальными* лучами солнца». Однако из этого отнюдь не вытекает, что описываемая местность находилась не севернее 23,5° с. ш., где в самый долгий день года солнечные лучи еще могут падать «вертикально». В подобных случаях за писателем обычно охотно признают право на поэтическую вольность, и все понимают, что имеется в виду «почти вертикально». Могло ли быть иначе у авторов саг! Когда норманны писали, что 21 декабря солнце зашло в точке *eykt* и взошло в точке *dagmal*, они, безусловно, хотели лишь подчеркнуть, насколько дольше был самый короткий день в Винланде по сравнению с Гренландией. Авторы не преследовали никаких иных целей, кроме желания, чтобы читатели поняли, что солнце всходило и заходило *почти* в точках *eykt* и *dagmal*. По правде говоря, какие-либо споры по этому

[1] «Göttinger Gelehrte Anzeigen», 1939.
[2] C. Chr. Rafn, op. cit., S. 435.

поводу вообще беспочвенны. Совершенно очевидно, что из подобного факта нельзя делать никаких выводов о географической широте Винланда, подобно тому как нельзя судить по «астрономическому» указанию Мейера о местоположении Юлийского горного прохода.

По изложенным причинам автор считает принципиально и методически неправильными все попытки установить по одному этому указанию местонахождение Винланда под 50, 37, 31° и тем более 27° с. ш. Наконец, следует иметь в виду следующее. Как известно, за многие века норманны не продвинулись вдоль европейско-африканского побережья Атлантического океана на юг дальше северной части Марокко, то есть южнее 35° с. ш. Если они обнаружили в Америке где-то у 48° с. ш. такую «славную страну», как Винланд, то чего ради, спрашивается, пустились бы они без всякого видимого повода в дальнейшее плавание и прошли еще целых 20° на юг, то есть примерно на расстояние от мыса Скаген до мыса Сен-Винсент? Как объяснить *смысл* и цель такой бесполезной прогулки по морю? Следует отвергнуть подобные по меньшей мере излишние предположения.

Впрочем, гипотеза Рёйтера о Флориде находится также в резком противоречии с рядом сообщений саг относительно удаленности Винланда, его климата, флоры и фауны. Тем не менее этот исследователь в своем пристрастии к астрономии стремится представить достоверным одно лишь сообщение о восходе и заходе солнца 21 декабря, которое к тому же дается в его же толковании. Затем он рассматривает все противоречащие его предположению данные как более поздние добавления, которые не заслуживают доверия. При помощи такого метода можно в конечном счете доказать все что угодно, другими словами — ничего.

Генцмер резонно заметил в этой связи: «Я считаю, что неправильно относиться с полным доверием к указанию на эту математическую величину, смысл которой все же остается спорным, и в то же время отвергать не менее определенные указания о продолжительности плавания на каждом этапе как фантастические числа»[1].

В доказательство своей точки зрения Рёйтер, между прочим, выдвигает поразительное утверждение о том, что Винланд находился на расстоянии не менее 7000 *км* от Гренландии[2]. При этом он ссылается на саги, где мельком упоминается, что обратное плавание из Винланда в Гренландию, проходившее при хорошей погоде, длилось с весны до начала лета[3]. Отсюда Рёйтер делает вывод, якобы плавание продолжалось 6 недель, что при предполагаемой им средней скорости, равной 4 узлам, соответствует расстоянию 7000 *км*. Однако при таких методах ученому угрожает опасность запутаться в сетях бесчисленных ошибок и заблуждений. О коротком переходе из Северной Исландии в Гренландию в сагах тоже кое-где говорится, что он начался «летом», а окончился «осенью»[4]. Чтобы быть последовательным, Рёйтеру пришлось бы признать, что в те времена Исландия находилась в 7000 *км*

[1] F. Genzmer, op. cit., S. 52 (примечание).
[2] O. S. Reuter, Zur Geographie Vinlands, op. cit. S. 14.
[3] «Thule», B. 13, S. 49.
[4] Ibidem, B. 13, S. 16.

от Гренландии. А какое расстояние отделяет Исландию от Европы, если еще в XVI в. гамбургский мореход Дитмар Блефкен, отплывший из Гамбурга в Исландию 10 апреля 1561 г., прибыл туда лишь 15 июня?[1]

В саге повествуется также о том, что спутники Торфинна наторговали в Винланде «всяческих мехов»[2]. Как же могла состояться торговля северными мехами, которые только и были известны норманнам, в такой субтропической стране, как Флорида? Или в этом случае тоже прибегнут к надоевшей отговорке, что в первоначальный текст рассказа о плавании эта деталь была внесена позже?

Нансен однажды очень метко высказался о фабрикации гипотез по методу «что не укладывается в схему, отбрасывается прочь». Он добавил: «Не рекомендуется вносить изменения в существующие источники или отрицать их достоверность, чтобы привести их в соответствие с тем или иным предвзятым мнением»[3].

Да и что, в конце концов, мешает нам объявить позднее присочиненным вымыслом данные об *eykt* и *dagmal*, которым Рёйтер уделил столь большое внимание? В таком случае все его остальное головоломное построение, состоящее из самых невероятных домыслов, окажется ненужным. Насколько известно автору этих строк, странная гипотеза Рёйтера еще не нашла поддержки ни у одного специалиста по данному вопросу. Да и вообще, чтобы полностью опровергнуть прокрустовы методы Рёйтера, достаточно весьма определенного заявления прекрасно информированного и заслуживающего доверия средневекового хрониста настоятеля Николая Тингейрского о том, что от Маркланда (Ньюфаундленда) «недалеко до Славного Винланда» (см. стр. 325).

Итак, останемся верными самой естественной и старой гипотезе о том, что Винланд находился где-то в районе современных штатов Массачусетс и Род-Айленд! Это предположение за последнее время получило очень сильную поддержку благодаря Холанду. Загадочная башня в Ньюпорте, которая находится неподалеку от современного морского курорта Ньюпорт на берегу залива Наррагансетт и была предметом долгих споров, согласно Холанду, представляет собой не что иное, как развалины древней норманской церкви XIV в.[4] Церковь эта была возведена в «Винланде», что следует из рунической надписи на Кенсингтонском камне[5].

Относительно менее существенное значение имеет вопрос о причинах, побудивших Лейфа сделаться первооткрывателем Америки. Впрочем, об этом открытии сам он и не подозревал. Штехе высказал предположение, что самолюбие Лейфа было уязвлено, когда его земляка Бьярни укоряли в Норвегии за то, что он не исследовал более тщательно особенностей страны, замеченной им на западе. «По древнегерманским понятиям о чести и справедливости, то было пятно на чести Гренландии, и Лейф, сын престарелого прави-

[1] «Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung», 1883, S. 113.
[2] «Thule», B. 13, S. 44.
[3] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 59.
[4] H. R. Holand, America 1335—1364, New York, 1946, p. 59 (и след.).
[5] Подробнее см. т. III, гл. 150.

теля, будущий вождь острова, не мог смириться с этим. Итак, норманны открыли Америку, движимые чувством чести»[1].

Такое толкование незатейливых рассказов представляется автору этих строк слишком патетичным. В сагах нет никакого намека на подобные причины плавания. Кроме того, это объяснение излишне, так как безразличие Бьярни к своему открытию, видимо, вызвало в Гренландии такое же недоумение, как и в Норвегии. Образу мышления норманнов было ближе иное стремление — после открытия новой неизвестной страны сразу же постараться разузнать, какую она представляет хозяйственную ценность и каковы перспективы ее заселения. Этих причин, как представляется автору, вполне достаточно, чтобы объяснить решение Лейфа отправиться на поиски новых земель. То, что его поиски имели сугубо практические хозяйственные цели, подтверждается рядом последующих плаваний в Винланд, осуществленных членами того же рода. По меньшей мере об одном из них, а именно о плавании Торфинна Карлсефни, доподлинно известно, что целью его было основать норманское поселение в Винланде. Правда, первая попытка оказалась неудачной, так как норманнам, очевидно, не удалось найти подходящего места и у них сложились враждебные отношения с коренными жителями, но трудно все же поверить, что первая же неудачная попытка могла заставить норманнов отказаться на будущее от подобных предприятий.

В сагах сообщается в общей сложности о шести плаваниях в Америку: первое совершил Бьярни, сын Херьюлфа, в 985 г., второе, которое, собственно, и привело к открытию, —Лейф в 1000—1001 гг.[2], третье — его брат Торвальд около 1001—1003 гг., четвертое, потерпевшее неудачу,— другой брат Торстейн, примерно годом позже, пятое — Торфинн Карлсефни около 1005—1007 гг., шестое — исландцы Хельги и Финнбоги вместе с сестрой Лейфа Фрейдис, видимо, около 1010 г. Целью этого последнего известного нам из саг плавания тоже было заселение Винланда. Однако эта попытка потерпела неудачу из-за распрей между вождями и убйств, вызванных сварливым нравом Фрейдис. Даты последних плаваний в Винланд до сих пор точно не установлены. Так, Рафн относит экспедицию Торфинна Карлсефни к 1007—1011 гг., а экспедицию Хельги, Финнбоги и Фрейдис — к 1012—1013 гг.[3] Возможно, это и правильно, но не имеет существенного значения, так как отклонения от ранее названных дат незначительны.

Однако все исследователи единодушно придерживались раньше того мнения, что плавание Лейфа состоялось в 1000 г. Лишь в последнее время подверглась критике и эта датировка. Грэй пытается отнести экспедицию Лейфа к 1003 г. и соответственно отодвигает плавание Торвальда на 1005—1008 гг., Торнстейна — на 1008 г., Торфинна Карлсефни — на 1010—1013 гг. и Фрейдис — на 1014—1016 гг.[4] Штехе присоединяется к этой более позд-

---

[1] T. S t e c h e, op. cit., S. 7.

[2] Шпренгель пытался отнести путешествие Лейфа даже к 895 г. См. M. S p r e n g e l, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen, Halle, 1783, S. 40.

[3] C. C h r. R a f n, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 464.

[4] E. E. G r a y, op. cit. (заключительная глава).

ней датировке и даже идет еще дальше, относя плавание Лейфа к периоду «между 1003 и 1011 гг.»[1] Это ведет к пересмотру всей ранее принятой хронологии событий, связанных с Винландом.

Можно, впрочем, доказать, что Грэй и Штехе исходили из ошибочных предпосылок. При своих вычислениях они основывались на сообщениях саг о том, что Бьярни, сын Херьюлфа, «предтеча первооткрывателя Америки», перед посещением Гренландии побывал у ярла Эйрика[2]. Поскольку же ярл Эйрик был «повелителем Норвегии с конца 1000 г. до лета 1012 г.»[3], Грэй полагает, что экспедиция Бьярни, сына Херьюлфа, к берегам Америки не могла состояться раньше 1001 г. Однако Грэй и Штехе упустили здесь из виду, что ярл Эйрик, правление которого в Норвегии было прервано в 995—1000 гг. царствованием Олафа Трюгвасона, еще с 980 г. носил титул ярла вместе со своим отцом Хаконом. В саге даже прямо идет речь о двух ярлах[4], причем имеется в виду период до сражения под Лид-Вогом против йомских викингов (986 г.). Оба ярла прожили после этого долгое время в Тронхейме, который был тогда главным портом Норвегии, и отправляли оттуда своих послов вплоть до Хельгеланна[5].

Посещение Норвегии Бьярни, сыном Херьюлфа, в тот период, безусловно, могло привести к встрече с ярлом Эйриком. Впрочем, вполне вероятно и предположение Рафна, что Бьярни был в Норвегии у ярла Эйрика в 994 г. и вернулся в Гренландию в 995 г.[6] Наконец, Бьярни мог встретиться с ярлом Эйриком где-нибудь вне пределов Норвегии между 995 и 1000 гг., то есть в правление Олафа Трюгвасона, когда Эйрик находился в изгнании. Ведь сообщается только, что после своего первого прибытия в Гренландию Бьярни находился у своего отца Херьюлфа вплоть до его смерти, дата которой нам неизвестна.

Итак, хронология событий остается неуточненной. Как бы то ни было, общепринятая дата плавания Лейфа 1000 г. не нуждается в поправках. Впрочем, если мы даже будем исходить из другой (маловероятной) версии истории этого открытия, согласно которой Лейф случайно обнаружил Винланд при возвращении из Норвегии в Гренландию, мы все равно должны остановиться на 1000 г. Ведь именно в этом году король Олаф отослал Лейфа на родину, чтобы тот насадил там христианство. Более поздняя дата представляется невероятной, так как весной 1000 г. король Олаф отправился к своему тестю Борославу в Померанию и погиб на обратном пути в битве под Свольдерой 9 сентября 1000 г.[7] По мнению автора этих строк, нет никаких оснований подвергать пересмотру 1000 г. как дату открытия Америки. Поэтому в весьма обоснованной «Хронологической таблице», составленной Штехе,

---

[1] T. Steche, op. cit., S. 77.
[2] «Thule», B. 13, S. 34.
[3] T. Steche, op. cit., S. 79.
[4] «Thule», B. 14, S. 239.
[5] Ibidem.
[6] C. Chr. Rafn, op. cit., S. 463.
[7] R. Hennig, Wo lag Vineta? Leipzig, 1935, Kap. 4.

следует отодвинуть на 3—10 лет назад даты всех событий, случившихся после 1000 г.

О дальнейшей судьбе Лейфа нет почти никаких сведений, кроме нескольких кратких сообщений о его родственных связях. По непроверенным данным, он умер в 1021 г.[1] И хотя после плавания Фрейдис нам пичего пе известно о дальнейших экспедициях в Винланд, это отнюдь не означает, что не предпринималось никаких плаваний в эту страну и попыток ее заселения. Напротив, весьма вероятно, что в последующие годы норманны часто посещали, а возможно, и оставались на постоянное жительство в этой прекрасной, богатой, по их понятиям, почти райской стране. Норманны XI в. в других странах решительно шли на ожесточенную борьбу и тяжелые войны ради приобретения новых земель. Об этом красноречиво свидетельствует история их появления в Англии, южной части Италии, в Сицилии и многих других местах. Как же могли викинги пренебречь «Славным Винландом», этой страной без хозяина, забыть ее или даже побояться завладеть ею! Такое предположение абсолютно исключается.

Объяснение надо искать просто в том, что в сагах ничего не говорится о плаваниях, совершенных после 1010 г. Видимо, экспедиции в Винланд стали в конечном счете столь обыденными, что не было смысла вести о них записи. Ведь сведения, почерпнутые нами из гренландской саги, представляют собой не что иное, как события и воспоминания из жизни *одного* рода, то есть, так сказать, узкородовые предания[2]. Но не естественно ли предположить, что к земле обетованной влекло и другие норманские рода, сведения о которых не отражены в литературных источниках или не дошли до нас? Всякий, кто соглашается с такой возможностью, признает одновременно и вероятность того, что заселение Винланда действительно могло состояться, несмотря на отсутствие соответствующих указаний в источниках!

Кроме того, о гренландских норманнах прямо говорится: «В то время много велось речей о поисках новых земель»[3]. Нужно ли после этого искать какие-нибудь иные мотивы? Вероятность дальнейших плаваний в Винланд, не засвидетельствованных в литературных источниках, подкрепляется еще и тем обстоятельством, что известие об этой стране проникло даже в Европу. Около 1074 г. немецкий хронист Адам Бременский пишет о «стране, найденной *многими* в этом океане и названной Винландом по той причине, что там зреют дикие лозы, дающие прекрасный виноград»[4]. Адам Бременский, которого Пешель по праву называет «крупнейшим географом своего времени»[5], очевидно, получил эти сведения, как резонно предположил Нансен[6],

---

[1] E r s c h, G r u b e r, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 1872, B. I, S. 92, 132.

[2] H. R. H o l a n d, The Kensington stone, Ephraim (Wisc.), 1932, p. 20 (и след.).

[3] «Thule», B. 13, S. 35.

[4] Ad a m v o n B r e m e n, Gesta pontificum Hammenburgensium, IV, 38.

[5] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 80.

[6] F. N a n s e n, op. cit., B. II, S. 383 (примечание 273).

в Роскильде, при дворе датского короля. Возможно, что Адам лично беседовал там с исландским вождем Геллиром, сыном Торкеля, который, возвращаясь из паломничества в Рим, остановился в Роскилле и умер там в 1072 г. Как бы то ни было, бесспорным остается тот факт, что в одной из немецких хроник XI в. речь идет о том самом Новом свете, который был открыт Колумбом только через 400 с лишним лет! Не исключено также, что в тот период попытки отправиться в Винланд, то есть в Америку, предпринимались даже из Европы (см. гл. 107). О Винланде, кроме Адама Бременского, знали и другие европейские ученые. Об этом свидетельствует тот факт, что англичанин Ордерик Виталий,[1] «Церковная история» которого написана между 1123 и 1131 гг.[1], видимо, имеет в виду Винланд, когда перечисляет среди земель, принадлежащих норвежскому королю: «*Orcades insulae et Finlanda, Islanda quoque et Grenlanda, ultra quam ad septentrionem terra non reperitur*»[2] [острова Оркады и Финляндские, Исландские, а также Гренландские, далее которых земля к северу не простирается.— *Ред.*]

В источнике упоминаются только земли, расположенные в океане, а поскольку Финляндия никогда не входила в состав Норвегии, то под названием *Finlanda*, как полагает и Нансен, можно подразумевать только Винланд[3]. Ведь зачастую между формами *Vinland*, *Winland*, *Finland* не делалось никакого различия[4]. «Церковная история» Ордерика Виталия писалась в то время, когда недавнее назначение первого епископа в Гренландию (см. гл. 109), очевидно, вызвало в кругах духовенства повышенный интерес к этой стране и к Винланду.

Если, кроме того, учесть упоминание о Винланде в рунической надписи на Хёненском камне (см. гл. 107) и принять во внимание, что исландские историки и хронисты XII—XIII вв. нередко называют Винланд в своих рабо-

---

[1] «Encyclopaedia Britannica», v. XVI, p. 855.

[2] Orderic us Vitalis, Historia ecclesiastica, III, L. X, 5. См. Migne, Patrologia Latina, Paris, 1855, p. 727. [Ордерик Виталий (1075—около 1143) — крупнейший нормандский историк первой половины XII в. В своем труде «Церковная история» он использовал многочисленные письменные источники, устные рассказы и предания, а также песни, которые, будучи поэтом, он тщательно собирал и записывал. Хенниг напрасно называет Ордерика Виталия «англичанином», так как хотя он и родился в Англии, но почти всю свою жизнь провел в нормандском монастыре Сент-Эвруль. См. А. Д. Люблинская, указ. соч., стр. 138. Хенниг цитирует Ордерика по «Полному своду трудов церкви» («Patrologia cursus completus»), составленному аббатом Минем; в этот свод Минь включил не только богословские, но и исторические, поэтические, философские и другие сочинения. Труды на латинском языке входят в «латинскую серию», на греческом — в «греческую серию».— *Ред.*]

[3] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 445.

[4] Как нечетко было различие между формами написания *Finland* и *Vinland* или *Winland*, видно из следующих фактов. В книге «Polychronicon» английского географа Ранульфа Хигдена, умершего в 1368 г., о Финляндии говорится: «Винландия — это страна, простирающаяся вдоль норвежских гор на восток по побережью океана»; на Любекской карте мира (1475 г.), приведенной у Нансена (Facsimile-Atlas, No. 3), написание *Vinland* обозначает Финляндию.

тах, то нетрудно прийти к заключению, что «славная страна» по ту сторону океана не была предана забвению в течение веков, прошедших после ее открытия. Если же согласиться с этим фактом, то автоматически придется признать, что норманны, вероятно, продолжали предпринимать все новые попытки посетить эту чудесную страну.

Ведь еще в конце XVI в. воспоминания о Винланде были настолько свежи в Исландии, что епископ Сигурд Стефанссон нанес названия Хеллуланд, Маркланд и «Скрелингерланд» на свою карту, составленную в 1570 г. (см. рис. 8).

Тем не менее те исследователи, которые оспаривают у Колумба славу открытия Америки, ссылаясь при этом на более ранние достижения норманнов, явно впадают в преувеличение. Некоторые утверждали даже, что «Христофор Колумб всего лишь установил постоянные торговые связи между Новым светом и Европой»[1]. Время от времени вновь оживает глупая сказка о том, что сам Колумб стремился только попасть на те земли, которые до него были обнаружены норманнами на Западе. Ни о чем подобном не может быть и речи. Колумб почти наверняка никогда ничего не слышал о Винланде[2], а если бы и слышал, то не придал бы этим слухам никакого значения. Ведь он стремился найти не первую попавшуюся землю в океане, а только «Индию» и «Катай» (Китай), расположенные значительно южнее. Все, что находилось в более северных широтах, было ему глубоко безразлично. Никто не сомневается, что до Колумба европейцы нередко бывали в Америке. Однако ни одно из этих «предоткрытий» не имело сколько-нибудь существенных и постоянных последствий, ни одно из них не было понято во всем его значении и оценено по достоинству. Великое событие в мировой истории, которое произошло в 1492 г., неразрывно связано с грандиозным, героическим подвигом Колумба, принесшим ему вполне заслуженную славу.

Память о норманских открытиях в западной части океана сохранилась только на севере Европы. В романских странах о них, видимо, вообще никогда ничего не знали. Даже в архивах Ватикана до сих пор, несмотря на многократные поиски, не удалось найти достоверного свидетельства, подтверждающего, что в средние века здесь когда-либо получали сведения о странах, расположенных западнее Гренландии.

Но никак нельзя согласиться и с издавна распространенным убеждением, согласно которому экспедиции в Винланд были лишь кратким эпизодом, продолжавшимся не более двух веков. Еще в 1894 г. кардинал Эрле, специально исследовавший этот вопрос, заявил: «Весьма вероятно, что экспедиции в Винланд все чаще повторялись в течение XI и XII вв. и что,

---

[1] Abraham Ortelius, Theatrum orbis terrarum, Antwerpen, 1601, p. 5 (и след.). [Авраам Ортелий (1527—1598) — знаменитый нидерландский картограф и географ, составитель атласа, содержащего 53 карты. Этот атлас, бывший прообразом современных атласов, впервые был выпущен в свет в 1570 г. под названием «Зрелище круга земного». На обратной стороне каждой карты давался соответствующий объяснительный текст, в том числе и историко-географического содержания.— *Ред.*]

[2] R. Hennig, Columbus und seine Tat, Bremen, 1940, S. 45.

следовательно, на Американский материк высаживались и норманны, принявшие христианство»[1]. За последние 150 лет эта точка зрения получает все большую поддержку. Так, Холанд писал, что «открытие Америки Лейфом, сыном Эйрика Рыжего, в начале XI в. не было единичным событием, не имевшим никаких исторических последствий; напротив, оно получило широкую известность и стало почти на четыре столетия образцом, которому следовали другие экспедиции»[2].

Этой точки зрения придерживается и Нёрлунд, заявивший недавно: «В течение всего средневековья гренландские колонисты не раз отправлялись к берегам Америки, главным образом, бесспорно, для того чтобы привезти оттуда древесину... Исландцам должно было быть известно, что плавания по этому маршруту *совершались регулярно*»[3].

Особенно большое значение имеет следующее мнение Брёггера, одного из крупнейших норвежских специалистов по этой проблеме: «*Нет никаких сомнений* в том, что гренландцы в течение нескольких веков поддерживали связь с Маркландом»[4]. В том же духе высказался Неккель: «В XIV в. экспедиции из Гренландии в Ньюфаундленд вовсе не были редкостью»[5].

Вполне возможно, что с течением времени плавания гренландцев в Маркланд, где они заготавливали прекрасные строительные материалы для своих жилищ и кораблей, приобрели большее значение, а потому стали совершаться чаще, чем экспедиции в собственно Винланд; тем не менее предположение, что норманны вообще больше не бывали в Винланде, представляется чрезвычайно сомнительным.

Впрочем, до сих пор нельзя с уверенностью ответить на вопрос, была ли основана в Винланде или в каком-либо ином пункте Американского материка настоящая норманская колония. Как нам известно, попытки заселить эти земли, предпринятые Торфинном Карлсефни, а также Хельги и Финнбоги с Фрейдис, потерпели крах. О более поздних предприятиях такого рода ничего не известно, но вероятность того, что многих викингов постоянно влекло из суровой Гренландии в «благословенную страну Винланд», безусловно, велика, и вполне возможно, что одна из более поздних попыток принесла желаемые результаты. Правда, Сторм[6] и Ривз[7] выдвинули веские доводы против длительного существования норманской колонии в Северной Америке. Но ряд фактов, напротив, свидетельствует в пользу такого предположения. К их числу в первую очередь относится плавание

---

[1] F. Ehrle, Der historische Gehalt der päpstlichen Abteilung auf der Weltausstellung von Chicago, «Stimmen der Zeit», 1894, B. 46, S. 382.
[2] H. R. Holand, op. cit., p. 200.
[3] P. Nörlund, Le Groenland au moyen-âge, «Revue historique», 1933, t. 172, p. 411.
[4] A. W. Brögger, Winlandfahrten, Hamburg, 1939, S. 175.
[5] G. Neckel, op. cit., S. 72.
[6] G. Storm, Studier over Vinlandsrejserne, Vinlands Geografi og Ethnografi, «Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1887», København, 1888.
[7] A. M. Reeves, The finding of Wineland the Good, London—Oxford, 1895.

в Винланд, предпринятое в 1121 г. епископом Эйриком Гнупсоном (см. гл. 109), у которого не могло быть для этого никакого другого стимула, кроме стремления позаботиться о спасении душ христиан, поселившихся в Винланде. Имеется также совершенно определенное заявление Люхандера (см. гл. 109) о том, что еще в 1121 г. в Винланд переезжали колонисты. Кроме того, многочисленные находки древнескандинавского оружия и снаряжения, обнаруженные в доколумбовых захоронениях на территории современного Массачусетса в районе Мидлборо и Фор-Корнерс и хранящиеся главным образом в Копенгагенском этнографическом музее, несмотря на споры по поводу их научной оценки, видимо, все же норманского происхождения[1].

До настоящего времени нельзя дать с полной уверенностью утвердительный или отрицательный ответ на вопрос, имелась ли когда-либо в Винланде колония скандинавских христиан (см. гл. 109). До сих пор все попытки доказать норманский характер руин и других следов культуры в Массачусетсе, а позднее и на Лабрадоре были безуспешными[2]. Бывший некогда предметом длительной дискуссии *writing rock* [камень с письменами.— *Ред.*], в котором усматривали норманский пограничный знак, ничего не доказывает, так как выяснилось, что он покрыт индейскими рисунками.

Автору хотелось бы особенно подчеркнуть, что это доказательство не имеет никакой ценности еще и потому, что около 20 лет назад он сам выражал уверенность в подлинности обнаруженного в 1680 г. «камня с письменами», поддавшись влиянию весьма солидных исследований датчанина Рафна, подкрепившего их многочисленными отлично выполненными иллюстрациями[3]. Впрочем, еще до 1932 г. автор решительно отказался от такой точки зрения, поскольку специальные исследования индейских надписей и рисунков на камнях с очевидностью доказали, что «камень с письменами» относится к числу таких памятников и не имеет ничего общего с норманнами[4]. Все эти рисунки на скалах обязаны своим происхождением праздничным играм[5].

Впрочем, несколько лет назад в соседнем с Массачусетсом штате Род-Айленд были открыты остатки здания норманского происхождения, относящегося, однако, уже к XIV в. Поэтому о нем будет подробно говориться в гл. 150. Но в 1930 г. совершенно неожиданно были обнаружены свидетельства времен Лейфа, причем в таком месте, где этого никто не мог бы предположить.

---

[1] C r o n a u, op. cit., v. I, p. 138.

[2] T h. M a t t h i a s s e n, Norse ruins in Labrador?, «American Anthropologist», 1928, v. XXX, p. 569 (и след.).

[3] R. H e n n i g, Vom rätselhaften Ländern, München, 1925, S. 205 (и след.).

[4] «Handbook of North American Indians», Washington, 1907, v. I. Статья Гарика-Моллери. См. «Annual Report of the American Bureau of Ethnology», No 7, 10; T h. W. D a n z e l, Die Anfänge der Schrift, Leipzig, 1912, S. 11 (и след.).

[5] T. K o c h-G r ü n b e r g, Anfänge der Kunst in Urwald, Stuttgart, 1906; Südamerikanische Felszeichnungen, Stuttgart, 1907; A. V i e r k a n d t, Das Problem der Felszeichnungen und der Ursprung des Zeichnens, «Archiv für Anthropologie», 1909, S. 110.

В то время как поиски в Массачусетсе абсолютно бесспорных свидетельств того, что норманны побывали там в XI в., оставались бесплодными, такие доказательства были недавно найдены в канадской провинции Онтарио. Еще 10 лет назад все в Европе считали невероятным, чтобы в этих районах Америки в средние века могли побывать норманны. Сейчас мы располагаем совершенно бесспорным подтверждением этого факта. В приведенном выше отчете канадского археолога Карелли содержится одно из самых поразительных известий, которые когда-либо приносили обширные исследования проблемы Винланда. После того как более 100 лет во многих местах безуспешно искали точное археологическое подтверждение пребывания норманнов на американской земле, случай дал такое доказательство в самом неожиданном месте. При этом все обстоятельства оказались такими убедительными, что до сих пор среди особо скептически настроенных специалистов не раздалось ни одного голоса, выражающего сомнение в подлинности этого *единственного захоронения викингов, найденного в Америке.*

Отчет сам за себя говорит. В 1930 г. между южной оконечностью Гудзонова залива и озером Верхним, к юго-востоку от крупного озера Виннипег, рядовой обыватель, который вряд ли когда-либо интересовался проблемой норманнов, в поисках пригодных для разработки месторождений металлов обнаружил нетронутое захоронение викинга. Первое известие об этой находке дошло до научных кругов лишь спустя 5 лет. Проверкой установлено, что действительно обнаружено подлинное захоронение конца X или начала XI в. Здесь был погребен норманский викинг в полном боевом снаряжении (см. цитату на стр. 325—328).

Как же викинги могли попасть в эти районы, расположенные в глубине материка, приблизительно в то же самое время, когда Лейф, сын Эйрика Рыжего, отправился в Винланд? По этому поводу нельзя сказать ничего достоверного. Сам факт установлен и нуждается в каком-то истолковании. Пока не найдено никакого другого объяснения, кроме того, что норманны (видимо, тоже гренландские) во время упоминавшихся «поисков новых земель» еще около 1000 г. нашли путь к Гудзонову заливу, открытие которого до сих пор датировалось 1610 г. Но если норманны часто бывали на берегах Баффиновой Земли, а это представляется весьма вероятным, и, возможно, даже предпринимали оттуда свои экспедиции на юг, в Винланд, то вполне правдоподобно, что они нашли путь по Гудзонову проливу, который привел их в огромный залив, носящий то же название. Мы располагаем также значительным количеством других доказательств того, что норманны в средние века уже побывали в районе Великих озер Северной Америки (см. т. III, гл. 150). Видимо, они добирались туда через Гудзонов залив и следовали далее по пути, на котором была обнаружена могила викинга в Бирдморе.

Из всего сказанного видно, как долго и в каких широких масштабах гренландские, а также европейские норманны осуществляли свое «первое открытие Америки». *Этим опровергается прежняя точка зрения, согласно которой открытие Винланда было лишь кратким эпизодом, лишенным всякого значения.* Более 75 лет назад Вивьен де Сен-Мартен высказал мнение,

что открытие Америки норманнами «было забыто почти немедленно после ее обнаружения, не оставив ни малейшего следа в мировой истории открытий»[1]. Однако новейшие данные, полученные за последние десятилетия, заставляют в корне пересмотреть это положение. И если связи с Новым светом в конечном счете оказались прерванными, то виной тому было не пренебрежительное отношение норманнов к приобретенным ими географическим сведениям, а более могущественные силы. Злополучная политика торговой монополии, проводившаяся по отношению к Гренландии норвежско-датским правительством, лишила эту цветущую колонию подвоза, а тем самым и возможности дальнейшего существования. Так, с 1294 г. правительство запретило какую-либо торговлю с Гренландией, кроме как при посредстве ходившего раз в год правительственного судна, а позднее стало посылать туда корабль с перерывами в несколько лет (см. т. III, гл. 157). Следовательно, гренландцам прежде всего недоставало судов, которые позволили бы им поддерживать связи с Америкой.

Если бы хоть одному скандинаву пришла в голову «Колумбова идея» о том, что там, на далеком западе, возможно, находятся Индия или Катай, то, несомненно, исследование и освоение новых земель пошло бы более энергично. Но подобно тому, как в романских странах до конца средневековья, видимо, никогда не слышали о «Винланде», в северных странах в доколумбову эпоху ничего не знали о Марко Поло и его сенсационных путешествиях. Да и вообще там вряд ли имели понятие об Индии и Восточной Азии. Характерно, что на глобусе Мартина Бехайма (1492 г.) нет никаких признаков Винланда, Маркланда и Хеллуланда, как нет их и на карте мира, составленной датчанином Клавдием Клавусом в 1427 г.

Если бы в XIII, XIV и XV вв. культурные связи между Северной и Южной Европой были более тесными, чем это наблюдалось в действительности, то новые географические открытия, вероятно, оказались бы гораздо плодотворнее!

Следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. Все великолепные государства, основанные норманнами в различных областях земного шара, в том числе их самые блестящие королевства в Сицилии и Нижней Италии, погибли в конечном счете из-за недостаточного снабжения и слишком малочисленного населения. Колонии викингов смогли удержаться лишь на океанских островах, главным образом в ранее необитаемой Исландии. Между тем американские земли были открыты и, вероятно, частично заселены выходцами из Гренландии, где, очевидно, никогда не проживало более 5 тыс. норманнов. Как можно было справиться с колоссальными задачами по культурному и экономическому освоению новых огромных территорий, располагая столь незначительными людскими ресурсами? Остается лишь от души пожалеть, что первому открытию Америки была уготована такая трагическая судьба. Насколько иным был бы весь ход истории человечества, если бы великому открытию норманнов сопутствовала столь же мощная воля к освое-

[1] L. Vivien de Saint-Martin, Dictionnaire de géographie universelle, Paris, 1873, t. III, p. 243.

нию новых земель, подкрепленных неисчерпаемым источником людских ресурсов! Как удачно отметил Генцмер: «Иначе обстояло бы дело, если бы норвежцы, вместо того чтобы растрачивать попусту свои силы в боях за Ирландию, Шотландию и Нортумберленд, организованно направили свое излишнее население в Северную Америку. В этом случае здесь еще в начале текущего тысячелетия могло бы возникнуть великое государство норманнов, и мировая история пошла бы по иному пути»[1].

Брёггер совершенно справедливо утверждает, что «экспедиции Лейфа, Торвальда и особенно Торфинна собрали важные сведения о больших и частично соединенных между собой участках побережья Северной Америки от Баффиновой Земли до самого Массачусетса»[2].

Тот факт, что сами норманны не придавали особого значения своему открытию новой части света по ту сторону океана, объясняется, очевидно, тенденцией считать все вновь обнаруженные территории частями Европы. Ведь протяженность этого материка на северо-восток тогда еще не была известна. В течение ряда веков Гренландию принимали за гигантский полуостров Европы, отходящий от последней где-то на северо-востоке (см. рис. 13 и гл. 116), и полагали, что существует путь по суше через Шпицберген к норманским поселениям в Гренландии[3]. Подобно этому, вплоть до середины XVI в. земли, открытые норманнами в Америке, считались продолжением огромного европейского полуострова Гренландии. В этом легко убедиться, взглянув на карту Сигурда Стефанссона от 1570 г. (см. рис. 8).

Ответственность за то, что величайшее географическое открытие всех времен — обнаружение Америки — так поздно было осознано человечеством, следует в первую очередь возложить на недостаточный обмен географическими знаниями между североевропейскими и южноевропейскими странами. Когда к XV в. эти культурные связи постепенно наладились (см. т. IV, гл. 178, 188, 190), наступила «эпоха великих открытий». Тайна заокеанских стран на западе вскоре была разгадана, и совокупность карт первооткрывателей — Колумба, Кабота, Веспуччи, Кабрала, Магеллана, Бальбоа и других — позволила осознать новую потрясающую истину — открытие Америки.

---

[1] F. Genzmer, op. cit., S. 56.

[2] A. W. Brögger, op. cit., S. 156.

[3] Характерно, что в течение столетий моряки, занимавшиеся китобойным промыслом в водах Шпицбергена, именовались «гренландскими мореплавателями» («Grönlandfahrer»), хотя вряд ли кто-нибудь из них когда-либо добирался до Гренландии (см. гл. 116).

ГЛАВА 105

ПУТЕШЕСТВИЕ ФРИЗСКИХ ДВОРЯН В РАЙОН ВОСТОЧНО-ГРЕНЛАНДСКОГО ХОЛОДНОГО ТЕЧЕНИЯ

(около 1040 г.)

Блаженный архиепископ Адальберт рассказал нам также, что во времена его предшественника несколько дворян из Фрисландии отправились на север в морское плавание, потому что среди жителей их страны бытовало поверье, будто на север от устья реки Виррах [Везер] нет никакой суши и мореплаватель попадает в бесконечный океан.

Несколько приятелей поклялись друг другу проверить эти странные слухи и отправились в плавание от берегов Фрисландии. Они оставили позади Данию — с правого борта и Англию — с левого и подошли к Оркнейским островам. Обогнув их слева, они прошли мимо Норвегии и после длительного плавания приблизились[1] к покрытым льдами берегам Исландии. Миновав эту страну, они направились дальше на север. Оставив позади все вышеназванные острова, они отдались на волю Всемогущего Господа и Святого Виллегада и очутились внезапно посреди покрытого льдинами океана в таком густом тумане [*caliginem*], что почти потеряли видимость. Но вот течение изменчивого моря повернуло вспять к своим скрытым источникам и стремительно повлекло за собой несчастных мореплавателей, уже потерявших надежду на спасение и думавших только о смерти, к той бездонной пропасти, которая, по слухам, проглатывает все обратные морские течения, образующие отлив, и затем снова выбрасывает их, создавая приливы. Путешественники уже взывали к милости Господа и молили его принять их души, как вдруг налетевшая волна подхватила и унесла несколько судов, остальные же отбросило течением в сторону, а затем понесло в обратном направлении, разлучив с другими. Они изо всех сил помогали течению веслами и так по милости Господа избавились от грозившей им смертельной опасности.

И вот уже вне зоны опасных туманов и холода они пристают неожиданно к острову, который со всех сторон защищен высокими скалами, как город крепостной стеной. Когда они высадились на берег, чтобы осмотреть местность, то нашли там людей, которые

---

[1] В латинском тексте стоит слово *collegerunt*. По мнению Коля, здесь имеется в виду «приплыли», что представляется нам правильным. См. «Petermanns Mitteilungen», 1869, S. 14.

даже в полдень прячутся в подземных пещерах. Перед каждым входом в такую пещеру было свалено в кучу множество сосудов из золота и других металлов, считающихся среди простых смертных редкими и драгоценными. Они захватили с собой часть этих сокровищ, столько, сколько смогли унести, и хотели вернуться к своим кораблям. Но вдруг они, оглянувшись, увидели людей чудовищного роста, которых мы называем циклопами. Впереди циклопов бежали псы, превосходившие размерами обычных собак. Циклопы схватили одного из мореплавателей и разорвали его на части на глазах у остальных, которые поспешили укрыться на своих кораблях и таким образом избежали опасности, хотя, по их словам, великаны преследовали их с громкими криками почти до самого выхода в открытое море.

Охраняемые судьбой, фризы вернулись в Бремен, где они поведали о своем путешествии архиепископу Алебранду и в благодарность за благополучное возвращение на родину принесли дары Господу и своему покровителю Святому Виллегаду[1].

В общем по сравнению с античным миром для людей средневековья характерен меньший интерес к географическим исследованиям. За весь период господства взглядов Птолемея, то есть примерно с II по XV в., важные в географическом отношении путешествия предпринимались почти исключительно в практических целях: в погоне за торговыми барышами, в поисках земель для заселения, во имя распространения христианской веры и т. д., но только не из чисто исследовательского интереса. Исключения из этого правила были чрезвычайно редки. По крайней мере в христианском мире до 1000 г. исследовательская страсть короля Альфреда Великого (см. гл. 93 и 94) представляла совершенно исключительное явление. Между тем среди мусульман такой интерес проявлялся чаще.

Впрочем, после 1000 г. интерес к географическим открытиям усиливается и среди христианских народов. Вероятно, именно о таком путешествии с чисто географическими целями и рассказывает нам Адам Бременский в приведенном выше отрывке из его летописи, хотя на этот рассказ ученые долго не обращали никакого внимания из-за сказочного содержания его последней части.

Путешествие молодых фризских дворян не дало никаких практических результатов. Тем не менее оно обращает на себя внимание прежде всего проявлением интереса к исследованию неизвестных земель. Нельзя не отметить мужества фризов, тем более что фантазия людей средневековья еще щедрее, чем в древности, окутывала неизведанные земли и моря страшными леген-

---

[1] Сообщение Адама Бременского. См. Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, IV, 40 (и след.), «Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum», Hannover—Leipzig, 1917, p. 295. [Об Адаме Бременском см. гл. 106.— *Ред.*]

дами. Недаром на протяжении ряда веков моряки испытывали страх перед плаванием в незнакомых водах.

Конец рассказа Адама Бременского о плавании фризов, несомненно, носит на себе отпечаток обычных вымыслов о морских чудищах и представляет интерес скорее для психолога, чем для географа. Тем не менее это путешествие иногда называют первой попыткой организовать «настоящую экспедицию к Северному полюсу»[1].

Из рассказа Адама мы узнаем, что смельчаки вышли в море предположительно из Бремена и взяли курс на Исландию. О дальнейшем их маршруте можно только высказывать догадки. Фогель, вероятно, прав, утверждая, что мореплаватели были у «восточных берегов Гренландии» и что ужасные подробности их путешествия связаны главным образом с холодным течением, которое особенно ощутимо именно в этом районе и порождает там постоянно густые туманы[2]. Людям той эпохи вообще было свойственно представление о гигантском водовороте где-то в Мировом океане, который якобы вызывает приливы и отливы, и они испытывали перед ним панический страх[3]. Поэтому постоянное сильное холодное течение у восточного побережья Гренландии легко могло вызвать у моряков опасение, что они приближаются к этому страшному водовороту, куда сносит их корабли. Несомненно, именно по этой же причине знакомые с климатическими условиями Гренландии норманны более поздних веков были склонны помещать свой мировой водоворот Гиннунгагап где-то юго-западнее Гренландии[4].

Исландский епископ и географ Гудбрандур Торлакссон обозначил в 1606 г. водоворот Гиннунгагап там, где начинается Девисов пролив, а живший приблизительно в то же время Бьёрн Йонссон переписал со старой, ныне утерянной рукописи следующее утверждение:

«Между Винландом и Гренландией расположен водоворот Гиннунгагап, в который стекает Мировой океан».

Так, о районе океана, в котором нет никаких водоворотов, лишь из-за холодного Восточно-Гренландского течения пошла слава как о месте, где находится мировой водоворот, вызывающий приливы и отливы на всех морях Земли!

По Вейнхольду, это представление восходит к Гриплe[5].

Если учесть географические воззрения той эпохи, то фантастическая часть рассказа Адама Бременского окажется не выдуманной, а просто непра-

[1] J. G. K o h l, Die erste deutsche, von der Weser aus um das Jahr 1040 veranstaltete Entdeckungsreise zum Nordpol, «Petermanns Mitteilungen», 1869, B. XV, S. 11; «Bremische Jahrbücher», 1870, B. V, S. 174.

[2] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 121.

[3] R. H e n n i g, Die Geographie des homerischen Epos, Leipzig, 1934, S. 25; Die großen Meeresstrudel Europas in Mythos, Geschichte und Sage, «Marine-Rundschau», 1941, S. 111.

[4] G. S t o r m, Ginnungagap, «Arkiv for Nordisk Filologi», Lund, 1890, B. VI.

[5] K. W e i n h o l d, Die Polargegenden Europas nach den Vorstellungen des deutschen Mittelalters, «Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1871, S. 805.

вильно истолкованной или не в меру приукрашенной. В подробностях, кажущихся нам фантастическими, на самом деле, как и в приключениях Одиссея, можно различить географический и естественнонаучный фон, которому лишь наивно невежественное толкование придало сказочную окраску. Гизебрехт из-за такой недостоверности рассказа подверг сомнению правдивость архиепископа Алебранда, сообщившего Адаму эту историю, назвав его «не слишком авторитетным источником»[1]. Такое обвинение Алебранда, который был «одним их самых талантливых ученых и способных государственных деятелей своего времени»[2], кажется нам неуместным. Но в целом нельзя отказать рассказчику в *bona fides* (добросовестности): он описал в основном *действительные* впечатления очевидцев, которые исказили картину из-за непонимания наблюдаемых явлений.

Несомненные преувеличения и явный налет фантастики, к которым придется еще вернуться, побудили Нансена подвергнуть сомнению достоверность всего рассказа[3]. Норвежский исследователь считает, что вся эта история сплошной вымысел, украшенный заимствованными (в который раз!) из литературы подробностями. По мнению Нансена, циклопы попали туда из поэм Гомера, мрачные картины природы — из крайне малоизвестного стихотворения Альбинован Педон (см. т. I, гл. 46), а описание водоворота — от Павла Диакона и т. д.

Автор этих строк должен признаться, что ему такая аргументация представляется порочной. Преклонение перед Нансеном — выдающимся исследователем, ученым и гуманистом — не должно заставлять нас закрывать глаза на тот факт, что он как толкователь текстов и психолог часто допускал грубые ошибки. Налет фантастики при описаниях путешествий еще со времен Гомера чаще объяснялся искажением и преувеличением очевидцами впечатлений, полученных от действительных событий, чем влиянием литературных источников. Ведь такое влияние предполагает знание людьми, в большинстве своем неграмотными, малоизвестных классических авторов, с произведениями которых незнакомы даже *современные* специалисты по античной литературе! Какими же эрудитами должны были быть эти фризские мореплаватели, если они были знакомы со всеми теми литературными источниками, заимствование из которых им приписывается. Нет, скептицизм Нансена излишен и неоправдан!

Кроме того, как утверждает Шмейдлер[4], описание природы в рассказе Адама, несомненно, точно соответствует действительным условиям в районе холодного течения у восточных берегов Гренландии. Во всяком случае, оно значительно точнее, чем поэтическое описание туманного Северного моря, принадлежащее перу Альбиновадуса Педо. Уже само соответствие сообщения действительным природным условиям должно бы служить убедительным доказательством его *достоверности*! Но и великаны, и гигантские

[1] «Baltische Studien», 1839, S. 188.
[2] J. G. Kohl, op. cit., S. 12.
[3] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 94.
[4] B. Schmeidler, Die Entdeckung der Länder des Nordens im 11. Jahrhundert, «Überall» (морской журнал), 1916, S. 496.

собаки, якобы увиденные путешественниками, тоже не внушают нам сомнений. Нетрудно установить, что в данном случае мы имеем дело с оптическим обманом, возникшим в результате арктических туманов. Ведь даже участники экспедиции Норденшельда на «Веге» в густом тумане и на близком расстоянии приняли чайку за полярного медведя, маленькую лисицу — за северного оленя, а клыки моржа — за глетчер[1]. Автор полагает, что гипотеза об оптических галлюцинациях, обусловивших элементы фантастики, свойственные географическим описаниям XI в., гораздо более вероятна, чем предположение об учености и начитанности тогдашних мореходов. Эскимосы же на самом деле держали диких собак вроде тех, с которыми фризам пришлось свести столь неприятное знакомство, так что и эта часть сообщения соответствует действительности[2]. Что же касается явной легенды о сокровищах, охраняемых циклопами, то для ее объяснения вовсе не нужно прибегать к Островам Блаженных античных авторов или к арабским и ирландским преданиям, как это делает Нансен. Скорее уж можно согласиться с трактовкой, предложенной Колем, который считает, что фризы, вероятно, под конец своего оставшегося безрезультатным плавания, по обычаю того времени, занялись морским разбоем. Позднее для сокрытия преступлений они дали благочестивому архиепископу приемлемое объяснение происхождения привезенных ими богатств[3]. Шмейдлер согласился с этим толкованием и пишет, что фризская экспедиция закончилась «небольшим веселым разбоем на море»[4].

Из-за налета фантастики, свойственного последней части сообщений Адама Бременского об экспедиции фризов в Северный Ледовитый океан, голландская исследовательница Томас в 1935 г. объявила все сообщение не внушающим доверия[5]. Однако Энклэр вскоре выступил против такой скептической позиции[6]. В связи со всеми изложенными фактами необходимо напомнить о главном, а именно о том, что Адам Бременский хоть иногда и заносил в свою хронику россказни путешественников, но сознательно никогда не фиксировал заведомо недостоверных слухов. В тех случаях, когда сведения Адама почерпнуты из надежных источников, на них вполне можно положиться. Такие авторитетные специалисты, как Ваттенбах[7] и Вейнхольд[8], решительно высказываются за то, что хроника Адама Бре-

---

[1] А. Э. Норденшельд, Вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—1880 гг., гл. III. См. М. С. Боднарский, Великий Северный морской путь, 1926, стр. 191—192.— *Прим. ред.*

[2] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 402.

[3] J. G. Kohl, op. cit., S. 15.

[4] B. Schmeidler, op. cit., S. 497.

[5] M. S. Thomas, Onze Ijslandvaarders in 17de en 18de eeuwe, 1935, S. 3 (примечание 3).

[6] «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1938, S. 313 (и след.).

[7] W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Berlin, 1858, B. II, S. 81.

[8] K. Weinhold, Über die Polargegenden Europa nach den Darstellungen des Mittelalters, «Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1871, B. LXVIII, S. 783 (и след.).

менского отличается удивительной для того суеверного века достоверностью. К тому же архиепископ Алебранд, на свидетельстве которого основан разбираемый нами рассказ, бесспорно, был выдающейся личностью и вряд ли мог попасться на удочку первому встречному. Каким-нибудь хвастунам и проходимцам он бы не оказал чести быть принятыми при его дворе. И если архиепископ попросил фризских мореходов рассказать о своих приключениях по возвращении из экспедиции, то это доказывает, что им удалось совершить необычное и замечательное плавание.

Впрочем, вероятно, прав Коль, отметивший, что экспедиция фризов, скорее всего, с самого начала преследовала какие-то иные, не чисто исследовательские цели[1]. Он убедительно доказал, что намерение «обследовать всю протяженность северного океана» (*qui latitudinem septentrionalis oceani perscrutatus navibus*), несомненно, не могло быть единственным побудительным мотивом. Об этом свидетельствует не только обращающее на себя внимание выражение «*conjurati sodales*» [поклявшиеся в дружбе.—*Ред.*], заставляющее предположить воинственные намерения мореходов, но и поразительно большое число судов, участвовавших в походе. В прежние времена в чисто исследовательских экспедициях редко принимало участие более одного-двух судов. Здесь же речь идет о «*quasdam naves*» [о некоторых кораблях.— *Ред.*], погибших в плавании, и о «*ceterae naves*» [об остальных кораблях.— *Ред.*], благополучно вернувшихся на родину. Чем объяснить такую расточительность? Коль заявляет по этому поводу следующее: «Все это не похоже на экспедицию чисто исследовательского характера» и предполагает наличие «побочных целей и тайных намерений».

Архиепископ Алебранд, который, по мнению Коля, принимал участие в подготовке, а возможно, даже в финансировании экспедиции, вероятно, имел в виду, помимо исследовательских, еще и миссионерские цели. Самим же мореходам плавание скорее всего представлялось удобным способом легкой наживы. Привезенных ими богатств (в благородном металле) вполне хватило и на щедрые подношения церкви, что ясно свидетельствует о наличии таких намерений.

Предположение о пиратском характере действий этих мореплавателей, основанное на соответствующем понимании выражения «*conjurati sodales*», превращается в уверенность, если учесть следующее обстоятельство: пиратский флот из фламандских и фризских кораблей, который несколькими десятилетиями позже в течение 8 лет бороздил моря под водительством некоего Винимара из Болоньи, а затем в 1097 г. оказал поддержку крестоносцам при завоевании Лаодикеи[2], тоже назывался союзом «*consodales*».

Какого происхождения было привезенное из похода золото, установить невозможно. В прошедшие века ученые выдвигали самые фантастические гипотезы на этот счет. Так, например, в XVII в. Хамкониус считал, что фризы сначала высадили в Чили (!) колонистов, а затем награбили золота

---

[1] J. G. K o h l, op. cit., S. 13 (и след.).

[2] Recueil des histoires des croisades, «Histoire Occidentale», t. IV, p. 348 (и след.).

в Северной Америке[1]. Несколько позже Хорн писал, что конечным пунктом плавания фризских мореходов была Куба или один из Малых Антильских островов[2], а Фишер называл даже Камчатку или Чукотский полуостров, которых им якобы удалось достичь, пройдя через Северный полюс (!)[3]. Эти фантастические домыслы можно рассматривать лишь как один из необъяснимых курьезов «научного исследования». Они не нуждаются в обоснованном опровержении! Впрочем, даже в XVIII в. Кассель на основании рассказа фризов о совершенном ими плавании пришел к выводу, что они открыли Америку[4].

Позднейшие исследователи сделали из этого рассказа менее сенсационные, зато гораздо более близкие к истине выводы: привезенное фризами золото досталось им вовсе не в далеких странах. Коль упоминает о Шетландских или Фарерских островах, на которых норманские пираты могли в течение длительного времени скопить значительное количество награбленных сокровищ. Однако и на других, менее удаленных от Европейского континента берегах были еще более благоприятные условия для наживы. Так что по этому вопросу трудно будет прийти к согласованному решению. Впрочем, более или менее удовлетворительный ответ может быть, видимо, найден, если подойти к проблеме с другого конца.

Думается, можно с полным основанием исходить из предположения о том, что фризы попали в пустынные и опасные районы дрейфующих льдов у берегов Гренландии *не намеренно*. Они, конечно, обогнули Исландию еще по своей воле. Но если их экспедиция не носила чисто исследовательского характера и не ставила перед собой задачи изучить условия, наблюдающиеся в Северном Ледовитом океане, то вполне возможно, что целью плавания был Винланд, как и у участников экспедиции Гаральда Строгого (см. гл. 107), состоявшейся на 30 лет позже. Как и король Гаральд, фризы, вероятно, обогнув Исландию, недостаточно круто свернули к югу и вместо Винланда попали в дрейфующие льды.

Это предположение, правда, недоказуемо, однако только оно, пожалуй, последовательно учитывает кругозор людей XI в. Датировать плавание фризов можно лишь приблизительно. Алебранд Бецелин, сообщивший всю эту историю своему знаменитому преемнику Адальберту (1045—1072), был архиепископом Гамбурга и Бремена с 1035 по 1045 г. Следовательно, плавание было осуществлено именно в это десятилетие. Предположение Коля, что оно состоялось «около 1040 г.», представляется убедительным. Пора-

---

[1] Martinus Hamconius (Hamekema), Frisia seu de viris rebusque Frisiae illustribus, Franeker, 1620, p. 72.

[2] G. Horn, De originibus americanis, Haag, 1652, lib. 4, p 26. Гумбольдт отмечал, что Хорн, «вопреки здравому смыслу», считает эти острова местом, где разыгралась история с гигантскими собаками, хотя «самое крупное четвероногое, обитающее на Антильских островах,—аюти — едва достигает размеров зайца».

[3] Ch. J Fischer, Geschichte des deutschen Handels, Franeker, 1620, B. I, S. 410.

[4] J. Ph. Cassel, Observatio historica de Frisonum navigatione fortuita in America, Bremen, 1741.

зительно, что плавание фризов нашло отклик через 250 лет и было причиной организации аналогичной экспедиции. Вот что сообщает по этому поводу гренландский летописец Крани:

«Когда в 1271 г. сильным северным ветром прибило к берегам Исландии массу льда и деревьев, на которых нашли несколько белых медведей, исландцы пришли к выводу, что за Гренландией должна находиться обширная суша и что это, вероятно, та самая страна, из которой во времена короля Олафа Святого фризские моряки привезли огромное количество золота, серебра и драгоценных камней. Исландцы попытались разыскать эту страну но не смогли пробиться сквозь льды»[1]. Об этой неудачной попытке повторить спустя 250 лет плавание фризов не сохранилось никаких других сведений.

---

[1] D. Cranz, Historie von Grönland, Leipzig, 1765, B. I, S. 351.

ГЛАВА 106

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ

(около 1065 г.)

Эйнгард назвал Балтийское море заливом еще неизведанной длины и ширины, и недавно предпринятое плавание двух отважных и упорных исследователей — датского военачальника Гануза[1] Вольфа и норвежского короля Гаральда — доказало справедливость этого утверждения; плавание это, имевшее целью исследовать неведомые просторы Балтийского моря [*perscrutantes*], оказалось очень трудным и изобиловавшим множеством опасностей, так что они вернулись домой павшие духом и побежденные [*fracti victique redierunt*] противными ветрами и пиратами, причинившими им двойной урон[2].

Адам Бременский, один из известнейших немецких летописцев XI в., прибыл, очевидно, из окрестностей Бамберга[3] в Бремен, где в 1067 г. стал каноником. В 1072—1075 гг. он составил хронику Гамбургской епархии, которая считается одним из ценнейших исторических и географических трудов из научного наследия средневековья. Для изучения тогдашнего севера Германии, Северной Европы и островов Атлантики значение его произведения поистине неоценимо. Начиная с 1068 г. Адам часто жил при дворе датского короля в Роскилле, где и завязал тесную личную дружбу со Свеном Эстритсоном (1047—1074)[4]; от этого короля Адам и узнал значительную часть тех сведений, которые содержатся в его прекрасном труде. Особенно это касается уникальных географических записей в IV томе хроники. Благодаря Адаму до нас дошли сообщения о многих фактах, которые не упоминаются ни в одном другом письменном памятнике средневековья.

---

[1] Как установил Лаппенберг, это имя следует читать Гамул Вольф (Старый Волк). См. «Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde», Hannover, 1838, B. VI.

[2] Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, ed. B. Schmeidler, IV, 11.

[3] Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, ed. B. Schmeidler, § 4—5 (введение).

[4] Датой смерти Свена принято считать 1076 г. Однако Шмейдлер доказал, что в действительности король умер в 1074 г., вероятно 28 апреля. См. B. Schmeidler, Hamburg-Bremen und Nord-Ost Europa im 9—11. Jhd., Leipzig, 1918, S. 288 (и след.). Это дает хорошее основание для датировки работы Адама, так как в двух местах его работы (II, 26 и 28) речь идет о еще живом короле, а в двух (II, 43 и IV, 25)— уже о покойном.

Адам Бременский был единственным из хронистов континентальной Европы, упомянувшим Винланд (см. гл. 104). Только он сообщает о крупном портовом городе венедов *Юмне* в устье Пене, который позже стал легендарным городом немецких сказаний под измененным и латинизированным, но звучным названием *Винета*[1]. Одним из первых упоминает Адам и о белых медведях. Вероятно, при дворе Свена в Роскилле он видел такого медведя, присланного датскому королю в подарок из Гренландии[2].

От этого хрониста мы узнаем и о плавании по малоизведанному в те времена Балтийскому морю, предпринятому норвежским королем Гаральдом IV Строгим совместно с датским наместником Гамулом (Ганузом) исключительно с целью географических исследований. К сожалению, сообщаемые Адамом Бременским сведения об этой исключительно интересной экспедиции прискорбно скудны. В них ничего не говорится ни о продолжительности плавания, ни о том, в какой именно части Балтики побывали мореходы. Однако археологические находки, относящиеся к доисторическому периоду, свидетельствуют об «оживленной морской торговле», развившейся в южной и западной частях Балтийского моря уже в VI и VIII вв. Эти торговые связи распространялись также на Готланд и Финляндию[3]. В IX и X вв. даже в южные и центральные районы Прибалтики, правда изредка, но все же наезжали купцы из христианских стран Западной Европы (см. гл. 86 и 94). Начиная с IX в. норманны поддерживали регулярное сообщение по морю с Новгородом и другими русскими городами. Наконец, сам Адам сообщает о торговых плаваниях на Земландский полуостров, в Новгород и Бирку[4], о заморских гостях, постоянно и «во множестве»[5] прибывавших в Шлезвиг, Юмну, Бирку[6]. Из всех этих фактов следует, что в XI в. могли считаться неизведанными только северные районы Балтийского моря, и в первую очередь Ботнический залив, о котором тогда еще не было известно, сообщается ли он с океаном.

Можно предположить, что современникам Адама Бременского Балтийское море было знакомо до 60° с. ш.

Следовательно, разведывательная экспедиция в Балтийское море, предпринятая Гаральдом Строгим совместно с Гамулом Вольфом, могла преследовать *только* одну цель: изучить Ботнический залив.

Это предположение тем более обоснованно, что вдохновитель экспедиции, король Гаральд, неоднократно сам плавал в различных частях Балтийского моря. В молодости он совершил плавание из Швеции по Финскому заливу в Новгород и далее в Константинополь. Во время длительной войны с Данией (1048—1064 гг.) шведский король почти ежегодно посещал юго-западные воды Балтийского моря, опустошая прибрежные владения датчан,

---

[1] R. Hennig, Wo lag Vineta?, Leipzig, 1935, S. 39 (и след.).
[2] «Sage vom Eisbär — Audin», «Thule», B. 17, S. 219 (и след.).
[3] I. Leiviskä, Finnland in der Welt, Dresden, 1943, S. 10 (и след.).
[4] Adam von Bremen, IV, 1, 22.
[5] Adam von Bremen, IV, 6.
[6] F. Chr. Dahlmann, Geschichte von Dännemark, Hamburg, 1840, B. I, S. 47.

а однажды даже сжег город Шлезвиг. И если Гаральд задался целью исследовать «неведомые просторы» Балтийского моря, то можно быть уверенным, что имелись в виду не южные и не центральные его районы.

Возможно, что время от времени отдельные суда заходили в Ботнический залив и до Гаральда, но об этом не сохранилось никаких сведений. Поскольку в те времена на берегах Ботнического залива не было ничего притягательного для купцов, трудно предположить, чтобы они проникали далеко в глубь суши. С географической точки зрения этот залив был совсем не исследован. В VI в. Иордан[1], располагавший относительно полными сведениями о севере Европы, называет Балтийское море *brachium*, то есть проливом Северного океана, проходящим через Европейский континент. Этого взгляда придерживались и все остальные ученые, которые вообще интересовались Балтийским морем, а таких было немного. Альфред Великий полагал, что Балтийское море на севере соединяется с открытым Отером Белым морем. Поэтому он считал Скандинавию огромным островом, а само Балтийское море — широким проливом (*saes earm*) между этим островом и континентом, вроде Па-де-Кале и Северного моря[2].

Адам Бременский первым указал на то, что из Скандинавии в Византию можно попасть по суше[3] и что Скандинавия, следовательно, составляет часть Европейского материка. Кстати, это указание на возможность сухопутного сообщения между Швецией и Византией было открытием только для жителей Западной Европы; северяне еще за 200 лет до этого знали о таком пути. В остальном Вейбулл совершенно прав, утверждая, что «у европейцев были совсем смутные, неопределенные представления о Прибалтике»[4].

Естественно, что сведения Адама Бременского о Балтийском море тоже были весьма ограниченными, а частично и совсем неправильными. Тем не менее нельзя не признать, что, несмотря на сообщения Ансгара (см. гл. 86), именно Адам был «великим пионером научного описания Северной Европы»[5].

Сообщение Адама Бременского о наличии сухопутной связи между Скандинавией и материком скорее основывалось на неточных слухах, а не на достоверных сведениях. Лишь Саксон Грамматик в 1200 г. с полной уверенностью заявил, что «*inter Grandvicum et meridianum pelagus breve continentis spatium*»[6]. [Между Гренландией и южным морем есть узкая полоса суши. — *Ред.*]

Впрочем, еще в 1427 г. Клавдий Клавус, хорошо знакомый с северной частью Европы, изобразил на своей географической карте Балтийское море в виде пролива Северного Ледовитого океана. И только на картах Николая

[1] Jordanis, Getica, III, 17, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1882, p. 58.
[2] «King Alfred's Orosius», I, 1, ed. Sweet, London, 1883, p. 16.
[3] Adam von Bremen, IV, 15.
[4] См. L. Weibull, Geo- und ethnographische Interpolationen und Gedankengänge bei Adam von Bremen, «Hansische Geschichtsblätter», 1934, S. 12.
[5] Статья Шмейдлера. См. «Neue Archiv», B. 50, S. 221 (и след.).
[6] Saxo Grammaticus, Gesta Danorum, ed. A. Holder, Strassburg, 1902.

Германца от 1466 и 1482 гг.[1] этот гипотетический пролив был окончательно ликвидирован.

Впрочем, Адам Бременский отнюдь не благоволил к норвежскому королю. Он рассматривал его деяния явно через призму датских интересов и судил о нем со слов датского короля, владения которого в течение 17 лет страдали от набегов викингов Гаральда. Именно этим объясняются эпитеты «молния Севера», «роковой бич всех датских островов» и «отринутый богом», которыми Адам награждает норвежского короля. Тем не менее он не может не признать его «чрезвычайно опытным» (*experientissimus*) исследователем дальних стран[2]. И действительно, король Гаральд определенно обладал недюжинными географическими познаниями. После знаменитой битвы при Стиклестаде (29 июля 1030 г.), в которой он 15-летним мальчиком принимал участие на стороне короля Олафа Гаральдсона («Святого»), ему пришлось покинуть Норвегию и целых 14 лет скитаться по свету. Он побывал не только в Прибалтике, России, Византии, но и на островах Эгейского моря, в Сирии, Армении, Иерусалиме, Сицилии, Северной Африке, где прожил несколько лет и якобы завоевал 80 арабских крепостей[3]. Разумеется, человеку с такой необычайной географической эрудицией была присуща склонность к исследованию неведомых земель. Эта склонность и породила намерение изучить малоизвестные районы Балтийского моря.

Снорри Стурлусон в своей «Книге о королях» подтверждает, что Гаральд интересовался многими науками и искусствами. Дальман удостаивает основателя города Осло высокой похвалы, называя его «самым умным из всех королей, которые правили Норвегией»[4].

Можно только строить догадки по поводу того, зачем Гаральду понадобилось брать с собой в плавание датского наместника, то есть подданного страны, с которой он вел длительную и кровопролитную войну. Гамул Вольф, вероятно, был выдающимся знатоком Балтики и условий навигации в этом море, иначе выбор короля необъясним. Как раз тот факт, что во главе экспедиции был поставлен датчанин, дает нам отправную точку для более или менее точной датировки экспедиции.

Адам Бременский, который, как уже отмечалось, начал писать свою летопись в 1074 г., сообщает, что плавание Гаральда было предпринято «незадолго» (*nuper*) до этого. С 1048 по 1064 г. норвежский король ежегодно совершал набеги на Данию. В тот период он, естественно, не мог ни найти досуг для научных исследований, ни назначить датчанина на ответственный пост. Это могло случиться лишь после того, как весной 1064 г. в Гёта-Эльве был заключен мир между Норвегией и Данией[5]. Чем был занят Гаральд летом 1064 г., сообщает нам «Хеймскрингла». Сначала король жил в Осло и Трон-

---

[1] J. Fischer, Die kartographische Darstellung der Normannen, «Verhandlungen des Stuttgarter Amerikanisten-Kongresses, 1904», Stuttgart, 1906, S. 37 (и след.).
[2] Adam von Bremen, III, 17.
[3] «Thule», B. 16, S. 68—81.
[4] F. Chr. Dahlmann, op. cit., B. II, S. 130.
[5] «Thule», 1923, B. 16, S. 138—140, 145.

хейме, а затем поехал через Гёта-Эльв на озеро Венерн, где в начале зимы встретился с бежавшим ярлом Хаконом[1]. Кроме того, мы знаем, что летом 1066 г. норвежский король предпринял военный поход против Англии, подвергся внезапному нападению и 25 сентября в битве у Стамфорд-Бриджа северо-восточнее Йорка был разбит английским королем и погиб[2].

Итак, за 19-летнее царствование Гаральда лето 1065 г. было единственным мирным летом. «Хеймскрингла» ничего не сообщает о деятельности короля в это время. Повествование перескакивает с похода к озеру Венерн в 1064 г. на английский поход 1066 г. Следовательно, если сообщение Адама о двух научно-исследовательских экспедициях короля Гаральда основано на действительных событиях, что, впрочем, представляется бесспорным, то датой совершения обеих экспедиций должен быть 1065 г. К этой дате очень подходит и указание Адама Бременского на то, что событие произошло «незадолго» до того, как сам он приступил к составлению хроники. Вероятно, Адам во время своего пребывания в Дании в 1068/69 г. услышал о научных подвигах Гаральда от короля Свена, который мог быть очень хорошо о них осведомлен. Сообщение о плавании к Ботническому заливу уж наверняка основано на личном рассказе Гамула Вольфа, датского *наместника* и участника экспедиции, поскольку он, конечно, должен был доложить о ней своему королю. Остается неясным, почему «Хеймскрингла» умалчивает о событиях 1065 г. Впрочем, в данном случае свидетельство Адама, современника описываемых событий, представляется более авторитетным, чем сообщения Снорри Стурлусона, написавшего свою «Историю норвежских королей» лишь 160 лет спустя.

[1] «Thule», B. 16, S. 140 (и след.).
[2] Ibidem, S. 162.

ГЛАВА 107

ПЛАВАНИЕ КОРОЛЯ ГАРАЛЬДА СТРОГОГО В РАЙОН ВОСТОЧНО-ГРЕНЛАНДСКОГО ТЕЧЕНИЯ

(предположительно 1065 г.)

Позади этого острова [Исландии], как сообщает король Свен Эстритсон, в океане более не встречаются обитаемые земли; за ним лежит страна невыносимого холода и невероятного тумана. Марциан упоминает об этом факте такими словами: «Через сутки плавания за Туле море становится застывшим»[1]. Недавно в этом решил убедиться лично норвежский король Гаральд — опытный путешественник. Он исследовал водные просторы Северного океана и в конце концов добрался до такого места, где уже смутно виднелся край света и море низвергалось в ужасную бездну, которой ему удалось избежать, повернув вспять свои корабли с большим трудом, и он едва выбрался целым [*paene vix salvus evasit*][2].

* * *

То же самое подтвердил автору этих строк [*praesentium scriptori*] один заслуживающий всяческого доверия монах-картезианец; значит, это правда. На их языке это место называется Геммен-

---

[1] О «застывшем море» см. т. I, гл. 13, 18—20 и 54. Легенда эта была распространена на поразительно большой территории земного шара и, как указывает Нансен, была известна даже в Японии. См. F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 470. Даже во время двух первых плаваний Колумба в Америку моряками овладевал страх при мысли, что перед ними «застывшее море». Это произошло, когда они входили в Саргассово море, а у Кубы попали в такие районы, где морская вода была молочного цвета. См. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, 1865, S. 239 (примечание). Со времени Адама Бременского на севере Европы нередко подразумевали под «застывшим морем» ставший незадолго до того известным Северный Ледовитый океан. Со времени Дикуила (IX в.) Туле зачастую идентифицировали с Исландией. Возникновение этой легенды частично объясняется небольшими скоплениями саргассовых водорослей у побережья Испании и Марокко. Кроме того, на расстоянии до 50 миль от берегов Марокко можно увидеть воды, которые кажутся застывшими из-за большого количества пыли, приносимой ветром из пустыни. См. S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, S. 89. [Упоминаемый Адамом Бременским Марциан — латинский писатель V в. Марциан Капелла, автор аллегорического сочинения «О браке Филологии с Меркурием». В средние века его книга пользовалась большой популярностью. В заслугу Марциану следует поставить то, что благодаря его труду в средние века сохранилась идея о шарообразности Земли.— *Ред.*]

[2] Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, IV, 39, ed. B. Schmeidler, p. 276.

дегоп [Гиннунгаган]. Кормчего корабля, на котором находился король Гаральд, звали Олиден, сын Хельге, лоцмана — Гуннар Расвен[1].

* * *

...Они вышли в море и ушли далеко к берегам Винланда, а также в безлюдные льды, и у них не было ни еды, ни огня, чтобы просушить свою одежду. Злой рок прогоняет удачу и приводит к ранней смерти[2].

Если рассуждения и выводы, изложенные в предыдущей главе, считать обоснованными и выдерживающими критику, то нетрудно понять, почему предприимчивый норвежский король Гаральд использовал единственное в свое царствование мирное лето на милые его сердцу дальние плавания. Ведь в 1065 г. Гаральду как раз исполнилось 50 лет и ему не хотелось бесплодно провести эти зрелые годы. Экспедиция в Ботнический залив, о которой сообщалось в предыдущей главе, конечно, могла занять не более нескольких недель. Поэтому вполне возможно, что в то же лето король предпринял еще одно плавание с исследовательскими целями, в котором принимал личное участие, как о том сообщает Адам Бременский.

Судя по описанию этого «плавания по водным просторам северного океана», оно также носило чисто исследовательский характер. В более позднем комментарии к летописи Адама, напечатанном вместе с оригинальными текстами, но, *несомненно*, не принадлежащем перу Адама[3], называются даже имена кормчего и лоцмана, которым король поручил проведение необычного плавания. Имя лоцмана, Расвен, встречается и в других исторических памятниках[4]. Цели и характер этого плавания по Северному Ледовитому океану поразительно напоминают экспедицию, предпринятую около 1040 г. фризскими дворянами — любителями приключений (см. гл. 105).

Нансен опять отнесся с недоверием к этому сообщению Адама[5]. Между тем автор этих строк не видит ни малейшего основания для столь скептического отношения. Несомненно, кое-что в этом сообщении, как и в описании приключений фризов, на первый взгляд кажется обычными морскими сказками, например история с «краем света» и др. И все же весь рассказ производит впечатление до наивности простого, прямодушного повествования и в целом соответствует представлениям, которые непременно *должны* были возникнуть у моряков того времени при знакомстве с дрейфующими льдами

---

[1] Комментарии к приведенному выше отрывку см. «Hamburger Adam-Handschrift», Cod. chart., No 22, cap. 246, p. 364; «Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum», ed. J. M. Lappenberg, Hannover, 1876, p. 186 (примечание «*d*»); Adam von Bremen, ed. B. Schmeidler (примечание со звездочкой).

[2] Хёненская руническая надпись. См. S. Bugge, Norges Indskrifter med de yngre Runer, Hönen-Runerne fra Ringeriken, Christiania, 1902, S. 11.

[3] Adam von Bremen, ed. B. Schmeidler, p. XIII—XVI (введение).

[4] Ibidem, p. 276 (примечание 6).

[5] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 94 (и след.).

у берегов Гренландии. Влияние на рассказчика древнегреческих мифов или книги Лукиана «Правдивая история», предполагаемое Нансеном, гораздо менее вероятно, чем гипотеза о действительном приключении. Разумеется, впечатление о нем непомерно преувеличено и искажено под влиянием средневековых представлений о вселенной.

Именно в тот период не было никакой нужды заниматься изучением наследия античных авторов, чтобы уверовать в истинность сотен мифов и волшебных сказок вроде той, о которой рассказывает Адам Бременский. Хотя в его хронике кое-где и встречаются следы вымыслов, все же бравый бременский каноник не заслуживает полного недоверия. Сообщения Адама в большинстве случаев, как уже подчеркивалось выше, в основном правдоподобны, так как он обычно записывал рассказы лишь «заслуживающих доверия» лиц[1]. Его хроника лишена следов стремления, свойственного некоторым старым авторам, заинтересовывать читателя нагромождением чудесных историй или вплетением в повествование древних мифов[2]. Подозрительность Нансена по отношению к Адаму Бременскому и датскому королю Свену неоправданна. Кроме того, следует помнить, что вымышленные приключения никогда не кончаются столь безрезультатно и не излагаются в таких минорных тонах, как описание обоих плаваний короля Гаральда. Явное разочарование в результатах плавания представляется самым бесспорным доказательством подлинности и исторической достоверности излагаемых событий.

Встречающееся в этом рассказе упоминание о водовороте тоже никак не может вызывать подозрения об обычном для моряков бахвальстве.

Ведь в сообщении Адама Бременского нигде не утверждается, что путешественники *видели* этот водоворот своими глазами. Попав в сильное течение, они просто *решили*, что их влечет к мировому водовороту — *Гиннунгагапу*[3]. Что в этом неправдоподобного? Норвежцам тех времен было известно несколько опасных водоворотов: «Мальстрём» у Лофотенских островов, «Сальтбром» у Боде, «Страумнскин» возле Святого Носа у Мурманского побережья и другие морские опасности такого же рода. Разве у мореходов, попавших в незнакомом море в сильное, изобилующее льдами течение вблизи берега, в стужу и туман, не должна была застыть от ужаса кровь в жилах и возникнуть воспоминание о мировом водовороте? Разве можно обвинять мореплавателей тех далеких времен за то, что они позднее в слишком ярких красках расписывали ужасы, которые им пришлось пережить в опасные минуты? На одном этом основании при всех условиях неуместно отказывать в доверии самим морякам, а тем более летописцу Адаму Бременскому, объективно записавшему их рассказ!

А о том, что в пределах Восточно-Гренландского течения имеется ряд весьма опасных пучин, сообщал уже не кто иной, как «гренландский апостол»

---

[1] «Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum», ed. J. M. Lappenberg, Hannover, 1876, p. IV.

[2] S. E. L ø n b o r g, Adam af Bremen och hans skildring av Nordeuropas Länder og Folk, «Akad. Afhandl.», Upsala, 1897.

[3] G. S t o r m, Ginnungagap i Mythologien og i Geografien, «Arkiv for Nordisk Filologi», Lund, 1890, B. II, S. 340.

Эгеде: «В проливе, отделяющем вышеназванный мыс [мыс Фарвель], проходит очень опасное течение, с водоворотами, разрушающими даже скалы»[1].

Нансен обвиняет Адама Бременского даже в том, что он «не дал себе труда немного исправить описание морских ужасов в обоих рассказах»[2]. Суждение столь же странное, сколь и жесткое! Ведь Адам не располагал современными знаниями географии и естественных наук, а поэтому и не мог подвергнуть рассказы норвежцев критическому разбору. Как же он мог решить, что́ в них достоверно, а что́ нет? «Поправки» в тех условиях были бы не более и не менее как фальсификацией. С каких пор летописца осуждают за то, что он *не фальсифицирует* оказавшийся в его распоряжении материал?

В рассказе Адама нет ни одного эпизода, который производил бы впечатление вымышленного или хотя бы сомнительного. Правда, невольно возникает вопрос: что могло побудить норвежского короля предпринять плавание именно в пресловутую гренландскую «ледяную пустыню», самую бесполезную и опасную часть Атлантического океана? Руководила ли им действительно чистая страсть к исследованию или ему просто любопытно было узнать, каков на самом деле Крайний север? Поскольку Адам употребляет для характеристики экспедиции недвусмысленное выражение *perscrutari*, то есть «путем исследования», очевидно, он писал о чем-то в этом роде. Однако напрашивается вопрос, почему же король не использовал единственное спокойное лето рациональнее, например для плавания в более богатые южные страны, благословенные берега которых манили смелых викингов богатой добычей, а искусных купцов — большим барышом?

Автору этих строк представляется вполне вероятным, что король Гаральд на самом деле совсем не стремился печально блуждать среди туманов, льдов и водоворотов. Ему, видимо, хотелось добраться до населенных земель, где перед ним открылась бы возможность легкой наживы — мирным ли путем или военными набегами. И то и другое считалось тогда одинаково почетным. Правда, из сообщения Адама этого не следует. У него сказано лишь, что Гаральд «исследовал просторы Северного океана». Но, быть может, есть другая возможность выяснить истинные намерения норвежского короля?

Такая возможность представится, если поставить в связь с плаванием Гаральда другой документ той же эпохи. В данном случае это не только допустимо, но и необходимо.

В дошедших до нас многочисленных средневековых исторических источниках и сагах северных народов часто рассказывается о намеренных или невольных плаваниях *исландцев* в пустынных водах, омывающих восточное побережье Гренландии, но ни разу не упоминается о походах *норвежцев* в этот район. Согласно преданиям, норвежцы время от времени совершали плавания к заселенному юго-западному берегу Гренландии, но всегда избегали приближаться к безлюдным и покрытым сплошными льдами восточным берегам. Тем поразительнее кажется содержание рунической надписи XI в., найденной на юго-востоке Норвегии. Эта надпись сообщает о непреднамеренном

[1] H. E g e d e, Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 35.
[2] F. N a n s e n, op. cit., B. II, S. 94.

плавании норвежцев в этих негостеприимных водах, состоявшемся как раз в ту же эпоху.

Речь идет о так называемой *Хёненской рунической надписи.* Хёнен — это небольшой хутор в районе Рингерике. Между этим хутором и местечком Тандберг в 1817 г. нашли надгробную надпись на могиле неизвестного молодого моряка из знатного рода. Имя покойника осталось неизвестным. Вероятно, оно стояло в самом начале надписи, которое не сохранилось. К сожалению, давно пропала и сама надгробная плита и ее научное описание, сделанное в 1823 г. капитаном Лоренсом Дидериком Клювером по поручению Королевского норвежского научного общества. В 1872 г. это описание еще значилось под № 304 в Тронхеймском собрании рукописей. К счастью, сохранилась копия рунической надписи, сделанная в 1838 г. настоятелем Бергенского монастыря Кристье. По этой копии известному рунологу Бугге удалось изучить надпись. 14 сентября 1894 г. Бугге сделал в Христиании [Осло.— *Ред.*] научный доклад о результатах своего исследования. Позже доклад был обработан и опубликован[1].

Перевод надписи, сделанный Бугге, приведен выше. Правильность его подвергается сомнению «новейшими скандинавскими рунологами», как сообщил автору этих строк литературовед проф. Фредерик Паше в письме из Осло от 14 октября 1932 г. Ольсен также считает толкование надписи, данное Бугге, «в высшей степени сомнительным»[2]. Более того, в новом немецком пособии по рунологии[3] вообще ни слова не упоминается о Хёненской надписи, очевидно потому, что ее сочли сомнительной. Однако видный немецкий рунолог проф. Неккель 9 марта 1935 г. сообщил автору этих строк в ответ на его запрос следующее: «Как и Бугге, я считаю Хёненскую руническую надпись подлинной». Очевидно, всем успешным расшифровкам надписей уготована одна и та же судьба: их позднее оспаривают! Между тем Бугге совершенно четко заявляет: «Нет *никаких сомнений* в том, что в надписи речь идет о Винланде»[4]. Учитывая это утверждение, а также, бесспорно, высокий научный уровень исследований Бугге, еще никем не превзойденный, автор этих строк не видит оснований отвергать его перевод, тем более что он исключительно удачно вписывается в исторические события той эпохи.

Еще Бугге поставил невольно напрашивающийся вопрос, не имеет ли Хёненская руническая надпись какое-то отношение к плаванию короля Гаральда в Северный Ледовитый океан. Характер рун заставляет отнести надпись «примерно» к периоду между 1010 и 1050 гг.[5], тогда как экспедиция Гаральда состоялась, очевидно, в 1065 г. Поэтому есть основания говорить о совпадении их во времени. И все же Бугге считает, что, «видимо, путешествие, о котором сообщает надпись из Хёнена, не имеет никакого отношения к ледовому походу короля Гаральда Строгого»[6].

[1] S. Bugge, Norges Indskrifter med de yngre Runer. Hönen-Runerne fra Ringerike, Christiania, 1902.
[2] M. Olsen, Nordisk Kultur VI (Runerna), Stockholm, 1933, S. 92.
[3] H. Arntz, Handbuch der Runenkunde, Haale, 1935.
[4] S. Bugge, op. cit., S. 13.
[5] Ibidem, S. 18 (и след.).
[6] Ibidem, S. 15.

Основанием для такого вывода послужило лишь то обстоятельство, что король Гаральд совершил плавание по Северному Ледовитому океану, в то время как в надписи говорится о гренландских пустынных водах. Очевидно, Бугге просто ошибся в географической оценке событий. Гренландские воды всегда и с полным правом считались частью Северного Ледовитого океана. Кроме того, у Адама Бременского так отчетливо описан именно этот район, что трудно допустить даже малейшую тень сомнения в тождестве плавания короля Гаральда и того события, о котором сообщает руническая надпись из Хёнена. Король Гаральд побывал в той части Северного Ледовитого океана, где сильное течение, льды и туманы могли породить представление о приближении корабля к водовороту Гиннунгагап. «Дикие и пустынные места», о которых говорится в рунической надписи, всегда были характерны для восточного побережья Гренландии. Поэтому было бы просто необъяснимо, если бы оба источника не описывали одной и той же местности и не относились к одному и тому же времени!

К этому надо добавить еще одно обстоятельство. Район Рингерике, в котором найдена плита с надписью, был родиной короля Гаральда! Его отец Сигурд *Сюр* был там королем фюльке, когда у него в 1015 г. родился сын Гаральд. Следовательно, неизвестный покойник, захороненный в Хёнене, мог находиться в близких отношениях с королем. Итак, в конечном счете вовсе не таким уж нелепым оказывается предположение о том, что король Гаральд сам приказал воздвигнуть этот памятник на могиле какого-то юноши из знатного рода, сопровождавшего его в ледовом походе и там погибшего.

Возможно, мы могли бы прийти к более определенному выводу, если бы знали имя покойника, в честь которого был воздвигнут памятник. Бугге предполагает, что покойник действительно был «норвежцем из Рингерике, пустившимся в плавание к безлюдным берегам Гренландии»[1]. В этом случае вероятность участия его в экспедиции короля Гаральда, который тоже происходил из Рингерике и в это же самое время совершил плавание к безлюдной части Гренландии, очень велика. Можно с полным правом сопоставить или даже просто идентифицировать эти два плавания. Поскольку ни в одном средневековом источнике больше ни разу не сообщается о норвежских экспедициях в Северный Ледовитый океан или к восточным берегам Гренландии, автор этих строк решается даже настаивать на *невероятности* отсутствия между этими событиями тесной внутренней связи! Здесь мы сталкиваемся с обстоятельствами, аналогичными тем, которые связаны с рунической надписью на Кенсингтонском камне (см. т. III, гл. 150). Кенсингтонскую надпись вообще можно понять лишь в том случае, если ее содержание сопоставить с исторически засвидетельствованной единственной совместной норвежско-шведской экспедицией короля Магнуса.

Но если согласиться с гипотезой о тождестве плавания, упоминаемого в надгробной надписи из Хёнена, и экспедиции Гаральда, то мы получаем отправную точку для разгадки истинных намерений короля. Оказывается, он хотел, миновав Исландию, двинуться дальше «в Виниланд», но случайно

[1] S. B u g g e, op. cit., S. 24.

попал в «гренландские ледовые поля». Отсюда Неккель сделал вполне обоснованный вывод:

«Напрашивается мысль о том, что необычайно смелое и далекое океанское плавание короля Гаральда представляет собой попытку присоединить к своему королевству Винланд, о котором как раз в тот период ходило много слухов. Эта догадка очень соответствует характеру короля»[1].

Гипотеза Неккеля рискованна, но приемлема. Возможно, в планы короля и не входило немедленное «присоединение» Винланда к своей короне, но вполне вероятно, что плавание было походом викингов за добычей в прославленный скальдами прекрасный Винланд.

Во время этого похода король, очевидно, чересчур уклонился к северу, вследствие чего и попал против своей воли в «ледовую пустыню». Миновав Исландию, Гаральду надо было бы резко повернуть на юго-запад, согласно навигационным указаниям, содержащимся в «Ландснамабок».

«Чтобы попасть из Норвегии в Гренландию (в колонию), надо обогнуть Исландию с юга на таком расстоянии, чтобы слышать голоса птиц и моржей»[2].

Гаральд же вместо этого держал курс прямо на Исландию, а затем, видимо, плыл все время либо на запад, либо на запад-юго-запад. Поэтому корабль неизбежно *должен был* попасть в холодное течение, которое на юге доходит почти до 60° с. ш. Некоторые рассуждения Нансена представляют собой столь же убедительное, сколь и неожиданное подтверждение правильности такого толкования. Нансен анализирует древнюю сагу о Лодине Могильщике[3], которому дали это прозвище потому, что он привез трупы Финна Фегина и команды его корабля из хижин на восточном склоне гренландских ледников, то есть в «ледовой пустыне». Здесь относительно часто погибали норманны, попадавшие случайно или для охоты в эти края. Вот что пишет Нансен:

«Это доказывает, что речь идет о восточном береге; все это произошло, видимо, за несколько лет до смерти короля Гаральда Строгого»[4].

Каким образом Нансен установил эту хронологическую последовательность, он не указывает. Но поскольку Гаральд Строгий погиб в 1066 г., то трагическое приключение Финна Фегина в гренландских льдах должно совпасть по времени с плаванием короля Гаральда по Северному Ледовитому океану. Возможность самой тесной связи между этими событиями становится более реальной.

Нансен не связывает события саги о Лодине Могильщике с экспедицией короля Гаральда в Северный Ледовитый океан. Тем больше оснований у автора этих строк задать вопрос: не произошла ли гибель Финна Фегина и команды его корабля во время плавания короля Гаральда? Может быть, Финн Фегин, о котором мы больше ничего не знаем, и неизвестный покойник, которому посвящена руническая надпись на Хёненской надгробной плите, — одно и то же лицо? На такие раздумья наталкивает совпадение во времени обоих событий,

---

[1] G. N e c k e l, Die erste Entdeckung Amerikas durch die Nordgermanen, Leipzig, 1934, S. 92.

[2] «Thule», B. 23, S. 62.

[3] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», B. II, S. 662.

[4] F. N a n s e n, op. cit., B. I, S. 306.

а также уникальность норвежской экспедиции, попавшей в Восточно-Гренландское течение.

Такое толкование вскрывает смысл и взаимосвязь событий. Правда, все это лишь догадка о том, как *могли* развиваться события, но она представляется еще более вероятной в свете следующего факта. Еще в 1500 г. Гаспар Кортириал, намереваясь вновь найти открытую за 27 лет до него [видимо, его отцом] «Страну трески», случайно попал в гренландские дрейфующие льды и дрейфовал вместе с ними на довольно большое расстояние[1].

Особенно важным и показательным автор считает упоминание в примечании к хронике Адама названия «Гиннунгагап». *Одно* это название опровергает не только все измышления насчет заимствования описания путешествия у Лукиана и других античных авторов, но и доказывает одновременно, что весь рассказ восходит к скандинавскому источнику и действительно имеет отношение к гренландским дрейфующим льдам. Ведь среди норманнов долго бытовало поверье, что они движутся по направлению к мировому водовороту Гиннунгагапу (см. гл. 105). Таким образом, одно это слово уже служит надежнейшим доказательством того, что Ледовое море короля Гаральда находилось как раз там, где была расположена «ледяная пустыня», в которой погиб неизвестный покойник из Хёнена.

Насколько мощным представлялось норманнам течение, несущее дрейфующие льды, показывает одно место из «Королевского Зерцала» (около 1240 г.). Там говорится, что дрейфующие льды движутся «со скоростью корабля при попутном ветре».

Неккель ответил автору на его вопрос, что «не может не согласиться с предположением о наличии тесной связи между Хёненской надписью и рассказом о ледовом походе короля Гаральда Строгого». Да и проф. Шмейдлер из Эрлангена, пожалуй лучший знаток Адама Бременского, которого автор попросил высказать свое мнение по этому вопросу, ответил ему 20 июня 1936 г., что предложенная им версия о связи между рунической надписью на Хёненском камне и сообщением Адама о путешествии в гренландские льды не только не «кажется правдоподобной, но, более того, представляется весьма вероятной».

Если мы будем рассматривать рассказ Адама о ледовом походе короля Гаральда изолированно, нам не понять ни психологических мотивов этой экспедиции, ни ее географического значения. Но как только мы сопоставим ее с рунической надписью из Хёнена, обе проблемы решаются сами собой. Обстоятельства здесь аналогичны тем, какие вынудили поставить путешествие Полибия к западному побережью Африки в связь с «Надписью стоика» (см. т. I, гл. 29). Там сопоставление двух источников привело к отличной реконструкции исторических фактов. В нашем случае применение того же метода создает еще более ясную картину. Внутренняя связь между Хёненской надписью, рассказом Адама и сагой о Лодине Могильщике напрашивается сама собой. Автор не видит причин, почему бы не облегчить понимание одного источника путем привлечения другого.

---

[1] Статья Бьёрнбо. См. «Petermanns Mitteilungen», 1910, S. 313 (и след.).

ГЛАВА 108

КОЛОНИЗАЦИЯ МАДАГАСКАРА МАЛАЙЦАМИ С ЯВЫ

(XI в. или ранее)

[Комры] населяли вместе с китайцами восточные страны. Между ними возникла вражда, и китайцы вытеснили их на острова; там они и жили некоторое время. Их король назывался «камрун». Впоследствии на островах у них возникли распри, о которых мы еще расскажем. После этого те, которые не были приверженцами правящей династии, переселились на этот большой остров [Комры, то есть Мадагаскар], и резиденцией их султана был город Комория. Позже численность их увеличилась и они заселили вышеупомянутые города. Они раскололись на небольшие независимые королевства. Между ними опять возникли распри, так как они стали очень многочисленны. Многие из них покинули остров, чтобы поселиться на крайнем юге обитаемой Земли[1].

* * *

У зангов [мадагаскарцев] нет кораблей для плавания по морю. Из Омана и из других стран к ним прибывают суда, которые затем направляются к островам Джавага [Ява]; эти острова являются частью Индии. Корабли привозят товары, которые обмениваются на продукты цангов. Люди с острова Джавага приплывают к зангам на барках и больших кораблях. Они вывозят их товары, так как понимают язык друг друга... Люди с Комра [Мадагаскара] и купцы их страны магараджи [с Явы] приезжают к ним [то есть к жителям Африканского континента], их там хорошо принимают и ведут с ними торговлю[2].

---

[1] Сообщение Ибн-Саида. Рукопись за № 2234, хранящаяся в арабском отделе парижской Национальной библиотеки. См. «Journal Asiatique», 1919, t. 13, p. 445 (и след.). Под крайним югом имеется в виду Африканский материк, но, вероятнее всего, не современная Капская провинция, а район побережья Мозамбика. «Южной» она названа из-за ошибочного представления Птолемея и Идриси, согласно которым Восточная Африка ограничивается с юга Индийским океаном.

[2] Сообщение Идриси. Рукопись за № 2222, хранящаяся в арабском отделе парижской Национальной библиотеки. См. «Journal Asiatique», t. 14, p. 63.

По морю зангов нельзя плыть дальше Софалы. Ни один моряк, рискнувший пуститься в это отчаянное плавание, не вернулся, чтобы рассказать, что он там видел[1].

До последнего времени все исследователи считали, что Мадагаскар, крупнейший после Гренландии остров на земном шаре, никогда не был известен людям античного мира. Это мнение несколько лет назад было поколеблено, если не опровергнуто вескими аргументами Штехова (см. т. I, гл. 55). Но коль скоро существовало такое представление, то до самого последнего времени оставался неясным вопрос, в каком веке, более того, в каком тысячелетии человечество узнало о Мадагаскаре.

С уверенностью можно утверждать, что достигнуть этого острова со стороны побережья Восточной Африки на судах, которыми располагали древние мореплаватели, было трудно из-за чрезвычайно мощного Мозамбикского течения. По причинам, которые рассматривались выше, мореходы античного мира избегали этого течения. Правда, давние и весьма оживленные торговые связи с побережьем Африки поддерживались южнее экватора до мыса Корриентес (23°58′ ю. ш.), который Гумбольдт называет Мысом Течений[2]. И все же у нас есть основания предполагать, что Мадагаскар в течение очень длительного периода оставался неизвестным мореплавателям античного мира и средневековья. Возвращение на север из районов побережья, расположенных южнее мыса Корриентес, для небольших судов мореходов древнего времени было бы возможно лишь в том случае, если бы они под 37—40° ю. ш. ложились в дрейф по обратному течению, которое пронесло бы их мимо восточного берега Мадагаскара[3]. Впрочем, совершенно очевидно, что этот путь стал известным лишь благодаря длительному опыту, постепенно накопленному мореплавателями, а в древности и в средние века им вряд ли могли пользоваться.

Правда, представляется весьма вероятным, что отклонившиеся из-за муссона от своего курса корабли индийских купцов могли довольно рано попасть на Мадагаскар. Но никаких материалов, подтверждающих такое положение, у нас нет. Попытки идентифицировать упоминаемый Плинием «остров Церне, расположенный напротив Эфиопии»[4], с Мадагаскаром[5] надо считать столь же смелыми, сколь и необоснованными. Ведь Церне был расположен у берегов Марокко.

Против подобного толкования говорят и приведенные недавно Штеховом убедительные аргументы[6], согласно которым упоминаемый Диодором в 40 г.

---

[1] Сообщение Бируни (около 1030 г.). См. A l-B i r u n i, ed. Sachau, London, 1910, v. I, p. 270.

[2] A. H u m b o l d t, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B.I, S. 279 (и след.).

[3] R e n n e l, Inventary on currents, p. 98, 138.

[4] P l i n, N. H., VI, 36.

[5] «Autores historiae ecclesiae», Basel, 1554, p. 198 (и след.); «Römische Prosaiker in neuen Übersetzungen», Stuttgart, 1840, B. 155, S. 712 (примечание).

[6] E. S t e c h o w, Kannte das Altertum die Insel Madagaskar?, «Petermanns Mitteilungen», 1944, S. 84 (и след.).

до н. э. остров Ямбула[1] мог обозначать только Мадагаскар (см. т. I, гл. 55). Возможно, Мадагаскар упоминается также в «Перипле Эритрейского моря» под названием Менутиас[2], как предполагал еще Петерс[3]. Правда, встречающийся у Птолемея Менутиас, по Шлихтеру[4] и Штруку[5], никак нельзя считать Мадагаскаром, а только Занзибаром, или Мафией. Но это еще не исключает иного отождествления одноименного острова, встречающегося в «Перипле Эритрейского моря». Штехов доказал, что автору этого труда южная часть Африки была известна гораздо лучше, чем Птолемею, который хотя и жил на 60 или 70 лет позже, но пользовался чужими сообщениями. Поэтому Птолемей мог ошибочно присвоить название Менутиас небольшому только что открытому острову, к которому совершенно не подходит характеристика, данная автором «Перипла Эритрейского моря». Ведь последний сообщает, что этот остров изобилует огромными реками, в которых кишат крокодилы[6].

Также сомнительно и первое упоминание острова Мадагаскар в средневековых источниках. Ферран утверждает, что арабы открыли Мадагаскар не позже IX в.[7] Вивьен де Сен-Мартен тоже считает упоминаемый Масуди в 950 в. остров Джафуну Мадагаскаром[8]. Впрочем, все это только гипотезы. Лишь в середине XII в. появляется первое в арабской географической литературе и совершенно бесспорное упоминание о Мадагаскаре у Идриси, который называет его «джезире комор»[9].

Достоверно также, что в средние века многие малайцы побывали на Мадагаскаре, и, возможно, неоднократно; это были члены того удивительного племени «морских кочевников»—«оранг малайу» («бродячие люди»), которое распространилось на невероятно огромной территории. Последняя доходит на юге до Новой Зеландии, на севере — до Гавайских островов, на востоке — по крайней мере до острова Пасхи, а то и до Южной Америки, а на западе — до Мадагаскара и до побережья Африки. Все эти дальние плавания и географические открытия произошли в историческое время, но не нашли отражения в истории. Ни в одном из памятников того периода ни слова не говорится о том, как и когда малайцы попали на острова Океании и на Мадагаскар и заселили их. Тем не менее, по мнению голландского ученого Ламстера, результаты современных исследований «исключают возможность какого-либо сомнения в том, что культурные влияния в древности могли распространяться народами, нахо-

---

[1] Диодор Сицилийский, II, 55.

[2] «Плавание вокруг Эритрейского моря», гл. 15. См. «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 268.— *Прим. ред.*

[3] C. Peters, Im Goldland des Altertums, München, 1902, S. 228 (и след.).

[4] H. Schlichter, Ptolemy's topography of Eastern Equatorial Africa, «Proceedings of the Royal Geographical Society», 1891, v. XIII, p. 517.

[5] B. Struck, Rhapta, Prasum, Menuthias, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1921, S. 193 (и след.).

[6] E. Stechow, op. cit., S. 85.

[7] G. Ferrand, Les musulmans au Madagascar et aux îles Comores, Paris, 1902.

[8] L. Vivien de Saint-Martin, L. Rousselet, Nouveau Dictionnaire de géographie universelle, Paris, t. III, p. 518.

[9] K. Miller, Mappae Arabicae, Stuttgart, 1926, B. II, S. 169.

дящимися на низкой стадии развития, на огромные территории при помощи крайне примитивных средств»[1].

К аналогичным выводам приходит и Кёстер: «Даже в доисторические времена некоторые народы обладали удивительными географическими познаниями и были лучше осведомлены о природе и продукции соседних или даже далеких стран, чем это принято думать»[2].

Мы располагаем массой поразительных этнографических и лингвистических фактов, например обилием явно малайских названий в описании Юго-Восточной Азии у Птолемея. Это заставляет нас сделать вывод о вхождении в сферу влияния малайцев к 150 г. н. э. по крайней мере полуострова Малакки, Зондских островов, Филиппин и побережья Южного Китая (см. т. I, гл. 58).

Потомки малайских переселенцев живут на Мадагаскаре и по сей день. Это малайское племя хова[3]. Еще в XIX в. хова создали огромное государство, которое в XX в. было поглощено французской колониальной империей. Но все-таки их и теперь насчитывают 850 тыс. человек. Одно представляется несомненным: Мадагаскар был в свое время колонизован малайцами, прибывшими сюда с Явы.

В этом пункте сходятся данные трех арабских ученых средневековья: Идриси (около 1154 г.), Ибн-Саида (ум. в 1274 или 1286 г.), автора хранящейся в Париже рукописи, озаглавленной «Протяженность Земли в длину и ширину», и Ибн-ал-Муджавира (1204—1291), который в 1232 г. написал «Тарих ал-мустабсир» («Хроника наблюдателя»). Этот труд под номером 6021 хранится в арабском отделе парижской Национальной библиотеки и был вместе с другими упомянутыми рукописями опубликован Ферраном[4].

Данные арабских ученых почерпнуты, по мнению Феррана, из 36 библиотек Багдада[5].

Все они сообщают, что мадагаскарские малайцы жили прежде в центре Юго-Восточной Азии, переселились оттуда на Зондские острова и значительно позже постепенно перебрались на Мадагаскар. Все арабские авторы называют африканских малайцев комарами. Отсюда вполне вероятным представляется предположение Ибн-Халдуна о том, что это наименование как-то связано с названием кхмеров — великого культурного народа Индокитая. Сообщение

---

[1] J. C. L a m s t e r, Zeenomaden in den archipel, «Tijdschrift voor economische Geographie», 1937, S. 269.

[2] A. K o e s t e r, Schiffahrt und Handelsverkehr des östlichen Mittelmeers im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr., «Beihefte zum Alten Orient», 1924, H. 1, S. 9.

[3] Хова — в западноевропейской литературе называют народность имерина. Это ошибочное распространение на всю народность названия группы свободных землепашцев в бывшем государстве Имерина, сложившемся в XIV в. Население Мадагаскара — мальгаши — по языку и культуре принадлежат к числу народов малайско-индонезийского мира. Считают, что переселение малайцев на Мадагаскар произошло в глубокой древности, за 1000—800 лет до н. э. См. «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», АН СССР, 1957, стр. 335—337; Ф. М о р е т т, Экваториальная, Восточная и Южная Африка, Издательство иностранной литературы, стр. 402—406.— *Прим. ред.*

[4] См. «Journal Asiatique», 1919, t. 13, p. 473 (и след.).

[5] Ibidem, p. 449.

Идриси, подтверждаемое Абу-л-Фидой[1], о том. что жители Явы и Мадагаскар а понимали язык друг друга, служит весьма убедительным доказательством достоверности сообщений о колонизации Мадагаскара малайцами с острова Ява. Это событие Ферран называет «самым поразительным фактом в истории переселений народов»[2].

До сих пор еще не удалось установить, когда произошло это переселение малайцев на запад.

Первые сообщения арабов о переселении малайцев на Мадагаскар и побережье Африки относятся, как уже было сказано, к XII и XIII вв. Более ранние арабские географы, в том числе те, которые отлично изучили бассейн Индийского океана, ничего не знали о всех этих событиях, например Ибн-Хордадбех (ум. в 912 г.), Масуди (ум. в 956 г.), Бируни (ум. в 1049 г.). Если бы в тот период, когда жили эти географы, переселение малайцев было уже свершившимся фактом или еще только происходило, они непременно знали бы о нем. Ведь Масуди сообщает, что он «много раз» объездил все известные в то время моря вокруг Азии[3]. Во всяком случае, побережье Восточной Африки Масуди знал отлично. И если он ничего не сообщает о «зангах», от это можно считать доказательством того, что заселение ими побережья тогда еще не началось. Достоверными кажутся нам и данные Ибн-Саида о предыстории малайской колонизации в Африке, которые, вероятно, основываются на сведениях, полученных на самом Мадагаскаре, так как для них характерна точность в описании деталей. Но этим аргументам, заставляющим отнести заселение Мадагаскара малайцами к позднему средневековью, противоречат другие факты, которые свидетельствуют о том, что колонизация состоялась по меньшей мере на 1000 лет раньше. Нельзя не признать, что количество и убедительность этих контраргументов постепенно возрастают.

Ферран, самый компетентный знаток этих исторических событий, привел несколько очень важных доказательств в обоснование своей гипотезы о значительно более древнем характере малайской колонизации Мадагаскара.

Он указывает, например, что еще в IX в. на Яве продавались рабы африканского происхождения[4], и считает исторически доказанным факт подношения в 813 г. яванским посольством африканских рабов в дар китайскому императору[5]. Трудно отрицать очевидность довольно тесных связей между Явой и Восточной Африкой, вытекающих из этих фактов. Ферран первоначально полагал, что переселение малайцев с Явы на Мадагаскар произошло между II и IV вв. н. э. Он исходил при этом из предпосылки, что индуизация Явы, начавшаяся в 75 г. н. э. (см. т. I, гл. 53), должна была закончиться до этой колонизации. Но позже Ферран пошел еще дальше и в 1919 г. опубликовал

---

[1] A b u'l F i d a, Geographie, ed. E. Reinaud, Paris, 1848, ch. XXII.
[2] «Journal Asiatique», t. XIV, p. 62.
[3] M a s u d i, Meadows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841, p. 263.
[4] G. F e r r a n d, Les voyages des Javanais à Madagascar, «Journal Asiatique», 1910, sér. IIe, t. XV, p. 328.
[5] «Journal Asiatique», 1919, t. XIV, p. 6 (и след.).

следующий вывод: «Мадагаскар подвергся колонизации со стороны индуизированных западных индонезийцев к началу нашей эры»[1]

Такое же мнение о дате малайской колонизации высказал 4 мая 1929 г. в своем письме к автору малайский ученый д-р Джамал Удин, отлично знающий историю своего народа. Вот что он писал: «*Наверняка* мы знаем только то, что заселение Мадагаскара малайцами произошло еще в начале нашей эры. До IV в. включительно постоянно происходило переселение на Мадагаскар, а позже, в IX в., под руководством малайского вождя Рамини поднялась новая волна эмиграции с Суматры и Явы на Мадагаскар».

Автору этих строк очень хотелось узнать у д-ра Удина подробнее, на основании каких источников он сделал столь категорическое заявление. К сожалению, этот исследователь, как участник малайского национально-освободительного движения, вскоре был заточен в тюрьму нидерландскими колониальными властями, и связь с ним была прервана.

Согласно данным голландца Керна, расселение малайцев с их исконных земель в Индокитае началось за 500 лет до н. э.[2] Итак, не исключена вероятность того, что колонизация Мадагаскара происходила еще до начала нашей эры или на ее заре. Твердое заявление д-ра Удина, вероятно, удастся подкрепить материалами. Но, пока они еще не найдены и не исследованы, нельзя прийти к окончательному выводу.

Гипотеза Феррана и Удина за последнее время нашла очень убедительное подтверждение в результате дальнейших исследований Штехова, который обнаружил у Диодора Сицилийского в рассказе об Индийском океане сообщение о далеком острове Ямбула (см. т. I, гл. 55), где было принято писать сверху вниз[3]. Во времена Диодора, современника Цезаря, никто в Европе ничего не знал о такой письменности. Никакому сказочнику не выдумать этой детали. Ведь письменность, принятая на острове Ямбула, может происходить только из Юго-Восточной Азии (Штехов). Вот что говорится у Диодора по этому поводу: «Они не пишут поперечными строчками, как мы, а вертикально, сверху вниз... У них имеется 28 звуков, однако лишь 7 знаков, каждый из которых может быть изображен в 4 разных вариантах»[4].

(γραφουσι δὲ τοὺς στίχους οὐκ εἰς τὸ πλάγιον ἐκταίνοντες, ὥσπερ ἡμεῖς, ἀλλ'ἄνωθεν κάτω καταγράφοντες εἰς ὀρθόν.... κατὰ μὲν τὴν δύναμιν τῶν σημαινότων εἴκοσι καὶ ὀκτὼ τὸν ἀριθμον, κατὰ δὲ τοὺς χαρακτῆσας ἑπτὰ, ὧν ἕκαστον τετραχῶς μετασχηματίζεσθαι).

Из сообщений Диодора нельзя понять, было ли то буквенно-звуковое или слоговое письмо.

Лассен придерживается того мнения, что под островом Ямбула подразумевается современный Бали, поскольку в то время Зондские острова находи-

---

[1] «Journal Asiatique», 1919, t. XIV, p. 62.

[2] H. K e r n, Taalkundige gegevens ter bepaling van het stamland der malaisch-polynesischen volken, Amsterdam, 1889; J. K r o m, Het oude Java en zijn kunst, Haarlem, 1923.

[3] E. S t e c h o w, Wann kamen die Malaien zuerst nach Madagaskar? «Forschungen und Fortschritte», 1944, S. 47.

[4] Д и о д о р С и ц и л и й с к и й, II, 57.

лись под влиянием китайской культуры[1]. Но с географической точки зрения эта гипотеза неприемлема. Ее неправомерность уже достаточно убедительно обоснована[2]. О собственно китайской письменности и речи быть не может, поскольку в китайском языке гораздо больше 28 звуков. В лучшем случае, это было какое-то особое, но производное от китайского письмо. Итак, предположение Штехова, что остров Ямбула был Мадагаскаром, куда иммигрировавшие малайцы принесли свою письменность, кажется достаточно убедительным. Это признает и авторитетный знаток фактического материала проф. Лемке (Берлин), сообщивший свое мнение автору этих строк в письме от 21 января 1945 г. Одновременно он указал, что малайская колонизация Мадагаскара должна была произойти непременно еще до того, как влияние индийской культуры распространилось на Зондские острова (см. т. I, гл. 53). В противном случае горизонтальное индийское письмо деванагари, безусловно, также было бы завезено на Мадагаскар.

Самой вероятной представляется гипотеза о том, что соответствующее место у Диодора имеет отношение к малайскому вертикальному письму. Но в этом случае неизбежно напрашивается вывод о том, что под островом Ямбула скрывается Мадагаскар и что на нем уже в I в. до н. э. была распространена малайская культура.

В любом случае можно считать установленным фактом следующий вывод Вёйле:

«Мы располагаем неоспоримыми доказательствами исторического, языкового и этнографического характера, убедительно свидетельствующими о прибытии малайцев на Мадагаскар с Больших Зондских островов; мы знаем также, что переселение это происходило при попутных муссонах и шло несколькими волнами в различные эпохи начиная с I в. н. э. и кончая, может быть, началом текущего тысячелетия»[3].

Если принять во внимание, что первые волны переселенцев, возможно, попали на Мадагаскар случайно, по капризу муссона, то становится понятным, почему о них не сохранилось никаких надежных сведений, кроме нескольких легенд.

В настоящее время все еще заметны явные следы родства между малайцами и мальгашами. Ферран отмечает, что язык народности хова занимает совершенно особое положение среди других африканских диалектов, и добавляет: «Мальгашский язык представляет собой дальнейшее развитие малайского диалекта и обнаруживает близкое родство с языком батаков на Суматре»[4].

Этот вывод вытекает из того факта, что Идриси в XII в. обозначает один из районов Явы тем же названием Камар, какое арабы применяли к Мадагаскару.

---

[1] Chr. Lassen, Indische Altertumskunde, Bonn, 1844—1861, B. II, S. 1077.

[2] E. Rohde, Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipzig, 1900, S. 224 (и след.).

[3] K. Weule, Leitfaden der Völkerkunde, Leipzig, 1912, S. 75.

[4] «Journal Asiatique», t. 14, p. 65 (примечание 2).

Вне Мадагаскара в западной части Индийского океана встречаются лишь отдельные следы великих малайских переселений. Впрочем, отзвуки наименования Камар мы узнаем в названии Коморских островов. А ведь арабы называли зангов комрами! О том, что отдельные всплески волны переселенцев достигли Африканского континента, свидетельствуют приведенные выше отрывки из Идриси и Ибн-Саида, а также китайская хроника XIII в.[1], которая сообщает о зангах, или зинджах, обитающих поблизости от Занзибара. Но если, как правило, очень добросовестный португальский хронист де Куту и сообщает, что яванцы, «несомненно», расселились вплоть до мыса Доброй Надежды[2], надо прямо сказать, что это заявление не подкреплено никаким, даже самым слабым доказательством. Куту, очевидно, основывался на одном месте из труда Барруша, появившегося в 1551 г. Вот что в нем говорится:

«Яванцы — чрезвычайно искусные мореплаватели. Они утверждают, что были первыми мореходами. Однако некоторые признают за китайцами первенство в покорении морской стихии и считают, что яванцы учились у китайцев. Несомненно, однако, что они некогда добрались на своих парусниках до мыса Доброй Надежды и поддерживали связь с Мадагаскаром»[3].

Эти категорические заявления Барруша и де Куту, насколько известно автору, не подтверждаются никакими документами. Слишком рискованной представляется гипотеза Феррана о том, что, вероятно, именно эти иммигранты с архипелага возвели загадочные строения в Зимбабве: «Нет ничего невозможного в том, что строителями этих сооружений были выходцы из западной Индонезии, высадившиеся на восточном берегу Африки и проникшие затем во внутренние районы, точно так же, как это было с племенем мерина на Мадагаскаре. Разумеется, все это лишь гипотеза»[4].

Более того, гипотезу Феррана придется пока что отклонить, поскольку нет доказательств широкого расселения малайцев на Африканском континенте.

И, наоборот, правомерным представляется нам утверждение Феррана о том, что многие подробности рассказов о «Вакваке юга» (см. гл. 101) относятся к Мадагаскару[5].

Во всяком случае, трансокеанская колонизация Мадагаскара малайцами в средние века по дальности плавания и масштабу иммиграции вызывает удивление и почти не имеет себе равных в мировой истории.

Между прочим, арабское название переселившихся в Африку малайцев — комры (*Komr*, или *Qomr*) послужило поводом к смешению с другим арабским словом *gamar*, то есть «луна». Так, в XV в. арабский географ Ибн-ал-Варди[6], сообщения которого вообще не отличаются достоверностью, утвер-

---

[1] Chau-Ju-Kua, Chu-fan-chi, ed. Fr. Hirth, Rockhill, St. Petersburg, 1912, S. 127 (примечание 4).

[2] Diego de Couto, Decada quarta de Asia, Lisboa, p. 1652.

[3] João de Barros, Da Asia, Lisboa, 1778, dec. IV, lib. III, cap. I, p. 169.

[4] «Journal Asiatique», t. 14, p. 213.

[5] «Enzyklopädie des Islam», Leipzig, 1924.

[6] Grandidier, Histoire de Madagascar, ch. I.

ждал даже, что зинджи жили южнее Лунных гор [Рувензори]. Вероятно, он просто перепутал название народа с арабским выражением Джебель ал-Комр (Лунные горы).

Начиная с XVI в. под португальским влиянием появилось ошибочное название Мадагаскара — «Лунный остров». Оно обязано своим происхождением именно этому лингвистическому недоразумению. Насколько удалось установить, впервые название «Лунный остров» возникло около 1490 г. Оно встречается в письме, адресованном своему королю португальцем Ковильяном (см. т. IV, гл. 197), проникшим в южные районы Восточной Африки. Ковильян советовал португальским морякам на тот случай, если они захотят плыть от незадолго до этого открытого мыса Доброй Надежды к берегам Индии, держать сначала курс на «Лунный остров».

На трудности навигации в прибрежных водах Мадагаскара, с которыми приходилось часто сталкиваться еще мореходам античного мира, указывал уже в 1492 г. Мартин Бехайм в пояснительной записке к своему глобусу:

«Моряки из Индии, где покоится прах Святого Фомы, тратят на переход к острову под названием Мадагаскар обычно 20 суток, а на обратный путь в Моабер им едва хватает трех месяцев из-за того, что море быстро течет на запад».

Когда и где Мадагаскар впервые упоминается в европейской литературе средневековья,— вопрос спорный. Обычно самым древним источником считают «Книгу Марко Поло», в которой «острову Магастару» посвящена целая глава[1].

Однако некоторые ученые подвергали сомнению тождественность Мадагаскара с «островом Магастаром». Во всяком случае, Грандидье утверждал, что описание, данное Поло, несравненно больше подходит к району Могадишо[2]. Страх, который внушало венецианцу морское течение «неслыханной быстроты», оправдывает эти сомнения. К тому же Марко Поло еще сообщал, что это течение преграждает путь по морю дальше на юг. И все же во времена Марко Поло Мадагаскар мог быть известен европейцам[3], хотя даже на очень хорошей карте фра Мауро, датированной 1457 г., на которой Африка вообще изображена довольно точно, этот остров не показан. Окончательное его открытие европейскими географами произошло лишь после того, как 1 февраля 1506 г. на Мадагаскаре высадился португалец Фернандо Суариш.

---

[1] «Книга Марко Поло», кн. III, гл. 34 (191). Не раз утверждалось, что на созданной между 1276 и 1283 гг. английской карте Херфорда нанесен Мадагаскар под названием острова Малиху. Такое предположение сразу же отпадает, поскольку довольно примитивная карта Херфорда дает весьма скудные сведения об Африке и данные о ней в основном почерпнуты из античной литературы. Миллер убедительно доказал, что Малиху явно соответствует двум островам Малиахи, упомянутым Птолемеем, и, таким образом, должен находиться в Красном море. См. «Die ältesten Weltkarten», Stuttgart, 1896, H. 4, S. 40.

[2] Статья Феррана. См. «Enzyklopädie des Islam», B. III, S. 68.

[3] Ibn al-Wardi, Perle des merveilles (перевод де Гиня). См. «Notice des extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi», t. II, p. 39.

ГЛАВА 109

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВИНЛАНД ГРЕНЛАНДСКОГО ЕПИСКОПА ЭЙРИКА ГНУПСОНА

(1121 г.)

Епископ Эйрик выехал [из Гренландии] на поиски Винланда (*Eirikr bykop leitadi Vinlandz*)[1].

* * *

Епископ Упси Гренландский отправился на поиски Винланда (*Byskup Upsi af Groenlandi fór at leita Winlandz*)[2].

* * *

И Эйрик Гренландский сам взялся за это дело, ввез в Винланд колонистов и насадил там христианскую веру (*Och Erik paa Grønland lagde Hand oppaa, plantet paa Vinland baade Folk og Tro*)[3].

* * *

И пришел также корабль из Гренландии, еще меньший по размерам, чем небольшие суда исландцев. Он вошел во внешнюю часть Страум-фьорда и не стал на якорь. На нем находилось 17 человек, они направлялись в Маркланд, но были занесены сюда течением[4].

В гл. 104 уже отмечалось, что считавшийся раньше установленным факт предпочтения, отдаваемого скудной, холодной Гренландии норманнами, постоянно занятыми поисками новых богатых земель, и пренебрежения или даже забвения ими плодородного Винланда, кажется маловероятным. Уже одно то, что Адам Бременский в 1070 г. рассказывал о Винланде и что в рунической надписи на Хёненском камне (см. гл. 107) говорится об экспедиции

---

[1] «Islandske Annaler indtil 1578». См. «Annales Resceniani ad annum 1121», ed. G. Storm, Christiania, 1888, S. 19, 59.

[2] Ibidem, S. 473.

[3] Claudius Chrisstoffersson Lyschander, Grønlandska Chronica, 1608, ed. Finn Magnusen, «Grønlands Historiske Mindesmaerker», Christiania, 1845, B. III, S. 887 (и след.).

[4] «Skálholts Annalen», 1347. См. C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Kobenhavn, 1837, S. 264 (и след.).

норвежцев в эту страну, служит веским доказательством внимания их современников-европейцев к счастливой стране — Славному Винланду. Исландские летописи, датированные 1347 г. (см. цитаты в начале главы), доказывают. кроме того, что и через 347 лет после открытия норманнами Северной Америки плавания на этот материк из Гренландии не представляли исключительного события. Ведь исландскому хронисту кажется примечательным не сам факт плавания 17 гренландцев к берегам богатого лесом Ньюфаундленда (Маркланд), а то обстоятельство, что их корабль, вышедший из Гренландии в Маркланд за лесом, оказался заброшенным бурей, «без якоря», в Страум-фьорд (Исландия).

Это замечание в хронике Скальхольта содержит между строк доказательство того, что морские походы гренландцев к берегам Северной Америки и в XIV в. были обычным, ничем не выдающимся событием.

Норманская колония на юго-западе Гренландии в XII в. насчитывала примерно 5 тыс. жителей, а временами, возможно, и несколько больше[1]. В этом поселении очень активную роль играла церковь, о чем свидетельствуют развалины 16 храмов.

Центр поселения Гардар еще в XI в. был объявлен резиденцией епископа[2]. Впрочем, первый епископ появился в стране лишь в 1112 г. Это был Эйрик Гнупсон (*Upsi*), о возведении которого в сан епископа, однако, не говорится ни в одном из памятников того времени. В этот период на севере Европы происходила реорганизация церкви, которая привела, между прочим, и к введению еще одной резиденции епископа в Холаре (Исландия), помимо прежней — в Скальхольте. Первым епископом Холара был Йон Ёгмундарсон (с 1106 по 1121 г.)[3]. Итак, вполне вероятно, что именно в те годы был назначен и первый епископ Гренландии. Однако в ватиканских и других церковных архивах нет документа, подтверждающего назначение на эту должность Эйрика Гнупсона. Торфеус утверждал, что он сделал своей резиденцией в епархии пункт Стейнеснес в Западном поселении[4]. Однако это кажется неубедительным, поскольку Восточное поселение всегда было гораздо значительнее Западного.

О деятельности Эйрика в Гренландии нет никаких сведений, кроме четырех слов в памятнике, сообщающих о начале предпринятого епископом морского похода в Винланд. Для обозначения этого похода употреблено слово *leitadi*, имеющее несколько значений.

Проф. Генцмер любезно разъяснил, что *leitadi* прежде всего может означать «он искал». На этом основании создалось мнение, что новоявленный епископ не знал расположения Винланда и отправился *искать* его[5].

---

[1] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, 1902, S. 29.

[2] G. Storm, Studier over Vinlandsreiserne, Vinlands Geografi og Ethnografi, «Aarbøger for Nord. Oldkynd. og Hist., 1887», København, 1888, S. 26; A. M. Reeves, The finding of Wineland the Good, London, 1895, p. 82.

[3] Pius Bonifatius Gams, Series episcopum ecclesiae catholicae, Regensburg, 1873, p. 334.

[4] T. Torfaeus, Groenlandia antiqua, København, 1706, S. 217.

[5] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 445 (и след.).

Цехлин правильно отмечает по этому поводу:

«Многое зависит от лингвистической интерпретации соответствующего места в источнике: значит ли оно, что Эйрик собирался *искать* страну или только *посетить* ее»[1].

По мнению автора этих строк, обстановка того времени заставляет склониться ко второму значению слова. Но, по мнению проф. Генцмера, тогда было бы написано «*leitadi at Winlandz*».

Наперекор этому возражению Генцмера оказалось, что слово *leitadi* и без добавления *at* может иногда иметь значение «посещения» знакомой страны.

«Сага об Олафе Трюгвасоне» в следующих выражениях сообщает о посещении королевой Ауд своего брата, жившего в Исландии: «*For at leita Islandz*»[2]. Не нуждается в доказательстве тот факт, что здесь речь идет о *посещении*, а не о *розыске*. Нет ни малейшего основания отвергать возможность такого понимания и в записи, относящейся к 1121 г.

А вообще-то *leitadi* уже более 100 лет назад переведено на датский словом *opsögte*[3]. Первое же понимание *leitadi* («искать») приводит к несостоятельным и даже бессмысленным выводам.

Епископ, только что получивший недавно образованную епархию для выполнения нелегкой по тогдашним условиям религиозной миссии, вряд ли имел задание или хотя бы право пускаться на свой страх и риск в сомнительные приключения, которые не имели ничего общего с кругом его обязанностей.

Организация новой епархии в Гренландии уже сама по себе требовала напряжения всех сил и даже не одного, а нескольких человек. Нёрлунд совершенно определенно пишет по этому поводу:

«Гренландская епархия была одной из самых значительных в мире, не столько из-за своей территории, сколько из-за численности прихожан и количества церквей»[4].

Как же можно предположить, что новый епископ забыл о своем прямом долге и вскоре пустился в какие-то приключения за пределами своей епархии?

Даже миссионерской деятельностью, которую приписывали Эйрику, нельзя объяснить его отъезд, поскольку для этого понадобилось бы специальное указание. Ведь и все другие епископы, например Ансгар (см. гл. 86), Адальберт (см. гл. 103), Оттон Бамбергский (см. гл. 111), совершали миссионерские поездки в чужие страны (Швецию, Страну пруссов и Померанию) всегда только *по поручению* папы. *A priori* надо полагать, что и в отношении епископа Эйрика действовали те же правила. Итак, *напрашивается вывод, что посещение Винланда входило в круг его прямых обязанностей.*

Кроме того, епископу незачем было разыскивать якобы «пропавшую» страну, хотя бы потому, что историк Ари Фроде, современник Эйрика Гнуп-

---

[1] E. Zechlin, Das Problem der vorcolumbischen Entdeckung Amerikas, «Historische Zeitschrift», 1935, S. 15 (примечание).

[2] «Flateyjarbok», ed. Unger, Christiania, 1860, B. I, S. 265.

[3] «Grønlands Historicke Mindesmaerker», København, 1838, B. I, S. 209.

[4] P. Nørlund, Le Groenland au moyen-âge, «Revue historique», 1933, t. 172, p. 414.

сона, говорит о Винланде, как о хорошо известной местности: «Люди, похожие на тех, которые обитают в Винланде»[1].

К сожалению, в *источниках* не содержится никаких указаний на то, зачем Эйрику понадобилось отправиться на поиски Винланда, а также о ходе этих поисков. Мы не знаем, удалось ли епископу достичь Винланда, в чем заключалась его деятельность в этой стране, вернулся ли он в Гренландию или нашел свою смерть на чужбине. В 1123 г. гренландцы просили через своего поверенного в Норвегии Эйнара Соккисона о назначении нового епископа. В 1124 г. в Лунде некий Арнальд был рукоположен на епископство в Гренландии и вскоре прибыл туда в сопровождении Эйнара Соккисона[2].

На основании этого факта раньше делали вывод о том, что епископ Эйрик погиб во время плавания и, вероятно, не достиг берегов Винланда. Однако этому противоречит сообщение Люсхандера, датированное 1608 г., о котором уже упоминалось выше. Согласно этому сообщению, Эйрику Гнупсону удалось утвердить в Винланде христианское вероучение и ввезти туда норманских переселенцев. Очевидно, Люсхандер заимствовал эти сведения из каких-то древних, позднее утерянных источников. Его свидетельства, как правило, производят впечатление обоснованных, а не выдуманных. Финн Магнусен тоже признает, что материалы Люсхандера безупречны с точки зрения их достоверности[3], да и Неккель в письме к автору этих строк от 29 апреля 1936 г. сообщил, что данные Гренландской хроники об Эйрике Гнупсоне «заслуживают доверия». Но если согласиться с этим, то можно считать доказанным следующий факт, раньше всегда подвергавшийся сомнению: *на Северо-Американском континенте в течение некоторого времени существовала христианская колония норманнов.*

Следующи строки Рафна доказывают, что этот исследователь 100 лет назад совершенно правильно и трезво подошел к решению рассматриваемой проблемы:

«Весьма вероятно, что многие гренландцы или исландцы в поисках плодородных земель эмигрировали туда и нашли там вторую родину. Этим объясняется отсутствие каких-либо сведений о них в исландских источниках. Ясно лишь, что гренландский епископ Эйрик, стремясь то ли обратить своих земляков в христианство, то ли поддержать в них эту веру, отправился туда в 1121 г.

Мы не знаем, было ли его путешествие успешным. Но поскольку не имеется доказательств возвращения епископа в Гренландию или в Европу, остается предположить, что он остался там на постоянное жительство, как и многие другие, которые либо эмигрировали туда в разное время на постоянное жительство, либо были занесены бурей к этим берегам, а потом осели там навсегда»[4].

---

[1] «Islendingabok», Kap. 6. См. «Thule», B. 23, S. 49.

[2] «Geschichte von Einar Sokkison». См. «Thule», B. 13, S. 54. См. также Y. Nielsen, Nordmaend og Skraelinger i Vinland, «Historisk Tidsskrift», 4., R. III, S. 8.

[3] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 897 (и след.).

[4] C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, p. 452.

Независимо от того, удалось ли Эйрику Гнупсону создать норманскую колонию в Винланде, остается нерешенным основной вопрос: на каком основании епископ покинул свою епархию — Гренландию спустя всего несколько лет после принятия этого поста и отправился в другую страну, а именно в Винланд? Действовал ли он по собственному усмотрению или по поручению вышестоящего духовенства.

Нильсен, пожалуй, первым высказал мнение, которое затем было поддержано многими исследователями. Он считал, что Эйрик Гнупсон поехал в Винланд в качестве миссионера[1]. Однако Нансен выдвинул против этого предположения убедительные доводы:

«Как можно было ставить перед собой миссионерские цели, предпринимая путешествие в еще неведомую страну? Речь могла идти лишь об обращении в христианство «скрелингов». Однако и это кажется маловероятным, поскольку нет никаких сведений о какой-либо миссионерской деятельности среди «скрелингов» в самой Гренландии»[2].

Возражение Нансена, думается, полностью опровергает гипотезу о миссионерской природе путешествия, предпринятого епископом Эйриком. Это подтверждает и Неккель: «В источниках не содержится никаких указаний на миссионерский пыл исландского клирика. К тому же надо признать, что идея приобщения скрелингов к евангелию не вяжется с нашим представлением об исландском священнослужителе 1100 г. ...Поездка Эйрика была скорее колонизаторской, чем миссионерской»[3].

И действительно, не миссионерские цели преследовал, видимо, епископ Эйрик, покидая свою новоиспеченную епархию.

Более убедительной представляется автору другая гипотеза: епископ отправился в Винланд *потому, что там уже имелись поселения норманнов-колонистов, и он счел своим пастырским долгом позаботиться о спасении их душ*, хотя они и не принадлежали к его епархии[4].

Такая трактовка кажется единственно правильной. Правда, у нас нет никаких доказательств в строгом смысле этого слова, но в пользу ее говорят логические рассуждения. Весьма вероятно, что плавание епископа Эйрика в 1121 г. и наличие в Северной Америке в XIV в. каменной церкви в Ньюпорте действительно свидетельствуют о том, что в Винланде некогда существовали постоянные норманские поселения (см. т. III, гл. 150).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что знаменитый географ Риттер, обычно очень осторожный в своих выводах, *категорически утверждает*, якобы поездка епископа Эйрика в Винланд имела целью «обратить в христианство своих соотечественников, которые еще были язычниками»[5]. Риттер,

---

[1] Y. Nielsen, Nordmaend og Skraelinger i Vinland, «Historiske Tidsskrift», 1905, 4, R. III, S. 8.

[2] F. Nansen, op. cit., B. I, S. 444.

[3] G. Neckel, Die erste Entdeckung Amerikas i. J. 1000 durch die Nordgermanen, Leipzig, 1934, S. 71 (и след.).

[4] J. Schmiding, Katholische Missionsgeschichte, Steyl, 1924, S. 159.

[5] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, стр. 171.

несомненно, заблуждается, полагая, что норманны-колонисты были язычниками, которых еще предстояло обратить в христианство, но в остальном его рассуждения правильны. Не для того, чтобы *обратить* своих земляков в христианство, а чтобы *поддержать* в своих прихожанах христианскую веру, отправился Эйрик в Винланд. Или, другими словами, он сдил туда не для *введения* христианской религии, а для ее *укрепления*.

Это предположение подтверждается и некоторыми выводами Елича, если только опубликованные им в 1895 г. данные полностью соответствуют действительности[1]. По его сведениям, Эйрик Гнупсон был возведен в епископский сан (*episcopus Groenlandiae regionumque finitimarum*) папой Паскалием II (1099—1118). На каком основании сделал Елич это важное сообщение, автору установить не удалось, несмотря на многочисленные попытки. Сам же Елич, к сожалению, не указал источника. Однако сообщение было подхвачено американскими учеными. Так, у Фиске, например, мы уже встречаем утверждение, что Эйрик Гнупсон был епископом Гренландии и Винланда *in partibus infidelium*[2] [в землях неверных.— *Ред.*]. Это якобы и доказывает существование в Винланде христианской колонии, забота о которой входила в круг служебных обязанностей первого епископа Гренландии. Холанд уже называет Винланд просто «частью епархии епископа Эйрика»[3], заявляя при этом: «В XII в. епископ Эйрик включил в маршрут своей инспекторской поездки по епархии и Винланд»[4].

В настоящее время епископ Эйрик Гнупсон даже в классическом сборнике документов Бьёрна Йонссона именуется без всякой ссылки на источники «епископом Гренландии и Винланда»[5]. Однако для такого категорического утверждения, думается, пока нет достаточных оснований.

Тем не менее придется согласиться с таким толкованием, если только будут подтверждены некоторые выводы Елича, содержащиеся в его докладе на Парижском международном конгрессе католиков в 1891 г.[6]

Елич заявил следующее: «Согласно приказу папы Бенедикта IX (1044 г.), поселения норманнов в Гренландии в течение первого столетия их существования входили в состав архиепархии Гамбург и Бремен, включавшей все северные страны Европейского континента[7], а потому и были поручены заботам ближайших к Гренландии исландских епископов. Но когда первый епис-

---

[1] L. J e l i č, L'évangelisation de l'Amérique avant Christophe Columb, «Comptes rendus du 4me Congrès scientifique international des Catholiques», tenu à Bruxelles du 3 au 8 septembre 1894», 5-e sect., sciences historiques, Bruxelles, 1895, p. 391.

[2] J. F i s k e, Discovery of America, Boston, 1892, p. 222.

[3] H. R. H o l a n d, The Kensington Stone, Ephraim (Wist), 1932, p. 25.

[4] H. R. H o l a n d, op. cit., p. 31.

[5] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 44.

[6] L. J e l i č, L'évangélisation de l'Amérique avant Christophe Colomb, «Comptes rendu du congrès scientifique international des catholiques tenu à Paris», 1891, 5e sect.: sciences historiques, p. 173.

[7] Статья Яффе-Эвальда. См. «Reg. Rom. Pontific.», № 4119; статья Шпрунер—Менке, см. «Handatlas der Geschichte des Mittelalters», No 65, Erzbistum Hamburg—Bremen.

коп американских земель Эйрик Упси *решил остаться* в Винланде и не вернулся в Гренландию, колонисты созвали совет и высказались, по предложению Сокке Торрессона, за создание в Гренландии самостоятельной епархии. Правда, в стране было слишком мало населения для учреждения в ней особой епархии. Все же ввиду удаленности Гренландии от Европы и трудности поддержания связи между ними пожелание колонистов было удовлетворено. Первый епископ Гренландии Арнальд был рукоположен в этот сан архиепископом Лундским в 1124 г. В 1126 г. он прибыл в свою резиденцию в Гардаре, который тем самым превратился в главный город страны[1].

До середины XII в. новая епархия входила в подчинение архиепископа Гамбурга и Бремена[2].

Через три года Елич еще раз высказался по этому же вопросу. Несмотря на усердные многолетние поиски, автору не удавалось найти текст доклада Елича, сделанного в Брюсселе в 1895 г. Наконец это удалось, к сожалению, уже после выхода в свет первого издания данного тома. Исследования Елича, правда лишь частично подтверждаемые источниками, заставили его прийти к следующим выводам относительно первых двух епископов Гренландии[3]:

«1. Erich [Эйрик] *a. 1112—1113 consecratus in episcopatum regionalium Groenlandiae regionumque finitimarum; a. 1211* [ошибочно вместо 1121 г.] *pergit Vinlandiam, ubi moritur (a. 1122). A. 1123 Groenlandenses petunt erectionem sedis episcopalis in Groenlandia. A. 1119—1124 memoratur insula Guarmelande de regno Suevorum*[4]. [Эйрик в 1112—1113 гг., посвященный в епископы гренландских областей и соседних районов в 1211 г., отправился в Винланд, где умер в 1122 г. В 1123 г. гренландцы потребовали установления резиденции епископа в Гренландии. В 1119—1124 гг. упоминается остров Гуармеланд в королевстве свевов.— *Ред.*]

2. *Arnoldus a. 1124 consecratus; a. 1126 sedem figit Gardari; a. 1150 transfertur ad sedem Hamarensem*». [Арнольд рукоположен в 1124 г. В 1126 г. установил резиденцию в Гардаре, а в 1150 г. перенес резиденцию в Хамаренс.— *Ред.*]

Знакомство с историческими памятниками, на которых основывается Елич, имело бы первостепенное значение для окончательного решения рассматриваемой проблемы. Однако, несмотря на настойчивые многолетние поиски, автору не удалось их разыскать. В сборнике исторических памятников Муратория, например, не обнаружено никаких документов по этому вопросу. Безрезультатной была и попытка найти какие-либо сведения об Эйрике Гнупсоне в папском архиве в Риме.

---

[1] G r a v i e r, op. cit., p. 166 (и след.); W. B e n t h a i m, Grönland, «Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften», B. 92, S. 132.

[2] Статья Яффе-Эвальда. См. «Reg. Rom. Pontific.», No 7622 (5453).

[3] «Comptes rendus du 3e Congrès scientifique international des Catholiques tenu à Bruxelles du 3. au 8. septembre 1894», 5-e sect.: sciences historiques, Bruxelles, 1895, p. 392.

[4] «Provinciale Callixti II», «Mss. Bibl. Lawrenziana», 1554, fol. 76 v.; L. D e l i s l e, Notices et extraits, t. 32, p. 75.

Согласно сообщению Прусского исторического института в Риме, основанному на картотеке, Гренландия упоминается в документах ватиканского архива 16 раз, но не ранее 1206 г. Самый компетентный знаток папских документов Кер, к которому автор обратился за помощью, был настолько любезен, что лично занялся поисками документов в ватиканском архиве, но ничего не нашел.

Откуда взял Елич сан Эйрика «*episcopus Groenlandiae regionumque finitimarum*», к сожалению, так и не удалось установить.

Автор этих строк склонен предположить, что в основе его лежит простое сопоставление фактов и то соображение, что вновь назначенный епископ не посмел бы самовольно покинуть свою епархию. Следовательно, поездка Эйрика в Винланд входила в круг его прямых *служебных* обязанностей. Но тогда напрашивается вывод о том, что Винланд входил в состав его епархии. Примерно так рассуждал, очевидно, Елич, ибо в этом случае вопрос о миссионерском путешествии в Винланд вполне мог быть решен самим епископом.

Однако другие причины, на которых мы останавливались выше, не позволяют считать плавание епископа Эйрика миссионерским. Очевидно, оно вызвано другими причинами.

Еще в 1892 г. на Парижском съезде американистов выражалась надежда на то, что в архивах Ватикана будут начаты поиски документов, раскрывающих тайну, которой окутана личность епископа Эйрика Гнупсона[1].

Для решения этой загадки достаточно было бы и тех документов, на которых основывался в своих выводах Елич. Однако из-за войны автору, к сожалению, не удалось познакомиться с содержанием цитируемого «Provinciale Callixti II», в котором, возможно, и содержится разгадка тайны. Во всяком случае, ясно, что заявления Елича, Фиске, Холанда и других исследователей имеют под собой какое-то основание.

Наличие документов прежде всего дало бы объяснение многочисленных следов христианского влияния в Америке до Колумба.

Правда, деятельность Эйрика в Винланде, очевидно, продолжалась всего 1—2 года и была прервана его преждевременной смертью. Епископ, разумеется, привез с собой священников, которые продолжали дело Эйрика и после его смерти, а позже могли при соответствующих обстоятельствах заняться миссионерской деятельностью среди коренного населения. Можно без конца фантазировать на тему о том, какие масштабы приняла эта деятельность. Впрочем, для наших целей достаточно уже доказательства того, что Эйрик достиг берегов Винланда и некоторое время прожил в этой стране. Но что же заставило епископа предпринять свое плавание?

В 1944 г. автору удалось заинтересовать этим вопросом двух знатоков истории католической церкви — бывшего настоятеля дюссельдорфской церкви св. Макса д-ра Валена и с его помощью специалиста по церковному праву в Бонне д-ра Нёйса.

---

[1] M. S h i p l e y, The missing records of the Norse discovery of America. «Comptes Rendus du 8-me Congrès des americanistes», Paris, 1892.

Точка зрения этих двух специалистов настолько важна, что автор приведет здесь некоторые их высказывания. Вот что сообщил д-р Вален:

«Ответить на этот нелегкий вопрос можно лишь после тщательного изучения материалов. Но мне кажется, что епископ Гренландии *счел своим долгом* создать церковную общину в «Новой Гренландии» после того, как американский Винланд был открыт гренландскими норманнами и, возможно, частично ими колонизован, то есть после того, как сфера влияния гренландцев в какой-то мере расширилась. Правда, такое предположение исходит из того, что в Винланде уже существовала колония гренландцев. Вы же пишете, что нет документов, которые это подтверждают».

Д-р Нёйс высказал следующее мнение:

«Я могу дать лишь самый общий ответ на вопрос, согласуется ли с церковным правом миссионерское или какое-либо другое путешествие Эйрика Гнупсона в Винланд. Если Эйрик был назначен для исполнения миссионерских или каких-либо других функций именно в Гренландию, то это, на мой взгляд, еще не может служить основанием для того, чтобы отказывать ему в праве на расширение сферы своей миссионерской деятельности. Если бы сохранился текст эдикта о назначении его епископом, можно было бы судить определеннее... Конечно, в рамки заведенных Римом порядков никак не укладывается оставление епископом своей епархии на произвол судьбы для поисков новых сфер деятельности... Но если норманны из Гренландии переселились в Винланд, то напрашивается мысль о том, что и епископ мог поехать туда вслед за ними... *Самым вероятным кажется нам предположение, что норманны попали в Винланд раньше епископа*».

Итак, с вероятностью, почти граничащей с уверенностью, мы устанавливаем, что епископа Эйрика вдохновили на рискованное плавание в Винланд не жажда приключения или стремление к миссионерским подвигам, а его пастырские обязанности.

Винланд, *очевидно*, рассматривался им как часть епархии. Но тогда неизбежно напрашивается вывод о том, что христиане, о душах которых Эйрик должен был позаботиться, могли быть только норманнами, то есть *переселенцами. Тем самым подтверждалось бы недоказанное существование норманской колонии на Американском континенте в XI и XII вв., а также гипотеза Люсхандера.*

Тем не менее желательно было бы просмотреть ватиканский архив, чтобы найти там дополнительные доказательства этого утверждения. Такую задачу смогут выполнить, разумеется, лишь историки церкви, к которым автор и обращается с просьбой уделить внимание этому весьма интересному вопросу.

В ряде самых известных трудов по истории церкви содержатся некоторые сведения о религиозных обрядах в Винланде и о сфере деятельности гренландских епископов. Но эти сведения нигде не подтверждаются ссылкой на источники и, видимо, относятся к произвольным толкованиям.

Так, например, в церковной истории Мёлера — Гамса мы читаем:

«Между 1000 и 1121 гг. [в Винланде!] христиане жили бок о бок с язычниками, но из Гренландии в Винланд все чаще прибывали христианские миссионеры. Около 1120 г. Эйрик прибыл в Винланд и в течение трех лет зани-

мался там религиозной деятельностью. В 1121 г. в Лунде архиепископ Адцер рукоположил его первым епископом Америки. Однако он посвятил себя исключительно миссионерской деятельности в Виплапде»[1].

Все эти сообщения основаны на игре воображения. Нет никаких источников, рассказывающих о христианах, живших в Винланде, ни о прибывавших «все чаще» миссионерах, ни о трехлетней деятельности епископа Эйрика, ни о его *рукоположении* в Лунде (которое к тому же могло состояться лишь в 1112 г., а никак не в 1121 г.), ни тем более о его назначении «епископом Америки»!

В церковной истории Гергенрётера также сообщаются выдуманные сведения:

«Оттуда [из Гренландии] христианство проникло даже в Маркланд, Винланд и другие области Америки»[2].

В одном иностранном труде по истории церкви содержится даже совершенно нелепое утверждение, будто в Винланде еще около 1540 г. существовала христианская община[3]!

Автор этих строк не мог себе представить, что такие категорические заявления делаются без конкретных данных. Поэтому он обратился за разъяснениями к проф. Киршу (Рим), который в течение десятилетий редактировал последние издания церковной истории Гергенрётера и изучил этот материал, как никто другой. В ответ на запрос, откуда Гергенрётер заимствует приводимые им данные о проникновении «христианства даже в Маркланд, Винланд и другие области Америки», Кирш любезно ответил 29 января 1937 г., что не знает других источников, кроме тех, на которые ссылается сам Гергенрётер. К ним относятся старые, высказанные 250 лет назад предположения Торфеуса, проанализированные нами выше отрывки из церковной истории Мёлера—Гамса и невразумительная цитата из труда Курси.

Видимо, мы имеем дело с явно тенденциозным, католическим толкованием, не выдерживающим сколько-нибудь серьезной критики.

Правда, плавание Эйрика Гнупсона в Винланд заставляет нас согласиться по крайней мере с частью этих произвольных выводов. Еще Норденшельд придерживался того мнения, что трудно отказаться от предположения о «попытках колонизации норманнами Ньюфаундленда и Винланда»[4]. Против этого нельзя спорить. И все же утверждения Мёлера — Гамса и Гергенрётера, по крайней мере частично, представляются лишенными какого-либо основания. Во всяком случае, нетрудно доказать, что одно из них явно ошибочно. Цитированному выше заявлению Гергенрётера предшествует следующее утверждение:

---

[1] J. A. M ö h l e r, Kirchengeschichte, bearbeitet von Pius Bonifatius Gams, Regensburg, 1867, B. II, S. 103 (примечание).

[2] J. H e r g e n r ö t h e r, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Freiburg, 1890, B. II, S. 190.

[3] H. C o u r c y, L'église aux Etats-Unis, «Ami de la religion», Juni 3, 1851.

[4] A. E. N o r d e n s k j ö l d, Über die Reise der Gebrüder Zeno und die ältesten Karten des Nordens (доклад, сделанный 12 апреля 1882 г. в Стокгольмской академии наук). См. «Studien und Forschungen», Leipzig, 1885, S. 1.

«Архиепископ Адальберт назначил в 1055 г. первым епископом [Гренландии!] Альберта, который и избрал своей резиденцией Гардар».

Между тем ни о каком гренландском епископе Альберте нет упоминаний даже в таком авторитетном источнике, как перечень епископов, составленный Гамсом[1]. Это утверждение явно объясняется неверным пониманием ряда источников. Правда, Адам Бременский сообщает, что в свое время гренландцы посылали на имя архиепископа Гамбурга и Бремена Адальберта прошения о присылке проповедников в Гренландию[2]. На это прошение архиепископ ответил, что он намеревается сначала лично посетить Гренландию. Адам не сообщает, в каком году велась эта переписка. Очень возможно, что она относится к 1055 г. Но в этом году не могло произойти назначения Альберта епископом Гренландии, ибо в противном случае Адам Бременский, поддерживавший близкие отношения с архиепископом, непременно сообщил бы о таком факте. Правда, 4 июня 1055 г. был назначен один епископ, но не в Гренландию, а в Исландию, и звали его не Альберт, а Ислейф[3]. Еще Торфеус в 1705 г. приводит историю епископа «Иопы», отправившегося сначала в Исландию, затем в Винланд, где он и погиб мученической смертью[4]. Однако здесь произошло явное недоразумение. Фишер доказал, что речь идет не о *Vinland*, а о *Wendenland* или *Vindland* (Страна венедов)[5]. Очевидно, ошибка произошла в результате грубого искажения известного исторического факта, заключающегося в том, что в 1066 г. епископ Мекленбурга Иоганн [«Иона»] был взят в плен восставшими *венедами*, увезен ими в *Wendenland* и в Ретре принесен в жертву богу войны (см. гл. 111).

В Винланде не было в то время никаких епископов и, вероятно, никаких христианских мучеников, как не было епископов в Гренландии до прибытия туда Эйрика Гнупсона.

Повышенный интерес к насаждению христианства на дальних островах появился, по-видимому, лишь в 1098 г., в связи с посещением Рима датским королем Эйриком Эйегодом. За этим визитом последовало как создание второй епископской резиденции в Исландии в 1106 г., так и, очевидно, назначение Эйрика Гнупсона епископом Гренландии в 1112 г., а возможно, и образование многих новых северных архиепархий в XII в. в Лунде (1106 г.), Тронхейме (1152 г.) и Упсале (1164 г.).

Весьма вероятно, что еще епископ Эйрик Гнупсон принес в Америку христианское вероучение со всеми его символами и представлениями. Как изве-

---

[1] Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae, Regensburg, 1873; другой перечень гренландских епископов см. Jelič, Missione Francescane, 1897, p. 557 (и след.); третий, более полный см. K. Eubel, Hierarchia catholica medii aevi, Mündai i. W. 1898—1901 (охватывает период с 1198 по 1431 г.).

[2] Adam von Bremen, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, III, 23, 70; IV, 35.

[3] Pius Bonifacius Gams, op. cit., p. 336.

[4] Th. Torfaeus, Historia Vinlandiae antiquae, Köbenhavn, 1705, S. 70 (и след.).

[5] J. Fischer, Kann Bischof Johann aus Irland (1066) mit Recht als erster Märtyrer bezeichnet werden? «Innsbrucker Theologische Zeitschrift», 1900, B. XXIV, S. 756 (и след.).

стно, первые христианские миссионеры, прибывшие в XVI в. в район реки Святого Лаврентия, и Кортес в Мексике обнаружили, что индейцы поклонялись кресту по внушению некоего достойного человека. Но слишком рискованно делать отсюда вывод, что неизвестным человеком был именно Эйрик Гнупсон, как это утверждает Ирвинг[1] и вслед за ним Мальтебрун[2]. Разумеется, не исключена возможность, что плавание Эйрика в 1121 г. имело такие далеко идущие последствия. Но если на основании столь ничтожных данных заняться реконструированием исторических фактов, то это может завести нас в область фантазии.

После 1130 г. ни в одном историческом памятнике или летописи не содержится никаких сведений о Винланде. Если Маркланд еще упоминается в 1347 г. (см. цитаты), то о Винланде позднейшие письменные источники не дают никаких указаний. Исключение составляют лишь руническая надпись на Кенсингтонском камне (см. т. III, гл. 150), а также записи более поздних авторов и составителей карт, основывавшихся на устных преданиях.

Практически Винланд оставался забытым европейцами в течение 500 лет (с XII в.), что не без удивления отмечает Винзор[3]. Первое в Европе указание на открытие Америки древними норманнами было сделано Монтанусом лишь в 1671 г.[4] Монография Торфеуса о Винланде, появившаяся в 1705 г.[5], еще настойчивее привлекла внимание историков и географов к тому факту, что Американский континент был открыт и часто посещался европейцами еще за 500 лет до Колумба.

Однако самыми важными и с исторической точки зрения наиболее значительными из всех материалов, имеющих отношение к Винланду, остаются исландские хроники 1121 г., в которых говорится: «*Eirikr bykop leitadi Vinlandz*»[6].

---

[1] W. Irving, Die Geschichte des Lebens und der Reisen Christophs Columbus, Frankfurt a. M., 1829, B. IV, S. 403.

[2] C. Maltebrun, Neuestes Gemälde von Amerika, Leipzig, 1819, S. 145.

[3] J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 92.

[4] Montanus, Nieuwe en onbekende wereld, Amsterdam, 1671.

[5] Th. Torfaeus, Historia Vinlandiae antiquae, Köbenhavn, 1705.

[6] Материалы этой главы частично были опубликованы автором в феврале 1949 г. См. «Forschungen und Fortschritte», S. 31 (и след.).

ГЛАВА 110

ИНДИЙСКИЙ ПАТРИАРХ В РИМЕ У ПАПЫ КАЛИКСТА II

(1122 г.)

Когда он [индийский архиепископ] пребывал при папском дворе, он сообщил некоторым папским сановникам, что является настоятелем храма, в котором хранятся мощи Святого апостола Фомы. Поведав им о расположении храма, его сокровищах и многочисленных украшениях, он упомянул также об удивительном явлении, поразившем его слушателей: высокий храм апостола со всех сторон окружен водой, которая на восемь дней до праздника Святого Фомы и на такой же срок после него мелеет до такой степени, что семилетний мальчик может перейти ее вброд. В самый день праздника собирается вся знать провинции, все священники и простой народ. Архиепископ в сопровождении братьев своего ордена с плачем и воздыханиями приближается к раке Святого, торжественно вынимает мощи и благоговейно возлагает их на патриаршую кафедру, после чего первым падает ниц перед Святым и воздает ему почести, принося дары. Блаженный апостол поднимает руку, протягивает ладонь и милостиво принимает дары последователей нашей веры. Но если среди толпы находится язычник, пожелавший в знак уважения тоже принести дары Святому, апостол убирает руку, отказываясь принять дар неверующего... Епископ публично заверил, что все это истинная правда, и с согласия папы поклялся на Святом Евангелии, что это так. В конце концов папа и весь папский двор поверили ему[1].

* * *

На 4-й год понтификата Каликста[2] в Константинополь прибыл для получения паллия индийский патриарх Иоанн, который приехал с этой целью из Индии, лежащей у самого края Земли, и потратил на эту поездку целый год.

Папа Каликст в то время направил в Константинополь послов по случаю заключения конкордата между римскими и греческими странами.

Патриарх, узнав через переводчика, который у греков называется «драгоманом», что столицей христианского мира является

---

[1] Письмо аббата Одо Реймского графу Томасу (нигде более не упоминаемому). См. F. Zarncke, Der Priester Johannes, «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königlichen Sächsischen Akademie der Wissenschaften», Leipzig, 1879, B. 7, S. 846.

[2] Папа Каликст II. (1119—1124).

Рим, последовал туда вместе с послами. Когда патриарха спросили о его родине, он сообщил папе и кардиналам через переводчика следующее: «Город, главой которого я являюсь, называется Ульна; это столица, властвующая над всей Индией. Она так велика, что объехать ее можно лишь за 4 дня...

Посреди города протекает река Фисон, райская река с прозрачной водой. Город населен одними правоверными христианами. Недалеко от его стен расположена гора, окруженная со всех сторон очень глубоким озером; на вершине горы возвышается храм Святого апостола Фомы. На берегах озера сооружены 12 монастырей Святых апостолов...»[1]

Во время крестовых походов вплоть до начала XIII в. Индия была для европейских христиан почти недосягаемой, легендарной страной. О ней, правда, имели некоторое представление, почерпнутое из старинных описаний, но почти не располагали точными сведениями. В последующих главах (см. гл. 115, 117, 119) мы еще познакомимся с тем, какое фантастическое представление об этой сказочной стране было распространено тогда в Европе, отрезанной мусульманами от Передней Азии и Северной Африки.

Правда, и до монгольского нашествия в XIII в., открывшего примерно на 125 лет ранее запретные дороги, наблюдались отдельные случаи соприкосновения христианского мира с Индией, которую молва, естественно, наделяла тем большим количеством чудес и богатств, чем труднее было получить о ней достоверные сведения. Только на этой почве могли расцветать в XII в. такие чудовищные мистификации, как письмо «царя-священника Иоанна» к императору Византии (см. гл. 115).

Прелюдией к необузданному хвастовству, переполняющему это письмо, были рассказы некоего таинственного, якобы христианского патриарха, прибывшего в 1122 г. из Индии к папскому двору. Он тоже носил имя Иоанна, как и легендарный индийский «царь-священник», который немного позже, в 1145 г., завладел фантазией европейских христиан Совпадение имен было случайностью. В остальном эти лица не имеют ничего общего, хотя впоследствии их часто пытались ставить в какую-то связь.

Царике посвятил приезду священника Иоанна в Рим специальное исследование[2], которое, однако, в значительной части устарело, поскольку в нем ни словом не упоминается об индийских христианах-фомистах, хотя в источнике и говорится о церкви св. Фомы в Индии.

Изложение событий в хронике Альбериха страдает явными неточностями. Так, вряд ли можно принять за достоверные приведенные в ней причины приезда индийского патриарха в Европу. Остается не ясным, зачем ему пона-

---

[1] Хроника Альбериха (около 1250 г.). См. G. W. L e i b n i z, Accessiones historicae II: Alberici monachi trium fontium Chronicon, Leipzig, 1698, t. II, p. 243 (и след.).

[2] F. Z a r n c k e, De patriarcha Johanne quasi praecursore presteri Johannis, «Memoriam Friderici Augusti Guilelmi Spohnii», Leipzig, 1875.

добилось совершать утомительное, длившееся целый год путешествие в Константинополь «для получения паллия». Однако вполне вероятным кажется указание на то, что из Константинополя в Рим он последовал за папскими послами. Что же касается сообщений патриарха о жизни на его родине, в Индии, которые Царнке полностью воспроизводит[1], то они сильно отдают фантастикой, и достоверность их вызывает поэтому большие сомнения.

Возможно, впрочем, что при изложении рассказов Иоанна их «приукрасили» в христианском духе и приспособили к вкусам христиан. В этом вопросе теперь уже нельзя разобраться.

Менхардт указывает довольно приемлемый способ для выяснения фактического положения[2]. Упоминание города Ульны (Хульны) — родины патриарха — может помочь нам в этом. Хульна — старое название древнего города Палимботры (Паталипутры) (см. т. I, гл. 25), — а упоминаемая в тексте «райская река Фисон» — Ганг. Здесь находился центр *буддийского*, а не христианского вероисповедания, которое было распространено в основном вокруг Мадраса. Поэтому в Хульне вряд ли могли поклоняться св. Фоме, и еще менее вероятна поголовная *христианизация* жителей этого города. Буддийские религиозные обряды однажды уже были приняты за христианские (см. т. III, гл. 120). Поэтому Менхардт вполне правомерно подвергает сомнению тот факт, что индийский патриарх 1122 г., если он действительно приехал из Хульны, был христианином, а тем более несторианским архиепископом Индии. Скорее он был буддийским монахом, который лишь выдавал себя за христианина, чтобы обеспечить себе лучший прием.

Гипотеза Менхардта представляется приемлемой. И все же рассказ патриарха Иоанна даже в этом случае содержит ряд весьма сомнительных деталей. Поэтому Ольшки пошел дальше Менхардта и просто объявил мнимого христианского посланца из Индии облачившимся в рясу обманщиком[3], каких в то время было немало (см. т. III, гл. 121). Ольшки оставляет открытым вопрос о том, руководился ли Иоанн «благочестивыми или корыстными» намерениями, был ли он «мечтателем или одержимым». Однако этот исследователь, бесспорно, прав, утверждая, что «дошедший до нас текст рассказа носит явную печать мистификации». Такое недоверие тем более оправдано, что и папа и его кардиналы вначале сомневались, стоит ли отнестись ко всей этой истории с доверием. Вероятно, Ватикан лишь потому в конце концов поверил Иоанну, что содержание рассказа отвечало его интересам. Ольшки проводит аналогию между этим событием 1122 г. в Риме и мистификаторским письмом «царя-священника Иоанна к императору Мануилу» (см. гл. 115). В обоих случаях мы имеем дело либо с экзальтированным человеком, жаждущим сенсаций, либо просто с мошенником, который, чтобы снискать себе славу необычайной личности, воспользовался тем, что в то время люди были падки до всяких чудесных историй и потрясающих событий в чужедальных краях.

[1] F. Zarncke, op. cit., p. 9 (и след.).

[2] H. Menhardt, Heinrichs von Morungen Indienfahrt, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, H. XXXI, S. 260 (и след.).

[3] L. Olschki, Der Brief des Presbyters Johannes, «Historische Zeitschrift», 1931, B. 144, S. 1.

ГЛАВА III

ДВА МИССИОНЕРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯ ЕПИСКОПА ОТТОНА БАМБЕРГСКОГО В ПОМЕРАНИЮ (ЗАПАДНОЕ ПОМОРЬЕ)

(1124—1127 гг.)

Господь внушил, наконец, ему [Болеславу III Польскому][1] решение послать с этой [миссионерской] целью епископа Оттона Бамбергского, слава о котором в то время разнеслась по всем странам, тем более, что герцог знал его лично как духовника своего отца и высоко ценил... [Епископ принимает приглашение и едет, получив согласие папы, через Богемию и Силезию в Гнезен [Гнезно]. Герцог принимает его с большими почестями и обеспечивает его переводчиками для предполагаемой миссионерской поездки в населенную венедами Померанию.]

Расставшись с герцогом, мы миновали пограничную крепость Уш [Узда] и вошли под своды жуткого, бесконечного леса, отделяющего Польшу от Померании. Там мы убедились, как трудно придерживаться определенного направления, продвигаясь без дороги. Этот лес до нас еще не пересек ни один смертный; была обозначена только одна дорога. В прежние годы герцог, до того как он подчинил себе всю Померанию, опасаясь разбойничьих налетов, приказал делать зарубки на деревьях и валить стволы, чтобы облегчить путь себе и своему войску.

Мы придерживались этих знаков и прошли лес за 6 дней, счастливо избежав множества опасностей — различных чудовищных змей и диких зверей; гнездящиеся в ветвях журавли досаждали нам своими криками и хлопаньем крыльев, а в болотах увязали наши повозки и фургоны. Наконец мы раскинули лагерь на берегу реки, по которой проходит граница Померании...

[Герцог Померании Вратислав, тайно перешедший в христианство, радушно принимает путешественников, в то время как его приближенные развлекаются их запугиванием. Герцог снабжает их для продолжения пути охранными грамотами.]

Приблизившись к крепости Присса [Пиритц, современное Пыжице] на достаточно близкое расстояние, мы увидели, что в ней собралось до 4000 человек из окрестных мест, так как в этот день был какой-то языческий праздник... [Христиане прячутся.

---

[1] Болеслав III (1102—1138) — отразил натиск германских феодалов и добился временного политического объединения польских земель. Он вел борьбу за воссоединение с Польшей Западного Поморья, успешно закончившуюся в 1122 г.— *Прим. ред.*

Рис. 10. Епископ Отто Бамбергский.

На следующий день епископ извещает герцога через придворных, что он не претендует ни на деньги, ни на добро, поскольку он и без того богатый человек, а озабочен лишь спасением их душ. Встреченный вначале с недоверием, епископ в конце концов был принят радушно, и ему сопутствовал успех: за 7 дней он окрестил 7 тыс. человек, а кроме того, добился решения построить христианскую церковь.]

После того как церковь в Приссе была построена и оборудована, мы с грустью расстались со своей первой общиной и прибыли в сопровождении послов к принадлежащему герцогу городу Камин [Камень-Поморски]. Там находилась герцогиня, законная супруга герцога, которая исповедовала христианскую религию, хотя и жила среди язычников... [С помощью герцогини миссионеры и в Камине добились отличных успехов.] Пробыв там почти 50 дней, мы тронулись дальше в сопровождении послов герцога и двух знатных горожан — Домицлауса и его сына, посланных герцогом с нами в качестве проводников. На кораблях пересекли мы несколько озер и морской залив и добрались до Юлина [Волин]. Это большой, хорошо укрепленный город, жители которого поражают своей жестокостью и варварством... [Пришельцы ночью пробираются в герцогский замок, который считается здесь неприкосновенным. И все же на следующий день происходит нападение на миссионеров, они подвергаются большой опасности и вынуждены покинуть город.]

Отступая, мы переправились через озеро и сломали за собой мосты, чтобы они еще раз на нас не напали. Расположившись на отдых посреди поля — меж токов и амбаров, мы проверили, все ли наши спутники уцелели, и вознесли хвалу Господу, сохранившему всех нас... В течение 7 дней мы оставались на противоположном берегу озера, окружающего город, и ожидали, не образумятся ли его жители. Тем временем некоторые из нас иногда пробирались в город... [Знатные горожане выходят из ворот города и просят сообщить им цель прибытия чужестранцев. Им отвечают, что польский герцог будет оскорблен нелюбезным приемом, оказанным его доверенным лицам, и накажет их. Юлинцы заявляют, что они хотят прежде узнать, как отнесется к пришельцам Штеттин [Щецин], «самый древний и славный город Померании», чтобы затем последовать его примеру.] Услышав это, епископ поспешил в Штеттин, взяв с собой знатного юлинца, по имени Недамер, в качестве проводника... Недамер и его сын сопровождали нас на корабле в Штеттин. Но, убоявшись навлечь на себя гнев штеттинцев за то, что они привели к ним чужестранцев, они попрощались и двинулись в обратный путь прежде, чем те успели заметить их присутствие. Мы же под покровом ночи причалили к берегу поблизости от города, высадились на сушу и направились ко двору герцога... [В течение двух месяцев штеттинцы относятся к миссио-

нерам враждебно. Епископ Оттон посылает гонца к польскому герцогу и спрашивает, что ему делать. Когда штеттинцы узнают об этом, они пугаются и сообщают герцогу, что готовы принять христианство, если он уменьшит размер их дани. Герцог соглашается на это предложение, в то же время угрожая штеттинцам, что если они будут противиться и далее, то навлекут на себя его гнев. После этого общественное мнение склоняется на сторону миссионеров, тем более, что епископ богато одарил двух знатных юношей и их мать, которые согласились принять крещение. Отныне епископ Оттон мог уже проповедовать христианское вероучение без помех, и вскоре происходит массовое крещение жителей этого «огромного города», насчитывающего 900 семей. Оттону удается также добиться разрушения языческих храмов.]

Тайно от епископа и от нас юлинцы прислали в Штеттин нескольких осторожных и ловких людей, чтобы те скрытно выведали, что мы там делаем, какой прием нам оказали, и бдительно следили бы за каждым нашим шагом и поступком, сообщая обо всем в Юлин... [Донесение этих лазутчиков оказывается благоприятным.]

Помня об уговоре, по которому он покинул Юлин, епископ хотел тотчас же после обращения Штеттина в христианство спешно вернуться туда; однако его упросили сначала посетить две крепости, Гарц и Любцин, расположенные поблизости и входившие в Штеттинский округ... [Там тоже вводится христианство и сооружаются алтари.] Мы поплыли вниз по Одеру в море[1], а затем попутный ветер привел нас в гавань Юлина... [Здесь их теперь радушно принимают. В течение двух месяцев юлинцев обращают в новую веру, закладывают фундаменты двух церквей; в Юлине предполагают создать резиденции епископа.]

Покинув Юлин, мы попали в Клодону [Клетинов]... [Здесь тоже полная удача.] Переправившись через реку [Рега], протекающую поблизости от Клодоны, мы прибыли в Кольберг [Колобжег], расположенный на берегу моря. Но поскольку почти все горожане, как это часто случается с купцами, ушли в плавание на острова, оставшиеся жители заявили, что не хотят никаких нововведений в отсутствие сограждан, и длительное время сопротивлялись Евангелию под этим предлогом... [В конечном счете все же удается ввести христианство в Кольберге и Белгарде [Бялогард]. Епископ Оттон еще раз посещает все новообращенные города, решает насадить христианство в оставшихся четырех поморанских городах в следующую миссионерскую поездку и возвращается в Бамберг.]

[Вторая миссионерская поездка начинается в марте 1127 г. Сначала миссионеры посещают Галле, а затем речным путем

[1] Под морем здесь следует понимать Щецинский залив, который в те времена, как правило, считали частью моря (см. гл. 103).

по Эльбе и Хафелю добираются до земли лютичей и до Деммина.] Епископ погрузил все имущество — свое и сопровождавших его лиц — на корабли. По реке Пене они плыли 3 дня до Узноймии [Узедома], в то время как епископ с немногими спутниками добирался туда по суше. [В Узедоме уже ожидают посланца христианской церкви. Сам герцог Померании, собрав всех жителей города 22 мая 1127 г., представляет им епископа, и в течение последующей недели происходит крещение горожан. Аналогично развиваются события также в городах Вольгаст и Гюцков. Возвращение в Узедом. Священник Уодальрих с одним помощником и проводником должен отправиться оттуда на остров Рюген, религиозный центр венедов, для проповеди христианства. Но от этого плана приходиться отказаться, так как корабль его трижды возвращается из-за встречного штормового ветра.

Бушующий в течение 7 суток шторм воспринимается всеми как знак того, что господь призывает отказаться от этого намерения. Епископ Оттон отправляется в Штеттин и здесь неоднократно подвергается смертельной опасности, так как в Померании язычники и изменившие новой вере христиане настроены против него. Новое посещение Узедома, Камина и Волина. Между тем венеды с Рюгена в сентябре потерпели серьезное поражение от штеттинцев, и поэтому вновь встает вопрос о проповеди евангелия на Рюгене. Однако из Бамберга приходят вести, заставляющие Оттона быстро туда возвратиться. Епископ покидает Померанию в конце ноября и 20 декабря возвращается в свою епархию.][1]

Померания поразительно долго избегала каких бы то ни было связей с христианскими народами. Еще в древности земли у устья Одера гораздо дольше оставались неизвестными античному миру, чем восточное и западное побережья Балтийского моря (см. т. I, гл. 49). Во время великого переселения народов славяне—венеды и лютичи—захватили эти земли. Это были очень обособленные племена, сопротивлявшиеся всем попыткам христианских народов к сближению. Земли Мекленбурга, населенные ободритами, уже в VIII и IX вв. завязали сношения с Францией и Данией; можно считать, что в течение определенного времени эти районы были, в сущности, пограничной областью Германской империи, хотя в XI в. ободриты и подняли восстание. На востоке Польша в X в. приняла христианство и завязала постоянные сношения с Германской империей. Лютичи, населявшие земли в верхнем течении реки Пене, хоть изредка пытались установить добрососедские отношения с Германской империей, но венеды, населявшие Померанию,— никогда.

---

[1] Herbord, Dialogus, lib. II, cap. 6 (до конца). См. «Monumenta Germaniae historica», SS XII, p. 778 (и след.). [«Диалог об Оттоне, епископе Бамбергском», написанный Гербордом (начало XII в.), служит чрезвычайно ценным источником по истории славян XII в. и начала XIII в.— *Ред.*]

Померания держалась особняком и поддерживала некоторые связи лишь со Скандинавией, да и то отношения эти чаще были враждебными, чем дружественными, и в 1185 г. привели к покорению страны датчанами, после того как еще раньше, в 1168 г., ими был завоеван остров Рюген.

Подобно датским королям, которые в середине X в. построили, предположительно в устье Пене, свою легендарную крепость Йомсбург[1] (см. гл. 99), германские императоры тоже пытались закрепиться в Померании, правда с весьма скромным успехом. Воинственные лютичи, или вильцы, не хотели подчиниться германскому владычеству. Еще Карл Великий в 789 г. воевал с ними. По сведениям Эйнгарда, его воины поднялись на кораблях, управляемых фризами, вверх по течению Хафеля [Хеболы], но ничего не добились[2]. В последующие века также не удалось подчинить эти племена. А 10 сентября 1056 г. у Прицлавы, вблизи устья Хафеля, они даже нанесли тяжелое поражение войску императора Генриха III[3]. Польша и Дания тоже предпринимали неоднократные попытки овладеть этими землями, но с частичным и временным успехом. Знаменитая крепость Йомсбург, превратившаяся постепенно в пиратское гнездо, в 1043 или 1044 г. была захвачена и сожжена датским королем Магнусом Добрым.

Центром враждебных христианскому миру племен была сначала Ретра, великая святыня венедов, о местонахождении которой ученые долго спорили. По данным Шухгардта, она находилась в районе Фельдберга, на берегу Луцинер-Зе на юго-восточной границе Мекленбурга[4]. Именно отсюда в 1066 г. венеды предприняли даже военный поход на Мекленбург, захватили и разрушили укрепленный замок Микилинбург, севернее Шверина, взяли в плен христианского епископа Иоганна и, вернувшись в Ретру, принесли его в жертву своему богу войны Радигощу (см. гл. 109). Воинственный епископ Буркхардт Хальберштадтский решил нанести славянам ответный удар. В 1068 г. во главе имперского войска он захватил Ретру, разрушил ее до основания и вернулся в Саксонию на священном белом коне главного бога венедов Свантевита. Однако венеды заново с еще большей роскошью отстроили свою святыню на меловых скалах Арконы на Рюгене, где она и простояла ровно 100 лет, пока 15 июня 1168 г. не была завоевана и предана огню датчанами.

Поморяне добились высокого развития своей самобытной культуры; они, видимо, играли значительную роль в торговле прибалтийских народов в XI в. Добросовестный летописец Адам Бременский в 1074 г. превозносил великолепие приморского города венедов Юмны, которая, бесспорно, была прообра-

---

[1] S. L a r s e n, Jomsborg, Köbenhavn, 1932, S. 35.

[2] E i n h a r d, Annales ad annum 789.

[3] «Annales Hildesheimenses ad annum 1056», «Monumentae Geruv. Inst.», SS III, p. 104: «*magna cedes a barbaris, qui Liuttici dicuntur, in christianos facta est*». [Множество выходцев из варваров, называемых лютичами, обращены в христианство.— *Ред.*]

[4] C. S c h u c h h a r d t, Rethra auf dem Schloßberg bei Feldberg in Mecklenburg, «Sitzungs-Berichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1923, S. 184 (и след.); «Arcono, Rethra, Vineta», Berlin, 1925, S. 27 (и след.).

зом прославленной в сагах Винеты[1]. В сообщениях Адама, несомненно, имеются некоторые преувеличения, например утверждение, что Юмна была в то время крупнейшим городом в Европе. Впрочем, этот город в течение десятилетий действительно был центром оживленной торговли, в которой участвовали саксонские, скандинавские и даже «греческие» (византийские) купцы. Более того, при входе в гавань здесь, видимо, были установлены первые на севере Европы маяки для облегчения судоходства в ночное время, о чем свидетельствует упоминание Адама Бременского о «Котле Вулкана».

Местоположение Юмны остается спорным. Старая гипотеза, выдвинутая Шафариком в 1846 г.[2], о том, что прообразом Винеты был Юлин [современный Волин], основывается на чрезвычайно поверхностном представлении о правилах, которых придерживаются при выборе мест для устройства крупной морской гавани. Эта гипотеза не выдерживает критики. Продержавшись всю вторую половину XIX в., она была опровергнута Мюллером в 1909 г.[3], а в 1930 г. вновь выдвинута Гофмейстером[4] на основе очень сомнительных, чисто литературных доказательств. Впрочем, соображения Гофмейстера, при всей их неосновательности[5], заставили даже таких ранее убежденных противников гипотезы Шафарика, как Шухгардт[6] и Фогель[7], признать правомерность первоначального предположения[8], которое тем не менее представляется нам совсем неубедительным. Оно не только противоречит сообщениям литературных источников, но и историческим данным о развитии мореплавания и торговли. Кроме того, при раскопках в Волине, проводившихся в 1934 г., не было обнаружено никаких следов древней гавани города Йомсбурга или сколько-нибудь значительной заморской торговли. Но «важнейшим и неопровержимым доказательством того, что Юмна и Юлин — разные города», автор этих строк, как и в 1935 г.[9], считает свидетельство славянского летописца Хельмольда. Этот хронист отмечал в 1168 г.[10], что задолго до его времени «богатейший город» Юмна (*opinatissima civitas*) (то есть никак не Йомсбург) был «разрушен до основания» (*funditus evertisse*) неким не названным по имени датским королем. Он писал также, что «еще сохранились развалины этого старинного города» (*presto sunt adhuc antique illius civitatis monumenta*).

---

[1] A d a m v o n B r e m e n, II, 19.

[2] P. J. S c h a f a r i k, Namen und Lage der Stadt Wineta, Jumne, Julin, Jomsburg, Leipzig, 1846.

[3] K. M ü l l e r, Das Rätsel von Vineta, «Reichsboten», April—Mai, 1909 (воскресные приложения).

[4] A. H o f m e i s t e r, Der Kampf um die Ostsee, Greifswald, 1930.

[5] R. H e n n i g, Wo lag Vineta? «Mannus-Bücherei», Leipzig, 1935, B. 53, S. 37 (и след.), S. 52 (и след.).

[6] C. S c h u c h h a r d t, Vineta, «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1924, S. 176 (и след.).

[7] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 153 (и след.).

[8] C. S c h u c h h a r d t, Zur Vinetafrage, «Prähistorische Zeitschrift» 1932, S. 145.

[9] R. H e n n i g, op. cit., S. 57.

[10] H e l m o n d i P r e s b y t e r i, Chronicon Slavorum, ed. Lappenberg. 1,2, «Monumenta Germaniae historica», SS XXI, p. 13.

Между тем Юлин, как известно, до 1174 г. не подвергался набегам датчан и до 1188 г. был резиденцией епископа Померании. Этот город сохранился и до настоящего времени!

Очень странно, более того непонятно, как мог Фогель, известный историк германского мореходства, который в 1915 г., на основе свидетельства Хельмольда, категорически отверг гипотезу идентичности Юлина и Юмны[1], позже настаивать на тождестве легендарной Винеты и современного Волина.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что это предположительное тождество не имеет ничего общего с действительностью[2]. Юмна как и, вероятно, соседний Йомсбург, была расположена на берегу моря. Самой правдоподобной представляется нам гипотеза, о том, что этот город, развалины которого еще не найдены, был расположен на участке позднее затопленной суши у северо-западной оконечности острова Узедом[3]. Поскольку Оттон Бамбергский в описаниях своих миссионерских плаваний 1124 и 1127 гг. не упоминает о Юмне, надо полагать, что этот город был разрушен во время одного из частых набегов датчан на земли венедов между 1098 и 1119 гг. Во всяком случае, нет оснований полагать, что Юмна погибла в результате наводнения, как об этом повествует сказание о Винете. Явно враждебное отношение померанских венедов к христианству в XI в. подчеркивает и Адам Бременский, который написал следующие строки о жителях Юмны:

«Приезжим саксам разрешается жить там на равных правах со всеми, но лишь в том случае, если они явно не показывают своей принадлежности к христианской церкви во время пребывания в городе, так как все жители его еще опутаны сетями языческого идолопоклонства»[4].

Еще до Оттона Бамбергского делались попытки насадить христианство в Померании. Так, например, в 1000 г. первым епископом Померании, с резиденцией в Колобжеге[5], был назначен Бернард. Этот епископ пытался насаждать в «соленом Кольберге [Колобжеге]» христианство и выбросить в море изображения языческих богов, но его начинания не увенчались сколько-нибудь значительным успехом, и ему пришлось, видимо, вскоре отказаться от епископства. Безуспешными в течение последующих 120 лет были и другие попытки христианизации Померании. И лишь победоносный поход польского князя Болеслава III в 1121 г. проложил христианству путь в Померанию, так как страной стал править христианин. Князь Болеслав наложил на

---

[1] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 154.

[2] Так называемые раскопки Винеты, проводившиеся в Волине с 1934 г. под руководством Кункеля, хотя и дали весьма важный материал для изучения древней Померании, однако не обнаружили ни малейших следов какого-либо важного морского порта или торгового центра, ни, тем более, доказательств его тождества со знаменитым Йомсбургом. С точки зрения условий для навигации абсолютно исключается, что «Винета» могла находиться в этом месте.

[3] S. L a r s e n, op. cit., S. 267.

[4] A d a m v o n B r e m e n, II, 19.

[5] T h i e t m a r, IV, 28; «Annales Hildesheimenses ad annum 1000».

Померанию дань, вывез из страны 800 семей и стремился всеми средствами ввести в ней христианство. Долгое время князь не мог найти никого, кто бы решился взять на себя миссию проповедника новой веры, пока епископ Оттон Бамбергский, с которым он был лично знаком и который пользовался его уважением, не заявил о своей готовности начать при поддержке князя и с благословения папы миссионерскую деятельность в Померании. Впрочем, епископу вряд ли удалось бы осуществить свою миссию, если бы страна не потерпела военного поражения до его приезда. Характерно, что обращение в христианство Штеттина — крупнейшего и богатейшего центра Померании, которому подражали все остальные города страны, удалось епископу лишь после того, как польский князь пригрозил жителям обрушить на них в случае отказа весь свой гнев или, наоборот, снизить размер дани при принятии новой веры. Кроме того, успеху епископа способствовало то счастливое обстоятельство, что князь Померании и его супруга тайно приняли христианство и энергично помогали Оттону в его миссионерской деятельности. Без поддержки этих влиятельных особ епископ, скорее всего, потерпел бы неудачу и погиб, как погиб в свое время Бонифаций в Фрисландии и Адальберт в Стране пруссов. Но с пути Оттона Бамбергского были устранены все препятствия, и, хотя он несколько раз подвергался смертельной опасности, на его долю выпал успех: христианское вероисповедание утвердилось в Померании!

Имеются три жизнеописания епископа Оттона, содержащие очень подробные сообщения о двух его путешествиях в Померанию. Прежде всего назовем «Dialogus» его спутника Герборда, оставившего самые известные и многократно использовавшиеся путевые записки, на которые мы и ссылались выше. Кроме того, имеется еще «Prüfeninger Vita», которую Гофмейстер считает «самым важным из трех старинных жизнеописаний»[1], и составленная Эббо биография епископа Оттона[2]. Все три биографии незначительно расходятся при описании жизни знаменитого епископа, да и то большей частью в мелочах. В сообщении Герборда краски порой излишне сгущены, а грозившие Оттону опасности преувеличены. Невольно улыбаешься, когда читаешь о том, что путники встретились в лесу с «чудовищными змеями», которые на самом деле были безобидными ужами, или что миссионерам пришлось в течение пяти дней пробираться сквозь таинственный девственный лес, в который еще не ступала нога человека. А ведь речь идет всего лишь о лесах нижнего течения реки Варты.

Первое и самое важное миссионерское путешествие епископа Оттона длилось 11 месяцев. Примерно в середине мая 1124 г.[3] он выехал из Бамберга и 28 марта 1125 г. вернулся в этот город. Вначале он посетил польского князя. В первой половине июня 1124 г. епископ углубился в упоминавшиеся выше леса на границе между Польшей и Померанией, возле Старгарда [Старогруд], ступил на землю Померании, в середине июня уже крестил в Пиритце [Пыжи-

---

[1] A. H o f m e i s t e r, Die Prüfeninger Vita des Bischofs Otto von Bamberg, «Denkmäler der pommerschen Geschichte», Greifswald, 1924, B. I, V.

[2] E b b o, Vita Ottonis Episcopi Babenbergensis, «Monumenta Germaniae historica», SS XII, p. 822 (и след.).

[3] A. H o f m e i s t e r, op. cit.

це] первых обращенных[1] и 24 июня прибыл в Камин [Камень-Поморски], резиденцию померанских князей. В середине августа Оттон отправляется в Юлин [Волин], но затем переезжает на 2 месяца в Штеттин [Щецин], так как в Юлине ему запретили вести миссионерскую деятельность. В конце ноября епископ возвратился в Волин, где в течение двух месяцев окрестил множество новообращенных, недолго пробыл в Кольберге [Колобжеге] и других городах Померании, а затем вернулся в Бамберг. В Померании он окрестил в общей сложности не менее 22 156 человек[2].

В сделанных рукой Оттона записях, вошедших в хронику Эккехарда Лурского, относящуюся к 1125 г., перечисляются города, в которых побывал епископ во время своего миссионерского путешествия 1124 г. в следующей последовательности: «Пиритц [Пыжице], Штеттин [Щецин], Вулин [Волин][3], Камин [Камень-Поморски], Кольбрех [Колобжег], Белград [Бялогард], Лубцин [Лубин], Греш [Гарц][4].

Чтобы по достоинству оценить подвиг епископа, надо учесть, что он предпринял оба путешествия в весьма преклонном возрасте: во время первого ему было 64 года, во время второго — 67 лет.

Первая подробная монография, посвященная личности епископа Оттона и его миссионерской деятельности, была написана Бушем в 1824 г.[5]

Различные описания миссионерских путешествий Оттона имеют большое значение с точки зрения истории культуры. Главная ценность этих работ заключается в том, что они содержат доказательства, опровергающие абсурдное предположение, якобы Волин был крупным портовым городом. Ведь в довольно подробном описании города ни разу не упоминается о морских судах, заходящих в Юлин и, наоборот, отмечается зависимость этого города от Штеттина. Но крупный морской порт не мог испытывать такой зависимости. Описания путешествий Оттона опровергают также гипотезу, которой придерживались до последнего времени сторонники идентичности Волина и Винеты[6]. Согласно этой гипотезе, в районе, прилегающем к реке Дивенов[7],

---

[1] S i e n i a w s k i, Die Missionsreisen des Bischofs Otto von Bamberg nach dem heidnischen Lande der Pommern, Glatz, 1908.

[2] E b b o, op. cit., S. 850.

[3] Город этот, собственно, назывался Юлин. Однако это название напоминало о Юлии Цезаре (которого долгое время даже считали «основателем» (!) города) и воспринималось как «языческое». Поэтому проповедники христианской веры переименовали его в Вулин (*Vulin* или *Wulin*). В официальных документах новое название впервые встречается в булле папы Иннокентия III от 14 октября 1140 г., причем Волин провозглашался резиденцией епископа Померанского. См. R. H e n n i g, Wo lag Vineta? Leipzig, 1935, S. 103.

[4] «Monumenta Germaniae historica», SS VI, p. 264. [В квадратных скобках указаны современные польские названия.— *Ред.*]

[5] A.K.F. B u s c h, Memoria Othonis episcopi Bambergensis Pomeranorum Apostoli, Jena, 1824.

[6] Статья Кункеля. См. «Prähistorische Zeitschrift», 1932, S. 324.

[7] Река Дивенов — собственно не река, а один из трех узких протоков, соединяющих Щецинский залив (куда впадает Одра) с Поморской бухтой Балтийского моря. Залив отделен от бухты двумя низменными островами Волин и Узедом. Река Дивенов отделяет остров Волин (с одноименным городом)

имелась важная в транспортном отношении дорога, соединявшая эту местность с бассейном Варты — Нотеца и с Сантоком. Но если бы эта гипотеза соответствовала действительности, то зачем было епископу Оттону пробираться в течение пяти дней по бездорожью через пресловутый непроходимый лес, отделявший Польшу от Померании? Река Дивенов, правда, была судоходной между городами Камень-Поморски, Волин и Щецин. Однако ее устье занесено песком, обмелело и в XII в. не было судоходным, что можно считать доказанным[1]. Песком было занесено также русло Свене, и судоходство здесь тоже затруднено[2]. Итак, Волин того времени был лишен прямого выхода к морю и дорог, ведущих в глубь страны. Как же можно предполагать, что город, расположенный в глубине залива, географическое положение которого вдали от путей сообщения лишало его тесных связей с другими населенными пунктами, мог быть оживленным портом? Это предположение парадоксально само по себе. И действительно, до 1514 г. ни один памятник того времени, ни один писатель, ни один автор хроник или других документов не утверждал, что Волин когда-либо был крупным портом[3].

И если убежденный сторонник гипотезы о тождестве Юлина и Винеты Купкель в своем прекрасном в остальном исследовании, посвященном Балтийскому морю[4], заявляет, что Юлин был расположен «на пересечении важных путей сообщения», то это дает нам лишь классический пример того, к чему приводят домыслы в науке. В действительности в средние века через Волин или его окрестности не проходило *ни одного* сколько-нибудь важного пути, значение которого выходило бы за чисто местные рамки. Так же обстоит дело и теперь. Показательно, что город этот, упоминаемый в папских буллах до XII в., не встречается в светских памятниках. Это верный признак того, что Волин не имел большого значения.

Древний Юлин был в XII в. крупным городом, расположенным приблизительно в центре Померании, что и предопределило его использование в качестве резиденции епископа всех земель, население которых было обращено Оттоном Бамбергским в христианство. Но значение Юлина никогда не выходило за местные рамки, и он никогда не оказывал влияния на международную торговлю и жизнь средневековья. После разрушения датчанами около 1100 г. крупного порта Юмны, расположенного в устье реки Пене, многие жители этого города, возможно, нашли прибежище в глубине страны — в Щецине, Юлине и других городах, куда они принесли с собой часть своих значительных богатств. Однако епископ Оттон в 1124 г. называет жителей города «варварами и дикарями», а про его улицы пишет, что на них царит «непролазная грязь» (в августе!), «по которой проложены мостки для пешеходов». Эта

от Поморья. Упоминавшаяся автором река Пене отделяет остров Узедом от Мекленбурга. Проток между островами называется рекой Свене. — *Прим. ред.*

[1] Saxo Grammaticus, XIV, ed. A. Holder, 1886, p. 588 (и след.); «Knytlinga-Saga», Kap. 124. См. «Thule», B. 19, S. 381.

[2] Saxo Grammaticus, XIV, ed. A. Holder, p. 612, 632.

[3] R. Hennig, op. cit., S. 50 (и след.).

[4] Pauly-Wissowa, Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaften, 1939—1942, B. 18, S. 1850.

характеристика убедительно доказывает, что в таком городе чужестранцы были редкими гостями. Впрочем, крупный портовый город без чужестранцев был бы уж и впрямь *contradictio in adjecto* [добавочным противоречием.— *Ред.*]

Кроме того, в хрониках летописца Хельмольда[1], относящихся к 1168 г., имеются достоверные сообщения о том, что в Померании в те времена находились *одновременно* резиденция епископа — Юлин и развалины «разрушенной в давние времена» Юмны.

Итак, прошлое маленького провинциального городка Волина никак не связано с Винетой, но это предубеждение будет очень трудно искоренить. Ведь «легенды очень живучи»[2].

Волин был резиденцией епископа только в течение 50 лет. Примерно через год после смерти удачливого миссионера епископа Оттона, последовавшей 30 июня 1139 г., папской буллой от 14 октября 1140 г. Волин был превращен в центр епархии[3]. Но уже 25 февраля 1188 г. резиденция епископа была перенесена из Волина, подвергшегося угрозе нападения датчан, в Камин (Камень-Поморски)[4].

Может показаться странным, что Камин [Камень-Поморски], расположенный значительно ближе к устью реки Дивенов, чем Волин, оказался в большей безопасности от нападения с моря. Между тем река Дивенов и река Свене раньше, до того как в XIX в. была предпринята расчистка русла, были несудоходными в своих устьях в результате отложения песчаных наносов и только по Пене можно было подняться к Одеру.

Данное обстоятельство своеобразно связано с некогда очень распространенной легендой. Эта легенда имеет отношение к путешествию епископа Оттона в Померанию и дает поистине непревзойденный образец того, как сказители не обращали внимания на логику фактов, если нужно было прославить какого-нибудь благочестивого священника как чудотворца. В труде Бугенхагена, посвященном Померании, мы читаем следующую историю:

«Так как жители Юлина боялись, что датчане, раздраженные их несправедливостями, в наказание разрушат город, они обещали Блаженному Оттону, призывавшему их к спасению душ, что примут христианство при том условии, что он засыпет песком устье реки Дивенов и преградит, таким образом, путь датчанам. Вскоре Христос откликнулся на молитву Блаженного Оттона и сотворил чудо: там, где плавали суда, стала теперь твердая земля, по которой могли ходить люди»[5].

Чтобы достойно увенчать сказание, благочестивый Бугенхаген добавляет, что, по его мнению, это благодеяние божие свершилось *после* принятия христианского вероучения юлинцами, а не до этого события. На приведен-

---

[1] «Helmondi Presbyteri Chronicon Slaworum», ed. Lappenberg, lib. 1, 2, см. «Monumenta Germaniae historica», SS XXI, p. 13.

[2] S. R u g e, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen Berlin, 1881, S. 211.

[3] «Pommersches Urkundenbuch», B. I, S. 12.

[4] Ibidem, B. I, S. 42, 45.

[5] J. B u g e n h a g e n, Pomerania (около 1540 г.), ed. J. H. Balthasar, Greifswald, 1728, S. 23.

ном примере можно убедиться в том, что в прежние времена стремление видеть во всем чудотворную руку божию приводило к чудовищным нелепостям. Трудно себе представить, чтобы жители богатого портового города, который вел заморскую торговлю, обратились с просьбой к пастырю, пришедшему обратить их в свою веру, дабы он отрезал их от моря. Ведь это означало перерезать важную для жизни города артерию только для того, чтобы не допустить врага к его стенам! Благочестивая история не учитывает того, что и река Дивенов и Свене раньше были несудоходными, потому что они, в отличие от Пене, не были подлинными реками, а лишь продолжением залива, и их водообмен с Балтийским морем был незначительным[1].

[1] G. B r a u n, Pommerns Küste und ihre Häfen, Greifswald, 1930, S. 17 (и след.).

ГЛАВА 112

КАРТА МИРА ИДРИСИ; ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АРАБОВ И КИТАЙЦЕВ XII В.

(около 1150 г.)

Самым значительным в научно-теоретическом отношении географическим трудом средневековья, единственным, который хоть в какой-то степени можно сопоставить с великолепным творением Птолемея, была созданная в XII в. в Палермо «Книга Рожера» и тесно связанная с ней большая карта мира арабского ученого Эдриси, или Идриси. Король Рожер II (1130—1154), просвещенный правитель могущественного, процветавшего в течение 100 лет (1094—1194) королевства норманнов в Сицилии, приблизил к себе этого блестящего географа, родившегося в 1100 г. в семье арабского шейха в Сеуте. Рожер, родившийся в 1095 г., испытывал такой живой интерес к географическим наукам, что в этом отношении из средневековых властелинов с ним мог сравниться разве лишь Альфред Великий, король Англии. По поручению Рожера и в соавторстве с ним Идриси 15 лет трудился над картой мира, выгравированной на серебре. Оригинал этой карты утерян, но копии сохранились. Дошел до нас и сопровождающий карту текст, составленный Идриси и названный по имени его покровителя «Книгой Рожера»[1]. В 1154 г. этот фундаментальный труд был закончен, а через несколько недель, 26 февраля, король Рожер скончался в возрасте 58 лет.

Карта Идриси, которую называют также «*Charta Rogeriana*», убедительно показывает, что географические познания арабов значительно превосходили сведения христианского мира, зафиксированные в относящейся к тому же периоду, но в высшей степени примитивной Херефордской карте, датированной 1280 г.[2] Исследование карты Идриси, предпринятое Конрадом Миллером, издавшим ее в 1928 г.[3], показывает, что кругозор великого арабского ученого простирался на запад вплоть до Канарских островов, известных ему, очевидно, все же лишь по описаниям Птолемея (см. гл. 110,

---

[1] Впервые вышла из печати в 1592 г. в Риме на латинском языке, впоследствии издана в 1619 г. в Париже Габриэлем Сионитой и Иоанном Эсронитой под крайне неудачным названием «Geographia Nubiensis».

[2] Изображение Херефордской карты см. К. А. Салищев, Основы картоведения, часть историческая и картографические материалы, М., 1948, стр. 41. Там же дано описание этой карты, которая была составлена аббатом Хелдинхемом и хранится в соборе города Херефорд (Англия).— *Прим. ред.*

[3] K. Miller, Charta Rogeriana, nebst Erläuterung zur Weltkarte des Idrisi, Stuttgart, 1928 [см. также А. Умняков, Из литературы об ал-Идриси, «Вестник Древней Истории», 1939, № 1, стр. 191—198.—*Ред.*]

т. III, гл. 134 и 143). До Миллера специальное исследование о карте Идриси было опубликовано Лелевелем[1].

Не удивительно, что арабский географ обладал достоверными сведениями о юге и юго-западе Европы. Но он обнаруживает так же хорошее знание Центральной Европы, в том числе германских рек, например Дуная (*Danu*), Рейна (*Arin*) и Эльбы (*Alba*), и таких городов, как Кёльн, Майнц, Базель, Аугсбург, Регенсбург, Гданьск и Эльблонг. Неплохо ориентируется Идриси и в Северной Европе. Очевидно, здесь сыграло роль норманское происхождение его патрона и соавтора. Идриси известны Дания и Шлезвиг (*Snislua*), однако он считает Скандинавию (или только Норвегию?) островом, а шведские города Кальмар (*Chalmar*) и Сигтуну (*Sigdam*) ошибочно помещает на восточном побережье Балтийского моря, причем Сигтуна оказывается на берегу реки Гёта-Эльв (*Qutelw*). Идриси обнаруживает знание Финмаркена, Эстонии, Финляндии (*Tabast*), упоминает остров Амазонок в Балтийском море (имея, очевидно, в виду группу Аландских островов), реку Неву, Ладожское и Онежское озера, Двину и даже, кажется, Печору. Арабский географ знает русские реки Днепр и Днестр, Дон и Волгу, которой он, правда, как и араб Масуди за 200 лет до него[2], ошибочно приписывает впадение в Черное море[3]. Располагает он и многими другими географическими сведениями.

Разумеется, магометанские страны Азии и Африки Идриси знает прекрасно. Впрочем, и его сведения о севере Азии простираются до Или и Енисея, до Байкала, Орхона, Онона и Амура. Кроме того, он первым среди европейских географов помещает в Центральной Азии Тибет (под названием Тоббат).

Особая проблема заключается в том, что́ Идриси понимал под «горами Куфайя, включающими Гогу и Магогу» (*гебел куфайя ал мухит би ягуг уа магуг*). В гл. 89 уже говорилось о том, что, по воззрениям арабов, Александр Македонский якобы построил огромный вал, преградивший воинственным племенам Северной Европы путь в культурные страны на юге этого материка; упоминалось и о том, что различные арабские географы средних веков связывали эту легенду с постройкой Великой Китайской стены. Поэтому очень странно, что именно Идриси, величайший из арабских географов, ничего не знает об этом сооружении, тем более, что еще за 200 лет до него Масуди, а через 200 лет Ибн-Баттута имели о нем сведения. Впрочем, один из лучших знатоков Идриси, Миллер, утверждает, что этот арабский географ определенно ничего не знал о Великой Китайской стене (см. гл. 89). Миллер считает, что под горной страной, включающей «Гогу и Магогу», надо понимать Алтай.

Однако еще в X в. мусульманские ученые обладали достаточными знаниями географии Центральной Азии, например Масуди и один неизвестный

---

[1] J. L e l e w e l, Analyse des plusieures sections des VI et VII climats de la description d'Edrisi, «Géographie du moyen-âge», Bruxelles, 1852, v. III—IV, p. 73 (и след.).

[2] M a s u d i, Medows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841, p. 412, 416.

[3] M a s u d i, Les prairies d'or, ed. Jaubert, Paris, 1840, t. II, p. 332.

персидский географ. В прекрасном труде перса, датированном 982 г., очень точно описаны горы Центральной Азии. Он вошел в сборник «Худуд ал-Алам» («Страны мира»)[1]. Поэтому автор не разделяет мнения Миллера. На изданной им самим карте Идриси вышеупомянутая горная цепь тянется на несколько тысяч километров от побережья Восточного океана в глубь Центральной Азии, то есть именно там, где проходит Великая Китайская стена. Поскольку Идриси помещает эти «горы» в северо-восточной части Азии, трудно понять, на каком основании Миллер считает, что арабский географ имел в виду Алтай. Но если гряда «Гога и Магога» начинается у побережья океана («Моря тьмы»), то есть там, где, по Масуди, начинается «стена Гога и Магога», и кончается она в степях Центральной Азии, то напрашивается вывод, что арабский географ показал Великую Китайскую стену.

О Китае Идриси также сообщает много конкретных сведений. Но особенно интересно его описание побережья Восточной Азии и прилегающих к нему островов. Обширный полуостров, названный Идриси островом Гиацинтов (*джезире ал-якут*), по мнению Миллера, должен соответствовать Ляодунскому полуострову в Желтом море. На большом удалении от него он изображает в Восточном океане большие группы островов, которые называет «Сила» и «Ваквак». В гл. 101 уже говорилось о том, что эти названия надо отнести к Корее и Японии, которую Масуди за 200 лет до того именовал эс-Сабал[2].

По Идриси, восточное побережье Африки южнее Аденского залива тянется от мыса Гвардафуй на восток до широты Японских островов. Итак, земля кафров (*ард ал-кафара*) расположена у Идриси непосредственно к югу от Аденского залива, Момбаса — у входа в Персидский залив, побережье Софалы — южнее Цейлона, Мадагаскар под названием острова Камара входит в Зондский архипелаг, а далекая страна Ваквак (*ард ал-вакваk*) находится вблизи Японских островов.

Пока еще не выяснено, кто виноват в этих грубых искажениях и какие сведения привели к заблуждениям. Птолемей, очевидно, лишь повторил чьи-то ошибки: из-за него они оказывали влияние на географические исследования в течение всего последующего тысячелетия. Гумбольдт подробно изучал этот вопрос, однако не смог прийти к определенному выводу[3]. В качестве возможных авторов гипотезы о том, что Индийский океан является внутренним морем, он называет Марина Тирского или Гиппарха и с известными оговорками даже Аристотеля[4].

Поскольку Птолемей считался главным авторитетом у арабских ученых средневековья, можно предположить, что Идриси именно под его влиянием представлял себе Индийский океан внутренним морем, которое омывает на юге берега огромного континента[5], соединяющего Восточную Афри-

---

[1] The Strange, The lands of the Eastern Caliphate, London, 1930.
[2] Masudi, Meadows of gold and mines of gems, ed. A. Sprenger, London, 1841, v. I, p. 358.
[3] A. Humboldt, Examen critique, Paris, 1836, t. I.
[4] Aristoteles, De coelo, II, 14.
[5] Ptolemäus, IV, 9; VII, 3, 5.

Рис. 11. Карта мира Идриси, выполненная на серебре (копия).
См. Youssouf Kamal, Monumenta Cartographica, 1934, t. III, fasc. 4, No 825.
[Ориентирована севером вниз.—*Ред.*]

ку с Восточной Азией. Свидетельства арабских мореплавателей о том, что на юге нет суши[1], о чем упоминает в своих трудах Масуди еще за 200 лет до Идриси, не смогли поколебать авторитета Птолемея. Ошибочные представления греческого географа о Восточной Азии образно охарактеризовал Рихтофен: «Птолемей смотрел раздельно то правым, то левым глазом и не мог стереоскопически связать оба изображения»[2].

Представление арабов, помещавших страну Ваквак то на месте Кореи и Японии, то на юго-востоке Африканского континента, также объясняются этим неумением связать воедино разрозненные сведения. Ошибка Идриси тем более непростительна, что еще за 100 лет до него араб Бируни сделал осторожную попытку опровергнуть Птолемея. Бируни писал, что на юге Африки находится узкий пролив, соединяющий Индийский и Атлантический океаны[3]. Поскольку это предположение было известно Абу-л-Фиде, трудно предположить, что с ним не был знаком Идриси. Однако подавленный авторитетом Птолемея, он попросту не обратил на него внимания.

По мнению Миллера, достоверные знания Идриси о Восточной Африке распространились «до бухты Делагоа»[4], то есть до 25—26° ю. ш. Однако доказанным можно считать лишь знакомство арабов с побережьем Африки до Иньямбане (см. гл. 108), то есть до точки севернее 24° ю. ш.

Северную часть Африки Идриси, разумеется, знал прекрасно. Ему было известно, что Голубой Нил берет начало в озере Тана, а Белый Нил вытекает из трех огромных болот у подножия Лунных гор, в среднем течении поворачивает к западу, а затем, обогнув Страну золота—Ванкару, мимо города Гана (на Нигере!) впадает в Атлантический океан (см. т. I, гл. 18 и т. III, гл. 127). В общем это мнимое русло «Суданского Нила» представляет собой южную «границу» известных Идриси областей центрального и западного Судана. Тропическую зону Африки он совсем не знал; Идриси просто отмечает «пустыни и пески за линией, разделяющей землю на две половины», то есть за экватором. Земли Северо-Западной Африки, которую населяли или посещали арабы, были ему хорошо известны, однако и здесь сведения Идриси ограничивались побережьем, не распространяясь на южные районы и не выходя за южную границу Марокко. Но Канарские острова у арабского географа все же фигурируют под названием Калидат. Каких-либо иных сведений о южной части океана, которые можно было бы идентифицировать с достаточной достоверностью, Идриси не дает.

Впрочем, сведения Идриси о западе Африканского континента распространяются дальше на юг, а именно до Нигера, южнее 12° с. ш. Это объясняется тем, что здесь, как и в Стране золота на верхнем Сенегале, мусульманские купцы вели оживленную торговлю (см. т. III, гл. 144), и во всех

---

[1] M a s u d i, Les prairies d'or, ed. Jaubert, Paris, t. I, p. 280.

[2] F. R i c h t h o f e n, Über die centralasiatische Seidenstrasse bis zum 2. Jahrhdt. n. Ch., «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1877, S. 113.

[3] R e i n a u d, Fragments arabes et persans, «Journal Asiatique», 1844, VIII, p. 239.

[4] K. M i l l e r, Erläuterung zur Weltkarte des Idrisi, Stuttgart, 1928, S. 4.

этих странах господствовал ислам. Ведь именно здесь мусульмане еще в 943 г. основали знаменитое в свое время царство Мали[1]. Поэтому Идриси известен «самый крупный и оживленный торговый город негров» Гана, который вплоть до его разрушения в 1240 г. был важнейшим центром Западной Африки[2].

На крайнем юго-востоке карта мира Идриси по непонятным причинам не отражает уровня географических знаний арабов XII в. Ява и Суматра были известны еще Птолемею, как, вероятно, Борнео и Филиппины (см. т. I, гл. 58). В 950 г. Масуди также упоминает о Борнео под названием острова Кидрандж, «откуда привозят камфару»[3]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что эти острова показаны и на карте Идриси. В остальном же труд Идриси, видимо, не отразил всех географических сведений о Юго-Восточной Азии, полученных арабскими мореплавателями. Ведь еще Масуди в 950 г., а через 300 лет Казвини очень верно описывали сумчатое животное синад, указывая, что его детеныши в течение семи месяцев живут в чреве матери, покидая его лишь на время принятия пищи[4]. Однако сумчатые не водятся на Яве, Суматре и Калимантане (Борнео); их первые представители начинают встречаться лишь на Сулавеси (Целебесе) и Флоресе. Эти живущие на деревьях длиннохвостые животные величиной с кошку относятся к кускусам (*Phalanger maculatus Geoffr.*). Между тем настоящий кенгуру (*Thylogale brunii*), распространяясь на северо-запад от своей родины Австралии, достигает лишь островов Ару и Кай[5]. Сейчас трудно установить, какое именно сумчатое животное описывал Масуди или то лицо, на которое он ссылается. Поэтому нельзя сделать окончательный вывод о том, какого пункта восточнее Явы достигли арабские мореходы. Впрочем, вполне вероятно, что они иногда преднамеренно добирались до более отдаленных островов или муссоны заносили их суда далеко на восток. Отсюда можно с достаточной уверенностью предположить, что арабам были известны обширные территории на юго-востоке.

В литературных источниках нет указаний на то, что арабские мореплаватели торговали с жителями стран, расположенных восточнее упоминаемых Масуди и Идриси Зондских островов. Но тот факт, что уже в IX в. в рассказах Синдбада Морехода сообщается об особых островах Перца, позволяет сделать подобное предположение. Ведь такими сведениями арабы могли располагать лишь в том случае, если им были известны Молуккские острова.

Географы античности и средневековья, в том числе Птолемей и Идриси, не обнаруживают знания Молуккских островов. И все-таки, очевидно, что торговые связи с этим архипелагом были установлены в период упадка антич-

---

[1] «Enzyklopädie des Islam», B. 3, S. 261. [Цари государства Мали в XIII и XV вв. объединили все страны в верховьях рек Сенегал и Нигер.— *Ред.*]

[2] J. Marquart, Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde, Leiden, 1912, S. CXXX (и след.), CXLIX (и след.).

[3] Masudi, op. cit., t. I, p. 340.

[4] Masudi, ed. Barbier de Meynard, Pavet de Couteille, Paris, 1861, t. I, p. 95; O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 95.

[5] Письменное сообщение д-ра Рейзингера из Зоологического института при Кёльнском университете от 16 октября 1931 г.

ного мира. Упоминаемые Плинием пряности *garyophyllon*[1] могут быть только перечисляемой также в таможенных тарифах II в. гвоздикой[2], которая до 1605 г. росла лишь на входящем в состав Молуккской группы вулканическом острове Хальмахера (Джайлоло)[3].

У Птолемея этот остров не упоминается, но уже араб Казвини в XIII в. рассказывает о мускатных орехах и гвоздике, которые выменивались арабскими купцами на острове Бартибил.

Согласно тщательному исследованию, проведенному Гильдемейстером[4], это сообщение Казвини также должно быть отнесено к Молуккским островам. Сопоставив эти данные с сообщением Масуди о сумчатом животном, мы приходим к несомненному выводу, что географические знания отважных и предприимчивых купцов и мореходов при жизни Птолемея и Идриси намного превосходили осведомленность этих величайших географов своего времени.

Некоторые признаки свидетельствуют о том, что арабы иногда заплывали далеко в просторы Тихого океана. Ведь сделал же Кон неожиданный, но убедительный вывод о том, что в современном языке микронезийцев содержится множество арабских слов, лишь слегка видоизмененных в соответствии с переходом на иную артикуляционную базу. Вот что пишет Кон:

«Вероятно, общение между этими народами длилось в течение ряда поколений, иначе нельзя объяснить обилия и характера сохранившихся поныне следов арабского влияния... Впервые связь между ними могла возникнуть случайно, в результате того, что в Микронезию было занесено арабское судно, направлявшееся к Малайскому архипелагу»[5].

Кон предполагает даже «длительное» владычество арабов на островах Океании, а также наличие там в прошлом постоянных арабских поселений. По его мнению, иначе нельзя объяснить проникновение арабской культуры средневековья на острова, расположенные далеко в Тихом океане. На острове Яп[6], Новых Гебридах и других островах Тихого океана как будто обнаружены даже многочисленные следы влияния мусульманской религии[7]. Впрочем, сколько-нибудь удовлетворительного ответа на вопрос о том, в каком веке, при каких обстоятельствах и по какому поводу возникло это арабское влияние, получить не удается. Тем не менее факт остается фактом. Кон полагает, что арабы появились на островах Тихого океана еще до X в., причем остров Понапе был центром их поселений[8]. Хотя лингвистические доказательства выдвинутых им гипотез опровергнуты и объявлены Демпвольфом несо-

---

[1] P l i n., N. H., XII, 15.
[2] L. 16, § 17, Dig. lib. XXXI, tit. IV.
[3] J. C r a w f o r d, Dictionary of the Indian Islands, London, 1856, p. 104.
[4] J. G i l d e m e i s t e r, Scriptorum Arabum de rebus Indicis loci, Bonn, 1938, p. 201 (и след.).
[5] L. C o h n, Spuren der Araber in der Südsee, «Deutsche Geographische Blätter», Bremen, B. 39 (19), S. 55.
[6] На острове Яп как будто удалось установить также следы старой венецианской культуры, которая могла быть занесена туда только арабами. См. «Petermanns Mitteilungen», 1924, S. 68.
[7] L. C o h n, op. cit., S. 93.
[8] Ibidem, S. 92, 162.

стоятельными[1], все же вероятность пребывания арабов на некоторых островах Тихого океана можно считать доказанной. Взять хотя бы такие факты, что на стеклянных и бумажных деньгах острова Яп неоднократно попадаются арабские письмена[2] или что испанцы, впервые достигнув в 1521 г. острова Себу, входящего в Филиппинский архипелаг, встретили там одного араба. Все это доказывает, что арабы не боялись предпринимать дальние плавания по Тихому океану. Об этом говорится и в труде Ибн-Баттуты. Независимо от Кона, Пассарге тоже отмечает неожиданное обнаружение арабского этнического типа на островах Тихого океана[3].

Однако великий Идриси, видимо, ничего не знал о всех этих событиях. Между тем Масуди, живший за 200 лет до него (правда, намного восточнее, в Месопотамии), очевидно, имел какое-то представление об огромных архипелагах в Тихом океане. Так, например, в труде Масуди мы находим сообщение о том, что там расположено 1900 обитаемых островов. Этих островов так много, что самый быстроходный парусник за два года не сможет их объехать[4]. Арабские ученые, так же как и многие географы христианского мира в период раннего средневековья, например Беда Достопочтенный в VIII в. и Адам Бременский в XI в.[5], уже хорошо знали, что Земля имеет шарообразную форму. Ведь Масуди пишет о возможности кругосветного плавания. Правда, он намного преувеличивает размеры нашей планеты, когда указывает, что такое путешествие должно продлиться 500 лет[6]. Более того, Абу-л-Фида еще в XIV в. догадался, что при кругосветном плавании будут либо потеряны, либо выиграны одни календарные сутки[7].

Все сведения арабов о юго-востоке собраны и прокомментированы Ферраном[8]. Элементы легендарности в этих сообщениях анализируются в специальной работе Мжика[9].

Китайцы в те времена также, видимо, догадывались о существовании огромных архипелагов на Тихом океане. Ведь Марко Поло, основываясь, несомненно, на китайских источниках, сообщает о наличии там 7440 островов[10]. А за полвека до него армянин Хайтон (см. т. III, гл. 122) вскоре после 1250 г. пишет следующее о стране Катай:

---

[1] «Petermanns Mitteilungen», 1924, S. 179.
[2] Ibidem, 1925, S. 68 (и след.).
[3] S. Passarge, Geographische Völkerkunde, Frankfurt a. M., 1934, B. III, S. 113.
[4] Masudi, op. cit., t. I, p. 350, 355.
[5] Beda Venerabilis, De natura rerum, cap. 46; Adam von Bremen, IV, 37.
[6] Masudi, op. cit., t. I, p. 377.
[7] Abulfeda, ed. Reinaud, Proleg., p. 4.
[8] G. Ferrand, Relations de voyages et textes géographiques Arabes, Persans et Turks relatifs à l'extrême Orient du VIIIe au XVIIIe siècle, «Documents historiques et géographiques relatifs à l'Indochine publiés sous la direction de H. Cordier et L. Finot», Paris, 1913—1914.
[9] Hans Mžik, Parageographische Elemente in den Berichten der arabischen Geographen über Südostasien, «Beiträge zur historischen Geographie, Kulturgeographie, Ethnographie und Kartographie, vornehmlich des Orients», Leipzig—Wien, 1929.
[10] «Книга Марко Поло», кн. III, гл. 4 (161).

«Там в море расположено столько островов, что их до сих пор не смогли сосчитать, ибо еще никому не удалось побывать на всех»[1].

Еще за 1000 лет до Марко Поло в китайских хрониках «Вэйши» (III в. н. э) отмечается, что острова Тихого океана тянутся на 5000 миль и что кораблю нужен год, чтобы достичь самых отдаленных из них[2].

Благодаря счастливой случайности мы имеем возможность сравнить созданную Идриси великолепную карту мира в представлении арабов с китайским трудом несколько более позднего происхождения — учебником географии «Чуфаньчи» («Описание варварских народов»), написанным Чжао Ю-гуа, инспектором морской торговли[3]. Достоверно доказано, что он занимал эту должность в расположенном в провинции Фуцзянь морском порту Цюаньчжоу, знаменитом Зайтуне позднего средневековья[4]. Имеется хороший перевод его труда на английский язык[5]. Эта книга, написанная, по мнению Хирта и Рокхилла[6], между 1242 и 1258 гг., а по данным Пеллио[7] — еще в 1225 г., лучше всего отражает состояние географической науки в Китае XII и XIII вв. Поскольку автор ее был «шибоши» (инспектором морской торговли), он был хорошо осведомлен о всех странах и побережьях, с которыми китайцы вели морскую торговлю, в то время как, например, о древних и очень важных путях сообщения внутри Азиатского континента сведения его страдают неполнотой.

У Чжао Ю-гуа очень своеобразное понятие об Индии. Европейцы тоже смутно представляли себе, что кроется за этим названием, например Птолемей называл Индией всю Юго-Восточную Азию (см. т. I, гл. 58). Напротив, Чжао Ю-гуа понимал под «Индией»[8] также «все страны, расположенные по ту сторону, то есть на запад от собственно Индии, на побережье Индийского океана»[9].

Такое понимание без существенных поправок было воспринято и Марко Поло. Он говорит о «Великой Индии», простирающейся от Малабарского берега до Оманского залива, затем о «Малой Индии» (Индокитай), а также о «Средней Индии», включающей Аравию и Эфиопию[10]. Очевидно, что на Марко Поло оказали влияние воззрения китайских ученых.

Автор этих строк считает вполне вероятным, что склонность европейцев в более позднее время называть Эфиопию Африканской Индией (см. т. IV,

---

[1] «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, p. 419.

[2] A. W e d e m e y e r, Japanische Frühgeschichte, Tokio, 1930, S. 182.

[3] A. W y l i e, Notes on chinese literature, Schanghai—London, 1922, p. 60.

[4] Fr. H i r t h, Chinesische Studien, München—Leipzig, 1890, S. 30. [См. Я. М. С в е т, По следам путешественников и мореплавателей Востока, М., 1958, стр. 111.— *Ред.*]

[5] C h a u-J u-K u a, Chu-fan-chi (пер. Хирта и Рокхилла), St. Petersburg, 1911; F r. H i r t h, Das Reich Malabar nach Ju-Kua, Leiden, 1895.

[6] Ibidem, S. 137 (примечание 2).

[7] «T'oung pao», 1912, p. 449.

[8] R. H e n n i g, Der Begriff «Indien» in älteren Literaturwerken, «Geographische Wochenschrift», 1935, S. 172.

[9] C h a u-J u-K u a, op. cit., p. 25.

[10] «Книга Марко Поло», кн. III, гл. 38 (и след.). [См. гл. 193 русского перевода.— *Ред.*]

гл. 179) объясняется влиянием Марко Поло, воспринявшего взгляды китайских географов.

Несомненно, китайский географ был детально знаком с трудами арабских ученых, поскольку он обнаруживает знание только тех стран Восточной Африки и Средиземноморья, которые исповедуют ислам. Так, в Европе ему известны лишь южная, то есть мавританская часть Испании, которую он именует Муланьпи[1], затем Сицилия, которая в то время находилась под сильным влиянием арабской культуры, и, наконец, что весьма странно и характерно, безыменная страна, где «день длится только 6 часов». Очевидно, под ней нужно понимать те области Восточной Европы — между Волжской Болгарией и Чердынью, — с которыми арабы поддерживали оживленную торговлю (см. гл. 98).

На Африканском материке в «Чуфаньчи» упоминаются следующие (сплошь мусульманские) страны: Египет (Усили), Марокко (Моцела), берег Сомали (Хунли), берберийское побережье (Бибало), Занзибар (Цёнба) и, видимо, также Пемба и Мадагаскар (Куньлуньцёнци).

Обращает на себя внимание указание на то, что Занзибар «на западе простирается до высоких гор»[2]. Хирт полагал, что под этими горами нужно понимать Килиманджаро[3]. Но поскольку у Масуди Занзибар тянется до верховьев Нила, а Нил берет начало в горах «эль Комр», то есть в «Лунных горах» по терминологии Птолемея[4], автору этих строк кажется несомненным, что имелся в виду горный массив Рувензори и что, таким образом, сведения Чжао Ю-гуа распространились и на этот район.

Кроме того, китайский автор знал о ветре пустыни — самуме, о Фаросском маяке, о жирафе, а также об африканской зебре, «похожем на мула животном, покрытом коричневыми, белыми и черными полосами»[5]. И хотя Чжао Ю-гуа явно заимствует многие сведения у арабских ученых, его книга производит впечатление самостоятельного исследования[6]. Хирт справедливо считает, что Чжао Ю-гуа «занимал ведущее положение среди этнографов средних веков»[7]. Кроме того, Хирт высказал следующее интересное суждение о книге китайского географа:

«Мы имеем дело не с записками путешественника, а скорее с тщательным исследованием опытного специалиста, который умеет правильно использовать знания людей, чьими сообщениями он пользуется; не исключена даже возможность того, что большая часть книги является переводом[8] уте-

---

[1] C h a u-J u-K u a, op. cit., p. 142.
[2] Ibidem, p. 126.
[3] Ibidem.
[4] M a s u d i, op. cit., t. I, p. 232.
[5] C h a u-J u-K u a, Chu-fan-chi, p. 128, 143, 146.
[6] L. d e R o s n y, Peuples orientaux connus des anciens Chinois, Paris, 1886, p. 48 (и след.).
[7] «Journal of the Asiatic Society», 1896, p. 82.
[8] Неарабский источник представляется весьма маловероятным. Ряд характерных особенностей указывает на то, что использовались арабские материалы, в частности упоминание страны, где «день продолжается всего 6 часов».

рянного позднее сочинения арабского или какого-либо другого автора»[1].

Хирт посвятил анализу этнографических сведений Чжао Ю-гуа специальное, очень содержательное исследование[2]. Собственные познания китайцев о зарубежных странах в то время были невелики. Гордая любовь китайцев к своей родине нередко была причиной пренебрежения к ознакомлению с другими странами. Этим объясняются такие курьезы, как известное сообщение одного китайского географа об Италии. В 1778 г. он знал о ней только то, что там имеется остров, на котором и петухи несут яйца[3].

У Чжао Ю-гуа таких небылиц не встретишь, однако и он ничего не знает о Центральной и Северной Азии. Создается впечатление, что только после монгольского нашествия в 1211 г. взоры китайских географов постепенно обращаются в глубь континента (см. т. III, гл. 118). Это обстоятельство и способствовало появлению гораздо более всеобъемлющего труда Марко Поло, датируемого 1298—1299 гг.

Ценным дополнением к книге «Чуфаньчи» является другой китайский литературный памятник, относящийся к 1178 г., то есть к тому же периоду. Он называется «Линвайтайда» и принадлежит перу Чжоу Цю-фея. В этом труде сообщается, между прочим, о том, что обычно корабли из Двуречья совершают плавание к берегам Китая и обратно за два года и что «чужеземные корабли при попутном ветре могут делать по 1000 ли (500 *км*?) в сутки»[4]. Кроме того, в этом источнике еще раз подчеркивается, что арабы предпочитают Зондский пролив Малаккскому[5].

Уровень развития географической науки у арабов позднего средневековья гораздо выше, чем у китайцев, которые к тому же много заимствовали у арабов. Френ справедливо замечает по этому поводу:

«Нет ничего удивительного в том, что арабы в свое время обладали весьма обширными познаниями в области истории, географии и этнографии и что в этом отношении с ними не мог сравниться ни один народ»[6].

Только во всем, что касается Атлантического океана, географические сведения арабов удивительно скудны и неопределенны. Даже при описании Гибралтарского пролива у Идриси проскальзывают фантастические сообщения. Он рассказывает, что Средиземное море раньше не имело выхода в Атлантический океан и что пролив был недавно вырыт людьми[7]. Арабы всегда слабо развивали мореходство в Атлантическом океане, причем плавали лишь в водах, омывающих с запада Пиренейский полуостров и Северное Марокко,

---

[1] F r. H i r t h, Chinesische Studien, München — Leipzig, 1890, S. 31.

[2] F r. H i r t h, Chao-Ju-Kua's Ethnographie: Table of contests and extracts regarding Ceylon and India, and some articles of trade, «Journal of the Royal Geographic Society», 1896, p. 477.

[3] «Büschings Magazin der Historiographie und Geographie», Hamburg, 1767—1788, B. XIV, S. 557.

[4] G. F e r r a n d, Le K'ouen Louen et les anciennes navigations interocéaniques dans les mers du sud, «Journal Asiatique», 1919, t. 14, p. 58 (и след.).

[5] Ibidem, p. 41 (и след.).

[6] C h r. M. F r ä h n, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. XXVII.

[7] E d r i s i, op. cit., v. II, p. 30.

да и то не часто. Причины этого разбираются в гл. 113. Все же Идриси имел сведения о Канарских и Британских островах, а также об Исландии (*reslande*), которая у него, правда, оказывается гораздо ближе к Шотландии, чем в действительности. Здесь, очевидно, сказались знания сотрудничавшего с Идриси короля Сицилии Рожера II, так как об экспедициях арабов к северным островам Атлантического океана ничего неизвестно. Впрочем, возможность такой экспедиции не исключается.

В 1836 г. в Миодале на территории исландского округа Мюрара были найдены две куфические монеты[1], но они могли попасть туда не только через арабских купцов. Ведь арабские монеты в X в. имели хождение даже в германских торговых городах (см. гл. 98).

Скудность географических сведений арабов об Атлантическом океане бросается в глаза. Тем более удивительной кажется уверенность, с какой уже Идриси высказывает ту же гипотезу, с которой выступили позже Тосканелли и Колумб, а именно, что Атлантический океан на западе омывает берега страны Катай (Китая). Мы находим у него следующие строки:

«Китайское море — это рукав океана, который и есть Море тьмы»[2].

На нашем языке это означает, что Китайское море представляет собой залив Атлантики!

В общем следует согласиться с оценкой заслуг Идриси, сделанной Миллером, который утверждает, что «Идриси не уступает великому Птолемею»[3]. Правда, Идриси не отличается объективностью греческого географа, поскольку исламистские воззрения зачастую затуманивают взор ученого, а «иудеи и христиане для него все равно, что морские разбойники или язычники»[4]. И все же представление Идриси о мире более всеобъемлюще и точно, чем то, какое было за 900 лет до него у Птолемея. В этом он многим обязан соавторству норманского короля Рожера II, который обогатил труд Идриси сведениями о северных землях, остававшихся до того, разумеется, неизвестными арабам. Именно 15-летним сотрудничеством араба и норманна объясняется появление этого труда, венчающего средневековую географию. Миллер был совершенно прав, когда отмечал:

«Нельзя упускать из виду тот факт, что при создании этого труда объединились две величины; это объединение и обусловило появление труда, представляющего вершину географической науки античности и средневековья»[5].

Идриси, несомненно, был самым роскошным цветком на древе арабской средневековой географии. Подобно тому как Птолемей венчает развитие античной географии, Идриси завершает географию эпохи, предшествовавшей монгольским завоеваниям, которые послужили толчком к новым географическим открытиям.

---

[1] Статья Торстейна. См. «Rapports des séances annuelles de la Société Royale des Antiquaires du Nord de 1838 et 1839».

[2] E d r i s i, op. cit., v. I, p. 87.

[3] K. M i l l e r, Mappae Arabicae, Stuttgart, 1926, B. II, S. 163.

[4] K. M i l l e r, op. cit., B. I, S. 25.

[5] Ibidem, S. 24.

ГЛАВА 113

АРАБСКИЕ «СМЕЛЬЧАКИ» В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

(до 1147 г.)

Именно из Лиссабона смельчаки отправились в экспедицию, имевшую целью исследование океана и установление его границ... Недалеко от теплых источников в Лиссабоне до сих пор еще есть улица, носящая название улицы Смельчаков.

Вот как происходило это событие. Восемь близких родичей объединились, построили торговое судно и нагрузили его водой и провиантом в количестве, достаточном для многомесячного плавания. При первом же восточном ветре они вышли в море. Через 11 дней плавания они подошли к морю, волны которого испускали ужасающее зловоние и таили в себе многочисленные, трудно различимые рифы. Испугавшись возможной катастрофы, они изменили курс и в течение 12 дней плыли на юг, пока не достигли, Овечьего острова, где неисчислимые стада паслись без присмотра.

Ступив на остров, они нашли бьющий из-под земли источник и невдалеке дикую смоковницу. Они поймали несколько овец и закололи их, но мясо оказалось таким горьким, что есть его было нельзя. Поэтому они, оставив себе только шкуры убитых овец, плыли еще 12 дней на юг и, наконец, увидели остров, который казался обитаемым и обрабатываемым. Они приблизились к этому острову, чтобы выяснить, кто его населяет. Их судно тотчас же окружило множество лодок, а самих мореходов забрали в плен и доставили в город, расположенный на берегу. Войдя в дом, они увидели высоких краснокожих мужчин, длинноволосых и почти безбородых, и женщин поразительной красоты. В течение трех дней их держали взаперти в одном из покоев этого дома. На четвертый же день к ним пришел человек, умевший говорить по-арабски, и спросил их, кто они такие, зачем прибыли и откуда родом. Они рассказали о всех своих приключениях, тот человек ободрил их и сообщил, что он — переводчик короля.

На следующий день их доставили к королю, который задал им те же вопросы, на которые они дали те же ответы, что и переводчику накануне: они рискнули пуститься в плавание по морю, чтобы узнать, в чем его своеобразие и каковы его дальние границы.

Услышав их речь, король разразился хохотом и сказал переводчику: «Скажи этим людям, что еще мой отец приказал нескольким рабам отправиться в плавание по этому морю и что они месяц спустя, проблуждав по его просторам, вынуждены были вернуться

и отказаться от невыполнимого намерения, так как полностью исчезла видимость».

Затем король приказал переводчику заверить путешественников в его благосклонности, чтобы они составили себе о нем хорошее мнение, и преуспел в этом. Итак, они вернулись к месту своего заключения и оставались там до тех пор, пока не поднялся западный ветер. Тогда им завязали глаза, отвели на корабль и пустили блуждать по морю: «Мы плыли примерно три дня и три ночи,— рассказывали они,— потом мы пристали к какой-то земле, где нас высадили на берег реки со связанными за спиной руками и предоставили нашей судьбе. Там мы и оставались до захода солнца в очень жалком состоянии, так как веревки резали нам руки и затрудняли движения. Наконец, услышав человеческие голоса, мы принялись кричать и звать на помощь. Вскоре к ним приблизилось несколько местных жителей, которые нашли нас в жалком состоянии, развязали нам руки и обратились с вопросами, на которые мы отвечали рассказом о своих злоключениях. Это были берберы. Один из них спросил: «Знаете ли вы, какое расстояние отделяет вас от родины?» Получив отрицательный ответ, он добавил: «Между тем местом, где вы сейчас находитесь, и вашей родиной лежат два месяца пути».

Тогда глава мореплавателей сказал: «Ах (*wa asafi*)!» Вот почему место это и поныне называется Асафи [Сафи в Марокко][1].

* * *

Мореплаватели, состоявшие в родственных отношениях, запаслись всем необходимым для такого длительного путешествия и поклялись друг другу не возвращаться до тех пор, пока не достигнут противоположного края Моря тьмы[2].

* * *

Ни один моряк не отважится плавать по Атлантическому океану и выйти в открытое море. Все мореходы ограничиваются плаванием вдоль берегов... Никто не знает, что лежит за ним. До сих пор никому не удавалось получить хоть сколько-нибудь достоверные сведения об океане из-за трудностей плавания по нему, слабого освещения и частых бурь[3].

* * *

По этому морю [Атлантический океан] нет судоходства из-за мрака, застывшей воды, сложности фарватера и множества возможностей потерять ориентировку, не говоря уже о скудности

[1] Сообщение Идриси. См. E d r i s i, ed. Dozy, de Goeje, Leiden, 1866, p. 223 (и след.).

[2] Сообщение Ибн-ал-Варди (около 1200 г.).

[3] Сообщение Идриси. См. E d r i s i, op. cit., p. 197.

приобретений, ждущих в конце столь длительного пути. Поэтому древние воздвигли на берегах моря и посреди него сооружения, предостерегающие смельчаков от совершения ложного шага[1].

Хотя арабы были страстными мореплавателями и стремились к исследованию новых земель в теории и на практике, они тем не менее, как уже отмечалось в предыдущей главе, всегда испытывали необъяснимое отвращение к плаванию в Атлантическом океане. За исключением вод к северу и югу от Гибралтарского пролива, Атлантический океан был им, в сущности, неизвестен. Все сообщения их выдающихся географов об Атлантике заимствованы либо у Птолемея[2] и Плиния, либо у христианских авторов. Немало в них также и вымыслов, вроде, например, утверждения великого Идриси, что в Атлантическом океане насчитывается 27 тыс. островов[3].

Создается впечатление, что арабы испытывали страх перед неведомыми опасностями, подстерегавшими их в этих водах. Скорее всего, это объяс-

---

[1] Сообщение Бируни (ум. в 1049 г.). См. R e i n a u d, Fragments Arabes et persans, «Journal Asiatique», 1844, t. VIII, p. 237.

[2] Труды самого Птолемея, как и работы других древнегреческих авторов, примерно до 1200 г. оставались неизвестными ученым христианского мира, которые были лишь поверхностно знакомы с ними по изложению арабских ученых. Еще в 1267 г. Роджер Бэкон писал папе, что во всем христианском мире не найдется и четырех ученых, которые владели бы греческим, еврейским и арабским языками. Альберт Великий, Роджер Бэкон и Винцентий из Бове проложили путь к изучению древнегреческого и арабского языков. Лишь с этого времени начала постепенно рассеиваться «мгла, скрывавшая достижения античной науки», и наметился переход к эпохе гуманизма. См. O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Leipzig, 1865, S. 181. До 1200 г. арабские ученые и в этом отношении превосходили христиан. Такой выдающийся греческий писатель, как Страбон, впервые упоминается вновь только в XV в. Энеем Сильвием. Особенно превосходили арабы европейских ученых в знании античности в X и XI вв. Объясняется это тем, что из-за господства мусульман в Египте христианские ученые очень редко получали доступ к папирусам. [Говоря об упадке научных, и в том числе географических, знаний «во всем христианском мире», автор имеет в виду западноевропейские феодальные государства раннего средневековья. Здесь богословие—идеология феодальной эпохи — не допускало теорий и рассуждений, которые шли бы в разрез с библейским миропониманием, и тем самым тормозило развитие естественных наук. Произведения античных авторов церковь объявила «еретическими».

Роджер Бэкон (около 1214—1294) — выдающийся английский философ и естествоиспытатель, преследовавшийся католической церковью за взгляды, резко расходившиеся с богословской схоластикой и церковным мировоззрением. Его главный труд «Opus majus» (законченный в 1267 г.) включает большое количество географических сведений. Бэкон оказал влияние на Колумба в решении вопроса о возможности достижения берегов Восточной Азии при плавании к западу от Европы. Винцентий из Бове (1200—1264) — французский ученый-доминиканец, автор труда «Всеобщее зеркало» («Speculum majus»), содержащего описание природы, трактат о морали, рассуждения о философии, физике, истории, политике и др.— *Ред.*]

[3] E d r i s i, ed. Dozy, de Goeje, Leiden, 1866, p. 64 (и след.); E d r i s i, ed. Jaubert, Paris, 1836, t. I, p. 202.

нялось зловещими летними туманами у побережья Марокко, которые зачастую держались по целым суткам, оказывая необычайно благоприятное влияние на плодородие прибрежной полосы. «Море тьмы», «Океан мрака», на котором не видно солнца даже в разгар лета, постоянно упоминается в литературных памятниках. Это, очевидно, один из морских ужасов, вроде «магнитной горы». Приведенная выше цитата из Бируни достаточно показательна в этом отношении. Еще в XIV в. Ибн-Халдун (ум. в 1377 г.) писал, что Западный океан недоступен для мореплавания из-за «мглы» (береговые туманы)[1]. Такое представление об Атлантике, как о «Море тьмы», перекочевывает к северным народам, хотя они и не знали, где оно находится. Мы встречаемся с отголосками этого представления в саге о Гудрун[2], а также у Адама Бременского. Последний в одном месте пишет буквально следующее:

«Далее лежат острова Исландия и Гренландия. Их омывает так называемый Океан тьмы (*caligans*)»[3].

Судя по сообщению Адама, жители Северной Европы, хорошо знакомые с Атлантикой, не понимали, что арабы *всю ее* называли «Океаном тьмы». Европейцы полагали, что эта характеристика относится к тем районам, где царит полярная ночь, между тем как арабы понимали под «Морем тьмы», главным образом воды, омывающие побережье Марокко[4].

К прочим морским ужасам, рассказываемым об Атлантике, прибавляются таинственные колонны на краю океана, которые, если верить легенде, предостерегают моряков от выхода за некий крайний предел (см. т. I, гл. 19). Отрывок из Бируни показателен в этом отношении.

Арабы искренне верили в то, что само небо запрещает людям плавать по Атлантическому океану. Если не знать об этом долго державшемся религиозном запрете, то нельзя понять, почему арабы, отважные мореходы, в бесчисленных плаваниях избороздившие Индийский океан и даже познакомившиеся с ближайшими морями Тихого океана, почти ничего не знали об Атлантике, на берегах которой они жили в течение ряда столетий.

Действительно, нам известно лишь об одном плавании в открытом море, предпринятом с побережья Атлантики и определенно носившем исследовательский характер. Идриси описывает этот современный ему поход восьми «ал-магрурим», то есть любителей приключений, смельчаков магометанского вероисповедания. Они вышли из Лиссабона и поплыли на запад, однако вскоре наткнулись на скопление саргассовых водорослей и повернули на юг. Весь этот эпизод представляется достоверным. В нем нет сказочных элементов, и только конец, где автор пытается объяснить происхождение названия города Асафи, сильно напоминает немецкое народное предание о том, как

---

[1] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, Meersburg—Leipzig, 1930, S. 30 (примечание 1).

[2] «Сага о Гудрун», стих 1126.

[3] Adam von Bremen, IV, 10.

[4] T. Fischer, Studien über das Klima der Mittelmeerländer, «Petermanns Mitteilungen», Gotha, 1879, H. 58, S. 25 (и след.); S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, S. 87 (и след.); G. Schott, Geographie des Atlantischen Ozeans, Hamburg, 1912, S. 42, 158, 201, 237.

появилось название Ахальм (вблизи Рёйтлингена). Здесь явно проступает налет легендарности.

Вся эта история ничем не примечательна и не стоила бы нашего внимания, поскольку поход не увенчался успехом, если бы мы не имели дела с единственной засвидетельствованной в источниках попыткой арабов пересечь Атлантику. Точно датировать это плавание нельзя. Гумбольдт отмечает, что в 1147 г. арабы вынуждены были уйти из Лиссабона[1]. Следовательно, плавание было предпринято раньше этой даты, даже «значительно раньше». Чересчур поспешные историки в погоне за сенсацией объявили этот поход открытием Америки! С таким заявлением выступил впервые в 1761 г. излишне экспансивный де Гинь[2]. А поскольку де Гинь даже упоминание Фусана Хуай Шенем (гл. 70) был склонен толковать как сообщение об Америке, то Гумбольдт имел все основания заявить:

«Оба утверждения неудачны и совсем необоснованны»[3].

Более чем рискованной кажется нам также гипотеза Гласа. На основании сообщения «нубийского географа» Идриси о том, что на одном из расположенных на западе островов (Зале) жители без бороды и дыхание их «подобно дыму от горящего дерева», Глас делает вывод, будто здесь речь идет об индейцах, курящих табак[4]. Откуда мог Идриси получить подобные сведения? В том месте, где рассказывается о походе восьми смельчаков, нет никакого намека на Америку, а о каком-нибудь другом плавании арабов по Атлантическому океану нигде не упоминается.

Тем не менее даже в новое время делались попытки объявить этот поход арабов первоначальным открытием Америки[5].

«Застывшее, вонючее море» было истолковано как Саргассово, а далекие страны, до которых добрались мореходы, — как Центральная или Южная Америка. Все это, конечно, беспочвенные фантазии, и вряд ли стоит о них говорить. Если мореплаватели рассказывали, что они видели «краснокожих людей», то это отнюдь еще не означает, что они встретились с американскими индейцами. Здесь уместно напомнить, что и в наши дни люди, обладающие не совсем черной кожей, например в районах со смешанным населением в Эфиопии и в других местностях, называют нас, белых, «краснокожими», а себя «белокожими». Арабы средневековья тоже называли людей белой расы «краснокожими»[6]. Так, например, Ибн-Фадлан пишет, что от Сима произошли люди с коричневой кожей, от Хама — с черной и от Яфета — с красной. Те арабские смельчаки, которые пустились в плавание в 1124 г., могли повстречать белокожих людей. Ведь хотя конечная цель их путешествия и неиз-

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 387.

[2] «Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions», t. XXVIII, p. 502 (и след.).

[3] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 385.

[4] G. Glas, Geschichte der Entdeckung und Eroberung der Kanarischen Inseln, Leipzig, 1777, S. 4 (и след.).

[5] Статья Уатсона. См. «Literary Journal», New York, August, 1884.

[6] Chr. M. Fraehn, Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St. Petersburg, 1823, S. 72. [См. А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана, стр. 141.— *Ред.*]

вестна, однако, вероятнее всего, они высадились на Канарских островах. А здесь в те времена жили светлокожие гуанчи — остатки какого-то северного племени, неизвестно когда попавшие на Канарские острова.

Возможность такого толкования подчеркивал еще Гумбольдт:

«Мне кажется, что цвет кожи и особенности волосяного покрова ясно свидетельствуют о принадлежности их к племени гуанчей»[1].

Трудно предположить, что восемь арабских мореходов вышли из района Атлантики, прилегающего к Северо-Западной Африке. Ведь в самой отдаленной из увиденных ими стран мореходы нашли переводчика, говорившего по-арабски, а потом через три дня на одном из берегов наткнулись на берберов, знавших, сколько продолжается плавание до Португалии. Итак, нет никакого сомнения в том, что весь поход был смехотворно ничтожен по пройденному расстоянию. Думается, не стоит даже говорить о «попытке открыть Америку», как это сделал Ольшевич[2], хотя он и выступает противником выдумок об открытии этого континента арабами. Такая гипотеза слишком несоразмерна с ничтожным размахом экспедиции! Подходящей аналогией этой «экспедиции» арабов может служить бесцельное блуждание насамонов по Сахаре, о котором уже говорилось в I томе (гл. 17).

Отправной точкой для характеристики похода может служить, пожалуй, сообщение о том, что арабы достигли острова, на котором было множество овец. Правда, именно эта часть повествования кажется нам наименее достоверной. На запад от Гибралтара не было в то время никаких «Овечьих островов». Создается впечатление, что этот эпизод заимствован из скандинавских саг, где «Овечьи острова» (то есть Фарерские) упоминаются довольно часто. Между тем, плывя из Лиссабона на запад и юго-запад, никак нельзя попасть на «Овечий остров», тем более на такой, где растут дикие смоковницы. Эта часть рассказа только в том случае становится правдоподобной, если предположить, что вместо овец на острове жили козы. По-арабски остров называется Джезирато л-ганам[3].

Арабист д-р Якоб (Киль) любезно сообщил автору этих строк 23 мая 1936 г. в ответ на его запрос: «Ганам» означает мелкий скот, чаще всего овец. На Востоке имеется так много пород овец и коз, что я часто не мог решить, кто именно предо мной — коза или овца? Обычно козу обозначают словом «анз», а овцу — «шах». Из этого можно сделать вывод, что неопределенное слово «ганам» могло относиться как к овцам, так и к козам.

Стоит лишь принять второе значение слова, как сообщение источника становится совершенно понятным. Ведь в этом случае неизвестный остров, несомненно, можно отнести к Канарской группе. Как известно, еще Плиний упоминал об острове Капрария («Козий остров» древности), который мы теперь называем Фуэртевентурой. Между тем арабское название острова толкнуло д'Авезака на хитроумные лингвистические рассуждения. Он пишет:

---

[1] A. Humboldt, op. cit., B. I, S. 386.

[2] B. Olszewicz, La prétendue découverte de l'Amérique en 1476, «La Pologne au VIIe Congrès Internationale des sciences historiques», Varsovie, 1933, p. 144.

[3] Edrisi, op. cit., p. 6 (и след.).

«Если плыть от Лиссабона 11 дней на запад, затем 12 дней на юг, то попадешь на остров Мадейру. Соответственно остров эль-Генам или эль-Агам, то есть «Остров мелкого скота», оказывается Мадейрой. Арабское название этого острова явно созвучно с итальянским названием *Legname*, которым он был обозначен в новолатинских лоциях, пока португальцы не заменили его современным названием Мадейра»[1].

Эта гипотеза, основывающаяся на одном лишь созвучии, явно несостоятельна. Еще Кунстман считал неправомерным предположение о тождестве «Овечьего острова» или «Острова мелкого скота» с Мадейрой. Ведь в 1419 г., когда Мадейра была открыта португальцами, на ней совсем не было овец. «Это объяснение нельзя считать удовлетворительным, ибо португальцы нашли на острове лишь ящериц, блох и птиц»[2]. Если «Овечий остров», или «Остров мелкого скота», вообще соответствует реальному географическому объекту, то его надо искать только в группе Канарских островов. На эти острова прежде всего указывает и направление, которого придерживались арабские моряки. Утверждение Кунстмана, что «группа Мадейры, несомненно, была известна арабам»[3], также вызывает самые серьезные возражения. Для такого предположения у нас нет хоть сколько-нибудь обоснованных доказательств, поскольку *все* сведения об островах Атлантики у Идриси и других арабских авторов вплоть до XIV в., видимо, заимствованы из античных источников. Особое предпочтение они оказывали Птолемею, который вообще сильно повлиял на арабских географов[4]. Уже в X в. Масуди упоминает птолемеевы острова Блаженных как крайнюю на западе «группу из шести плодородных островов»[5]. Впрочем, не обязательно ссылаться на поход восьми мореплавателей, чтобы стало ясно, какими скудными сведениями об Атлантике располагали арабы. Насколько известно автору, плавание арабов до Канарских островов было единственным в своем роде с II по XIII в. Но крайней мере только оно засвидетельствовано источниками. Остров, где мореплавателей некоторое время продержали в плену, якобы был Лансароте[6]. Поскольку, однако, трудно предположить, чтобы здесь нашелся человек, знавший арабский язык, надо полагать, что происшествие случилось уже на континенте.

Единственный остров Атлантики, на котором, кроме того, могли побывать арабы в XII в., был Арген (см. т. IV, гл. 171)[7].

---

[1] M. A. P. d'Avezac, L'univers pittoresque, Paris, 1848, t. 47: Afrique, IV, II, p. 18.

[2] F. Kunstmann, Die Entdeckung Amerikas, München, 1859, S. 84 (примечание 17).

[3] F. Kunstmann, op. cit., S. 6.

[4] H. Mžik, Ptolemäus und die Karten der arabischen Geographen, «Zeitschrift der Wiener Gesellschaft für Erdkunde», 1915, B. 58, H. 3.

[5] Masudi, ed. A. Sprenger, London, 1841, v. I, p. 195. Как раз 6 Канарских островов называет и Плиний: Апроситус, Юнония, Плуитания, Касперия, Капария и Пинтурия.

[6] P. B. Webb, S. Berthelot, Histoire naturelle des îles Canaries, Paris, 1842, p. 13 (и след.).

[7] Остров Арген (6 *км* в окружности) находится у западных берегов Северной Африки, вблизи мыса Кабо-Бланко.— *Прим. ред.*

Упоминание о «застывшем вонючем море» в рассказе о походе смельчаков свидетельствует о достоверности источника. Однако никоим образом нельзя считать, что речь здесь идет об огромном Саргассовом море на западе. Скорее всего, мореплаватели встретились с одним из небольших скоплений водорослей, какие часто попадаются поблизости от Гибралтарского пролива (см. т. I, гл. 19). Арабы плыли, очевидно, из Лиссабона главным образом в юго-западном направлении и достигли Канарских островов, откуда их, однако, вскоре заставили убраться на континент. Вот как, по всей видимости, происходило дело! Португальцы, стремящиеся утвердить свой приоритет в частичном открытии Канарских островов в 1341 г. (см. т. III, гл. 143), оспаривают факт достижения их арабами[1]. Но у нас нет никаких оснований отрицать этот весьма скромный результат похода смельчаков.

Идриси было кое-что известно о Канарских островах, причем не только из сообщений Птолемея. Это можно утверждать с уверенностью, поскольку у арабского географа встречается краткое сообщение о том, что флотоводцу Ахмеда Ибн-Омара было поручено выйти с эскадрой в море на поиски острова, о существовании которого догадывались по клубам дыма, иногда появлявшимся к западу от Сафи[2]. Вероятнее всего, то были извержения вулкана на острове Тенерифе. Ведь вулканическая деятельность здесь в те времена протекала гораздо интенсивнее, чем теперь. К сожалению, у нас нет сведений о результатах похода эскадры.

Достижение арабами Канарских островов становится правдоподобным и в связи с упоминанием в конце рассказа о странствиях смельчаков названия Асафи. Об этом географическом объекте Идриси сообщает следующее:

«Это самая отдаленная гавань, какой удавалось достигнуть кораблям древних; в наше время (то есть в 1150 г.) суда заходят и на четыре дня плавания дальше»[3].

Из этого сообщения вытекает, что арабские суда обычно избегали заходить в воды, омывающие берега Марокко. Значение Сафи для арабских купцов даже в конце средневековья заключалось в том, что отсюда часто отходили караваны, направлявшиеся через долину Золотой реки (Уэд-Дра) в золотоносные земли негритянского царства Мали (см. т. III, гл. 146). «Маргурим» — арабское название, которое позднее закрепилось за смельчаками, достаточно красноречиво, поскольку оно в переводе означает «обманутые в своих надеждах»[4]. Бросается в глаза сходство между экспедицией арабов и путешествием негритянского султана Мухаммеда Гао в 1300 г. В обоих случаях наблюдается разительный контраст между широковещательной программой («Исследование протяженности океана», «Достижение противоположного берега океана») и более чем скромными результатами (см. т. III, гл. 132).

[1] J. J. da Costa de Macedo, Memoria em que se pretende provar que os Arabes naõ conheceraõ as Canarias ante dos Portuguezes, Lissboa, 1844, p. 86 (и след.), 205 (и след.).

[2] Edrisi, ed. Jaubert, Paris, 1836, t. II, p. 200.

[3] Edrisi, op. cit., t. I, p. 220.

[4] L. Vivien de Saint-Martin, Histoire de la Géographie, Paris, 1873; p. 248 (примечание 2).

ГЛАВА 114

ПУТЕШЕСТВИЯ РАББИ ВЕНИАМИНА ПО ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

(1166 — 1173 гг.)

Отсюда [от Зебида] 8 дней пути до Индии, которая на материке и называется Бедан, иначе Еден, что в Фалассаре[1]. Там высокие горы, на которых живет множество евреев, никому не подвластных. У них свои города и башни на вершинах гор, откуда они спускаются в страну Гамаатон, именуемую Ливией и состоящую под владычеством идумеев [то есть христианских народов.—*Ред.*] Жители этой страны называются ливийцами. Евреи с ними воюют, грабят их и с добычей уходят в свои горы, где никто напасть на них не может. Многие из евреев, живущих в земле аденской, приходят в Персию и Египет...

Из Индии привозят сюда [в Александрию] разного рода пряности и благовонные товары, которые и скупаются идумейскими купцами. Вследствие чего город всегда наполнен иноземными торговцами, которые живут в особо устроенных для каждой нации подворьях...

Оттуда [от Самарканда] четыре дня до области Тобота, в лесах которой добывается мускус. Далее в 28-дневном расстоянии находятся горы Нисбон, на реке Гозан[2]. Некоторые евреи, живущие в Персии, по уроженцы этих мест, говорят, что города нисборгские населены потомками четырех колен израильских: Дана, Завулона, Асира и Неффалима, выселенных Салманассаром, царем ассирийским, в первое пленение[3]...

* * *

Иудейские торговцы говорят на персидском, греческом, арабском, испанском, славянском и франкских языках. Они путешествуют из западных стран в восточные и из восточных стран в западные то по суше, то по морю. С Запада они привозят евнухов, рабынь,

[1] «Четвертая книга царств», гл. 19, стих 12. [Вопреки мнению Вениамина, библейский Эден не имеет ничего общего с Индией и упоминается как одна из областей Ассирии.—*Ред.*]

[2] Не ясно, какой район имеется в виду. Ашер в своем издании считает, что Гозан — это Кизыл-Оцеин (стр. 85).

[3] Отрывок из «Путешествия рабби Вениамина Тудельского». [См. «Три еврейских путешественника XI и XII ст.», СПБ, 1881.— *Ред.*]

мальчиков, шелк, меха и оружие. Они грузятся на корабли на Западном море, в Стране франков, и отправляются в Фараму [восточный рукав Нила]. Оттуда их товары перевозят на спинах животных в Кользом [вблизи Суэца]. Затем они грузят свои товары на корабли в Восточном море и отправляются из Кользома в Хиджаз и Джидду, откуда их путь идет к Синду, Индии и Китаю. В обратный путь они везут с собой мускус, алойное дерево, камфару, корицу и другие продукты стран Востока. Они возвращаются через Кользом в Фараму и в Западном море вновь грузят на корабли свои товары, чтобы продать их либо в Константинополе, либо во франкских странах. Иногда же иудейские купцы направляются по пути с Запада в Антиохию, достигают за три дня Евфрата и попадают в Багдад. Там они плывут на кораблях по Тигру до Оболлы, а оттуда добираются под парусами до Омана, Синда и Китая[1].

* * *

Иудеи из Страны франков отправляются в Фараму, затем за пять суток достигают караванами Кользома, далее плывут на кораблях в Хиджаз, Джидду, Синд и Китай. Они привозят мускат, алойное дерево, камфару, корицу и др.[2]

* * *

Если двигаться прямым путем, то считают, что от Красного моря до Китая около 200 станций, или дневных переходов. Отдельные расстояния следующие: от Красного моря через пустыню до Ирака около 2 месяцев, из Ирака до Балха около 2 месяцев, от Балха до границ ислама в стране Фергане немногим более 20 переходов, от Ферганы через Страну карлуков до домов Тагазгаза немного более 1 месяца, от жителей Тагазгаза до моря, омывающего берега Китая, около 2 месяцев[3].

Испанские и французские евреи нашли путь в страны Дальнего Востока, главным образом в Индию и Китай, гораздо раньше, чем христианские купцы, а именно не позже IX в., как это следует из сообщений Ибн-Хордад-

[1] Сообщение Ибн-Хордадбеха. См. A b u l f e d a, ed. Reinaud, Paris, 1848, *ch.* CVII.

[2] Сообщение Масуди. См. M a s u d i, ed. A. Sprenger, London, 1841.

[3] Сообщение Абу-л-Фиды. См. A b u'l-F i d a, ed. Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1848, p. 297. В связи с этими данными следует иметь в виду, что отдельные этапы пути были отделены друг от друга длительными перерывами на отдых, а зачастую длительными зимовками, ожиданием хорошей погоды и т. п. Путешествие Абу-л-Фиды, продолжавшееся всего $7^2/_3$ месяца, можно рассматривать как своего рода рекорд скорости. Обычно же путешествие в Китай со Средиземного или Красного моря через Азию растягивалось на добрых 3 года, как это видно из описания Марко Поло (см. т. III, гл. 126) и др.

беха. Однако, поскольку иудейские купцы не имели обыкновения вести записи во время своих странствий, их имена остались неизвестными, а об их путешествиях до нас дошли лишь те разрозненные сведения, которые содержатся в трудах арабских географов. В позднее средневековье евреи сталкивались в мусульманских странах, как правило, с меньшими трудностями и препятствиями, чем ненавистные со времен крестовых походов христиане. Евреям послужило на пользу их расовое родство с арабами, быстрая приспособляемость к восточным обычаям, выдающиеся лингвистические способности, облегчавшие в случае нужды возможность сойти за мусульманских купцов.

Между 800 и 1400 гг. христиане не совершили бы, пожалуй, ни торговых, ни миссионерских путешествий в глубь Азии и Китая, если бы появление на востоке материка великих монгольских империй, повелители которых зачастую благожелательно относились к христианам, не создало условий для значительного числа таких поездок между 1245 г. (Карпини) и 1368 г. (свержение монгольского ига в Китае). Впрочем, все эти путешествия совершались в объезд мусульманских владений. Между тем иудейские купцы без особенных затруднений разъезжали по мусульманским странам, пересекая весь Азиатский континент от Атлантического океана до Тихого и в обратном направлении. Часто одни и те же купцы совершали такие поездки по нескольку раз в течение своей жизни, что особенно примечательно, поскольку в те времена торговое путешествие из Испании или Франции в Китай и обратно вряд ли занимало менее 6—7 лет. Более вероятно, что на это уходило гораздо больше времени.

Правда, в случае успешного завершения поездки барыши вознаграждали за риск. Кому удавалось благополучно вернуться даже из одного путешествия, тот, как правило, становился богачом до конца своих дней, тем более, если он, по примеру иудейских купцов, привозил из далеких стран Азии такие драгоценные и редкие товары, как пряности и другие предметы роскоши.

Если бы не упоминания о путешествиях иудейских купцов на Восток в трудах арабских ученых, мы бы так ничего о них и не узнали. Только о двух таких поездках, относящихся к XII в., имеются записи, принадлежащие перу самих путешественников. Однако в этих двух случаях речь идет не о торговых поездках, а скорее о путешествиях двух еврейских раввинов — рабби Вениамина Тудельского (в 1170 г.) и рабби Петахии Регенсбургского (в 1180 г.), хотевших ознакомиться с жизнью иудейских общин на Востоке[1].

Первый из них, занимавший, видимо, более высокое положение, предпринял путешествие, продлившееся семь лет. До нас дошел лишь один отрывок из его записок, опубликованный впервые в 1764 г.[2] С тех пор появи-

[1] P. Borchardt, Der Reiseweg des R. Benjamin von Tudela und des R. Petachia aus Regensburg in Mesopotamien und Persien, «Jahrbuch 1924 der Jüdisch-Literarischen Gesellschaft zu Frankfurt a. M.»

[2] «Beniamini Tudelensis itinerarium ex versione Benedicti Asiae Montanae», ed. Constantin L'Empereur, Leipzig 1764.

лось много исследований, посвященных этому путешествию[1]. Мы можем проследить его маршрут только в общих чертах, без подробностей. Правда, в настоящее время нельзя определить, что именно рабби Вениамин видел лично и о чем он узнал лишь понаслышке. Поэтому значительная часть его путешествия реконструируется предположительно, а некоторые отклонения в сторону от основного маршрута вызывают сомнение. Отдельные места в рассказе Вениамина явно смахивают на «сказки... во вкусе того времени»[2]. Поэтому уже не раз высказывалось мнение, что все это «описание» представляет собой компиляцию из записок других путешественников. Впрочем, нам кажется, что нет оснований подвергать сомнению оригинальность источника. Поскольку рабби Вениамин подробно описывает иудейские общины в Индии и Китае, раньше считалось само собой разумеющимся, что он сам побывал в этих странах, но это предположение, очевидно, не соответствует действительности. В настоящее время можно считать доказанным, что Вениамин достиг лишь берегов Персидского залива[3], а все, что сообщается им о далеких восточных странах, записано со слов надежных людей.

Путешествие в той его части, о которой имеются *вполне достоверные* сведения, совершалось по следующему маршруту: выехав из Туделы[4], рабби побывал в Сарагосе, Барселоне, Нарбонне, Монпелье и Марселе. Затем он по морю достиг Генуи, откуда по суше через Рим добрался в Отранто. Далее морем Вениамин попал через Корфу в Коринфский залив, откуда сушей доехал через Фивы и Салоники до Константинополя. Далее по морю рабби достиг Антиохии, Иерусалима, Дамаска, Алеппо, Харана, Аис-эль-Айна, Мосула, Багдада, Вавилона, Эль-Курны и, возможно, также Суз. Затем через Хузестан попал на остров Кешм в Персидском заливе, где, по-видимому, в основном и собрал содержащиеся в его записках сведения об Индии и Китае, об искателях жемчуга и т. д[5]. Создается впечатление, что из Персидского залива Вениамин на корабле достиг Красного моря и пересек Эфиопию, а затем совершил 50-дневный переход караваном к Нилу, добрался до Асуана и Александрии, о которой он оставил особенно ценные записи. Далее он поплыл в Сицилию, посетил Мессину, Палермо, еще раз побывал в Риме, пересек Альпы, достиг Вердена, который он называет пограничным немецким городом, поскольку тот входил в состав Бургундии, но собственно в Германии Вениамин Тудельский не был, хотя и сообщает некоторые сведения о Рейне, а также о рейнских и южногерманских городах. Неизвестно, каким путем он вернулся из Вердена в Кастилию. Достоверно лишь, что в 1173 г. рабби вернулся в Туделу, где и умер в 1178 г.[6]

---

[1] A. Asher, Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela, Berlin — London, 1840—1841 (2 тома); M. N. Adler, The itinerary of Benjamin of Tudela, London, 1907; Komroff, Contemporaries of Marco Polo, London, 1929.

[2] J. R. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O., 1784, S. 121.

[3] «Encyclopaedia Judaica», B. IV, S. 134.

[4] Тудела — город в северо-восточной Испании на берегу реки Эбро.— *Прим. ред.*

[5] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 578.

[6] S. Wininger, Grosse Jüdische Nationalbiographie, Czernowitz, S. 309.

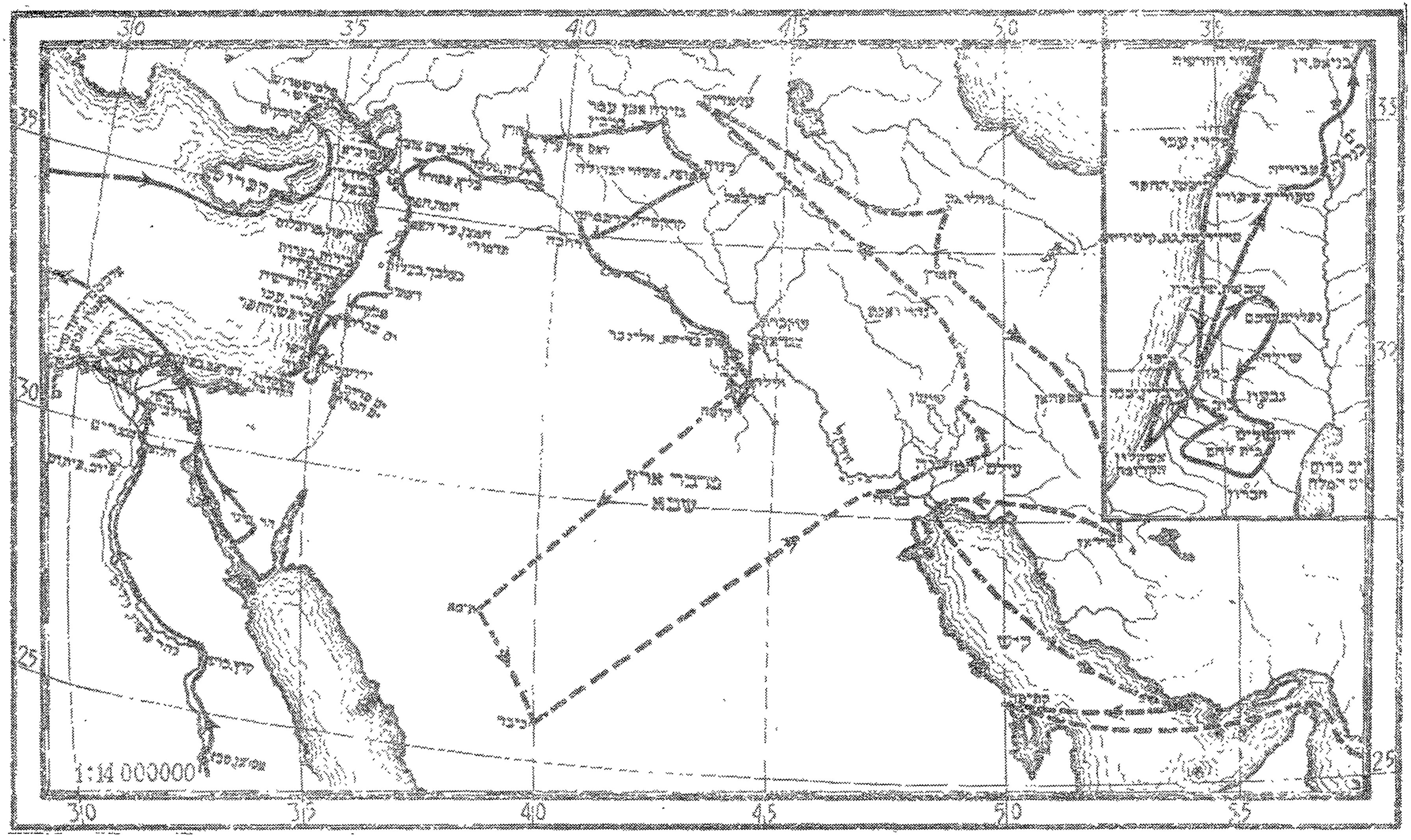

Рис. 12. Карта путешествия Вениамина Тудельского.

Сомнительные маршруты показаны прерывистой линией. См. M. N. Adler, The Itinerary of Benjamin of Tudela, London, 1907

Сохранившийся лишь в отрывках путевой дневник рабби Вениамина под названием «Massaoth schel Rabbi Binjamin» [Путешествия рабби Вениамина.— *Ред.*] публиковался много раз. В «Еврейской энциклопедии» приведена хорошо выполненная карта возможного и достоверного маршрута этого путешествия[1]. Описания Вениамина отличаются достоверностью и множеством интересных наблюдений, а потому представляют значительную ценность не только для иудейской истории, но и как документы, расширяющие наши знания о состоянии торговли с восточными странами в средние века[2]. Хотя путешествие рабби проходило по хорошо известным странам[3], его дневник занимает видное место среди географических и этнографических трудов XII в. Итак, из этого дневника мы узнаем[4], что в Александрии в тот период можно было встретить немцев, датчан, арабов из Испании и из других стран, эфиопов и нубийцев. Это описание удивительно точно совпадает со свидетельством итальянца Фрескобальди, который 200 лет спустя, в 1384 г., посетил Александрию во время паломничества в Святую землю и встретил там венецианского, генуэзского, французского и каталонского консулов[5]. Кроме того, заслуживает внимания то обстоятельство, что труд рабби Вениамина — это первый европейский источник, в котором упоминается нынешнее название Тибета (в форме «Тобот»). Правда, рабби, несомненно, почерпнул свои сведения об этой стране из арабских источников, поскольку еще за 200 лет до него Масуди упоминал об эт-Тобботе[6].

---

[1] «Encyclopaedia Judaica», B. IV, S. 134.

[2] W. H e y d, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, Leipzig, 1879.

[3] Интересные исследования на эту тему имеются у Борхардта. См. P. B o r c h a r d t, op. cit.; см. также «Itinéraire en Chine», «T'oung Pao», Leiden, 1924, p. 31.

[4] A. A s h e r, op. cit., B. I, S. 135.

[5] V i a g g i o d i L i o n a r d o F r e s c o b a l d i, Roma, 1818, p. 75 (и след.).

[6] M a s u d i, ed. A. Sprenger, London, 1841, cap. 16, p. 361 (и след.).

ГЛАВА 115

ПОСЛАНИЕ ПАПЫ АЛЕКСАНДРА III К «СВЯЩЕННИКУ ИОАННУ»

(1177 г.)

Здесь мы повстречали также недавно рукоположенного в сан епископа Габульского из Сирии. ...Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу — Экбатану [?!], о чем мы упоминали выше... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, то пошел к северу, туда, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза (!) и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов... Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов[1] [то есть евангельских волхвов, принесших дары новорожденному Иисусу. —*Ред.*]

* * *

Пресвитер Иоанн, царь Армении и Индии, выступил в поход против двух братьев — царей Персии и Мидии — и одержал над ними победу[2].

* * *

К году 1145:

[Вначале приводится дословно все первое предложение из сообщения Оттона Фрейзингенского.] Священник Иоанн, ибо так

---

[1] Оттон Фрейзингенский, VII, 33. См. «Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum», rec. Adolf Hofmeister, Hannover—Leipzig, 1913, p. 365 (и след.). [Оттон, епископ Фрейзингенский (1111—1158) — выдающийся германский историк, автор всемирной хроники «Книги о двух государствах» и исторического труда «Деяния императора Фридриха» (Барбароссы), на который ссылается Хенниг.— *Ред.*]

[2] «Annales Admutenses». См. «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS IX, p. 580.

его обычно именуют, в жестокой, кровавой битве обратил персов в бегство и вышел победителем. После этой победы названный Иоанн, по слухам, отправился в поход, чтобы оказать Святой церкви в Иерусалиме военную помощь. Однако, подойдя к Тигру и не найдя судов для переправы своего войска, он вынужден был направиться к северу, где река, по дошедшим до него сведениям, обычно замерзала зимой. Там он оставался несколько лет, ожидая мороза, однако из-за теплой погоды не достиг своей цели. Из-за непривычного климата он отпустил многих воинов и, наконец, уступив уговорам, решил возвратиться на родину. Говорят, что сам он происходит из древнего рода волхвов, о которых упоминается в Евангелии, и царствует над теми же народами, которыми правили и они; слава и богатство его так велики, что скипетр его сделан из смарагда. Вдохновившись примером своих предков, которые пришли поклониться Христу в колыбели, решил он двинуться на Иерусалим, однако упомянутые причины помешали ему исполнить задуманное.

К году 1165:

В это время священник Иоанн, царь Индии, послал письма, изобилующие описанием различных чудес, многим христианским повелителям, в особенности же Мануилу Константинопольскому и римскому императору Фридриху. Мы приведем из них лишь некоторые выдержки:

«Священник Иоанн, волею и премудростью Господа нашего и Иисуса Христа царь царей и повелитель всех земных повелителей, шлет свой привет Мануилу, повелителю римлян... и т. д. 72 царя платят дань нам, величайшему [*praecelentissimo*] из всех царей этого мира по могуществу и мудрости .Большинство их исповедует христианство...»

К году 1170:

Обнаружены послания папы Александра, направленные им упомянутому священнику Иоанну с неким епископом Филиппом после того, как папа рукоположил его и подробно разъяснил ему учение и учреждения Святой Римской церкви. Этот Филипп был ранее прислан к папе римскому тем же самым священником Иоанном[1].

* * *

Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа Царь царей, Повелитель повелителей

---

[1] Хроника Альбериха (около 1250 г.). См. G. W. L e i b n i z, Accessiones historicae, II: Alberici monachi trium fontium Chronicon, Leipzig, 1698, p. 308, 345, 355.

желает своему другу Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией.

Я, пресвитер Иоанн, властелин над всеми властелинами, превосхожу всех обитающих в сем мире добродетелями, богатством и могуществом. 72 царя платят нам дань... Наше Великолепие властвует над тремя Индиями, и земли наши простираются до потусторонней Индии, где покоится тело Святого апостола Фомы... В нашем подчинении находятся 72 провинции, из которых лишь немногие населены христианами... В стране нашей водятся слоны, дромадеры, верблюды, *Meta collinarum* [?], *Cametennus* [?], *Tinserete* [?], пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы, цикады, орлы-грифоны, тигры, ламы, гиены, дикие лошади, дикие ослы, дикие быки и дикие люди, рогатые люди, одноглазые, люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты вышиной в 40 локтей, циклопы — мужчины и женщины, птица, именуемая феникс, и почти все обитающие на земле породы животных...

За нашим столом ежедневно пирует 30 000 человек, не считая случайных гостей, и все они получают из наших сокровищниц подарки — коней или другое добро. Стол этот из драгоценнейшего смарагда, а поддерживают его четыре аметистовые колонны ... Каждый месяц нам прислуживают поочередно 7 царей, 62 герцога, 265 графов и маркизов, не считая тех, кто состоит на какой-нибудь службе. По правой стороне нашего стола ежедневно восседают 12 архиепископов, по левой — 20 епископов, а кроме того, патриарх Святого Фомы, Сармогенский протопапа и архипапа Суз, где находится Наш славный престол и стоит Наш царский дворец...

Фундамент и стены его сложены из драгоценных камней, а цемент заменяет наилучшее чистое золото. Свод его, то есть крыша, состоит из прозрачных сапфиров, среди которых сияют топазы ... Есть в нем дверь из чистого хрусталя, украшенная золотом. Она ведет на восток, высота ее 130 локтей, и она сама открывается и закрывается, когда Наше царское Величество отправляется во дворец...

Наш стольник — примас и царь, наш кравчий — архиепископ и царь, наш постельничий — епископ и царь, наш доезжачий — царь и аббат... В одну сторону государство Наше простирается на четыре месяца пути; на какое расстояние Наша власть распространяется в другую сторону, никому неизвестно[1].

---

[1] Выдержка из подложного письма «священника Иоанна» императору Византии Мануилу Комнину (1143—1180). Jacobus de Breda, Itinerarius Johannis de Hese presbyteri, Deventer, 1504. См. G. Oppert, Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte, Berlin, 1864, S. 167—179. Немецкий перевод см. op. cit., S. 26—50.

* * *

Епископ Александр, слуга слуг Господних, шлет привет и апостольское благословение возлюбленному сыну во Христе, блистательному и великолепному царю индийцев, святейшему из служителей Божьих.

Святой престол, который Мы незаслуженно занимаем, возглавляет всех верующих во Христа, как подтвердил Господь, сказав Святому Петру: «Ты — Петр, и на скале сией воздвигну я храм свой». Скалу ту, долженствующую, по пророчеству, противостоять всем бурям и ненастьям, Христос избрал основой для своей церкви. И так Святой Петр, ставший опорой христианской церкви, по заслугам своим получил отличную от других апостолов власть вязать и разрешать. И сказал ему Господь: «Даю тебе ключи от Царства небесного, и все силы ада отступят пред ними; что ты на земле связал, то да пребудет и на небе связанным, а что на земле разрешил, таковым и останется».

Некоторое время тому назад узнали Мы через доверенных лиц, а также чрез молву людскую, что Ты исповедуешь христианскую веру, всечасно творишь святые дела и только богоугодные дела в мыслях держишь. Также и магистр Филипп, возлюбленный сын Наш, лейб-медик и друг, сообщил Нам, что он беседовал о Твоих праведных помыслах и намерениях с почтенными и благородными людьми из тех земель, и этот рассудительный, надежный и умный муж многократно заверял, что, по дошедшим до него верным сведениям, Ты изъявил желание познакомиться с учением католической апостольской церкви и что Ты и подвластные Твоему Величеству народы особенно горячо желаете, чтобы ваша вера ни в чем не расходилась с учением Святого престола и не противоречила ему.

По сей причине выражаем Тебе, возлюбленнейший сын мой, Нашу чрезвычайную радость. Мы возблагодарили Того, Кто все нам дарует, вознесли многие молитвы и дали многие обеты. В своей безграничной любви да просветит Твои помыслы Тот, Кто вложил в Твой разум христианскую веру, ибо Тебе, конечно, надобно знать, что почитается первейшей заповедью христианского учения. Ибо воистину не сподобится чрез христианскую веру небесной благодати тот, кто исповедует учение словами, а не делами своими... А также не поможет никому, если кто назовет себя христианином, но уверует в иное, нежели указано католическим апостольским учением, ибо Господь провозгласил в Евангелии: «Не каждый, кто говорит мне «Господи! Господи!», войдет в Царствие небесное, но лишь тот, кто выполняет волю моего Отца небесного».

А потому особенно радостно, что Ты, как сообщает мудрый магистр Филипп, возымел желание получить алтарь из Иерусалима и возвести в своей столице церковь, где собрались бы ученые мужи Твоих земель, и их бы знакомили подробно с апостольским уче-

нием, дабы Ты и Твои подданные через этих людей восприняли и усвоили сие учение. Мы всячески печемся о благодействии Твоем и Твоих подданных. Мы, как то подобает Нашему сану, желаем отвратить Вас от таких учений, которые отходят от христианской католической веры. Ведь сам Господь сказал Святому Петру, которого он признал старшим апостолом: «Ты же укрепляй в вере братьев своих, раз обращен в нее сам!»

Хотя из-за многих тягот и опасностей путешествия вдоль дальних неведомых берегов кажется трудным и опасным посылать к Тебе кого-либо от Нас, Мы все же, памятуя об обязанностях, налагаемых саном Нашим, а также принимая во внимание Твои благие помыслы и желания, решили послать к Твоему Величеству упомянутого Филиппа, человека достойного, мудрого и благоразумного, уповая в этом на Иисуса Христа. Если Ты остаешься при своем намерении, появившемся у Тебя, как мы установили, с Божьей помощью, то и будешь вскоре по милости Божьей посвящен во все вопросы христианского вероучения, в которых Ты и народ Твой отходят от нас, и сможешь не опасаться ничего, что угрожало бы спасению души Твоей и душ Твоих подданных, впадших в заблуждение, или сделало бы их недостойными именоваться христианами. А потому Мы призываем Твое Царское Величество, увещеваем и просим Тебя во имя Господа нашего, чтобы Ты из преклонения перед Святым Петром и перед Нами принял того Филиппа как честного, достойного, мудрого и облаченного Нашим доверием мужа с должной благосклонностью, а также относился бы к нему с почтением и смирением. Необходимо, чтобы Ты познал апостольское учение о вопросах, которые Тебе поведает от Нашего имени тот Филипп. Если таково Твое желание и Твоя воля, то слушай его со вниманием, старайся понять его и направь к нам особ почтенных с письмами, запечатанными Твоей печатью, чтобы Мы при их посредстве полностью осведомились о Твоих помыслах и желаниях. Чем возвышеннее и великодушнее Ты поведешь себя, чем меньше станешь кичиться своим богатством и могуществом, тем охотнее Мы пойдем навстречу Твоим желаниям касательно использования одной из римских церквей, передачи Тебе алтарей из собора Святых Петра и Павла и из Церкви Господней в Иерусалиме, а также касательно других дел, о которых Ты подобающим образом будешь Нас просить.

И если поможет нам Бог, Мы будем всячески поддерживать Твои направленные на благо стремления, достойные высшей похвалы, и обратим души Твою и Твоих подданных ко Господу.

Дано в Риальто, Венеция, 27 сентября[1].

[1] Послание папы Александра III пресвитеру Иоанну дано в Венеции 27 сентября 1177 г. См. «Annales Ecclesiastici, auctore Caesare Baronio Sorano», XIX, Lucca, 1746, p. 450.

На бескрайних степных просторах Центральной и Передней Азии (включая юго-восток современной территории СССР), как и в некоторых районах Африки, «великие феодальные державы возникали и распадались, подобно пузырям, появляющимся и исчезающим в круговороте истории», по меткому выражению Оппенгеймера[1]. Не раз какому-нибудь властителю из этих краев удавалось поразительно быстро сколотить гигантскую империю, которая, впрочем, как правило, сразу же после смерти ее создателя или в крайнем случае двумя-тремя поколениями позже распадалась на несколько «государств диадохов». В древности это случилось с империями Кира, Дария, Александра, позже — с государствами, возникавшими в связи с экспансией гуннов в IV и V вв., затем — с колоссальными державами тюрка Дизибула (см. гл. 75), Сасанида Хосрова, сельджука Мелик-шаха (XI в.) и с монгольскими империями Чингис-хана и Тимура.

И вот однажды в XII в. случилось так, что незначительное до той поры племя кереитов, или каракитаев (черных китаев)[2], под твердым предводительством своего повелителя Елюташи на очень короткий период нашло в себе силы для завоеваний, подобных тем, которые совершили менее чем через столетие монголы во главе со страшным Темучином (Чингис-ханом). Частично кереиты были несторианами. Д'Оссон, написавший подробную их историю, утверждает даже, что все кереиты были христианами, в начале XI в. обращенными в несторианство[3]. Впрочем, утверждение это представляется весьма сомнительным.

Предыстория создания огромного государства Елюташи в основных своих чертах полностью выяснена[4]. Исследователи расходятся лишь отно-

---

[1] F. Oppenheimer, Der Staat, Frankfurt a. M., 1912, S. 118 (и след.).

[2] Автор смешивает кереитов с киданями или каракитаями. Кереиты — монгольское племя, ставшее во главе племенного союза и создавшее сильное государство. Согласно Рашид-ад-дину (см. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, Л., 1952, т. I, кн. 1, стр. 74), кереиты кочевали в бассейнах нижней Селенги, Керулена и Халхин-Гола. Среди этих племен в начале XI в. утвердилось христианство несторианского толка. Каракитаи, или кидани, после разгрома сельджука Санджара под Самаркандом в 1141 г. создали огромное по своей территории государство Каракидань, занимавшее Среднюю Азию (к востоку от Аму-Дарьи) и западную часть Центральной Азии. Среди каракитаев были многочисленные группы христиан. Западноазиатские христиане смешивали каракитаев с кереитами. В середине XII в. христианский правитель кереитов величался китайским титулом Ван-хан (или Он-хан, Унекан). До возвышения Чингис-хана он был самым могущественным правителем в Восточной Монголии. Отсюда возникла легенда о «царе-священнике» Иоанне. См. «Книга Марко Поло», 1955, стр. 7—9 (вступительная статья И. П. Магидовича); И. П. Минаев, Путешествие Марко Поло, СПБ, 1902, стр. 82 (примечания В. В. Бартольда); см. также «Очерки истории СССР», АН СССР, 1953, ч. 1, стр. 792, 796—797 (кереиты), 517—520, 522, 645—750 (каракитаи). — *Прим. ред.*

[3] C. M. d'Ohsson, Histoire des Mongols, Paris, 1824, ch. I, p. 47.

[4] F. Zarncke, Der Priester Johannes, «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königlichen Sächsischen Akademie der Wissenschaften», 1879, B. 7, S. 863 (и след.)

сительно того, к какой расе принадлежали сам Елюташи и его народ — кереиты. Царике называет его «победоносным китайцем»[1]. Хоуорт, напротив, пытается доказать, что кереиты не были монголами и относились к тюркским народностям[2]. Столь же неясен вопрос, действительно ли сам Елюташи был (несторианским) христианином. В те времена с излишней легкостью находили в Азии последователей «христианской» веры (см. гл. 120), в том числе там, где и речи не могло быть о подлинном христианстве.

Впрочем, нет сомнений в том, что несторианство действительно получило довольно широкое распространение и что его исповедовали высокопоставленные лица, министры, генералы, члены княжеских и царских семей и т. п.[3]

Вопрос о вероисповедании покорителя Самарканда неоднократно подвергался обсуждению. Д'Оссон считал его буддистом[4], Вамбери — мусульманином[5]. Д'Авезак привел доказательства, что среди кереитов действительно было распространено христианство[6]. К д'Авезаку примкнули также Опперт[7] и Хоуорт[8].

Правда, Брун вновь выразил сомнение по этому поводу[9], а Краузе недавно даже твердо заявил, что «каракитаи наверняка были буддистами»[10]. Тем не менее и это «наверняка» следует снабдить вопросительным знаком. Дело в том, что и в мусульманских источниках, которые нельзя заподозрить в предвзятости мнения или в приукрашивании действительности, содержится ряд указаний на то, что кереиты были христианами. Так, Абу-л-Фарадж, современник Марко Поло, пишет:

«В те времена над восточнотюркскими народностями, придерживавшимися христианской веры, господствовал князь Унгхан, из племени кереитов, именуемый также царем Иоанном». Он добавляет, что эти кереиты приняли христианство в 1007 г. н. э. и «более не вернулись в мусульманство»[11]. Это свидетельство чрезвычайно важно. Оно подтверждается относящейся примерно к тому же времени записью Рашид-ад-дина, везира персидского

---

[1] Ibidem, S. 870.

[2] H. Howorth, History of the Mongols, v. I, p. 696 (и след.)

[3] «Encyclopaedia of religion and ethics», Edinburgh — New York, 1918, p. 272.

[4] C. M. d'Ohsson, Histoire des Mongoles, Paris, 1824, t. I, p. 441 (и след.).

[5] H. Vambéry, Geschichte Bucharas, Stuttgart, 1872, B. I, S. 118.

[6] M. A. P. d'Avezac, Notice sur les anciens voyages. De Tartarie en général et sur celui de Jean du Plan de Carpin en particulier. См. «Receuil des voyages et des mémoires, publié par la Société de géographie», 1837, t. IV, p. 547, 564.

[7] G. Oppert, op. cit., S. 143.

[8] H. Howorth, The northern frontages of China. The Kirais and Prester John, «Journal of the Royal Asiatic Society», 1889, v. XXI, p. 374.

[9] Ph. Bruun, Die Verwandlungen des Priesters Johannes, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1876, B. XI, S. 279.

[10] F. C. A. Krause, Geschichte Ostasiens, Göttingen, 1925, S. 370.

[11] Abulfaradsch, Historia dynastiarum, Oxford, 1663, p. 143.

царя Газан-хана, согласно которой весь народ кереитов состоял из христиан»[1].

Вряд ли когда-либо удастся до конца решить вопрос, исповедовал ли Елюташи и его народ христианство и если да, то как сильно оно было распространено. *Вероятность* этого факта не исключается, но *уверенности* у нас нет. Впрочем, одно обстоятельство представляется бесспорным независимо от того, был Елюташи христианином или нет, в своей политике и завоеваниях он, безусловно, никогда не руководствовался желанием отнять у мусульман «Гроб Господень», и тем паче, прийти на помощь европейским крестоносцам, о которых он вообще вряд ли что-либо знал!

Первоначально кереиты, или каракитаи, жили в районе Селенги и южнее озера Байкал. Оттуда они вторглись в Северный Китай, но около 1100 г. под ударами китайцев отступили на запад. Остановившись в Восточном Туркестане, кереиты основали там новое государство, которое быстро достигло могущества под твердой властью Елюташи. Начиная с 1126 г. Елюташи сначала подчинил себе Западный Туркестан и прилегающие к нему земли, а затем принял титул «Великого хана» (Гур-хан) и построил себе на севере Тянь-Шаня новую столицу — Бала-Сагун.

Продолжая военные походы для расширения границ своей державы, Елюташи бросил, наконец, свою конницу, насчитывавшую якобы 300 тыс. всадников, на Хорезм[2], который за несколько десятилетий до этого был захвачен сельджуками и обращен в мусульманство. Повелителем страны в то время был Санджар. Решающее сражение произошло у Катвана, вблизи Самарканда, 4 и 5 сафара 536 г. хиджры (8 и 9 сентября 1141 г.). В нем погибло до 100 тыс. человек. Мусульмане потерпели полное поражение. Елюташи намеревался продолжить свое продвижение на запад. Неизвестно, какие причины помешали ему это сделать. Сам он вскоре умер — в месяце реджеб 537 г. хиджры (20 января — 19 февраля 1143 г.). Сразу же вслед за этим его держава распалась на западную и восточную части, в которых едва-едва сохранялась единая власть. В 1203 г. государство Елюташи было захвачено и уничтожено монголами, которые раньше были союзниками кереитов и платили им дань.

Этот чрезвычайно короткий эпизод с империей Елюташи, которая, собственно говоря, находилась в зените своего могущества всего два года (1141—1143), лег в основу легенды о державе несказанно богатого и могущественного «царя-священника Иоанна», правившего якобы где-то в легендарных и далеких «индийских» краях среди сказочного великолепия и роскоши. В течение нескольких столетий государство мифического царя надеялись

[1] E. Quatremère, Notes et extraits, 1838. t. XIII, p. 225. [См Рашид-ад-дин, Сборник летописей, АН СССР, 1952, т. 1, кн. 1, стр. 127 Рашид-ад-дин (1247—1318) — выдающийся историк и политический деятель государства ильханов (монгольских правителей Персии и Азербайджана) автор труда «Джами-ат-Таварих» («Собрание летописей»), содержащего историю монгольских племен и монгольских завоеваний, а также сведения о государствах Средней Азии и Закавказья того времени.— *Ред.*]

[2] Статья Царике. См. «Abhandlungen der Königlichen Sächsischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», B. VII, S. 852.

найти в самых различных районах земного шара — от Байкала до Эфиопии и от Китая до Конго. Но надежды были напрасными, а поиски не увенчались успехом.

Около четырех веков подряд легендарный «царь-священник» рассматривался европейцами как некий реальный политический деятель. Позднее высказывалось много предположений по поводу возникновения такой странной уверенности[1]. Даже тибетского далай-ламу были склонны считать прототипом этого образа[2], пока Потье не указал в 1862 г., что легенда о священнике Иоанне была распространена еще тогда, когда вообще не было никакого далай-ламы[3].

В настоящее время эта проблема в основном решена. Опираясь на прекрасное предварительное исследование д'Авезака[4], Опперт в 1864 г. точно изложил историю возникновения легенды[5]. Правда, его концепция позднее была значительно дополнена, тем не менее она дает в общем верную картину исторической подоплеки событий, хотя видный специалист по этому вопросу Царнке и назвал работу Опперта «путаной и хаотичной книгой»[6]. Некоторые обстоятельства, впрочем, до сих пор не выяснены до конца. Во всяком случае, известие о великом сражении под Самаркандом, в котором неизвестный восточный князь-христианин нанес сокрушительный удар ненавистному исламу, привело в чрезвычайное волнение весь христианский мир, и особенно его восточные районы. Это известие вызвало к жизни далеко идущие надежды на то, что победитель, быть может, станет желанным союзником в борьбе крестоносцев против ислама.

В Западной Европе о неожиданных событиях на Востоке впервые услышали 18 ноября 1145 г. Оттон Фрейзингенский, известный историк и дядя будущего императора Фридриха Барбароссы, встретился в Витербо с епископом Габула (Джибала, Сирия), которого «как будто» звали Гуго[7], и узнал от него, какие слухи распространились на Востоке (см. цитату). Уже тогда изложение событий носило легендарный характер. Сообщенная епископом странная причина, помешавшая «царю-священнику» перейти Тигр, отражает те наивные объяснения, к которым прибегли в Сирии. Там после длительного и тщетного ожидания христианского воителя никто не мог понять, почему за его гордой победой, взволновавшей весь исламский мир[8], не после-

[1] Исчерпывающий обзор см. «Universal-Lexikon», ed. Zedler, Leipzig — Halle, 1741, B. 29, S. 442 (и след.).

[2] J. Ph. Strahlenberg, Das nord- und östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm, 1730; J. G. Georgi, Alphabeticum Tibetanum, p. 690.

[3] «Nouvelle Biographie générale», 1862, t. 40, p. 1015.

[4] Дополнения к путевым запискам Карпини см. «Recueil de voyages et de mémoires publié par la société de géographie», Paris, 1839, t. 4, p. 559 (и след.).

[5] G. Oppert, Der Priester Johannes, Berlin, 1864.

[6] F. Zarncke, De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur, Leipzig, 1874, p. 4.

[7] P. Bruun, op. cit., S. 285.

[8] Tornberg, Ibn el-Athirs Chrönika, Lund, 1853, B. II, S. 108—119. Там говорится: «Мусульманские народы не видели еще такого грандиозного сражения. Хорасан не видел более кровопролитного».

довало больше никаких новых сообщений. Появления победителя ожидали, очевидно, с тем большим напряжением, что как раз в то самое время, 25 декабря 1144 г., Эдесса оказалась в руках мусульман, которые энергично искореняли результаты первого крестового похода. Тяжелый удар крестоносцам был нанесен еще победой, одержанной эмиром Эльгази под Белатом (27 июня 1119 г.) над норманским войском Рожера Антиохийского. Христианский мир готовился ко второму крестовому походу. Каким же желанным казался в такой момент мощный союзник на Востоке! Впрочем, когда Оттон Фрейзингенский в 1145 г. услыхал о таинственном «царе-священнике», который якобы вел свое происхождение от волхвов Нового завета, тот, кто послужил прообразом для этого царя, был уже мертв. В Европе о его смерти ничего не знали, и все пребывали в ожидании, уповая на новые деяния «священника Иоанна». Правда, христианское королевство Иерусалим, основанное после взятия этого города крестоносцами (15 июля 1099 г.), было еще довольно сильным; но немногим позднее в нем тоже появились признаки упадка и возникла явная угроза полной потери всех завоеваний первого крестового похода. Эта опасность особенно усилилась после бесславного окончания второго крестового похода (1147/48 г.). Как же было не приветствовать сильную, вооруженную поддержку борьбе против ислама, оказываемую с Востока!

В такой обстановке около 1165 или 1170 г. появились таинственные послания, направленные примерно в одно и то же время трем высшим повелителям тогдашнего христианского мира — папе, византийскому императору и германскому императору Фридриху Барбароссе — и имевшие, по-видимому, одинаковое содержание. Весьма вероятно, что, как предполагает Царнке[1], первоначально имелось только одно письмо к византийскому императору Мануилу I (1143—1180), который направил затем копии папе римскому и императору Фридриху Барбароссе. Неизвестный автор, очевидно, обращался ко всем трем могущественным повелителям Запада, так как в нескольких сохранившихся копиях прямо говорится: *mande saluz e gran amur al treis gentil empereurs de Constantinoble avorré.*

Письмо было написано лично от имени могущественного «царя-священника» и произвело поэтому колоссальную сенсацию. Подоплека этой истории так и осталась невыясненной, но в любом случае здесь мы имеем дело с мистификацией. Во-первых, никакого «царя-священника Иоанна» вообще не было, а, во-вторых, письмо изобиловало наивными сказками и неумеренными преувеличениями. Однако именно по этой причине оно пришлось по вкусу современникам и было принято ими с доверием. Ведь Индию считали тогда страной всевозможных чудес и неисчислимых богатств. Письмо произвело огромное впечатление, а цели мистификации остались совершенно непонятными.

Оригинал письма не сохранился. Не установлено, видимо, также, на каком языке оно было первоначально написано. Царнке, который особенно тщательно занимался этим вопросом во всех деталях, делает противоречи-

[1] F. Zarncke, op. cit., p. 17.

вые выводы. В одном источнике[1] говорится следующее: *Epistola Johannis... translata primum in Graecum et in Latinum* [Письмо Иоанна... переведенное впачале на греческий и латынь. — *Ред.*]. В другом источнике[2]: *Epistola presbyteri Johannis... quam idem Emanuel translatam de arabico in latinum misit Alexandro papae* [Письмо пресвитера Иоанна... которое Мануил перевел с арабского на латынь для папы Александра.— *Ред.*]. Сам Царнке пишет: «Чрезвычайно важно установить, имеется ли действительно хоть одно латинское письмо, адресованное кому-либо, кроме византийского императора»[3].

Представляется невероятным, чтобы оригинал письма, прибывшего из «Индии», был написан на арабском языке.

Письмо это и в наше время остается темой ряда научных исследований[4]. Новая работа Ольшки[5] написана весьма основательно и добросовестно, но несвободна от некоторых существенных ошибок. Этот исследователь приходит к следующему предположению:

«Письмо священника Иоанна — это политическая утопия, подобная монархии Данте... Использование недавно появившейся легенды о священнике Иоанне было искусным приемом, эффект которого хорошо понимал автор письма».

Согласно этому толкованию, письмо представляло образец идеалистической поэзии, рисующей светлую картину счастливого, богатого, процветающего и не знающего войн государства, которая должна была воздействовать на властителей тогдашней Европы, запутавшихся в бесконечных раздорах и войнах, приводивших к тяжелым бедствиям. Такое объяснение представляется довольно искусственным. По-детски наивное содержание письма, напоминающее рассказы Тартарена из Тараскона своим безудержным хвастовством, вступает в непреодолимое противоречие с такой философской трактовкой. К тому же предполагаемой благородной и человеколюбивой цели можно было бы достичь более достойным и действенным способом, не прибегая к политической мистификации. Концепция Ольшки возникла за письменным столом и не считается с историческими фактами. Она оказывает слишком много чести фальшивке, шитой белыми нитками. Наконец, трудно понять некоторые грубые ошибки Ольшки, например то, что он считает победителей Самарканда монголами и совсем не упоминает о христианском князе Елюташи.

До нас дошло чрезвычайно большое количество списков с письма Иоанна. Царнке обнаружил 80 экземпляров и, надо полагать, вряд ли исчерпал все их число. Впервые в научной литературе письмо было опубликовано Лейбницем в 1698 г.[6]

---

[1] «Codex Latinum», No 2342, 7.
[2] «Codex Latinum», No 3858, A4.
[3] F. Zarnke, op. cit., p. 18.
[4] Полный текст письма опубликован Оппертом и Царнке. См. F. Zarnke, op. cit. См. также Ch. V. Langlois, La vie en France au moyen-âge, Paris, 1927, t. III, p. 44.
[5] L. Olschki, Der Brief des Presbyters Johannes, «Historische Zeitschrift», 1931, B. 144, S. 1.
[6] G. W. Leibniz, op. cit., S. 345 (и след.).

Итак, происхождение и цели письма остаются неясными. В нем столько всякого несусветного вздора и диких выдумок, заимствованных главным образом из широко распространенного в те времена в качестве «народной книги»«Романа об Александре»[1], что письмо это никоим образом не могло быть сочинено в Азии. Оно, безусловно, было плодом фантазии какого-то европейца. Впрочем, как установил Опперт, на автора письма значительное влияние оказали сказки из арабской книги о путешествии Синдбада, сочиненной в IX в. или в начале X в. Автор письма старался максимально использовать все доступные ему источники, повествующие о чудесах. Это подтверждается перечислением всех сказочных существ, о которых рассказывалось в древности и в средние века и которые якобы все без исключения встречаются в стране «царя-священника». Характерно также упоминание о том, что живущие только на Крайнем севере «белые медведи» тоже населяют «индийскую» страну. Типична и следующая фраза:

«Застывшее море затягивает корабли в глубину, ибо дно его из камня — алмаза, притягивающего к себе предметы».

Здесь перед нами жуткая карфагенская легенда о застывшем море (см. гл. 13), в комбинации со страшными средневековыми сказками о магнитной горе, которая вырывает из кораблей все железные части, отчего они идут ко дну. В легендах позднего средневековья вместо магнита нередко появляются алмаз и янтарь. Алмаз, якобы обладающий свойствами магнита, встречается при описании кораблекрушений в «Саге о герцоге Эрнсте»[2], в путевых записках Карпини (см. т. III, гл. 119)[3], в вымыслах сэра Джона Мандевилля (см. т. III, гл. 138) и в других местах.

Нет смысла подробно обсуждать все фантастические бессмыслицы, нагроможденные в так называемом письме «священника Иоанна». Следует только сказать, что в рассматриваемый период ни в Туркестане, ни в Персии, ни в Армении, ни в Месопотамии и ни в каких других странах Передней Азии ни одному их жителю не пришло бы в голову, что он находится в «Индии». *Только* в Европе это название приобрело такое всеобъемлющее и сказочное значение. Еще Птолемей считал, что Индия простирается до берегов Тонкинского залива, а в средние века «Индией» временами именовали всю южную часть Азиатского материка, за исключением Передней Азии, и даже Восточную Африку вместе с Эфиопией. Так, в цитируемом выше (стр. 26)

---

[1] Рукопись за № 11040 в Бургундской библиотеке в Брюсселе («Romain d'Alexandre»). Рукопись из отдела гравюры по меди в Берлине (L'Ystoire du Roy Alexandre»).

[2] Только с учетом этих мнимых качеств алмаза можно понять следующие фразы из легенды о герцоге Эрнсте: «В том месте исходили из воды свет и пламя от магнита, и оттого их старый корабль переломился пополам, а затем налетел вместе с ними на мель... От этих огненных лучей воспламенилось и сгорело много больших и высоких мачт».

[3] Джиованни дель Плано Карпини, История Монгалов, гл. V, § 10. [См. «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука», стр. 42.— *Ред.*] «... [Каспийские горы]... в той стороне, с которой они [монголы.— *Ред.*] пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули их стрелы и железное оружье».

отрывке из Феофана государство Аксум (Эфиопия) отнесено к Индии «по эту сторону», а Марко Поло называет монгольского повелителя Персии «царем Индии»[1]. Кстати, упоминаемый Оттоном Фрейзингенским Тигр долгое время оставался таким же всеобъемлющим термином, как и Индия. Самые различные крупные реки Востока обозначались этим названием.

У Марко Поло даже Волга называется «Тигром». Во всяком случае, в течение всего средневековья термин «Индия» отнюдь не был четким географическим понятием, причем так обстояло дело не только в Европе, но и в Китае (см. гл. 113). К тому же характерно, что у Оттона Фрейзингенского — древнейшего источника сведений о «царе-священнике Иоанне»— вообще нет ни слова об «индийском» властелине. Но позднее легенда связала эту таинственную страну чудес с рассказом о «царе-священнике». Зато у Оттона Фрейзингенского обнаруживаются другие элементы легендарности. Довольно неточны в историческом отношении его сведения об обоих братьях Самиардах, побежденных якобы «священником Иоанном». Правда, два таких брата сельджука действительно существовали, но лишь один из них, Санджар, был разгромлен под Самаркандом, тогда как другой, Мухаммед, умер еще в 1118 г.

С течением времени путаница усилилась. К первоначально довольно трезвому сообщению Оттона Фрейзингенского примешались фантастические вымыслы из похождений Синдбада и из «Романа об Александре», образовав в совокупности запутанный клубок, который три с половиной столетия подряд волновал и возбуждал умы европейцев.

Дата написания и отправки подложного письма «царя-священника» установлена лишь приблизительно. Альберих называет 1165 г., Рёрихт — 1150 г.[2] (безусловно, слишком ранняя дата), тогда как Царнке ограничивается указанием на 1177 г. как на самую позднюю дату[3]. Из последующего изложения выяснится, что содержание письма стало известно в Константинополе около 1170—1171 гг. Поэтому самой вероятной датой кажется период с 1165 по 1170 г.

Румынский ученый Маринеску в 1923 г. без всякого обоснования высказал предположение, что автором фальшивки мог быть архиепископ Христиан Майнцский[4]. С этим обвинением безоговорочно согласились Ла Ронсьер[5] и Каммерер[6], так что в их изложении оно кажется точно установлен-

[1] «Книга Марко Поло», кн. I, гл. 1.

[2] R. Röhricht, Regestra regni Hierosolymitani, Innsbruck, 1893.

[3] F. Zarncke, Der Priester Johannes, «Abhandlungen der Königlichen Sächsischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse», 1879, B. 7, S. 878.

[4] C. Marinescu, Le prêtre Jean. Son pays. Explication de son nom, «Académie Roumaine», 1923, t. X, p. 73 (и след.).

[5] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Kairo, 1929, t. I, p. 57 (и след.).

[6] A. Kammerer, La mer rouge, «Mémoires de la Société Royale de géographie d'Egypte», Kairo, 1929, t. I, 3, p. 373. «Подложное письмо сочинил (!) некий (!) епископ Христиан Майнцский (1165—1183), использовавший все слухи, которые ходили об этой стране... Литературная фантазия, цель которой осталась неизвестной».

ным фактом. Именно поэтому следует самым решительным образом заявить, что обвинение, выдвинутое против архиепископа, ни на чем не основано и в высшей степени неправдоподобно. Прежде всего нельзя найти никакой причины, которая могла бы толкнуть архиепископа Христиана на столь грубую фальсификацию. Кроме того, интеллектуальный уровень автора этого примитивного письма, рассчитанного исключительно на дешевую сенсацию, настолько убог, что никак нельзя заподозрить в сочинении такого неленого документа канцлера Германской империи, выдающегося политика и крупного стратега. В письме ведь не говорится ни единого слова о политических и военных делах: государство «царя-священника» пребывает в вечном и нерушимом мире. Текст содержит лишь хвастливые речи о несметных сокровищах царя, о ежедневных грандиозных пиршествах, о бесчисленных волшебных существах и различных чудесах, встречающихся в этой необъятной стране. Немыслимо, чтобы такой выдающийся и высокообразованный человек, как архиепископ Христиан, мог сочинить столь глупое, рассчитанное на крайне низкий духовный уровень письмо. В противном случае сквозь пустую болтовню хоть раз проглянули бы «*ungua leonis*» [«когти льва»].

Впрочем, может быть, Христиан и имел некоторое отношение к письму. Во время пребывания в Константинополе, где архиепископ в 1171 г. вел дипломатические переговоры[1], он, возможно, познакомился с письмом «царя-священника», достал с него копию и привез ее в Германию[2].

Видимо, с этого письма было сделано много списков. Известно, что два крестоносца — Виллиам де Вэр и его вассал Жильберт ле Бутелье, остановившиеся на длительное время в Константинополе по возвращении из Святой земли,— раньше других ознакомились с этим письмом. Они получили с него список и вскоре предложили ничем более не прославившемуся Роа д'Арунделю изложить содержание в поэтической форме. Стихотворение это сохранилось; в нем священник Иоанн шлет трем императорам свой привет и любовь (*mande saluz e gran amur al treis gentil empereurs*)[3]. Если письмо в 1170 г. уже находилось в Константинополе, то и архиепископ Христиан, конечно, с тем же успехом, что и упомянутые крестоносцы, мог достать его текст, а позднее довести его до сведения императора Барбароссы. Возможно даже, что он выполнил при этом желание византийского императора. Впрочем, лучшим биографам архиепископа Христиана не известно, чтобы он имел какое-либо отношение к письму «царя-священника»[4].

Не упоминается о письме пресвитера и в новом исследовании Онзорге, где подробно рассматриваются различные посольства, которыми обменива-

---

[1] W. Ohnsorge, Die Byzanz-Politik Kaiser Friedrich Barbarossas, «Deutsche Archiv für Geschichte des Mittelalters», 1943, S. 120.

[2] «Annales St. Petri Erühesfurdensis». См. «Monumenta Germaniae historica», SS XVI, p. 23.

[3] P. Meyer, Notices sur quelques manuscrits français de la bibliothèque Phillips à Cheltenham, «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques», Paris, 1891, t. 34, p. 228 (и след.).

[4] C. Varrentrapp, Erzbischof Christian I von Mainz, Berlin, 1867.

лись с 1170 по 1173 г. Фридрих Барбаросса и Мануил I. Онзорге тщательно анализирует и «особо важный политический проект правительства Германской империи», который послужил причиной поездки архиепископа Христиана в Византию. Этот исследователь подчеркивает, насколько необычным был тот факт, что «ведущий государственный деятель лично возглавил дипломатическую миссию к византийскому двору». Он высказывает предположение, что архиепископ Христиан предпринял неудачную попытку разорвать союз Византии с папой и склонить ее к сближению с Германской империей.

Представляется очевидным, что и император Мануил Комнин и Фридрих Барбаросса не придали письму пресвитера никакого значения, поскольку они ничего не сделали, чтобы войти в контакт с автором или ответить ему. В то время, когда Барбаросса отправился в третий крестовый поход, военная помощь от «христианского царя» из Азии имела бы для него чрезвычайно важное значение. Однако император по-прежнему игнорировал письмо и, видимо, даже не поинтересовался сведениями о так называемом «царе-священнике» — явный признак, что он распознал мистификацию!

Папа Александр III (1159—1181), напротив, видимо, поверил в подлинность письма (быть может, с некоторыми оговорками). Сразу же после того, как Александр успешно завершил свою долголетнюю борьбу с Барбароссой, заключив с ним мир в Венеции (1 августа 1177 г.) и значительно укрепив папскую власть, он совершил одну из самых своеобразных дипломатических акций в мировой истории, ответив мнимому автору письма из «Индии»[1].

Личный врач папы Филипп, о котором нам ничего более не известно, возвратился в 70-х годах из путешествия на Восток и принес новые вести о питаемых там надеждах.

Королевство Иерусалим тогда уже находилось в очень тяжелом положении. На престоле сидел больной проказой мальчик — Балдуин IV (1174—1185), а мощь великого султана Саладина быстро возрастала. Ничего удивительного нет, если в это время, всего за несколько лет до того, как христианское государство в Святой земле пало под ударами Саладина (сражение под Тивериадой 4 июля 1187 г.) и Иерусалим снова оказался в руках мусульман (3 октября 1187 г.), взоры ближневосточных христиан со все большим упованием обращались на Восток — не идет ли на помощь *deus ex machina* — «царь-священник Иоанн»! Папа, видимо, хотел ускорить эту помощь, обратившись к великому восточному князю с призывом и предложением союза и дружбы. Так возникло необычное послание от 27 сентября 1177 г., приведенное в начале главы.

Послание это было адресовано «*Carissimo in Christo filio illustri et magnifico Indorum regi, sacerdotum sanctissimo*» [возлюбленному сыну во Христе блистательному и великолепному царю индийцев, святейшему из служителей Божьих.— *Ред.*], и Филипп был назначен чрезвычайным послом папы с поручением доставить письмо «царю-священнику Иоанну». Позволительно усом-

[1] Ph. Jaffé-Löwenfeld, Regesta Pontificarum Romanorum, No 12 942, Lepzig, 1888, p. 3.

ниться в том, что письмо папы было шедевром дипломатического искусства. Ведь поскольку папа выступал в роли просителя (хотя и не показывал этого открыто), на того, к чьей помощи он взывал, могло произвести не очень благоприятное впечатление, что к нему обращались сверху вниз[1]. К тому же его поучали высокомерными и почти неосторжными словами, что он лишь в том случае сможет считаться подлинным христианином, если признает верховную власть папы и изъявит безоговорочную готовность привести свои христианские убеждения в соответствие с директивами из Рима. Требование, чтобы сначала в Рим явились *personae honestae et literae sigillatae* [особы почтенные с запечатанными письмами.—*Ред.*], которым лишь будет оказано доверие, также могло вызвать гнев адресата, если бы он был жив и получил это письмо.

Врач Филипп действительно отправился с письмом на Восток. Однако, учитывая неточный «адрес», трудно даже предположить, как и куда могло быть доставлено это папское послание. Филипп был послан на поиски фикции. Поэтому никто более не слышал ни слова о судьбе письма и самого посла: оба бесследно исчезли. Но даже если бы Филипп, вопреки вероятности, вместо Индии отыскал бы путь в Центральную Азию к тогдашнему повелителю кереитов, то и в этом случае его постигло бы тяжкое разочарование. Государство Елюташи уже утратило свое былое могущество, а его правитель Чилуку (1155—1201) отнюдь не был великим героем и завоевателем, подобным своему деду Елюташи. По поводу письма священника Иоанна византийскому императору, а также послания папы царю-священнику было сделано много самых фантастических предположений. Даже в XX в. временами высказывалось мнение, что мы имеем дело с подлинными письмами некоего азиатского князя-христианина, направленными императорам Мануилу и Барбароссе, а также папе римскому[2]. Как ни странно, еще раньше эту точку зрения поддержал Брун в своем тщательном исследовании. Предполагали даже, что личный врач и доверенное лицо папы Филипп привез в Рим целое посольство из Азии[3]. Утверждали также, что письмо «царя-священника» было «плодом несторианской фантазии»[4], что описание огромных богатств мифического индийского государства специально рассчитано на византийского императора Мануила, славившегося своей любовью к пышности и блеску»[5], что послание папы предназначалось эфиопскому негусу, поскольку «единственной реальной личностью, которой могло быть адресовано письмо, был повелитель Эфиопии»[6].

---

[1] F. Z a r n c k e, De epistola Alexandri papae III ad presbyterum Johannem, «Memoriam Joh. Aug. Ernesti», Universität Leipzig, Januar 20, 1875, S. 4.

[2] E. G i b b o n, History of the decline and fall of the Roman Empire, London, 1900—1904, v. VII, ch. LXIV, 2, 15.

[3] «Encyclopaedia of religion and ethics», Edinburgh — New York, 1918, v. 10, p. 273.

[4] Ibidem, p. 272.

[5] G. F i n l a y, History of the Byzantine and Greek Empire, Edinburg. 1854, v. II, p. 179.

[6] См. «Encyclopaedia Britannica», v. XXII, p. 306; H. Y u l e, Cathay and the way thither, London, 1866, v. I, p. 231 (примечание 4).

Однако все эти и многие другие толкования далеки от истины. После 1143 г. в Азии вообще не было могущественного правителя, обладавшего хотя бы одной из черт, характерных для «царя-священника Иоанна».

Мнение Юла, что именно поэтому папское послание, очевидно, предназначалось негусу Эфиопии, единственному христианскому государю того времени, господствовавшему над цветными народами, получило недавно весьма решительную поддержку Маринеску[1]. Тем не менее эта гипотеза не выдерживает критики. До XIII в. Ватикану и всей Европе еще ничего не было известно об Эфиопии и правящем там христианском царе. Только в 1230 г. в Иерусалим в церковь на Масличной горе прибыло из Эфиопии несколько чернокожих священников-христиан во главе с аббатом[2]. Позже в Иерусалиме на Кальварской горе была сооружена нубийская часовня[3]. Впрочем, несмотря на все эти события, нигде и ни у кого не возникало тогда и мысли, что черные христиане прибыли из царства «священника Иоанна». Напротив, примерно до 1320 г. никому не приходило в голову, что родина «священника Иоанна» может быть где-нибудь в другом месте, кроме глубинных районов Азии. Даже к 1220 г., когда с новой силой вспыхнули надежды на военную помощь крестоносцам со стороны «царя-священника Иоанна» (см. т. III введение к гл. 119), никто не думал, что долгожданные войска неведомого, но могущественного царя придут из Эфиопии. Его ожидали *только* из Азии, откуда-то из сказочной «Индии» или пограничных с нею стран, где, как тогда считали, и находился библейский рай. Мысль о том, что папа и его врач в 1177 г. могли искать «священника Иоанна» в Эфиопии,— невообразимый анахронизм. Самым ранним источником, ставящим «царя-священника Иоанна» в связь с Эфиопией (она стала известна лишь в XIII в.), являются письма индийского монаха-доминиканца Иордана, относящиеся к 1321 и 1324 гг. (см. т. III, гл. 125).

Итак, следует окончательно отказаться от заумной гипотезы о том, что папа Александр адресовал свое письмо негусу!

Всего через несколько десятков лет после того, как было отправлено это письмо, многие посланцы христианского мира добрались из Европы к монголам Центральной Азии (см. т. III, гл. 119—124), но, несмотря на усиленные поиски, нигде не обнаружили державы могущественного христианского повелителя. Тем не менее христианская Европа не хотела так просто отказаться от своей заветной мечты. И хотя Рубрук[4] и Марко Поло[5] совер-

---

[1] C. Marinescu, Le prêtre Jean. Son pays. Explication de son nom, «Mémoire lu au Congrès International des Sciences historiques, tenu à Bruxelles en avril 1923», p. 94.

[2] Burchardus de Monte Sion, Descriptio Terrae Santae, «Thesaures monumentorum eccleciasticarum et historicarum de Canisius», ed. John Basuage, Antwerpen, 1725, IV, 9, 22, 4.

[3] Ludolphus, De itinere Terrae Sanctae liber, ed. F. Deycks, «Bibliothek des Stuttgarter Literarischen Vereins», 1851, B. XXV, S. 78.

[4] H. Herbst, Wilhelm von Rubruk, 1925, S. 44. [См. «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука», М., 1957, гл. XI, стр. 116.— *Ред.*]

[5] «Книга Марко Поло», кн. I, гл. 64 (и след.).

шенно определенно сообщали, что «священника Иоанна» давно уж нет в живых, а царство его исчезло, образ этот все больше обрастал легендами. «Царя-священника» продолжали искать то в Индии, то в Эфиопии, то на Кавказе[1] и даже в районе Конго, после того как он был открыт в 1485 г. (см. т. IV, гл. 192).

Нам остается рассмотреть еще вопрос о том, как же Елюташи превратился в «священника Иоанна». Ведь так называл его уже Оттон Фрейзингенский. Следовательно, это имя возникло вскоре после Самаркандского сражения. Опперт высказал предположение, что в Сирии, может быть, спутали титул «Кор-хан» (великий князь), который носил Елюташи, с Иоханааном (Иоанном)[2]. Эта трактовка представляется мало убедительной. Наконец, как сообщает Марко Поло, могущественный властелин, которого называли священником Иоанном, носил титул «Унекан» (народный князь), и «это означает, по мнению некоторых, то же самое, что на нашем языке — «священник Иоанн». Мусульманские авторы того периода подчеркивают, что не Кор-хан, а именно Он (Уан, Ован, у китайцев — Ван) - хан тождествен со «священником Иоанном». Так, Абу-л-Фарадж, современник Марко Поло, пишет:

«В том же году (1202) было основано государство монголов. В то время восточнотюркскими народами, исповедовавшими христианство, правил князь Он-хан, из племени кереитов, именуемый также царем Иоанном»[3].

Одновременно о «священнике Иоанне» упоминает другой нехристианский автор — Рашид-ад-дин, везирь персидского царя Газана, сообщая, что *все* кереиты были христианами[4]. Живший в XIV в. португальский еврей Иошуа Лорки, который впоследствии крестился и принял имя Иеронима де Санкта Феда, сообщает о евреях, «живущих на окраинах государства народного князя-христианина, которого называют *Preste Guan*»[5]. Уже упоминавшийся выше мусульманин Абу-л-Фарадж прямо указывает, что сам Он-хан был несторианским христианином.

В свете таких сообщений автор этих строк тоже высказал предположение, что епископ Гуго Габульский, который, по всей вероятности, был французом, мог воспринять на слух титул Уан-хан как «Jean». Кроме того, титул «хан» (князь) могли, как это нередко случалось впоследствии, спутать со словом «хам» (священник). В результате «Уан-хан» был ошибочно истолкован как «священник Иоанн» (вместо «народный князь»). Впрочем, автор не придает значения этому этимологическому объяснению, да и вообще

---

[1] Конрад фон Юнгинген, гроссмейстер Немецкого ордена, отправил 7 января 1407 г. письмо священнику Иоанну, именуя его *rex Abassiae* (Абхазия на Кавказе); на генуэзской карте 1447 г. местопребывание «священника Иоанна» также показано южнее Кавказа. О причинах см. т. III, гл. 119.

[2] G. Oppert, op. cit., S. 132.

[3] Abu-l-Faradsch, Historia dynastiarum, Oxford, 1663; Pauthier, Le livre de Marco de Polo, Paris, 1865, v. I, p. 173.

[4] В другом месте Рашид-ад-дин указывает, что христианство было введено у кереитов в 1007 г. [См. Рашид-ад-дин, указ. соч., т. I, кн. 1, стр. 126.— *Ред.*]

[5] G. Oppert, op. cit., S. 17 (примечание 1).

хотел бы подчеркнуть, что культурно-историческое значение понятия «священник Иоанн» несравненно важнее, чем происхождение этого имени.

Итак, твердо установлено, что прообразом «священника Иоанна» был повелитель кереитов Елюташи. Сомнения, высказанные по этому поводу Бруном, представляются неоправданными, тем более что его гипотеза, согласно которой прообразом «священника Иоанна» следует считать грузинского полководца Иоанна Орбелиани[1], не выдерживает критики. Орбелиани участвовал в борьбе против сельджуков лишь с 1161 г., то есть через 16 лет *после* первого упоминания о «царе-священнике» у Оттона Фрейзингенского.

Другое предположение было выдвинуто грузином Никурадзе, утверждавшим, что прообразом «священника Иоанна» был великий грузинский царь Давид II (ум. в 1124 г.), одержавший блестящую победу над мусульманами под Дидгори 15 августа 1121 г.[2] Однако эта гипотеза частично подходит только к периоду после 1219 г., когда вновь ожили надежды на «священника Иоанна» (см. т. III, введение к гл. 119—121). С мировоззрением христиан XII в. она никак не вяжется и уж совсем неприменима к сообщению Оттона Фрейзингенского, к письму папы Александра и т. п. Во всех этих документах «царь-священник» именуется Иоанном, а не Давидом, как в более поздних источниках (см. введение к гл. 119 и далее).

Поскольку в Азии, во всей части которой начиная с XIII в. постепенно проникли европейцы, нигде не удалось обнаружить христианское царство «священника Иоанна». После 1320 г. легенда о «царе-священнике» постепенно перенесла его государство в Эфиопию, к которой она первоначально не имела никакого отношения. На более поздних картах мира Эфиопия нередко обозначалась как «*Regnum Presbyteri Johannis*». Как отмечалось выше (гл. 66 и 72), в VI в. между Европой и государством Аксум поддерживались довольно оживленные связи. Однако они были почти полностью прерваны, после того как арабы завоевали Египет (640 г.) и ислам воздвигнул непреодолимый барьер, препятствовавший общению христианских народов с Эфиопией.

И хотя связи не были полностью уничтожены, а начиная с XIII в. путешественникам иногда даже удавалось проникнуть в Эфиопию (см. т. III, гл. 125, т. IV, гл. 169, 191, 197), все же эта страна оставалась окутанной тайной и давала богатую пищу для легенд и смутных надежд европейских политиков XV в.

Маркхэм в 1912 г. высказал мнение, что автор «*Libro del Conoscimiento*» (см. т. III, гл. 144) был первым, кто перенес около 1350 г. легенду о священнике Иоанне в Эфиопию[3]. Однако это утверждение нуждается в поправке. Еще в 1321—1324 гг. упоминавшийся выше монах-доминиканец Иордан сделал в своих письмах из Индии (см. т. III, гл. 125) этот смелый вывод, который поразительно долго сохранял свою мнимую силу. Еще в 1492 г.

---

[1] P. Bruun, op. cit., S. 291.

[2] A. Sanders, Kaukasien, München, 1942.

[3] C. Markham, Book of the knowledge, London, 1912, p. 38 (примечание 1).

Мартин Бехайм написал на своем «Земном яблоке» возле названия «Эфиопия» следующее:

«В этой стране живет всемогущий император, именуемый мастером (!) Иоанном. Он поставлен там правителем царства трех святых царей — Каспара, Бальтазара и Мельхиора из Страны мавров, и все его потомки — добрые христиане».

Царнке заявил, что письмо, направленное папой Александром «священнику Иоанну», является «первым и последним документом, в котором легендарный царь Индии принимается во внимание в дипломатических расчетах. С тех пор в глазах дипломатов он, видимо, снова стал мифической фигурой»[1].

Это предположение абсолютно неверно. Дипломатия довольно часто обращалась к фикции могущественного христианского властелина и в период, последовавший за папским письмом. В 1245 г. папа специально поручил Карпини, отправлявшемуся в Монголию (т. III, гл. 119), разузнать о местопребывании «священника Иоанна». Еще в 1383 г. Филипп де Мезьер считал, что резиденция «царя-священника» находится на Ганге[2], а в 1407 г. великий магистр Немецкого ордена обратился с письмом к этому фантому. Участники Констанцского собора надеялись, что, быть может, к ним прибудет представитель от «царя-священника» Принц Генрих Мореплаватель (см. т. IV, гл. 158, 178) в течение ряда десятилетий руководствовался в своих экспедициях туманной надеждой, что ему удастся установить связи с легендарным царем и, может быть, даже заключить с ним военный союз против турок. 3 мая 1518 г. в письме папы Льва X крещенный незадолго до того сын какого-то негритянского вождя назван «сыном нашего возлюбленного во Христе царя Эфиопии Иоанна»[3]. Наконец, в 1530 г. еще раз, как и за 360 лет до этого, были написаны послания мнимого «царя-священника Иоанна» папе и императору Карлу V[4], которые, впрочем, по-видимому, никто не принял всерьез как политический документ.

Лишь в XVI в. пришел конец вере в могущественного христианского князя на Востоке. Историю легенды о «царе-священнике Иоанне» в настоящее время можно считать выясненной в ее основных чертах[5]. С культурно-исторической точки зрения этот совершенно необычный факт представляет гораздо больший интерес для психологического, чем для чисто исторического анализа. Легенда о беспредельно могущественном и богатом таинственном христианском властелине, царствующем где-то в неведомых странах

---

[1] F. Zarncke, op. cit., p. 20.

[2] N. Jorga, Conni sulle relazione tra l'Abessinia a l'Europa cattolica nei secoli XIV—XV, «Centenario della nascità di Michele Amari», Pescara, 1910, t. I, p. 141.

[3] «Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo», Lisboa, 1892, p. 420.

[4] L. Dolce, Vita dell'invittissimo e gloriosissimo Imperador Carlo Quinto, Vinegia, 1561, p. 43 (и след.).

[5] Кроме уже названной литературы, см. G. Brunet, La légende du Prêtre Jean, Bordeaux, 1877; «Encyclopaedia Britannica», v. 18, p. 459 (и след., статья Юла).

Востока, чрезвычайно соответствовала психологии людей средневековья. Недаром образ «царя-священника Иоанна» вдохновил авторов ряда произведений художественной литературы. Самое древнее из них относится к XII в.[1] Но и помимо поэтического творчества, исторические события, связанные со «священником Иоанном», украшались вымыслами самой буйной фантазии.

В письме от 1530 г. содержатся гордые, но чрезвычайно наивные слова: «Если можешь сосчитать звезды на небе и песок на дне морском, то определи наше богатство и могущество».

Как бы то ни было, странный образ «царя-священника» в течение 400 лет оставался мнимой реальностью, с которой связывались бесчисленные политические иллюзии.

Предпринятая папой в 1177 г. попытка установить отношения с отдаленными областями Востока и Индостаном оказалась безуспешной. И все же она имеет большое значение для истории культуры как первый шаг христианской Европы, направленный к расширению сведений о неизвестном мире на Востоке. В XIII и XIV вв. Восточная Азия, как мы увидим дальше, особенно сильно привлекала к себе географическую мысль европейцев наряду с их церковными и торговыми интересами. Послание папы Александра III от 1177 г. как бы открывает своеобразную эпоху, длившуюся 100 лет и разделявшую путешествия Карпини и Джованни Мариньолли. Следует вообще обратить внимание на то, как с течением времени неоднократно, подобно моде, менялось основное направление географических исследований. Еще Риттер отметил этот факт, анализируя древние географические экспедиции в Африку: «В то время всемирной целью был Юг, позднее ею стал Запад, а затем — Север»[2]. В XIII в. и до середины XIV в. в центре внимания находился Восток. Миссия врача Филиппа и смелое путешествие Генриха фон Морунген (см. гл. 117) открыли эту совершенно своеобразную эпоху разведывания неведомых земель на Востоке[3].

---

[1] E. Schröder, Das älteste deutsche Gedicht vom Priester Johannes, «Zeitschrift für das deutsche Altertum», 1933, B. 70, S. 129.

[2] К. Риттер, История землеведения и открытий по этому предмету, стр. 29.

[3] См. по этому вопросу статью автора: R. Hennig, Neue Forschungen zur Sage des Priesterkönigs, «Universitas», Tübingen, 1949, S. 1261 (и след.).

ГЛАВА 116

ОТКРЫТИЕ ШПИЦБЕРГЕНА

(1194 г.)

Найден Свальбард[1].

* * *

От Ланганеса в северной части Исландии четыре дня морского пути до Свальбарда, расположенного на север от Хафбота, но один день пути от острова Кольбейнси на севере до ледяных пустынь Гренландии[2].

* * *

Когда несколько мореходов, намеревавшихся совершить обратное плавание из Исландии в Норвегию, были противным ветром отнесены к северу, их прибило в конце концов к какой-то суше между Гренландией и Биармией, где они, по их словам, встретили необычайно высоких людей и обнаружили страну девственниц, будто бы беременеющих от питья воды. Гренландия отделена от них покрытыми льдом шхерами[3].

* * *

Россия расположена к востоку и северу от Балтийского моря, а северо-восточнее России находится страна, именуемая Йотунхеймар. Там живут тролли и горные духи; по направлению от этой страны к Гренландии простирается страна под названием Свальбард. Там живут различные племена[4].

Свальбард, то есть «Холодный берег», был самой северной землей, известной норманнам. По данным исландских летописей, он был впервые обнаружен в 1194 г. Остается не совсем ясным, о какой земле, собственно, шла речь. Исследователи называли северо-восточное побережье Гренландии,

---

[1] «Islandske Annaler indtil 1578», ed. G. Storm, Christiania, 1888. Сообщение относится к 1194 г.

[2] «Landnamabok» (введение). См. «Thule», B. 23, S. 62.

[3] «Monumenta Historica Norvegiae» (около 1200 г.), ed. G. Storm, Christiania, 1880, S. 74.

[4] Сага о Самсоне Прекрасном (около 1350 г.), гл. 13. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», ed. Nordisk Oldskrift Selskab, København, 1845, B. III, S. 524.

Ян-Майен, Шпицберген и даже северное побережье Сибири и Землю Франца-Иосифа. Серьезного рассмотрения заслуживают, очевидно, только Восточная Гренландия и Шпицберген. Ведь такому небольшому острову, как Ян-Майен, который легко объехать со всех сторон, вряд ли могли, как правильно отмечает Нансен[1], присвоить название «Холодный берег», более подходящее для материка. Не требуется прибегать к доказательствам, что северное побережье Сибири и Земля Франца-Иосифа никак не могли быть открыты из-за того, что по пути из Исландии в Норвегию мореплаватели во время шторма сбились с курса. Рафн[2], Гумбольдт[3] и Маурер[4] были склонны отождествлять Свальбард с восточной частью Гренландии. Гипотеза эта, однако, не очень убедительна, поскольку в «Ланднамабоке» и в «Саге о Самсоне Прекрасном» восток Гренландии, то есть «ледяные пустыни», упоминается наряду со Свальбардом. Неправдоподобной при таком толковании кажется и история с бурей, так как для того, чтобы добраться до восточного побережья Гренландии, пришлось бы пробиться через мощный ледяной барьер.

Несравненно более правдоподобной кажется гипотеза, впервые обоснованная Стормом[5], отождествившим Свальбард со Шпицбергеном. К этому предположению присоединился Бугге[6] и особенно решительно Нансен, мнение которого по этому вопросу имеет, пожалуй, решающее значение. Нансен отмечает, что моряки, плывшие из Северной Исландии вдоль границ дрейфующего льда на север, должны были почти автоматически натолкнуться на Шпицберген[7]. Он считает гораздо более вероятным, что открытие этой земли произошло именно так, а не в результате отклонения курса из-за случайного шторма. При этом следует иметь в виду, что в том месте из «Памятников норвежской истории», где говорится о шторме, название «Свальбард» вообще не упоминается, а речь идет об открытии какой-то безыменной земли. К тому же земля эта наделена такими сказочными чертами, что вообще весьма сомнительно, имеет ли она какое-либо отношение к открытию 1194 г.

Против отождествления Свальбарда со Шпицбергеном говорит лишь сообщение, что земля была населена. Впрочем, как раз в самых древних и достоверных исландских источниках этого сообщения *нет*, да и вряд ли ему можно придавать какое-нибудь значение. Где же в Северной Атлантике и прилегающих водах Северного Ледовитого океана в конце XII в. могли еще остаться никому неизвестные населенные земли? На востоке Гренландии, Ян-Майене и Шпицбергене никак не могли проживать «различные народы». Именно поэтому ученые полагали, что в источнике речь шла о севере

---

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 116 (и след.).
[2] C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 303.
[3] А. Гумбольдт. Космос, М., 1851, ч. II., стр. 219 (примечание 228).
[4] K. Maurer, Geschichte der Entwicklung Ostgrönlands, «Die 2. Deutsche Nordpolfahrt in dem Jahre 1869—1870», Leipzig, 1874, B. I, S. 209.
[5] «Arkif for Nordisk Filologi», Lund, 1890, B. VI, S. 344.
[6] A. Bugge, Vore forfaedres opdagelsesreiser i Polaregnene, Christiania, 1899, S. 499.
[7] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 118; Spitzbergens Opdagelse, «Nature», 1929, B. 44, S. 1 (и след.).

Сибири. Однако норманские мореплаватели XII в. не могли случайно попасть на побережье, которое стало доступным для судоходства лишь во второй половине XIX в., после многовековых усилий полярных исследователей! Сообщение в «Памятниках норвежской истории» настолько пронизано сказочными элементами, что позволительно серьезно усомниться в его исторической достоверности.

Итак, можно считать установленным, что именно Шпицбергенский архипелаг был обнаружен в 1194 г. и назван Свальбардом. Так называется Шпицберген, принадлежащий с 1918 г. Норвегии, и в настоящее время в официальных документах. Поскольку эти острова богаты промысловым пушным зверем, который в былые времена ценился не меньше, чем теперь, можно с уверенностью предположить, что и позднее норвежцы не раз бывали на земле, открытой ими в 1194 г.

Нельзя категорически утверждать, что средневековые норманны, кроме Шпицбергена, знали также Новую Землю, однако это вполне вероятно. Продержавшееся несколько столетий и развеянное только в XVII в., если не в XVIII в., заблуждение якобы Северо-Восточная Европа и Гренландия соединены сушей, вероятно, обязано своим происхождением, наряду со Шпицбергеном, также простирающемуся на огромное расстояние массиву Новой Земли. Ведь этот остров препятствовал дальнейшему проникновению мореплавателей на восток. Как представляли себе в XII в. географию этого района, нагляднее всего видно из сообщения в так называемой «Грипле» (точная дата возникновения этого произведения неизвестна):

«От Биармии на север тянутся пустынные земли до страны, которая зовется Гренландией»[1].

Заблуждение это настолько укоренилось, что Клавдий Клавус, страдавший изрядным бахвальством и незаслуженно пользовавшийся авторитетом, мог беззастенчиво лгать, уверяя, что лично встречал в Гренландии (в которой он, безусловно, никогда не бывал) биармийцев, совершивших туда путешествие из северной России по суше![2]

Свальбард, видимо, был последней землей, впервые открытой норманнами. Больше им не удалось совершить никаких географических открытий, если не считать незначительного расширения сведений о северо-западной Гренландии в 1267 г. Эта экспедиция будет подробнее рассмотрена ниже (см. т. III, гл. 124).

Как известно, островной характер Шпицбергена был раскрыт лишь в XIX в. В течение многих столетий эту землю считали частью колоссального массива Гренландии. Такое представление надолго стало всеобщим, главным образом из-за карты Клавдия Клавуса от 1427 г. (см. т. III, гл. 153 и прилагаемую карту Птолемея). Поэтому Шпицберген нередко обозначался

---

[1] B. Jonsson, Grønlands Historiske Mindesmaerker, B. III, S. 222.

[2] Клавдий Клавус Нигер (латинизированное имя датчанина Клавдия Клауссена Сварта) составил карту Северо-Западной Европы (1427 г.), на которой поместил Гренландию к западу от Исландии как часть Европы, соединенную с последней узкой полосой суши.— *Прим. ред.*

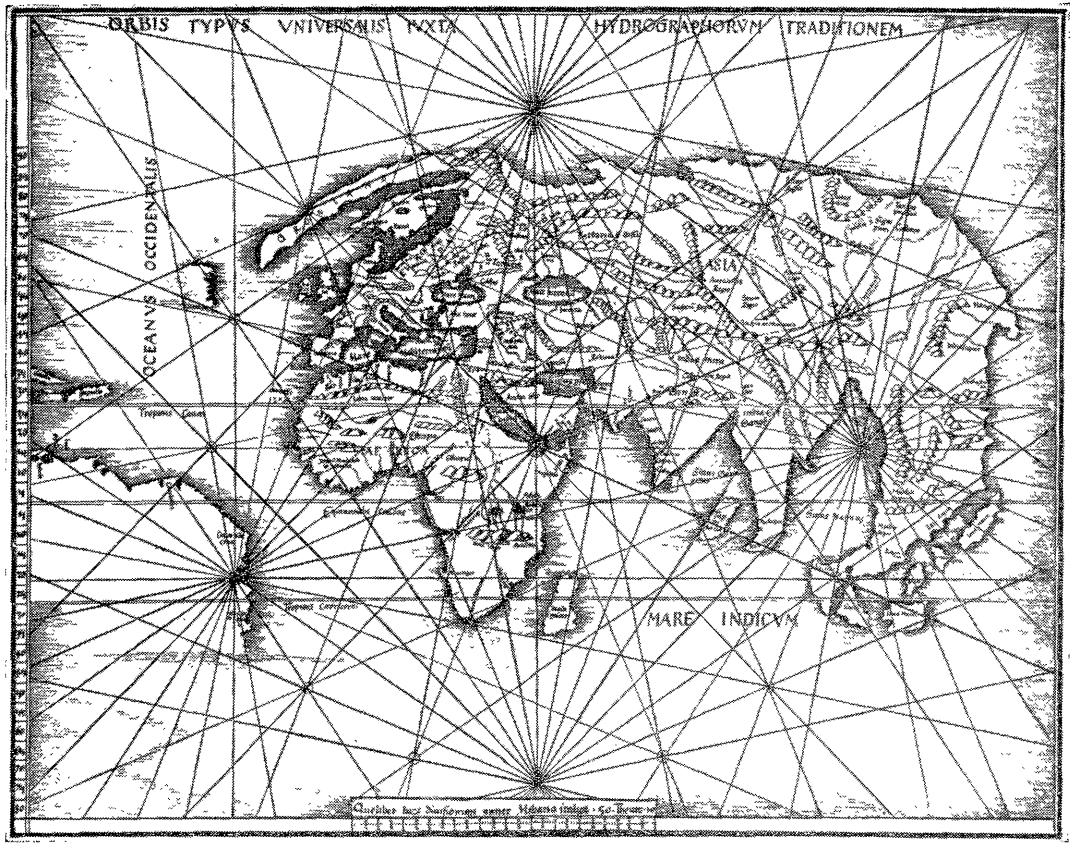

Рис. 13. Мнимая связь Гренландии с Евразией.
Карта из «Географии» Птолемея в издании 1513 г.

как Гренландия[1]. И даже теперь, когда в истории китобойного промысла речь идет о «гренландских экспедициях» и «гренландских китах», то имеется в виду охота на китов в районе Шпицбергена. На многочисленных картах позднего средневековья и начала нового времени Шпицберген показан не как остров, а как часть огромного полуострова Гренландии, протянувшегося откуда-то с северо-востока Европы до мыса Фарвель[2].

Голландец Баренц, заново открывший этот архипелаг в 1596 г., тоже сначала назвал его Гринеланд (Greeneland). Название «Шпицберген» впервые встречается лишь в 1613 г. в одной голландской книге[3]. Все же вплоть до конца XVIII в. Шпицберген обычно называли Гренландией[4].

Неслучайно даже такой прекрасный знаток Гренландии, как Эгеде, еще во второй половине XVIII в. не был уверен в том, является ли Шпицберген «отделенным от Гренландского материка островом» и не соединяется ли Гренландия на северо-востоке с «Азией и Та(р)тарией», хотя полагал, что с другой стороны она «отделена от Америки лишь узким проливом»[5].

---

[1] D. Cranz, Historie von Grönland, Leipzig, 1765, B. I, S. 7.

[2] R. Hennig, Die mittelalterlichen Vorstellungen von der Natur Grönlands, «Geographische Anzeiger», 1938, S. 200.

[3] J. J. Egli, Nomina geographica, Leipzig, 1872, S. 540.

[4] D. Cranz, op. cit.

[5] H. Egede, Beschreibung und Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 30 (и след.). [Завершая обзор полярных экспедиций раннего средневековья, Хенниг (как и другие зарубежные историки географических открытий и исследований) оставил почти без внимания многочисленные путешествия русских мореходов и землепроходцев IX—XII вв. Между тем в результате этих путешествий были открыты все значительные реки, впадающие в Баренцово и Белое моря, а также побережье от Варангер-фьорда до Югорского Шара. См. Дж. Бейкер, История географических открытий и исследований, М., 1950, стр. 45 (примечание); см. также Н. Н. Зубов, Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, М., 1954, стр. 12—20; Д. М. Лебедев, Г. К. Шулейко, Русское мореплавание до XVIII века, «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 1—11; И. И. Петров, Из истории освоения западного участка Северо-Восточного прохода, «Памяти академика Л. С. Берга», АН СССР, 1955, стр. 166—170; В. Крестинин, Прибавление первое к географическому известию о Новой Земле полуночного края, «Новые ежемесячные сочинения», 1789, ч. XXXI, стр. 41.— *Ред.*]

ГЛАВА 117

ГЕНРИХ ФОН МОРУНГЕН В ИНДИИ

(около 1200 г.)

В лето с Рождества Христова 1222 скончался Генрих фон Моринген, посетивший Святого Фому в Индии[1].

* * *

В 1222 году умер Генрих фон Моринген, побывавший в Индии[2].

* * *

А теперь отпусти меня, нежная дама,
Ибо путь мой лежит в землю Святого Фомы[3].

* * *

В городе Холенбах жил рыцарь, по имени Герардус, внуки которого здравствуют до сих пор... Он истово поклонялся Святому апостолу Фоме, выделял его среди других святых и не отказывал ни одному нищему в подаянии, если тот просил его именем этого святого...

Он совершил очень далекое путешествие и, в конце концов, претерпев всяческие лишения и понеся большой урон, добрался до города Святого Фомы, апостола (*pervenit ad civitatem Sancti Thomae Apostoli*).

И дьявол поднял его и перенес за часть суток между восходом и заходом солнца из Индии в Германию и опустил его в сумерках на собственный двор, не причинив вреда[4].

---

[1] Венская рукопись No 3004 из августинского монастыря св. Фомы в Лейпциге, лист 36. См. H. M e n h a r d t, Zur Lebensbeschreibung Heinrichs von Morungen, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 1933, B. LXX, S. 217.

[2] Ibidem (древнейшее сообщение, лист 8 продолжения рукописи).

[3] «Lied von edlen Moringer», Vers. 2. См. R. L i l i e n c r o n, Deutsches Leben im Volkslied um 1530, Stuttgart, 1885, S. 101.

[4] C a e s a r i u s v o n H e i s t e r b a c h, Dialogus miraculorum, dist. VIII, cap. 59, Köln, 1591, t. II, p. 176.

* * *

В году 1... рыцарь Мори отправился отсюда в дальние страны. Тогда его супруга обещала другому, что выйдет за того замуж. Тут явился ему дух и сообщил об этом, прибавив, что если тот согласен отдаться в его власть, то он быстро доставит его в Лейпциг. На это он, подумав, отвечает: если тот доставит его во сне вместе с его львом в Лейпциг, то он готов отдаться в его власть. Затем сел он на своего льва и взлетел в воздух, и тут объял его сон. Когда же приблизились они к Лейпцигу, лев начал рычать, от чего он пробудился и так вернулся к своему супружескому ложу. Его изображение вместе со львом высечено на камне в церкви Святого Фомы возле кафедры[1].

Только в 1934 г., после исследования Менхардтом рукописей Венской государственной библиотеки, была опубликована относящаяся, видимо, к XIII в. запись о миннезингере Генрихе фон Морунген, согласно которой он предпринял остававшееся до сих пор неизвестным путешествие в Индию к последователям св. Фомы. В своем исследовании Менхардт подробно рассмотрел обстоятельства этого путешествия.

Рукопись No 3004 Венской государственной библиотеки в основном принадлежит перу настоятеля августинского монастыря св. Фомы в Лейпциге Георга Хорна, скончавшегося в 1527 г.

Этот монастырь был основан в 1212/13 г. маркграфом Мейсена Дитрихом Обиженным.

Хорн, очевидно, использовал в своих записях сообщения авторов XIII в., возможно заметки из старого календаря, оригинал которых исчез. Другой автор, дополнив рукопись Хорна, по собственному почину еще раз записал, что Генрих фон Морунген, путешествовавший в Индию, скончался в 1222 г. Эта ценная рукопись, видимо, была каким-то образом вывезена из Лейпцига при секуляризации монастыря в 1540 г., а в 1667 г. наряду с другими приобретена Венской государственной библиотекой[2].

Генрих фон Морунген издавна славился как миннезингер, отличавшийся весьма своеобразным стилем. Он, очевидно, родился в замке Морунген под Зангерхаузеном и, надо полагать, был рыцарем по происхождению[3].

Родился Генрих фон Морунген, вероятно, около 1150 г. и попал к мейсенскому двору в связи с бракосочетанием маркграфа Дитриха Мейсенского и Ютты, дочери ландграфа Германа Тюрингского. Там он остался и, «очевидно, сопровождал маркграфа в 1195 г. в Святую землю»[4]. Эту дату,

---

[1] Рукописная летопись Андреаса Хёля (1630 г.), лист 107. См. E. Kroker, Aufsetzen zur Stadt- und Reformationsgeschichte, «Aus Leipzigs Vergangenheit», Leipzig, 1929, S. 34 (и след.).

[2] Ibeden, S. 209.

[3] H. Menhardt, op. cit., S. 227.

[4] Ibidem, S. 224.

как показано в более поздней работе Менхардта[1], следует исправить на 1197 г., так как отъезд маркграфа в Святую землю, согласно источникам, состоялся 13 января 1197 г.[2]

После ранней смерти Генриха VI (28 сентября 1197 г.) маркграф Дитрих возвратился в Германию раньше намеченного срока, а поскольку весь крестовый поход тоже безрезультатно закончился в феврале 1198 г., то отпала и нужда в поездке на Восток. Однако Генрих фон Морунген, не вернувшийся вместе с маркграфом на родину, предпринял, по неясным мотивам — то ли по собственной инициативе, то ли «быть может, по желанию Дитриха»[3], попытку проникнуть дальше на Восток. Во времена крестовых походов это было связано с изрядным риском и требовало большого мужества. Вначале арабы, которые сами вели обширную торговлю, почти никогда не препятствовали передвижению мирных торговцев другой веры. Но после завоевания Иерусалима сельджуками (1076 г.) в Святой земле начала очень резко проявляться фанатическая вражда к христианам, которая и стала главным поводом для начавшихся вскоре после этого крестовых походов. Вполне вероятно, что побудительной причиной для путешествия Генриха в страну св. Фомы было особое преклонение миннезингера перед этим святым, о котором упоминает Цезарий Хейстербах. К сожалению, обстоятельства дела остаются неясными.

Менхардт, видимо, прав, полагая, что Морунген привез на родину из своего путешествия в Индию несколько реликвий св. Фомы и что маркграф Дитрих именно поэтому основал монастырь в Лейпциге[4]. После своего возвращения Морунген получил от маркграфа подарок в сумме 10 талантов и патронат над имениями Грос-Чохер и Гауч. Права владения этими поместьями он как будто передал договором от 18 августа 1217 г. Лейпцигскому монастырю св. Фомы в обмен на предоставление ему права дожить свои дни в этой обители, где и умер пять лет спустя, когда ему уже, видимо, было за 70. Если все эти сообщения достоверны, то вполне понятно, почему авторы монастырских летописей были так хорошо информированы о жизни и смерти Генриха.

Еще в 1899 г. в Лейпцигском соборе св. Фомы хранились следующие мнимые реликвии, которые, впрочем, в последующие годы были утеряны: «клочок ткани из одеяния св. Фомы... круглый прозрачный камень, на котором изображена голова женщины... кусочек жемчужной раковины... свин-

---

[1] H. Menhardt, Heinrichs von Morungen Indienfahrt, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, B. XXXI, S. 251.

[2] Opel, Chronicum mortis sereni... qua die cum signa crucis deo militaturus Theodorius comes Jerosolimamque profecturus exivit. [Хроника блаженной смерти... в тот день, когда Теодорий, приближенный, выступил под крестным знаменем, чтобы сразиться за Господа и помочь Иерусалиму.— *Ред.*]

[3] H. Menhardt, Zur Lebensbeschreibung Heinrichs von Morungen, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 1933, B. LXX, S. 225.

[4] Ibidem, S. 233.

цовое зеркальце с двумя стеклами»[1]. Менхардт считает, что эти реликвии были «предметами, привезенными на память о путешествии, и первоначально находились в гробнице Генриха фон Морунген в соборе св. Фомы»[2]. Три последних предмета вряд ли могли иметь какое-либо отношение к апостолу Фоме.

Своим превращением в псевдореликвии св. Фомы эти предметы, видимо, обязаны лишь тому обстоятельству, что принадлежали Морунгену, побывавшему в Индии и поклонявшемуся св. Фоме.

Особенно интересен вопрос о том, куда собственно совершил путешествие Генрих фон Морунген. Менхардт сначала придерживался того мнения, что миннезингер направился в Эдессу, где якобы было предано земле тело апостола Фомы[3], а оттуда двинулся в Персию, с которой также было тесно связано имя этого святого и в которой находился центр несторианства в Передней Азии — Ктесифон. Автор этих строк высказал свои сомнения в правильности такой гипотезы, считая, что Месопотамию и Персию европейцы не называли бы «Индией»[4]. Правда, в понятие «Индия» тогда вкладывали весьма неопределенное содержание, однако «Землей св. Фомы» всегда была *только Индия* и в первую очередь все побережье между Бомбеем и Мадрасом, включая Цейлон. *Только* Марко Поло, Монтекорвино, Одорико, Мариньолли и др. отмечают процветающие общины последователей св. Фомы.

Даже в столице Цейлона—Агне в XII в. у повелителя, наряду с цейлонскими, мусульманскими и иудейскими везирями, было также четыре христианских советника из общин последователей св. Фомы[5].

Если Морунген действительно навестил св. Фому, то он, подобно своему предшественнику Сигельму (см. гл. 95), безусловно, побывал именно в этих районах, что безоговорочно признается в более позднем исследовании Кратохвилля[6]. К тому же около 1200 г. морские связи между Шатт-эль-Арабом и Индией были настолько хорошо налажены, что путешествие из Святой земли в Индию было ничем не сложнее поездки в Персию.

В то время христианское вероисповедание не было препятствием для путешественников при следовании из Сибири на Восток. Так, например, Адам Бременский тоже рассказывает о некоем епископе Бово, который в XI в. из любви к путешествиям трижды совершил паломничество в Иерусалим, причем однажды не по своей воле попал даже в Багдад![7].

Через несколько десятилетий после Морунгена засвидетельствован ряд поездок христианских миссионеров в Ирак и Индию. Похоже на то, что

[1] Письменное сообщение Менхардта от 22 марта 1935 г.

[2] H. Menhardt, Heinrichs von Morungen Indienfahrt, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, B. XXXI, S. 255.

[3] W. Germann, Die Kirche der Thomaschristen, Gütersloh, 1877, S. 40 (и след.).

[4] R. Hennig, Indienfahrten abendländischer Christen im frühen Mittelalter, «Archiv für Kulturgeschichte», 1935, B. XXV, S. 278.

[5] Edrisi, ed. Jaubert, Paris, 1840, t. I, p. 72.

[6] M. Kratochwill, Das Problem der Indienfahrt des Minnesängers Heinrich von Morungen, «Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft zu Wien», 1937, B. LXXX, S. 329 (и след.).

[7] Adam von Bremen, III, 77.

мусульмане позднего средневековья в основном старались держать подальше от своих земель христианских купцов, а не миссионеров, которые не представляли опасности для приверженцев ислама.

Так, например, 26 мая 1233 г. папа Григорий IX послал в Багдад миссионеров-францискацев[1]. Вслед за ними туда неоднократно направлялись представители других христианских орденов, которые, правда, немногого добивались для христианской церкви, но обычно встречали неплохой прием со стороны мусульман. Добраться из Багдада в Индию в те времена не считалось сколько-нибудь выдающимся подвигом. Опубликованное Кунстманом[2] письмо доминиканца Менентилла Сполетского из Малабара в Индии, которое датировано 22 декабря 1292 г., доказывает, что в XIII в. христиане имели возможность не только собрать в этой стране довольно обширные сведения об Индийском океане, но и пересылать оттуда свои письма в Европу. В письме, между прочим, говорится:

«Хотелось бы знать, является ли это море [Индийский океан] внутренним или это океан. В южном направлении нет ни континентов, ни островов».

Тем не менее около 1200 г. путешествие в Индию представляло для христиан несравненно большие трудности, чем 100 лет спустя. Вскоре после 1300 г. в Индии обосновалось в качестве миссионеров немалое число доминиканцев и францисканцев, а в 1328 г. Иордан Каталонский на короткое время основал даже епархию в Колумбо (на мысе Коморин! Не путать с Коломбо на Цейлоне)[3]. Задолго до открытия морского пути в Индию христианская церковь развила в этой стране усиленную деятельность, о которой в Европе мало знали. Во всяком случае, португальцы были чрезвычайно удивлены, когда, приплыв 23 декабря 1500 г. в Кочин, они встретили там многочисленных братьев по вере, рассказавших им, что «тело Святого Фомы покоится на расстоянии 150 часов пути от Кочина, на берегу моря, в городе Майлапур, в котором очень мало жителей. С могилы святого берут землю, и там случается много чудес, поэтому туда приходят многие христиане от всех этих народов... Это белые люди с черными волосами и зеленоватыми глазами, очень храбрые. Их столица называется Валчина; оттуда привозят прекрасные большие вазы из фарфора, мускус, амбру и алойное дерево»[4].

Немногим позднее сирийский священник Иосиф Индийский, возвратясь из Индии, утверждал, что «все индийцы, а также жители государства Катай — христиане»[5].

---

[1] O. Raynaldus, Annales ecclesiastici, ed. J. D. Mansi, Lucca, 1747, ad annum 1233, No 16—22; L. Auvray, Les Registers de Grégoire IX, Paris, 1896, t. I, No 1337.

[2] Статья Кунстмана. См. «Gelehrte Anzeigen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1855, No 21.

[3] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 155 (и след.); C. J. Bündgens, Was verdankt die Länder- und Völkerkunde den mittelalterlichen Mönchen und Missionären? Frankfurt a. M.—Luzern, 1889, S. 204.

[4] Hosten, S. Thomas and San Thomé, Mylapore, «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», 1933, p. 280.

[5] C. J. Bündgens, op. cit., S. 220.

Совершенно очевидно, что здесь опять наблюдается смешение буддийских религиозных обрядов с христианскими, о чем уже говорилось в гл. 110[1].

Менхардт в 1937 г.[2] в основном присоединился к предложениям, выдвинутым автором этих строк[3]. И хотя Менхардт все еще считает вероятным, что Генрих фон Морунген во время своих странствий посетил также Эдессу и Ктесифон (такое предположение не представляется бесспорным, но автор не намерен его оспаривать), теперь этот исследователь все же признает, что «Индией» Морунгена действительно могла быть только подлинная Индия. Он отмечает, что в Западной Европе XII в. вряд ли было что-либо известно о Южной Индии (за исключением Цейлона) и что поэтому первоначальной целью путешествия Генриха фон Морунген могла быть только Индо-Гангская равнина. Представление об этом районе укоренилось в сознании европейцев благодаря широко распространенной в средние века литературе об Александре Македонском. Но на Инде и Ганге нельзя было встретить процветающие фомистские общины, которые всегда существовали только *на юге* Индии. Менхардт предлагает компромиссное решение вопроса, с которым соглашается автор:

«Он [Морунген] достиг района Инда и Ганга по суше, а Мелипапура, Цейлона и Южной Аравии — морским путем»[4].

С подобной или аналогичной формулировкой, безусловно, можно согласиться, хотя и следует иметь в виду, что это лишь недоказуемая гипотеза. Во всяком случае, нужно твердо помнить то обстоятельство, что посещение фомистской общины могло произойти только в прибрежных районах Южной Индии и на Цейлоне, но никоим образом не в Месопотамии, Персии и Северной Индии.

Путешествие Генриха фон Морунген в Индию, видимо, произвело сенсацию в Германии начала XIII в. и стало предметом длительного обсуждения. Очевидно, именно на него опирается Цезарий фон Хейстербах в своей «Книге чудес», когда упоминает в одном из рассказов (см. цитаты в начале главы) рыцаря Герардуса из Холенбаха, который отправился в Индию «*ad civitatem Sancti Thomae Apostoli*» [в город Святого апостола Фомы.— *Ред.*] и по прошествии многих лет вернулся оттуда в свой замок с помощью дьявола всего за один день. Средневековая песня шпильманов о благородном Моринтере, несомненно, также вызвана к жизни приключениями Генриха фон Морунген. Менхардт считает установленным фактом, что автор, «безусловно, списал своего героя с Генриха фон Морунген»[5].

---

[1] О частых случаях ошибочного отождествления чужих религиозных обычаев с хорошо известными, кроме гл. 120, см. G. Jacob, Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe im 9. und 10. Jahrhdt., Berlin—Leipzig, 1927, S. 29.

[2] H. Menhardt, Heinrichs von Morungen Indienfahrt, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, B. XXXI, S. 252.

[3] Ibidem, S. 273.

[4] Ibidem.

[5] H. Menhardt, Zur Lebensbeschreibung Heinrichs von Morungen, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 1933, B. LXX, S. 232.

Мелиапур — современный Мадрас — всегда считался индийским городом св. Фомы, поблизости от которого, как повествует исторически неправдоподобная христианская легенда, апостол принял смерть от копья какого-то брахмана.

На примере Генриха фон Морунген особенно хорошо видно, какими чудесами приукрашивается с течением времени предание, если оно распространяется среди народа. Проследим за превращениями, которым в XVII в. подверглась легенда о Моринге не в германском городе св. Фомы — Лейпциге. Имя Моринген уже не упоминается в хронике Хёля (см. цитаты). Кроме того, в ней речь идет уже не об Индии, а лишь о «дальних странах», в которые отправился рыцарь Мори. Зато в историю его приключений вплетены предания о Генрихе Льве и о Германе Аррасском, что превращает ее в «странную мешанину» (Менхардт), а местом действия совершенно произвольно избран Лейпциг.

Нет никаких оснований сомневаться в исторической достоверности путешествия Генриха фон Морунген в Индию.

Правда, точные даты и продолжительность пребывания миннезингера в этой стране установить невозможно. Цезарий говорит о пяти годах, а появившаяся уже в XIV или XV в.[1] «Песня про благородного Морингена»— о семи годах отсутствия героя[2]. Разумеется, и тот и другой срок не заслуживают доверия. Если Генрих отправился с маркграфом в Святую землю в 1197 г., то самой вероятной датой его пребывания в Индии следует, очевидно, считать время с 1198 по 1200 или 1201 г. Ближе всего к истине, вероятно, хронология, предложенная Менхардтом, согласно которой путешествие Генриха фон Морунген «продолжалось с 1197 приблизительно до 1202 г.»[3]

Интересно, что о путешествии Генриха фон Морунген напоминает бытующее название Лейпцига —«город кантора св. Фомы».

---

[1] E. Kroker, op. cit., S. 34 (и след.).
[2] R. Liliencron, op. cit., XV.
[3] H. Menhardt, Heinrichs von Morungen Indienfahrt, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, B. XXXI, S. 273.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ К II ТОМУ, ДАННЫЕ АВТОРОМ В 1953 г. В КОНЦЕ III ТОМА

К гл. 79

Вскоре после выхода в свет второго издания «Неведомых земель» в журнале «Петерманс миттейлунген» появилась странная статья. Автор этой статьи Кренн делает заведомо безнадежную попытку дать географическое толкование туманной легенды о плавании св. Брандана, изложенной в «Navigatio Sti Brandani»[1].

Хотя в этом источнике оговаривается, что многие высказанные в нем догадки представляют собой лишь попытку дать некоторое пояснение, Кренн все же использует их для построения картосхемы, на которой нанесены два маршрута плаваний св. Брандана, состоявшихся предположительно в 545—550 и 551—555 гг. Один из них ведет от Фарерских или Шетландских островов к водам Гренландии, а второй — от Ирландии прямо через Атлантический океан к Багамским островам и к Флориде.

Достойно удивления, что автор статьи не сделал никакой попытки обосновать свои предположения старыми источниками, а пользуется исключительно новейшими работами. Эта литература опубликована главным образом на Фарерских островах и потому мало известна или совсем не известна в Германии.

Понятно, что Фарерские острова, которые якобы были впервые обнаружены св. Бранданом, насадившим там христианство, не могут служить вполне надежной отправной точкой для решения вопроса. Поэтому появившаяся в 1945 г. работа Сверре Патурссона[2], которой Кренн пользовался как важнейшим источником, построена на весьма сомнительных гипотезах, представляющихся автору этих строк не основательными и произвольными предпосылками.

«Navigatio Sti Brandani», как показал перевод этой легенды на немецкий язык, сделанный Бенцем[3], содержит так много типичных для саг сказочных элементов, что автору ни на минуту не пришла в голову мысль дать ей хотя бы частично географическое толкование или разъяснить такое толкование картосхемой. Но именно так и поступил Кренн. Он выдергивает из источника отдельные куски, отбрасывая в сторону большую его часть, а затем толкует их совершенно произвольно, не подкрепляя никакими доказательствами.

---

[1] E. K r e n n, Wer hat Amerika zuerst entdeckt?, «Pettermanns Mitteilungen», 1950, S. 207.

[2] S w e r r e P a t u r s s o n, Fyrsti navnnevndi, id... Førya, Thorshavn, 1945.

[3] R. B e n z, St. Brandans Meerfahrt, Jena, 1927.

Кренн даже набрасывает маршрут плавания св. Брандана по бурным водам Атлантики, причем оно не только протекает в общем благополучно, но и заканчивается даже возвращением в Ирландию. Вероятно, ни у кого не вызывает сомнений, что в VI в. ничего подобного произойти еще не могло. Автор этих строк в различных местах своей книги присоединился к мнению, что еще задолго до открытия Америки, в 1000 г. норманном Лейфом, сыном Эйрика Рыжего, в незапамятные времена туда же попали европейцы, которые, возможно, выполняли роль носителей культуры. Именно поэтому он хочет со всей решительностью подчеркнуть, что в ту пору, когда еще не был известен компас, возвращение к начальному пункту плавания было невозможно. Особенно это относится к набожным отшельникам, совсем не искушенным в кораблевождении и плававшим на судах, о которых никак нельзя сказать, что они отличались высокими мореходными качествами.

От этих непреодолимых трудностей Кренн попросту отмахивается. Многие современные авторы, пренебрегая трудностями, строят нелепые гипотезы и публикуют их. Это не ново и не вызывает удивления. Но поразительно, как авторитетный, более того, ведущий научный журнал нашего времени мог пойти на то, чтобы напечатать такие сказки.

Ко всему сказанному остается еще добавить следующее. Допустим, что в саге о св. Брандане отражены действительные приключения ирландских набожных отшельников (что отнюдь не обязательно, но возможно). Но ведь в этом случае у аскетов не было ни малейшего основания покидать достигнутый ими в каком-то месте Американский материк, чтобы вернуться на родину, откуда они стремились удалиться, да еще проделывать все это два раза. Насколько известно автору, нигде не упоминается о том, что какие-нибудь благочестивые отшельники позднее возвращались в Ирландию.

Почему же св. Брандан должен был составить исключение, даже если он и совершил плавание по океану? Однако и само это плавание подтверждается только сагой и не засвидетельствовано историческими источниками. К тому же непостижимо, почему св. Брандан начал заниматься мореплаванием, только достигнув 63 лет, как это утверждает Кренн. Такую отвагу проявляют, как правило, в значительно более молодом возрасте. Неправдоподобно, чтобы человек, находящийся на пороге глубокой старости, вдруг почувствовал страсть к приключениям. Еще менее вероятно, чтобы человек столь преклонного возраста посвятил 10 лет своей жизни морским приключениям и не потерпел бы при этом кораблекрушения.

Тот факт, что Кренн не приводит никаких древних источников, которые могли бы подкрепить его утверждения, наводят на мысль, что этот автор пользовался старой легендарной «Католической традицией» и дал ей весьма фантастическое толкование. Никакой исторической ценности ни его рассуждения, ни тем более его картосхема не представляют.

Как мало была, впрочем, известна Ирландия еще в XII в., хотя она уже за 1000 лет до этого считалась главной Страной золота, можно судить по одному замечанию Шпренгеля. Согласно этому исследователю, живший в XII в. Гаральд Камбрен все еще рассказывал об Ирландии, что там на деревьях

растут утки, водятся рыбы с золотыми зубами и встречаются диковинные существа полулюди-полузвери[1].

К гл. 82 (Суэцкий канал)

О занесенном песками древнем канале рассказывал еще в конце XV в. некий французский монах Франческо Суриано, долго подвизавшийся в Каире. Вот что он пишет:

«Чтобы добраться от Каира до Синайских гор, нужно затратить 10—12 дней на поездку к каналу. Столько времени и длилось мое путешествие. На 12-й день после отправления из Каира увидели мы Красное море и большой канал, который приказал прорыть египетский фараон Сезострис, а позднее персидский царь Дарий и Птолемей. Достигая 100 футов, то есть 35 шагов в ширину и 30 футов в глубину, он соединял Красное море со Средиземным, но, поскольку уровень Индийского океана был выше, чем Средиземного моря, эти цари не захотели закончить канал, чтобы соединение двух морей не привело к затоплению Египта. Сохранившиеся следы теперь скрыты пылью, а также переносимыми самумом песками, которые наполовину засыпали их»[2].

В этой цитате нашли отражение некоторые часто рассказывавшиеся в те времена сказки. К их числу относится утверждение, что еще фараон Сезострис приказал соорудить канал, а также ложное представление о разных уровнях двух морей. Это ошибочное мнение господствовало еще во времена наполеоновского похода в Египет (1798 г.) и в течение нескольких десятилетий мешало сооружению Суэцкого канала.

К гл. 83 (Норманны в Америке)

Друг автора проф. Штехов (Мюнхен) неоднократно обращал его внимание на очень важное значение одного упущенного им обстоятельства. Сага об Эйрике Рыжем рассказывает о «бородатом мужчине», которого нашли викинги в достигнутой ими Западной стране[3]. В этом Штехов усматривает весьма веское этнографическое доказательство того, что встреченные там коренные жители не принадлежали к монголоидной расе, так как у всех монголоидов, в том числе и у эскимосов, волосяной покров на лице развит слабо. «Бородатый мужчина» на восточном побережье Америки мог быть только европейцем по происхождению, возможно ирландцем, потомком какого-то более раннего переселенца и «скрелингов».

Если это место из саги нельзя истолковать как-то иначе и более убедительно, то оно представляется самым надежным доказательством того, что другие европейцы попали в Северную Америку еще до норманнов.

---

[1] M. Chr. Sprengel, Geschichte der wichtigsten geografischen Entdeckungen, Halle, 1783, S. 59.

[2] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Kairo, 1929, t. III, p. 85.

[3] Ср. стр. 145 этого тома; см. также E. Stechow, Vornormannische Erreichung Nordamerikas, «Forschungen und Fortschritte», Berlin, 1953, H. 3.

Как бы то ни было, автору это доказательство представляется весьма характерным.

Однако к такому толкованию надо подходить с большой осторожностью. Ведь и на острове Пасхи, когда он был впервые открыт в 1722 г., тоже как будто бы были обнаружены белые бородатые люди[1]. Однако извлекать из этого какие-нибудь выводы в духе, рекомендованном проф. Штеховом, вряд ли допустимо, во всяком случае в свете тех научных данных, которыми мы располагаем на сегодняшний день.

Известно, что экспедиция Торфинна Карлсефни открыла в каком-то другом месте Америки реку, перед устьем которой были расположены большие песчаные банки[2]. Профессор Штехов полагает, что ее правильнее всего отождествлять с рекой Гудзон, поскольку описание того места, где перезимовал Карлсефни, хорошо согласуется с таким предположением.

Согласно ненадежной и ничем не обоснованной справки в энциклопедии Эрша и Грубера[3] Лейф, сын Эйрика Рыжего, якобы умер в 1021 г.

К гл. 89 (Саллам Переводчик)

Д-р Бахман подверг сомнению толкования автора, согласно которым Саллам Переводчик в IX в. добрался до Великой Китайской стены.

Он опирается на тот довод, что житель Востока, каким был Саллам, не мог так скоро совершить все путешествие. Ведь Саллам затратил, по предположениям автора, на то, чтобы добраться от Месопотамии до Великой Китайской стены, 12 месяцев (с возвращением назад — 16 месяцев).

Д-р Бахман прожил 10 лет в Иране, Месопотамии и Армении. К тому же он специалист по археологии и хороший знаток психологии мусульман. Все это заставляет нас считаться с его замечаниями. По мнению Бахмана, «стену Гога и Магога», или «стену Александра», следует искать только в районе, расположенном гораздо ближе к Двуречью, так как «просто нельзя себе представить», чтобы мусульманин мог совершить столь быстрое передвижение. «Стеной Александра» назывался ряд заградительных стен, возведенных в Азии. Бахман считает, что в данном случае речь может идти о стене, исследованной и описанной Вамбери[4]. Эта стена находится несколько севернее современной границы между СССР и Ираном, на советской территории, и проходит к югу от закаспийской железной дороги Красноводск — Мары через ворота между горами Большой и Малый Балхан к городу Кизыл-Арват. Она некогда преграждала пересохшее русло Узбоя, мешая кочевникам с берегов Аральского моря проникнуть на север Ирана и к южному побережью Каспийского моря.

---

[1] Тор Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», изд. «Молодая гвардия», М., 1957, стр. 20.

[2] См. стр. 320 этого тома.

[3] Ersch, Gruber, Allgemeine Enziklopädie der Wissenschaften und Künste, Leipzig, 1872, B. I, S. 132.

[4] А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, М., 1867, отд. 1, гл. 5, стр. 46—47.

Следовательно, эта степа имела также очень важное стратегическое значение. Д-р Бахман тем решительнее выступает за это гораздо более простое толкование, что в приведенном на стр. 180 отчете о путешествии Саллама речь идет только о посещении им тифлисского наместника Исаака и о последовавшей за этим встрече с хазарским царем Тар-ханом.

В отчете ничего не говорится ни о посещении Итиля, ни о переправе через Волгу, ни о пересечении огромных безводных территорий вокруг Аральского моря. Д-р Бахман предполагает поэтому, что Саллам встретился и беседовал с хазарским царем не в Итиле, а в каком-нибудь месте на Кавказе, расположенном к югу от его государства. После этого Саллам якобы поехал дальше по южному побережью Каспийского моря, к закаспийской стене Александра. Только здесь, поблизости от этой стены, Саллам мог встретить людей, которые, как указано в источнике (см. стр. 180), умели говорить как на арабском, так и на персидском языке. У Великой Китайской стены ничего подобного произойти не могло.

Автор примет к сведению возражения д-ра Бахмана и не будет больше высказываться по этому поводу. Если такой хороший знаток Востока, учитывая психологию народа, заявляет, что в 1100 г. мусульманин, едущий в сопровождении многочисленной свиты, не мог за $2^1/_2$ года добраться из Месопотамии до Великой Китайской стены и вернуться обратно, то автор должен с этим согласиться. Возможно, что на более близком расстоянии от месопотамского халифата находилась другая столь же прославленная заградительная стена. Однако это не опровергает догадки автора, что Масуди, Идриси и Ибн-Баттута называли Великую Китайскую стену «Стеной Гога и Магога», приписывая ее сооружение Александру Македонскому.

По мнению д-ра Бахмана, «Железные Ворота», которые искал Саллам и о которых уже упоминалось на стр. 96 и 102 этого тома и будет еще говориться в гл. 118 следующего тома в связи с путешествием Чан Чуня, находились примерно в 60 *км* к северу от Аму-Дарьи, у Шибрабада, на старой дороге из Самарканда в Кабул. Они описаны в древнем труде китайского путешественника Сюань Цзана, который был использован русским исследователем И. Л. Яворским при описании одного посольства в Афганистан и Бухару:

«[«Железные Ворота»]— это теснина между двух гор, которые поднимаются параллельно, справа и слева, до изумительной высоты... Две горы образуют с двух сторон громадные стены цвета железа. Проход запирается створчатыми воротами, обитыми железом, и к воротам привязано много колоколов...»[1]

[1] И. Л. Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Из дневников члена посольства, СПБ, т. 1, стр. 73. [И. Л. Яворский — известный исследователь Средней Азии конца XIX — начала XX вв., автор ряда трудов. В цитируемом выше описании посольства Яворский приводит выдержку из «Записок о странах Запада» Сюань Цзана по произведению Генри Юла «Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи» в переводе О. А. Федченко (см. приложение к «Известиям Императорского русского географического общества», 1873,

В своем письме от 8 апреля 1951 г. д-р Бахман любезно сообщил автору, что сам он тоже нашел на подступах к древнему арабскому городу Петра остатки подобных двойных ворот на скалах и описал их[1].

К гл. 91 (можно ли увидеть Гренландию, находясь в Исландии?)

Д-р Даннмейер (Гамбург) 10 октября 1950 г. любезно прислал автору дополнительные сведения в связи с его сообщением о том, что из Исландии он видел Гренландские горы. Это произошло во время германской экспедиции в Исландию в 1926/27 г. С исландской горы Ритур высотой 482 *м* Даннмейер увидел тогда через Датский пролив гренландские горы во «всем их великолепии», правда в виде миража, как об этом и писал автор этих строк.

Однако такие миражи, видимо, очень часто наблюдаются в этих областях, что подчеркивается в «Руководстве морской службы для парусных судов»[2].

Итак, отрицание Нансеном возможности видеть одновременно Гренландию и Исландию при нахождении в Датском проливе объясняется недооценкой явления фата-морганы в этом районе. Поэтому вполне вероятно, что жители Исландии уже имели известия о Гренландии еще до того, как туда приплыл Эйрик Рыжий.

К гл. 96 (путь на Восток, проходивший через Россию)

Наземная дорога в страны Передней Азии, проходившая по территории России, пользовалась таким предпочтением по сравнению с морскими путями, что в 1103 г. датчане переправили по ней свои сухопутные войска в Константинополь для участия в Крестовом походе[3].

№ 6, стр. 17). «Железные Ворота», или проход Бусгала-хана,— узкая теснина длиной до 2 *км* и шириной от 4 до 22 *м*, извилисто прорезающая один из отрогов Гиссарского хребта. Находится в 12 *км* к западу от Дербента (современная Сурхандарьинская область Узбекской ССР). По дну теснины бежит пересыхающий летом ручей Бусгала-хана-булак, впадающий летом в реку Ширабад. Подробно о «Железных Воротах» см. И. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, гл. I, стр. 7; гл. II, стр. 58—60, 69—70, 79—80, 230; Н. А. Маев, Маршруты и заметки по горным частям Бухарского ханства, «Известия Императорского географического общества», 1882, т. XIV, стр. 367.— *Ред.*]

[1] W. Bachmann, C. Watzinger, Th. Wiegand, Petra, Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutsch-Türkischen Denkmalschutz-Kommission, Berlin—Leipzig, 1921.

[2] «Segelhandbuch der Seewarte für den Atlantischen Ocean», Hamburg, 1885, S. 56 (и след.).

[3] F. Chr. Dahlmann, Geschichte von Dänemark, Hamburg, 1840—1841, S. 212.

К гл. 101 (Ваквак)

В связи с названием «Ваквак» заслуживает внимание одно замечание Ведемейера, согласно которому слог «Ва» первоначально относился к западу Японии[1].

К гл. 109 (Эйрик Гнупсон)

Достойно внимания, что даже такой осторожный критик, как Гумбольдт, без всяких оговорок пишет об Эйрике Гнупсоне как об епископе, «который отправился в Винланд, чтобы проповедовать там Евангелие»[2]. Он упускает при этом из виду, что епископ мог выполнить эту задачу только в том случае, если Винланд входил в состав вверенной ему епархии.

---

[1] A. Wedemeyer, Japanische Frühgeschichte, Tokio, 1930, S. 144 (примечание 325).

[2] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 359.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон, правитель каганата тюрков—хазар 248
Аарон (Харун), см. Харун-ар-Рашид
Аббасиды 188
Абд-ар-Рахман II 174, 177—179
Абделла (Абдулла) 158
Абд-Келал 35
Абра 31
Абраха 29
Абрахам 157
Абреха 33
Абу Джафар эль-Мансур 142
Абу-л-Аббас 242
Абу-л-Фарадж 447, 458
Абу-л-Фида 12, 175, 257, 269, 273, 384, 419, 422, 436
Абу-л-Хассан Али, см. Масуди
Абу Рейхан Мухаммед-ибн-Ахмед ал-Бируни, см. Бируни
Абу Саид ал-Хасан 205, 206, 208, 209, 210
Абу Сиргам Ахмед бен-эль-Касим 242
Абу Хамид 12, 255
Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан 38
Августин Гиппонский 13
Авезакд' 432, 447, 449
Авиен, Руфий Фест 9
Авраам, библейский патриарх 27
Аврелиан, Луций Домиций 22, 76
Аврелий, Марк Аврелий Антонин 22
Агафий Миринейский 13, 87
Агриппа, Марк Випсаний 38, 39
Адальберт, архиепископ Гамбурга и Бремена 124, 125, 359, 365, 399
Адальберт Пражский, епископ 16, 230, 311—319, 391, 411
Адам, автор текста несторианской стелы 109, 110
Адам Бременский 16, 124, 125, 127—130, 140, 228, 273, 314, 324, 338, 351, 352, 360—363, 367—375, 377, 379, 389, 399, 408—410, 422, 430, 470
Аджиб 208
Адлербет 221
Адриан, Публий Элий 21, 91
Адцер 397
Аже Ж. 38, 39, 78
Азба 31
Азурара Г. 151
Айзан 30, 34
Аларих I 76
Алебранд Бецелин 360, 362, 364, 365
Александр III, папа 441, 442, 444, 445, 451, 455, 457, 459—461
Александр Македонский (Великий) 40, 64, 76, 102, 137, 185, 186, 187, 188, 195, 246, 258, 417, 446, 452, 453, 472, 481
Али Бек эль-Хайтем, Шариван-шах 241
Алкуин 14, 123, 125
Алмуш 247, 249, 250
Алопен, см. Олопён
Алтарджеман, Саллам, см. Саллам Алтарджеман
Альбан 167
Альберих 402, 442, 453
Альберт, епископ Гренландии 399
Альберт Великий Больштедт 429
Альдгильсо 123
Альмансор 188
Альфред Великий, англосаксонский король 10, 23, 211—217, 219, 221, 224, 225, 226, 229, 232—236, 238, 360, 369, 416
Аммиан Марцеллин 188, 192
Амр-иби-ал-Ас 141
Амритодан 41, 42
Анастасий, библиотекарь Ватикана 161
Анастасий III, папа 296
Анвилль, Жан Батист Бугиньон, д' 196
Ангер 230
Андреев А. И. 265
Ансгар, святой 16, 165, 166, 167—173, 178, 226, 227, 290, 297, 317, 369, 391

Антоний, Марк 141
Анэсаки 42, 43
Ардгар 169
Арста 70
Ари, сын Марса 144, 145, 153, 155
Ари Мудрый, см. Ари Торгильссон Фроде
Ари Торгильссон Фроде 14, 15, 144, 149, 155, 198, 324, 391
Ари Фроде, см. Ари Торгильссон Фроде
Арий 30, 33
Аристарх Самосский 12
Аристов Н. А. 101
Аристотель 418
Аркульф 142
Арнальд 392, 395
Арифрид 170
Арундель, Роа д' 454
Асаки Симбунся 162
Асбеха 29
Асир 435
Аскель 89
Аспелин 259, 263
Ассер 216, 238
Ауд 391
Аутберт 165, 166
Аутенрит 272
Ауфи 241, 250
Афальдамон 145
Афальдида 145
Афанасий, епископ Александрийский 26, 28—30, 33, 34, 35
Ахмед ал-Халиф 244
Ахмед ибн-Омар 434
Ахмед Ибн-Фадлан, см. Ибн-Фадлан
Ашер 435
Ашпас 180
Ашока 99

Баварский географ 10
Бадр эддин ал-Хасан ал-Руми 258
Байер 243
Бакри (ал-Бакри) 11, 174, 175, 182, 186, 276, 282, 285
Балдуин IV 455
Балхий (ал-Балхий) 268
Бальбоа 358
Бальтазар 460
Банчао, см. Хуан Чао
Барбаросса, см. Фридрих Барбаросса
Бардсен, Ивар 200, 292, 293
Баренц 466
Баринт 116
Барруш 387
Бартольд В. В. 86, 210, 242, 248, 250, 446
Бахман В. 480, 481, 482
Беда Достопочтенный 16, 123, 142, 144, 146, 147, 422
Бейкер Дж. 466
Беллью 196
Бенедикт, монах 311
Бенедикт IX, папа 394
Бенц Р. 477, 478
Беньямин 248
Берг Л. С. 223, 466
Берн (Бьёрн) 166, см. Бьёрн
Бернард 410
Бернштейн-Коган С. В. 245
Бехайм, Мартин 121, 215, 357, 388, 460
Бёхер Т. В. 293
Бил, Самуэль 10, 73, 104
Биркет-Смит 298
Бируни А. Р. М. (ал-Бируни) 11, 12, 255, 264, 265, 267, 301, 381, 384, 419, 429, 430
Блефкен, Дитмар 348
Бово 470
Боднарский М. С. 188, 222, 260, 262, 266, 267, 363
Бодхидхарма 72, 73
Бодхисена 73
Болеслав, князь чешский 283
Болеслав (Буислав) II Богемский 278
Болеслав I Храбрый, князь польский 312, 314, 315
Болеслав III Польский 404, 410
Болих, см. Ландрих
Болльнов 171
Бонецлав, см. Болеслав Чешский
Бонифаций 125, 130, 411
Борислав 350
Борхардт П. 440
Боси 221
Босуорт Дж. 216, 217
Бохарт С. 78
Боэций 216
Бран, сын Фебала 121
Брандан 116, 117, 119, 120, 121, 149, 152, 154, 477
Брёггер А. 307, 338, 354, 358
Брендан, см. Брандан
Бретшнейдер Э. 13, 53, 55, 56, 59
Брун Д. 118, 195, 236
Брун Ф. 447, 456, 459
Бруно 16, 313—315, 317
Бруцкус 187
Брэм А. 58, 219, 220
Бугге А. 218, 219, 463
Бугге С. 334, 376, 377
Бугенхаген 414
Будда 41, 43, 44, 51, 58, 97, 98

Буддхабхадра 41—43
Бузург ибн-Шахрияр, см. Ибн-Шахрияр
Буислав, см. Болеслав II Богемский
Булгаков П. Г. 182
Буркхардт Хальберштадский 408
Бутелье, Жильберт ле 454
Буш А. 412
Бушель, Эрнут 129
Бьёрн, шведский король 166
Бьёрн Йонссон, см. Йонссон, Бьёрн
Бьёрнбо 379
Бьярни, сын Херьюлфа 304—310, 320, 323, 330—332, 348—350
Бэбкок В. 340, 342
Бэкон, Роджер 429
Бэльц 53
Бэри 79
Бэруош Э. М. 326

Вайль Г. 161
Вайсабодха 48
Вален 396, 397
Валентин 92
Вамбери, Арминий 263, 447, 480
Ван Сянь-чжи 192
Ван Тин-фан 133
Вани 57
Варимберт 161
Варфоломей 26, 234, 237
Васик 180, 181, 188, 192, 195
Васко да Гамма, см. Гама, Васко да
Ваттенбах В. 363
Вебер Г. 268
Вёбкен К. 127
Ведемейер А. 59, 483
Вейбулль Л. 288, 369
Вёйле К. 386
Вейнхольд К. 361, 363
Вениамин Тудельский 435, 437—440
Веррацано Дж. 335
Веспуччи, Америго 358
Вестберг Ф. 7, 285, 287
Вивьен де Сен-Мартен 53, 55, 102, 196, 356, 382
Виггер 285
Видукинд 14, 284
Виктор II, папа 297
Виллегад 359, 360
Виллиам де Вэр, см. Вэр, Виллиам де
Виллиброрд, 14, 123—130
Вильгельм А. 291
Вильгельм К. 203
Вильгельм (Вильям) Мальмсберийский 14, 234, 237—239
Винзор 400
Винимар из Болоньи 364
Винсеми П. 126, 127
Винсент В. 67, 69
Винцентий из Бове 429
Виньо 342
Вирт Г. 126
Витмар 166
Войтех, см. Адальберт Пражский
Вольтер 109
Вольфрам фон Эшенбах 297
Вратислав 404
Вульфстан 170, 172, 214, 215, 217, 225—229, 233, 314—317
Вую, см. Ашока
Вэй, династия 56, 273, 299
Вэнь-ди 92, 107
Вэр, Виллиам де 454

Гагая, см. Гог
Гадебальд 165
Газаль (ал-Газаль), поэт 177—179
Газан-хан 448, 458
Галун, см. Харун-ар-Рашид
Гама, Васко да 235
Гамбургер 185
Гамс 397—399
Гамул (Гануз) Вольф 367, 368, 371, 373
Ганнибал 136
Ганнон 23
Ганьон А. 340
Гао Сянь-чжи 5, 131—134, 136—139
Гао-цзун 108, 135
Гаральд, герцог 283
Гаральд (Гериольд) Клак, датский король 165—168, 178, 249
Гаральд Серый Плащ 221
Гаральд Синезубый 179, 287
Гаральд Строгий 23, 365, 367—374, 376—379
Гаральд Прекрасноволосый 197, 198, 218
Гардар 197—201, 203, 307
Гарик-Моллери 355
Гартман 206, 207
Гаторн-Харди 309, 340
Гауденций 311
Гаузберт 169
Геббель 184
Гедин, Свен 100
Гейдель Г. 217
Гелиогабал 61
Геллир 352
Гельцих Э. 154, 310, 335, 336
Генрих I, саксонский король 14, 284
Генрих III, император 408
Генрих IV 14, 469
Генрих Лев 473

Генрих Мореплаватель 24, 460
Генрих фон Морунген 8, 71, 237, 461, 467—470, 472, 473
Гентце К. 54
Генцмер Ф. 292, 307, 332, 334, 338, 339, 343, 345, 347, 358, 390, 391
Георги, Иоган Готлиб 7, 260, 264
Георгий, арианский епископ 29, 30, 33
Георгий, настоятель монастыря 158
Георгий, спутник Зимарха 86
Георгий, святой 313
Герардус из Холенбаха, рыцарь 467, 472
Герберштейн, Сигизмунд 81, 261, 267
Герборд 16, 407, 411
Гергепрётер 398
Гериольд, см. Гаральд Клак
Герман А. 79, 81, 126, 184, 185, 267
Герман В. 238
Герман Аррасский 473
Герман Тюрингский 468
Геродот 9, 23, 150, 263, 265, 267, 269, 272, 273
Герц 145
Геттнер А. 127
Гёц Г. 48
Гигес 184
Гизебрехт Л. 232, 317, 362
Гиллэн К. 301
Гильдемейстер И. 421
Гиляншах 242
Гинь де 53, 210, 431
Гиппарх 418
Глас Г. 431
Гоан Каито 57
Гоар 26
Гобиль 53
Гог 175, 180, 181—187, 194—196, 245, 251
Голатоу 93
Гомань 103, 300
Гомер, поэт 184, 362
Гомер, сын Иафета 183
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 102, 335
Горик (Эйрик), см. Эйрик Сегерселл
Горм 221
Готфрид 168
Гофман 206
Гофмейстер А. 409, 411
Грандидье 388
Грациан 38
Греков Б. Д. 244
Греэм Р. 336
Григорий, монах 158
Григорий IV, папа 147, 168, 169, 173, 290, 296
Григорий IX, папа 471
Григорий Турский 16, 65, 70, 140, 238
Григорьев В. В. 260
Грим Камбан 119
Гримм В. 297
Гримм И. 125
Грипла 361
Грот де 73
Грубер 291, 480
Грэй 309, 340, 349, 350
Гуго Габульский 449, 458
Гудбрандур Торлакссон 361
Гудрид 324, 331—333, 338
Гудрун 430
Гуе де 188, 190, 193, 209, 279
Гумбольдт А. 67, 78, 154, 155, 295, 329, 365, 381, 418, 431, 432, 463, 483
Гунбьёрн 200—203, 289
Гуннар Расвеп 373
Гунистейн 221
Гуньябхадра 43
Гуньяварман 43
Гур-хан, см. Елюташи
Гуюк 111
Гюрата Рогович 225

Давид II 459
Дальман Ф. 370
Дан 435
Даниэль Г. 221
Данквert 128
Данкмейер 202, 482
Данте 451
Дарий 69, 141, 446, 479
Делабарр Э. 342
Демокрит 27
Демпвольф 421
Деступис С. 75
Джафар, эмир Болгарский, см. Алмуш
Джекоб, Джон 326, 327
Джекоб, Фред 326
Джонстон Дж. 153, 155
Дизибул (Сизабул, Силзибул, Истэми, Дитубул, Дицубули) 83—86, 88, 89, 91, 92, 446
Дикуил 10, 36—39, 118, 119, 140—142, 146, 147, 152, 156, 160, 198, 372
Дильман А. 33—35
Димашка 186
Диодор Сицилийский 381, 382, 385, 386
Диоклетиан 26
Дитмар А. Б. 16

Дитрих Бернский, см. Теодорих Великий
Дитрих Мейсенский (Обиженный) 468, 469
Дитубул, см. Дизибул
Дихулл из Палахты, см. Дикуил
Дицубули, см. Дизибул
Дмитревский Ю. Д. 264
Дмитрий Донской 273
Добрынин Б. Ф. 127
Додд Дж. 325, 326, 327, 328
Домицлаус 405
Дорн Б. А. 8, 242, 243
Дрого Майнцский 169
Дхармакрама 49
Дювинье А. 111
Дюлорье Э. 210

Евгений III, папа 298
Евсевий Кесарийский 15, 26, 32
Евтихий 92
Егер Ф. 39
Елич Л. 394—396
Елютани 446—448, 451, 456, 458, 459

Жилес Г. 10
Жюльен, Станислав 11, 47, 100, 102

Завулон 435
Зайчиков В. Т. 48, 101
Замысловский Е. Е. 261
Зах 127
Зейппель А. 177, 265
Зибс Т. 126
Зигмунд 157, 159
Зильберман 76
Зимарх, византийский посол 5, 83—87, 89, 90, 91, 92, 193
Зомбарт В. 275
Зонтаг П. 231
Зубов В. П. 176, 196, 243, 260
Зубов Н. Н. 466
Зулькарнейн 180—182, 185

Иаванн 183
Иафет (Яфет) 182, 183, 431
Ибн-Аби Садж 241
Ибн-ал-Асир 249
Ибн-ал-Варди 387, 428
Ибн-ал-Муджавир 383
Ибн-Баттута 12, 23, 50, 189, 195, 251, 257, 261, 267, 272—274, 417, 422, 481
Ибн-Вахаб 204, 206—208, 210
Ибн-Даста (Ибн-Русте), см. Ибн-Русте
Ибн-Дихья 11, 177, 179
Ибн-Исфандьяр 8, 11, 242, 245
Ибн-Русте (Ибн-Даста) 11, 210, 299, 300
Ибн-Саид 261, 380, 383, 384, 387
Ибн-Фадл аллах ал-Умари, см. Сихаб эддин Ибн-Фадл аллах ал-Умари
Ибн-Фадлан, Ахмед 7, 11, 176, 240, 241, 246, 248, 249, 250, 251—254, 260, 261, 265, 266, 268, 270, 271
Ибн-Халдун 383, 430
Ибн-Хаукаль 11, 255, 269
Ибн-Хордадбех (Ибн-Хордад-Бег) 8, 11, 181, 182, 188, 189, 195, 209, 210, 240, 243, 245, 246, 301, 436
Ибн-Шахрияр 12, 208
Ибрагим-ибн-Ахмед ат-Тартуши (из Тортосы) 280, 281, 284—286
Ибрагим-ибн-Якуб 11, 278, 279, 282 288
Иван IV Грозный 12
Иванов А. Н. 60
Идриси 12, 190, 194, 195, 210, 264, 269, 301, 302, 380, 382—384, 386, 387, 416—423, 425, 426, 428, 429-431, 433, 434, 481
Иезекииль, пророк 183—186
Иероним де Санкта Феда, см Лорки, Иошуа
Имари Яко 206
Ингвар 227
Ингоульв, сын Арнара 197, 199
Иннокентий II, папа 287, 298
Иннокентий III, папа 412
Иннокентий IV, папа 111
Иоанн X, папа 296
Иоанн, индийский патриарх 401—403
Иоанн, священник, посол Карла Великого 160
Иоанн, «царь-священник» 32, 77, 194, 402, 403, 441—443, 445—460, 461
Иоанн Богослов 185
Иоанн Капабарий, см. Капабарий Иоанн
Иоганн (Иона), епископ Мекленбурга 399, 408
Иона библейский 49
Иона Гудмундссон 294
Иордан, индийский монах-доминиканец 457, 459
Иордан, историк VI века, 13, 62, 81, 185, 226, 232, 243, 248, 260, 369
Иордан Каталонский 471
Иосиф, библейский патриарх 140
Иосиф Индийский, сирийский священник 471
Иоф А. Е. 265

Иоханаан, см. Иоанн, «царь-священник»
Ирвинг В. 400
Иродиан 92
Исаак, толмач 157—160
Исаак, тифлисский наместник 481
Исайя, пророк 169, 170
Исидор 78
Искандер, см. Александр Македонский
Искендр, см. Александр Македонский
Ислейф 399
Истахри 11, 12, 268
Истэми, см. Дизибул
Исхак-ибн-Исмаил 180
И Цзин 48, 49, 94
И-цзун 207

Йомэ 56
Йон Егмундарсон 390
Йонссон, Бьёрн 200, 202, 203, 361, 394
Йонссон, Финнур 288

Кабот, Джон 358
Кабрал, Гонсалу 358
Кадфиз I, индо-скифский царь 259
Казвини, Закарий 12, 256, 265, 276, 280, 281, 284, 302, 420, 421
Каин 330
Кайзер Э. 231, 318
Кай Ця-юнь 131
Каликст II, папа 8, 401
Камаль, Юсуф 186
Камбрен, Гаральд 478
Каммерер А. 453
Канабарий, Иоанн 16, 312, 314, 318
Кананеус, Фома 238
Каннингэм А. 102
Канья Р. 42
Капелла, Марциан 372
Капю К. 137
Караулов Н. А. 182, 183, 210, 268
Карелли 328, 356
Карл V 460
Карл Великий 8, 14, 39, 123—125, 129, 157, 158—161, 173, 284, 286, 408
Карл Мартелл 128
Карли 221
Карлсефни, см. Торфин Карлсефни
Карпини, Дж. дель Плано 111, 193, 271, 273, 437, 449, 452, 457, 460, 461
Карра-де-Во Б. 12, 175, 196, 255—257, 279
Карстенн Э. 230, 231
Каспар 460
Кассель И. 365
Кассиодор, Аврелий 13, 62, 81
Катремер Э. 210
Катульф 83
Каэн Л. 89, 90
Квален 178
Кеннеди Дж. 66
Кер 395
Кёрин Мацухита 59
Керн Х. 385
Кёстер А. 383
Кир 446
Кирилов К. И. 265
Кислинг 263
Клавдий Клавус Нигер 233, 357 369, 464
Клавдий Клауссен Сварт, см. Клавдий Клавус Нигер
Клапрот Г. 10, 41, 51, 53, 56, 88, 94, 109
Клеопатра 141
Клювер, Лоренс Дидерик 376
Ковалевский А. П. 240, 241, 248, 250, 254, 268
Ковильян 388
Козьма Индикоплов (Индикоплейст) 9, 63, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 76, 237, 238
Колумб, Христофор 23, 24, 40, 55, 156, 183, 303, 305, 329, 330, 333, 352, 353, 358, 372, 396, 400, 426, 429
Коль И. 215, 220, 359, 363, 364
Кольберг А. 229
Коп Л. 421, 422
Кондл 116
Кондратьев С. П. 74
Конрад II 120
Конрад фон Юнгинген, см. Юнгинген, Конрад
Константин VII Багрянородный 14, 87, 252
Константин Великий 22, 30, 32
Констанций, император 16, 30, 33, 34
Коперник, Николай 12
Кордье 56, 79
Корейх, род 204
Кормак 114, 116, 119
Корнелий Кемпий 129
Кортес Э. 400
Кортириал, Гашпар 379
Кор-хан (великий князь), см. Елюташи
Кочрейн Дж. 270
Кралль Я. 68

Кранц А. 298, 366
Кратохвилль М. 235, 236, 237, 470
Краузе Ф. 73, 208, 301, 306, 307, 346, 447
Крафт 173
Крачковский И. Ю. 176, 182, 183, 241, 243, 255, 256, 260, 279, 282
Кренн Ф. 477, 478
Крестинин В. 466
Кристье 376
Крузе Ф. К. Г. 265
Ксенофонт 188
Куник А. 7, 182, 285
Кункель О. 410, 412, 413
Кунстман Ф. 433, 471
Курси 398
Куту, де Д., португальский хронист 387
Кьяпили (Капила) 49

Ла-Бом 178, 228
Лай Юн 47
Ламстер И. 382
Лангебек Я. 147, 233
Ландресс 10
Ландрих (Болих) 124
Лаппенберг И. 297, 298, 367
Ла Ронсьер Ш. 453
Ларсен С. 287, 294
Лассен Х. 67, 385
Лаутфрид 157, 159
Лебедев Д. М. 466
Лев IV, папа 214
Лев IX, папа 297
Лев X, папа 460
Лёвенталь Дж. 334
Левин М. Г. 117, 118
Леерс И. 302
Лейбниц Г. 451
Лейф, сын Эйрика Рыжего 305—309, 320—322, 324, 325, 330—333, 336—340, 342, 346, 348—351, 354—356, 358, 478, 480
Лейф Счастливый, см. Лейф, сын Эйрика Рыжего
Лейф Удачник, см. Лейф, сын Эйрика Рыжего
Леланд Ш. 53, 54, 55
Лелевель И. 196, 209, 417
Леман В. 54
Лемке Г. 194, 386
Лехи 330
Лин-чжа 131
Ли Ши-минь, см. Тай-цзун
Лоб (ал-Лоб) 181
Лодин Могильщик 378, 379
Ломоносов М. В. 9, 60, 243, 265
Лонгфорд Дж. 209
Лорки, Иошуа 458
Лотарь Суппплинбургский 298
Лофхид А. 326, 327
Лукиан 334, 335, 374, 379
Луллий, Раймунд 317
Люблинская А. Д. 125, 167, 312, 352
Людгер 123—130
Людовик Благочестивый 119, 165, 166, 168, 169, 244, 249
Людовик Немецкий 167, 170
Люсхандер К. 355, 392, 397
Лю-Тань 133
Лян, Лянская династия 12, 51, 52

Магеллан, Фернан 23, 24, 358
Магидович И. П. 194, 222, 446
Магнус, шведско-норвежский король 377
Магнус Добрый, датский король 408
Магнусен 392
Магог 175, 180, 181—187, 194 195, 245, 251
Магус (Магуш), см. Магог
Мадай 183
Маев Н. А. 482
Майль-Дуйн 113, 116, 120
Мак-Илрэйт Т. Ф. 327
Мак-Рипгайл 116
Максимов А. Н. 59
Макхут 116
Малкин И. Т. 138
Малков В. М. 264
Мальтебрун К. 400
Мандевилль, Джон 452
Маниах 83, 84, 86, 89
Манперт К. 79
Мануил I Комнин 403, 442, 443, 450, 451, 455, 456
Мануил Константинопольский, см. Мануил I Комнин
Мар-изд-бузид, см. Адам
Марин I, папа 234, 238
Маринеску К. 453, 457
Марин Тирский 23, 418
Мариньолли, Джованни 461, 470
Мария 66, 82, 129
Марк Аврелий, см. Аврелий
Маркварт 190, 248. 250, 269
Марко Поло, см. Поло, Марко
Марков С. Н. 257
Маркс, Карл 15, 22, 196
Маркхэм К. 459
Мар Фома, см. Кананеус, Фома
Масуди (Абу-л-Хассан Али) 8, 11, 183, 185, 195, 207, 209, 210, 242,

248, 258, 264, 300, 301, 382, 384, 417—422, 424, 433, 436, 440, 481
Ма Туан-линь 94
Матфей 34, 35
Маурер К. 463
Мауро, фра 388
Машкин Н. А. 30
Ма Юань 192
Мезьер, Филипп де 460
Мейер К. Ф. 346, 347
Мела, Помпоний 9, 267
Мелик-шах 446
Мёллер И. 397, 398
Мельхиор 460
Менандр Протиктор 13, 87, 88, 91
Менентилл Сполетский 471
Менон Ш. 48
Менхардт Г. 403, 468, 469, 470, 472, 473
Мернок 116
Меропий из Тира 25—28, 32, 33, 35
Метродор 25, 27, 32
Мешко I Польский 279, 283, 314
Мжик Г. 195, 208, 422
Миллер К. 189—191, 193, 194, 243, 301, 302, 388, 416—419, 426
Миллер Г. Ф. 7, 266
Мин, Минская династия 112
Минаев И. П. 446, 482
Мин-ди 41
Минорский 210
Минь Ж. 66, 352
Михаил 26
Михаэлис Л. 335
Мищенко Ф. Г. 150
Могк Э. 126, 201, 202, 295, 333
Молайси 134
Моммзен Т. 62
Монтекорвино, Джованни 317, 470
Монтанус 400
Монфокон Б. 66, 68
Моравчик 252
Моретт Ф. 383
Мори, см. Генрих фон Морунген
Моринтер 472, 473
Моциньман 134
Мукаддаси 12, 269
Мукерджи Р. 163, 164
Муктадир (ал-Муктадир) 247—249, 251
Муминин (ал-Муминин) 160
Мунн В. 340
Мунх П. 203
Муньос Х. 339
Мураторий Л. 395
Муррей 229
Мухаммед (Магомет) 107, 183, 206
Мухаммед Гао, негритянский султан 434
Мухаммед-ибн-Абу Талиб 142
Мухаммед Самиард 453
Мьелде М. 340
Мьерс В. 206
Мюлленгоф К. 317
Мюллер К. 201, 203, 409
Мюллер Ф. Г. 268

Навуходоносор 188
Наддод 198, 199, 307
Назир ал-Харами 247
Након 278, 279.
Нансен Ф. 117, 121, 148, 152, 155, 178, 201—203, 219, 220, 222, 265, 266, 272, 291, 329, 333—337, 348, 351, 352, 362, 363, 372—375, 378, 393, 463, 482
Наньи 134
Наср-ибн-Ахмед, Саманид 281
Наход Г. 300, 302
Недамер 405
Нёйгебауер В. 226
Нёйман Ф. 229—231
Нёйс 396, 397
Неккель Г. 126, 149, 151, 153, 154 308, 309, 330, 354, 376, 378, 379 392, 393
Неофалим 435
Нёрлунд П. 292, 354, 391
Нерман Б. 227
Нерон, Клавдий Цезарь 227
Нестор Киевский 7, 9, 13, 151, 244, 245, 255, 256, 258, 262
Нехо 141
Ниднер, Феликс 227, 288
Низами 245, 246
Никифор Каллист 28
Николай Германец 369, 370
Николай Тингейрский 325, 333, 338, 348
Никурадзе 459
Нильсен Ю. 393
Ниссен В. 292
Ной 182
Номан 35
Поннос 69, 70
Норденшельд А. Э. 212, 331, 363. 398

Оболенский В. И. 26
Обручев В. А. 193
Одиссей 120, 362
Одоакр 61
Одо Реймский 401
Одорико 470

Ойсин 116
Октерус, см. Отер
О'Кэрри 116
Олаф, шведский король 167, 170
Олаф Гаральдсон 366, 370
Олаф Святой Олаф Гаральдсон
Олаф Трюгвасон 322, 324, 350, 391
Олиден 373
Олопён (Олопун, Алопен) 105, 106, 108—110, 112
Ольсен М. 376
Ольшевич Б. 432
Ольшки Л. 403, 451
Омар 141
Омейяды, династия 175
Опгиш 189
Онзорге В. 454, 455
Оппенгеймер Ф. 446
Опперт Г. 447, 449, 451, 452, 458
Оппольцер 68
Орбелиани, Ионна 459
Ордерик, Виталий 16, 352
Орозий, Павел 10, 13, 37, 213, 214, 216, 217, 225, 233
Ортелий, Авраам 353
Оссон, Константин д' 446, 447
Отер 211—224, 226, 228, 229, 233, 235, 369
Оттон I, саксонский король 14, 279, 283—286, 288
Оттон III, германский император 314, 319
Оттон Бамбергский,епископ 16, 316, 317, 391, 404, 406, 407, 410, 411—414
Оттон Фрейзингенский 14, 441, 449, 450, 453, 458, 459

Павел, апостол 236
Павел Диакон 362
Павел Иовий Новокомский 81
Павел Киликиец 92
Павел Орозий, см. Орозий Павел
Паллас, Петр Симов 7, 252
Пантен 35
Партей 37, 38
Парч И. 61
Паскалий II, папа 394
Пассарге З. 422
Паше Ф. 376
Педон, Альбинован 362
Пеллио П. 108, 423
Пердигон 121
Пероз, см. Фируз
Перц Г. 167
Петахия Регенсбургский 437
Петерс К. 382
Петерсен И. 292
Петр 147, 444, 445
Петров И. И. 48, 466
Пешель О. 139, 189, 190, 246, 266, 270, 301, 351
Пигулевская Н. В. 31, 65, 87, 243
Пипин Геристальский 127, 128
Пифей 23, 146, 147
Платон 27
Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) 23, 38, 291, 381, 421, 429, 432, 433
Плишке Г. 217
Плутарх 141
Покорный 115, 145
Полибий 9, 23, 379
Поло, братья 112
Поло, Марко 12, 64, 100, 194, 210, 267, 273, 357, 388, 422—425, 436, 446, 447, 453, 457, 458, 470
Полунин Ф. А. 7, 266
Пономарев А. 151
Понтанус 296
Поршерон 37
Потье 109, 449
Приск 151
Пржеворский С. 259
Прокопий Кесарийский 13, 74, 75, 77, 80, 81, 89
Птолемеи, династия 64, 141
Птолемей, Клавдий 5, 9, 11, 12, 17, 21, 23, 24, 48, 66, 192, 265, 267, 302, 360, 380, 382, 383, 388, 416, 418—421, 423, 424, 426, 429, 433, 434, 452, 464, 465
Путнам Д. 326
Пянь Лин-чжен 131, 132, 133

Раббан 110
Равеннский аноним, см. Равеннский географ
Равеннский географ 10, 37, 78
Рагемберт 170
Радберт 158, 160
Радбод 126—128, 130
Раймунд Луллий, см. Луллий, Раймунд
Рамини 385
Рамминг 162, 163
Рамсес II Великий 141
Ранке Л. 77, 160, 244, 282
Рафн К. 153, 155, 306, 329, 342, 344, 346, 349, 350, 355, 392, 463
Рашид-ад-дин 15, 446—448, 458
Редин Е. К. 65
Рейзингер 420
Рейно М. 189, 205, 208, 209, 210, 257

Рейс 201
Рёйтер О. 211, 217, 221, 222, 306, 308, 340, 345, 346, 347, 348
Ремюза А. 10, 48
Ренодо Э. 109, 110
Рёрихт Р. 453
Ривз А. 354
Римберт 16, 167, 170, 172, 297
Риттер К. 8, 172, 189, 195, 203, 226, 229, 243, 306, 317, 323, 335, 344, 393, 461
Рихтгофен Ф. 38, 39, 66, 80, 81, 91, 102, 206, 209, 419
Рогинский Я. Я. 117, 118
Родульф 62
Рожер Антиохийский 450
Рожер II Сицилийский 12, 23, 416, 426
Розен В. Р. 7, 11, 182, 285
Рокхилл В. 423
Рольф из Раудесанда 295
Роселлини И. 205
Росс 8, 243
Рубен 110
Рубрук, Гильом 111, 193, 253, 271, 452, 457
Руге С. 217
Рудольфи Г. 119
Руфин Аквилейский, см. Руфин Туранский
Руфин Туранский 15, 26, 32, 33, 35
Рюрик 227, 243

Сабин, Юлий Помпоний 274
Савельев П. С. 7, 176, 260
Садыков Х. У. 255
Саёки Ариёси 112, 162
Саксон Грамматик 14, 214, 223, 369
Саладин 455
Салана, авва, см. Фрументий
Салищев К. А. 416
Саллам Алтарджеман, см. Саллам Переводчик
Саллам Переводчик 180, 181, 188—196, 248, 480, 481
Салмапассар 435
Самматья 97
Самсон Прекрасный 462, 463
Сангхаварман 43
Сангхаварми 43
Санджар Самиард 446, 448, 453
Сарвастивада 96
Сародий 87
Сасаниды, династия 106, 259, 263
Свен Эстритсон 367, 368, 371, 372, 374
Сверр Патурссон 477
Свет Я. М. 423
Свида 87
Сёдерберг 337
Сезострис, фараон 479
Семирамида 187
Семпад 111
Сенека, Луций Анней 40
Септимий Север 22
Сергий II, папа 119
Сётоку 72
Сигельм Шерборнский 234—238, 470
Сигурд Стефанссон 341, 353, 358
Сигурд Сюр 377
Сидрак, см. Эдезий
Сизабул, см. Дизибул
Сикко 311, 313
Силзибул, см. Дизибул
Сильвий, Энеї 429
Сим 431
Синдбад Мореход 16, 116, 120, 208, 209, 269, 420, 452, 453
Сионита, Габриэль 416
Сихаб эддин Ибн-Фадл аллах ал-Умари 258, 267
Си Юань-цин 133, 134
Скин В. 116
Смирнов А. А. 121
Снебьёрн Галти 295
Снерхгус 116
Снибней 140
Спор 322, 323
Снорри Стурлусон 15, 144, 147, 148, 227, 297, 324, 325, 345, 370, 371
Смит Дж. 330
Созомен 35
Сокке Торрессон 395
Сократ 35
Солиман из Андалузии 205, 206, 208
Соломон 27
Сопатр 67
Спелман Дж. 215, 217, 235
Срезневский И. И. 182
Стейн М. А. 80, 107, 108, 136, 137, 138
Стефанссон В. 156
Стивенсон В. 236
Стинсби Х. 339, 342, 344
Сторм Г. 150, 305—307, 354, 463
Страбон 9, 23, 39, 188, 429
Стралепберг И. Ф. 262
Суарин, Фернандо 388
Субхакара 73
Сугахара 163
Судзуки 73
Суит Г. 217
Суй, Суйская династия 92, 93, 299
Суйко 56

Сун, Сунская династия 51, 206, 299
Сун Юнь 49
Суриано, Франческо 479
Сусан ар-Росси 247, 249
Су-цзун 110
Сушиличжи 134, 135
Сюань Цзан 6, 10, 11, 49, 50, 80, 96—98, 100—104, 108, 194, 481
Сюань-цзун 105, 110, 131, 132, 136
Сюзюнов 244
Сыромятников С. Н. 145, 289, 324
Сэмунд Сигфуссон 198
Сяо-у-ди 43

Табаноян 181
Тагма 86
Тай-цзун 105—108, 135, 136, 206, 299
Такакусу 94
Тальбитцер 150
Тамара 246
Таммам-ибн-Алькама 179
Тамо, см. Бодхидхарма
Тан, Танская династия 6, 13, 105, 112, 131, 133, 135, 138, 299
Таннер В. 337, 338, 340
Тао Нань 47
Тао Чен 44
Тардухан 92
Тартуши, см. Ибрагим ибн-Ахмед ат-Тартуши
Тар-хан 180, 481
Татищев В. Н. 7, 8, 9, 265
Татхагата (Юлай) 96
Тацит, Публий Корнелий 60, 126, 228
Тёйбер Р. 54, 121
Телленбах Г. 283
Темучин, см. Чингис-хан
Тёнен 58, 299, 300, 302, 303
Теннант Дж. 67
Теодорий 469
Теодорих Великий (Дитрих Бернский) 16, 60—62, 228
Терновский Ф. А. 26
Тизенгаузен В. Г. 257, 258, 274
Тимофей 238
Тимур (Тимур-ленг) 88, 274, 446
Тиссара 43
Тит Ливий 262
Тихонов, Николай 263
Толстов С. П. 75
Томас, граф 401
Томас М. 363
Томашек В. 263
Томсон Дж. О. 36, 191
Торарирссон С. 337
Торвальд 332, 349, 358
Торгест 290
Тордарсон М. 328, 333
Торе Хунд 221
Торкель 145, 155, 289
Торнберг К. 277
Торольв 220
Торп 237
Торстейн 349
Торфеус 220, 294, 295, 329, 345, 390, 398, 399, 400
Торфинн, сын Сигурда, ярл Оркнейских островов 145, 155
Торфинн Карлсефни, норвежский купец-мореплаватель 309, 321—325, 330—332, 336, 338, 339, 348, 349, 354, 358, 480
Торстейн 277, 426
Тоскапелли П. 183, 333, 426
Траян, Марк Ульпий 21, 141
Триго 108
Тринклер Э. 103
Тураев Б. А. 31
Тьодольв из Хвина 172, 227, 228
Тьодрик Мунк 15, 198
Тюркир (Тюркер) 320, 321, 333, 334, 337
Тянь Жень-вань 131
Тяо-янь, см. Тёнен

Уа Корра 116
Уатсон Н. 55, 431
У-ди 76
Удин, Джамал 385
Уинстедт Э. 67, 69, 79
У Куп 49
Уле М. 54
Уль И. 231
Умурзаков С. 104
Уодальрих 407
Уолтерс 333
Упагупта 98
Упоцюто, см. Упагупта
Упси Гренландский, см. Эйрик Гнупсон
Успенский Ф. И. 64
Ухдри 284
У-цзун 104, 110

Фан Сюань-лин 105
Фа Сянь 6, 10, 41—50, 100
Фа Юн 49
Федченко О. А. 481
Феликс 158
Фелтэм У. 326, 327
Феодор 65, 70, 237
Феодорет 35
Феодосий I (Великий) 32, 36—39
Феодосий II 16, 38

Феофан Византийский 26, 33, 80, 161, 453
Феофил, император 244
Феофил Дийский 34
Феофилакт 26
Феофилакт Симоката 110
Феофраст 272
Ферналд 336, 339, 343
Ферран Г. 71, 301, 302, 382—388, 422
Фиделий, монах-паломник 140—142, 235
Филан-шах 180
Филипп 442, 444, 445, 455, 456, 461
Финнбоги 349, 354
Финн Фегин 378
Фируз 75, 80
Фиске Дж. 394, 396
Фишер И. 331, 365, 399
Флатей 305
Флоки 198
Флюкигер Ф. 209
Фогель В. 42, 127, 129, 226, 259, 287, 288, 318, 361, 409, 410
Фойгт И. 315, 316
Фойкффи 54
Фольц Б. 221
Фома, апостол 35, 65, 70, 234, 236—237, 388, 401, 402, 443, 467, 468, 469, 470, 471
Фома Кананеус, см. Кананеус, Фома
Фома Неверующий 237
Форстер И. 79, 118, 229, 297
Фортунатов А. А. 123
Фосслан, см. Ибн-Фадлан
Фоссум А. 339, 342
Фотий 14, 75
Фо-то-по-то-ло, см. Буддхабхадра
Фо-ту-цин 42
Франк Г. 80
Франциск I 335
Фрейдис, сестра Лейфа 332, 349, 351 354
Фремонат, см. Фрументий
Френ Х. Д. 7, 8, 175, 176, 189, 241, 243, 250, 251, 258, 265 269, 275, 276, 285, 425
Фрескобальди Л. 440
Фридрих, архиепископ Гамбурга 297, 298
Фридрих I Барбаросса 14, 153, 441, 442, 449, 450, 454, 455, 456
Фрументий 25—30, 32—35
Фудзикара 163
Фудзисима Р. 73

Хайтон 422
Хайтум II 111
Хакам II 284
Хаканус, см. Хакон
Хаклюйт Р. 215, 217, 229
Хакон 244
Хакон, ярл 350, 371
Хакон, сын Магнуса 221
Хам 431
Хамкониус 364
Хаммерих Л. 202, 293, 296
Хаммер-Пургшталь 188
Хань, Ханьская династия 108, 299
Младшая династия 58
Старшая династия 59
Хань Ли-пин 132
Харассович 250
Харун-ар-Рашид 8, 157—161
Хасан бен-Саид 242
Хаук 331
Хаук Длинные Штаны 218
Хвольсон Д. А. 210
Хейд 218
Хейердал Т. 480
Хеймрейх В. 124, 128
Хейстербах Ц. 469, 472, 473
Хелдинхем 416
Хёль, Андреас 468, 473
Хельги 349, 354
Хельмольд, летописец 409, 410, 414
Хергенрётер 34
Херке 277
Херманссон Х. 340
Херрапд 221
Херфорд 388
Херьюлф 305, 310, 350
Хетура (Цетура) 27
Хешам бен Мухаммед Кельби 192
Хигден Р. 352
Хирт Ф. 110, 192, 208, 301, 302, 423—425
Хитрэус Д. 315
Хоббс 202
Ховгард В. 340, 342
Холанд 348, 354, 394, 396
Холм Г. 339
Холоу Ю-джун 133
Хорн Г. 52, 365, 468
Хосров I Ануширван 76, 77, 83, 187, 188, 446
Хоуорт Х. 447
Храфн 144, 155
Христиан Майнцский 453—455
Христос, Иисус 29, 31, 35, 111, 113, 169, 237, 312, 414, 444, 445
Хуай Вей 44
Хуай Цин 44
Хуай Шень 6, 51—59, 72, 431
Хуай Юн 44

Хуан Чао (Банчао) 192, 207
Хубилай, хан 112
Хун Ши 44
Хуто, см. Оттон I
Хьёрлейфр, норвежский король 178
Хэ-мань 93

Царнке Ф. 402, 403, 447—451, 453, 460
Цезарий фон Хейстербах, см. Хейстербах
Цезарь, Гай Юлий 287, 385, 412
Цетура, см. Хетура
Цехлин Э. 390
Цзинь, династия 47
Цзя Тань 72, 206
Ци, династия 51
Циммер Г. 115, 117—120, 122, 153
Цин Цзин, см. Адам
Цинь Ши-хуанди 187
Ця Чжун-гуань 131

Чандрапида 135
Чан Чунь 481
Чаньлян 96
Ченлянпу, см. Самматья
Ченслер, Ричард 222
Чжан Си-ли 134
Чжан Сяо-сун 134
Чжао Чжун-пинь 131
Чжао Ю-гуа 207, 299, 301, 302, 423, 424, 425
Чжачжонасимомошен 134
Чжоу Цю-фей 425
Чилуку 456
Чингис-хан 88, 446
Чу Гуань 93
Чуицзиу, см. Сарвастивада
Чэн Лин 93

Шаванн Э. 13, 94, 131, 136
Ша'зан 30, 33
Шакьямуни, см. Будда
Шаль Г. 62.
Шариваншах 242
Шарпуа 209
Шаскольский И. П. 245
Шафарик П. 409
Шверин Х. 126
Шегледи 252
Шеллгас 154
Шель О. 168, 336
Шёпинг Г. 152
Шеффель 146
Шлегель Г. 53, 56
Шлёцер А. 9, 13, 151, 186, 243, 244, 267, 268, 276
Шлихтер Г. 382
Шмейдлер Б. 362, 363, 367, 369, 379
Шпанут Ю. 127, 128, 129
Шпренгель М. 349, 478
Шпрунер-Менке 394
Штадлер И. 33
Штейн Э. 88
Штехе Т. 145, 149, 151, 154, 227, 306, 324, 331—333, 339, 342, 343, 344, 348, 349, 350
Штехов Э. 58, 152, 153, 343, 381, 382, 479, 480
Штрук Б. 382
Шулейко Г. К. 466
Шумовский Т. А. 205
Шухгардт К. 338, 408, 409
Шюкк А. 309

Эббо 411
Эберт М. 230, 231
Эвдокс 23
Эвтимен 23
Эгеде Г. 293, 375, 466
Эгил 220
Эдезий 25—29, 35
Эдриси, см. Идриси
Эзан 33, 34
Эйльберт 124
Эйнар Соккисон 392
Эйнгард 14, 157, 159, 160, 161 170, 173, 228, 284, 367, 408
Эйрик, ярл 350
Эйрик Бодёк 221
Эйрик Гнупсон 355, 389—400, 483
Эйрик Гренландский см. Эйрик Гнупсон
Эйрик Красный, см. Эйрик Рыжий
Эйрик Кровавая Секира 251
Эйрик Рыжий 16, 144, 149, 200, 289, 290, 292, 295, 296, 298, 305—307, 330, 331—333, 337, 340, 342, 354, 356, 478, 479, 480, 482
Эйрик Сегерселл 170
Эйрик Упси, см. Эйрик Гнупсон
Эйрик Эйегод 399
Эккехард Аурский 412
Эла-Азгуагуа 28—29
Эла Алада 28
Эла Ашбеха (Элесбоа) 68, 69
Эла Сап 34
Эла Сахан 34
Эла Эскенди 34
Элесбоа, см. Эла Ашбеха
Эллиот О. К. 326
Эллисфей 74
Эльгази 450
Эмпедокл 27

Энгельс Ф. 15, 21, 22, 196
Эней Сильвий, см. Сильвий, Эней
Энклэр 363
Эратосфен 9
Эрве де Сен-Дени 94
Эрканбальд 157
Эркес Г. 148—152, 198
Эрле 353
Эрлих Б. 230, 231
Эрман А. 260
Эрнст Швабский 120, 452
Эрш 291, 480
Эсимфей 74
Эсронита, Иоанн 416
Эте 246
Этельстан 234
Эфталин 75

Юл Г. 67, 80, 102, 110, 457, 481
Юлай 96, 97
Юлиан 70, 75
Юнгингеи К. 458
Юстин I 68, 69
Юстин II 83, 84, 87, 88, 89, 92
Юстиниан 13, 69, 70, 74—77, 81, 87—89, 161
Ютта 468

Яворский И. Л. 481
Ягве 49
Якоб Г. 178, 272, 283—287, 432
Якоби А. 37
Якут-ибн-Абдаллах 12, 196, 250, 252, 255
Ян-ди 93
Яфет, см. Иафет
Яффе-Эвальд 394, 395

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абесгун (Абоскун) 241, 242
Аби-Пянджа 131, 136
Абхазия 458
Ава 164
Авадзи 163, 164
Австралия 383, 420
Агам(эль-) (эль-Генам, или Остров мелкого скота) 433
Агау 64
Агна 470
Аденский залив 418
Адрианов вал 186
Адрианополь 38
Адриатика 283
Адулис (совр. Зула) 63, 65, 68, 69
Азербайджан 182, 186, 241, 268, 448
Азиатский континент, см. Азия
Азия 31, 41, 53, 82, 92, 102, 106, 141, 185, 187, 191, 194, 195, 238, 245, 258, 260, 263, 333, 344, 363, 384, 417, 418, 423, 436, 437, 447, 452, 455—457, 459, 466, 480
  Внутренняя 41
  Восточная 38, 40, 52—56, 58, 59, 71, 78, 112, 183, 209, 210, 301, 333, 357, 418, 419, 429, 461
  Малая 184
  Передняя 11, 12, 183, 184, 191, 205, 209, 246, 259, 260, 274, 402, 435, 446, 452, 470, 482
  Северная 58, 425
  Северо-Восточная 194
  Средняя 6, 10, 11, 15, 111, 138, 183, 191, 263, 446, 448, 480, 481
  Центральная 10, 77—80, 88, 96, 102, 107, 108, 112, 135, 138, 162, 187, 189, 192, 194, 196, 260, 263, 417, 418, 425, 446, 456, 457
  Юго-Восточная 54, 383, 385, 420, 423
  Юго-Западная 107
  Южная 73, 182
Азовское море 88, 91, 184, 241
Азорские острова 152
Аис-эль-Айн 438
Аквилея 61
Аксу 102, 131, 136, 189
Аксум, см. Аксумское царство
Аксумское царство 25, 28, 30—34, 64, 69, 70, 76, 453, 459
Акций, мыс 141
Аландские острова 417
Алания, см. Осетия
Албания, см. Азербайджан
Албанские Ворота 186
Александра Великого империя 446
Александра Великого стена (вал) 187, 480, 481
Александрия 26, 28, 29, 32—34, 65, 69, 141, 142, 161, 246, 435, 438, 440
Алеппо (Халеб) 438
Алеутские острова 55
Алоколь 193
Алтай 5, 83, 85, 91, 189, 259, 263, 417, 418
  Юго-Западный 189
Альпы 136, 158, 160, 438
Альттиф, см. Веселое
Аляска 55, 270
Амазонок остров, см. Аландские острова
Амеланд, остров 126
Америка 6, 52—56, 58, 122, 149, 152, 154, 156, 291, 295, 304—309, 320, 328—330, 332, 335, 336, 339, 343, 344, 347—350, 352—354, 356—358, 365, 372, 383, 396—398, 399, 400, 431, 432, 466, 478—480
  Северная 5, 14, 53—55, 115, 122, 143, 145, 148, 152, 154—156, 243, 305, 329, 330, 334—338, 343, 346, 354, 356, 358, 365, 389, 390, 393, 479
  Северо-Восточная 152
  Центральная 151, 431
  Южная 54, 382, 431
Аму-Дарья 80, 102, 107, 108, 135—137, 446, 481, 482
Амур 55,417

Анахоретов остров 152
Англия 14, 16, 23, 115, 124, 153, 156, 214—217, 226, 233—235, 238, 327, 351, 352, 359, 371, 416
Ангмагсалик 201
Андалузия 174, 205, 261
Анджилах (Макалех) 242
Аннагдаун 119
Аннам, см. Трунбо
Антильские острова 365
  Малые 365
Антиохия 68, 436, 438
Аную (Ясин) 131—133, 137
Аньси (Куча) 131, 136, 193, 195
Апюй 270
Апеннинский полуостров 81
Апроситус, Канарские острова 433
Апсилия 87
Апулия, см. Пилтепе
Арабский Восток 11
Арабский залив, см. Суэцкий залив
Арабский халифат, см. Халифат
Аравия 34, 35, 63, 68, 69, 142, 150, 423
  Каменистая 35, 141
  Счастливая 27, 69
  Южная 33, 34, 35, 63, 185, 472
Аральское море 86, 91, 193, 480, 481
Аранмор 149, 150, 153, 154, 155
Арбан (Эрта, Эрза) 269
Арген 433
Ардобил 241
Ариж (Иртыш и Обь) 264
Арконы, скалы 408
Армения 111, 180, 182, 184, 185, 268, 370, 441, 452, 480
Арнлауг-фьорд 296
Арсила 174, 175
Архангельск 222
Ару 420
Асафи, см. Сафи
Ассам, Западный 103
Астрахань 189, 241
Асуан 438
Атиль, см. Волга
Атлантика, см. Атлантический океан
  Северная 146, 307, 463
Атлантический океан 40, 71, 117, 183, 282, 347, 367, 375, 419, 425—434, 437, 477, 478
Атлантическое побережье Америки 328, 344
Атлах 138
Ат-Хетум, см. Хетум
Атыл, см. Волга
Аугсбург 417
Афганистан 78, 109, 135, 481
  Восточный 135
  Северный 80
  Северо-Восточный 135, 136
Африка 31, 157, 158, 174, 186, 279, 284, 302, 325, 333, 380—384, 387, 388, 417, 419, 446, 461
  Восточная 63, 183, 301, 380, 381, 383, 384, 388, 418—419, 424
  Западная 379, 420
  Северная 12, 175, 183, 283, 370, 402, 435
  Северо-Западная 11, 175, 419, 432
  Экваториальная 383
  Юго-Восточная 302
  Южная 302, 383
Африканская Индия 423
Африканский континент, см. Африка
Ахальм 431
Ахен 158—161

Баар-Баранк (Море варягов), см. Балтийское море
Бабикиах, см. Баку
Баб-эль-Мандебский пролив 67
Бавария 10
Багальтиф, см. Веселое
Багамские острова 477
Багдад 159, 160, 188, 208, 240, 245, 246, 249—251, 259, 274, 383, 436, 438, 470, 471
Базель 417
Байкал 88, 417, 448, 449
Бактрия 64, 78, 80, 259, 263
Баку 241
Бала-Сагун 448
Бали 385
Балтийск 229, 232
Балтийская коса 231, 232, 315, 317
Балтийское море 10, 16, 62, 170—173, 178, 179, 213, 214, 225—229, 232, 233, 245, 263, 265, 274, 275, 277, 278, 280, 282, 288, 315, 367—370, 407, 412, 413, 415, 417, 462
Балтика, см. Балтийское море
Балтистан 131, 135, 136
Балх 78, 102, 109, 436
Бальсора, см. Бассора
Бамберг 367, 406, 407, 411, 412
Бамиан 102
Барамула 102
Барбария 63
Баренцово море 466
Баркуль (Чженьси) 193, 194
Баркуль, перевал 194
Баркультаг, хребет 194
Барлык (горы Майли) 193

Барселона 438
Бартибпл 421
Басра 208
Бассора 204, 206, 207
Баффинова Земля 296, 307, 356, 358
Баффинов залив 343
Бедан (Еден) 435
Белат 450
Белгард, см. Бялогард
Белл-Айл, пролив 339, 340, 342, 343, 344
Белое море 5, 10, 211, 213—215, 218, 219, 221—223, 228, 233, 251, 263, 369, 466
Белое озеро 264—266
Белуджистан 103
Бельгия 117
Бенгальский залив 204
Бенкенштейн 230
Берген 207, 337
Берингов пролив 270
Берлин 37, 386
Бетума 204
Биармия (Великая Пермь) 14, 212, 213, 216, 218—223, 235, 251, 260, 262, 266, 268, 462, 464
Бибало 424
Бимо, см. Бхима
Бирдмор 325, 327, 356
Бирка 166, 167, 169, 170—172, 227, 229, 317, 368
Бирр 113
Бичаньбопуло, см. Витшавапура
Блаженных острова 119, 152, 363, 433
Блекинген 225
Ближний Восток 11, 15, 183, 266, 274
Ближняя Индия, см. Аксум
Блосерк (Черная рубашка) 289
Блотник 231
Блэкуотер 328
Бове 429
Богемия 278, 313, 404
Богуань, см. Аксу
Боде 278, 374
Болгар 7. 189, 248, 249, 250, 251, 252, 254—258, 260, 261, 262, 268, 269
Болгария 279
Болгары, село 252
Болд 346
Боле, см. Аби-Пянджа, Пяндж
Болонья 364
Большая Ирландия, или Страна белых людей 144, 145, 148, 150—154
Большие Зондские острова, см. Зондские острова
Большой Балхан 480
Бомбей 65, 470
Боми, см. Памир
Бонн 396
Боргар-фьорд 290
Борделум 128, 130
Бордо 284
Борнео 420
Борнхольм 225
Бостон 305, 329, 330, 344
Бостра 34
Ботнический залив 5, 367—369, 371, 373
Брага, см. Прага
Брандана, остров 121, 122
Браттахлид 296
Брахмапутра 103
Брейди-фьорд 289, 290
Бремен 125, 169—171, 360, 361, 365, 367, 394, 395, 399
Бремерхафен 126
Британия 114, 144, 147, 186, 199
Британские острова 114, 117, 426
Брюссель 395
Будапешт 252
Булгар, см. Болгар
Бург 278, 282
Бургундаланд 225
Бургундия 438
Бурджин, см. Вурцен
Бурунная земля 324
Бусгала-хана-булак 482
Бусгала-хана, проход 481
Бухара 6, 81, 102, 250, 481
Бухарское ханство 482
Бхима 100
Бьёркё 169
Бьёрн 325
Бьюргвин, см. Берген
Бэ-дю-Вен (Виноградная Бухта) 334, 339
Бэ-дю-Вен-Ривер (Река Виноградной Бухты) 335
Бэйку (Северное Ущелье) 131
Бейтин 134
Бялогард 406, 412

Ва (Западная Япония) 58, 59, 301, 483
Вавилон 438
Вавилония 76
Вайгач 267
Ваквак, острова 418
Ваквак, страна 209, 299, 301, 302, 418, 419, 483
Ваквак восточный (китайский) 301, 302
Ваквак южный (африканский) 301, 387

Ва-коку (царство Ва) 301
Вакха, остров 334
Валдайская возвышенность 259, 263
Валунная Земля, см. Хеллуланд
Валчина 471
Ванкара 419
Варангер, полуостров 223
Варангер-фьорд 218, 265, 466
Варзуга 222
Варенк 265, 280
Варта 411, 413
Ватикан 161, 396, 403, 457
Ватурбурун, см. Падерборн
Вахан 131, 135, 136
Везер 284, 359
Вейк-бей-Дюрстеде 128, 166, 171
Великая Армения 36, 39
Великая Греция 150
Великая Индия 238, 423
Великая Китайская стена 88, 187, 189—195, 417, 418, 480, 481
Великая Пермь (Биармия) 212, 262
Великая Швеция 150
Великие озера 356
Великий океан 40, 94
Великий Цинь, см. Сирия
Великобритания 150
Веперн 169, 371
Венеры гавань, см. Порте-Вепере
Венеция 445, 455
Вента 172
Веншинь 53
Верден 438
Верона 61
Верхнее озеро, Канада 325, 328, 356
Верчелли 157, 158
Веселое 232, 315
Вестербюгд (Вестрибюгд) 294, 295, 296, 323, 390
Вестманнаэйяр, острова 199
Веттерн, озеро 169
Византийская империя 13, 64, 70, 81, 244
Византия 13, 31, 40, 69, 74—77, 79—81, 83, 84, 86—89, 92, 161, 228, 243—246, 252, 259, 283, 369, 370, 402, 443, 455
Вилья-Алусемас 175
Винета, см. Юмна
Винланд 6, 144, 145, 148, 153, 154, 289, 295, 305, 306, 309, 321, 322, 324, 325, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 344—357, 361, 365, 368, 373, 376, 377, 378, 389—400, 483
Винландия (Финляндия) 352
Винляндия, см. Винланд
Виннипег 328
Виноградная Бухта, см. Бэ-дю-Вен
Виноградная земля, см. Винланд
Виноградная страна, см. Винланд
Виноградник Марты, см. Мартас-Вайньярд
Виноградный остров 121, 149, 154, 334
Винсганд (Скрелингерланд) 341
Виргиния 154
Виррах, см. Везер
Висла 61, 225—232, 276, 317, 318, 319
Вислинский залив 61, 214, 225, 227, 230, 231, 232, 279, 314, 315, 316, 317, 318
Висмар 179, 282
Висмарская бухта 282
Вису, страна 251, 254, 255, 266, 267, 268, 270
Висула, см. Висла
Витербо 449
Витим 88
Витшавапура 97
Вишера 266
Владивосток 88
Владимирская область 276
Внису 265
Во 56, 58
Вогулка 260
Волга 86, 88, 91, 107, 189, 191, 193, 240, 241, 244, 245, 246, 248, 250, 252, 253, 254, 257, 259, 260, 261, 263, 264, 268, 417, 453, 481
Волжская Болгария 247, 254, 260, 424
Волжский бассейн 265
Волин, остров 412
Волин 287, 288, 405, 407, 409, 410, 412—414
Вологда 264
Вологодская область 264
Волхов 245
Вольгаст 407
Восточная страна, см. Китай
Восточно-Гренландское течение 359, 361, 372, 374, 379
Восточное море 38, 173, 436
Восточное поселение, см. Эстербюгд
Восточный океан 418
Ву-и 44, 48
Вулин, см. Волин
Вурстен 126
Вурцен 278
Вычегда 260, 267
Вэйхе 108

Габул, см. Джибала
Гавайские острова 54, 382
Гаддибю, см. Хайтабю
Газна 103
Гаити 303
Галла 207
Галле, см. Галла
Галлия 262
Гамаатон, см. Ливия
Гамбург 39, 171, 173, 348, 365, 394, 395, 399, 482
Гамильтона залив 342
Гана 419, 420
Ганг 48, 50, 65, 96, 97, 103, 136, 403, 460, 472
Гардар (Игалико) 293, 296, 390, 395, 399
Гардар, см. Исландия
Гардарсхольм 198, 200
Гарц 406, 412
Гауч 469
Гвардафуй 418
Гданьск 229, 230, 231, 232, 311, 314, 315, 316, 317, 318, 417
Гданьская бухта 231, 316
Гебридские острова 115, 145
Геец, см. Эфиопия
Гельголанд 127, 128, 129, 130
Гельголандская бухта 126
Геммендегоп, см. Гиннупгагап
Генуя 158, 438
Германия 8, 11, 19, 117, 167, 169, 170, 173, 186, 226, 274, 275, 282—286, 288, 334, 337, 339, 367, 438, 454, 467, 469, 472, 477
Восточная 227
Западная 227
Северная 118, 277
Центральная 278
Южная 279
Германская империя 286, 407, 454, 455
Гесперпды 59
Гёта-Эльв 370, 371, 417
Гёттинген 229
Гиацинтов остров 418
Гибралтар, см. Гибралтарский пролив
Гибралтарский пролив 175, 236, 425, 429, 432, 434
Гидасп 102
Гилгит 138
Гилгит, река 131, 137
Гиндукуш 5, 6, 103, 108, 131, 135, 137, 138
Гиннунгагап, мировой водоворот 361, 373, 374, 377, 379
Гинчжоу 51
Гиссарский хребет 482
Гладеново 259
Гнезен, см. Гнезно
Гнезно 316, 319, 404
Гоби 102, 193
Гога и Магога, вал 194
Гога и Магога, горы 417, 418
Гога и Магога, земли 195
Гога и Магога, стена 7, 180, 181, 188, 189, 192, 193, 194, 195, 196, 418, 480, 481
Гозан, см. Кизыл-Оцеш
Голландия 118, 127, 171
Голуэй 120
Гольфстрим 53, 117, 162
Гольштиния 172
Гопло 61
Готланд 169, 225, 227, 274, 368
Готхоб 296
Гохуа 93
Град 278
Гренландия 5, 7, 14, 143—145, 149, 152, 156, 200—202, 289—298, 304—310, 321—325, 329—333, 339, 340, 343, 346—350, 352—354, 357, 358, 361, 362, 365, 366, 368, 374, 375, 377, 381, 389—399, 430, 462—466, 477, 482
Восточная 463
Гренландские горы 482
Гренландское море 304
Греция 28, 38, 245
Греш, см. Гарц
Гривель 202
Гринеланд, см. Шпицберген
Грос-Реде 179
Грос-Чохер 469
Гуандун 192
Гуанчжоу 46, 47, 49, 72, 207, 208
Гуармеланд 395
Гуджара 97
Гудзон 340, 480
Гудзонов залив 328, 356
Гудзонов пролив 356
Гуйчжен 134, 135, 138
Гунбьёрновы шхеры 7, 200, 201, 202, 289, 292, 295
Гюцков 407

Дайк, см. Урал
Дайлеман 242
Дальний Восток 21, 42, 73, 193, 209, 436
Дальний Запад 71
Дамаск 142, 188, 438
Данелс 201

Дания 14, 125, 165, 166, 167, 168, 171, 178, 179, 213, 214, 225, 282, 283, 286, 298, 327, 359, 368, 370, 371, 407, 408, 417
Данциг, см. Гданьск
Дардистан 137, 138
Дарель 48
Дариан 87
Дарин 87
Даркотский перевал 131, 137
Датский пролив 202, 482
Дахо, см. Ямато
Дацинь (Римская империя или Сирия) 90, 105
Двуречье (см. также Месопотамия) 140, 188, 195, 206, 243, 425, 480
Двуречья страна, см. Согдиана
Девисов пролив 361
Декан 103
Делагоа 419
Дели 103
Деммин 407
Дербент 482
Дербентские Железные Ворота (Кавказская стена) 186, 187, 188
Джавага, см. Ява
Джайлоло 421
Джамбул 91
Джафуна 382
Джебель ал-Комр (Лунные горы) 388
Джезирато л-ганам 432
Джелам 102
Джемс, залив 328
Джибала 449
Джидда 436
Джиль эд-Дайлем 241
Джунгарские Ворота 91, 193
Джунгарский Алатау 193
Джурджания 240, 241, 247
Джурджанское море, см. Каспийское море
Дзийо 163
Дидгори 459
Дивенов река 412, 413, 414, 415
Диденхофен 169
Дизибула, каганат 88, 89, 91, 92, 107, 446
Диоскорид, остров, см. Сокотра
Диско 306
Дисур (Вису) 254
Диул-Синд 65
Днепр 245, 417
Днестр 417
Доброй Надежды мыс 387, 388
Добруджа 186
Доггер, остров 126
Доггер-Банк, отмель 126
Доккум 129
Дон 88, 91, 184, 240, 241, 417
Дорестад, см. Вейк-бей-Дюрстеде
Дранга-Екул 202
Дреница 318
Друзно 226, 229, 230, 231, 318
Ду-Гадан 68
Дунай 186, 417
Дунбэй 91
Дунтинху 51
Дюрренберг 278

Евразия 465
Европа 6, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 62, 70, 76, 77, 88, 109, 111, 115, 118, 125, 127, 148, 153, 156, 159, 185, 186, 194, 206, 210, 218, 219, 223, 235, 243, 248, 257, 258, 285, 291, 298, 348, 351—353, 356, 358, 363, 365, 368, 369, 372, 385, 392, 394, 395, 400, 402, 409, 417, 424, 429, 450—453, 457, 459, 461, 464—466, 471
Восточная 11, 183, 243, 244, 246, 251, 252, 259, 262, 274, 275, 276, 424
Западная 127, 171, 218, 259, 262, 368, 369, 449, 472
Северная 11, 15, 81, 152, 169, 173, 217, 233, 250, 261, 262, 265, 276, 297, 357, 367, 369, 390, 417, 430
Северо-Восточная 263, 464
Северо-Западная 464
Центральная 10, 62, 81, 282, 417
Юго-Восточная 246
Южная 357
Европейский континент, см. Европа
Евфрат 206, 264, 436
Египет 29, 35, 67, 76, 141, 142, 175, 184, 235, 236, 261, 424, 429, 435, 459, 479
Еден 435
Елюташи, государство 446, 448, 456
Енисей 264, 417

Железные Ворота 96, 102, 481, 482
Желтое море 187, 418
Жошуй (Сои) 133

Заале 278
Забадион, см. Палембанг
Забадш, см. Палембанг
Зайтун, см. Цюаньчжоу
Закавказье 15, 448
Зале, остров 431
Зангерхаузен 468

Занзибар 206, 301, 382, 387, 424
Западная страна, см. Америка
Западное море 200, 211, 436
Западное поселение, см. Вестербюгд
Западный океан 120, 430
Застывшее море 120, 143, 372, 431, 434, 452
Зауралье 264, 267
Зебид 435
Зеландия 225
Зеленая земля, см. Гренландия
Зеленая страна, см. Гренландия
Зеленоградск, Калининская область 172, 227
Земландский полуостров 61, 228, 232, 315, 316, 317, 318, 319, 368
Земля Франца-Иосифа 463
Зест 285, 286
Зимбабве 387
Зиндж 63
Зингион 63
Золотая гора, см. Эктеле
Золотая Индия 79
Золотая Орда 223, 277
Золотая река, см. Уэд-Дра
Зондские острова 269, 302, 383, 385, 386, 418, 420
Большие 386, 418
Зондский пролив 48, 425
Зост 280
Зула, см. Адулис

Ивигтут 296
Иврея 157
Игалико 296
Игу, столица уйгуров 194
Игу, царство 194
Иерусалим 140, 141, 142, 158, 159, 160, 161, 330, 370, 438, 442, 444, 445, 455, 457, 469, 470
Иерусалим, христианское королевство 450, 455
Израиль 185
Изумрудный остров, см. Ирландия
Ик, см. Эмба
Ика (Юка) 181, 193, 194, 195
Икигайт 296
Иланьнабофато, см. Хираньяпаравата
Иланья, см. Хиранья
Или 193, 417
Ильмень, озеро 221, 259, 261, 263
Имерина, государство 383
Ингельгейм 168, 244
Ингольф 290
Ингоульвберг 202
Ингоульвсёвд 197
Ингоульвсфелль 197
Инд 6, 45, 48, 76, 97, 98, 102, 103, 131, 135, 137, 138, 472
Индея 237
Индийский океан 11, 65, 67, 78, 205, 206, 302, 380, 384, 385, 387, 418, 419, 423, 430, 471, 479
Индийское море 64
Индия 6, 8, 10, 11, 12, 25, 27, 28, 31, 35, 39, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 58, 63—67, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 95, 96, 100—103, 106, 136, 140, 157, 161, 162, 163, 164, 191, 204, 205, 206, 208, 234—238, 250, 261, 281, 333, 353, 357, 380, 388, 401—403, 423, 435, 436, 438, 441—443, 450—452, 455—458, 460, 461, 467—473
Внутренняя (Южная Аравия) 63, 64
Восточная 235
Малая (Индокитай) 423
Северная 42, 45, 79, 236, 472
Средняя (Аравия и Эфиопия) 423
Центральная 47, 73
Южная 72, 103, 234, 236, 237, 472
Индо-Гангская равнина 472
Индокитай 42, 78, 79, 163, 383, 385, 423
Индонезия, Западная 387
Индостан 207, 461
Инишмор 149
Иньямбане 419
Ирак 181, 205, 299, 436, 470
Иран 88, 90, 95, 106, 107, 110, 480
Северный 245
Ирландия 5, 114, 115, 118, 121, 122, 144, 145, 150—152, 154—156, 160, 178, 202, 212, 213, 309, 322, 335, 358, 477, 478
Западная 149
Ирландское море 21
Иртыш 189, 259, 263, 264
Иршад 131, 138
Исеть 264
Иси, см. Вису
Искер 264
Исландия 5, 10, 14, 115, 119, 120, 125, 143—148, 152, 153, 155, 156, 197—203, 218, 261, 289—293, 295, 297, 298, 304, 305, 307, 308, 309, 321, 322, 331, 333, 335, 345, 347, 348, 353, 357, 359, 361, 365, 366, 372, 377, 378, 390, 391, 399, 426, 430, 462, 463, 464, 482
Северная 347, 463

Испания 11, 13, 37, 175, 178, 185, 210, 244, 259, 275, 282—284, 335, 372, 424, 437, 438, 440
Северная 117
Южная 284
Иссык-Куль 102
Ису 254
Исфиджаб 102
Италия 53, 60, 61, 62, 114, 158, 235, 236, 274, 425
Северная 117
Южная 16, 351, 357
Итиль, см. Волга
Итиль, столица хазар 189, 191, 193, 195, 241, 242, 248, 252, 481
Итрахт, см. Утрехт
Иудея 237

Йемен 35, 65, 68
Йомсбург 279, 287, 288, 408—410
Йорк 371
Йотунхеймар 462

Кабул 43, 102, 103, 481
Кабулистан 51, 57
Кавказ 36, 37, 39, 84, 87, 88, 92, 182—184, 186, 189, 259, 268, 458, 481
Кавказская стена 186
Кавказский хребет 91
Кадезия 107
Казань 269
Казахстан 91
Каир 246, 479
Кай 420
Калабар 204
Каламина 236
Калах 208
Калидат, см. Канарские острова
Кализия 61
Каликут, см. Кожикоде
Калимантан, см. Борнео
Калининградская область 172
Калиш 61
Каллиана, см. Кальян
Кальбе 278
Кальварская гора 457
Кальмар 417
Кальян (Каллиана) 64, 65, 238
Кама 189, 248, 258, 259, 260, 263, 264
Камар 386, 387, 418
Камень-Поморски 316, 405, 407, 412, 413, 414
Камин, см. Камень-Поморски
Камчатка 365
Канада 326
Канария 433
Канарские острова 416, 419, 426, 432, 433, 434
Кандалакша 222
Кандалакшская губа 222
Кантон, см. Гуанчжоу
Каписилик 296
Кап-Кьялярнес 332
Капрария, см. Фуэртевентура
Капская провинция 380
Каракидань 446
Каракорум 48
Карачар 131
Карачи 103
Карелия 220
Карлыктаг 194
Каспария 433
Каспий, см. Каспийское море
Каспийские Ворота 37, 78
Каспийские горы 187
Каспийское море 11, 22, 36, 38—40, 81, 91, 92, 135, 186, 193, 240, 242, 243, 245, 248, 252, 253, 275, 276, 480, 481
Кастилия 438
Катай, см. Китай
Катван 448
Каттегат 171, 173
Каукам 204
Каукаммели (Куилон) 204
Каш 102
Кашгар 103, 111, 131, 135, 136
Кашмир 102, 135, 136, 138
Квебек 344
Кведлинбург 283, 285, 286
Квенланд (Страна финнов) 212
Квидзынь 276
Кедах 49
Кейп-Код 340
Кельгейм 186
Кёльн 165, 166, 168, 417
Кенсингтон 109
Керри 119
Керулен 194, 446
Кесария 32
Кетилль-фьорд 296
Кешм 438
Кидрандж, см. Борнео
Киев 16, 244, 251, 252
Кизыл-Оцеин 435
Кизыл-Арват 480
Кии 163, 164
Киликия 89
Килиманджаро 424
Киль 432
Килькап 346
Кинхем 126
Кипин, см. Кабулистан

Кира, империя 446
Киргизия 101
Киргизский хребет 91
Кирьяланд, см. Карелия
Китай 6, 22, 23, 41—44, 46—51, 53, 54, 57—59, 63, 72, 73, 76, 77, 88, 90, 92—95, 99, 101—112, 131, 134, 135, 138, 162, 163, 182, 187, 191, 192, 194, 204—210, 259, 263, 273, 299, 300—303, 333, 353, 357, 418, 422, 423, 425, 426, 436—438, 449, 453, 471
  Восточный 191, 192
  Северный 187, 448
  Северо-Западный 101
  Центральный 79
  Южный 72, 79, 383
Китайская империя 22, 107
Китайская Народная Республика 48
Китайское море 195, 426
Клейн-Реде 179
Клетинов 406
Клодона, см. Клетинов
Клязьма 264
Когурё 57
Кожикоде 207
Козий остров, см. Капрария
Колва 223, 260, 262, 266, 268
Колобжег 406, 410, 412
Коломбо 471
Колумба остров, см. Эспаньола
Колумбо 471
Колыма 270
Кольбейнси, см. Мевенсклинт
Кольберг, см. Колобжег
Кольбрех, см. Колобжег
Кольдом 436
Коми АССР 212
Комор (Хомор) 318
Коморин 471
Комория 380
Коморские острова 387
Комр эль-(Лунные горы) 424
Комры, см. Мадагаскар
Конго 449, 458
Коннектикут 335
Конрон, мифические горы 162
Консепшен 343
Константинополь 16, 81, 91, 92, 142, 159, 244, 259, 368, 401, 403, 436, 438, 453, 454, 482
Корвей 166
Корея 42, 56, 57, 103, 182, 209, 210, 300, 301, 418, 419
  Южная 209
Коринф 68, 228
Коринфский залив 438
Коромандельский берег 236
Корриентес 381
Корфу 438
Кос 88
Котел Вулкана 409
Кофен, см. Кубань
Кохинхина (Намбо) 42
Кочин 471
Край Земли 401
Крайний север 186, 215, 261, 264, 266—268, 270, 271, 273, 275, 277, 280, 291, 375, 452
Краков 278
Красноводск 480
Красное море 65, 69, 76, 140—142, 236, 246, 388, 436, 438, 479
Кристиансанн 277
Ктесифон 470, 472
Куба 365, 372
Кубань, река 86, 91
Кубенское 266
Кудара, см. Япония
Куилон 204
Куксхафен 126
Куликово поле 273
Кульджа 193
Кумдан 109, 205
Кумул, см. Хами
Кунгур 276
Куньлунь 48, 73, 162, 163
Куньлуньцёнци 424
Курильские острова 55, 56
Курляндия 171, 172
Куро-Сиво 53, 54, 94, 162
Куфайя 417
Куча 102, 131, 136
Кюсю 163
Кюябе, см. Киев
Кяхта 193

Лабрадор 306, 307, 328, 336, 339, 342, 344, 345, 355
Лабрадорское течение 343
Ладога 258, 261
Ладожское озеро 245, 276, 417
Ладакх 48
Ланганес 462
Лангеланд 225
Лансароте 433
Лаодикея 364
Ларец Красного Будды (Чжифотан), см. Иршад
Латвийская ССР 171
Лаушань 47, 49
Левант 266
Легебалус 204

Ледовое море 379
Ледяные пустыни Гренландии 375, 379, 462, 463
Лейпциг 467, 468, 469, 473
Лесная земля, см. Маркланд
Ливия 141, 435
Ливорно 158
Лигурия 157
Лид-Вог 350
Лидия 183
Лимерик 144
Липпехам 158
Лиссабон 427, 430—434
Лобнор 48, 195
Ловать 245
Локс-Лэнд 307
Лоланд 225
Ломбардия 160
Лофотенские острова 374
Лоян 72, 108
Лубин 406, 412
Лунд 392, 398, 399
Лунные горы, см. Рувензори
Лунный остров 388
Лусон 163
Луцинер-Зе 408
Львов, остров 78
Любешево 231
Любляна 61
Любцин, см. Лубин
Люсу-фьорд 296
Люцю 93, 94
Ляньюнь, см. Сархади-Вахан
Ляодуньский полуостров 418

Магадха 103
Маганджа, см. Майнц
Магастар, см. Мадагаскар
Магдебург 278, 282, 285, 286
Магдефинг, см. Магдебург
Магнитная гора 208, 430, 452
Магога, земля 183
Мадагаскар 5, 380—388, 418, 424
Мадейра 433
Мадрас 236, 403, 470, 471, 473
Мазинбург, см. Мерзебург
Майлапур 471
Майли 193
Майнц 167, 168, 276, 281, 285, 286, 417
Макалех 242
Малабар 65, 471
Малабарский берег 64, 103, 207, 208, 236, 237, 238, 423
Малайский архипелаг 95, 421
Малакка 208, 383
Малаккский пролив 48, 425
Мале, см. Малабар, Малабарский берег
Мали, царство 420, 434
Малиахи, острова 388
Малиху, см. Мадагаскар
Малые Антильские острова, см. Антильские острова
Малый Балхан 480
Малый Бельт 213
Мальстрём 374
Мамисонская долина 87
Мандаравар 102
Маньчжурия 91
Мариенбургер-Вердер 231
Маркланд 6, 145, 149, 153, 320, 323, 325, 329, 330, 331, 333, 336, 342, 343, 348, 353, 354, 357, 389, 390, 398, 400
Марокко 174, 175, 210, 243, 275, 284, 347, 372, 381, 419, 424, 428, 430, 434
Северное 425
Марсель 438
Мартас-Вайньярд (Виноградник Марты) 334
Мары 480
Маскат 204
Масличная гора 158, 457
Массауа 68
Массачусетс, штат 306, 329, 334, 335, 339, 340, 341—345, 348, 355, 356, 358
Массилия (совр. Марсель) 146
Матхура 103
Маунт-Хоп 340
Мафия 382
Махьяварапура 97
Мевенсклинт 202
Медвежий остров 323, 325
Медвежьи острова 323
Медемблик 128
Мезериц 314
Мейсен 468
Мекка 251
Мекленбург 278, 282, 399, 407, 408, 413
Мексика 54, 400
Меларен 166, 169
Мелианур (Майлапур) 236, 472, 473
Мелик-шаха держава 446
Мемлебен 283
Менутиас 382
Меоре 225
Мерзебург 279, 283—286
Месопотамия 76, 184, 189, 191, 192, 237, 422, 452, 470, 472, 480, 481

Мессина 438
Мешхед 250
Мидийская стена 187
Мидия 185, 441
Мидлборо 355
Микава 162, 163
Микилин-Бург, см. Мекленбург
Микронезия 54, 421
Мингрелия 87
Миннесота 109
Минтаксейр 197
Миодал 426
Мира, город 247
Мирамичи, залив 334, 339
Мировой океан 177, 273, 278, 279, 280, 287, 288, 325, 333, 361
Мклагард, см. Царьград
Моабер 388
Могадишо 388
Могилев 275
Могилевская губерния 175
Мозамбик 380
Мозамбикское течение 381
Молуккские острова 420, 421
Момбаса 418
Монголия 193, 460
  Восточная 446
  Центральная 111
Монпелье 438
Моравские Ворота 61
Море Варваров, см. Балтийское море
Море варенков, см. Балтийское море
Море варягов, см. Балтийское море
Море Кроноса 291
Море Сенги 204
Море Син 195
Море тьмы 418, 426, 428, 430
Море эстов, см. Вислинский залив
Москва 261
Мосул 438
Моцелла, см. Марокко
Муланьии (Мавританская Испания) 424
Мулдава, см. Мульде
Мулосаньпулу, см. Мултан
Мултан 98
Мульде 278
Мурман 222
Мурманское побережье 374
Муром 276
Мыс Доброй Надежды, см. Доброй Надежды мыс
Мысленьцин 230
Мюнхен 479
Мюрар 277, 426

Нагапатам 49
Накина 328
Нанкин 47, 72, 204, 206
Наньси (Аньси) 131, 134, 138
Нарбонн 438
Наррагансетт, залив 348
Нарссарминт 310
Наумбург 278
Нева 245, 417
Нево, см. Ладожское озеро
Неджран 35
Нёйвид 186
Неман 244
Непал 103, 136
Нерфа 126
Нефритовые Ворота, см. Юймыньский проход
Нигер 419, 420
Нидерланды 286
Нижний Новгород 269
Никея 30
Никобарские острова 48
Нил 140—142, 424, 436, 438
  Белый 269, 419
  Голубой 419
  Суданский 419
Ниневия 49
Нипигон, озеро 325, 328, 356
Нипигон, река 328
Нисбон 435
Нихавенда 107
Нишапур 181
Ниян 100
Новая Англия 335
Новая Гренландия, см. Винланд
Новая Зеландия 382
Новая Земля 223, 464, 466
Новая Шотландия 306, 323, 339, 343, 344
Новгород 218, 221, 244, 251 255, 256, 261, 274, 277, 368
Новые Гебриды 421
Новый свет 54, 115, 121, 154, 308, 329, 330, 352, 353, 357
Ногат 318
Нокур, см. Вилья-Алусемас
Норвегия 23, 171, 178, 179, 197—200, 213, 217, 277, 291, 293, 297, 298, 305, 307, 308, 327, 336, 348—350, 352, 359, 370, 375, 378, 392, 417, 462—464
  Северная 214
  Центральная 146

Нордкап 214, 215, 218—222
Нордрсетур 293
Нортумберленд 358
Норфасунд, см. Гибралтарский пролив
Нотец 413
Нуб-Град, см. Наумбург
Нубия 185
Нью-Брансуик 334, 339, 340, 344
Нью-Йорк 306, 333
Нью-Йорк, штат 330
Ньюпорт 348
Ньюфаундленд 156, 306, 310, 323, 336, 337, 339, 340, 342—346, 348, 354, 390, 398

Оберстдорф 54
Оболла 436
Обь 189, 223, 224, 263, 264, 267
Овечий остров 427, 432, 433
Овечьи острова, см. Фарерские острова
Одер (Одра) 232, 287, 406, 407, 412, 414
Ойх 86
Ока 248, 264
Океан тьмы (мрака), см. Атлантический океан
Океания 382, 383, 421
Окс, см. Аму-Дарья
Октороген 37
Ольденбург, см. Хайтабю
Оман 204, 380, 436
Оманский залив 423
Оми 162
Онежское озеро 417
Опон 417
Онтарио 325—328, 356
Опалене 276
Оркады, см. Оркнейские острова
Оркнейские острова 115, 145, 148, 152, 155, 352, 359
Орлеан, остров 334
Орхон 417
Осетия 86
Осло 370, 376
Осло-фьорд 212
Остарсалт, см. Восточное море
Осташево 231
Отранто 438
Оэльфуса 197

Павия 157
Па-де-Кале 369
Падерборн 280, 285, 286
Палембанг 48, 49, 208
Палермо 416, 438
Палестина 32, 35, 184, 185
Палимботра, см. Паталипутра
Пальмира (штат Нью-Йорк) 330
Памир 5, 6, 103, 131, 133, 136, 138, 191, 192
Паннония 89
Панья, см. Гуанчжоу
Папей 144
Папили 144
Париж 26, 37, 48, 53, 416
Пассамакуодди, залив 340
Пасхи, остров 382, 480
Паталипутра 403
Пекин 58, 112
Пемба 424
Пенджаб 102
Пенджахсехар 242
Пене, пролив 232
Пене, река 173, 368, 407, 408, 413, 414, 415
Пермская губерния 259
Пермская котловина 259
Пермская область 212
Пермь, древние город и государство (см. также Биармия и Чердынь) 212, 223, 256, 259, 262, 263, 266, 268, 271
Персида, см. Персия
Персидская держава 76
Персидский залив 21, 205, 207, 246, 418, 438
Персия 63—65, 157, 185, 206, 238, 259, 263, 435, 441, 448, 452, 453, 470, 472
Перца, остров 420
Петербург 7
Петра 141, 482
Петронелль 61
Печера, см. Печора
Печора 223, 255, 256, 260, 262, 263, 266, 267, 272, 273, 417
Пешавар 102
Пиза 157, 160
Пиктский вал 186
Пиллауертиф (Тиф), проток 315
Пилтене 172
Пинтурия 433
Пиренейский полуостров 81, 177, 425
Пиритц, см. Пыжице
Писигсарфик 296
Пистолет, залив 340
Питтсбург 156
Плуитания 433
Поволжье 185
Полинезия 54

Польша 53, 279, 285, 312, 314, 315, 404, 407, 408, 411, 413
Померания 313, 314, 350, 391, 404, 405, 407, 408, 410—414
Поморская бухта 412
Поморье 404
Понапе 421
Понтийское море 248
Порт-Артур, Канада 325, 326, 328
Порте-Венере 158
Португалия 177, 215, 432
Прага 278, 279, 282, 285, 313
Преголя, река 232, 315, 316, 317, 318
Прибалтика 62, 172, 227, 259, 261, 275, 276, 368, 369, 370
Прикамье 185
Прикаспийская низменность 111
Приморск 232, 315, 316, 319
Присса, см. Пыжице
Приуралье 212
Прицлава 408
Причерноморье 244
Просня 61
Пруссия, Восточная 172, 227
Птиц, остров 149
Птичьих яиц, остров 149
Птуй 61
Пулю 131, 133
  Большой (Балтистан) 131, 133, 134, 135
  Малый (Вахан) 131, 133, 134, 138
Пунч 102
Пу-цзай 103
Пыжице 404, 405, 411, 412
Пэкче 57
Пяндж 131
Пятиречье, см. Пенджаб

Равенна 10, 37, 61, 228
Раджавар 102
Райдан 33
Ранга-фьорд 296
Раудесанд 295
Рега 406
Регенсбург 417
Резольюшен, остров 307
Рейдар-фьорд 198
Рейдарфьялль 198
Рейдер-Ау 179
Рейкьявик 197
Реймс 179
Рейн 168, 186, 417, 438
  Верхний 334
  Нижний 168, 286
Рейнская область 171
Рёйтлинген 431
Рерик 179
Ретра 399, 408
Риальто 445
Рим 15, 22, 30, 40, 76, 77, 123, 148, 160, 186, 214, 219, 234—236, 238, 259, 312—314, 352, 395, 396, 397, 399, 401—403, 416, 438, 456
Римская империя 5, 15, 21, 22, 25, 30, 31, 33, 34, 38, 61, 62, 76, 77, 105, 186, 229
  Восточная 15, 87, 88
  Западная 15
Римский вал 186, 187
Рин 281
Рингерике 341, 376, 377
Риню 162
Риони, река 87, 91
Ритур 482
Риустри, см. Рюстринген
Рогаторий 87
Род-Айленд 306, 335, 340, 348, 355
Ромейское государство, см. Византия
Роскилле 352, 367, 368
Россия 7—9, 175, 176, 184, 243, 244, 245, 252, 254, 258, 259, 261, 265, 266, 267, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 283, 370, 462, 464, 482
  Восточная 260, 262, 268
  Северная 262, 264, 274
Ротенбург 128
Руан 284
Рувензори 388, 424
Рудные горы 279
Русская равнина 111
Русь 8, 81, 182, 243, 252
Рюген 407, 408
Рюкю 94
Рюстринген 166, 168

Саба 27
Сабал (эс-), см. Япония
Саксония 408
Салава, см. Заале
Салоники 438
Сальтбром 374
Саманидов государство 276
Самара 37
Самарканд 80, 102, 111, 138, 181, 189, 191, 195, 259, 274, 435, 446, 447, 448, 449, 451, 453
Самарово 264
Самарра 180, 181, 188, 189, 190, 195
Санкт-Галлен 161
Санток 413
Сануки 163
Сарагоса 438

Саргассово море 372, 431, 434
Сарды 184
Сари 242
Сарматские горы 225
Сархади-Вахан 131—133, 136, 137, 138
Сарыкол 131, 136
Сарыколь 103
Сасанидов держава 69, 76, 92, 108
Сасу 64
Сатледж 103
Саут-Белл-Айл 343
Сафи 428, 429, 434
Сахалин 51, 53, 55, 56, 58
Сахара 432
Свальбард (Холодный берег) 462, 463, 464
Свания 87
Сват 102
Свеаланд, см. Швеция
Свене, река 413, 414, 415
Свольдера 322, 350
Святая земля 142, 159, 161, 183, 440, 454, 455, 468, 469, 470, 473
Святая страна, см. Хейлигланд
Святого Лаврентия залив 339, 343, 344, 345
Святого Лаврентия река 334, 400
Святого Фомы город 467, 473
Святого Фомы страна (государство) 467, 469, 470, 472
Святой Нос 221, 374
Себу 422
Северная Двина 218, 219, 220, 221, 222, 224, 251, 261, 263, 266, 417
Северное море 61, 171, 173, 178, 179, 228, 265, 369
Северное море (Балтийское море) 280
Северное море (Ледовитый океан) 273, 362
Северный Ледовитый Океан 7, 215, 219, 220, 221, 222, 223, 251, 254, 260, 261, 266, 267, 270, 271, 273, 274, 293, 363, 365, 369, 372, 373, 376, 377, 378, 463
Северный океан 226, 369, 372, 375
Северный полюс 361, 365
Северный полярный круг 273
Севилья 174, 177, 244
Селенга 194, 446, 448
Семирамиды стена 187
Сен-Винсент 347
Сендерфулат 204
Сенегал 419, 420
Сенеф 204
Серендиба, см. Цейлон
Серийская Индия 78, 80
Серийская страна 37, 78
Серийский океан 36, 38, 39, 40, 78
Серийское море 37
Серинда 6, 74, 77—81, 89
Сеута 416
Сиань 101, 102
Сибирь 189, 223, 260, 262, 264, 266, 267, 463, 464, 470
  Восточная 270
  Западная 250, 263, 264
Сигтуна 169, 229, 317, 417
Сила (Аравия) 33
Сила (Япония) 182, 300, 301
Сила (Корея) 204, 209, 210, 300, 301, 418
Силвиш 177
Силезия 404
  Верхняя 61, 125
Силла 57, 209, 301
Силленде 213
Симло 209
Синайские горы 479
Синайский полуостров 34, 65
Сингхала, см. Цейлон
Сингхала-Двипа, см. Цейлон
Синд (Восточная Африка) 63, 436
Синд (Диул-Синд в дельте Ганга) 65
Синра 206
Синту (Инд) 45, 97, 98
Синьань 106, 108, 109
Сираги 209
Сираф 204, 205, 208
Сирия 32, 67, 88, 105, 107, 108, 109, 131, 138, 184, 236, 370, 441, 449, 458
Сицилия 351, 357, 370, 416, 424, 426, 438
Скаген 347
Скагеррак 171, 173
Скальхольт 390
Скандинавия 13, 170, 177, 178, 216, 218, 223, 225, 227, 233, 243, 261, 274, 369, 408, 417
Скифский океан 38
Сконе 213
Скрелингерланд (Винланд) 341, 353
Скридивиндия 298
Слабая река, см. Сои
Слистроп, см. Шлезвиг
Снайфедль (Дранга-Екул) 200, 202
Снайфедльснес 200, 289
Снежная Земля, см. Исландия
Согд, древний 259, 263
Согдиана 80, 81, 83, 88, 89, 90, 91, 135
Сои (Гилгит) 131, 133, 134, 137

Сокотра 64
Соликамск 276
Сомали 63, 64, 424
Сопс-Бей 346
Софала 301, 381, 418
Средиземное море 142, 160, 185, 425, 436, 479
Средиземноморье 15, 35, 77, 424
Срединная империя 22, 43, 105, 106, 108, 112, 300
Средний Восток 183
Срибуца, см. Палембанг
Сривиджайя, см. Палембанг
Сринагар 102
СССР 243, 274, 275, 446, 480
Ставангер 178
Стад 200
Сталинград 240
Стамфорд-Бридж 371
Старгард, см. Старогруд
Старогруд 411
Старый свет 11
Стейненснес 390
Стейнсё, остров 178
Стиклестад 370
Стокгольм 266
Страна аланов 87
Страна белокурых людей, см. Хвитраманналанд
Страна белых людей, см. Хвитраманналанд
Страна венедов 399
Страна винограда, см. Винланд
Страна виноградников, см. Испания
Страна гуннов 64
Страна золота (Ирландия) 478
Страна золота (Япония) 303
Страна карлуков 436
Страна львов, см. Цейлон
Страна мавров 460
Страна миндимианов (миусимианов) 87
Страна норманнов 212
Страна ободритов 282
Страна пастбищ, см. Винланд
Страна пруссов 230, 311, 313, 314, 316, 317, 391, 411
Страна серов 38, 39, 75, 78, 80, 192
Страна скрелингов 145, 152
Страна согдийцев 84
Страна тагазгазов 204, 210
Страна трески 379
Страна тьмы (Страна мрака) 246, 257, 266—268, 270
Страна финнов 212
Страна франков 281, 285, 435, 436
Страна хазар 250
Страна холиатов (хвалисов) 85—86
Страна шелка 38, 74, 76, 77
Страна эфиопов 31
Страна янтаря 62
Страумнскин 374
Страум-фьорд 324, 389, 390
Страшный Берег 323
Сугдак, см. Согдиана
Судан 419
Сузы 438, 443
Сулавеси, см. Целебес
Суле, см. Кашгар
Сулу, острова 209
Суматра 208, 301, 385, 386, 420
Сура 264
Сутрейские острова 298
Суэц 436
Суэцкий залив 140—142
Суэцкий канал 140, 142, 235, 479
Схерия 169
Сцирингсаль 212, 213
США 335, 340
Сыр-Дарья 80, 91, 107, 108, 135, 189, 193, 210
Сэнгэндзи 162
Табаристан 241, 242
Тавр 36, 39
Тагузгуз (Тагазгаз) 210, 436
Тайвань 93, 94, 95
Такла-Макан 103
Таксила 99, 102
Такшашила, см. Таксила
Таласс 86, 91, 102, 138, 195
Тамалипти 45, 49
Тамлук 48, 103
Тана 64, 419
Тангут 111
Тандберг 376
Танжер 175
Тапробан, см. Цейлон
Таримская впадина 41, 42, 80, 103, 106, 107, 136, 137, 139, 191, 192
Тарракон 13, 37
Тарсис 49
Тартария 466
Тасермиут 296
Тафар 68
Тахань 51, 53
Тачашило, см. Таксила
Таш, см. Ташкент
Ташкент 102, 138
Ташкурган 131, 136
Тбилиси 180, 236
Текес 91

Телемарк 297
Тендук 194
Теперифе 434
Термез 102
Тессел 126
Течений, залив 323
Течений, остров 323
Тиамо 33
Тибет 204, 210, 417, 435, 440
Тивериада 455
Тигр 189, 264, 436, 441, 442, 453
Тимура, монгольская империя 446
Тина 192
Тингстеде 169
Тир 25—31, 33—35
Тиф, см. Пиллауертиф
Тифлис, см. Тбилиси
Тихий океан 38, 39, 40, 53, 78, 88, 183, 195, 282, 421, 422, 423, 430, 437
Тоббот, см. Тибет
Тобол 264
Тобольск 264
Тобот, см. Тибет
Токмак 102
Толеман 131
Тонкинский залив 452
Тори 309
Торонто 326, 328
Тортоса 284
Тоса 163, 164
Тохаристан 102, 103, 138
Тохуз-Огуз 210
Трабзон (Трапезунд) 87, 91
Трансоксания 90
Траяна река 141
Траянов вал 186
Трене 171, 178, 179, 213
Тронхейм 350, 370—371, 399
Трунбо 72, 162, 192
Трусо (совр. Эльблонг) 172, 225, 226, 228—231, 233, 317—319
Тсиниста, см. Китай
Тудела 438
Туле 143, 144, 146, 147, 156, 197, 291, 372
Тунугдлиарфик 296
Тура 267
Туркестан 80, 102, 452
  Восточный 80, 448
  Западный 101, 448
  Китайский 107
Турфан 48, 136
Тэндзику, см. Индия
Тяньтецюнь 194
Тяньцю (перевал Даркот) 131, 132, 137
Тянь-Шань 91, 102, 136, 189, 193, 448
Узбекская ССР 482
Узбой 480
Узда 404
Узедом 407, 410, 412, 413
Узноймия, см. Узедом
Ульна, см. Хульна
Упсала 227, 399
Урал 189, 223, 243, 260, 267
  Северный 261
Урал, река 86, 189
Усили, см. Египет
Успенское 252
Утакханда 102
Утрехт 129, 281, 284—287
Уш, см. Узда
Уэд-Дра 434
Уэдмор 216
Уэссекс 214
Уярагссуит 296

Фазис, см. Риони
Фалассар 435
Фальстер 225
Фарама 436
Фарвель 201, 375, 466
Фарерские острова 10, 113, 115, 117, 118, 119, 126, 146, 148, 153, 154, 197, 198, 199, 290, 298, 365, 432, 477
Фареры, см. Фарерские острова
Фарие, см. Фарерские острова
Фария, остров 124
Фатимидов, государство 283
Фельдберг 408
Фергана 102, 135
Фергана, страна 436
Ферро 119
Фес 157, 284
Фивы 438
Филиппины 94, 162, 383, 420, 422
Фингалова пещера 335
Финикия 28
Финляндия 172, 220, 266, 277, 352, 368, 417
Финмаркен 417
Финский залив 227, 368
Фисон, см. Ганг
Фишгаузен, см. Приморск
Флорес 420
Флорида 153—155, 340, 346—348, 477
Фор-Корнерс 355
Фосите (Фосете), страна 7, 123—130
Фоссете, см. Фес
Фостенбург, см. Ротенбург
Фракия 185
Франция 53, 65, 114, 117, 282, 335, 407, 437

Фредериксдаль 310
Фригия 183
Фрисландия 123, 125, 127—130, 166—168, 359, 411
Фулинь, см. Сирия
Фульда 281, 285, 286
Фусан, страна 6, 51—59, 72, 431
Фуцзянь 423
Фуэртевентура 432

Хавак 103, 137
Хаддебю-Нор 179
Хаделы 124
Хазария 259
Хазарская река, см. Волга
Хазарский каганат 248
Хазарское море, см. Каспийское море
Хайберский перевал 102
Хайнань 209
Хайтабю 171, 178, 213, 225, 228, 229
Халифат (Багдадский) 120, 159, 161, 188, 245, 246, 269, 481
Халогаланд, см. Хельгеланн
Халхин-Гол 194, 446
Хальмахера, см. Джайлоло
Хальсингальдия 298
Хамаренс 395
Хами 102, 193—196
Хамийская впадина 193, 194
Хамлюдж, см. Сталинград
Ханчжоу 207
Ханьфу 205
Харан 438
Харисан 252
Хафбот 462
Хафель 407, 408
Хвамс-фьорд 290
Хварсгнипа 289
Хварф 293
Хвитраманналанд (Страна белых людей, Большая Ирландия) 6, 143 144, 148, 149, 151—156
Хёгель 130
Хедабю, см. Хайтабю
Хедум, см. Хайтабю
Хейлигланд 125
Хеллуланд (совр. Ньюфаундленд) 6, 320, 323, 325, 329, 330, 331, 335, 336, 340, 353, 357
Хельгеланн 212, 216, 350
Хельсингландия 290
Хёнен 376, 377, 379
Херефорд 416
Херкендское море, см. Бенгальский залив
Херсонес Кимврийский 172
Херьюлфенес (Икигайт) 292, 296, 305
Хетум, см. Хайтабю
Хиджаз 436
Химьярития, см. Йемен
Хиранья 96
Хираньяпаравата 96
Хихон 177
Ходн 202
Холар 390
Холенбах 467, 472
Холинун 313, 318
Холмогоры 221, 222, 261, 266
Холодный берег, см. Свальбард
Хольмгард, см. Холмогоры
Хольмлатр 290
Хомор, см. Комор
Хорасан 90, 107, 181, 189, 191, 252, 449
Хорезм 250, 448
Хотан 40, 80, 98, 99, 100, 103, 131
Храфнс-фьорд 290
Христиания, см. Осло
Хуанхэ 194
Хугли 45, 103
Хузестан 438
Хульна 402, 403
Хуми, см. Вахан
Хунли 424
Хэнань 49, 73, 192

Царьград, см. Константинополь
Цейлон 6, 43, 44, 45, 48, 49, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 76, 78, 79, 81, 102, 103, 106, 207, 208, 238, 269, 418, 470, 471, 472
Целебес 420
Целле 61
Цёнба, см. Занзибар
Черне 381
Цзиньцзя, см. Ганг
Цзунлин 131, 136
Цинистан, см. Китай
Цинчжоу 47
Цунлин (Ташкурган) 44, 45
Цюаньчжоу 423
Цючжоло, см. Гуджара

Чампа 97
Чангуан 47
Чанъань 44, 47, 101, 105, 108, 139, 191
Чека 102
Челифоче, см. Палембанг
Ченьпо, см. Чампа

Чепо, см. Палембанг
Чердынь 223, 259, 260, 262, 263, 264, 266, 268—272, 276, 424
Черное море 13, 87, 184, 186, 244, 245, 258, 417
Черное течение, см. Куро-Сиво
Чесапикский залив 340
Чехия 279, 312
Чехмеруд 242
Чженьси 194
Чжифотан, см. Иршад
Чжусатана, см. Хотан
Чили 364
Чинаб 102
Чипангу, см. Япония
Читрал 138
Чордин, см. Чердынь
Чукотский полуостров 365
Чулыман 258
Чусовая 264
Чусовское озеро 260

Шаньдун 47, 103, 192
Шаньдунский полуостров 49
Шариван 241
Шатт-эль-Араб 470
Швейцария 117
Шверин 278, 284, 286, 408
Швеция 165, 166, 167, 169—173, 198, 212, 225, 228, 244, 275, 277, 298, 368, 369, 391
Шексна 264, 266
Шеншен 44
Шерборн 238
Шетландские острова 115, 145, 365, 477
Шильб, см. Силвиш
Шимеруд, см. Чехмеруд
Шини, см. Шугнан
Ширабад 481, 482
Шкеде 172
Шлезвиг 128, 168, 170—172, 178, 179, 213, 226, 228, 280, 284, 286, 287, 368, 369, 417
Шлезвиг-Гольштейн 61
Шлей, залив 178, 214
Шлей, река 179, 213, 226
Шлешвик, см. Шлезвиг
Шола, см. Корея
Шотландия 220, 358, 426
Шпицберген 243, 358, 462, 463, 464, 466
Штеттин, см. Щецин
Штольберг 128, 130
Штольбергский останец гестов 128, 129
Шугнан 131, 136
Шушит, см. Зост
Шэньси 73, 109
Шюла, см. Силла

Щецин 405—407, 411—413
Щецинский залив 316, 406, 412

Эбро 438
Эбульда, см. Фульда
Эгейское море 228, 370
Эдесса 237, 450, 470, 472
Эдингтон 217
Эйдер 178, 179, 213
Эйнар-фьорд 296
Эйрар, см. Исландия
Эйрика, остров 289, 290
Эйриков залив, см. Эйрикс-фьорд
Эйрикс-фьорд 289, 290, 296, 322
Эйриксхольм 289
Эйстрибюгд (Восточное поселение), см. Эстербюгд
Эктабана 441
Эктеле, см. Алтай
Элапд 225
Эллада 120
Эллингштедт 171, 179
Эльба 124, 127, 128, 166, 407, 417
Эльбинг, см. Эльблонгская Висла
Эльблонг 61, 172, 226, 228, 230, 231, 417
Эльблонгская Висла 225, 226, 230, 231, 317—319
Эльдорадо 271, 338
Эль-Курна 438
Эмба 86
Эмодские горы 37
Эпорегия, см. Иврея
Эрза, см. Арбан
Эрланген 379
Эрта 268, 269
Эспаньола (Гаити) 303
Эспартель 174
Эстербюгд 292, 294, 295, 390
Эстония 227, 259, 417
Эстонское море, см. Вислинский залив
Эфиопия 28, 29, 31, 32, 34, 35, 63—65, 69, 70, 381, 423, 431, 438, 449, 452, 453, 456—460

Юаньпэй 93
Югорская земля 256, 258, 277
Югорский Шар 267, 466
Югра 7, 223, 267, 268, 270, 271
Юймыньский проход 190
Южные моря 54, 120
Южный континент 302

Юлдус 91
Юлианехоб 295, 296
Юлийский горный проход 346, 347
Юлин (Волин) 287, 288, 405, 406, 409, 410, 412—414
Юмна (Винета) 287, 288, 368, 408, 409, 410, 413, 414
Юнония 433
Юнъань 93
Юпоти, см. Ява
Ютландия 82, 172, 173, 178, 179, 213

Ява 6, 44, 46, 48, 208, 380, 383, 384, 385, 386, 420
Ява, город, см. Палембанг
Явадвипа, город, см. Палембанг
Ямал 223
Ямато 58, 79, 301
Ямбула, остров 382, 385, 386
Янги-Давань 48
Ян-Майен 463
Янтарный остров 129
Янчжоу 47
Яп 421, 422
Япония (Японские острова) 42, 53, 56—59, 72, 73, 94, 103, 112, 162—164, 182, 209, 210, 299—303, 372, 418, 419, 483
Яркенд 98, 103
Ярмук 107
Ясин 131, 137

Р. ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Редактор *О. И. Фельдман*
Художник *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Н. В. Зотова*

Сдано в производство 24/XII 1960 г.
Подписано к печати 3/V 1961 г.
Бумага 60×92¹/₁₆ = 16,7 бум. л.
33,3 печ. л., в т/ч. 7 вкл.
Уч.-изд. л. 37,9. Изд. № 11/4932
Цена 2 р. 90 к. Зак. 748

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Московская типография № 5
Мосгорсовнархоза
Москва, Трехпрудный пер., 9